Институт К. Маркса и Ф. Энгельса

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ
К. Маркса и Ф. Энгельса

под редакцией
Д. Рязанова

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ

К. Маркса и Ф. Энгельса

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1929 — ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главл. А-32005. И. 1. Гиз 28483.
Заказ 3446. Тираж 4 000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ и ИССЛЕДОВАНИЯ

Стр.

В. Максимовский. Вико и его теория общественных круговоротов 7

И. Рубин. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса . 63

В. Волгин. Социологические взгляды Фурье 92

М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана 123

Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 году . 165

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Из «Немецкой идеологии» (С предисловием Д. Рязанова) 215

Ф. Энгельс. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса (С предисловием Д. Рязанова) 292

К. Маркс. Выписки из сочинений Макиавелли (Со вступительной статьей В. Максимовского) 332

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса 356

Е. Косминский. Энгельс и Бюре. 424

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Ф. Потемкин. Промышленная революция во Франции по новейшим работам 435
И. Рубин. Новый «Анти-Маркс» 454

РЕЦЕНЗИИ

I. Исторический материализм 464
II. Политическая экономия 485
III. История социализма и рабочего движения 496

* * *

Письма в редакцию 512

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИКО И ЕГО ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГОВОРОТОВ

В работах Маркса мы не раз встречаем ссылки на Вико. Так, говоря о значении развития производительных сил в истории человеческого общества, Маркс поясняет: «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами?» («Капитал» т. I, Гиз, 1923, стр. 349).

В письме к Энгельсу от 28 апреля 1862 г. Маркс вспоминает замечание Вико, что «Германия — единственная страна, где еще говорят на «героическом (т. е. свойственном феодальной эпохе) языке», и иронически добавляет, что если бы Вико «имел удовольствие познакомиться с теперешней «Венской прессой» или с «Берлинской национальной газетой», то старый неаполитанец отказался бы от этого ошибочного мнения» [1], так как язык этих почтенных органов далеко не героический.

В недавно опубликованной на немецком языке переписке Лассаля мы находим письмо Маркса, почти наполовину посвященное Вико. Маркс, прочтя книгу Лассаля: «Система приобретенных прав», пишет ему (того же 28 апреля 1862 года) следующее: «Ad vocem[2] твоего сочинения, которое я, конечно, теперь прочел целиком (некоторые главы дважды), мне бросилось в глаза, что ты, кажется, не читал «Новую науку» Вико. Не потому, что ты там мог бы найти что-нибудь, соответствующее поставленной тобой в этой работе задаче, но как философское объяснение духа римского права, противоположное объяснениям филистеров юридической науки. В оригинале ты едва ли мог бы разобраться, потому что он написан даже не на итальянском, а на очень замысловатом неаполитанском наречии. Вместо оригинала посылаю тебе французский перевод: «La Science Nouvelle etc. traduite par l'auteur de l'Essai sur la formation du dogme catholique», Paris, Charpentier editeur, 1844». Для того, чтобы возбудить твой аппетит, цитирую только следующие положения (по-французски): «Древнее римское

[1] «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883», herausgegeben von Ed. Bernstein», Stuttgart, 1913, B. III., S. 58.

[2] По поводу.

право было серьезной поэмой, а древняя юриспруденция была суровой поэзией, в которой были заключены первые усилия юридической метафизики». «Древняя юриспруденция была весьма поэтической, так как она предполагала действительными факты, которые таковыми не были, и отказывалась признать за действительные факты, которые были таковыми на самом деле, потому что она принимала живых за мертвых и мертвых за живых в их наследстве». «Латиняне называли героев heri [1], откуда происходит слово hereditas (наследство)». «Наследник, в отношении наследства, представляет собой умершего отца семейства». Вико содержит в себе зачатки Вольфа (Гомер), Нибура (история римских царей), основные положения сравнительного языковедения (хотя и фантастические) и еще целую кучу (viel Schock) гениальных вещей. Его собственных юридических сочинений я до сих пор не мог достать» [2].

Из этого ясно, что в 1862 году Маркс внимательно читал Вико и дал ему весьма высокую оценку, несомненно, использовав ряд его мыслей.

Изучая исторические корни марксизма, мы не можем пройти мимо Вико, который был одним из первых писателей, пытавшихся создать научную теорию общества. В этом смысле он является одним из предшественников «марксистской социологии» (Бухарин) — исторического материализма, хотя его взгляды иногда и «фантастичны». Мы находим у него зачатки экономического объяснения истории, зачатки — и очень значительные — теории классовой борьбы, примитивную и грубую диалектику. Характеристике социологических воззрений Вико и посвящена настоящая работа.

I. ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ВИКО

Джованни-Баттиста Вико родился в Неаполе 23 июня 1668 г. Всю свою жизнь он прожил, как типичный профессионал-интеллигент. Сын мелкого книготорговца, он рано начал учиться и с самого детства проявил огромные способности. Он учился у иезуитов, бросил школу, неудовлетворенный бесконечным повторением «задов» и обиженный несправедливостью учителей. Учился сам, просиживая ночи над книгами. Учился он, как тогда водилось, у «философов», из которых один был номиналист, другой — формально последователь Дунса Скотта, а фактически — скептик. Вико не удовлетворился и их «наукой». Вновь принялся он самостоятельно работать, учиться и исследовать. Он изучил Suarez'a, по совету отца стал изучать римское право у крупного итальянского юриста Франческо Верде. Шестнадцати лет он выступил успешно как защитник в процессе своего отца перед «священным советом» и судом в Неаполе. Затем он прожил девять лет в качестве домашнего учителя у другого юриста — епископа

[1] Т. е., по Вико, феодальную аристократию. (См. *Vico*, Principj di Scienza Nuova», Napoli, 1859, p. 146.)

[2] «*Ferdinand Lassale*, Nachgelassene Briefe und Schriften. Herausgegeben von Gustaw Mayer, Stuttgart — Berlin, 1922, B. III., S. 387—388. Маркс цитирует стр. 171, 363 и 367 указ. им франц. издания «Новой науки».

Искии Дж.-Б. Рокка в замке Ватолла в Салерно. Писал стихи, изучил поэзию, латинскую и итальянскую, затем вопросы этики и ряд других философских вопросов.

Вслед за крупными итальянскими философами, Джордано Бруно и Марсилио Фичино, он подвергся сильному влиянию платоновского идеализма. Вико занимался также физикой (высказываясь против физики Эпикура и Декарта), геометрией (которая ему не нравилась как приводящая к специальным вопросам), математикой вообще (он применял ее в работе «De universi juris etc.»). Изучив подробно материалистов Эпикура, Лукреция, Гассенди, он только укрепился в платонических взглядах.

Вико вернулся в Неаполь в эпоху расцвета картезианства. Там он занялся изучением классической римской прозы, в том числе Тацита. Все время нуждаясь, обремененный большой семьей, он по заказу сочинял стихи, статьи, речи по разным поводам, для поднесения вице-королю и т. п.; в 1697 г. он занял должность профессора реторики в Неаполитанском университете. В это время его любимым писателем, кроме Платона и Тацита, стал Фр. Бэкон. Сам Вико дал о нем такой отзыв: это — «человек действительно несравненный, который владеет двумя мудростями — теоретической и практической, как глубокий философ и великий государственный работник» [1].

Вико был блестящим лектором и достиг известной популярности в ученой среде прежде всего своими вступительными лекциями. Эти лекции далеко выходили за пределы науки, курс которой он читал [2].

По заказам разных лиц и по разным поводам Вико писал и «Панегирик Филиппу V Испанскому», и «О партенопейском (неаполитанском) заговоре» [3], и надписи на памятниках умершим, в том числе императрице Элеоноре, и монолог «Юнона перед танцами», сочинял стихи и т. п.

---

[1] См. «Mémoires de Vico, écrits par lui-même etc». Bruxelles, 1837, p. 77.

[2] Темы интересны для характеристики их автора. В 1699 г. — «О человеческих способностях и трудолюбии»; в 1700 г. — «О развитии души до полной добродетельности на основе истин, заключающихся в нашем разуме»; в 1701 г. — «Всякий обман, всякая интрига должны быть изгнаны из республики ученых, если мы хотим приобрести истинные, а не ложные знания, основательные, а не пустые»; в 1704 г. — «Кто хочет найти в ученье выгоду и честь, должен работать для славы, т. е. для всеобщего блага»; в 1705 г. — «Эпохи славы и могущества человеческих обществ были эпохами, когда процветали науки»; в 1707 г. — «О цели и о порядке изучения наук» (в этой лекции устанавливается такой порядок: сначала надо изучать языки, требующие детской памяти, потом исторические повествования, историю, физику, естественные науки вообще, поскольку у юношей преобладают чувства, затем логику, философию, религию, право; необходимо стремиться к установлению единства научного знания); в 1708 г. Вико произнес речь «О наших научных методах и античных», развивающую мысль об объединении всех наук в одной системе (ср. «Novum Organum» Бэкона). В 1719 г. он прочел вступительную лекцию на тему: «Все элементы божеского и человеческого знания сводятся к трем: узнавать, хотеть, мочь; их единственный принцип — разум» и т. д.

[3] Неудачный заговор в Неаполе принца Macchia и др. представителей знати в пользу Австрии.

Затем появляются его научные труды: в 1709 г. — «De nostri temporis studiorum ratione» («О современном научном методе») [1]; в 1710 г. — «De antiquissima Italorum sapientia ex linguae latinae originibus eruenda» («О древнейшем итальянском мировоззрении, выводимом из основ латинского языка»). Эта книга вызвала большие споры.

В 1711—1712 гг., работая по заказу над биографией генерала Антонио Карафа [2], Вико прочел сочинение Гуго Гроция «О праве войны и мира», оказавшее на него большое влияние. Результатом его работы было роскошное издание «De rebus gestis Ant. Caraphaei libri IV» («Четыре книги о деятельности Ант. Карафы» — Неаполь, 1716 г.).

В 1720 и 1721 гг. появляются две его работы в области философии и истории права: «De universi juris uno principio et fine uno» («О едином основании и единой цели всеобщего права») и «De constantia jurisprudentis» («О постоянстве законов. Эти книги были одобрены известным в то время протестантским ученым критиком Жаном Леклерком (профессором в Амстердаме). Такое одобрение иностранного ученого возбудило неудовольствие среди некоторых соотечественников Вико, особенно специалистов в области теории права. В это время Вико начинает изучать Гомера (мы увидим впоследствии, сколь значительны были результаты этого изучения) и в 1722 г. отвечает критикам его юридических работ новой работой «Notae in duos libros» etc. («Замечания по поводу двух книг» и т. д.).

Тогда же Вико выставляет свою кандидатуру на освободившуюся кафедру права, одну из наиболее важных в университете. Тут его постигла неудача. По его словам, он блестяще провел лекцию, но, несмотря на то, кафедры не получил. Причины этого не вполне выяснены до сих пор. Их разбирает, по новейшим данным, итальянский автор Виаджо Бруджи в специальном номере итальянского журнала: «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto» за 1925 год, посвященном целиком Вико по случаю 200-летнего юбилея первого издания «Новой науки». По его мнению, главной причиной провала Вико было глубокое противоречие его взглядов и взглядов современной ему итальянской школы юристов. Ознакомившись с этой полусхоластической школой толкователей римского права, он не удовлетворился ее идеями и дал очень резкую их критику. Вико считал комментаторов римского права простыми его историками, сам же пытался найти внеюридические основания римского права в римском общественном строе. Он осудил и аналитический метод, господствовавший в современной ему юридической науке, называя го копанием в «мельчайших и бесполезнейших вещах» и законах [3]. Кроме того, надо иметь в виду, что от университетских лекций тре-

---

[1] К этому же времени относится его очень слабая работа по физиологии человека: «De Aequilibrio corporis animantis» («О равновесии одушевленного тела»).

[2] Крупный военный деятель того времени, происходивший из знатного неаполитанского рода и прославившийся на службе Австрии.

[3] *Biagio Brugi*, Rileggendo l'Autobiografia di G.-B. Vico. («Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto», anno V, fasc. III, 1925, стр. 315 и сл.)

бовался тогда, естественно, тот же подробнейший анализ существующих уже юридических положений и самих законов, богатство цитат, имен авторов, строгая систематичность изложения и т. п. Вико, повидимому, в первой половине лекции пытался следовать общепринятому методу, замаскировывая этим свои взгляды, расходившиеся с господствовавшей школой, но во второй части он применял открыто свой метод. Новизна и недостаточный порядок в построении лекции могли произвести неблагоприятное впечатление на профессорский совет, в большинстве отстаивавший старые методы. Кроме того, у Вико было 14 конкурентов, в большинстве, наверное, примыкавших к старой школе. С другой стороны, Вико ссылается на то, что он не имел достаточных связей и не смог или не сумел возместить их той порцией подхалимства, которая в подобных случаях обыкновенно бывает необходима. Как показал Б. Кроче, его кандидатура даже не баллотировалась [1].

Эта неудача подействовала на него возбуждающим образом: он углубляется в изучение общественных наук, и через три года выходит в свет (в конце 1725 г.) его основная работа «Principj di una scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni» («Принципы новой науки об общей природе наций»).

Остальная часть жизни Вико была посвящена развитию тех мыслей, которые изложены в «Принципах новой науки», подготовке к печати новых изданий этой книги и полемике по поводу нее. В 1727 г. в ответ на критику «Лейпцигского журнала» он написал «Notae in acta eruditorum Lipsiensia» («Замечания на журнал лейпцигских ученых»).

В 1728 г. из Венеции прислали автору просьбу переиздать «Новую науку». В 1730 г. появилось второе, а в 1744 г. — третье исправленное и дополненное издание, которое было подготовлено автором в последние годы жизни и вышло из печати тогда, когда Вико уже не было в живых.

Во второй половине своей жизни Вико преподавал у себя дома частным порядком реторику и латинскую литературу, знакомя своих учеников и с «Новой наукой». По словам одного из них, Вико написал для этих своих занятий рукописи: «Istituzione oratorie» («Правила красноречия») и «Annotazioni sopra gli Annali di Tacito» («Примечания к Анналам Тацита») [2].

В это же время Вико написал свою автобиографию.

В последние годы жизни Вико потерял работоспособность, и его заменил на кафедре его сын, сторонник взглядов отца, продолжавший его дело. Вико умер 20 января 1744 г.

Человек, вызывавший при жизни своей крайне различное к себе отношение, и после смерти оказался предметом разногласия; когда его тело надо было нести в могилу, его приход и профессора университета поспорили,

---

[1] Там же, стр. 318.

[2] *Gioele Solari*, Vico e Pagano. Per la storia della tradizione vichiana in Napoli nel secolo XVIII (в том же номере «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto», стр. 321). Первая из этих работ была впоследствии напечатана.

кому нести балдахин над гробом, и приход оставил тело на улице. Поэтому Вико похоронили без должной помпы, и хотя «Новая наука» в 1826 г. вышла в Неаполе 8-м изданием, до 1789 г. на его могиле не было никакой надписи. Может быть, это имеет связь с тем, что его многочисленные католические противники обвиняли книгу в противоречии с религией. Несмотря на то, что Вико публично высказывался всегда как твердый католик, он не был, повидимому, в полном смысле этого слова религиозным человеком. Много потрудившийся над популяризацией Вико и его взглядов Бенедетто Кроче в своем докладе о Вико, прочитанном в «Неаполитанском обществе отечественной истории» в 1909 г., обращает внимание на то, что в числе друзей Вико был некий д-р Джиацинто Кристофоро, скрывшийся от ареста в 1692 г. и принадлежавший к кружку молодежи, который «святая инквизиция» определяла как секту эпикурейцев и атеистов, «предполагающих, что душа умирает вместе с телом». По мнению Кроче, возможно, что Вико в молодости имел отношение к этому кружку, так как его друг Кристофоро стоял во главе кружка, а сам Вико в одном письме, относящемся к 1720 г., вспоминает «слабости и ошибки, относящиеся к его ранней юности», благодаря которым неаполитанцы, по его словам, и много позднее также плохо судили о нем [1]. Письмо его к одному из его современников (Франческо Солла) говорит о каких-то преследованиях за книгу «Новая наука», грозящих ему смертью, тюрьмой или изгнанием [2]. Однако, что бы там ни говорили, а Вико, посвятивший свою книгу кардиналу Корсини — папе Клименту XII, умер добрым католиком.

Что же интересно для нас, что «гениально» в этой книге? Что такое эта «Новая наука»?

II. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР «НОВОЙ НАУКИ»

Французский переводчик и комментатор «Новой науки» Мишле приводит мнение о ней итальянского профессора Монти: «Эта книга — гора бесплодная и дикая, которая таит в себе золотые рудники». Мишле находит, наоборот, что на этой горе слишком роскошная растительность [3].

Конечно, это — гора, потому что трудно было охватить тогдашнему читателю, несмотря на всю ясность и силу изложения Вико, огромный социологический очерк, который набрасывает перед ним автор. Общая схема этого очерка ясна и проста; кажется действительно, что «гора» — дика и бесплодна, но эта схема снабжена массой иллюстраций, она настолько живыми нитями связана с историей и с различными отраслями обществен-

---

[1] См. доклад Б. Кроче «О жизни и характере Вико», прочитанный в Неаполитанском обществе отечественной истории 14 апреля 1909 г., приложенный к французскому изданию «La Philosophie de G.-B. Vico», Paris, 1913, p. 276.

[2] «Mémoires de Vico écrits par lui-même», приложение, стр. 194.

[3] Предисловие к французскому переводу «Новой науки» — «Oeuvres choisies de Vico». Paris (1894.)

ных наук, что действительно — «гора» содержит в себе «золотые рудники» и на себе несет «роскошную растительность».

Вико признает *бога* и даже признает *«провидение»*. Он считает, что «провидение» сотворило людей, дало им одинаковую природу, «общую природу наций» (Comune Natura delle Nazioni) [1], установило законы развития человеческого общества. В дальнейшем провидение лишь изредка вмешивается в ход истории, да и без этого вмешательства «Новая наука» легко может обойтись. «Новая наука это — наука об обществе, открывающая законы развития всего человеческого общества в целом, установленные божеством; она должна быть *«светским рационализированным богословием»* (Teologia Civile Ragionata della Provedenza Divina) [2]. Это «богословие» настолько «светское» и настолько «рационализированное», что религии в нем остается весьма немного, и служит она больше для декламации, свойственной нашему профессору реторики, сочинителю панегириков и придворных стихов, человеку, рожденному и всю жизнь прожившему под голубым небом Италии. Да и вообще попытки связать теорию Вико с католическими верованиями ни на чем не основаны. Религия остается у него в стороне от его научных построений. Совершенно прав немецкий исследователь Вернер, который говорит, что, несмотря на христианскую исходную точку зрения, Вико освободил идею развития от христианских церковных мыслей [3]. Отделив ветхозаветную историю евреев от истории других народов, он не изучает ее совсем. По мнению Б. Кроче [4], это, с одной стороны, субъективно, — timidezza di credente (богобоязненность), а с другой стороны, объективно, — это представляет собой inconsapevole ironia (бессознательную иронию), потому что Вико, конечно, рассматривал установленные им законы развития общества как всеобщие, для всех народов обязательные, и развитие, которое шло согласно этим законам, шло, конечно, совершенно иначе, чем развитие еврейского народа согласно Библии. Единственным выходом для Вико, не желавшего ссориться ни с папой, ни со святой инквизицией, и было это «знаменательное» (Кроче) выделение еврейской истории из общего исследования. Тем же самым путем шел ведь и Вольтер, который точно так же выделял события еврейской истории, уже с «сознательной иронией» заявляя, что «в Библии, это — очень почтенное чудо, но во всяком другом месте, это — бессмысленная сказка» [5]. Достаточно сравнить Вико с Боссюэтом, сочинившим католиче-

---

[1] Principj di Scienza Nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni di Giambattista Vico sec. la III impress. del 1744 con le varianti di quella del 1730 e con note di Giuseppe Ferrari. Napoli, 1859, p. 55. В дальнейшем все цитаты из этого сочинения будут обозначены словами: *«Вико, указ. соч.»*, в отличие от цитат из французского издания «Principes de la philosophie de l'histoire» (Oeuvres choisies de Vico, trad. par Jules Michelet, P. E. Flammarion éd.), обозначаемых: *«Вико, перев. Мишле»*.

[2] *Вико*, указ. соч., стр. 84.

[3] См. *Karl Werner*, Giambattista Vico als Philosoph und gelehrter Forscher, Wien, 1881, S. 286.

[4] *Alb. Scrocca*, Giambattista Vico nella critica di Benedetto Croce, Napoli, p. 4.

[5] *Voltaire*, Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, t. I, Paris, an XIII (1805), p. 10.

скую социологию, чтобы увидеть, насколько Вико далек от подобных построений, действительно богословских, написанных тенденциозно в защиту католической церкви и абсолютной монархии и берущих в основу своего «философско-исторического» исследования как раз историю ветхозаветных евреев со всеми ее библейскими благоглупостями.

Идея «провидения» служит Вико главным образом для подкрепления его *детерминизма*: законы развития общества установлены «провидением», значит, они действуют с силой естественной необходимости [1]. До сих пор ученые или отрицали провидение, или исследовали его воздействие в мире физическом. Теперь его нужно искать в «экономии гражданских дел», т. е. в человеческом обществе [2]. Свободу человеческой воли Вико признает, но она тут бессильна. Хотя «человеческое общество было делом рук человека», но он не в состоянии изменить законов развития этого общества. «Новая наука», это — «история декретов, при помощи которых провидение управляло, помимо людей и часто вопреки их воле, великой общиной человеческого рода» (Gran Città del Gener Umano) [3]. Вико много раз и очень категорически подчеркивает свой детерминизм. Может показаться, пожалуй, что он даже слишком фаталистичен. Христина Тривульци так переводит одно место из «Новой науки»: «Ход развития народов *не мог быть иным*, чем он был в действительности, если бы даже (что теперь признано ложным) *бесконечные миры* возникали еще из вечности» [4].

Б. Чичерин, излагая взгляды Вико, передает это же место так: «Историческое движение народов не могло быть иным, как оно было в действительности, и если бы снова были созданы бесчисленные миры, то и там история была бы та же самая, что и на земле» [5].

В последнем издании «Новой науки», проверенном лично самим Вико, это место звучит несколько иначе. Вико пишет там: «В нашей науке господствует тот способ доказательства, что таковы *должны будут быть*, *суть* и *были* судьбы народов, как они представляются нашей науке на основании *порядка*, установленного божественным провидением, если бы даже от времени до времени вновь возникали из вечности бесконечные миры, чего, конечно, на самом деле нет» [6].

Там же Вико несколько иначе формулирует эту мысль: «Всю человеческую историю (cose umane) нельзя представить себе чем-то более высоким, чем она была» [7]. Или еще более ясно: «Хотя этот мир был создан провидением при определенных обстоятельствах и в определенное время (in tempo

[1] Или, как выражается (в указанном уже номере «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto») Guglielmo della Rocca: «Провидение Вико сводится к разумности и объективности истории» (статья «La religiosità filosofica del Vico»).

[2] *Вико*, указ. соч., стр. 84.

[3] Там же.

[4] *Vico*, La Science Nouvelle, trad. par l'Auteur de l'Essai sur la formation du dogme catholique, Paris, Jules Renouard et Co, 1844, p. 89.

[5] «История политических учений», М., 1872 г., ч. 2, стр. 319.

[6] *Вико*, указ. соч., стр. 86. [7] Там же, стр. 85.

e particolare), законы, которые оно ему дало, от этого не менее всеобщи и вечны» [1]. Говоря о том, как все человеческие общества неизбежно пробегают один и тот же путь развития, достигая высшей его точки и затем распадаясь, Вико объясняет, что «это не фатальность, так как люди действуют с выбором. Это не случай, так как те же факты, возобновляясь, приводят регулярно к тем же результатам» [2]. Так как Вико допускает свободу человеческой воли, то он примиряет ее с детерминизмом при помощи той самой идеи выбора, которую нам, как последнее слово науки по этому вопросу, преподносили буржуазные философы конца XIX века [3].

Развитие человечества происходит в силу *внутренних* причин, заложенных в человеческой природе [4]; каждый народ идет самостоятельно своим путем и потом уже, связываясь с другими народами, он видит, что они идут тем же путем, и согласует с ними свою дальнейшую деятельность [5].

Человечество по существу *едино*. Все народы идут в своем развитии одним путем.

Вико во всяком случае стоит на совершенно *объективной* точке зрения. Первыми общими аксиомами своей «Новой науки», составляющими «опровержение мнений, которые сложились до сего времени о начале цивилизации», он устанавливает, как несомненные, следующие положения: 1) человек, стремясь все познать, вследствие *неограниченности* своего *разума* и чувствуя, что его останавливает его *невежество*, принимает себя за мерило вселенной; отсюда получается, что, чем дальше от нас историческое событие, тем больше про него сочиняют (аксиома 1-я); 2) если человек не может совсем представить себе какую-нибудь далекую и неизвестную вещь, он судит о ней по вещам известным и находящимся перед ним (аксиома 2-я); 3) каждый народ претендует на то, что именно он изобрел все полезные для человечества вещи и сохранил предания о своей истории с начала мира (аксиома 3-я); 4) к этому «хвастовству народов» (т. е. также одному из видов субъективизма в истории) присоединяется «хвастовство ученых», воображающих, что то, что они знают, так же древне, как мир (аксиома 4-я) [6]. Эти положения суть необходимые основы объективного исторического знания, во времена Вико еще новые, а теперь прочно вошедшие в обиход современных общественных наук. Такое же значение имеет *отсутствие телеологии* в социологической системе Вико. Он рассматривает весь общественный процесс с точки зрения причинной связи, а не с телеологической точки зрения. История не идет у

---

[1] Там же. [2] Вико, перев. Мишле, стр. 640.

[3] *Paulsen*, System der Ethik, Berlin, 1894.

[4] Б. Чичерин в цитированном сочинении говорит: «Вико первый внес начало внутреннего развития в историю человечества» (стр. 318).

[5] «Мы будем все время стараться показать в этой работе, что естественное право людей возникло у каждого народа отдельно, так что ни один из них ничего не знал о других, а затем, вследствие войн, дипломатических сношений, союзов, торговых сношений, это право было признано общим для всего человеческого рода». (*Вико*, указ. соч., стр. 58.)

[6] *Вико*, указ. соч., стр. 56.

него по *плану*, намеченному «провидением» или кем бы то ни было другим. Это ставит его социологию в научном отношении выше многих других систем.

Социология должна дать нам очерк вечной «идеальной истории, которую пробегают в разное время истории всех народов в их подъеме, движении вперед, застое, упадке и гибели» [1].

Несмотря на то, что природа человека изменяется на протяжении человеческой истории, у разных народов повторяются одинаковые явления. В этом — закономерность истории.

Аксиома 14-я его книги гласит: «Природа вещей состоит в том, что они возникают при определенных обстоятельствах и определенным способом. Всегда, как только есть налицо эти обстоятельства, возникаю те же самые вещи, а не иные» [2]. То же самое с людьми. На одной и той же ступени развития они имеют один общий умственный уровень, общее коллективное сознание, здравый смысл народа, который выражается в одинаковом содержании понятий и слов всех людей.

И здесь Вико блестяще формулирует социологическую основу филологии: «Существует необходимо в природе *один умственный язык*, общий для всех народов; все вещи, которые охватывает человеческая деятельность в обществе, имеют в нем одинаковый смысл, но выражены в таком количестве отдельных форм, что эти вещи можно рассматривать с различных сторон... Этот язык принадлежит новой науке; руководимые ею филологи (не забудем, что Вико много работал в области филологии. — *В. М.*) смогут составить для себя *умственный словарь*, общий для всех языков, мертвых и живых» [3].

Эта идея единства человеческого рода, необходимая для того, чтобы построить научную социологию, проводится Вико с величайшей ясностью и последовательностью во всей его книге и придает ей с самого начала поражавшую многих его преемников цельность.

Способ изложения «Новой науки» *дедуктивный*. Вико разбирает современного человека, его современную общественную среду, и отсюда исходит при изучении прошлого. Если у человека в настоящее время есть те или иные черты, то их природу надо искать в их возникновении, и, значит, они должны были когда-нибудь возникнуть, причем те из них, которые более сложны, которые свойственны более высокому культурному уровню, возникли позднее, другие раньше. Анализируя таким образом современного человека, можно все его характерные черты разместить во времени, восстановив историю его развития, как она складывалась в прошлом. Если современный человек, это—зрелое, клонящееся к старости существо, то он сохранил на себе известный отпечаток от своей юности, от своего детства. Каждый человек, изучая самого себя, может, даже путем такого самонаблюдения, установить это. Он придет тогда к изучению собственной истории, научный

---

[1] Там же, стр. 86: «Loro sorgimenti, progressi, stati, decadenza e fini».

[2] Там же, стр. 58. [3] Там же, стр. 60.

анализ приведет его, в конце концов, к ясной картине, изображающей и детство, и юность, и зрелый возраст человека в их последовательном движении вперед. Тогда только и можно будет, на основе этой общей схемы, изучать конкретно человеческое общество, начиная с самого его начала, т. е. с того момента, когда люди «начали думать по-человечески» [1].

Таково существо социологической дедукции Вико. По форме вся книга построена дедуктивно; план ее похож на тот, по которому строится элементарная геометрия. Дав в начале книги хронологическую таблицу истории человечества, Вико вслед за ней располагает 114 аксиом («элементов») социологии; вначале идут общие аксиомы, их всего 22, после этого частные аксиомы, начиная с 23-й до 114-й. Изложив дальше свои основные принципы и метод, Вико переходит к характеристике различных сторон общественного процесса, различных эпох и человеческих культур. Это чрезвычайно необычное для последующих социологов построение имеет известную связь с его предшественниками, но в такой форме, как у Вико, не встречается ни у одного из крупных социологов. «Тот, кто изучает новую науку, — говорит Вико, — рассказывает сам себе идеальную историю [человечества]»; так как «человеческое общество было делом рук человека» [2] и так как способ, которым оно образовалось, вследствие этого «должен быть найден в изменениях человеческой души», — тот, кто создает эту науку, создает сам себе ее предмет. «Какая история [может быть] более достоверна, чем та, в которой одно и то же лицо одновременно и деятель, и историк?» [3]. Новая наука идет тем же путем, как геометрия, которая создает и в то же время созерцает мир величин, но Новая наука имеет настолько же больше реальности, насколько больше ее имеют те законы, которые управляют человеческими делами, чем те, которые управляют точками, линиями, поверхностями и телами [4].

III. БАЗИС И НАДСТРОЙКИ ПО ВИКО

Веря за начало человеческую идеологию на той или иной ступени развития, Вико выясняет, на основании своего общего метода, ее возникновение. Под какими влияниями складывается эта идеология? На первых ступенях человеческой истории *природа* оказывает сильнейшее воздействие на человеческое общество.

Пытаясь рационалистически объяснить религиозные предания, Вико доказывает, что всемирный потоп—историческое явление. Этому потопу Вико придает, в согласии с библейскими преданиями, то значение, что он разрушил цикл самой древней культуры и вернул людей в первобытное дикое состояние. В течение столетия после потопа земля обсохла настолько, что могли уже образоваться грозовые тучи; в это время люди жили

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 358. [2] Это место цитировал Маркс в «Капитале».
[3] Там же, стр. 365. [4] Там же.

совершенно дико и благодаря чисто животному воспитанию и жизни стали гигантами [1].

Эти гиганты жили, как дикие звери; они блуждали в огромном первобытном лесу (la grande antichissima selva), «преисполненные звериных заблуждений»: сыновья имели у них половое общение (la venere bestiale) с матерями, отцы с дочерьми, что, по словам Вико, есть гнусная мерзость, свойственная этому внезаконному состоянию (l'infame nefas del Mondo Eslege) [2].

Конечно, такое дикое состояние было уклонением от того пути, которым шел избранный еврейский народ в его историческом развитии, но другие народы все пережили это состояние. «В течение долгого времени безбожные гиганты оставались жить в гнусной общности имуществ и жен (infame Comunione delle cose e delle donne), среди драк, которые возникали в результате этой общности» [3]. В конце концов, одни из них оказались сильнее и преследовали более слабых; последние, спасаясь от них, бежали к тем людям, которые организовали первое общежитие и родовое хозяйство.

Начатки общежития сложились под прямым воздействием природы. Когда после потопа разразилась первая гроза, она поразила людей страхом; они взглянули на небо и, увидев тучи, решили, что там кто-то рычит: это человекоподобное существо они назвали Юпитером [4]. В страхе пали они на землю и начали молиться. Это было началом религии. Спасаясь от грозы, каждый бежал в пещеру, положив этим начало жилищу и воздержанию от первобытного бродяжничества. Каждый мужчина, укрываясь в пещере, затащил туда с собой женщину. Люди «сдержали свои грубые страсти, они избегали их удовлетворять перед лицом неба, которое внушало им ужас, и каждый из них постарался затащить в свою пещеру только одну женщину» [5].

Таким образом, религия, жилище и семья сложились путем этого внезапного переворота под влиянием природы. Вико признает также ту, как он выражается, «великую истину», что вследствие разнообразия климата природные свойства народов различны. «Это различие заставило их видеть с различных точек зрения полезные или необходимые для человеческой жизни вещи и создало разнообразие обычаев, из которых возникло разнообразие языков» [6]. Признавая эту истину, Вико не делает из нее особо значительных выводов. Если природа имеет такое большое влияние на первых ступенях развития человечества, то на дальнейших ступенях природа уже не играет такой роли, — на первом плане стоят уже те или иные общественные влияния.

Экономика играет у Вико очень значительную роль в объяснении различных исторических процессов.

---

[1] Так Вико рационалистически объясняет мифы о гигантах.

[2] *Вико*, указ. соч., стр. 82. [3] Там же, стр. 163—164.

[4] *Вико*, перев. Мишле, стр. 383—384.

[5] Там же, стр. 436. [6] Там же, стр. 418.

Объясняя *возникновение государства* в патриархальном строе, он обращает внимание на то, что в этом государстве отпечатлелись черты патриархально-родового хозяйства. Он доказывает (критикуя противоположный взгляд Бодена), что членами патриархального рода были не только кровные родственники-родичи, но и зависимые люди — домочадцы, клиенты. Именно в этой экономической, а не только родственной, зависимости — самая суть патриархального рода. «На этой несовершенной *экономике* они основали ложную *политику*... Мы начнем изучать *политику* первобытных времен, взяв в качестве исходной точки этих слуг (famoli), которые, собственно, принадлежат к области экономики» [1]. Эти патриархальные роды и племена «начались раньше государств». Из них составлялись впоследствии первые гражданские общины [2].

Нужно иметь в виду, что социологическая характеристика патриархального общества — очень существенная часть работы Вико.

То же самое в отношении *права* вообще. В своем сочинении «О едином принципе и единой цели всеобщего права» Вико различает справедливость и право; справедливость — это, идея истины, заложенная в людях «провидением»; «право» же, которое применяется в человеческом обществе, «есть полезное, уравненное вечной соразмерностью» [3], т. е. той же справедливостью. Справедливость, это — «вечные семена» права (germi eterni) [4], которые одинаковы для всех людей и развиваются по одним и тем же законам, но они падают на разную почву, и потому их всходы — конкретное право народов — различны. Справедливость, единая и вечная, не меняющаяся на протяжении истории, есть факт естественного права. Под естественным правом Вико разумеет те черты, которые свойственны человеку как общественному животному. Он категорически протестует против того, что сторонники теории естественного права вносят в понятие о нем различные правовые идеи, свойственные одной какой-либо эпохе. Не касаясь его рассуждений об естественном праве, мы остановимся на том, как он характеризует «право народов», т. е. возникшее в обществе, исторически существовавшее и изменявшееся право. В основе исторического права мы должны отметить влияние первобытного мировоззрения, которое Вико называл «*поэтической метафизикой*». На это именно обращал Маркс внимание Лассаля, когда тот занимался вопросом о происхождении права. В праве есть такие элементы, которые не могут быть установлены иначе, как на основе готовой уже привычки создавать поэтические образы, образы фантазии. Маркс приводит цитату из Вико: «Древнее право было весьма поэтическим, так как оно принимало за истинные такие факты, которые не были истинными, и отказывалось признавать за истинные такие факты, которые на самом деле были ис-

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 163. [2] *Вико*, перев. Мишле, стр. 348, аксиома 107.

[3] *Vico*, De universi juris uno principio et fine uno, 1720, § 44, цитировано по Б. Чичерину — указ. соч. стр. 307.

[4] Ср. *V Miceli*, Il diritto eterno di Vico (указанный выше номер «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto», p. 414).

тинны», и т. д. [1]. Затем, в основе правовых идей по Вико, с одной стороны, лежит «интерес», «общий для всех» граждан или группы их [2]. С другой стороны, «право людей есть право *пользы и силы*». Этому праву следовали, как говорят юристы, usu exigente humanisque necessitatibus expostulantibus — согласно требованиям пользы и человеческих нужд [3]. В основе права собственности лежит захват. Объясняя в римском праве термин «mancipatio», Вико считает, что он произошел от слов «capere manu», т. е. брать, захватывать рукой; это у всех народов, указывает Вико, означало власть; эта реальная манципация есть оккупация, захват, естественный источник владений [4].

Если принять во внимание, что Вико в области создания государственных и правовых форм придает решающее значение интересам классовой и групповой борьбы, то легко уяснить себе, насколько это понимание основ права сближает Вико со сторонниками экономического объяснения истории. Может быть, только он в этом отношении менее конкретен, чем, положим, Тьерри или Гизо.

Отдельные юридические нормы, по его мнению, также близко связаны с экономикой. Так, изображая классовую борьбу между патрициями и плебеями в древнем Риме и земельные уступки, на которые были вынуждены в результате борьбы пойти патриции, он говорит, что «эти земельные уступки составили содержание первого аграрного закона, который существовал» [5].

Сопоставляя закон и обычай, Вико пользуется выражением Диона Кассия, что «обычай подобен царю, закон — тирану»; обычай выражает предписания естественного права, которое родилось из человеческих нравов, является результатом общей природы наций; обычай сохраняет общество, так как «нет вещи более приятной, а поэтому и более естественной, чем следовать обычаям, которым учит природа» [6]. Он управляет, как царь своими подданными, которые хотят ему повиноваться (у современников Вико было в ходу такое различение между «законным» или «добровольно избранным» царем и тираном — различение, для нас теперь трудно понимаемое, так как мы знаем, отчасти благодаря тому же Вико и его современникам, настоящую цену этой «законности» и «добровольности»).— Закон, это—тиран, это — норма, навязываемая силой в интересах всех граждан или группы их, более богатой и держащей в своих руках военную силу.

Государство возникло не по желанию или соглашению людей, как предполагали сторонники «общественного договора», но в силу объективной необходимости. И Вико приводит слова римского юриста Помпония: «rebus ipsis dictantibus regna condita» (основание государств было продиктовано самими обстоятельствами) [7]. Целый ряд подобных же замечаний

---

[1] См. выше цитату из письма Маркса к Лассалю. [2] *Вико*, перев. Мишле, стр. 608.
[3] Там же, стр. 626, примечание. [4] *Вико*, указ. соч., стр. 313.
[5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 336, аксиома 83.
[6] *Вико*, указ. соч., стр. 76, аксиома 104.
[7] *Вико*, перев. Мишле, стр. 452.

мы встретим впоследствии при характеристике отдельных исторических периодов.

Если в первобытном обществе не было государства и права, была экономика, был обычай, то была ли там религия?

В главе о «принципах» (гл. 3-я, кн. I) Вико устанавливает, что во всех человеческих обществах мы встречаем религию, брачные обряды и погребение мертвых. Это три «первых принципа», которые Вико кладет в основание Новой науки [1]. Неверно, что у кафров, бразильцев, на Антильских островах и в других местах в Америке нашли племена без религии — это сказки путешественников [2].

Мы уже видели, как Вико изображает возникновение религии и брака в первобытную эпоху. Это было, по изображению Вико, до патриархального строя, именно в то время были заложены его основы. Но, с другой стороны, исходной точкой для Вико является более раннее состояние первобытной «тупости», «зверства» [3], одним словом, то состояние, в котором после потопа находились гиганты (см. выше стр. 18).

Это было первобытное состояние «без законов и без религии», как заявляет Вико в другом месте [4]. Характеризуя патриархальный строй, он говорит, что тогда среди людей господствовал «глубокий страх перед богами, которых они сами себе сделали» [5]. В то время религия только «начинала укрощать» совершенно еще диких людей [6]. Из этого видно, что исходная точка Вико — первобытное состояние без религии, но религия возникает одновременно с семьей и оседлостью. Таким образом, для Вико она не является надстройкой над экономикой, хотя влияние экономики на религию он признает. Оно сказывается не непосредственно, но через ту систему классовых отношений, которая существует в данном обществе. В этом смысле замечателен анализ древней греческой и римской религии с точки зрения влияния на нее аристократического феодального строя. Олимпийский Зевс есть «аристократический царь» (re aristocratico); он подчиняется феодальному совету богов, такому же, как феодальный совет древних германцев, которому подчинялись их вожди — «первые цари», описанные Тацитом [7].

В объяснении исторических процессов Вико, в общем и целом, стоит на материалистической точке зрения, но в центре внимания его находится развитие идеологии: развитие производительных сил, производства, экономических отношений как таковых, по большей части, вне поля его зрения. Его интересуют основные элементы самой человеческой идеологии.

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 354. [2] Там же.

[3] Da si fatti Primi Uomini stupidi insensati ed orribili bestioni (*Вико*, указ. соч., стр. 95). Это состояние гораздо ниже того, которое обычно принимают за исходную точку современные Вико писатели, и гораздо ниже того, которое мы находим у наиболее отсталых американских дикарей или древних германцев (*Вико*, перев. Мишле, стр. 382).

[4] *Вико*, перев. Мишле, стр. 332 (аксиома 70).

[5] Там же, стр. 553. [6] Там же. [7] Там же, стр. 453.

Одно из его частных положений — аксиома 66 — гласит: «люди чувствуют сначала *необходимое*, потом обращают внимание на *полезное*, потом ищут *удобства*, позднее любят *удовольствие*, предаются *роскоши* и, наконец, расточают свое имущество» [1]. В связи с этим (аксиома 67): «Характер людей — сначала *жестокий*, затем *строгий*, затем *мягкий* и благорасположенный, затем склонен к изысканности и, наконец, распущен» [2].

Для Вико основным фактом являются необходимые потребности людей; на них наслаиваются другие потребности. Удовлетворение этих потребностей выражается в различных обычаях людей. Вико их обстоятельно разбирает. Эти «народные обычаи должны иметь некоторые общественные мотивы их истинности, которые объясняют, как они возникли и сохранились долгое время у целых народов» (аксиома 16 — общая) [3].

Чтобы разобрать, какие обычаи признаются подходящими и правильными, надо знать тот принцип, что это определяется коллективным сознанием или чувством людей. «Правилом общественной жизни,— говорит Вико,— должно служить то, что весь целиком человеческий род или его большинство считает справедливым» [4].

Мы приходим здесь к коллективному человеческому сознанию, здравому смыслу человечества, о котором мы уже говорили (см. стр. 16). Этот «здравый рассудок человеческого рода» определяется «необходимым соответствием (necessaria convenevolezza) самих человеческих вещей» [5]. Таким образом, социология, которая является историей «человеческих идей», должна, анализируя их, неизбежно прийти к истории «человеческих дел». И тут мы натыкаемся на формулу, которая звучит, так сказать, ортодоксально-марксистски: «*Порядок идей должен следовать за порядком вещей*» («L'ordine dell'idee dee procedere secondo l'ordine delle cose»). Такова 64-я аксиома Вико [6]. Вико основывает эту мысль на тех данных, которые были ему наиболее доступны, — на данных языковедения. «Порядок, которым идут человеческие вещи,— пишет он в следующей аксиоме — 65-й, — таков: сначала *леса*, потом *хижины*, потом *села*, затем *города*, или собрания граждан, наконец *академии*, или собрания ученых». С изменением этих «человеческих вещей» должны в таком же порядке изменяться не только идеи, но и выражающие их слова. Это — «великий этимологический принцип», согласно которому «история всех природных языков должна подвергнуться тому же ряду изменений, который испытывают вещи» [7]. И Вико подтверждает этот принцип массой фактического материала из области филологии [8].

Это, конечно, решает вопрос о материалистическом характере подхода Вико к изучению социологии. Изучая различные формы права и государства как юрист и различные формы языка и литературы как филолог и профессор риторики, — а это были две особенно хорошо известные ему области, — Вико рассматривает их реальную основу — человеческие дела, «человече-

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 68. [2] Там же. [3] Там же, стр. 58.
[4] Там же, стр. 88. [5] Там же, стр. 86. [6] Там же, стр. 67.
[7] *Вико*, перев. Мишле, стр. 330. [8] См. ниже, стр. 24.

скую историю» (cose umane), человеческие интересы, страсти и человеческие отношения в обществе. Мало того, «действительность и силу» этих идей, говоря словами Маркса, он видит в *практике*. Аксиома 114 и последняя гласит: «Естественная справедливость человеческого разума, вполне развитая, есть *практика*, приложение *мудрости к полезным вещам*, так как *мудрость*, беря это слово в самом широком смысле, есть только уменье делать из вещей то употребление, которое они имеют в природе» [1]. Теперь становится вполне понятно, почему Вико в оценке Бэкона (см. стр. 9) подчеркнул именно то, что в нем совмещался крупный ученый и крупный политический деятель.

Существеннейшее значение в образовании общественной идеологии имеют у Вико *язык* и *обычай*. Маркс в письме к Лассалю, посвященном Вико, особо отмечает влияние, которое оказали идеи Вико на дальнейшую разработку вопроса о происхождении языка.

Положения Вико в этой области послужили исходными пунктами дальнейшей научной работы, особенно для так называемой генетической социологии. Язык начинается с немого языка знаков, жестов; это,— говорит Вико,— принцип иероглифических языков, употреблявшихся у всех народов в их первобытном варварстве [2]. Затем человек стал издавать *односложные звуки*, произносимые с некоторого рода пением [3], как делают это дети или немые. Первые слова односложны [4]. Это — междометия [5]. В них бессознательно и непроизвольно высказывается коллективный разум или чувство (senso comune) — это «суждение без размышлений, разделяемое (коллективно чувствуемое — comunemente sentito) целым сословием, целым народом, целой нацией или целым человеческим родом [6]. Так как у первых людей разум был очень мало развит и преобладало воображение, то возникновение языка сопровождалось возникновением фантастических образов, — люди, наподобие детей и дикарей, одушевляли все окружающее, приписывая вещам свои собственные свойства. Здесь начало и *религиозных сказаний — мифов* и *искусства — поэзии*. Они неотделимы от языка. Так складывается то, что Вико называет «поэтической мудростью народов» — первобытное мироощущение людей. Это — «бесформенная метафизика», из которой вышли, разветвляясь, логика, мораль, экономия и политика (тоже «поэтическая»), а с другой стороны — физика, космография, астрономия, хронология и география. В первых преданиях, в форме образов народной поэзии, мы находим в зародыше все виды идеологии. Народная мудрость и народная поэзия того времени отражает то состояние «тупости, бесчувственности и ужасной дикости» [7], о котором мы уже говорили. Она проникнута удивлением и любопытством; это любопытство — «дочь невежества и мать науки» [8]. Так язык и поэтические образы отражают древний быт;

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 78. [2] *Вико*, перев. Мишле, стр. 328, аксиома 57.
[3] Там же, аксиомы 58 и 60. [4] Там же, стр. 422.
[5] Там же, стр. 420. [6] *Вико*, указ. соч., стр. 57, аксиома 12.
[7] Там же, стр. 95. [8] *Вико*, перев. Мишле, стр. 320, аксиома 35.

первые слова — названия предметов, встречающихся в лесу, затем в сельском хозяйстве. Вико указывает, что в латинском языке «все слова имеют происхождение дикое и лесное», например lex — собирание жолудей, овощей, затем собрание людей, закон и т. п. [1]. «На всех языках слова, необходимые для искусств данной культуры и самых отвлеченных наук, имеют деревенское происхождение» [2]. Человек называет окружающие его вещи теми же словами, какими он называет части своего тела, или производными от них (например, головка, устье, зубья, язычок, перешеек, рукав реки, сердцевина, жила и т. п.) [3]. Даже много позднее поэты Лациума смешивают глаголы: «есть» (в смысле — питаться) и «быть» — и то, и другое называли они словом «esse». Первоначальный смысл слова sum, наверное, был не «я есмь», а «я ем» [4]. В героические времена люди относили различные психические процессы к пяти внешним чувствам (так от sapere — испытывать вкусовое ощущение — получилась sapientia), а сами внешние чувства описывали во всей их первобытной живости: вместо «слушать» (audire) говорили «черпать ушами» (haurire), вместо «смотреть» — «разделять глазами», «захватывать глазами» (различать, охватывать взглядом) [5]. Очень трудно современному человеку перенестись в сознание этих первобытных людей, «ум которых, чуждый всякой абстракции, всякой тонкости, был совершенно заглушен страстями, погружен в чувства и как бы погребен в материи» [6]. «Первые мифы, — указывает также Вико, — должны были содержать в себе истины, касающиеся состояния общества, и, следовательно, быть историей первобытных народов» [7]. Эти мифы соответствовали характеру грубых первобытных людей, но потом они изменились с изменением характера людей: «Прошли века, обычаи изменились, и мифы также приобрели другой вид, отошли от их прежнего смысла» [8].

Происхождение *искусства* также совершенно реально. Первобытные люди были, как дети, а «в детстве память очень сильна, воображение до крайности живо» [9]. Поэтому именно в первобытную эпоху, эпоху человеческого детства, были созданы образы поражающей правды. А так как у детей также весьма развита способность подражания, то «поэзия — первобытное искусство — была лишь подражанием» [10]. Она подражала, конечно, тем же «вещам» и прежде всего — природе. «Искусства тогда — только подражание природе, некоторым образом, реальная поэзия (poesie reali)» [11]. В дальнейшем люди привносят туда ряд образов своей фантазии, ряд примыслов, но эти образы и примыслы отражают дальнейшую историю человечества, в которой разум начинает играть все бо́льшую роль.

Точно так же и «*правительства должны соответствовать природе того, кем они управляют*» («I governi debbon essere conformi alla natura degli uomini governati» — аксиома 69) [12].

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 330. [2] Там же, стр. 399. [3] Там же. [4] Там же, стр. 483—484. [5] Там же, стр. 489. [6] Там же, стр. 386. [7] *Вико*, указ. соч., стр. 64, аксиома 43. [8] *Вико*, перев. Мишле, стр. 327, аксиома 54. [9] *Вико*, перев. Мишле, стр. 325, аксиома 50. [10] Там же, стр. 326. [11] *Вико*, указ. соч., стр. 66, аксиома 52. [12] Там же, стр. 68.

Наиболее сложная идеология — философия — возникла, как это правильно отмечает Вико, только по выходе человечества из феодальной эпохи, в развитых демократиях эпохи торгового капитализма; она складывается под непосредственным влиянием общественно-политической обстановки этой эпохи (см. ниже, стр. 39 — 40).

Во взглядах Вико мы можем заметить нечно вроде того же самого порочного круга, который Плеханов установил у материалистов XVIII века: экономика основана на обычаях, обычаи на характере народа, а характер народа складывается под влиянием быта, т. е. отчасти той же экономики и т. д., но у Вико это замаскировывается, как мы увидим дальше, его своеобразной классовой теорией. Влияние классовых отношений врезается в этот порочный круг и иногда благотворно действует на него, кое-что размыкает. Конечно, правовые понятия, мораль, философия и т. п. у Вико — факты производные, определяемые той же меняющейся природой человека.

IV. ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ГРУППИРОВОК У ВИКО

Переходя к вопросу о том, как смотрел Вико на общественные группировки, мы касаемся той области, где Вико, по существу не являясь оригинальным, тем не менее сделал некоторые существенные, как он сам выражался без ложной скромности, «открытия». Вико исходил из того взгляда, который мы встречаем у Аристотеля, что «человек по природе своей животное общественное».

Во многих местах своих работ и, в частности, в одной из основных аксиом «Новой науки» (8-й), исходя из того, что вообще все вещи не могут долго находиться вне своего естественного состояния, Вико доказывает правильность этого взгляда Аристотеля. Он говорит: «Если, начиная с самых отдаленных времен, человеческий род жил, и жил сносно, в обществе, эта истина кладет конец великому спору по вопросу о том, *является ли природа человека общественной*» [1]. Отдельный человек — только часть общества, он — член великого коллектива, единой «общины человеческого рода». Вико доказывает это еще тем, что отдельный человек руководится обычным человеческим средним рассудком, который соответствует коллективному разуму человечества. Воля человека должна безусловно следовать воле всего человечества, приспособляться к ней как ее зависимая часть. И законодательство, «народная мудрость законодателей», — как выражается на языке Новой науки Вико, — и философия приняли этот принцип, в нем «надо признать предел человеческого разумения, и кто хочет от него отойти в сторону, должен остеречься, чтобы не отойти в сторону ото всего человечества» [2].

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 310. [2] *Вико*, указ. соч., стр. 88.

Кроме того, между отдельными людьми нет большой разницы. Люди группируются в некоторые типы, и эти типы соответствуют каждый своей эпохе. Примеры таких типов Вико приводит в своей аксиоме 68. Это — Полифем, Ахилл, Аристид и Сципион, Цезарь и Александр, Тиберий, Нерон и Домициан. Первый (Полифем) соответствует эпохе семьи (патриархальной), второй (Ахилл) — аристократии, третьи (Аристид и Сципион) — демократии, четвертые (Цезарь и Александр) создали монархию, пятый (Тиберий) ее укрепил, а шестые (Нерон и Домициан) — опрокинули. Их тип определялся эпохой [1]. Отсюда Вико приходит к своим открытиям, которые касаются *роли личности в истории*. Сюда относится, прежде всего, весьма важное «открытие настоящего Гомера», которому посвящена III книга «Новой науки». Рассматривая Гомера как тип поэта, Вико приходит к убеждению, что Гомера, как отдельного писателя, никогда не было; Гомер был отражением взглядов своего народа. Тут Вико приступает к критике исторических личностей, к анализу тех из них, которые оказались фиктивными, выдуманными. Открытие Вико состоит в том, что Гомер, по его мнению, это сам народ, поющий свои мифы и победные гимны. Эти мифы и гимны отражают общественную жизнь древних греков, они могут быть изучаемы «как гажданская история греческого быта» [2].

Вико разбирает характер мировоззрения Гомера и изображаемых им древне-греческих «героев». Он показывает прежде всего, что Гомера напрасно считали философом. Его умственный уровень соответствует варварским временам, которые он описывает. По мнению Вико, действительно мудрый человек не стал бы «забавлять грубый народ грубостью героев и богов» [3], а у Гомера бог войны Арес во время поединка с богиней Афиной называет ее κυνόμυια — песья муха), Афина бьет кулаком другую богиню, Артемиду, «герои» — цари Ахилл и Агамемнон — называют друг друга «собаками».

В другом месте своей книги Вико разбирает, а точнее сказать — разоблачает героический характер самого выдающегося «безупречного» героя гомеровских поэм — Ахилла. Его справедливость и гуманность можно видеть из его заявления Гектору перед их поединком. В ответ на просьбу Гектора, в случае, если он будет убит, достойно похоронить его, Ахилл говорит: когда я тебя убью, я тебя оберу, привяжу твое тело за ноги к колеснице, буду три дня подряд таскать его по земле вокруг города Трои и т. д. Мало того, он все это исполняет, как по писанному. Его любовь к славе обнаружилась особенно ярко тогда, когда он, обидевшись на главного вождя греческой армии, Агамемнона, за то, что тот отобрал у него одну хорошенькую пленницу, хладнокровно допустил избиение греков врагами; он высказал при этом пожелание, чтобы вообще все греки и троянцы погибли, а остались бы в живых только он и его друг Патрокл, до прочих ему нет

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 331—332. [2] Там же, стр. 314, аксиома 20.
[3] Там же, стр. 516—517.

никакого дела. Что касается его любви к бессмертию, то, находясь после смерти в жилище бессмертных, он говорит посетившему его Одиссею, что готов быть последним рабом, только бы жить на земле, а не в царстве бессмертных [1].

Это — гордый, раздражительный и детски-упрямый варвар. Его понятие о «чести» такое же, как у «дуэлистов», бреттеров.

Нравы, которыми восхищается Гомер, «дикие и грубые, гордые и свирепые, характеры неразумные и неразумно-упрямые, хотя часто детски-подвижные и легкомысленные, могли принадлежать только людям, слабым умом, как дети, одаренным живым воображением, как женщины, увлекаемым страстями, как самые горячие юноши» [2]. Поэтому Гомера никак нельзя назвать философом. Он вполне на уровне своих героев.

Вико разбирает вопрос о родине Гомера, указывая, что почти все города Греции оспаривали честь считаться его родиной. Если брать «Одиссею», то родина автора, очевидно, — западная часть Греции, так как Евбея считается там далекой страной. Вико очень остроумно замечает: «Гомер «Одиссеи», который имел такое представление об Евбее, не мог быть, конечно, тем же самым лицом, что Гомер «Илиады», так как Евбея не очень далеко от Трои и М. Азии, где, несомненно, родился последний» [3]. «Если греческие города спорили о том, где родина Гомера, — это объясняется тем, что каждый узнавал в «Илиаде» и «Одиссее» свои слова, свои фразы и свое народное наречие» [4].

Определив на основании самих поэм, что Гомер жил лет на 450 позднее Троянской войны, разобрав филологические и мифологические данные, Вико приходит к выводу, что «Гомер заимствовал мифы, уже измененные и искаженные»; поэтические образы мифов, которые мы встречаем в его поэмах, «родились из естественной слабости первобытных людей, неспособных абстрагировать от предмета его формы и свойства». Отсюда следует, что гомеровская эпоха — «самое глубокое варварство» [5]. На этом построено «открытие настоящего Гомера». «Гомер был идеал или героический образ греческого народа, рассказывающего свою собственную историю в национальных песнях» [6]. Таким образом, поэмы Гомера в основе своей — народные песни феодальной эпохи, типа наших былин и сказаний. Мы знаем теперь, что Вико тут был во многом прав, знаем, что обе поэмы, несомненно, написаны разными лицами, знаем, что эти лица не были авторами песен, а были только их собирателями, может быть, сами их исполняли. Мы знаем, что эти поэмы действительно — памятник феодальной Греции, настоящая сокровищница данных об этой эпохе, впервые научно использованных самим Вико. Во всяком случае, метод, которым здесь пользовался Вико, совершенно правилен: ведь мы и сейчас ничего вполне достоверного не знаем

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 478—479. [2] Там же, стр. 519—520.
[3] Там же, стр. 522. [4] Там же. [5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 532.
[6] Там же, стр. 541.

о самой личности Гомера, а приписанные ему поэмы остаются великолепной характеристикой греческого народа в феодальную эпоху.

Вико сделал также кое-что в области вопроса о *возникновении классов*. Охарактеризовав первобытное состояние человека, это полуживотное состояние первобытной тупости, и начало религии, семьи и жилища, он указывает, что тогда сложилась *первая общественная форма — патриархальный строй* или *«семейный»*, как он его называет, соответствующий первой «божеской» эпохе.

«Первые *отцы*, — говорит он, — были в своих семьях абсолютными владыками, стоящими выше всех других членов семьи и подчиненными только богу. Их власть была вооружена страхами ужасающей религии и поддерживалась самыми жестокими наказаниями» [1].

Власть патриархов была так жестока, что их сыновья потеряли даже постепенно, по мнению Вико, свой гигантский рост и приблизились по своим размерам к современным людям.

Семьи, занявшие лучшие места, оседали на землю и привлекали к себе новых членов, захватывая пленных или осуществляя право убежища. Таким образом, все пленники («слуги») считались членами семьи.

Все эти слуги были подчинены, конечно, тому же самому, чрезвычайно жестокому семейному режиму. Это вызвало их *восстание*. «Слуги... были вынуждены проводить свою жизнь в том же состоянии зависимости. Спустя много лет, они, естественно, должны были, благодаря своему положению, измучиться и восстать против отцов (героев)» [2]. Так начинается первое классовое столкновение. Оно приводит немедленно к сплочению «отцов» в класс, в виде сословия [3]. Во главе сословия знатных в этой борьбе ставился тот из них, который был наиболее *грозен* и обладал *наибольшим присутствием духа* (alcun Padre più di tutti *feroce* e di *spirito più presente)*, его и называли царем [4].

Политическая надстройка — сословная организация — получается здесь в результате борьбы общественных групп, классов. И хотя сначала не ясно, пользуются ли до этого момента «отцы» или «герои», одним словом,— патриархи, политической властью или нет, однако, ознакомившись со всей совокупностью мыслей Вико на эту тему, мы видим, что первоначально на основе религиозных верований, кровно-родственной связи и экономики «поэтических» (т. е. древнейших) времен складывается власть руководящей группы патриархального общества, власть экономическая, непосредственная эксплоатация членов «семьи», и только тогда, когда эта эксплоатация, «мучения», говоря словами Вико, вынуждают эксплоатируемых к восстанию, тогда друг против друга выступают классы, и складывается господствующее сословие, а с ним вместе и государственный строй.

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 440—441.

[2] Там же, стр. 452.

[3] По-итальянски «ordini»; во французском переводе (Мишле) — «corps politique».

[4] *Вико*, указ. соч., стр. 176.

Политическое, общественно-организованное насилие представляется, таким образом, результатом классовой борьбы. Недаром один из позднейших писателей, характеризовавших Вико, Франческо Козентини, подчеркивает это значение борьбы общественных групп в социологической теории Вико [1]. В возникшем, таким образом, втором историческом периоде — феодальном, героическом — мы имеем вновь два класса. Вико говорит: «Первые государства составились из *сословия* знатных и *толпы* народа» [2].

«Слуги» становятся первыми «плебеями». Возникают отношения патрициев с плебеями, которые, по мнению Вико, имеют первоначально характер феодальных отношений. С теперешней точки зрения это совершенно правильно.

Отношения между сословиями Вико изображает по той же схеме, как Аристотель [3]: знатные — душа, народ — тело. «*Душой* было сословие (ordine) мудрых, каких только можно было найти в этом состоянии простоты, грубости. Плебеи представляют собой *тело*. Отсюда вечный закон в обществах, что там одни должны упражнять свой ум в политической деятельности, в то время как другие упражняют свое тело в искусствах и ремеслах» [4].

Здесь классовые противоречия имеют такое же значение, как в предыдущем историческом периоде.

Никакой «народной свободы», которую фантазия историков рисует нам в древнем Риме, никогда не было. Там господствовало ростовщичество. Плебеи были у патрициев в долговой кабале, и, «когда эти несчастные не могли уплатить долгов, они [патриции] держали их всю жизнь взаперти в своих домашних тюрьмах для того, чтобы те отплатили им своими работами, своим потом; там эти тираны избивали их прутьями, как самых жалких рабов» [5]. Они «притесняли плебеев», «заставляли их служить себе на войне за их собственный счет» [6]. Патриции держат в своих руках государственную власть, которая охраняет и усиливает эту эксплоатацию. Аристократические правительства «сохраняют богатства за знатным сословием, потому что они способствуют могуществу этого сословия». Когда римская аристократия боролась против аграрных законов, внесенных Гракхами, то это происходило потому, что она «боялась обогатить плебеев», мелких собственников земли, крестьян [7]. Естественно, что законодательство — целиком в руках патрициев: они не только проводят законы в свою пользу, но, попросту говоря, не подпускают совсем к законам плебеев. «Знатные делают из знания законов *секрет* своего сословия, чтобы законы зависели от их каприза и чтобы они применяли их *так же произвольно, как цари*» [8]. Поэтому плебеи подняли целое движение в защиту «писанных законов», добиваясь, чтобы им было, по крайней мере, известно, за что их наказывают.

---

[1] *Francesco Cosentini*, La Sociologie de J.-B. Vico, P. 1898 — перепечатка из «Revue Internationale de Sociologie», стр. 17—18.

[2] *Вико*, перев. Мишле, стр. 460. [3] Ср. «Политика», кн. I, гл. 2.

[4] *Вико*, указ. соч., стр. 198. [5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 337—338, аксиома 86.

[6] Там же. [7] Там же, стр. 338, аксиома 88. [8] Там же, стр. 341, аксиома 92.

Поэтому в Риме получается такое положение, что «слабые хотят законов, сильные их отвергают» [1].

Мало того, Аристотель сообщает нам, что в древних аристократических республиках знатные *клялись в вечной враждебности к простому народу*. Точно так же, как знатные боятся допустить плебеев к законодательству, они *боятся обучить их военному делу*. «Аристократические республики с трудом решаются на войну из боязни приучить к военному делу массу плебеев» [2].

Господство знатных сказывается во всех областях жизни, и религия той эпохи — древне-греческая и римская — религия феодальная, боги этой религии — те же аристократические феодальные владыки [3]. Как феодальный господствующий класс получился из прежних патриархов, так эти боги возникли из бывших ранее родовых божеств. У римлян они даже различались по старым или новым родам (dii majorum, dii minorum gentium) [4].

Исход классовой борьбы мог быть только один — изменение существующего строя. Вико так же ясно это сознает в отношении феодального общества, как в отношении патриархального. В высшей степени ярко он выражает это в словах: «Первые государства составились из *сословия* знатных и *толпы* народа. Из вечного существа их противоречия (con due contrarie eterna proprietà) возник вечный закон, что плебеи всегда хотят *изменить положение вещей*, а знатные — его *сохранить*» [5].

Если кто-нибудь в те времена выступал с проектами общественных преобразований, «если кто-нибудь пытался облегчить судьбу плебеев хлебным или аграрным законом (распределением хлеба или земли), сословие знатных его обвиняло и приговаривало к смерти благодетеля народа» [6]. И Вико рассказывает нам о деятельности Гракхов, Манлия в Риме, Агида и Клеомена в Спарте [7].

Развитие классовой борьбы в феодальном строе привело к революции, уравнившей плебеев в правах с патрициями, уничтожившей феодальный аристократический строй.

При таких условиях вполне обоснованным является следующее заключение Вико: «Естественное семейное право» при организации государства «обратилось в естественное право людей». Таким образом, «право людей, которое соблюдается теперь между нациями, было при начале обществ некоторого рода *привилегией* для высших властей» [8].

Читая эти слова, думаешь, что они написаны ровно через сто лет после появления «Новой науки», — до такой степени они непосредственно примыкают к идеям ближайших предшественников Маркса.

Объясняя переход от феодального строя к «демократии», т. е. возник-

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, там же. [2] Там же, стр. 338, аксиома 87. [3] См. выше, стр. 21.
[4] *Вико*, перев. Мишле, стр. 349, аксиома 108.
[5] *Вико*, указ. соч., стр. 188. [6] *Вико*, перев. Мишле, стр. 479—480.
[7] *Вико*, перев. Мишле, стр. 405, примечание, 480.
[8] Там же, стр. 468.

новение государств типа рабских империй или буржуазно-дворянских монархий, Вико видит основную причину этого перехода в классовой борьбе.

Пока патриции (Padri) сохраняли высшую власть за своим правящим сословием, пока плебеи не вырвали у них право приобретать земельную собственность, заключать браки, добиваться избрания на гражданские должности и в жрецы, наконец, знать законы (что тогда еще было привилегией жрецов), — *государство было аристократическим.* Но «когда плебеи... достаточно размножились, достаточно обучились военному делу, чтобы нагнать страху на патрициев (они ведь в олигархии должны были быть немногочисленны, как показывает само это слово), и когда, сильные своим числом, они начали издавать законы без утверждения сената, — республики из аристократических стали народными (popolari)» [1].

Классовая борьба, которая привела к падению феодализма и образованию современных государств, для Вико, в основном, совершенно ясна и вполне удовлетворительно им изображается, тем более, что он не имел перед глазами опыта французской революции 1789 года, а опыта английской совершенно не использовал [2].

Однако Вико, так ясно представлявший себе значение классовой борьбы в прошлом, почти ничего не дает по вопросу о классовой борьбе в современном обществе.

Борьба экономических интересов в настоящую эпоху имеет некоторое значение при разложении общества, она усиливает это разложение, так как обнажает экономические основы политических столкновений, ведущих к анархии. Тут начинается борьба «уже не при помощи законов, а при помощи оружия, и власть сама становится средством создавать законы, чтобы обогатить победившую сторону» [3]. Но под этой борьбой Вико разумеет *конкуренцию* между богатыми, т. е. между буржуа, а не классовую борьбу новейшей эпохи. И это вполне понятно, так как даже Сен-Симон, больше всех остальных авторов приблизившийся к Марксу в истолковании истории, представлял себе буржуазию и пролетариат составными частями одного класса — «промышленного», а Сен-Симон жил столетием позже Вико, и, хотя Италия к началу XVIII века ушла далеко вперед в своем развитии, промышленый капитализм в ней, конечно, не получил того значения, как в Англии и Франции начала XIX века.

V. ХОД РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ПО ВИКО

До сих пор мы говорили о различных положениях Вико, которые представляют особенный интерес для нас с нашей теперешней историко-материалистической точки зрения, для социологии же Вико все они имеют, несмотря на их важность, только частное значение.

---

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 304.

[2] Мы имеем в виду его «Новую науку» и те произведения, которыми мы пользовались.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 341, аксиома 93.

Мы должны перейти теперь к центральной и самой основной части социологии Вико — *теории общественного круговорота*. Именно здесь увязываются все уже изложенные нами его мысли в одном общем построении.

Как идет, по Вико, развитие общества? Какова общая схема этого развития?

Вико делит всю историю человечества на три эпохи, на три «века».

В 4-й книге «Новой науки», «О пути, который совершают народы», Вико, прежде всего, хочет установить «постоянный и непрерывный порядок (constante e non mai interrotto ordine), который представляет нам тесное сцепление причин и следствий». В этом порядке Вико различает «три вида *природы*, из которых вытекают три вида *нравов*; из этих нравов, в свою очередь, вытекают три вида естественного права, которые дают место стольким же видам *правления*» [1]. «Чтобы люди, уже вошедшие в общество, могли сообщать друг другу нравы, право и формы правления (о которых мы говорили), образовалось три вида языков и характеров. Трем векам соответствовали еще три вида права (Giurisprudenze), опирающиеся на столько же различных видов власти (Autorità) и духа законов (Ragioni), давших место стольким же видам суда, которые применяли эти три отрезка времени (sectae temporum)» [2].

Первоначально Вико исходит из своей основной дедукции. Современный человек — продукт долгого развития; значит, он находится в настоящее время в периоде известной зрелости, а, значит, в прошлом он пережил уже периоды детства и юности. Так получается представление о том, что человечество в своем развитии прошло три ступени — детства, юности и зрелости. Отсюда эта общая схема. Но она подтверждается действительно бывшей историей человечества. Тут уже Вико пользуется фактическим материалом из истории нашего прошлого и идет путем индукции, путем обобщения фактов, путем синтеза. Бо́льшая часть его фактического материала относится к истории языка, обычая и политических форм, но представление Вико о классовой борьбе в различные эпохи истории, уже изображенное нами, дает ему возможность построить такую схему исторического развития народов, которая имеет совершенно реальное содержание. Вико ограничен своим материалом по трем различным линиям. Во-первых, это рамки национально-территориальные. Маркс в своем письме к Лассалю говорит, что «Новая наука» — неаполитанское, провинциальное или, — скажем более широко, — национальное *итальянское* сочинение. Перед глазами Вико все время история небольших итальянских государств, начиная с его родины — Неаполя, история Апеннинского полуострова. В прошлом он тоже больше всего знает историю того же Апеннинского полуострова—Римскую историю. Некоторые его истолкователи указывают, что материал, которым он пользуется в отношении древней истории, почти исключительно римский. Правда, римляне не были тогда только одним из народов вообще,

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 274. [2] Там же.

они были народом, создавшим мировую империю. Эта империя, представлявшая собой сверх-национальное государство эпохи торгового капитала, построенное на эксплоатации покоренных народов, заимствовала у последних очень много их черт, в том числе целый ряд восточных идей и обычаев, греческую науку и искусство и т. п. Римская история—это, конечно, нечто большее, чем история одного только Рима или Италии. Мы уже видели и увидим еще, что Вико очень много сделал и для изучения греческой истории. Тем не менее, мы должны признать, что действительно наиболее полны и наиболее глубоки знания Вико в области истории Италии и Рима.

Во-вторых, автор очень резко и ясно ограничен эпохой: он изучает общий ход истории, каким он был в прошлом, прошлом для него, т. е. для конца XVII и начала XVIII века. Правда, гениальное построение Вико во многих пунктах опередило эпоху — его мысли стали популярны в Европе только в первой половине XIX века, а Маркс и в 1862 г. писал о «целой куче» гениальных идей Вико.

Но Вико не знал эпохи промышленного капитализма, он не дожил до того времени, когда в истории народов обнаружился этот новый и могучий толчок вперед. Его мировоззрение есть мировоззрение эпохи торгового капитализма, и только некоторые из наиболее общих построений его теории да некоторые частные выводы пригодны для нас в настоящее время.

В-третьих, как мы уже указывали, Вико почти не анализирует производительных сил общества, его экономики, реальных влияний природы в виде расы, климата, почвы и т. п. Почти все внимание он сосредоточивает на государственных формах и на других общественных надстройках. Самое деление на эпохи Вико, по его словам, заимствовал из египетских источников филологического характера: старые источники говорят, что там были три вида письма — 1) божественное, иероглифическое, 2) героическое и 3) народное. Отсюда эпохи: божеская, героическая и народная, человеческая.

1. Божеский век

Общий характер этого периода или, как называет его Вико, общая *природа* его — поэтическая и творческая. Божеской Вико называет эту эпоху потому, что во время нее люди обожествляли весь мир, считали все материальные вещи живыми. Как мы указывали в предыдущей главе, природа людей в этом периоде была «свирепая» и «варварская» — они еще только начали выходить из дикого состояния. Имея начатки религии, семьи и оседлости, эти дикие люди были весьма слабы в умственном отношении. У них были развиты главным образом чувство и воображение, фантазия. В таком смысле умственной *тупости* и преобладания воображения, свойственного детям и самым отсталым дикарям, Вико и называет этот период поэтическим, творческим. Религия только еще начинала «укрощать» этих детей природы [1].

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 553.

Что касается их *нравов*, то они характеризовались благочестием [1], страхом перед богами, прежде всего перед грозным Юпитером — богом грома и молнии.

Первобытной природе и нравам первых людей соответствовала своя система *естественного права*. Это было божеское право — представление о «непосредственной зависимости от богов».[2] Первоначальное право представлялось исходящим прямо от бога и переданным самим богом прямо людям как его подданным.

Отсюда, естественно, вытекало, что первой *формой правления* была теократия — прямое господство божества. Непосредственным правителем государства считалось само божество; это — время оракулов: изречения божества, его советы и предсказания служили декретами государственной власти. «При этой форме правления люди считали, что всякая вещь предписана богами» [3].

В связи с таким общественным и государственным строем возник и свой тип *языка*, тип поэтических образов, с одной стороны, и свой вид законов, принципа власти, суда — с другой.

Древнейший язык, это — нечленораздельная речь, язык обрядов, церемоний, знаков. Древнейшие *образы* — иероглифы. *Дух*, т. е. логическое основание законодательства, в первом периоде внутренний, т. е. люди действуют на основе исключительно «внутренних», полуинстинктивных, подсознательных побуждений.

Что касается *суда*, то в этот период господствуют религиозные клятвы как свидетельства на суде [4]; священные слова (orationes), проклятия (ἀνάθημα, maledire) — вот что свойственно обычно этому древнему праву.

Самое интересное замечание Вико касается *принципа власти* «божеской» эпохи. Он считает (ссылаясь на римские законы XII таблиц), что тогда «власть и собственность были синонимами» [5], т. е. владеть чем-нибудь значило в то же время и иметь власть. Это замечание — одно из тех, которые также сближают Вико с историческим материализмом.

«Божеским» такое понятие принципа власти нужно считать потому, что тогда «всякая собственность, как всякий остаток (излишек), относилась к богам» [6]. Вико здесь касается одного из очень интересных вопросов древнейшей экономики, вопроса о запасе. Мы знаем теперь, что первобытный человек не имел понятия о запасе. Лишь при определенном уровне техники, когда излишек производимого продукта по сравнению с необходимыми средствами существования стал постоянным фактом, люди поняли, что̀ такое излишек, и стали учиться его сохранять, возникли способы хранения продук-

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 554.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 555.

[4] «Implorabant deorum fidem» (*Вико*, перев. Мишле, стр. 570).

[5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 562.

[6] Там же.

тов впрок и т. п. Из этого запаса давали «паек» родовым старшинам, руководящим хозяйством племени, вождям и т. д. Вико считает, что такой запас первоначально — доля божества.

Таким образом, первый общественный строй, это — строй, близкий к первобытной дикости; в нем еще нет классов и государства, построенного на угнетении человека человеком.

2. Героический век

Этот строй изменяется благодаря переходу к оседлости и различиям в силе отдельных общин. Наиболее сильные и удачливые, сев на землю, стали устанавливать более спокойную и устроенную жизнь, чем раньше; заинтересованные в увеличении своей рабочей силы, они стали применять право убежища. К ним бежали люди со всех сторон, вступая в их общины.

Вот как изображает это Вико: «Из *первобытного состояния без законов и без религии* вышло сначала небольшое число людей, выдающихся по силе, которые основали *семьи* и с помощью этих семей начали обрабатывать поля; массы других людей вышли из этого состояния много позднее, находя *убежища* на землях, обработанных первыми отцами семей» [1].

Со включением в семью чужих людей, семья изменилась в самом своем существе. Так как отцы пользовались в семье неограниченной властью, то вновь вошедшие в семью чужие люди были подчинены той же власти. Они стали слугами (famoli [2], serviteurs). Так отцы семей обратились в библейских патриархов и римских патрициев, а все рядовые члены семьи—в плебеев. Так получились, говоря словами Вико, «зачатки обществ».

Здесь идет то место у Вико, представляющее огромный интерес в свете именно наших историко-материалистических взглядов, о котором мы уже говорили. Это — объяснение *происхождения государства*.

Вико говорит: «Мы находим это происхождение... в необходимости, которая была создана для патриархов их слугами. Первое правительство должно было быть *аристократическим*, потому что отцы семей соединялись в сословную организацию (ordini), чтобы сопротивляться своим слугам, взбунтовавшимся против них» [3].

В результате этого столкновения, которое было настоящим классовым столкновением, «патриархи» все же были вынуждены, чтобы привести к повиновению «слуг», сделать им «земельные уступки, подобные feuda rustica (земельным наделам) средних веков» [4].

Начало политической организации заключалось в том, что «патриархи» «сами оказались вынужденными подчинить свои домашние владе-

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 332, аксиома 70.

[2] Отсюда, по Вико, происходит и самое слово семья — famiglia.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 335—336, аксиома 82.

[4] Там же.

ния (ср. fiefs nobles — земли феодалов) верховной власти всего сословия, часть которого каждый из них составлял [1].

Первое государство, таким образом, — аристократическое, феодальное.

Вико последовательно разрушает иные представления о первой форме государства. Это только «народное предание», будто «миром сначала управляли цари, будто первая форма управления была монархическая» (аксиомы 73 и 76) [2]. Другое народное предание: «первые цари, которые были избраны, — были самые достойные» (аксиома 74) [3], или иначе: «первые цари были мудрецы» (аксиома 75) [4]. Ничего подобного. И Вико смеется над Платоном. Его попросту обманули рассказчики старых народных преданий, и он напрасно тосковал «по тем временам, когда философы царствовали или цари были философами». Таких времен никогда не было. А дело объясняется проще. Так как надо предположить, что у первых народов был культ, то, очевидно, что патриархи и были наиболее сведущими в этом культе, в гаданиях; в этом смысле они — ученые; таким образом, будучи государями, они были также и жрецами (аксиома 72) [5]; в их лице «оказались соединенными мудрость, жреческое достоинство и царская власть». Но это была не мудрость в платоновском смысле этого слова, не мудрость философов, а «народная мудрость» государственных людей. И Вико тут же замечает: мы видим, что впоследствии у всех народов священники ходили с коронами на голове [6].

Он разоблачает также мысль о том, что древнейшие земельные наделы у народа появились как дарственные, как подарки патриархов, по самому смыслу их латинского названия beneficium — благодеяние.

По своему обычаю, он устанавливает сначала истину — «аксиому»: «Люди вступают в отношения благотворения, когда они надеются удержать за собой часть того, чем дарят, или извлечь из него бо́льшую пользу: таков тот вид благотворения, которого следует ожидать в общественной жизни» [7]. Мы слышим здесь трезвый голос человека, хорошо понимающего, что́ такое классовое общество. Затем он выставляет другую «аксиому»: «Характерная черта смелых людей — ни в коем случае не терять по недосмотру того, что они приобрели благодаря своей смелости, но уступать только необходимости или выгоде, да и то понемногу, и как можно меньше» [8].— Опять тот же трезвый голос, излагающий нам одно из золотых правил стратегии классовой борьбы.

Сопоставляя затем обе эти «аксиомы», Вико говорит, что в них заключаются «*вечные основы ленных отношений* (феода), которые [как он едко замечает] по-латыни называются изящным словом beneficia (благодеяния)» [9].

Каков же строй, который сложился после этого революционного переворота? Этот строй — строй человеческой юности, героический,

[1] *Вико*, перев. Мишле, там же. [2] Там же, стр. 333. [3] Там же. [4] Там же.
[5] Там же, стр. 332—333. [6] Там же, стр. 333, аксиома 75.
[7] *Вико*, перев. Мишле, стр. 334, аксиома 80.
[8] Там же, аксиома 81. [9] Там же, стр. 334—335.

в политическом смысле, как мы уже сказали, — аристократический, феодальный.

Природа этого строя героическая, люди того времени чувствуют себя детьми богов, полубогами. Их *нравы* отмечены большой впечатлительностью, раздражительностью и честолюбием. На примере гомеровских героев мы видим, как легко эти люди раздражаются, вступают в столкновения, а то и в единоборство или даже в драку друг с другом.

Право этого исторического периода — «право силы», хотя Вико и оговаривается, что сила тут заранее умерена религией, которая одна только может подчинять силу долгу, когда человеческих законов еще нет или они еще бессильны, чтобы сдерживать людей [1]. Полагаясь на силу, «право строили на успехе, на удаче» [2].

Что касается *формы правления*, то она была аристократической.

Язык того времени — язык символов, «язык оружия», т. е. знаков, изображаемых на оружии, гербов. *Образы* его поэтические, различные фигуры обобщений, сравнений и т. п. Это тот самый язык, на котором изъясняются герои Гомера, и те образы, которыми пользуются авторы приписываемых ему поэм.

Принцип власти основывается на охране аристократом людей, поселившихся на земле, которой он управляет. «*Дух*» законодательства характеризуется системой гаданий. Основа этой системы в том, что, поскольку право зависело от силы, постольку и вопросы права решались вооруженным столкновением, в котором «судьба», удача часто решала дело. Отсюда эту судьбу и пытались определить путем гаданий [3], открывающих секретные веления богов через их оракулы и т. п.

Классовый характер этого строя весьма ясно обозначен: все тонкости закона которые мы видим в первоначальном римском праве, вся секретность закона — все это «*обманы знатных*» (imposture de'Nobili) [4]. При помощи запугивания простого народа государственными тайнами знатные люди «хотели держать в своих руках законодательство, которое составляет бо́льшую часть общественной власти» [5].

Что касается *суда*, то его обычной формой тогда был поединок — так называемый «божий суд». Кроме него применялась и частная месть. В отношении поединка, по мнению Вико, неправы юристы, считавшие, что поединки существовали ввиду недостатка доказательств; нет, они практиковались ввиду того, что в те времена еще не было законов о судопроизводстве [6]. Тут Вико делает весьма интересные, с точки зрения метода, замечания. С одной стороны, поединки эти — шаг вперед по сравнению с практиковавшейся до них бесконечной родовой местью. «У варварских народов, — пишет он, — еще неспособных к рассуждению, войны всегда порождали бы войны, если бы они не решили, что сторона, от которой отвратятся боги [а такой считалась

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 554. [2] Там же, стр. 555. [3] Там же.
[4] *Вико*, указ. соч., стр. 283. [5] Там же. [6] *Вико*, перев. Мишле, стр. 573.

сторона, побежденная при поединке. — *В. М.*], неправа» [1]. С другой стороны, благодаря религиозному характеру судопроизводства, заклинания, клятвы, вообще слова — приобрели огромное значение в толковании законов, в судебном процессе, в юрисдикции вообще. Словесные формулы надо было точно соблюдать. Это выражено в законах XII таблиц словами: «Uti lingua nuncupassit, ita ius esto» [2]. От человека, легкомысленно поклявшегося принести в жертву богам свою дочь, тогдашний закон требовал исполнения его слов. Благодаря этому совершалась масса жестокостей, и сам судебный процесс, с позднейшей точки зрения, представлял собой полнейшую нелепость. Но это было исторически неизбежно. Люди не дошли еще тогда до понимания права, не зависящего от словесных формул. В этом не разобрался Лукреций, когда он восклицал: «Tantum religio potuit suadere malorum» (столько зол могла натворить религия).

3. Человеческий век

Третий исторический период у Вико — «человеческий»; это — период зрелости человечества. Пройдя детство — патриархальный строй — и юность — феодальный, — человечество становится взрослым, сознательным, культурным.

Природа этого периода — человеческая, т. е. разумная, умеренная, «благосклонная». Совесть, разум и долг регулируют отношения между людьми [3]. Господство инстинкта, бессознательных действий дикого или малокультурного человека сменяется господством разума. Разум делает человека сдержаннее; отсюда, естественно, более обдуманное, более культурное, а значит, и более «благосклонное», т. е. гуманное, отношение людей друг к другу.

Нравы третьего периода регулируются нравственным долгом; деятельность человека есть исполнение велений долга [4].

Естественное право этого периода диктуется *разумом* и основывается исключительно на нем. Отсюда видно, между прочим, насколько ошибаются позднейшие католические критики Вико, которые его взгляды пытаются истолковать как католические по существу. Вико в отношении современной эпохи такой же рационалист, как любой из писателей XVIII века.

Форма правления третьего периода—«человеческая, в которой равенство разумной природы, характерной черты человечества, обнаруживается в гражданском и политическом равенстве» [5]. Политическая свобода, народное правление характерны для этого периода. Это — строй демократии; Вико называет его «народной республикой» (repubblica popolare). Но он понимает это не в узком смысле порядка управления: в такой демократии может управлять и монарх, присутствие его не изменяет

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 574. [2] Там же, стр. 576.
[3] Там же, стр. 553. [4] Там же, стр. 554. [5] Там же, стр. 555—556.

основных черт нового строя. «Отличие» монарха от остальных граждан «чисто гражданское» [1].

Язык третьего периода есть человеческая *членораздельная речь*. Только в этом периоде она достигает высшей ступени своего развития. Для образования литературы служит буквенный алфавит, используются народные наречия и народные понятия. Именно *народное мировоззрение* оказывает величайшее воздействие на язык, на смысл употребляемых в общежитии слов, а тем самым на законодательство, потому что толкование закона определяется значением и пониманием слов, в которых выражаются формулы закона. Вико говорит, что в отношении слов и литературных образов «народ имеет... некоторый *суверенитет*». Что же касается законов, то «самодержавная власть народа над языками распространяется в одном отношении на законодательство»: «народ придает законам тот смысл, какой хочет, и нужно, чтобы сильные люди, волей или неволей, согласились соблюдать законы, понимая их в том смысле, какой придает им народ. Монархи не могут отнять у народов этот суверенитет над языками...» [2]

Что касается *принципа власти*, то он в третьем периоде основан на праве «консультации», «совета». «*Дух*» *законов* — государственный разум. *Суд* построен на доказательстве нарушения закона, на рациональном толковании законов и т. п.

Так складывается современное демократическое государство. Это — высшая ступень развития человеческого общества. В ней проявляются лучшие качества всего народа в целом. В совершенно демократическом духе Вико пишет: «Народ, взятый в целом, хочет справедливости. Когда весь народ образует государство, он издает справедливые законы, т. е. *вообще хорошие*» [3]. Политическая свобода развивает красноречие, вдохновленное справедливостью, люди размышляют и становятся *моральнее* [4]. Так как законы демократии достойны мудрых, то в народных республиках развивается также *философия*.

В первые два исторических периода не было почвы для философии: люди мыслили слишком конкретно. В первобытную, патриархальную эпоху люди «были почти так же неспособны обобщать, как животные, для которых всякое новое ощущение совершенно стирает аналогичное ощущение, пережитое раньше; они не могли *комбинировать представления и рассуждать*» [5]. Неверно также мнение, что первые легендарные законодатели феодальных времен давали общие законы: «первые народы были неспособны к восприятию общих идей» (i primi popoli eran incapaci d'universali) [6]. Эти идеи возникли позднее.

Демократия дает огромный толчок культурному развитию человечества. Главенство разума и справедливости во всей общественной жизни получило настоящую почву в политической свободе и гражданском равенстве

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 556. [2] Там же, стр. 559. [3] Там же, стр. 636, примеч. [4] Там же, стр. 636. [5] Там же, стр. 487, примеч. [6] *Вико*, указ. соч., стр. 141.

людей. На почве этого культурного развития и возникает философия. Так как историческое начало ее Вико находит в Греции, то он посвящает специальный отдел своей книги вопросу «о том, как у греков философия произошла из законодательства».

Сначала он обращает внимание на то, что, «когда наступили человеческие времена с народным управлением, разум ожил в этих больших собраниях». Развитие демократического законодательства способствовало разработке правовых идей как таковых. Поскольку право выражает общий интерес, постольку оно приходит к общей идее (intellectus juris — смысл закона), обобщающей те или иные положения закона. Таким образом, люди приучаются оперировать общими идеями. Законы были раньше, чем существовали философы. Сократ создал понятие вида в смысле классификации понятий и вещей, создал понятие универсальных идей именно на основе юридической практики афинской демократии. Видя афинских граждан в народном собрании, когда они, голосуя какой-нибудь закон, «*соединялись актом законодательства в идее одинакового интереса, который был общим для всех*», Сократ при помощи *индукции*, т. е. прямо из опыта, пришел к понятию отвлеченных общих идей. Ведь индукция, это — такая «умственная операция, которая собирает вместе единоообразные частности, способные образовать один вид в отношении их единообразия» [1].

Так складывается один из основных элементов философии — понятие *абстрактной универсальной идеи*.

Само законодательство и применение законов, с другой стороны, создает необходимую почву для идеи «вечности права». Законодательство формулирует обыкновенно закон таким образом, что каждый раз, когда мы имеем налицо такой-то факт, он необходимо должен влечь за собой такое-то действие законодательства. Если в римском праве действует принцип cessante fine legis, cessat lex, т. е., «когда нет налицо цели закона, закон перестает действовать», — это лишь отрицательное выражение того, что, когда есть налицо «цель закона», тогда закон необходимо должен действовать. «Каждый раз, как те же обстоятельства вновь будут налицо, смысл закона ими овладевает живой, не могущий погибнуть». Так устанавливается необходимая связь между вещами в области права, повторяемость ее, «вечность» [2]. По существу, мы имеем здесь установление телеологической закономерности, совершенно параллельное тому, как Вико устанавливает причинную закономерность.

Третий период в развитии человеческого общества имеет огромнейшее значение еще и потому, что при нем впервые *преодолевается национальная ограниченность*. Сношения между государствами соединяют их в некоторое целое, и человечество впервые начинает существовать как реальное единство. Необходимо отметить, что, в отличие от многих писателей, вплоть до настоящего времени продолжающих придавать огромное значение христиан-

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 608, примеч. [2] Там же, стр. 610.

ству в установлении понятия единства человеческого рода, «добрый католик» Вико придает здесь, оставляя в стороне христианство, решающее значение — *торговле*. Поэтому совершенно правильно, с нашей теперешней материалистической точки зрения, Вико рассуждает о сношениях между народами и о влиянии их друг на друга. Этому вопросу он уделяет особенное внимание в своих работах.

В 102-й аксиоме «Новой науки» он устанавливает: «Нации, пока они еще варварские, *непроницаемы*; извне нужна *война*, чтобы открыть их иностранцам, внутри нужен интерес *торговли*, чтобы заставить их принять этих иностранцев» [1]. Мы уже указывали, что решающими для Вико были внутренние причины развития и что он отрицал возможность культурного влияния на то или иное общество извне при отсутствии достаточных для того данных внутри самого этого общества.

Но для торговых связей имеет решающее значение вопрос о *путях сообщения*, и Вико еще в самом начале своей книги, в изложении ее принципов, останавливается на путях сообщения. Путешествия Пифагора должны были быть очень трудны, невозможно допустить, чтобы во времена римских царей самое имя Гомера проникло из Кротона в Рим. Тарентинцы, жившие в Южной Италии, извиняли свое дурное обращение с римлянами тем, что они «не знали, кто такие были римляне и откуда они явились». «Настолько мало,— заключает Вико, — знали друг друга первобытные народы на таком близком расстоянии, и даже тогда, когда их не разделяло никакое море» [2].

Отсюда еще более ясным становится соображение Вико, что «естественное право» народов не могло возникнуть у одного народа и оттуда быть распространено повсюду [3]. Причина таких взглядов, это — «хвастовство народов», из которых каждый, как мы уже указывали, «ошибочно претендовал на то, что он первый изобрел полезные для человеческой жизни вещи и сохранил предания о своей истории с начала мира» [4]. Это, конечно, совершенно не вяжется с тем, что Вико выделяет из всех народов еврейский, считает его древнейшим и тем самым допускает, очевидно, передачу от этого народа к другим хотя бы той же самой «истинной» католической веры.

4. Общественный круговорот

Что же было с человечеством дальше? Тут мы переходим уже непосредственно к важнейшей части социологии Вико — к закону *общественного круговорота*, которому Вико посвятил книгу V своей «Новой науки» [5]. Следуя античным и арабским писателям, давно уже высказавшим эту точку зрения, Вико считает, что человечество, достигнув высшей ступени разви-

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 344. [2] Там же, стр. 301, 304.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 312, аксиома 13. [4] Там же, стр. 307, аксиома 3.

[5] Она называется: «Del ricorso delle cose umane nel risurgere che fanno le nazioni» — О возвращении человеческой истории при новом подъеме, который переживают народы.

тия, затем начинает итти назад. Как старость человека есть возвращение к детству, так и старость человечества есть возврат его к прежним временам. Чтобы доказать эту мысль, Вико пускает в ход огромный арсенал новых фактов, накопившихся после времен западно-европейского средневековья. Предваряя открытия конца XIX века, он, прежде всего, чисто научным порядком доказывает, что европейское средневековье, европейский феодализм есть не что иное, как возвращение к феодализму древне-римскому и древне-греческому — это «времена *второго варварства*», которые были еще более темны, чем времена «первого варварства» [1]. В нескольких местах своей работы Вико дает для этого необходимый материал. Язык пришел в упадок в средние века: «Народы вновь стали немыми, перестали пользоваться народным языком», появилась латынь священников, безграмотность была так велика, что даже епископы обозначали крестом свое имя в подписях под актами и т. д. [2]. Поэмы раннего средневековья целиком соответствуют гомеровским [3]. Старая «героическая» мораль, основанная на понятии «чести», т. е. варварская мораль «дуэлистов», вернулась, когда «древнее варварство возникло вновь в средние века» [4].

Затем Вико пишет: «Из многочисленных сопоставлений, которые мы указали в этой работе между варварскими временами древности и средних веков, можно было без труда заметить их чудесное соответствие и извлечь законы, которые управляют обществами, когда, выходя из своих развалин, они вновь начинают новую жизнь» [5]. Более того —Вико пытается показать, на основании своих религиозных понятий, что раннее средневековье было возвратом не только к феодальному, т. е. «героическому», периоду, но и к периоду «божескому». Эти соображения, конечно, несостоятельны и представляют собой тот католический груз, который иногда оттягивал, но, по счастью, безуспешно, нашего писателя от его гениальных полетов вперед, равняющих его с современной наукой. Но мы все же воспроизведем здесь эти соображения ради курьеза. После утверждения христианства в качестве государственной религии против Римской империи поднялись вооруженные народы: на севере варвары-ариане, на юге — сарацины-магометане, которые со всех сторон нападали на христиан, отвергая божественность Христа. «Чтобы утвердить эту истину непоколебимо в соответствии с естественным ходом человеческой истории, бог допустил, чтобы новый порядок родился среди народов» — «он вернул нравы первого века, которые заслуживали скорее имени божественных» [6]. Смысл этого, очевидно, таков, что бог решил начать историю вновь с «божеского» ее периода в эпоху появления Христа на земле и этим чудом хотел подтвердить «божественность» Христа. В подтверждение своей мысли Вико указывает на ясные признаки (добавим от себя — вполне исторические) теократии во вре-

---

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 319. [2] *Вико*, перев. Мишле, стр. 413, примеч.
[3] Там же, стр. 415. [4] Там же, стр. 479. [5] Там же, стр. 615.
[6] *Вико*, перев. Мишле, стр. 616.

мена раннего средневековья в Византии и в Риме. Католические цари, покровители религии, — указывает он, — надели одежды диаконов, посвящали богу свои царские персоны, они имели священные звания, они «установили порядок, религиозный и военный, чтобы одолеть неверных» [1].

Эта часть работы Вико слаба, но за ней следует блестящий анализ европейского средневекового общества в сопоставлении его с феодальным обществом древних греков и римлян.

Он анализирует экономику и право феодализма Европы и античного мира. «Земельные фьефы [наделы] средних веков, сначала *личные*, представляли собой античные клиентелы». В главе 2-й книги V «Новой науки», специально посвященной вопросу о том, «как древнее политическое право римлян восстановилось в феодальном праве (возвращение героического века)», мы встречаемся сначала с путаницей; здесь, как это бывало с Вико не раз, обилие фактов душит автора. Сначала он, несомненно, не вполне уясняет себе смысл проводимого им сравнения. Он считает, что клиенты, которые окружали богатых людей в Риме, это —древнейшая личная форма вассалитета. И он тщательно перечисляет черты этой клиентелы, похожие на вассальную службу. Он считает даже, что самое слово вассал произошло от слова vades, означавшего личную зависимость в Риме [2]. Затем Вико переходит к моменту, когда, по его представлениям, за личной зависимостью явилась имущественная. Здесь он становится на вполне научную почву. Сеньориальный ценз соответствует, по его мнению, так называемому цензу Сервия Туллия; обязанности военной службы плебеев, это — обязанности средневековых angarii и perangarii [3]. Неверно мнение, что феодальное право возникло из варварского нашествия. Вико заканчивает свой анализ еще более широким выводом, вполне подтверждаемым современными нам данными науки. «Римское право, наоборот, родилось из феодализма; я говорю о том первоначальном феодализме, который мы наблюдали, в частности, в древнем варварстве Лациума и который был общей основой всех государств в мире» [4].

Народы Западной Европы начали вновь с того же, с чего начали римляне и греки, и прошли те же основные периоды. Остальные народы, судя по последней цитате, проходили тот же самый путь в той или иной степени. Этот путь и есть общая схема человеческой истории — общий путь «идеальной истории» человечества. Если мы обратимся к современной эпохе, то мы увидим, что большинство стран дошло теперь до высшей ступени развития. «Теперь самая полная цивилизация, повидимому, распространилась среди народов, подчиненных, по большей части, небольшому числу великих монархов. Если еще остались варварские народы в самых отдаленных частях севера и юга, то лишь потому, что природа мало

[1] *Вико*, перев. Мишле, там же.

[2] Vades (отсюда — vadimonium) — поручительство за кого-либо.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 623. [4] *Вико*, указ. соч., стр. 331.

благоприятна там для человеческого рода, и естественный человеческий инстинкт был там слишком долго во власти свирепых и странных религий» [1].

К числу таких отсталых стран относятся Россия, татарское ханство, Абиссиния, Япония. «Царь Московии, хотя и христианский, правит [по-феодальному] людьми ленивого ума» [2]; Япония частью задержалась в «*героической* эпохе» [3] и т. д.

В чем же заключается круговорот человеческой истории? Почему от высших ступеней культуры античного мира человечество вновь вернулось к средневековью, вновь впало в «варварство»? Причина этого — *вырождение демократии.*

В книге IV «Новой науки», § II, гл. VI носит название «О вечном естественном законе передачи власти царю (D'un Eterna Natural Legge Regia), в силу которого народы идут к монархии (vanno a riposare sotto le Monarchie — собственно, идут отдохнуть под властью монархических правительств)» [4]. Вико показывает нам, как это происходит. Он отмечает, между прочим, что этот закон был известен старым римским юристам, например Помпонию, но от внимания современных комментаторов римского права он ускользнул.

Разрушив старые родовые, семейные и феодальные связи, новейшая «человеческая» эпоха установила гражданскую свободу, т. е. политическую самостоятельность граждан и их равенство между собой. Каждый начал самостоятельно отстаивать собственные интересы, возникла известного рода конкуренция между гражданами в отношении *богатства* и *власти.* Богатство стало единственным «отличием» в демократическом обществе, но богатые люди не ограничились этим: они стремились к тому, чтобы сделать из него средство для захвата в свои руки государственной власти. В этом заключается корень всех «бурь» и «гроз» демократии, причина постоянных потрясений и беспорядков. Власть захватывали то те, то другие группы богатых и сильных людей.

Интересы государства и общества отступают на задний план. Неустойчивость такого строя приводит к настоящей анархии. В последней главе «Новой науки» Вико изображает это таким образом: «Когда граждане, не довольствуясь тем, что они в богатстве нашли способ отличия, захотели сделать из него орудие власти, тогда, как бурные ветры волнуют море, они потрясли республики гражданской войной, бросили их во всеобщий беспорядок и заставили их из состояния свободы впасть в худшую из тираний, в анархию» [5]. Мы видим здесь картину, представляющую собой обобщение тех исторических фактов, которые Вико знал и отчасти имел перед глазами.

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 628. [2] *Вико*, указ. соч., стр. 332.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 628.

[4] *Вико*, указ. соч., стр. 305. В названии этой главы Вико своеобразно использует понятие Lex Regia, принятое римскими юристами. Lex Regia — законодательная формулировка передачи суверенной власти народа царю.

[5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 636—637.

Это — история небольших итальянских государств XIV — XVIII веков, это — история Греции и Рима в эпоху упадка.

От подобной анархии, «ужасной общественной болезни» есть три лекарства: первое — захват власти одним лицом, так как монархия, вообще говоря, немногим отличается от анархии: она не может считаться «ни спокойной, ни устойчивой» формой правления [1], но она создает иллюзию спокойствия, водворяя известный внешний порядок; второе лекарство — «испорченный народ завоевывается лучшими народами, которые подчиняют его оружием», так как из народов «тот, который не может управлять собою сам, предоставляет управлять собою другому, который это может сделать», и «управляют всегда на свете те, кто по природе лучше» [2]; третье — полное разложение государства, когда «гражданские войны, самые ожесточенные, обратят города в леса, леса в убежища людей, — и века покроют ржавчиной варварства их изобретательную злобу и развращенную хитрость» [3]. Тогда дикость и варварство уменьшат население, и оставшиеся в живых, находясь в большем изобилии, вновь станут культурными.

Второй выход имел место в древней Греции и Риме — они, придя в упадок, были завоеваны новыми народами. Третий, может быть, — у восточных народов. Что касается первого, то, повидимому, Вико считает его подходящим для своего времени. Во всяком случае, по биографическим сведениям о нем, следует заключить, что он скорее был монархистом, хотя это еще недостаточно доказано.

Что же это за выход? В другом месте «Новой науки» Вико говорит: «Когда граждане демократий думают только об их личном интересе и когда, чтобы достичь этой цели, они обращают силы народа на разрушение своего отечества, тогда поднимается один человек, как Август у римлян, который, становясь господином благодаря силе оружия, берет на себя все общественные заботы и оставляет гражданам только заботу о их частных делах. Это спасло народы, которые иначе пришли бы к гибели (a distruggersi)» [4].

Монархия создает некоторое внутреннее спокойствие, т. е. ослабляет классовые столкновения; в этом, очевидно, смысл выражения, что народы «успокаиваются» под ее властью. «От гибельных подозрений аристократии, через бури народных республик, народы, в конце концов, стремятся успокоиться (vanno a riposare) под властью монархии» [5].

Но этот строй, как мы уже отмечали, неустойчив. Каждый стремится его разрушить, так как стремится к крайностям. Сами монархи стремятся «ухудшить своих подданных» [6]. Они развращают их, «предают их порокам и разврату, при помощи которых они думают укрепить свой трон» [7]. Этим монархия приводится неизбежно ко второму из перечисленных выше выходов: монархи «подготовляют этим своих подданных к подчинению более

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 637. [2] *Вико*, указ. соч., стр. 339.
[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 638. [4] *Вико*, указ. соч., стр. 305.
[5] Там же, стр. 311. [6] *Вико*, перев. Мишле, стр. 638.
[7] Там же, стр. 640.

смелым народам» [1]. Таким образом, распадения государств и нового их соединения нельзя избежать путем перехода к монархии, его можно только отсрочить.

Таков неизбежный вывод.

Когда Вико живописует нам анархию, мы видим, что перед нами сторонник демократии, но испытавший ее «крайности». Это идеолог тогдашней итальянской буржуазии, боящийся «разнузданной демократии», «анархии» и т. п. В этом отношении он очень похож на Аристотеля, тем более, что изображение смены политических форм у него почти целиком заимствовано из аристотелевской «Политики» [2]. Но он не указывает никаких перспектив в отношении будущего, и это опять-таки объясняется тем, что Вико не мог найти удовлетворительного выхода ни в истории древних народов, которые все пришли в упадок и не пошли дальше торгового капитализма, ни в истории Италии, которая в его эпоху переживала также упадок. Поэтому книга Вико оканчивается изображением вечного круговорота разложений и возрождений государств, которые он сравнивает с мифическим фениксом. Ни слова не говорит он о человечестве в целом, образование которого он сам так ярко нарисовал. И напоминание в конце книги о том, что «во всем действует провидение, и без религии не может быть настоящей мудрости», никого не может утешить [3].

Пытаясь дать наиболее общее выражение своим формулам развития общества, Вико дает некоторые *схемы*.

Так, в отношении *размеров территории* Вико считает, что с развитием человеческих обществ эти размеры неуклонно растут. Аристократии, которые еще не умеют, как следует, управлять, держатся в ограниченных пределах в интересах легкости управления подчиненной государству территорией. Размеры государств увеличиваются благодаря завоевательным стремлениям демократии. Монархии продолжают эту линию; они считаются тем более славными и великолепными, чем больше размеры их территории [4].

Вместе с ростом размеров человеческих обществ изменяется существенно характер того *инстинкта самосохранения*, который лежит в основе всех связей между людьми: в естественном состоянии человек «заботится только о самосохранении, присоединяя к нему и сохранение семьи; переходя к гражданской жизни, он стремится одновременно к сохранению себя и гражданской общины, частью которой он является; когда империи распространяются на несколько народов, человек стремится вместе с сохранением самого себя к сохранению наций, членом которых он является; наконец, когда нации связываются между собой дипломатическими, торговыми и военными сношениями, он охватывает в одном чувстве стремление к самосохранению и стремление к сохранению человеческого рода» [5].

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, там же. [2] См. *Аристотель*, Политика, кн. VI, гл. 5—8.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 642. [4] Там же, стр. 603.

[5] Там же, стр. 360, о методе.

Развитие *человеческого сознания* совершается тоже по некоторой схеме: сначала преобладает чувство и воображение, затем они уравновешиваются рассудком, затем последний начинает преобладать. В этом — смысл аксиомы 36-й: «Фантазия настолько же сильнее, насколько слабее рассуждение» [1]. Параллельно этому идет и развитие общественной идеологии: сначала, в период человеческого детства, создаются искусства, за ними развиваются науки и, наконец, во времена старости человечества, приходят философы, которые завершают развитие человечества созданием философских систем [2]. Разумность постепенно проникает все общественные отношения, раньше бессознательно вытекавшие из инстинктов, свойственных человеку как животному.

Однако *ход развития*, по Вико, не прямолинеен, он идет циклами, образуя нечто вроде «движения по спирали» [3], и Вико предоставил позднейшим писателям гадать, замкнется ли когда-нибудь эта спираль или будет итти без конца вперед [4].

Стремясь дать наиболее общее выражение своим схемам, Вико приходит к *цифровым выражениям*, распространенным в то время среди ученых и философов под влиянием роста математических наук и пифагорейских взглядов. Он говорит: народы начинают с *единицы* домашней монархии (т. е. патриархального строя), чтобы пройти через управление *немногих*, *многих* и *всех* и вновь найти *единицу* в гражданской монархии [5]. Это, как он выражается, «порядок цифр, которые суть вещи абстрактные и наиболее чистые» (cose astratte e purissimi) [6].

5. Понятие развития у Вико

В отношении понятия о развитии общества, о ходе его изменений, Вико стоит на точке зрения «*переворотов*»; эта точка зрения представляет собой элементарную и грубую форму диалектики. Как создался первый общественный строй — «божеский»? Он создался внезапно, путем переворота в человеческом сознании, вызвавшего немедленно переворот в общественной жизни: дикари-гиганты, без религии, без семьи, без оседлости, испуганные первыми грозами, внезапно обратились к богу, создали религию, жилище и семью. Это был переворот, создавший первую форму общества.

Мы видели, что переход от этой формы к следующему, «героическому», строю совершился путем восстания членов патриархальных родов против

---

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 62. [2] Там же, стр. 140.

[3] См. также *Michele Longo*, Giambattista Vico, Torino, 1921, p. 186.

[4] Ср. *Р. Виппер*, Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв., СПБ. 1900, стр. 15: «Вико колеблется. С одной стороны, общество человеческое подчинено тем же законам, как личность: оно старится и умирает. С другой, Вико кажется, что провидение ведет человечество дальше вперед, и он рисует мечту какой-то универсальной республики, союза государств, в котором единым монархом будет бог».

[5] *Вико*, перев. Мишле, стр. 603. [6] *Вико*, указ. соч., стр. 312.

патриархов и подчинения восставших государству, образованному патриархами во время этого столкновения. Здесь общество возникает, конечно, не путем революции в современном смысле этого слова, а путем, если можно так выразиться, контрреволюции, но во всяком случае это путь переворота.

То же самое при переходе к третьему общественному строю. Плебеи, народ, восстают против патрициев, аристократии — и тут мы уже имеем дело с настоящей социальной революцией, водворяющей демократию. «Эта революция настолько глубока, что изменила и экономические отношения. Это было сделано по существу так революционно (si fece tanto rivogliamente di cose), что договор продажи...» совершенно изменил свой характер [1]. Связь второго и третьего из этих переворотов с классовой борьбой и нарастанием классовых противоречий у Вико (мы это указывали выше) совершенно ясна.

Вообще понятие общественных противоречий у Вико играет большую роль. Нередко он дает нам образцы применения диалектического метода в той его форме, которой впоследствии много оперировали и Гегель, и Маркс— в форме перехода вещей в их собственную противоположность. Так, вопрос о значении в истории «*дурных страстей*» находит у него очень интересное освещение. Проводя различие между философией и законодательством, он различает их почти так же, как мы различаем формальную логику (или «метафизический» метод рассмотрения явлений, по выражению Энгельса, заимствованному у Гегеля) и диалектическую логику. Если философия рассматривает человека, каким он должен быть, то законодательство рассматривает его таким, каков он есть. А он не таков, как полагает философия, полезная только для очень немногих людей, желающих жить в республике Платона, а не «ползать в грязи народа Ромула». «Из трех пороков: *жестокости*, *жадности* и *самолюбия*, которые губят весь человеческий род», законодательство «получает военное искусство, торговлю и политику», в которых складываются «*мужество*, *щедрость* и государственная *мудрость*. *Три порока*, способные разрушить человеческую породу, создают *общее счастье*» [2]. Впоследствии Фурье разовьет эти рассуждения в свою теорию страстей человека.

Другой пример.

Люди, которые сначала живут в подчинении, стремятся к тому, чтобы освободиться от этого подчинения, затем при аристократическом строе они стремятся к равенству; добившись его, люди не останавливаются — они стремятся стать выше себе подобных, они хотят, наконец, освободиться и от подчинения законам; в результате этого получается «разнузданная демократия — анархия, которую можно назвать худшей из тираний, потому что там столько же тиранов, сколько есть в государстве смелых и разнузданных людей» [3]. Так подчинение приводит к свободе, а свобода—

[1] *Вико*, указ. соч., стр. 173.

[2] Там же, стр. 56, аксиомы 6 и 7.

[3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 341—342, аксиома 95.

к новому подчинению. Впоследствии Сен-Симон разовьет эти идеи при характеристике смены органических и критических эпох.

Однако Вико признает, что иногда развитие идет постепенно. Он допускает, что при переходе от одного общественного строя к другому могут временно складываться некоторые промежуточные, компромиссные формы. Конечно, они неустойчивы, иногда «более желательны, чем возможны», так как ни одно государство, по мнению Вико, не может существовать при двоевластии [1], но, как временные, они иногда встречались в истории. Так, при переходе от патриархального строя к феодальному были вначале «государства аристократические, смешанные с домашней монархией отцов семей» [2]. Затем, при переходе к демократии был такой момент, когда «республики, по природе свободные [г. е. народные. — *В. М.*], управлялись аристократически» [3]. Тут Вико считает, что, поскольку плебеи получили большинство в римских комициях, переворот, по существу, уже совершился, республика стала народной, т. е. демократией, но аристократия сохранила в ней еще некоторые сословные привилегии. Во многих случаях развитие идет постепенно, когда дело касается тех или иных отдельных общественных процессов [4].

VI. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Из отдельных мыслей Вико, которые впоследствии подверглись разработке историками и социологами в направлении, намеченном Вико, укажем, как особенно важный, вопрос *о начале греческой и римской истории* [5].

Вико доказывает, во-первых, что никакой монархии, в современном смысле этого слова, в древнем Риме не было; это была феодальная аристократическая система; республика, которая будто бы была введена Юлием Брутом, на самом деле, также была аристократической [6]. Во-вторых, личности древнейших законодателей легендарны. Идя тем же путем, которым он шел в «открытии настоящего Гомера», Вико показывает, что греческий законодатель Дракон есть просто символическое имя, «эмблема строгости аристократического правительства» [7], что Ликург и Солон изображаются противоречиво: Ликург, законодатель аристократии, проводит аграрный закон в духе крайней демократии, который пытались потом через 500—600 лет провести Агид и Клеомен в Спарте путем демократической диктатуры, за что они были убиты [8]. Наоборот, Солон — демократический законодатель — учредил аристократический ареопаг и т. п.[9]. Разобрав критически римские и греческие мифы в сопоставлении с легендарной историей этих народов,

---

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 594—595. [2] *Вико*, указ. соч., стр. 303. [3] Там же, стр. 304.
[4] *Вико*, перев. Мишле, стр. 332.
[5] См. указание Маркса в цитированном письме его к Лассалю.
[6] *Вико*, перев. Мишле, стр. 476. [7] Там же, стр. 405.
[8] Там же, примечание. [9] Там же.

Вико восклицает: «Пусть судят, есть ли какой-нибудь смысл искать хронологической вероятности в героических генеалогиях Греции и в этом непрерывном ряде четырнадцати римских царей» [1]. Целый ряд законов позднейшего времени был приписан этим царям, точно так же, как и децемвирам [2].

Очень важна также идея Вико *о значении пережитков в социологии.*

В основу его дедуктивного метода, как мы видели в начале статьи, положена та мысль, что в идеологии современного человека сохраняются пережитки, оставшиеся от прошлого. Изучая их, мы можем восстановить пережитые уже человечеством формы общественной жизни. Вико особенно часто пользуется этим методом в применении к языку, к поэзии и мифам.

В современном языке или в сохранившемся до нашего времени древнем языке (немецкий, латинский) много таких пережитков; по ним, изучая развитие самого языка, можно восстановить факты прошлой истории. «Древний язык, который сохранился в употреблении, должен служить, — рассматриваемый в том виде, в каком он был до его зрелости, — великим памятником обычаев первобытных времен» [3]. Мы видим в нем слова, сохранившиеся от времен, когда люди жили в лесах, от земледельческого периода средневековья, от городской жизни, термины академического, научного языка. Так как развитие языка соответствовало развитию общества, то мы можем установить, в каком порядке следовали друг за другом те формы общественной жизни, которые отразились в языке [4].

Вико изображает свою идею пережитков в такой поэтической форме: как большие и быстрые реки в течение долгого времени, после впадения их в море, несут свои пресные воды среди вод моря, так древний поэтический язык сохраняется долгое время в истории [5].

Приведем еще два примера применения Вико его метода в области изучения истории. Первый — это вопрос о значении *мореплавания* в истории человеческих обществ. «Мореплавание в силу его трудности, — говорит Вико, — является одним из последних искусств, которые открыли люди» [6]. Древнейшие народы боялись моря, потому что не умели ездить на кораблях, они боялись пиратов, т. е. народов, которые уже владели искусством мореплавания. Последним из олимпийских богов является Посейдон — бог мореплавания. Его знаменитый трезубец, которым он «потрясает землю», есть багор (uncino), которым пираты останавливали суда. Не есть ли земля, которую он потрясает, палуба корабля? Корабли пиратов, это — бык, который похитил гулявшую на берегу моря Европу и унес ее на своей спине в чужую страну. Корабли часто сравнивались с быками, их мачты назывались на латинском языке «рогами кораблей» (cornua navis), их паруса — крылья. Крылатая лошадь мифов — Пегас — тот же корабль. Минотавр — полубык, получеловек, — это чудовище, на котором Минос похищал из Греции детей, — тоже корабль. Он вез детей на Крит через лабиринт; этот лабиринт есть не что иное, как греческий Архипелаг, действительно настоящий

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 474. [2] Там же, стр. 405. [3] Там же, стр. 314, аксиома 18. [4] Ср. там же, стр. 330. [5] Там же, стр. 404. [6] Там же, стр. 469.

лабиринт островов и скал. Чтобы благополучно проплыть по нему, нужна «нить Ариадны» — искусство лоцмана. Так Вико реалистически толкует мифы — в основе многих из них лежит пиратство как постоянная профессия греческих племен героической, т. е. феодальной, эпохи. Естественно, что, по словам Плутарха, «герои» уважали имя пирата, т. е. разбойника. Этот вооруженный грабеж есть одна из разновидностей так называемой феодальной усобицы; то же самое представляли собой знаменитые набеги норманнов [1]. Все эти набеги при развитии обмена обратились в морскую торговлю и колонизацию [2].

Второй пример, это — происхождение *календаря*. «Первые нации, состоявшие целиком из земледельцев, начали считать годы по сборам хлеба, потому что сбор хлеба, это — единственная или, по крайней мере, главная вещь, которая занимает земледельцев весь год». Чтобы обозначить несколько лет, древние народы, «пользуясь сначала немым языком, показывали столько-то *колосьев* или *соломинок*, или делали жест жнеца». Древний Сатурн — бог времени (греческий Крон — от слова χρόνος — время), — получил свое имя от слова sata — посев [3]. Так, происхождение календаря — *земледельческое*. Эта мысль Вико послужила основанием для современного изучения истории календаря.

VII. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ВИКО

Вико воспитался на идеях *Возрождения*. Из тех философов, которые пользовались наибольшим влиянием в эту эпоху, на него больше всего повлияли, как мы это уже указывали, ссылаясь на его собственные указания в автобиографии [4], — *Платон* и *Бэкон*. У Платона Вико взял, по его словам, идею «вечного права», представление о том, что в праве заложены некоторые общие основания «справедливости», одинаковые для всех времен и народов, вытекающие из некоторых общих идей [5]. Само представление о провидении у Вико — в значительной степени платонизированное. Его провидение есть нечто весьма близкое платоновской «идее» [6], по образу которой сотворена материя. Было бы слишком сильно сказать, что мировоззрение Вико есть идеалистический монизм [7], так как в области социологии он отстаивает материалистическую позицию и так как его философское мировоззрение вообще эклектично, но все же влияние Платона на него очень сильно. Нужно было обладать платоновской силой абстракции, чтобы создать систему «идеальной истории» человечества, «Новую науку», как абстрактную теорию общества.

У Бэкона и Галилея Вико научился индуктивному методу, который он в высшей степени умело применяет в области различных конкретных общественных наук, используя их данные в своих работах. Этот метод Вико при-

[1] *Вико*, перев. Мишле, стр. 469—470. [2] Там же, стр. 344—345.
[3] *Вико*, указ. соч., стр. 233. [4] См. выше, стр. 9. [5] См. автобиографию Вико.
[6] *Michele Longo*, Giambattista Vico, p. 5.
[7] Такое название употребляет Longo, указ. соч., стр. 22.

меняет во втором и в третьем издании «Новой науки», где он проверяет свои общие положения массой фактического материала, обнаруживая свою огромную эрудицию.

Вико до известной степени следовал в этом двойном увлечении — платоновским идеализмом и индуктивным методом — за своими соотечественниками *Джордано Бруно*, *Телезием*, *Кампанеллой* [1], *Марсилио Фичино* [2]. Он восхваляет поддержанную ими итальянскую национально-философскую традицию в своей работе «О древнейшем итальянском мировоззрении».

Нужно иметь в виду, что писатели эпохи Возрождения, уничтожившие своей критикой феодальное и католическое мировоззрение средних веков, отстаивавшие свободную человеческую личность, науку и реалистическое искусство, отстаивали в то же время очищенную (при помощи древне-греческой философии) от католического идолопоклонства христианскую религию и в большинстве исповедывали некоторую форму деизма или пантеизма, которая в следующем за эпохой Возрождения XVII столетии, в связи с общей реакцией, приобрела отчеканенные формы картезианства и спинозизма.

Влияние Аристотеля в области общефилософских взглядов, хотя и отмечено у Вико в форме влияния «номинализма» [3] эпохи того же Возрождения, лишь до некоторой степени ослабило влияние Платона и сделало мировоззрение Вико более реалистическим.

Вико выступает против философов XVII века, он подвергает критике декартовское понимание истины, он вскрывает субъективизм *Декарта* («уединенный» философ) на всех стадиях его развития и выдвигает против него материалистическое представление о проверке истинности человеческих суждений практикой; его субъективному разуму он противопоставляет коллективный разум человечества [4], его статичности — динамизм. Он говорит, что, поскольку Декарт выполнял критическую работу—разрушал старые авторитеты, это было хорошо, но вместо них он создал новый, свой собственный [5] авторитет, что плохо, так как, по мнению Вико, авторитет писателей «должен только заставить нас более внимательно искать причин,

---

[1] Ср. *R. Cotugno*, La sorte di Giovan Battista Vico e le polemiche scientifiche e letterarie dalla fine del XVII alla metà del XVIII secolo. Bari, 1914, p. 95. То же — *M. Longo*, указ. соч., стр. 134. То же — *V Piccoli*, Vico, ed. Athena, Milano, 1925, p. 20.

[2] См. *Б. Кроче*, Источники виковской гносеологии (доклад, прочитанный в Academia Pontaniana 10 марта 1912 г.), приложение к книге «La Philosophie de J.-B. Vico». Paris, 1913, p. 323—324. Также *K. Werner*, Giambattista Vico als Philosoph und gelehrter Forscher. Wien, 1881, S. 56.

[3] См. его автобиографию.

[4] Ср. *M. Longo*, Giambattista Vico, p. 7. *R. Cotugno*, La sorte di Giovan Battista Vico etc., p. 87—89. *B. Croce*, La Philosophie de J.-B. Vico, p. 1—28. *J. Michelet*, Discours sur le système et la vie de Vico (в книге «Mémoires de Vico, écrits par lui-même», Bruxelles, 1837, p. 7).

[5] См. ст. *Вико* в защиту его книги «De antiquissima etc.» в «Mémoires de Vico, écrits par lui-même», Bruxelles, 1837, p. 185. Ср. также ст. *Н. Михайловского*—«Вико и его Новая наука», собр. соч., т. III, СПБ. 1909, стр. 78.

которые могли привести авторов и особенно самых серьезных к тому или иному мнению» [1].

Со *Спинозой* дело сложнее. Идеи Спинозы влияли на Вико и влияли со стороны скорее материалистической. Его общая позиция в отношении к религии, к природе и т. п. во многом соприкасается со взглядами Спинозы. Само построение «Новой науки» по геометрическому методу, система строгой дедукции, которой оперирует там Вико, в особенности в первой части книги и больше всего в ее первом издании, — такого же типа, как в философских работах Спинозы. Тем не менее — Вико отмежевывается от Спинозы. По его мнению, Эпикур, следующий за ним Локк, стоики и Спиноза понимают мир слишком фаталистически. У Эпикура и Локка этот мир — бог, действующий при посредстве случая, у стоиков и Спинозы он действует при помощи необходимости, но все они лишают человека возможности выбора и обдуманной деятельности, а бога лишают способности провидения. Это — мрачная клевета на человеческую природу. Вико объясняет взгляды перечисленных философов условиями их жизни; они — люди разочарованные; вследствие своего происхождения им не пришлось играть в обществе ту роль, которую они хотели играть, или они воображали, будто им нарочно не оказывают почестей, которых они достойны. В их числе Спиноза, как еврей, не имевший отечества, не принадлежавший сам ни к какому государству, изобрел метафизику, «способную разрушить все государства мира» [2].

Повидимому, Вико, который в области социологии так далеко шагнул вперед, в области философской оставался человеком XVI века. Он считал свой век *упадочным* (впрочем, он имел для этого много оснований). Так, в письме к одному своему знакомому-иезуиту (Де-Витре) в 1726 г. он пишет, что в его время «во всех науках гений европейцев, кажется, иссяк», «системы физики не проверяются уже наблюдениями и опытами, нравственные науки не изучаются: довольно, говорят, морали, предписанной евангелием» [3]. Выступая здесь против католической (и как раз именно иезуитской) реакции того времени, он заодно критикует и оторвавшуюся от опытных наук философию.

Ему пришлось также выступить против отрицательного отношения к истории, получившего большое распространение в его время [4]; отношение к истории шло по той же линии отрицания конкретных фактов, что и умозрительная философия.

Повредило ли отрицательное отношение Вико к философии XVII века его научной работе, это — большой вопрос, так как философия у Вико оставалась несколько в стороне от его социологических исследований [5], так же

---

[1] См. *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 287.

[2] *Вико*, указ. соч., стр. 27—28, примеч. [3] *Вико*, перев. Мишле, стр. 170—171.

[4] См. *B. Croce*, La Philosophie de J.-B. Vico, p. 165—166.

[5] *Benedetto Croce* («La Philosophie de J.-B. Vico») пишет в главе о «Метафизике» Вико, что она «остается вне какой бы то ни было связи с «Новой наукой», которая следует надежному методу истины и совершенно отвлекается от откровения» (стр. 143), и далее: он никогда не отказывается от своей метафизики, но он ее держит «в стороне — где-то в углу своего ума» (стр. 144).

почти, как религия; да он и сам считал, что философия должна «быть полезной человеческому роду», служить практике, нуждам людей [1], а не иметь того абсолютного и всепоглощающего значения, которое она приобрела у Декарта и Спинозы.

Из других своих современников Вико ни словом не упоминает *Кампанеллу* [2]. Так как Кампанелла был современник Вико и неаполитанец, то итальянские писатели удивляются этому молчанию, а один из них — Лонго — в своей очень интересной работе о Вико, уже цитированной нами, пытается показать, что Вико, по существу, является защитником угнетенных классов и только по цензурным соображениям не написал утопии, а ограничился изображением недостатков и вырождения существующего общественного строя. Лонго пишет: «В глубине души у Вико, через огромный фактический материал, которым он окружал свою собственную мысль, явственно выступает нота не то уныния, не то протеста, а не то и открытого выступления в пользу пролетариата, под именем famoli (члены патриархального рода), клиенты, плебеи». В то время как Бэкон написал «Новую Атлантиду», Мор и Кампанелла свои утопии, Кардано и Боден хотели показать, что государство может работать на общую пользу, — Вико, «замкнутый в узком кругу своих работ в области древности, не имел силы и мужества высказать целиком свою мысль о блестящих перспективах будущего; поэтому он... под видом простых философских и исторических наблюдений отметил верные следы, оставленные правом прошлого в борьбе против привилегий, прикрывающихся различной мишурой и великолепной внешностью,— следы, в то же время предсказывающее будущее». Он разоблачает патриархов, царей, героев, аристократов в прошлом, призывая этим нас к борьбе за право в будущем, внушая нам, что эта борьба основана на вечных принципах справедливости и «должна вдохнуть в каждого оптимизм веры и разума» [3]. Это верно по существу, но верно и то, что Вико нигде не изобразил нам своего общественного идеала.

Развенчав древне-греческий героический идеал, а в нем, несомненно, и идеал всякого господствующего, привилегированного класса, Вико пессимистически восклицает: «Героя, достойного этого имени, — характер, весьма отличный от бывшего в героические времена, — призывают пожелания угнетенных народов, философы о нем *рассуждают*, поэты его *воображают*, но природа обществ не позволяет надеяться на такого рода благодеяние неба» [4].

Вико не имел большого значения в области философии. Его система эклектична [5], это комбинация — и довольно сложная — христианства,

---

[1] *Вико*, ук. соч., стр. 56, аксиома 5. Ср. *B. Croce*, La Philosophie de J.-B. Vico, pp. 16—17.

[2] См. *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 278.

[3] *M. Longo*, указ. соч., стр. 119, 120—121, 124—125, 128.

[4] *Вико*, указ. соч., стр. 215.

[5] Эклектичность этой системы, хотя и не с нашей, а со «спиритуалистической» точки зрения, удачно показана в ст. *A. Bruers*, La tradizione italica nell'opera di Vico, в указанном выше номере «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto», стр. 302—310.

платонизма, номинализма, индуктивного метода Бэкона, дедуктивного метода Спинозы и т. д. Сама эта комбинация довольно оригинальна (и можно даже посвятить ей целую книгу, как это сделал Бенедетто Кроче [1]), но это одна из тысяч подобных же эклектических систем.

Гораздо значительнее, конечно, место Вико в истории *социологических* теорий. Б. Чичерин называет его «настоящим родоначальником философии истории» [2]. Таково мнение и М. Стасюлевича [3]. Здесь он создает самостоятельный синтез, завершая теорию общественного круговорота и бросая целый ряд гениальных мыслей, разработанных впоследствии социологией и различными отраслями конкретных общественных наук. В области социологии на него повлиял прежде всего *Аристотель*. Отсюда у Вико представление о природной общественности человека [4], отсюда его понятие о естественном праве [5], отсюда идея круговорота и вырождения политического строя.

Тацит и *Гуго Гроций* дали ему чрезвычайно полезный материал, каждый в своей области — Тацит по вопросу об упадке римской империи и о «древних» германцах, Гуго Гроций в области современного права. У *Макиавелли*, предмет научных работ которого во многих пунктах совпадал с предметом исследований Вико (римская история, история Италии), последний взял меньше. Значение общественного круговорота у Макиавелли иное, хотя он и признает самый круговорот. Влияние экономических интересов на политику, изображаемое Макиавелли, несомненно, было оценено Вико. Оценка фактов римской истории точно так же у них иногда совпадает. Так, оба они согласны, что борьба между плебеями и патрициями была причиной свободы этого государства [6].

Крупнейший из современных Вико социологов — *Боден* — повлиял на него также мало. Боден развивал иную социологическую теорию. В отдельных вопросах Вико с ним прямо несогласен и отмечает это [7].

Из писателей, современных Вико, близкие к его учению взгляды высказывал один из крупных юристов и знатоков литературы *Дж.-В. Гравина*, написавший в начале XVIII века большую работу о происхождении права.

В области социологии Вико весьма самостоятелен, и его теория не без основания носит «гордое название» [8] «Новой науки» (хотя это название не ново; были «Новые науки» и до него). Какое историческое значение имели социологические идеи Вико и сама его теория?

---

[1] Цитированная нами «Философия Дж.-Б. Вико».

[2] «История политических учений», часть II, стр. 303.

[3] *М. Стасюлевич*, Философия истории в главнейших ее системах, 2-е изд., СПБ. 1902, стр. 38.

[4] *Вико*, указ. соч., стр. 76, аксиома 104; см. также *Вико*, перевод. Мишле, стр. 310, аксиома 8-я.

[5] См. *M. Longo*, указ. соч., стр. 35—36 (глава «Теория права»).

[6] См. *M. Longo*, указ. соч., стр. 141.

[7] *Вико*, перев. Мишле, стр. 597—598.

[8] Там же, предпоследняя глава «Новой науки».

Книга Вико «Новая наука» произвела большое впечатление в ученом мире Италии и отчасти за ее границами. Впечатление это было двойственное. Его «друзья» из среды неаполитанских ученых и католического духовенства (а книга была посвящена, как мы указывали, одному из них, кардиналу Корсини, ко времени 2-го издания книги ставшему папой Климентом XII) встретили ее «непониманием». Много раз и на разные лады, в прозе и в стихах, за собственными подписями и анонимно, заявляли они, что они не поняли книги, что они стремятся ее понять и не могут [1]. Один из лучших друзей Вико, Giacchi, был в числе «непонимающих». Многие утверждали даже, что Вико сумасшедший. Все официальное «общественное мнение» итальянского ученого мира встретило книгу таким беспощадным молчанием — с ним лично избегали говорить о ней, — что автор с глубокой горечью воскликал: «Я бросил ее в пустыню» [2]. Но это было неверно. Книгу не поняли, но совсем не здесь и не с этого конца. «Лейпцигский журнал» (1727 г.), критикуя ее, отметил, что она—католическая и якобы написана в защиту католической церкви. Вико отвечал, указывая, что его задача иная, разъяснял основной смысл книги и задачи социологии как науки [3]. С другой стороны, у «Новой науки» нашлись горячие почитатели из университетской молодежи. Б. Кроче почему-то думает, что эта молодежь увлекалась книгой, не понимая ее [4], но он этого ничем не доказывает.

Молчание и «непонимание» католиков продолжалось до смерти Вико, наверное потому, что формально книга была католическая, посвященная папе, и могущественные «друзья» Вико не дали бы его в обиду. Но вскоре же после его смерти целый ряд официальных католических писателей обвиняют книгу в том, что она противоречит религии. В таком духе пишут в XVIII веке D. Romano, Lami, D. Rogadei, Finetti, в XIX веке — епископ Colangelo.

Это создает книге бо́льшую популярность, чем она имела до того. С другой стороны, группа неаполитанской революционной молодежи воспринимает идеи Вико и объявляет его своим идеологом.

Вико не был революционером. Наоборот, он, как мы видели, был весьма лойялен по отношению к существующему строю. Однако он во всяком случае считал, что старый феодально-аристократический мир отжил свое время. Он не только теоретически доказывал это в «Новой науке», он относился отрицательно к аристократии даже у себя на родине, в Неаполе. Один из его последователей, *Антонио Дженовези*, сохранил его сатирические замечания о неаполитанской знати [5].

---

[1] *R. Cotugno*, La sorte di Giovan Battista Vico etc, p. 203—206.

[2] *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 289—292.

[3] В своей работе «Notae in Acta Eruditorum Lipsiensia» он говорит: «Главный предмет этой науки не естественное право людей, а общая природа наций; из нее одинаково у всех народов вытекает и развивается постоянное и всеобщее знание божеских и человеческих дел; отсюда выводится новая система естественного права, которая представляет собой некоторый основной вывод из этой науки» (цитир. по указанной выше книге *A. Scrocca*, стр. 93, примечание).

[4] *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 293. [5] Там же, стр. 281.

В отношении современной эпохи Вико считал необходимой демократию. В своих юридических работах он высказал ряд идей, которые вполне соответствовали эпохе и шли по той же линии, как идеи других либеральных и демократических писателей XVIII века. Эти идеи его разобраны за последнее время в статье Антонио Пагано «Идеи и проекты реформ у Д.-Б. Вико» в посвященном Вико номере «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto». Там отмечено, прежде всего, что Вико выдвинул такое положение: «*дух республики есть право, равное для всех*» [1]. Поэтому Вико — сторонник юридического равенства граждан, «*гражданской свободы*» (civilis libertas) [2]. В то же время Вико признает за государством суверенитет. «Дух государства» состоит из воли и разума, которые едины; юридически государство обладает абсолютной властью [3]. Государственная власть осуществляет публичное право, которое ограничивает гражданское право и охраняет его в интересах общего блага. Вико, по словам А. Пагано, явился, таким образом, одним из провозвестников *новых (т. е. буржуазных) принципов публичного права* и дал толчок реформе частного права [4]. Тот же А. Пагано считает, что Вико не был предшественником революции и не чувствовал основной проблемы ее — участия народа во власти [5]. Действительно, Вико, повидимому, никак не реагировал на завершившуюся при его жизни английскую революцию (1688 год). Он не предчувствовал и не предсказывал движения истории вперед в ближайшую к нему эпоху.

Однако сочинения Вико проникнуты таким резко критическим отношением ко всяким привилегиям, к аристократии, такой горячей проповедью всеобщего блага и гражданского равноправия, что объективно они соответствовали задачам, которые ставили себе буржуазные революции XVII—XVIII веков.

Кроме того, Вико пользуется революционным методом: история, по его мнению, есть ряд переворотов. Поэтому вполне понятно то революционное истолкование идей Вико, которое было дано итальянскими революционерами и надолго сохранило свое значение. Это истолкование было «иллюминатское», так как итальянские революционеры этого времени принадлежали к иллюминатам. Оно было дано *Mario Pagano* (в его работе «Saggi Politici», 1783—1785 г.), *Gaetano Filangieri* и др. Их собственное мировоззрение представляло собой соединение идей Вико с французским материализмом XVIII века. Марио Пагано и Гаэтано Филанджьери были в числе деятелей *неаполитанской буржуазной республики*, организованной при содействии революционной французской армии после итальянского похода Бонапарта.

---

[1] Указ. соч., стр. 480 (animus reipublicae jus aequum omnibus).

[2] Там же, стр. 484 (со ссылкой на соч. «De constantia jurisprudentis» в итальянском переводе, Nap. 1861, p. 70).

[3] Указ. соч., стр. 482 («L'Assolutezza giuridica dello Stato»).

[4] Там же, стр. 480, 481.

[5] Там же, стр. 490.

Филанджьери еще до революции познакомился с *Гете* во время его пребывания в Неаполе и познакомил его с «Новой наукой» Вико. Вот как Гете описывает это: «Очень скоро он познакомил меня с одним старым писателем, в бездонной глубине которого эти новые итальянские друзья законности находят высокое наслаждение и обоснование своих взглядов; его зовут Иоган-Баптист Вико; они предпочитают его Монтескье. При беглом знакомстве с книгой, которую они мне показали как святыню, мне показалось, что там заключаются сибиллины пророчества о добре и справедливости, которые когда-нибудь должны будут или должны были бы осуществиться, пророчества, основанные на строгом исследовании минувшего и человеческой жизни. Очень хорошо, когда у какого-нибудь народа есть такой духовный отец» [1].

Гете по возвращении в Германию познакомил с подаренной ему Филанджьери «Новой наукой» немецких писателей через *Якоби*.

Мысли Вико о происхождении поэм Гомера были опубликованы в 1765 г. в «Gazette Littéraire de l'Europe» [2].

Тем не менее, *Вольф*, создавая свою гомеровскую теорию, которую Кроче предлагает называть не вольфовской, а «виковской» [3], как принято думать, не читал Вико. Уже после появления его книги «Prolegomena ad Homerum» ему было указано на книгу Вико. Теория Вольфа, которая в основном принята современной наукой, несомненно представляет собой развитие тех же идей, что теория Вико.

Чрезвычайно ценным научным идеям Вико не посчастливилось у современников; это объясняется главным образом тем, что национальная ограниченность тогда была еще слишком велика. Если специалист по Гомеру Вольф не читал специально о Гомере же написанной работы на французском языке, то что же говорить о «Новой науке», написанной на итальянском языке. *Энциклопедисты* его почти совсем не использовали. *Монтескье* был знаком с «Новой наукой»; несомненно, пользуясь частными идеями Вико в отношении тех или иных вопросов, Монтескье его не цитирует [4]. Нужно сказать, впрочем, что социологическая теория Монтескье очень сильно отличается от теории Вико.

После падения Неаполитанской республики Пагано, Филанджьери и др. ее деятели бежали в Северную Италию. Там *Vincenzo Cuoco*, *Francesco Lomonaco и Francesco Salfi* познакомили с «Новой наукой» ученых Северной Италии. Они писали о Вико на французском языке; благодаря им познакомился с работами Вико *Мишле*. С этого момента Вико приобретает постепенно все большее значение. Буржуазный либерал Мишле, один из талантливейших популяризаторов различных научных теорий, «от-

[1] *Goethes* Werke, 14. Band. «Italienische Reise». Lpz. u. Wien, p. 218—«Neapel den 5 März, 1787».

[2] См. *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико. [3] Там же, стр. 304.

[4] См. его дневник, там же, стр. 303.

крыл» Вико для Франции. Историческая школа в лице *Савиньи* и др. [1] развивает его идеи об историческом характере права в связи с нравами и духом народа.

Огюст Конт, излагая свой знаменитый «закон трех состояний» в умственном развитии человечества — теологического, метафизического и позитивного, использовал характеристики трех периодов — божеского, героического и человеческого, которые дал Вико, хотя сам закон трех состояний был впервые намечен Тюрго, а в своей развитой форме принадлежит Сен-Симону, не пользовавшемуся, повидимому, идеями Вико. Ог. Конт писал о Вико в 1844 г. [2].

Идеи и метод *Гегеля* во многих пунктах представляют собой развитие идей Вико [3].

Реакционеры времен реставрации, видевшие во французской революции и последовавшей за ней наполеоновской империи подтверждение идей Вико о вырождении демократии в монархию, сами сплошь и рядом потерявшие надежду на полное восстановление их феодальных прав, ударялись в реакционный романтизм, меланхолически и мечтательно воспевавший прелести феодального строя и католической веры времен средневековья. В их увлечении некоторыми идеями Вико обнаруживается их идеологическое ничтожество: трудно найти человека, который более талантливо показал бы, что средние века — аристократия, папская власть — это возврат к варварству, это «второе варварство», которое «хуже первого». Вико, писавший, что «*возвратиться к аристократии — несовместимо с общественной природой человека*» [4], жестоко посмеялся бы над попытками восстановить средневековье в наши дни, как смеялся он над реакционными фантазиями своего учителя Платона.

Католические писатели стали даже выдавать Вико за «своего», доказывая довольно безуспешно его верность католицизму. В таком духе писали особенно его соотечественники — Rosmini, Gioberti, Tommaseo, Cenni [5].

С бо́льшим правом считали Вико «своим» *итальянские буржуазные революционеры* в эпоху объединения Италии; они ценили его главным образом как хранителя и продолжателя национальной философской традиции, как человека, перед которым преклонялись первые итальянские революционеры 1790-х годов. Еще в 1844 г. видная итальянская революционерка принцесса *Cristina Trivulzi (Belgiojoso)*, группировавшая около себя в Париже итальянских революционеров-эмигрантов, перевела «Новую науку» [6]

---

[1] Ср. *M. Longo*, указ. соч., стр. 47.

[2] *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 309.

[3] См. *B. Croce*, Cio che è vivo e cio che è morto della filosofia di Hegel.

[4] *Вико*, перев. Мишле, стр. 625, примеч.

[5] *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико.

[6] Этим переводом пользовался Маркс — см. приведенное выше его письмо к Лассалю. Об этом же переводе упоминает Кареев («Основные вопросы философии истории», т. I, М. 1883, стр. 7).

на французский язык Затем были переизданы труды Вико, его идеи развивал G. Ferrari. Появился ряд работ в его духе. В 1880-х годах появились серьезные работы, посвященные Вико на английском *(Robert Flint)* и немецком *(Karl Werner)* языках. Эта же эпоха отразилась у нас обстоятельными очерками о Вико *Чичерина* в его «Истории политических учений», *Стасюлевича* — в его «Философии истории» и скорее публицистической, чем научной, статьей *Михайловского* «Вико и его Новая наука» (1872 г.).

Из отдельных социологических идей Вико его идеи о римской истории имели очень важное значение. *Нибур* в своей «Римской истории» (1811 г.) доказывал, что вся эпоха римских царей мифична; Савиньи указал ему на сходство его взглядов со взглядами Вико. Тем не менее, ни Нибур, ни *Моммзен*, который также пользовался идеями Вико, не ссылались на него [1], наверное, из национальных соображений и из-за свойственного буржуазным ученым стремления подчеркивать свою оригинальность. Отнюдь не желая отдавать особое предпочтение тому или другому буржуазному автору, мы должны все же признать, что основные положения для всех современных историков древнейших феодальных времен Рима и Греции написаны в первые Вико.

Некоторые взгляды *Маркса* совпали со взглядами Вико: Таковы взгляды на роль человеческой деятельности в истории и на значение человеческой практики как критерия истины. Второй тезис о Фейербахе звучит совершенно, как выражаются итальянцы,— «по-виковски». Маркс не мог, несомненно, пройти мимо того изображения классовой борьбы в древнем Риме и в феодальном обществе, которое было дано в «Новой науке». Но мы не знаем, был ли знаком Маркс с «Новой наукой» до 1862 г., когда он ее подробно изучал. Никаких следов влияния идей Вико на Маркса мы не нашли.

Из марксистов больше других пользовался идеями Вико *Лафарг* (см. «Экономический детерминизм К. Маркса»).

В конце XIX и начале XX века Вико остается современным писателем [2]. Только теперь настолько прочно «сткрыт» древне-римский и древнегреческий феодализм, что работа Вико в этой области получила полное фактическое подтверждение. Исследования Тэйлора и др., построенные на основе метода пережитков в применении к первобытной истории человечества, доказали в основном пригодность этого метода [3]. Целый ряд других его положений в области «генетической» социологии точно так же подтверждается [4]. Попрежнему Вико вызывает споры: *Бенедетто Кроче* сопоставляет его идеи о «провидении» с идеями Гегеля о «мировом духе» [5], доказывает огромное значение Вико с точки зрения научных материалистических методов

[1] См. *Б. Кроче*, О жизни и характере Дж.-Б. Вико, стр. 308.

[2] Замечание V. Piccoli в цитированном уже номере «Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto»: «Величие выдающихся мыслителей выражается в их вечной новизне».

[3] Ср. *Fr. Cosentini*, La sociologie et G.-B. Vico, Paris, 1898 (extrait de la «Revue Internationale de Sociologie»), p. 7.

[4] Там же, стр. 5, 15—22.

[5] *B. Croce*, Cio che è vivo e cio che è morto della filosofia di Hegel (цитировано по книжке *A. Scrocca*, Giambattista Vico nella critica di Benedetto Croce, p. 3).

изучения общества. Католические писатели вновь, цитатами из «Божественной комедии» Данте и из книги Бытия, пытаются доказать ортодоксальность Вико (Alb. Scrocca). У нас в России о нем пишут историки, испытавшие сильное влияние марксистских идей — *А. Дживелегов* (в статье: «Вико и его система философии истории» в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1896 г., кн. 34) и *Р. Виппер* (в книге «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков» — 1900 г.); оба дают высокую оценку его социологических построений. Последний очерк наиболее ярко характеризует систему Вико в целом.

И, наконец, к 200-летнему юбилею первого издания «Новой науки» итальянские ученые в сборнике, посвященном Вико, подробно выясняют отдельные моменты в биографии и работах Вико, имеющие ценность именно для нашего времени, восхваляют его как великого итальянского «национального» ученого и философа.

Таким образом, Вико получил постепенно всеобщее признание, которое, конечно, он вполне заслужил. М. Лонго вполне прав, когда говорит, что Вико с его идеями классовой борьбы и общественных переворотов очень подходит к нашим временам.

Однако, несмотря на все значение отдельных гениальных идей Вико, его теория в целом нашла очень мало последователей, да и то почти исключительно среди итальянских писателей: M. Pagano, G. Filangieri, Genovesi, Giuseppe Ferrari («Teoria dei periodi politici»).

Это произошло потому, что его социологическая система явилась завершением *теории общественных круговоротов*, имевшей большое значение в прошлом, но уже к половине XVIII века совершенно отжившей.

История всех древних культур шла таким общим путем: выйдя из первобытного состояния, они через патриархально-родовой строй перешли к феодализму (именно этот последний момент мы застаем в древнейших доступных нашему прямому наблюдению культурах Египта, Передней Азии и др.). Пройдя затем феодальную эпоху (которую историческая наука обнаружила у них только в конце XIX века), некоторые из этих культур перешли к торгово-капиталистическим системам рабства как определенной системы хозяйства. Здесь они достигли высшей точки своего развития и затем пришли в упадок; некоторые из них совершенно разложились, другие попали под власть соседних народов, еще не переживших этой ступени развития; тогда у этих последних народов история началась вновь с феодального строя. Так случилось, например, с культурой греко-римской, воспринятой германцами и славянами. Только в XVIII столетии история Европы вырвалась из этого «заколдованного круга»: феодализм — торговый капитализм — упадок, новый феодализм — новый торговый капитализм — новый упадок и т. д. Только теперь появился промышленный капитализм, и паровая машина пробила человечеству путь к дальнейшему развитию.

Теория круговоротов отражала этот старый, действительно происходивший круговорот истории. Она нашла своих выразителей в древней

Греции, Риме, у арабов, и ее завершила работа Вико. Будучи совершенно «новой наукой» по своему методу, по целому ряду отдельных положений, воспринятых позднейшей социологией, она по своей общей системе принадлежала старому. В то время, когда она писалась, уже подрастали люди, которые произвели великий промышленный переворот, положивший конец старому круговороту истории, а с ним и теории общественных круговоротов. Через несколько десятков лет на смену ей пришла вместе с французской революцией теория прогресса, отражавшая новое движение человечества вперед.

Таким образом, правильно отразив историю всех прошлых эпох и оставив нам в этой области ряд объективных наблюдений и строго научных приемов исследования, эта теория в целом потеряла уже вскоре после смерти Вико всякое значение.

В самое последнее время перед угрозой пролетарской революции вновь кое-где возрождается теория круговоротов. Она утверждает, что на наших глазах капитализм разлагается, ему предстоит не движение вперед — к социализму, а возвращение назад, как сказал бы Вико — к «третьему варварству». В таком духе была написана книга О. Шпенглера «Закат Европы», в таком же духе написал проф. Р. Виппер свою статью «Конец индустриальной системы» (в сборнике под названием «Круговорот истории») [1]. Но эти голоса одиноки, и их постигнет судьба теории Вико, так как они послышались также накануне нового движения человеческой истории вперед — от капитализма к социализму.

В. Максимовский.

---

[1] Изд. «Возрождение», Москва—Берлин, 1923.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПЕРВОЙ ГЛАВЫ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

И сторонники, и противники Маркса признают, что первая глава первого тома «Капитала» представляет собою краеугольный камень всего грандиозного здания экономической теории Маркса. Не менее общепризнанным является мнение, что первая глава «Капитала» представляет огромные трудности для понимания как благодаря сложности своего содержания, так и благодаря той сложной форме, в которую Маркс облек здесь свои мысли. Речь идет не только о трудности, которую эта глава представляет для новичков, недавно приступивших к изучению «Капитала». Даже люди, посвятившие не мало лет изучению «Капитала» Маркса, при каждом новом чтении первой главы этого сочинения открывают в ней новые оттенки мысли, до тех пор ускользавшие от их внимания. Для того, чтобы глубже проникнуть в несравненное богатство мыслей, сгусток которых Маркс дал в первой главе своего труда, необходимо подвергнуть эту главу детальному теоретическому и историческому анализу. В частности необходимо проследить, как Маркс на протяжении многих лет и даже десятилетий развивал свою теорию стоимости и придавал своим мыслям новую, более сложную формулировку. Как и почему Маркс пришел к тем сложным категориям и своеобразным терминам, которыми он пользуется в первой главе «Капитала», — такова одна из насущных задач, стоящих перед исследователями марксовой теории стоимости. Решение этой задачи будет иметь не только большой исторический интерес, так как поможет нам вскрыть историческое развитие взглядов Маркса. Оно окажет нам также немалую помощь в деле лучшего теоретического уяснения тех сложных категорий и терминов, которыми изобилует марксова теория стоимости.

Как известно, первая глава первого тома «Капитала» оставлена нам Марксом в трех редакциях: в редакции первого издания 1867 г., в редакции второго издания 1872 г. и, наконец, в редакции французского издания, выходившего в виде отдельных выпусков в 1873—1875 гг.

Вспомним далее, что уже сочинение Маркса «К критике политической экономии», изданное в 1859 г., представляет собою не что иное, как первую печатную редакцию тех же мыслей, которые впоследствии составили содержание 1—3 глав первого тома «Капитала». Таким образом, по существу мы имеем в нашем распоряжении целых четыре редакции первой главы «Капитала», написанных на протяжении не менее 16 лет. Из всех глав первого тома «Капитала» именно первая глава подвергалась Марксом наи-

более радикальной переработке. Чем дальше, тем промежуток времени между двумя последовательными редакциями уменьшается; параллельно с этим уменьшаются в своем объеме и значении те нововведения и изменения, которые Маркс считал нужным внести в каждую новую редакцию. Во французское издание 1873 г. Маркс внес, по сравнению со вторым изданием 1872 г., лишь отдельные исправления стилистического и редакционного характера. Гораздо более многочисленными и существенными являются изменения, внесенные Марксом во второе издание 1872 г. по сравнению с первым изданием 1867 г. Однако и эти изменения касаются преимущественно характера аргументации, формы изложения и расположения материала (в частности в первом издании гораздо сильнее сказывается влияние гегелевской терминологии и гегелевских схем); основные же понятия и термины сохранены Марксом прежние.

Как и можно было ожидать заранее, наиболее резкую разницу мы обнаружим при сравнении первой главы «Капитала» с первою главою «К критике политической экономии». Здесь речь идет уже не только об ином характере аргументации или иной форме изложения. В первой главе «Капитала» мы найдем целый ряд важнейших понятий и терминов, которые отсутствовали еще в «Критике» или встречались в ней лишь в зародышевом виде. Поэтому, оставляя в данный момент в стороне различные варианты, с которыми мы встречаемся в различных изданиях «Капитала», мы в настоящей статье ограничимся сравнением изложения теории стоимости в «Критике» и «Капитале». В первой главе настоящей статьи мы убедимся, что в «Критике» Маркс не проводил еще резкого различия между стоимостью и меновою стоимостью и не дал еще подробно разработанного учения о меновой стоимости. В частности в «Критике» отсутствует еще учение о развитии полюсов стоимости (т. е. относительной и эквивалентной форм стоимости) и учение о развитии форм стоимости (т. е. простой, развернутой, всеобщей и денежной форм стоимости). Во второй главе мы постараемся проследить те причины, которые побудили Маркса провести в «Капитале», в отличие от «Критики», резкое различие между стоимостью и меновой стоимостью. При этом мы увидим, что к мысли о необходимости строго провести это разграничение понятий Маркс пришел, повидимому, в ходе своей полемики против Бэйли, этого критика Рикардо и решительного противника теории трудовой стоимости.

Глава I

СТОИМОСТЬ И МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ В «КРИТИКЕ» И «КАПИТАЛЕ»

Сочинение Маркса «К критике политической экономии» состоит всего из двух глав: первая посвящена «товару», вторая — «деньгам». Каждая из этих глав, помимо теоретического изложения вопроса, содержит в себе также особые исторические экскурсы, в которых Маркс критически излагает

учения предшествовавших ему экономистов XVII—XIX столетий по данному вопросу. К главе первой приложен «Исторический обзор анализа товара», в главе второй имеются два исторических экскурса подобного же характера: «Теории единицы денежной меры» и «Теории средств обращения и денег». Первоначально, как известно, Маркс предполагал снабдить каждый отдел «Капитала», посвященный изложению определенной проблемы, особым историческим экскурсом, рисующим развитие экономических идей в области данной проблемы. Но впоследствии Маркс отказался от такого громоздкого, комбинированного теоретически-исторического способа изложения, примененного им в «Критике». В большинстве своем исторические экскурсы были Марксом выделены из текста «Капитала». Относящиеся к ним рукописи Маркса были впоследствии проредактированы К. Каутским и изданы под названием «Теории прибавочной стоимости».

Переменою плана изложения «Капитала» объясняется отсутствие в первом томе «Капитала» упомянутых выше исторических экскурсов, помещенных в «Критике». В остальном же материал, составляющий содержание «Критики», был положен Марксом в основу первого отдела первого тома «Капитала» [1]. Глава первая «Критики», относящаяся к теории стоимости, соответствует первым двум главам «Капитала»; глава вторая «Критики», посвященная теории денег, соответствует третьей главе «Капитала». При этом часть, относящаяся к теории денег, в меньшей мере подверглась изменениям, преимущественно в сторону сокращения. Наоборот, часть, относящаяся к теории стоимости, значительно Марксом расширена (более, чем в $2^1/_2$ раза, если не считать исторического экскурса) и коренным образом переработана. Именно в теории стоимости Маркс продолжал искать новые, более точные формулировки для своих мыслей.

Как мы уже отметили, небольшая первая глава «Критики» содержит в себе тот материал, который впоследствии, в расширенном и переработанном виде, вошел в первую и вторую главы «Капитала». Постараемся сейчас провести более точное сравнение между этими главами «Критики» и «Капитала». Во втором издании «Капитала» первая глава распадается на четыре раздела, но с точки зрения внутреннего содержания ее можно разделить на три части: 1—2-й разделы содержат учение о стоимости (и труде, образующем стоимость), 3-й раздел — учение о форме стоимости или о меновой стоимости, 4-й раздел — учение о товарном фетишизме. Вторая глава, под названием «Процесс обмена», показывает возникновение денег из процесса обмена и в частности из развития скрытого в товаре противоречия между стоимостью и потребительною стоимостью. Таким образом,

[1] В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал: «Содержание более раннего произведения, упомянутого выше (т. е. «Критики». — *И. Р.*), резюмировано в первой главе этого тома». Необходимо прибавить, что в первом издании (1867 г.) первая глава «Капитала» включала в себя учение о товаре и деньгах, т. е. соответствовала 1—3 главам последующих изданий «Капитала».

все содержание первых двух глав «Капитала» может быть разделено на четыре части, в которых рассматриваются:

1. Стоимость (1-й и 2-й разделы первой главы),
2. Форма стоимости или меновая стоимость (3-й раздел первой главы),
3. Товарный фетишизм (4-й раздел первой главы),
4. Возникновение денег (вторая глава).

Труднее указать содержание первой главы «Критики». Метод изложения, которого Маркс придерживался в «Критике», делает весьма затруднительным аналитическое выделение отдельных частей и строгое обособление их друг от друга. Тем не менее, вооруженные теми выводами, к которым нас приводит строгий анализ, данный Марксом в «Капитале», мы и в первой главе «Критики» легко откроем три различные части. Первая часть (нем. изд., стр. 1—15, за исключением последнего абзаца 15-й страницы) заключает в себе учение о стоимости и — при всем различии в способе изложения — параллельна 1—2 разделам первой главы «Капитала». Во второй части, занимающей всего четыре маленьких страницы (от последнего абзаца 15-й страницы до последнего абзаца 19-й страницы), можно обнаружить, как увидим ниже, слабый зародыш тех идей о меновой стоимости, которые впоследствии получили у Маркса совершенно новое развитие в 3-м разделе первой главы «Капитала». Наконец, последняя часть первой главы «Критики» (от последнего абзаца 19-й страницы до 32-й страницы) рассматривает возникновение денег из развития противоречия между стоимостью и потребительною стоимостью и в общих чертах соответствует второй главе «Капитала». Что касается учения о товарном фетишизме (подробно изложенного в 4-м разделе первой главы «Капитала»), то в первой главе «Критики» ему отведена только пара страниц (стр. 9—11) в первой части, посвященной анализу стоимости и труда, образующего стоимость.

Как видим, из четырех пунктов, отмеченных нами выше и подробно развитых Марксом в «Капитале», только первый и последний пункты (т. е. учение о стоимости и учение о возникновении денег) более или менее полно изложены также в «Критике». Учение о товарном фетишизме затронуто в «Критике» бегло и очень кратко, хотя основные идеи его изложены вполне ясно и правильно. Наконец, как увидим ниже, наибольшая разница между «Критикой» и «Капиталом» обнаруживается в учении о форме стоимости или меновой стоимости. Можно сказать, что основная разница в трактовке теории стоимости в «Критике» и «Капитале» сводится именно к отсутствию в «Критике» ясно проведенного различия между стоимостью и меновою стоимостью или — что то же самое — ясно развитого учения о меновой стоимости. На этом существенном отличии первой главы «Критики» от первой главы «Капитала» мы должны остановиться подробнее.

В «Капитале» Маркс строго различает *стоимость* товара, представляющую известное количество «овеществленного» труда или рабочего времени, от его *меновой стоимости*, т. е. стоимости, выраженной в потре-

бительной стоимости другого товара. Первое понятие обозначается термином Wert (стоимость), последнее понятие — термином Tauschwert (меновая стоимость).

В «Критике политической экономии» Маркс для обозначения понятия стоимости пользуется еще безразлично обоими терминами: Tauschwert и Wert. Наиболее часто употребляется термин Tauschwert, особенно в первой главе, посвященной специально теории стоимости. Термин Wert встречается обычно там, где речь идет о *величине* стоимости. Нередко оба термина встречаются рядом, произвольно заменяя друг друга[1].

Итак, в «Критике» термины Wert и Tauschwert обозначают одно и то же понятие. Какое же именно понятие обозначается ими, стоимость или меновая стоимость? Нет сомнения, что в «Критике» оба названных термина обозначают стоимость, — понятие, для которого впоследствии, в «Капитале», Маркс употреблял термин Wert. Это доказывается не только тем, что в «Капитале» Маркс во многих местах употребляет термин Wert там, где в соответствующих местах в «Критике» он еще пользовался термином Tauschwert. На каждой странице «Критики» мы находим термин Tauschwert в смысле стоимости товара, выраженной в определенном количестве труда. Чтобы привести только наиболее яркие примеры, укажем, что на стр. 52 Tauschwert квартера пшеницы выражается в 30 рабочих днях, в то время как его цена (Preis) выражается в 1 унции золота. На стр. 14 мы читаем: «Величина содержащегося в товаре рабочего времени, т. е. его Tauschwert» и т. д.

Если термин Tauschwert, как и Wert, обозначает в «Критике» понятие стоимости (т. е. соответствует употребляемому в «Капитале» термину Wert), то мы в праве ожидать, что понятие меновой стоимости, развитое Марксом в «Капитале» под названием Tauschwert, еще не получило в «Критике» достаточно ясного развития. Действительно, сравнение обоих сочинений Маркса приводит нас к следующему, на первый взгляд парадоксальному, выводу: хотя с терминологической стороны в «Критике» на первом плане фигурирует Tauschwert, а не Wert, но по существу Маркс сосредоточил здесь свое внимание на анализе стоимости и не дал нам ясно развитого понятия меновой стоимости. С другой стороны, хотя терминологическое новшество «Капитала» заключается в частом употреблении термина Wert вместо Tauschwert, но по существу то новое, что дал нам здесь Маркс, заключается в ясно развитом учении о меновой стоимости, в ее отличии от стоимости.

Сказанное нами не следует понимать в том смысле, будто Маркс в «Критике» игнорировал тот факт, что в товарном хозяйстве трудовые затраты, определяющие величину стоимости товара, выражаются не непосредственно, а лишь косвенно, в форме приравнивания данного товара

[1] См. «Zur Kritik der politischen Oekonomie», S. 17—18 (изд. 1907 или 1924 г.), где фигурирует Wert des Kaffees, а в следующей фразе в том же смысле говорится о Tauschwert einer Ware. На стр. 50 говорится о Tauschwert des Goldes, а в следующей фразе о Wert einer Unze Gold, и т. п.

другому. Под стоимостью в «Критике» Маркс понимает не трудовую затрату как таковую, а выраженную в определенной социальной форме приравнивания товаров друг другу. Более того. В «Критике», в отличие от «Капитала», он с самого начала имеет в виду одну определенную форму стоимости, а именно наиболее развитую или денежную форму стоимости [1]. Но именно потому, что в «Критике» стоимость с самого начала выступает в этой развитой форме, адэкватной содержанию стоимости, Маркс не чувствовал потребности в специальном анализе формы стоимости, в отличие от ее содержания. Только в «Капитале», где Маркс поставил себе целью проследить развитие форм стоимости от простейшей до денежной формы, — развитие, движущею силою которого является противоречие между стоимостью и потребительною стоимостью, — обнаружилась необходимость дать отдельно анализ содержания стоимости и формы стоимости. В данном пункте, как и во многих других, обнаруживается характерное отличие изложения Маркса в «Капитале» от изложения в «Критике». В «Критике» отдельные элементы проблемы выступают в неразрывно связанном, вернее — спаянном, виде. В «Капитале» они обособляются друг от друга и подвергаются отдельному анализу. Благодаря этому анализ выигрывает в силе, и яснее выступают характерные черты каждого элемента самого по себе. Но, с другой стороны, создается для неподготовленного читателя опасность отрыва отдельных элементов проблемы друг от друга и забвения той неразрывной связи, которая их соединяет. В частности читатель никогда не должен забывать, что в 1-м и 2-м разделах первой главы «Капитала» Маркс, хотя и дает анализ содержания стоимости отдельно от ее формы, постоянно предполагает наличие последней.

Мы пришли к выводу, что в «Критике» Маркс под Tauschwert понимает в сущности стоимость. Ясно развитого учения о меновой стоимости мы в «Критике» не находим. Но значит ли это, что в «Критике» мы не найдем никаких указаний на понятие меновой стоимости, впоследствии более подробно развитое Марксом в «Капитале»? Такое предположение тем более невероятно, что в «Критике» Маркс, как мы уж отметили, с самого начала рассматривает стоимость в ее определенной форме, а именно в денежной форме. Было бы в высшей степени странно, если бы мы не нашли в «Критике» никаких указаний на меновую стоимость, хотя бы в ее наиболее поверхностной и бросающейся в глаза форме, а именно в форме количественного соотношения обмениваемых товаров.

Действительно, меновая стоимость, рассматриваемая с этой наиболее поверхностной, чисто количественной стороны, встречается на первых же страницах «Критики». Она составляет даже исходный пункт рассуждений

[1] Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 22 июня 1867 г.: «В первом изложении (в издании Дункера) я избег трудности в развитии благодаря тому, что там я даю, собственно, анализ выражения стоимости только после того, как оно является уже в развитом виде, как денежное выражение» «Briefwechsel von Marx und Engels», B. III., 1921, S. 383. Русский перевод: «Письма Маркса и Энгельса», 1923 г., стр. 167).

Маркса. «Меновая стоимость прежде всего представляется в виде *количественного соотношения*, в котором потребительные стоимости могут обмениваться друг на друга» [1]. Эта известная фраза сохранена Марксом и в «Капитале» [2]. Но в «Капитале» Маркс тут же немедленно указывает, что, поскольку мы ограничиваем наше исследование чисто количественною стороною меновой стоимости, мы легко можем впасть в ложное представление, будто меновая стоимость есть «нечто случайное и чисто-относительное». Именно для того, чтобы показать ложность этого представления, защитником которого выступал Бэйли [3], Маркс и счел нужным в «Капитале» после цитированной фразы круто повернуть ход исследования от меновой стоимости к скрывающейся за нею стоимости и дать специальный анализ последней. В «Критике» мы этого резко подчеркнутого Марксом перелома в ходе исследования не находим. Маркс как будто еще не видит или не считает нужным подчеркивать все опасности, скрытые в чисто количественном исследовании меновой стоимости. В «Капитале» Маркс подчеркивает несоответствие между меновою стоимостью и тем содержанием, которое в ней выражается; в «Критике» он чаще отмечает соответствие между ними. Поэтому в «Капитале» Маркс, после упомянутой нами фразы о меновой стоимости как «количественном соотношении», предвидит возможность появления в уме читателя представления о том, что меновая стоимость есть нечто «случайное и относительное». В «Критике» же он после той же фразы непосредственно приходит к выводу, что обмениваемые товары «замещают друг друга в обмене, считаются эквивалентами и таким образом, несмотря на свой пестрый внешний вид, представляют одно и то же единство» [4]. В «Критике» единство субстанции стоимости, содержащейся во всех товарах, выдвигается на первый план и заслоняет собою как различие форм стоимости, так и различную роль обоих товаров, составляющих оба полюса выражения стоимости. Благодаря этому изложение в «Критике» плавно и как будто незаметно, без резких диалектических переходов, приводит нас от меновой стоимости в смысле количественного соотношения обмениваемых товаров к их стоимости. Этот переход смягчается еще благодаря тому, что, как мы уже выяснили выше, последнее понятие, т. е. понятие стоимости, также обозначается в «Критике» термином Tauschwert.

Если в «Критике» встречается понятие меновой стоимости в смысле количественного соотношения обмениваемых товаров, то труднее ответить на вопрос, встречается ли там также понятие меновой стоимости, рассматри-

---

[1] «Kritik», S. 2. [2] «Kapital», B. I., 1914, S. 4.

[3] См. ниже, вторую главу: «Маркс и Бэйли».

[4] «Kritik», S. 3. Здесь, как и во многих других местах, Einheit обозначает у Маркса «единство», а не «единица». К сожалению, переводчики часто ошибочно передают этот термин словом «единица». Напр., на стр. 14 немецкого издания I тома «Капитала» сказано, что товары как стоимости «суть выражения одного и того же единства, человеческого труда». В русском же переводе (изд. 1928 г., стр. 11) сказано: «выражения одной и той же единицы человеческого труда».

ваемой с качественной стороны. Чтобы точнее ответить на этот вопрос, мы должны выяснить, что̀ именно означает в «Капитале» меновая стоимость, в отличие, с одной стороны, от стоимости, а с другой стороны — от количественного соотношения обмениваемых товаров.

Поскольку мы рассматриваем товары как стоимости, мы констатируем единство или тожество их общественной природы. Как *стоимости*, все товары совершенно *равны* друг другу. Внешним образом это равенство выражается в «*уравнении стоимости*» (Wertgleichung),— например: 20 аршин холста=1 сюртуку. Из этого же уравнения мы узнаем «количественное соотношение» или «*отношение стоимостей*» (Wertverhältnis) обоих товаров. Мы узнаем, что стоимость 1 аршина холста в двадцать раз *меньше* стоимости 1 сюртука, но чему именно равна стоимость холста (или сюртука), мы не узнаем.

Представим себе теперь, что нам поставлена задача определить стоимость холста на основе того же уравнения. Для этого мы должны прибегнуть к следующему приему: мы должны принять стоимость одного товара (например, сюртука) за данную величину и определить стоимость второго товара (холста) в известном числе единиц первого товара. В таком случае мы говорим, что стоимость 20 аршин холста=1 сюртуку, и получаем особое «*выражение стоимости*» (Wertausdruck) для холста. На первый взгляд может показаться, что это «выражение стоимости» ничем не отличается от того «отношения стоимостей», о котором говорилось выше. Но на самом деле между ними есть существенная разница. Раньше мы констатировали, что *стоимость* 20 аршин холста равна *стоимости* 1 сюртука, т. е. в обеих частях уравнения фигурировали *стоимости* товаров. Теперь мы утверждаем, что *стоимость* 20 аршин холста равна *1 сюртуку*, т. е. данному конкретному предмету или потребительной стоимости другого товара. Мы получили особое «*выражение стоимости*» одного товара (холста) в *потребительной* стоимости другого товара (сюртука). Если в «отношении стоимостей» оба товара играли совершенно одинаковую роль, — и в этом равенстве отражалось равенство их как стоимостей, — то в «выражении стоимости» оба товара играют качественно различную роль [1]. Пользуясь терминологией, употребляемою Марксом в «Капитале», следует сказать, что холст находится здесь в «относительной» форме стоимости, а сюртук— в «эквивалентной» форме стоимости.

На первый взгляд может показаться, что различие роли, выполняемой обоими товарами в «выражении стоимости», устраняет равенство их как

[1] Изложенное объясняет нам, почему Маркс проводит различие между Wertverhältnis и Wertausdruck. В русском переводе эти понятия иногда ошибочно отожествляются. Например, на стр. 12 русского перевода первого тома «Капитала» (изд. 1928 г.) читаем: «проследить развитие того выражения стоимости, каким *является* отношение стоимостей товаров». В подлиннике у Маркса сказано: «развитие того выражения стоимости, которое *содержится* в отношении стоимостей товаров». Маркс нередко говорит, что в «отношении стоимостей» (Wertverhältnis) содержится или заключается «выражение стоимости» (Wertausdruck).

стоимостей. На самом деле это не так. В товарном хозяйстве равенство продуктов труда не устанавливается заранее каким-нибудь общественным органом, а обнаруживается через посредство сложного процесса движения, в который продукт *А* вступает как подлежащий еще уравнению с продуктом *Б* и, следовательно, фактически еще не уравненный с ним. В учении о стоимости мы отвлекаемся от этого посредствующего процесса и рассматриваем товары со стороны равенства их как стоимостей. В учении же о меновой стоимости мы изучаем именно этот посредствующий процесс уравнения, в котором товары необходимо выполняют различную роль.

Возвратимся теперь к «Критике» и поставим вопрос, можно ли в ней найти учение о «выражении стоимости», «меновой стоимости» или «форме стоимости». Что касается последнего термина, то он в «Критике» вовсе не встречается. Термин «меновая стоимость» (Tauschwert) встречается в «Критике» очень часто, но, как мы уже знаем, именно для обозначения стоимости, а не меновой стоимости. Остается, таким образом, искать в «Критике» указания на способ «выражения стоимости». И, действительно, в упомянутой нами выше второй части первой главы «Критики», занимающей всего четыре страницы (стр. 15—19), мы найдем зародыши учения о «выражении стоимости» или меновой стоимости.

После того как Маркс в первой части первой главы «Критики» рассматривал товары со стороны равенства их как стоимостей, он начинает вторую часть следующими словами: «Меновая стоимость (Tauschwert, под которою на самом деле понимается стоимость. — *И. Р.*) товара не проявляется в его собственной потребительной стоимости... Меновая стоимость одного товара проявляется в потребительных стоимостях других товаров. Эквивалент в сущности есть меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого товара [1]. Если, например, я говорю, что один локоть холста стоит двух фунтов кофе, то меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости. Если эта пропорция дана, я могу стоимость любого количества холста выразить в кофе» [2]. В цитированных словах мы находим прямое указание, что стоимость товара выражается в потребительной стоимости другого товара, т. е. принимает вид меновой стоимости.

Также известно Марксу уже в «Критике», что изменение меновой стоимости товара количественно не совпадает с изменением его стоимости. «Мы видели, что *меновая стоимость* товара изменяется в зависимости от количества труда, непосредственно содержащегося в нем самом. Его *реализованная* меновая стоимость, т. е. *выраженная в потребительных стоимостях* других товаров, должна зависеть также от того отношения, в котором изменяется рабочее время, затрачиваемое на производство всех других товаров» [3]. «Меновая стоимость» товара *А* зависит только от количества

---

[1] К этому определению эквивалента мы еще вернемся ниже.

[2] «Kritik», S. 15—16. [3] «Kritik», S. 18. — Курсив наш.

труда, затрачиваемого на его производство. Но его «реализованная меновая стоимость» может изменяться также в зависимости от изменения количества труда, которое затрачивается на производство товара *Б*, обмениваемого на товар *А*. «Меновая стоимость» товара *А* может остаться неизменившеюся, несмотря на его изменившуюся «реализованную меновую стоимость». Очевидно, что под первым термином Маркс и здесь, как в других местах, понимает в сущности *стоимость* товара, последний же термин обозначает его *меновую стоимость*.

В приведенных словах можно увидеть зародыш представления о том, что стоимость товара должна быть «реализована» (realisiert) или «выражена» (ausgedrückt) в потребительных стоимостях других товаров». В том же смысле мы часто встречаем эти выражения в «Критике» [1]. В других местах «Критики» та же мысль выражается Марксом при помощи других терминов. Меновая стоимость товара находит свое «реальное выражение» (realer Ausdruck) или «представление» (Darstellung) в потребительных стоимостях других товаров, она в них «проявляется» (manifestiert sich) [2].

В приведенных выражениях мы можем видеть зародыш учения об отличии меновой стоимости от стоимости. Однако в «Критике» это учение находится еще в зародышевом состоянии. И стоимость, и меновая стоимость обозначаются здесь еще одним и тем же термином Tauschwert. Все качественное своеобразие, связанное с фактом выражения стоимости одного товара в потребительной стоимости другого товара, здесь еще не привлекает к себе внимания Маркса. Качественное различие роли, выполняемой обоими товарами в выражении стоимости, еще не выяснено. «Выражение стоимости» здесь еще не отличается с достаточною ясностью от количественного «отношения стоимостей», выражающего факт равенства товаров как стоимостей. Качественные особенности категории меновой стоимости — в отличие от стоимости, с одной стороны, и «отношения стоимостей», с другой еще не получили ясного развития. Мысль Маркса сбращена прежде всего на количественные особенности «выражения стоимости». «Если эта пропорция дана, я могу стоимость любого количества холста выразить в кофе», — таков чисто количественный вывод, который прежде всего интересует Маркса. Что преобладающий интерес к количественной стороне вопроса не может привести к правильному пониманию меновой стоимости и необходимости полярного распределения различных функций между обоими товарами, — распределения, содержащего в зародыше необходимость возникновения денег, — отметил впоследствии сам Маркс в первом издании первого тома «Капитала» [3].

---

[1] См. например: «Меновая стоимость реализуется» в ряде уравнений (стр. 17). «Меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе» (стр. 16). «Меновая стоимость бушеля пшеницы, выраженная в его эквивалентах» (стр. 18). «Каждый товар... выражает свою меновую стоимость под-ряд в определенных количествах потребительных стоимостей всех других товаров» (стр. 17).

[2] «Kritik», S. 15, 19, 24, 50. [3] «Kapital», B. I., 1867, S. 20—21.

Мы пришли к выводу, что в «Критике» понятие меновой стоимости еще не получило ясного развития. Вполне естественно поэтому, что в «Критике» мы еще не находим учения о различных формах стоимости, — учения, которому Маркс посвятил такое большое внимание в «Капитале». Как известно, Маркс в «Капитале», с одной стороны, исследует различные формы стоимости (простая, развернутая, всеобщая и денежная); с другой стороны, в каждом выражении стоимости Маркс, в свою очередь, различает два полюса: относительную стоимость и эквивалентную стоимость. В «Критике» мы еще не находим ни учения о формах стоимости, ни учения о полюсах стоимости. Мы можем лишь указать слабые зародыши мыслей, из которых Маркс впоследствии построил свое учение о формах стоимости. Что же касается учения о развитии противоположности между полюсами стоимости, то в «Критике» мы не находим даже его зародышей.

Так как стоимость с самого начала выступает в «Критике» в ее наиболее развитой, всеобщей или денежной форме, то понятно, что напрасно стали бы мы искать здесь учение о различных формах стоимости. Правда, и в «Критике» Маркс охотно берет для иллюстрации примеры обмена одного товара на другой товар, но этот обмен с самого начала рассматривается им как один из моментов всестороннего обмена данного товара на все другие товары. Чтобы убедиться в этом, проследим ход мыслей Маркса во второй из указанных нами трех частей.

Приступая во второй части к исследованию меновой стоимости, Маркс берет для примера случай обмена одного товара на другой товар. «Если я, например, говорю, что один локоть холста стоит двух фунтов кофе, то меновая стоимость (под которою, как мы знаем, понимается стоимость. — *И. Р.*) холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости» [1]. В «Капитале», как известно, Маркс выделяет этот случай обмена одного товара на другой товар для детального анализа под названием простой формы стоимости. В «Критике» он, не подвергая приведенное уравнение особому анализу, немедленно включает его в целую систему уравнений, выражающих стоимость того же локтя холста в бесконечном ряде других предметов. «Ясно, что меновая стоимость товара, например холста, не исчерпывается тою пропорцией, в которой другой особенный товар, например кофе, образует его эквивалент... Меновая стоимость этого единичного товара (холста. — *И. Р.*) выражается исчерпывающим образом лишь в бесконечном множестве уравнений» [2], а именно в ряде уравнений:

1 локоть холста = ½ фунта чаю.
1 локоть холста = 2 фунтам кофе.
1 локоть холста = 8 фунтам хлеба.
1 локоть холста = 6 локтям ситца и т. п.

Выражаясь в терминах «Капитала», мы могли бы сказать, что Маркс перешел от простой формы стоимости к развернутой. Но в то время как в «Капитале»

[1] «Kritik», S. 16. [2] «Kritik», S. 16.

речь идет действительно о диалектическом (логическом и историческом) переходе одной формы стоимости в другую, в «Критике» Маркс ограничивается констатированием того, что уравнение двух товаров (холста и кофе) представляет собою не более, как один член целой системы уравнений, выражающих стоимость холста. В то время как в «Капитале» уравнение двух товаров представляет собою особую форму стоимости, обладающую хотя бы весьма относительною самостоятельностью, в «Критике» оно с самого начала выступает в скромной роли подчиненного члена всей системы уравнений.

Но Маркс недолго останавливается и на приведенной системе уравнений. «Если меновая стоимость 1 локтя холста выражается в $^1/_2$ фунта чаю или 2 фунтах кофе, 8 фунтах хлеба или 6 локтях ситца и т. д., то отсюда следует, что кофе, чай, ситец, хлеб и т. д. равны друг другу в той пропорции, в которой они равны третьему, а именно холсту; следовательно, холст служит общею мерою их меновых стоимостей» [1]. Выражаясь опять-таки в терминах «Капитала», Маркс перешел здесь от развернутой формы стоимости к всеобщей. Но и в данном случае нельзя говорить о диалектическом переходе одной формы стоимости в другую. Если в «Капитале» развернутая форма стоимости *становится* (логически и исторически) всеобщею, то в «Критике» Маркс лишь ограничивается констатированием того, что приведенная система уравнений *есть* не что иное, как система тех же уравнений, но перевернутых (т. е. в которых левые части поставлены направо, а правые — налево). Здесь Маркс не показывает нам диалектического развития различных форм стоимости, а дает лишь логический анализ меновой стоимости, выступающей с самого начала в ее наиболее развитой, всеобщей форме. В «Капитале» переход от развернутой ко всеобщей форме стоимости сопровождается резким изменением социального характера выделенного товара (холста), который остается в правой части уравнения в качестве всеобщего эквивалента. В «Критике» каждый товар рассматривается одновременно и как «исключительный товар, служащий общим мерилом меновых стоимостей всех других товаров», и как «один из многих товаров, в совокупности которых любой другой товар непосредственно выражает свою меновую стоимость» [2].

Итак, в «Критике» мы нашли только слабые зачатки учения о формах стоимости. Единство субстанции стоимости здесь подчеркивается Марксом с наибольшею силою и заслоняет собою различие форм стоимости. Именно этим объясняется факт отсутствия в «Критике» учения о развитии форм стоимости и полюсов стоимости.

В «Капитале» Маркс, как известно, проводит резкое различие между обоими полюсами стоимости. Товар A, стоимость которого выражается в товаре $Б$, находится в относительной форме стоимости. Товар $Б$, в котором выражается стоимость товара A, находится в эквивалентной форме стоимости или функционирует как эквивалент [3]. Суб-

[1] «Kritik», S. 17. [2] «Kritik», S. 17. [3] «Kapital», B. I., S. 15.

станция стоимости (труд) в обоих приравниваемых друг к другу товарах *А* и *Б* качественно однородна и количественно равновелика. Но оба товара играют различную роль в выражении стоимости и обладают различными формами стоимости.

В «Критике» это различие форм еще не привлекает внимания Маркса. Правда, подобно тому как стоимость Маркс в «Критике» рассматривает в ее наиболее развитой всеобщей или денежной форме, точно так же ему хорошо известно различие обоих полюсов стоимости в их наиболее развитом виде, а именно в виде полярного противопоставления товара деньгам. Но поскольку Маркс остается в пределах теории стоимости (в отличие от теории денег), различие роли, выполняемой обоими приравниваемыми друг другу товарами, им еще не выяснено. Здесь он еще подчеркивает единство, присущее обоим приравниваемым товарам в «выражении их эквивалентности» [1]. Оба товара *А* и *Б*, фигурирующие в данном выражении, «считаются эквивалентами» [2]. Эквивалентность понимается здесь в большинстве случаев в смысле «равноценности», — свойства, в одинаковой мере присущего обоим приравниваемым товарам. Этим объясняется то необычное определение эквивалента, которое мы находим в «Критике». «Эквивалент в сущности есть меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого товара» [3]. Вспомним, что приблизительно теми же словами Маркс в «Капитале» характеризует именно относительную, а не эквивалентную форму стоимости. «Стоимость товара *А*, выраженная в потребительной стоимости товара *Б*, обладает формой относительной стоимости» [4]. На первый взгляд читатель может подумать, что в «Критике» эквивалентом называется та самая форма стоимости, которая в «Капитале» названа относительною. Но такое предположение было бы ошибочно. В «Критике» Маркс просто еще не отличает обоих полюсов стоимости друг от друга и называет эквивалентом безразлично как тот товар, который стоит в левой части уравнения обмена, так и тот товар, который находится в правой части этого уравнения. На одной и той же странице мы встречаем термин «эквивалент» в обоих этих смыслах. На странице 15 Маркс дает ряд уравнений, в которых один и тот же товар, именно один локоть холста, приравнивается целому ряду других товаров. По этому поводу Маркс сообщает нам, что потребительные стоимости всех других товаров образуют эквивалент холста. Здесь термин «эквивалент» употребляется в том же смысле, как и в «Капитале». Но уже в следующей фразе мы узнаем, что в этом же ряде уравнений холст «исчерпывающим образом выражен как всеобщий эквивалент», т. е. как товар, приравниваемый всем другим товарам [5]. «Эквивалентом»,

---

[1] «Kritik», S. 18. [2] Там же, S. 3.

[3] «Kritik», S. 15—16. [4] «Kapital», B. I., S. 19.

[5] В том же смысле понимается всеобщий эквивалент на стр. 25 и других.

следовательно, называется одинаково и холст, и товары, в которых выражена его стоимость [1].

Эволюция термина *«эквивалент»* в сочинениях Маркса в высшей степени характерна. Когда Маркс обращал еще главное свое внимание на равенство всех товаров как стоимостей, термин «эквивалент» (или «эквивалентность» в смысле равноценности) подчеркивал *равенство* обмениваемых товаров. Когда внимание Маркса было привлечено к различной роли, выполняемой обоими товарами в выражении стоимости, термин «эквивалент» характеризовал роль одного товара, в *отличие* от другого товара, находящегося в относительной форме стоимости. В первом издании «Капитала» (1867 г.) Маркс счел еще нужным напомнить об этом двойственном значении термина «эквивалент». Маркс писал: «Форму — 20 арш. холста = 1 сюртуку или 20 арш. холста стоят 1 сюртука, мы можем также выразить следующим образом: 20 арш. холста и 1 сюртук *суть эквиваленты* или *оба представляют стоимости равной величины*. В этом случае мы не выражаем *стоимости* которого-нибудь из обоих товаров в *потребительной стоимости* другого. А потому ни тот, ни другой товар не полагается в *эквивалентной форме*. *Эквивалент* здесь означает лишь *равенство величин*, причем обе вещи подразумеваются приведенными к отвлеченному понятию — *стоимости*» [2].

Термин «эквивалент» прилагается Марксом в «Критике» одинаково к обоим полюсам выражения стоимости, т. е. и к тому полюсу, который в «Капитале» обозначается как эквивалент, и к тому полюсу, который в «Капитале» получил особое название относительной стоимости. Отсюда понятно само собою, что в «Критике» термин *«относительная стоимость»* еще не может встречаться в том смысле, в каком он употребляется в «Капитале». Действительно, в то время как в «Капитале» относительною стоимостью товара *А* называется его стоимость, выраженная в потребительной стоимости другого товара (например товара *Б*) — в «Критике» речь идет об «относительной стоимости» (relativer Wert) двух или *нескольких* товаров (например товаров *А* и *Б*), т. е. о *сравнительной величине их стои-*

[1] Непонимание этой своеобразной терминологии Маркса в «Критике» приводит нередко к ошибочному истолкованию его текста. Напр., на стр. 26 немецкого издания «Критики» читаем: «2 фунта кофе = 1 локтю холста представляет собою теперь исчерпывающее выражение меновой стоимости кофе, так как оно (т. е. кофе.— *И. Р.*) является в этом выражении непосредственно эквивалентом определенного количества любого другого товара». В «Капитале» Маркс сказал бы, что кофе находится в относительной форме стоимости, а холст выполняет роль всеобщего эквивалента. Но в «Критике» Маркс называет и кофе «эквивалентом» на том основании, что оно через посредство холста (как всеобщего эквивалента) приравнивается любому другому товару. Русскому переводчику показалось, повидимому, непонятным это обозначение кофе как эквивалента, и он счел нужным переиначить всю фразу: «Равенство: 2 фунта кофе = 1 локтю полотна, исчерпывает теперь выражение меновой стоимости кофе, так как в этом выражении *локоть полотна* непосредственно является эквивалентом для определенного количества всякого другого товара». (Русский перевод, издание Ленинградского комуниверситета, 1922, стр. 50). У Маркса слово «er» может относиться только к кофе, а не к полотну (так как Leinwand — женского рода).

[2] «Kapital», B. I., 1867, S. 769. Русск. перев. 1872 г., стр. 665. (Курсив Маркса.)

мости. В то время как в «Капитале» термин «относительная стоимость» применяется только к *одному* полюсу «*выражения* стоимости» (Wertausdruck),— в «Критике» он употребляется для характеристики «*отношения* стоимостей» (Wertverhältnis) *обоих* товаров. Чтобы яснее объяснить читателю это различие, вспомним сказанное нами выше об отличии «выражения стоимости» от «отношения стоимостей». Предположим, что относительные стоимости (т. е. отношение стоимостей) чая и кофе равны 4 : 1, т. е. один фунт чаю имеет в четыре раза бо́льшую стоимость, чем один фунт кофе. Здесь под «относительными стоимостями» чая и кофе понимается сравнительная величина их стоимости; но в данном случае ни стоимость чая, ни стоимость кофе не получает еще особого выражения. Другое дело, когда мы говорим, что стоимость 1 фунта чая равна 4 фунтам кофе; здесь чай находится в «относительной форме стоимости» в том смысле, что стоимость его получает особое выражение в потребительной стоимости кофе (последний товар поэтому выполняет роль эквивалента). В данном случае оба товара выполняют различную роль, в то время как в первом случае роль их была совершенно одинакова.

Понятие относительной стоимости, как противоположной эквивалентной форме стоимости, встречается только в «Капитале». В «Критике» же речь идет лишь об относительных стоимостях в первом смысле, т. е. в том же смысле, в каком понятие относительной стоимости обычно употребляется у Рикардо. Так, в «Критике» говорится об «относительной стоимости» бесконечного множества потребительных стоимостей, об «относительной стоимости обоих металлов» (золота и серебра) [1].

Как видим, эволюция термина «относительная стоимость» совершенно параллельна эволюции термина «эквивалент». Вначале оба эти термина подчеркивали *равенство* обоих товаров, обмениваемых друг на друга. Впоследствии они служили для характеристики той *различной* и *противоположной* роли, которую играют эти товары в акте обмена. Правда, и в «Капитале» Маркс иногда употребляет эти термины в прежнем смысле, но на первый план все более выдвигается новое значение их как терминов, служащих для обозначения различных и противоположных полюсов выражения стоимости.

Глава II

МАРКС И БЭЙЛИ

Как было изложено нами в первой главе, в «Критике политической экономии» Маркс еще не проводит строгого различия между стоимостью и меновой стоимостью. Различие это в ясной и строгой форме проведено Марксом в первой главе первого тома «Капитала». Что же побудило Маркса заняться ближе этим вопросом? Его побудила к этому, повидимому, необ-

[1] «Kritik», SS. 152, 171.

ходимость отстоять теорию трудовой стоимости от ожесточенных нападок, которым она подвергалась со стороны Бэйли.

Бэйли выступил решительным и рьяным противником учения Рикардо, которое он подверг резкой критике в своем сочинении «A critical dissertation on the nature, measure and causes of value» (1825). Сочинение это вызвало большой шум и горячую полемику между ее автором и сторонниками Рикардо. Несмотря на то, что Бэйли критиковал теорию Рикардо с точки зрения поверхностной вульгарной экономии, ему удалось, как отмечает Маркс [1], открыть в ней действительно слабые места.

Рикардо утверждал, что стоимость товара определяется трудом. Но он совершенно не интересовался формою стоимости, рассматривая ее как нечто второстепенное и безразличное. Он не отличал стоимости от меновой стоимости, а превращение товаров в деньги казалось ему чисто формальным и внешним актом [2]. Но в реальной действительности стоимость товара проявляется в форме меновой стоимости: она принимает вид суммы денег или определенного количества других товаров, получаемых в обмен за данный товар. В теории Рикардо между стоимостью товара, выраженною в определенном количестве труда, и его меновою стоимостью, выраженною в определенном количестве вещей, получилась непроходимая пропасть; никакой мостик не вел от первой к последней. На этот слабый пункт и направил свои удары Бэйли.

Если Рикардо, сосредоточив свое внимание на стоимости, игнорировал форму стоимости, то Бэйли избрал противоположный путь. Он рассматривает явления в том виде, какой они имеют в актах рыночного обмена. Но в обмене стоимость товара не выражается сама по себе, отдельно от других товаров. Она проявляется только в вещной форме, в определенном количестве других товаров (или определенной сумме денег). Следовательно, рассуждает Бэйли, мы можем только говорить об относительной стоимости данного товара *А* в другом товаре *Б*, *В*, *Г*, *Д* и т. д. Но нелепо говорить о стоимости товара *А* вообще, без точного указания того конкретного товара, на который обменивается товар *А* и с которым он сравнивается. Нельзя говорить об *абсолютной* стоимости товара *А*, а можно говорить лишь об *относительной* стоимости его по сравнению с товаром *Б* (или *В*, *Г*, *Д* и т. д.). «Существует тысяча различных видов стоимости, — столько видов стоимости, сколько существует товаров» [3].

Но относительная стоимость всегда предполагает отношение двух товаров и, следовательно, необходимо носит двусторонний характер. Относительная стоимость товара *А* в товаре *Б*, например 4 : 1 (т. е. формула, показывающая, что единица товара *А* имеет в четыре раза бо́льшую стоимость, чем единица товара *Б*), одновременно выражает относительную стоимость товара *Б* в товаре *А*, а именно 1 4. Поэтому всякое изменение этой фор-

[1] «Kapital», B. I., S. 28. [2] *Marx*, Theorien, B. III., S. 147, 164.

[3] *S. Bailey*, A critical dissertation on the nature, measure and causes of value. 1825, p. 39.

мулы обмена, например превращение ее в формулу 3 : 1, означает не только изменение относительной стоимости *А*, но одновременное изменение (в противоположном направлении) относительной стоимости *Б*. На этом основании Бэйли отрицает положение сторонников Рикардо о возможности изменения относительной стоимости товара *А* в товаре *Б* при отсутствии изменений в стоимости самого товара *Б*. Так как понятие абсолютной стоимости данного товара Бэйли отвергает, и речь может итти лишь об относительной стоимости товара, то вполне понятно заключение Бэйли, что всякое изменение стоимости товара *А* (выраженной в *Б*) означает одновременное изменение стоимости товара *Б* (выраженной в *А*). «Стоимость *А* не может возрасти в отношении к *Б* без того, чтобы стоимость *Б* не уменьшилась в отношении к *А*» [1].

Отказ от понятия абсолютной стоимости приводит Бэйли к целому ряду выводов, из которых отметим важнейшие. Во-первых, нельзя говорить, что стоимость данного товара изменилась, а стоимость товаров, на которые он обменивается, осталась без изменения. Во-вторых, надо отказаться от применяемого экономистами приема сложения стоимостей разных товаров с целью получения суммы стоимостей. В-третьих, нельзя сравнивать стоимость данного товара в различные периоды времени.

Чтобы защитить теорию трудовой стоимости от нападок Бэйли, необходимо было провести ясное различие между стоимостью и меновой стоимостью. Именно игнорированием этого различия Рикардо открыл брешь для нападок Бэйли. Вполне понятно поэтому, что полемика Маркса против Бэйли в третьем томе «Теорий прибавочной стоимости» имеет своей главной целью доказать отличие стоимости товара от формы ее проявления в виде меновой стоимости.

Маркс прежде всего указывает, что последовательное проведение точки зрения Бэйли необходимо приводит к полному отрицанию закономерности обмена. Если нельзя говорить о стоимости товара *А* самого по себе, то мы не в состоянии сказать, происходит ли обмен *А* на *Б* в соответствии с их стоимостями или нет. Мы можем констатировать, что в данном случае определенное количество холста было фактически обменено на определенное количество кофе. Но мы не можем сказать, является ли это меновое отношение закономерным и нормальным. «Мы можем говорить лишь об отношении, в котором он (товар) *был* обменен, но не об отношении, в котором он *обменивается*» [2].

Если мы не желаем отказаться от познания закономерности, лежащей в основе явлений обмена, мы должны признать, что «предметы не обмениваются в произвольных пропорциях, а обмениваются как товары, т. е. как предметы, из которых каждый имеет стоимость и которые обмениваются друг на друга *в меру своей эквивалентности*» [3]. Иначе говоря, если мы

---

[1] *Bailey*, цит. соч., стр. 12. [2] *Marx*, Theorien, B. III., S. 169.
[3] Там же, стр. 167.

ставим себе целью вскрыть закономерность явлений обмена, мы не можем рассматривать стоимость товара как нечто случайное и произвольное, устанавливающееся каждый раз заново в акте обмена данного товара на другой конкретный товар.

Исходя из этой точки зрения, Маркс приходит к выводу о необходимости отличать стоимость товара от его меновой стоимости. Ход рассуждений Маркса таков. Данный товар, например холст, обменивается на множество других товаров, например хлеб, кофе, сюртук и т. д. Предположить, что в каждом из этих актов обмена наш холст приобретает другую стоимость, значило бы отрицать всякую закономерность явлений обмена. Очевидно, что холст имеет вполне определенную стоимость, которая в одном случае находит свое выражение в обмене его на хлеб, в другом случае — в обмене его на кофе и т. д. Мы должны, следовательно, отличать стоимость холста, которая остается одинаковою во всех этих актах обмена, от различных форм проявления ее в хлебе, кофе и т. д., т. е. от меновой стоимости.

Этот ход рассуждений намечен Марксом на первых же страницах «Теорий», посвященных им Бэйли. «*Стоимость* одного и того же товара, не подвергаясь изменению, может быть выражена в бесконечно *различных* количествах потребительных стоимостей, смотря по тому, выражаю ли я ее в потребительной стоимости того или иного товара. Это нисколько не изменяет его стоимости, хотя изменяет выражение последней. Равным образом все различные количества различных потребительных стоимостей, в которых выражается стоимость товара A, являются эквивалентами и относятся друг к другу не только как стоимости, но и как равновеликие стоимости, так что, если эти весьма различные количества потребительных стоимостей замещают друг друга,стоимость так же остается неизменною, как если бы она не была выражена в совершенно различных потребительных стоимостях» [1]. В другом месте Маркс кратко резюмирует эти же мысли в следующих словах: «Хотя товар имеет тысячи различных видов (Arten) стоимости или тысячи различных цен [2], а именно столько видов стоимости, сколько существует товаров, но все эти тысячи выражений выражают всегда *одну и ту же стоимость*. Это служит лучшим доказательством того, что все эти различные выражения являются эквивалентами, которые не только могут замещать друг друга в выражении, но и в самом обмене друг друга замещают» [3].

В приведенных цитатах мы встречаем у Маркса более резко проведенное различие между стоимостью и способом ее выражения: *одна и та же стоимость имеет множество различных способов выражения*, или выражается

---

[1] Там же, стр. 149—150.

[2] В «Капитале» Маркс под ценою (Preis) понимает только стоимость, выраженную в деньгах. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс называл ценою меновую стоимость товара, безразлично выраженную в другом товаре или в деньгах. Последнюю цену Маркс называл, в отличие от цены вообще, «денежною ценою» (Geldpreis). См. там же, стр. 176.

[3] Там же, стр. 175. Под «видами (Arten) стоимости» Маркс понимает здесь то, что Бэйли называл «kinds of value» (см. *Bailey*, цит. соч., стр. 39).

в самых различных потребительных стоимостях. Отсюда можно сделать обратный вывод: если определенное количество одной потребительной стоимости приравнивается в обмене определенному количеству другой потребительной стоимости, то оба они должны быть равны чему-то третьему, а именно той стоимости, которая присуща каждому из них. Равенство двух потребительных стоимостей в обмене предполагает равенство обеих чему-то третьему, или наличие в обеих чего-то общего, а именно стоимости определенной величины. Этот обратный вывод уже намечен Марксом в обеих приведенных нами цитатах и с большею ясностью выражен им в другом месте: «Он (Бэйли) забывает даже то простое соображение, что, если y фунтов холста $= x$ фунтов соломы, это равенство между неравными вещами, холстом и соломою, превращает их в равные величины. Но это бытие их в качестве чего-то равного должно быть отлично от бытия их в качестве соломы и холста. Они приравнены друг другу не как солома и холст, но как эквиваленты. Поэтому одна сторона уравнения должна выражать ту же стоимость, что и другая сторона. Следовательно, стоимость соломы и холста есть не солома и не холст, а нечто общее им обоим и отличное от них обоих как соломы и холста» [1]. Иначе говоря, приравнивание товара A товару B возможно лишь при том условии, если «для A и B существует общее единство, или если A и B являются различными выражениями одного и того же единства» [2].

Изложенные рассуждения Маркс иллюстрирует геометрическим примером. Для того, чтобы сравнить друг с другом различные геометрические фигуры, например треугольник и четырехугольник, мы должны свести их к чему-то общему, а именно к произведению основания на высоту [3].

Читатель, хорошо знакомый с «Капиталом» Маркса, вероятно уже заметил, что приведенные нами выдержки из третьего тома «Теорий прибавочной стоимости» в точности совпадают с известными рассуждениями Маркса на первых страницах первого тома «Капитала». Чтобы у читателя не осталось на этот счет ни малейшей тени сомнений, мы считаем нужным привести здесь полностью соответствующие три абзаца из первого тома «Капитала». Мы приводим их текст по первому изданию «Капитала» (1867 г.), где ярче заметно сходство этих рассуждений Маркса с его аргументацией против Бэйли в третьем томе «Теорий прибавочной стоимости:

«Какой-нибудь товар, например квартер пшеницы, обменивается *в разнообразных пропорциях* с другими товарами. Тем не менее меновая стоимость

[1] Там же, стр. 165—166.

[2] Там же, стр. 191—192. Интересно отметить некоторые особенности терминологии Маркса в «Теориях». Здесь, как и в «Критике», он не пользуется ещё термином «форм стоимости» (иногда только он упрекает классиков за то, что они не изучали стоимости «со стороны формы»); термины Tauschwert и Wert употребляются одинаково для обозначения стоимости (последний термин чаще, чем в «Критике»). Обычно Маркс в «Теориях» противопоставляет «меновую стоимость» (т. е. стоимость) различным ее «выражениям».

[3] К этому геометрическому примеру (встречающемуся также у Гегеля) Маркс возвращается дважды. См. там же, стр. 171 и 192.

его остается *неизменною*, все равно выражается ли она в *x* хлопка, в *y* шелка, в z золота и т. п. Она должна быть, следовательно, отличаема от этих различных *способов ее выражения*» [1].

«Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, оно всегда может быть выражено уравнением, в котором данное количество пшеницы полагается равным какому-нибудь количеству железа, например 1 квартер пшеницы = *a* центн. железа. Что хотят сказать этим уравнением? То, что *одна и та же стоимость существует в двух различных вещах*, в квартере пшеницы и в *a* центн. железа. Обе, следовательно, равны порознь *третьему*, которое, само по себе, есть ни то, ни другое. Следовательно, каждая из обеих, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть приведена к этому третьему независимо от другой».

«Простой геометрический пример пояснит это. Чтобы определить площади прямолинейных фигур и сравнить их между собою, разбивают их на треугольники. Самый треугольник приводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения из основания на высоту. Точно так же и меновая стоимость товаров должна быть приведена к чему-нибудь общему, большее или меньшее количество которого они представляют» [2].

Сходство приведенных трех абзацов из первого тома «Капитала» с цитированными выше выдержками из «Теорий прибавочной стоимости» бросается в глаза. Первый абзац повторяет положение, подробно развитое Марксом в его полемике против Бэйли: стоимость данного товара может быть выражена в самых различных потребительных стоимостях. Из этого основного положения Маркс во втором абзаце делает обратный вывод, также намеченный уже в «Теориях прибавочной стоимости»: две потребительные стоимости, приравниваемые друг другу, равны чему-то третьему [3]. Наконец, в третьем абзаце Маркс пользуется уже известным нам геометрическим примером.

Сделанное нами сравнение обоих текстов Маркса проливает яркий свет на происхождение и смысл аргументации, развитой Марксом в при-

[1] Интересно отметить, что в 1-м издании «Капитала» Маркс, как и в «Критике», противопоставляет еще «меновую стоимость» различным «способам ее выражения». Во 2-м издании «Капитала» Маркс совершенно изменил этот абзац: «Какой-нибудь товар, положим — квартер пшеницы... обменивается в разнообразнейших отношениях на другие товары. Следовательно, пшеница, вместо одной, имеет *много меновых стоимостей*. ...Из этого следует..., что меновая стоимость может вообще быть лишь *способом выражения*, «формой проявления» чего-то другого, отличного от нее по содержанию». Здесь меновая стоимость уже не противопоставляется способам ее выражения, а сама является лишь «способом выражения» стоимости. Во французском издании «Капитала» (а также немецком издании К. Каутского и русском переводе В. Базарова и И. Степанова) цитированный абзац дан в редакции 1-го издания.

[2] «Kapital», B. I., 1867, S. 3. Цитировано по русск. перев. 1872 г., стр. 2—3 (курсив Маркса).

[3] Обычно и комментаторы, и критики Маркса сосредоточивают все свое внимание на втором из цитированных абзацев первого тома «Капитала», не замечая, что он представляет собою не что иное, как обратный вывод, сделанный из первого абзаца.

веденных трех абзацах первого тома «Капитала», — аргументации, подвергавшейся всевозможным кривотолкованиям и вызывающей до сих пор резкие возражения со стороны критиков Маркса. Эта аргументация имела своею прямою целью защитить теорию трудовой стоимости от нападок Бэйли, а для этого необходимо было провести строгое различие между стоимостью товара и его меновою стоимостью, выраженною в других товарах. Что именно эту цель Маркс преследовал на первых страницах «Капитала», можно было предполагать и без сравнения этого текста с разделом третьего тома «Теорий прибавочной стоимости», посвященным Бэйли. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть в «Капитале» абзац, предшествующий цитированным трем абзацам: «Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — случайного соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя для товара имманентная меновая стоимость (valeur intrinsèque) представляет, повидимому, бессмыслицу. Рассмотрим дело ближе» [1]. После этого у Маркса следуют приведенные выше три абзаца. Очевидно, что Маркс ставил себе целью вскрыть ошибочность представления о меновой стоимости как о чем-то «случайном и совершенно относительном», а наиболее ярким представителем такого рода воззрений и был именно Бэйли. Теперь, после сделанного нами сравнения обоих текстов Маркса, мы можем сказать уже с большею уверенностью и определенностью, что не только постановка проблемы стоимости на первых страницах «Капитала» диктовалась необходимостью отразить нападки Бэйли, но и соответствующая аргументация Маркса была им впервые формулирована в разделе «Теорий прибавочной стоимости», посвященном Бэйли. Если мы сравним текст «Критики политической экономии» Маркса с текстом первого тома «Капитала», то увидим, что на первых двух страницах обоих сочинений изложение Маркса приблизительно совпадает. Но, начиная с цитированных выше абзацев, текст «Капитала» дает нам нечто принципиально новое по сравнению с текстом «Критики политической экономии», а именно более резкое отделение стоимости от меновой стоимости [2].

Чтобы яснее вскрыть отличие «самой стоимости» товара от «выражения» этой стоимости в потребительных стоимостях других товаров, Маркс в том же разделе «Теорий», посвященном Бэйли, показывает, что изменение «выражения» стоимости часто не соответствует изменению самой стоимости. Например: предположим, что количество товаров, получаемое в обмен за товар A, уменьшилось, т. е. уменьшилась меновая стоимость товара A, «поскольку она реализуется в других товарах», или его «меновая стоимость, выраженная в потребительных стоимостях всех других товаров» [3]. Но это умень-

[1] «Kapital», B. I., 1914, S. 4. [2] См. выше, первую главу. [3] «Theorien», B. III., S. 148.

шение «реализованной меновой стоимости» товара A могло быть вызвано двумя причинами противоположного характера: либо уменьшением количества рабочего времени, необходимого для производства A, либо увеличением количества рабочего времени, необходимого для производства других товаров. «В обоих случаях мы имеем один и тот же феномен, хотя и вызываемый диаметрально противоположными причинами» [1]. Следовательно, изменившееся «выражение» стоимости товара A еще не доказывает, что изменилась «сама» его стоимость.

Приведенное рассуждение Маркса по существу только повторяет мысли, изложенные им уже в «Критике политической экономии» [2]. Но в полемике против Бэйли Маркс заостряет эти мысли в определенном направлении. В «Критике политической экономии» он хотел только показать, что изменения «реализованной меновой стоимости, т. е. выраженной в потребительных стоимостях других товаров» [3], могут быть вызваны не только изменениями в рабочем времени, необходимом для производства данного товара, но и изменениями в рабочем времени, необходимом для производства других товаров. Хотя и в «Критике» Маркс по существу не смешивал эту «реализованную меновую стоимость» товара A с его «меновой стоимостью» (под которою он понимал его стоимость), но он не считал нужным подчеркивать их различие, а тем более противопоставлять их друг другу. В полемике же против Бэйли Маркс заостряет те же мысли именно в этом направлении и резюмирует их следующими словами: «Отсюда, очевидно, следует, что количественное соотношение, в котором товары обмениваются друг на друга как потребительные стоимости, есть *выражение* их стоимости, их *реализованная* стоимость, но не сама их стоимость, так как одно и то же отношение стоимости выражается в совершенно различных количествах потребительных стоимостей» [4].

Интересно отметить, что заострение мысли в указанном направлении целиком сохранено и даже усилено Марксом в «Капитале». Приведенное нами рассуждение, встречающееся как в «Критике политической экономии», так и в «Теориях прибавочной стоимости», перенесено Марксом и в первый том «Капитала», где оно получило более подробное развитие в 3-м разделе первой главы, в параграфе о «количественной определенности относительной формы стоимости». Маркс резюмирует этот пункт в следующих словах: «Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в их относительном выражении, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может из-

---

[1] Там же, стр. 148.

[2] «Kritik», S. 18—19. См. выше, стр. 71—72.

[3] «Kritik», S. 18. См. выше, главу первую.

[4] «Theorien», B., III. S. 149. Курсив Маркса. Обращаем еще раз внимание читателя на сходство терминологии Маркса в «Теориях» с терминологией его в «Критике». И в «Теориях» он говорит о «реализованной» стоимости, о «выражении» стоимости в тех местах, где он в «Капитале» употребил бы термин «меновая стоимость» (см. предыдущую главу).

меняться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда совпадают»[1]. Содержание этого резюме Маркса дает нам полное право предполагать, что оно заострено именно против Бэйли, постоянно смешивавшего стоимость с меновою стоимостью. В примечании [2] к цитированному резюме Маркс полемизирует против экономиста Бродхерста, доводы которого совпадают с доводами Бэйли.

Наконец, и в конце первой главы «Капитала» мы найдем следы аргументации, развитой Марксом против Бэйли в третьем томе «Теорий».

Бэйли упрекал Рикардо, что он превращает стоимость из отношения между вещами в нечто абсолютное. «Подобно тому, — писал Бэйли,— как нельзя говорить об удаленности данного предмета, не имея при этом в виду другого предмета, к которому первый находится в пространственном отношении, так и о стоимости товара мы можем говорить лишь в отношении к какому-нибудь другому товару, с которым первый сравнивается. Вещь сама по себе, вне отношения к другой вещи, так же мало может обладать стоимостью, как вещь сама по себе, вне отношения к другой вещи, может быть удаленною» [3]. К этим словам Бэйли Маркс делает следующее меткое примечание: «А разве общественный труд, к которому стоимость товара находится в известном отношении, не является другою вещью?» [4] Маркс хочет сказать, что, признавая стоимость выражением общественного труда, мы ни в малейшей мере не превращаем ее, как думает Бэйли, из чего-то относительного в нечто абсолютное. Мы только ставим ее в отношение к общественному труду, а не к другим товарам.

К возражениям Бэйли против понятия «абсолютной» трудовой стоимости Маркс возвращается неоднократно не только в других местах того же третьего тома «Теорий прибавочной стоимости», но и во втором томе этого сочинения, при разборе теории Рикардо, где Марксу приходится опять считаться с критикою Бэйли [5].

В итоге своих рассуждений Маркс приходит к выводу, что обвинения Бэйли против мнимо-абсолютного характера понятия трудовой стоимости ни на чем не основаны. «Неправильно сказать, что стоимость товара превращается из чего-то *относительного* в нечто *абсолютное*. Наоборот. Как потребительная стоимость, товар есть нечто самостоятельное. Напротив, как стоимость, он — лишь нечто *относительное* (Gesetztes), определяемое своим отношением к общественно-необходимому, равному, простому рабочему времени» [6]. Именно Бэйли, благодаря своему отрицанию стоимости как выражения общественного труда, впадает в фетишистиче-

[1] «Kapital», B. I., S. 21. [2] Там же, примечание 20.
[3] *Bailey*, цит. соч., стр. 5. [4] «Theorien», B. III, S. 170.
[5] «Theorien», B. III., S. 151—152, 153, 156—157; «Theorien», B. II., T. I., 1905, S. 9—12.
[6] «Theorien», B. III, S. 151—152. Курсив Маркса.

ское представление, которое рассматривает стоимость как свойство самих вещей, — правда, вещей, рассматриваемых не изолированно друг от друга, а в их отношении друг к другу [1]. В доказательство этого Маркс на стр. 176 цитирует следующие слова Бэйли: «Богатство есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз имеют стоимость» [2].

Изложенная нами полемика Маркса против Бэйли по вопросу об «абсолютном» характере стоимости нашла свое отражение и в «Капитале». Если приведенные нами выше три абзаца, помещенные на первых страницах «Капитала», содержат в себе скрытую полемику против Бэйли, то в середине и конце первой главы «Капитала» Маркс открыто выступает против него же [3]. Он беспощадно вскрывает фетишистический характер представлений Бэйли, обнаруживающийся с наибольшею яркостью в его только что цитированной нами фразе [4], а в примечании к этому месту кратко резюмирует свои соображения об абсолютном характере стоимости: «Автор сочинения «Observations» и С. Бэйли обвиняют Рикардо за то, что он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которою обладают эти вещи, например алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытой за этой их внешностью истинной относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы ответили Бэйли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указаний на внутреннюю связь между стоимостью и формою стоимости, или меновою стоимостью» [5].

Мы проследили в первой главе «Капитала» прямые или скрытые отголоски полемики Маркса против Бэйли. Можно сказать с большею или меньшею уверенностью, что именно критическая аргументация Бэйли, направленная против Рикардо, побудила Маркса ближе заняться вопросом о различии между стоимостью и меновою стоимостью. Вполне вероятно, что именно в своих возражениях против Бэйли, вошедших в третий том «Теорий прибавочной стоимости», Маркс впервые наметил тот ход мыслей, который получил впоследствии известную формулировку в цитированных выше трех абзацах на первых страницах «Капитала». Повидимому, против Бэйли заострены выводы Маркса в конце параграфа о «количественной определенности относительной формы стоимости». И, наконец, полемика

[1] Там же, стр. 176. [2] *Bailey*, цит. соч., стр. 165.

[3] См. в первой главе «Капитала» примечания 17, 23, 35, 36. Ср. там же примечание 20 против Бродхерста.

[4] Эту фразу Бэйли Маркс цитирует также в конце первой главы «Капитала», примечание 35.

[5] «Капитал», том I, примечание 36. Любопытно сравнить это примечание с цитированными местами из II и III томов «Теорий прибавочной стоимости». Там, где Маркс в тексте «Капитала» или в примечаниях к нему разбирает воззрения своих предшественников, он обычно в одной-двух фразах излагает результаты своих продолжительных и очень кропотливых исследований, которыми он занимался в «Теориях прибавочной стоимости».

Маркса против Бэйли, который утверждал, что сторонники теории трудовой стоимости превращают понятие стоимости в нечто «абсолютное», также нашла свое отражение в первой главе «Капитала».

Критическая аргументация Бэйли, при всей поверхностности исходной точки зрения ее автора, отчасти попадала в действительно слабые места теории Рикардо. Поэтому преодоление критических возражений Бэйли против Рикардо было невозможно без преодоления теории самого Рикардо, т. е. без нового и более глубокого обоснования теории трудовой стоимости. Ведь в сущности оба антипода, Рикардо и Бэйли, страдали одним грехом: смешением стоимости с меновою стоимостью. Маркс указывал, что Рикардо смешивал стоимость с «меновою стоимостью товара, как она *представляется* или *проявляется* в процессе обмена товаров» [1]. С другой стороны он обвинял и Бэйли в том, что он «смешивает форму стоимости с самою стоимостью» [2]. Разница между Рикардо и Бэйли заключалась в том, что первый игнорировал форму стоимости, в то время как последний считал возможным обходиться без понятия стоимости. Маркс при помощи ясно проведенного различия между стоимостью и меновою стоимостью одновременно устранял ошибки — на первый взгляд противоположные, но имеющие общий корень — обоих названных экономистов.

Хотя, как мы отметили, Маркс своим построением преодолевал одновременно односторонности Рикардо и Бэйли, тем не менее, чтобы яснее вскрыть ошибки обоих этих авторов, ему необходимо было расположить свое изложение по двум противоположным руслам. Поскольку Маркс отражал удары Бэйли, он должен был показать, что для объяснения различных «выражений стоимости», т. е. меновой стоимости, мы должны перейти к «самой стоимости» [3]. С другой стороны, поскольку он ставил себе целью углубить и преобразовать теорию Рикардо, ему предстояло вскрыть «различные моменты развития понятия стоимости» [4], «различные моменты в определении понятия стоимости, которые у Рикардо не развиты, а лишь фактически представлены и смешаны друг с другом» [5]. По этим двум руслам Маркс и расположил свое изложение в первой главе «Капитала». В первом разделе этой главы (к которому примыкает и второй раздел, как его дополнение) он доказывает, что анализ меновой стоимости необходимо приводит нас к образованию понятия стоимости; тем самым Маркс вырывает почву из-под ног у Бэйли. В третьем разделе он доказывает, что стоимость необходимо принимает определенную форму стоимости, и дает детальный анализ этих форм, восполняя таким образом пробел в учении Рикардо. Маркс подчеркивает, что обе отмеченных нами стадии изложения между собою неразрывно связаны. В первом разделе он указывает читателю, что «дальнейший ход исследования приведет нас обратно к меновой стоимости, как

[1] «Theorien», B. III., S. 147. Курсив Маркса.

[2] «Капитал», т. I, примечание 17.

[3] «Theorien», B. III, S. 149. [4] Там же, стр. 147.

[5] «Theorien», B. II, T. I, S. 11—12.

необходимому способу выражения или необходимой форме проявления товарной стоимости» [1]. С другой стороны, в начале третьего раздела Маркс, приступая ко второй половине своего исследования, опять напоминает читателю о неразрывной связи ее с первою половиною исследования: «В самом деле, мы исходили из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Теперь мы должны возвратиться к этой форме проявления стоимости» [2].

Само собою понятно, что именно в первой части исследования Маркса мы находим более явные следы той аргументации, которую он развил в третьем томе «Теорий» против Бэйли. Ведь именно в первой части Маркс доказывал необходимость образования понятия стоимости, против которого направлял все свои удары Бэйли. Во второй же части мы находим учение Маркса о формах стоимости, — учение, которое составляет наиболее оригинальную часть марксовой теории стоимости и совершенно отсутствует у Рикардо и у Бэйли, но которое не может рассматриваться как прямое опровержение идей Бэйли. Этим объясняется тот любопытный факт, что в заметках Маркса против Бэйли в третьем томе «Теорий прибавочной стоимости» мы находим аргументацию, развитую им впоследствии в первом разделе первой главы «Капитала», но еще не находим тех идей, которые легли в основу третьего раздела, а именно учения о различных формах стоимости и учения о полюсах стоимости [3]. В разделе «Теорий», посвященном Бэйли, Маркс все еще имеет в виду только наиболее развитую, всеобщую или денежную форму стоимости и еще не выясняет развития обоих полюсов стоимости.

Но если полемика против Бэйли еще не привела Маркса непосредственно к анализу различных форм стоимости и полюсов стоимости, то она, во всяком случае, подготовила для этого путь. Основной порок концепции Бэйли заключался в том, что он, во-первых, смешивал стоимость с меновою стоимостью и, во-вторых, обращал внимание исключительно на количественную определенность менового отношения [4]. Первая ошибка Бэйли была разоблачена Марксом уже в «Теориях», где он провел резкое различие между «стоимостью» и различными «выражениями стоимости». Это ясно проведенное различие должно было привести Маркса к необходимости дать отдельный анализ, с одной стороны, стоимости, а с другой стороны — меновой стоимости. Правда, в «Теориях» Маркс главное свое внимание посвятил еще первой задаче, которую он впоследствии развил дальше в 1—2 разделах первой главы «Капитала». Специального анализа различных «выражений стоимости» или форм стоимости Маркс в «Теориях» еще не дает. Но необходимость этого анализа прямо вытекала из той общей постановки проблемы, которую Маркс дал в полемике против Бэйли. Спе-

[1] «Kapital», B. I, S. 6. Русск. перев. стр. 5.

[2] «Kapital», B. I, S. 15. Русск. перев. стр. 14.

[3] См. выше, 1-ю главу.

[4] Капитал», т. I, примечание 17.

циальный анализ стоимости должен был найти свое дополнение в специальном анализе меновой стоимости, который и был дан впоследствии Марксом в 3-м разделе первой главы «Капитала». Можно предположить, что, когда Маркс приступил к специальному анализу меновой стоимости, он посвятил главное свое внимание преодолению второй из отмеченных им ошибок Бэйли, который ограничивался исследованием количественной стороны меновой стоимости. В противоположность Бэйли, Маркс выдвинул на первый план качественную сторону меновой стоимости и благодаря этому пришел к своему учению о полюсах стоимости и о различных формах стоимости.

В одном существенном пункте мы можем найти в заметках Маркса против Бэйли более ясный зародыш идей, развитых Марксом впоследствии в его учении о формах стоимости.

Анализ различных форм стоимости, данный Марксом в третьем разделе первой главы «Капитала», имел главною своей целью доказать, что «простая товарная форма есть зародыш денежной формы» [1]. В письме к Энгельсу от 22 июня 1867 г. Маркс, подчеркивая всю важность отдела о форме стоимости, прибавляет: «Господа экономисты проглядели до сих пор чрезвычайно простую вещь, а именно, что форма: 20 аршин холста=1 сюртуку, есть лишь неразвитая основа формулы: 20 аршин холста=2 фунтам стерлингов» [2]. Тут же Маркс указывает, что анализ простой формы стоимости, отсутствовавший в «Критике политической экономии», дан им впервые в «Капитале» [3].

Если мы признаем, что в третьем разделе первой главы «Капитала» Маркс ставил себе целью свести денежную форму стоимости, в которой товар приравнивается всеобщему эквиваленту, к простой форме стоимости, в которой один товар приравнивается другому товару, — то слабый зародыш этой мысли мы найдем в заметках Маркса против Бэйли. Бэйли утверждал, что только повседневная привычка выражать стоимости всех товаров в деньгах могла вызвать представление о том, будто товары обладают абсолютною стоимостью. Если бы мы сравнивали холст не с определенною суммою денег, а с другим конкретным товаром, например сюртуком, хлебом, кофе и т. п., мы, по мнению Бэйли, легко убедились бы в чисто относительном характере стоимости. Эти рассуждения Бэйли вызывают следующую отповедь со стороны Маркса: «Господин Бэйли полагает, что, если мы будем иметь в виду *только два товара*, обменивающихся друг на друга, то само собою станет очевидным чисто относительный характер *стоимости* в его смысле. Осел! Как будто при двух товарах, обмениваемых друг на друга, — двух продуктах, которые относятся друг к другу как *товары*, — необходи-

[1] «Kapital», B. I, S. 35 (русск. перев., стр. 38). Ср. «Kapital», B. I, S. 15 (русск. перев., стр. 15).

[2] Briefwechsel von Marx und Engels, B. III, 1921, S. 383 (русский перевод: «Письма Маркса и Энгельса». Под ред. В. Адоратского, 1923 г., стр. 167).

[3] См. выше, 1-ю главу.

мость сказать, *почему* они тождественны, является менее настоятельною, чем при тысяче товаров» [1]. Как видим, полемика против Бэйли толкала Маркса в сторону *постановки* проблемы обмена *двух* товаров друг на друга, т. е. в сторону анализа «простой формы стоимости». Однако мысль Маркса неохотно направлялась в эту сторону. Маркс не считал еще нужным выделять для специального анализа случай обмена двух товаров друг на друга (или простую форму стоимости). Такой специальный анализ, повидимому, казался ему еще излишним и с исторической, и с логической точек зрения. С исторической точки зрения Маркс не мог не понимать, что случайный обмен двух продуктов друг на друга предшествовал развитию товарного хозяйства и меновой стоимости. Непосредственно вслед за цитированными словами Маркс прибавляет: «Вообще там, где существовали бы лишь два продукта, продукт никогда не развился бы в товар и, следовательно, никогда не развилась бы меновая стоимость товара» [2]. Поскольку Маркс ставил себе целью понять законы развитого товарного хозяйства и развитой меновой стоимости, он, очевидно, считал еще нужным начинать свое исследование с всестороннего обмена продуктов как товаров, а не с обмена двух продуктов друг на друга.

Итак, с исторической точки зрения специальный анализ обмена двух продуктов друг на друга представлялся еще Марксу в период его полемики с Бэйли излишним. Что же касается логической ценности такого анализа, то Маркс, повидимому, в этот период еще полагал, что такой анализ может дать нам мало нового по сравнению с анализом обмена товара на «тысячу» других товаров (или на определенную сумму денег). В обоих случаях мы одинаково должны ответить на вопрос, «почему они (товары) тождественны», т. е. должны вскрыть тождество их социальной природы, единство их как *стоимостей*. Единство социального содержания всех перечисленных актов обмена еще заслоняет от глаз Маркса различие их форм. Всецело поглощенный поисками единой субстанции товаров, т. е. стоимости, Маркс не уделяет достаточно внимания различию форм стоимости. «Каким образом могу я представить x хлопка в y денег? Вопрос этот сводится к тому, каким образом могу я вообще представить один товар в другом товаре, или представить товары как эквиваленты? Ответ на этот вопрос может дать только развитие стоимости *независимо от способа представления* одного товара в другом товаре» [3]. Здесь Маркс вплотную подходит к постановке вопроса о связи между денежною и простою формами стоимости. Правда, и здесь он склонен еще выдвигать на первый план единство их содержания по сравнению с различием их форм, но все же вопрос о различии этих форм был уже поставлен, а для разрешения его был нужен специальный анализ «формы стоимости, или меновой стоимости», разработанный Марксом впоследствии в «Капитале».

[1] «Theorien», B. III., S. 172. Курсив Маркса.

[2] «Theorien», B. III., S. 172.

[3] «Theorien», B. III., S. 193—194. Курсив наш.

Мы можем подвести итоги. Своеобразие структуры первой главы «Капитала» заключается в том, что Маркс дал отдельно анализ стоимости и анализ меновой стоимости. К этому строгому разграничению понятий Маркс пришел, повидимому, в ходе своей полемики против Бэйли. Маркс причисляет Бэйли к тем немногим экономистам, которые «занимались анализом формы стоимости» [1]. В то время как классики сосредоточили свое внимание на стоимости, а форму стоимости рассматривали как нечто внешнее и безразличное, Бэйли впал в противоположную ошибку. Он обратил главное свое внимание на *множественность* выражений стоимости и вообразил, что «указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости» [2]. Чтобы отразить нападки Бэйли, грозившие опрокинуть всю теорию трудовой стоимости, Маркс должен был провести резкое различие между «стоимостью» и «выражениями стоимости», а отсюда логически вытекала необходимость дать отдельно анализ стоимости и анализ меновой стоимости. Но преодолеть окончательно критику Бэйли можно было только путем заполнения пробела в учении Рикардо. Перед Марксом, таким образом, стояла двуединая задача. Он должен был, во-первых, за *множественностью* выражений стоимости вскрыть лежащее в их основе *единство*, т. е. стоимость (и в последнем счете труд), и, во-вторых, показать, каким образом одна и та же *стоимость* может быть выражена в самых различных *формах стоимости*. В противоположность Бэйли, Маркс в 1—2 разделах первой главы «Капитала» ведет свое исследование от меновой стоимости к стоимости. В отличие от классиков, он дополняет учение о стоимости учением о «форме стоимости, или меновой стоимости», изложенным в 3-м разделе той же главы. Необходимостью расположить свое исследование по двум противоположным руслам и объясняется своеобразная структура первой главы «Капитала».

И. Рубин.

---

[2] «Капитал», т. I, гл. 1, примечание 17.

[3] «Капитал», т. I, гл. 1, примечание 23.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФУРЬЕ

В деле изучения теорий так называемых великих утопистов начала XIX века достигнуты за последние десятилетия значительные успехи. В частности привлекла к себе внимание исследователей и система Фурье. Не говоря о большом количестве отдельных статей и работ более или менее популярного характера, мы имеем две серьезных монографии о Фурье: Буржена [1] и Кете Аш [2]. Казалось бы, при таких условиях нет особого смысла возвращаться еще раз к рассмотрению темы, достаточно изученной. Однако литература о Фурье при всех ее достоинствах отличается одним общим методологическим дефектом, делающим небесполезным новый пересмотр социологических идей Фурье и их философских предпосылок.

Едва ли можно найти систему, в которой гениальные идеи были бы так тесно сплетены со взглядами, с нашей точки зрения совершенно нелепыми, как это имеет место в системе Фурье. Тонкий наблюдатель и аналитик, Фурье дает нам ряд поразительных для его времени, исключительных по силе характеристик социальных порядков эпохи начала промышленного капитализма. Менее силен он в своей теории будущего общества, — теории, во многих своих существенных чертах являющейся образцом мелкобуржуазной утопии. Все же и здесь много идей поразительно свежих, оригинальных, сохранивших интерес до настоящего времени, — быть может, много идей, которые будут актуальными в еще большей степени для будущих поколений. И, наконец, все эти отдельные ценные части связаны в единое целое при помощи социологических и философских положений, которые заставляют некоторых биографов Фурье сомневаться в умственном равновесии автора.

Влияние учения Фурье было весьма широким. Естественно, что разные части его системы усваивались и распространялись неравномерно. Меньше всего имела успеха общая концепция Фурье; даже ближайшие его ученики чувствовали потребность очистить ее от «чудачеств». Если мы выйдем за пределы школы Фурье в узком смысле слова, то мы увидим, что усвоение тех или иных его положений — явление весьма распространенное. Трудно назвать социалиста XIX века, не испытавшего на себе в известной мере влияния Фурье. Но то, в чем сам Фурье видел общую философскую основу всего своего учения, оказалось мертворожденным; части системы продолжали жить, утратив ту связь, которую давал им автор. Постепенно складывалось представление, что общие философские и социологические идеи

[1] *Bourgin*, Ch. Fourier, Contribution à l'étude du socialisme français. Paris 1905.

[2] *Käthe Asch*, Die Lehre Charles Fouriers, Jena 1914.

Фурье не имеют никакого отношения к существу его системы, что их можно игнорировать как некий излишний и вредный нарост.

Такова была традиция, с которой, сознательно или бессознательно, считались новейшие исследователи. К этой традиции присоединялись действующие в том же направлении добавочные мотивы. Для исследователей, конечно, должно было представляться наиболее существенным выяснение того, что оказалось наиболее прочным, наиболее долговечным в системе. Это обусловливало неравномерное внимание к различным ее элементам, выпячивание одних в ущерб другим. Наконец, некоторые исследователи не были вполне свободны от пропагандистских заданий, от стремления ознакомить читателя не столько с гениальным мыслителем, сколько с гениальными мыслями. Признать же гениальной общую концепцию Фурье для них было невозможно.

В силу всех перечисленных условий мы имеем перед собою в большинстве трудов о Фурье не настоящего Фурье, а Фурье несколько идеализированного, модернизированного, очищенного. Идеи Фурье даются не в той перспективе, в какой они располагались в системе самого Фурье, а в перспективе, которая привносится исследователем. Было бы еще не так опасно, если бы дело сводилось просто к игнорированию некоторых идей, признаваемых «несущественными». Но изменение перспективы неизбежно ведет к искаженному, хотя с точки зрения исследователя, быть может, и улучшенному, изложению той стороны взглядов, которая признается «существенной». Отсюда, как нам кажется, проистекает, напр., преувеличенная оценка «элементов исторического материализма», которые находит в системе Фурье Арк. А—н [1]. А писателей менее осторожных такое отношение к Фурье приводит иногда к выводам прямо диковинным, — вроде открытия Я. Харапинского, что «попытка Фурье обосновать философски социальную теорию является методологически правильной» [2].

Настоящая статья имеет своей задачей лишь восстановление взглядов Фурье на социальную науку, ее предмет, метод и основные выводы. Так как Фурье действительно пытается дать своим взглядам на социальную жизнь философское обоснование, то нам придется неизбежно затронуть и философские идеи Фурье. Обратить внимание на эту сторону системы будет, думается, в виду всего сказанного, небесполезно.

I

Рассуждение о методе — одна из излюбленных тем Фурье. Он возвращается к ней в каждом из своих крупных произведений. По своему обыкновению он стремится классифицировать и учесть все правила метода (règles

[1] *Арк. А—н*, Элементы диалектики и экономического материализма в системе Фурье. «Под знаменем марксизма», 1924, № 3.

[2] *Я. Харапинский*, Социально-философские воззрения Фурье. Вятка 1927.

de la méthode), подобно тому как он учитывает и классифицирует все виды банкротства [1]. Многие из этих правил могут быть приняты лишь тем, кто приемлет общую философию Фурье. Но на-ряду с ними мы находим правила, так сказать, бесспорные, напр.: 9) garder que les erreurs, devenues des préjugés, ne soient prises pour des principes [2], или 7) n'admettre que la verité confirmée par l'expérience [3]. К сожалению, приходится признать, что в своем построении Фурье лишь в весьма малой степени следует устанавливаемым им правилам. Они играют у него известную отрицательную роль. При их помощи он подвергает методологической критике чужие воззрения. Впрочем, и здесь они дают критике лишь известную внешнюю форму, прикрывая собою обычно простое и немотивированное отрицание того или иного, неприемлемого для автора, воззрения. Примером может послужить применение цитированного нами правила 9. Принципы всех философских систем, утверждает Фурье, основаны на заблуждениях, превратившихся в предрассудок. Таково заблуждение, что провидение ограничено и неуниверсально. Из этого заблуждения вытекает предрассудок, будто бог не создал социальных законов для человечества и будто эту задачу должен разрешить человеческий разум. Заблуждению Фурье противополагает «здравый принцип» иерархии: богу в направлении движения принадлежит первое место, разуму — второе [4]. Это рассуждение является характерным образцом философских рассуждений Фурье. Фурье не доказывает вовсе, что исследуемое им положение покоится на заблуждении и потому является предрассудком. Он просто его провозглашает таковым. Точно так же он не делает попыток логически обосновать свое собственное положение. «Doute absolu», исходное методологическое правило Фурье [5], чисто механически прилагаемое им к другим системам, теряет силу в отношении к принципам, которые он кладет в основу своей.

По существу основные положения Фурье не доказываются им согласно тем или иным методологическим правилам, а даются как некое откровение. Их можно принять по субъективным побуждениям внелогического порядка, логически они не мотивированы.

Центральным понятием философии Фурье является понятие бога. Бог есть движущий и активный принцип. Правда, на-ряду с ним, как принципы несотворенные (increés), стоят материя и математика [6]. Эти два принципа как бы ограничивают своим независимым существованием творческую волю бога. Но материя — начало чисто пассивное, приводимое в движение богом и не имеющее собственных, свойственных ей в себе законов движения. Материя нужна в системе Фурье как несотворенная субстанция, ибо он не признает возможности творения из ничего: Dieu ne crée rien de rien [7]. Но

[1] «Théorie de l'Unité universelle», t. II (IV), p. 130—140 (Oeuvres complètes, t. V, 3-me éd. 1840).

[2] Ibid., p. 134. [3] Ibid., p. 133. [4] Ibid., p. 135.

[5] «Théorie des quatre mouvements», p. 3 (Oeuvres complètes, t. I, 3-me éd., 1846).

[6] Ibid., p. 30. [7] Ibid., p. 97.

законы даются ей богом. Несколько иначе обстоит дело с математикой (или со справедливостью). Ее место в системе мироздания определяется у Фурье не вполне точно. С одной стороны, это, как мы видели, некий самостоятельный принцип, помещаемый Фурье *рядом* с божеством: бог должен согласоваться (concorder), с математическими законами, от него не зависящими подчиняться им (se soumettre). Он не может их изменить[1]. В силу этого бог не всемогущ. Так, он — в силу, очевидно, этих общих законов движения — *не может* избавить ни одного из миров от известной доли страданий (la Divinité, d'après cette règle générale de mouvement, *ne peut* épargner à aucune globe les souffrances des deux âges extrêmes) [2]. С другой стороны, Фурье эти математические законы рассматривает как законы, *свойственные* самому божеству (loix mathématiques de Dieu) [3]. Как бы мы, однако, ни понимали соотношение бога и математики, математические законы выявляются в творении лишь через волю бога, ибо именно он, считается ли он при этом со своим внутренним свойством или с внешней для него необходимостью, устанавливает известный порядок в творении.

Уже из приведенных мест видно, что божество в системе Фурье — далеко не абстракция. Бог — личность с рядом совершенно определенных личных свойств, отпечатлевающихся в его творении. Об этих свойствах мы узнаем у Фурье немало любопытного. Для понимания социологии Фурье прежде всего необходимо запомнить основные свойства бога (опускаем систему их классификации): интегральное направление движения при помощи притяжения (attraction), экономия средств, распределительная справедливость, всеобщность провидения, единство системы [4]. Но заслуживают внимания, в связи с общей характеристикой мировоззрения Фурье, также свойства вторичного порядка, о которых Фурье упоминает мимоходом. Бог, как оказывается, обладает страстями, общее число которых — двенадцать [5]. Особое значение имеют из них три: cabaliste, papillone и composite [6]. Страсть бога к разнообразию (papillone) не была бы удовлетворена, если бы все миры шли одинаково равномерно к гармонии или, наоборот, оставались бы вечно в расстроенном состоянии (elle serait entravée si tous les globes marchaient d'un même pas à l'harmonie ou restaient à perpétuité en subversion). Точно так же временные отпадения человеческого разума от путей божиих дают материал для удовлетворения страсти бога к интриге (cabaliste) [7]. В «Théorie des quatre mouvements» той же страстью бога к разнообразию (Dieu est l'ennemi de l'uniformité) объясняется тот факт, что бог дает возникать периодически в человеческих обществах зернам благодетель-

---

[1] Ibid., p. 31.

[2] «Théorie de l'Unité universelle», t. II (IV), p. 271.

[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 29.

[4] «Théorie de l'Unité universelle», II (IV), p. 245, 266.

[5] «Nouveau Monde», 445 (Oeuvres complètes, VI, 3-me éd., 1846).

[6] «Théorie de l'Unité universelle», t I, p. XXXIV (Oeuvres complètes, t. II, 2-me éd. 1843). Ibid.

ных или вредных новшеств [1]. Наконец у бога есть еще одна интересная страсть, существенная для социологии Фурье. Бог в известном смысле существо социальное: он желает иметь соучастников (des associés) в разного рода функциях. Таким соучастником бога является человек [2]; в чем его соучастие выражается, — мы еще увидим ниже.

Сохраняя понятие личного бога, Фурье сохраняет также и идею творения «по образу и подобию божию», распространяя ее на весь сотворенный мир (l'univers étant fait à l'image de Dieu) [3]. Само собой разумеется, что, подчиняясь законам математики, бог подчиняет им и сотворенные им миры. В этом — логическая основа защищаемого Фурье принципа всеобщей аналогии (analogie universelle). Все миры, созданные богом, аналогичны ему и друг другу, и от одного можно умозаключать к другому по аналогии. В частности человек есть зеркало мира, и, следовательно, для понимания индивидуальной и социальной жизни человека можно и должно пользоваться умозаключениями от известных уже законов мира материального и наоборот. Известно, как широко и как наивно применял Фурье аналогию (страсти — геометрические кривые — тона; общественые формы — небесные тела и т. п.) Известно, к каким фантастическим выводам он подчас таким путем приходил. Мы не будем останавливаться на этих деталях; для нас было важно лишь выяснить их общие философские предпосылки.

У некоторых исследователей Фурье чувствуется тенденция несколько умалить роль божества в миросозерцании Фурье. Так Арк. А—н в своей книге о Фурье утверждает, что бог не является у Фурье руководителем мира [4]; Арк. А—н пытается истолковать провидение Фурье как своеобразный псевдоним закона природы [5]. На наш взгляд оба эти положения опровергаются в достаточной мере вышеизложенным и являются результатом отмеченного нами в начале статьи стремления «очистить» Фурье, сделать его для нас более близким и приемлемым. Для Фурье бог — не только «первый двигатель», не только «законодатель природы». Учение Фурье совершенно непохоже на деизм с его бессодержательным, абстрактным божеством. Оно более антропоморфично, чем традиционное христианство. Бог Фурье — страстный бог. Акт творения удовлетворяет его страсти — c'est pour Dieu une jouissance que de créer [6]. Поэтому творение не должно рассматриваться как акт единичный; в интересах бога — его продлить (il y va de son intérêt de la prolonger). Фурье различает три разновременных творения, уже имевших место (первое — пробное, уничтоженное потопом), и предвидит в будущем ряд новых [7]. Бог, таким образом, не только создал, но и будет

[1] «Théorie des quatres mouvements», p. 195.
[2] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. XXII—XXIII.
[3] «Nouveau Monde», p. 445.
[4] *Арк. А—н*, Ш. Фурье., 2-е изд., стр. 133.
[5] Ibid., p. 129.
[6] «Théorie des quatre mouvements», p. 38.
[7] «Nouveau Monde», p. 443.

впредь создавать и обновлять материальное содержание мира (Фурье называет это mobilier du globe).

Мир управляется «законами природы»; но этот термин имеет весьма своеобразный смысл в натурфилософии Фурье. Закономерность в природе есть, но она привносится, так сказать, извне, она дается *планом* бога, осуществляющего планомерно некие цели, поставленные им миру. Стоит вчитаться в такие натурфилософские рассуждения Фурье, как его рассуждение об очертаниях земли [1]. Распределение континентов и проливов для Фурье отнюдь не случайно, но не в том смысле, что оно является неизбежным результатом определенных условий физических, геофизических, геологических и т. д. Оно не случайно в смысле целесообразности. Фурье объясняет нам весьма детально, какими целесообразными мотивами вызваны, напр., заостренная форма южных материков или наклон земной оси, и находит, что все создано «добро зело». «Можно было бы, пожалуй, выразить недовольство, что бог слишком далеко протянул стрелку Магелланова мыса, что является временным препятствием». Но и это сделано не зря: «намерение бога было таково, чтобы этот путь был покинут, чтобы люди провели через Суэцкий и Панамский перешейки каналы, доступные для больших судов» [2]. Целесообразность здесь хотя и относится к планам бога, но по существу в центре всего стоят, как мы видим, интересы человека, о котором бог заботится более всего.

Было бы неправильно предположить, что Фурье сознательно противополагает телеологическое понимание мира его каузальному пониманию. Вернее, он стоит на той ступени в развитии философской мысли, на которой еще не осознано различие этих методологических установок. Для него каузальное и телеологическое объяснения сливаются, причина покрывается целью. Очень характерна в этом отношении та критика, которую Фурье направляет против современных философов и ученых. «Как рассматривали они природу? В движении они изучали только действия (les effects), не считаясь с причинами (les causes). На всякий вопрос, относящийся к причинам, они отвечают молчанием. Спросите их, почему бог дал Сатурну семь спутников, а Юпитеру, значительно более крупному, четыре. Они укроются от ответа за так называемым непроницаемым покровом. А между тем что же это за теория движения без знания причин? Чтобы проникнуть в них, нужно определить план, движущие пружины (les ressorts), механизм и цель движения. На каких основах построил бог свой план, каким правилам он следовал, какую цель он ставил?» [3] Правила, как мы знаем, это—математика: с этой точки зрения можно говорить о математических законах мира. Но правила подчинены цели; математические законы используются богом для осуществления телеологической закономерности.

Итак, мир построен целесообразно, согласно определенному плану, при помощи которого осуществляется его цель. Цель эта — всеобщая гармония

[1] «Théorie des quatre mouvements», p. 43 ff.

[2] Ibid., p. 46. [3] «Nouveau Monde», p. 445.

(harmonie universelle). Поэтому общая наука о мире может быть названа наукой о гармониях мира (science des harmonies de l'Univers) [1]. По отношению к отдельным частям мироздания существуют данные богом кодексы, обеспечивающие осуществление гармонии [2]. В силу закона всеобщей аналогии и эти кодексы аналогичны друг другу. Задача в том, чтобы открыть эти кодексы или, говоря более обще, открыть планы бога. Эта задача и разрешена Фурье: им открыты и возвещены планы бога [3].

II

Как бы много места ни отводил Фурье в своих произведениях вопросам богословским и натурфилософским, в центре его внимания всегда остается проблема социальной жизни людей. Учение о божестве и творении важно ему для обоснования социальной теории.

Может ли быть, чтобы бог, позаботившийся о законах для самых ничтожных частей мироздания, для каких-нибудь насекомых, оставил без социального кодекса человека, это «зеркало мира» и «подобие божества»? Но как раз в этом пункте распространены, по мнению Фурье, самые превратные мнения. Утверждают, что задача создания социального кодекса лежит всецело на самом человечестве, на человеческом разуме. Но это предположение не выдерживает критики. Ведь нельзя думать, что наш разум в качестве законодателя выше божественного разума. Нельзя думать, что всеведущий бог не знал об этой слабости человеческого разума. Бог имеет большой опыт в творении и не может сделать такой ошибки [4]. Остается, следовательно, одно из двух: либо бог *не сумел* дать нам кодекс, гарантирующий справедливость и истину, либо он *не хотел* дать нам такой кодекс. В первом случае — как можем мы надеяться на разрешение этой задачи своими слабыми силами; во втором случае — как можем мы мечтать о постройке здания, которого бог хотел нас лишить? [5]

Итак, социальный кодекс существует, существуют установленные богом законы социальной жизни людей. Чтобы уяснить себе логический характер этих законов, прежде всего необходимо остановиться на методе, какой, по мнению Фурье, надлежит применять для их открытия.

Исходным пунктом для Фурье, как и для теоретиков естественного права XVIII века, служит здесь «природа» человека. Основная ошибка философов в том, что они, вместо того чтобы изучать природу человека, изучали лишь способы ее подавлять. В этом их отличие от физиков, и в этом причина того, что физики достигли ценных результатов, тогда как все усилия философов остались тщетными [6]. Вряд ли Фурье представляет достаточно отчетливо,

[1] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 32. [2] «Nouveau Monde», p. 31.

[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 282; эта идея составляет один из постоянных мотивов во всех произведениях Фурье.

[4] «Nouveau Monde», p. 372 и след. [5] «Théorie de l'Unité universelle», t. II (IV), p. 111—112.

[6] «Théorie des quatre mouvements», p. 17.

что такое «изучение природы» в физике. Во всяком случае в области социальной «природой» для него вовсе не является вся эмпирическая данность, а потому и «социальный кодекс» не покрывает собою всей социальной жизни людей. Природа в человеке — то, что соответствует в человеке видам бога. Так, напр., индустрия (Фурье имеет в виду организацию индустрии в период цивилизации) противоречит видам бога (contradictoire avec les vues de Dieu) и, следовательно, является нарушением естественного порядка (renversement de l'ordre naturel) [1]. Человеческий род не пришел еще к той цели, к которой его желает привести природа (le genre humain n'est point encore arrivé au but où la nature veut le conduire) [2]. Человек может вследствие предрассудков уклоняться от природы [3]. Мораль с этой точки зрения есть искусство денатурировать человека (l'art de dénaturer l'homme) [4].

Совершенно ясно, что «природа» в социологии Фурье имеет то же значение, что у Морелли или у Мабли. Это — совокупность *некоторых* признаков человеческого существа, принимаемых по тем или иным причинам за основные,— совокупность признаков, из которых признается возможным вывести *нормы* социального бытия. «Социальный кодекс» Фурье, это — не теория общественного развития, а новая разновидность облеченной в своеобразную форму теории естественного права. Жизнь по этому кодексу — не сущее, а должное, *судьба* человечества, его *предназначение* (Destinée).

Что же в человеческой природе является для Фурье основным? Что должно в ней изучать, чтобы иметь возможность открыть code social? Согласно общей философской концепции Фурье в человеческой природе надлежит установить свойства, в которых выявляется воля бога. Ясно, что, зная эти свойства, на них не трудно построить систему регулирующих социальное поведение норм, ибо и они формулируют ту же волю, в существе своем единую.

Фурье считает, что он открыл тот механизм, при помощи которого бог выявляет свою волю в человеке. Этот механизм — страсти, страстное притяжение (attraction passionelle). Страстное притяжение — истолкователь видов бога на социальный порядок (interprète des vues de Dieu sur l'ordre social) [5]. Страсти — элементы социального механизма (les éléments de mécanique sociale) [6]. Поэтому свобода развития страстей дает счастье (toutes les sociétés sont plus ou moins heureuses en ce qu'elles permettent le développement des passions) [7]. Сила страстей может служить залогом согласия (les gages de la concorde) [8].

Что именно страстное притяжение является действенной силой социального механизма и толкованием божественной воли (agent de mécanique sociale et d'interprétation divine), — это положение Фурье подкрепляет самыми разнообразными доводами. Часть его аргументов носит чисто эмпи-

[1] Ibid., p. 3. [2] Ibid. p. 15; то же — «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 127.
[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 37. [4] «Nouveau Monde», p. 439.
[5] «Théorie des quatre mouvements», p. 11. [6] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 31.
[7] «Théorie des quatre mouvements», p. 54. [8] Ibid., p. 56.

рический характер. Так, Фурье утверждает, что стимулы притяжения действуют непрерывно, его импульсы неизменны всегда и везде, тогда как свет разума изменчив и обманчив (...que l'aiguillon de l'attraction nous stimule continuellement et par des impulsions aussi invariables en tous temps et en tout lieu que les lumières de la raison sont variables et trompeuses...) [1]. Признавая страсти истинным выразителем воли божьей, человек кладет конец внутренней борьбе между страстями и мудростью или законом и достигает, таким образом, внутреннего единства (unité interne)[2]. Далее следуют аргументы от гипотетических совершенств того строя, который должен быть создан на основе признания страстей, — аргументы, которые могут быть убедительными лишь для того, кто уже уверовал в спасительность attraction passionelle. Всю серию доводов завершает довод философский от единства системы и всеобщей аналогии. «Мир, или вселенная, сообщается с богом только при посредстве притяжения; все сотворенное, от звезд и до насекомых, достигает гармонии, лишь следуя импульсам притяжения: была бы двойственность системы, если бы человек должен был достигать целей бога, гармонии и единства, каким-либо иным путем, а не путем притяжения» [3].

Таким образом, страстное притяжение в мире человеческом является частным случаем общего закона, открытого Ньютоном для мира материального. Открытие Фурье дополняет открытие Ньютона, основано на законе всеобщей аналогии и в то же время его подтверждает. Повидимому, этот довод представляется Фурье наиболее существенным; по крайней мере, он повторяется в произведениях Фурье чаще всего. В действительности мы имеем здесь логически немотивированное отнесение одного понятия (attraction passionelle) к другому (attraction), как частного к общему, при помощи игры словом attraction. Ясно, что признание «откровения» Фурье о страстях логически необязательно даже для того, кто примет его общее откровение о боге, единстве системы и всеобщей аналогии.

Если страсти — основной элемент социального механизма и выявление воли бога в человеке, то социальный кодекс, очевидно, должен быть кодексом страстей. Иногда Фурье его так и называет: code régulateur des sociétés et des passions [4]. Нужно верить, что бог, создавая страсти, снабдил нас также средством целесообразно использовать этот материал. Исходя из страстей, необходимо и возможно построить социальный кодекс чисто логическим путем. Только взяв страсти за руководителя в социальной жизни, можно быть уверенным, что следуешь по пути божию, а следовательно прийти к справедливости, истине и социальному единству, к человеческому предназначению (Destinée) [5]. Пока мы социальный кодекс не открыли, мы не знаем человека, ибо не знаем цели, которой служат страсти.

Теория ассоциации Фурье, построенная на учении о страстях, и есть искомый социальный кодекс, дарованный человеку богом. В силу этого ассоциация осуществляет в пределах человечества гармонию, к которой

[1] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 240.
[2] Ibid., p. 241. [3] Ibid., p. 242. [4] Ibid., II, p. 111. [5] Ibid., p. 259.

оно предназначено и которая является, как мы уже знаем, общей целью, поставленной богом миру. L'association est la voie de Dieu [1]. В то же время ассоциация может быть названа и естественным законом, поскольку страсти составляют существо природы человека. Ассоциация — code naturel ou divin [2]. Поэтому же и права человека, обеспечивающие удовлетворение его страстей и подлежащие, очевидно, включению в социальный кодекс, Фурье называет естественными правами — droits naturels [3].

Сочетание теории естественно-правовой с общей откровенно-теологической концепцией не должно нас удивлять. Вырастая исторически из права божественного в результате его рационализации, естественное право обычно носит на себе явственные следы своего происхождения. Элементы теологии в нем всегда присутствуют, ибо самая сущность концепции требует отнесения явлений социальной жизни к некоторым нормам, рассмотрения социальных явлений с точки зрения долженствования. При этом дающим нормы, поставляющим человечеству цели может быть личное божество, или выступающее в виде его псевдонима провидение, или, наконец, анонимная «природа». В теории Фурье своеобразно не соединение в одно loi naturelle и loi divine, а лишь способ их соединения через механизм attraction, являющийся в природе человека выразителем целесообразно направленной воли бога.

С другой стороны, теория естественного права связана с рационализмом. Рационалистичным прежде всего является метод раскрытия естественно-правовых положений. Естественное право, в отличие от божественного, не может даваться в форме откровения. Оно находится, так сказать, в скрытом состоянии — в самой природе человека, как потенциальный вывод из ее свойств, принимаемых за существенные и основные. Установив эти свойства, построить на них систему естественного права — очевидно, задача чисто логическая. С таким методом связывается неизбежно и соответственная характеристика исторического процесса. Если разум должен логически конструировать систему норм социального бытия и если этой системы до настоящего времени как реальности не существует, то это может быть отнесено за счет слабости человеческого разума, за счет его заблуждений. Несовершенство исторических порядков — результат несовершенства разума. Такой ряд рассуждений свойственен многим теоретикам естественного права XVIII века.

Теория страстей Фурье, та подчиненная роль, которую он отводит в человеческой природе разуму, его критика философов-рационалистов зачастую скрывают от глаз исследователей имеющиеся в его системе чисто рационалистические черты. Между тем они в ней имеются, они в ней не случайны и не стоят ни в каком противоречии с его учением о человеческой природе. Многие из мыслителей XVIII века, — в том числе и Морелли, — отводят страстям весьма существенное место в своем учении о человеке.

---

[1] Ibid., t. I, Avant-propos, p. 29. [2] «Nouveau Monde», p. 31.

[3] Список их параллельно страстям — «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 164.

И, тем не менее, не подлежит никакому сомнению, что Морелли должен быть причислен к последовательнейшим рационалистам. Как возможно такое сочетание, — мы сейчас увидим на примере Фурье.

Страсти даны человеческой природе богом. Им же создан и кодекс страстей — code social. Разум слишком слаб для законодательных функций [1]. Законодательная власть принадлежит богу; человеческому разуму — исполнительная (Dieu doit être pouvoir législatif et la raison humaine — pouvoir exécutif) [2]. Но из этого не следует, что функции разума и его значение в истории человечества ничтожны. Как мы видели, установление гармонии, осуществление предназначения человечества, восстановление единства человека с богом — все это должно явиться результатом *открытия*. Необходимо открыть социальный режим, основанный на притяжении (il faut découvrir un régime social attractionnel) [3]. Без открытия или изобретения социетарного механизма (т. е. ассоциации, т. е. социального кодекса) невозможно выйти из существующего хаоса [4]. «Я приношу, — говорит о себе Фурье, — изобретение (l'invention), которое выведет человеческий род из хаоса к счастью» [5].

Открытие или изобретение есть, конечно, дело разума, правильно подмечающего то, что составляет природу человека, и делающего из подмеченного правильные выводы. Тот, кто разрешает эту великую задачу, по справедливости может быть назван гением. Но если задача, логическая в своем существе, не была до сих пор разрешена, очевидно, это — результат неправильного метода. Наши ложные методы могли задержать до сего дня открытие средств применения страстей, — заявляет Фурье (nos fausses méthodes ont pu retarder jusqu'à ce jour la découverte) [6]. Заветы божии были нарушены ошибкой человеческого разума (quelque erreur de la raison humaine) [7]. Виды бога не были поняты учеными, — эту мысль Фурье не устает повторять на протяжении всей своей литературной деятельности. Так как ученые и философы не изучали природы человека, в которой выявляется воля бога, и действовали ложными методами, то не удивительно, что в течение 25 веков они не могли открыть истину [8]. Идя ложными путями, политические и моральные науки (для точных наук Фурье делает исключение) не сделали за 25 веков своего существования ничего для блага человечества. Немудрено, что все их попытки улучшить социальный порядок остались бесплодными [9].

Как мы видим, Фурье осуждает философов не только за то, что их философские системы ложны, — не с академической, так сказать, точки зрения. Конечно, науки цивилизации и сами по себе абсурдны. Философы и моралисты — апостолы заблуждения (apôtres de l'erreur) [10]; но главная беда

[1] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 251. [2] Ibid., p. 137.
[3] Ibid., p. 243. [4] «Nouveau Monde», p. 9.
[5] «Théorie des quatre mouvements», p. 19. [6] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 31.
[7] Ibid. t. I, p. XXXII. [8] «Théorie des quatre mouvements», p. 2.
[9] Ibid., p. 15. [10] Ibid., p. 283.

не в этом. Главное в том, что философы своими заблуждениями задерживают осуществление естественного порядка, code social, соответствующего воле бога. Человечество провело в первой фазе своего развития 7 000 лет из-за ложной философии [1]. Цивилизация длилась из-за философов на 2 300 лет больше, чем то было необходимо (elle s'est prolongée deux mille trois cents ans de trop par l'inadvertance et l'orgueuil des philosophes) [2]. В этом нет для Фурье ничего удивительного. В самом деле, — поясняет он, — если заблуждение может длиться 3 года у индивидуума, 30 лет — у семьи, 300 — у корпорации, то почему не длиться ему 3 000 лет у человечества? [3] Неточные знания ведут к социальным уклонениям. И это отражается не только на общем ходе исторического развития человечества. Фурье иногда непрочь свести к ошибочной философии, объяснить ее заблуждениями и конкретные исторические факты. Так, французская революция порождена ложной философией. Философы доказали в этом своем опыте (coup d'essai) свою полную неспособность. Эти мудрецы, — говорит Фурье, — потратив 25 веков на усовершенствование своих теорий, вызвали своим выступлением столько бедствий, сколько они обещали благодеяний [4].

Философы со своим ложным знанием ничего не предвидели и ничем не могли руководить. Это ложное знание должно быть отброшено, и философы должны искать новое знание, обеспечивающее общее счастье [5]. И так как философы и другие представители неточных знаний упорствуют в своих заблуждениях, то Фурье полуиронически, полусерьезно предлагает применить по отношению к ним особый метод, который он называет perquisition forcée. Всех софистов четырех факультетов—метафизиков, моралистов, политиков и экономистов — надлежит собрать вместе и изолировать. Пусть они посидят, подобно кардиналам в конклаве, зная, что от них требуют *изобретения* (l'invention), а не софизмов, что они будут сидеть, пока не откроют (jusqu'à ce qu'ils eussent découvert) выхода из цивилизации. И меньше чем в шесть месяцев они придут к успешному результату [6].

В связи с естественно-правовыми и рационалистическими моментами в социологии Фурье следует остановиться на его трактовке понятий случайности и необходимости. Для Фурье *случайность* переводит цивилизацию из одной фазы в другую (c'est le hazard qui nous a conduits de première en deuxième phase) [7]. Он считает подлежащей сомнению *необходимость* цивилизации [8]. В частности, к своей третьей фазе цивилизация пришла par coup de hazard, без какого то ни было влияния философов. Наконец, всеми слабыми успехами социального прогресса мы обязаны *случаю*, а не политическим или моральным наукам [9]. Ясно, что во всех приведенных примерах Фурье про-

[1] Ibid., p. 37. [2] Ibid., p. 16.
[3] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 116.
[4] «Théorie des quatre mouvements», p. 2.
[5] Ibid., p. 277. [6] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 143.
[7] «Théorie des quatre mouvements», p. 91.
[8] Ibid., p. 4. [9] Ibid., p. 100.

тивополагает случай, случайное, тому, что является результатом сознательной воли, основанной на правильном понимании «судеб». Необходимо лишь то, что оправдано ясным суждением о природе: все остальное случайно. Ибо отсутствие ясного суждения подчиняет человека случайным внешним импульсам [1].

Такое отнесение к категории случайного всего, что не соответствует «природе» и «разуму», типично для естественно-правовых теорий старого времени. В самом деле, если есть для общественной жизни кодекс «законов природы», понимаемый как кодекс норм, то необходимым должно представляться лишь то, что выведено «разумом» из «природы», т. е. то, что соответствует этим нормам. Все, что происходит, так сказать, вне пределов «разума» и «природы», должно представляться случайным. Подобные идеи мы находим, между прочим, в очень отчетливой форме у Морелли[2]. Однако необходимо иметь в виду, что у Фурье, как и у Морелли, цепь случайностей укладывается в некоторую телеологическую схему.

III

Итак, виды бога по отношению человечества не осуществлены: открытие Фурье впервые делает возможным их осуществление. Как примиряется в системе Фурье это положение со свойственной ей идеей универсального провидения? Как возможно, что бог, стремящийся ко всеобщей гармонии и давший человечеству обеспечивающие гармонию страсти и основанный на них социальный кодекс, допустил уклонение от этого кодекса, — уклонение, ведущее человеческий род к дисгармонии и неисчислимым бедствиям? Или, выражаясь в терминах естественно-правовой теории, почему до сих пор не мог найти себе применения естественный закон, если он действительно логически вытекает из основных свойств природы человека? Эти вопросы приводят нас к философии истории Фурье.

Процесс претворения естественного права в действительность можно представлять себе двояко. Можно считать его независимым от условий времени и места. Основные свойства человеческой природы вечны и неизменны: следовательно, в любой момент истории человечества возможна организация общества на основе вытекающих из этих свойств вечных и неизменных «законов природы». С другой стороны, можно представлять себе, что к пониманию и, следовательно, осуществлению естественного права человечество может прийти лишь в результате прохождения определенного исторического пути, этапы которого являются как бы ступенями, по коим человечество подымается к своей провиденциальной цели. Хотя мы и встречаем иногда у Фурье отдельные выражения, позволяющие умозаключать в пользу первого варианта, но эти выражения, очевидно — лишь случайные обмолвки. Общему мировоззрению Фурье, конечно, соответствует второй вариант,

[1] «Théorie de l'Unité univrselle», t. I, p. XI и след.

[2] *В. Волгин*, Очерки по истории социализма, изд. 3-е, стр. 141.

который и развит им достаточно подробно в философско-исторических отрывках его работ.

Бог не мог ввести человечество сразу в гармоническое существование. Это вытекает прежде всего из того, что для бога обязательны общие законы движения — законы математические. Одним из принципов движения является двойственность его характера (le principe de dualité d'essor dans le système du mouvement) [1]. Современные мудрецы совершенно не понимают этого принципа, между тем древние инстинктивно пришли к его признанию. Именно из этого вытекает их вера в два начала вселенной: доброе и злое, вера в «Оробаза» и «Аримана», демонов и богов. Действительно, надо отличать в движении essor harmonique и essor subversif. Оба характера движения могут быть легко подмечены в движении небесных тел. Так, кометы движутся согласно essor subversif, тогда как планеты — согласно essor harmonique [2]. Характеры движения, его essors, сменяют друг друга. Поэтому Фурье думает, что кометы впоследствии от неправильного движения перейдут к гармоническому и станут планетами. В механизме мира и всех его частей чередуются века гармонии и разрушения (le mécanisme de l'univers et de toutes ses parties est dualisé, sujet à des âges d'harmonie et de subversion) [3].

В отношении к социальной жизни человечества этот закон двойственности движения выражается в том, что человечество в своей истории проходит некоторую кривую, аналогичную кривой жизни отдельного индивидуума. Человечество начинает свою жизнь с фазы incohérence или subversion ascendante, соответствующей детству индивидуума; эта фаза должна отнять 5 000 лет. Она, в свою очередь, распадается на семь периодов: эденизм, дикость, патриархат, варварство, цивилизация, гарантизм, социантизм. Затем следуют фазы гармонии, соответствующие юности и зрелому возрасту, по 35 000 лет в каждой. История заканчивается новой фазой incohérence или subversion descendante — старостью человеческого рода — тоже 5 000 лет. Таким образом человечеству отведена жизнь в 80 000 лет, из коих 70 000 падают на века гармонии [4].

Если отбросить приводимые Фурье точные цифры, никак, конечно, не аргументированные, то мы получим схему, довольно обычную для второй половины XVIII и начала XIX веков. Развитие общества представляли подобным развитию индивидуума и Руссо, и современник Фурье—Сен-Симон, и многие другие. Интересна и своеобразна у Фурье связь теории социального развития с общими принципами натурфилософии, с идеей dualité d'essor. Именно исходя из этой идеи, Фурье и заявляет, что бог *не может* избавить ни одного мира от страданий двух крайних веков [5]. Однако необходимо отме-

---

[1] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 36.

[2] Ibid., p. 36. [3] «Nouveau Monde», p. 446.

[4] Иногда мы встречаем другой вариант: 5 000 — subversion ascendante, 36 000 — harmonie ascendante, 9 000 — apogée, 27 000 — harmonie descendante, 4 000 — subversion descendante. Итого — 81 000 лет. («Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 271.)

[5] Ibid., p. 271.

тить, что и в первом своем произведении — «Théorie des quatre mouvements», и в посмертном отрывке — «Du libre arbitre» — Фурье допускает некоторое отклонение от этой точки зрения. Так, он утверждает, что обитатели солнц и кольцеобразных (annulaires) планет, подобных Сатурну, могут миновать века incohérence ascendante. Они обязаны этим благом богатству продуктов, доставленных им первым творением (à la richesse des productions que fournit chez eux la première création) [1]. Очевидно, при такой постановке вопроса, корень социальных зол первой фазы лежит уже не в законе (dualité d'essor), обязательном для бога во всех созданных им мирах. Между мирами есть различие. Одни бог снабдил при творении лучшим mobilière, другие — худшим, недостаточным. Это неравенство приходится, повидимому, отнести за счет свойственной богу, как мы уже видели, страсти к разнообразию [2].

Как бы то ни было, наш земной шар целиком подчинен dualité d'essor. Как мы только что видели, материально это выражается в том, что бог снабжает землю при первом творении числом продуктов, не достаточным для того, чтобы человечество могло сразу пойти по пути гармонии. Дело здесь, следовательно, не в недостатках человеческой природы. Человек создан изначала пригодным для гармонического существования, для code social. Ибо бог, создавая его, конечно, должен был иметь в виду 70 000 лет гармонического порядка, а не 10 000 лет дисгармонии (Dieu a du former nos caractères pour convenir à l'ordre combiné, qui durera 70 000 ans, et non pas pour convenir à l'ordre incohérent, qui ne devait durer que 10 000 ans) [3]. Бог не создал наши страсти для варварства и цивилизации [4].

В силу этого люди тотчас после первого творения стремятся группироваться согласно законам страстей, code social. Они составляют свободные объединения, серии, необходимые для социальной гармонии. Но эти серии нестройны (séries confuses) [5] и этим отличаются от серий грядущих периодов. Это и неудивительно. Их возникновение не является результатом размышления и сознательного построения code social. Оно инстинктивно (de régime... découvert par instinct) [6]. Люди живут известным образом просто потому, что повинуются страстям, через которые их направляет бог (l'arbitre du mouvement Dieu les dirige et les conseille par entremise de l'Attraction et de la Repulsion, qui sont ces interprètes) [7]. Характерный признак этого строя — свобода страстей, что и обусловливает счастье людей. «Первые люди вышли из рук бога счастливыми, так как они могли организовать общество сериями, а все общества этого рода более или менее счастливы,

---

[1] «Théorie des quatre mouvements», p. 68. [2] См. выше, стр. 7.

[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 70.

[4] «Nouveau Monde,» p. 24.

[5] «Des lymbes obscurs», статья, напечатанная в 1849 г. (январь, февраль) в журнале «Phalange», p. 9; «Théorie des quarte mouvements», p. 54.

[6] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. 184.

[7] «Des lymbes obscurs», p. 9.

ибо они допускают развитие страстей» [1]. Общее благо в этот период совпадает со страстями индивидуума (le bien général coïncide avec les passions individuelles). [2] Неудивительно, что традиция повсеместно сохранила воспоминание о нем, как о земном рае (paradis terrestre) [3].

Этот «земной рай» Фурье является новым вариантом старой идеи об естественном состоянии, — идеи, свойственной большинству теоретиков естественного права. При общей установке Фурье наличие в его системе, на ряду с droit naturel, état naturel — не удивительно. Интересно, что Фурье, повторяя в этом вопросе мыслителей XVIII века, совпадает с некоторыми из них не только в общей характеристике первоначального строя человеческого общества, но и в деталях. Так, Морелли, как и Фурье, свойственно представление о естественном состоянии в начале человеческого бытия как о состоянии, возникающем по инстинкту, а не по разумному убеждению. В этом его отличие от грядущего разумного, сознательного осуществления естественного права [4].

Эденический период не может быть длительным. Он обусловлен изобилием земных плодов при редком населении [5]. С размножением человечества и с изменением к худшему природных условий (появление диких зверей) оно очень быстро должно было натолкнуться на недостаток средств пропитания. При слабости сил человечества оно не могло в борьбе с этим препятствием сохранить гармонический строй, ибо гармония требует изобилия [6]. Чтобы вновь достигнуть гармонии, человечество должно прежде накопить силы, что оно и осуществляет в течение следующих четырех периодов, развивая индустрию. Человек, следовательно, как бы отступает с того пункта, на котором он уже был, разбегается, чтобы лучше прыгнуть (reculement, élan, saut) [7]. Если бы крупная индустрия могла возникнуть в первый период, то не было бы необходимости в страданиях последующих периодов (дикость, патриархат, варварство, цивилизация) [8]. Человеческий род должен был из свободного состояния перейти к варварству и рабству, чтобы подняться от простой индустрии к сложной [9].

Дикость, патриархат, варварство и цивилизация, это, таким образом, — ступени, по которым человечество восходит к своей судьбе (des échelons pour s'élever à un meilleur ordre social... qui est la Destinée industrielle de l'homme) [10]. Последняя из этих ступеней, цивилизация, — как бы временная болезнь роста, соответствующая прорезанию зубов. Все это — века дисгармонии (incohérence), не соответствующие целям бога, но оправды-

---

[1] «Théorie des quarte mouvements», p. 54.
[2] Ibid., p. 63. [3] «Nouveau Monde», p. 439.
[4] *Morelly*, Code de la nature, 1910, p. 64.
[5] «Nouveau Monde», p. 439.
[6] «Théorie des quatre mouvements», p. 56.
[7] Ibid., p. 36. [8] Ibid, p. 68.
[9] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 215.
[10] «Théorie des quatre mouvements», p. 16.

ваемые, как мы видим, с точки зрения общего плана мироздания, как этапы на пути к этим целям, пока еще не достигнутым. Лишь в результате 2—5 периодов человеческий род накопил достаточно сил, создал достаточно развитую индустрию, чтобы приступить к построению гармонического порядка. Лишь тогда, когда люди к нему перейдут, восстановится и гармония между страстями индивидуума и общим благом, — гармония, некогда существовавшая, но разрушенная отходом человечества от естественного порядка и веками негармонического существования.

Необходимо подчеркнуть еще раз ту последовательность, с которой Фурье проводит и здесь, в своей философии истории, телеологическую точку зрения. Основным для него всегда остается не вопрос *почему*, а вопрос *для чего*. Его интересует не столько объяснение отдельных моментов в развитии человечества с точки зрения их причинной связи, сколько место, которое они занимают в плане восхождения человечества к его цели. Для него важно показать, что века incohérence были нужны для создания крупной индустрии и что крупная индустрия нужна для гармонии, — наконец, что все историческое движение в целом нужно для осуществления общего провиденциального плана. Конечно, он не может не говорить иногда о конкретной связи явлений, следовательно об их причинной связи. Его соображения в этой области бывают иногда интересны, и мы к ним еще вернемся. Но для его телеологической концепции это — вопросы второстепенные.

Мы проследили действие одного двигателя, вызывающего необходимость веков дисгармонии. Это — общий закон dualité d'essor, выражающийся по отношению к человечеству в определенной кривой его развития и осуществляемый богом посредством диспропорции между потребностями человека и рессурсами окружающей его среды. Но на-ряду с этим Фурье, как мы уже видели, признает наличие еще одного фактора, влияющего на темп и ход развития и способного задерживать человечество в веках дисгармонии. Этот фактор — человеческий разум. Иногда Фурье как будто выдвигает даже разум на первое место в качестве силы, за счет которой должна быть отнесена дисгармония [1].

Эта рационалистическая тенденция увязана Фурье с общим провиденциальным планом божества весьма оригинально, — при помощи идеи ассоциации, сотрудничества бога с человеком в руководительстве вселенной. Философы заблуждаются, возлагая все на человека без социетарного вмешательства бога. Но ошибаются и богословы, сводя роль человека к нулю, все предоставляя богу [2]. Бог не был бы справедлив и счастлив, если бы он лишил свои создания всякой возможности влиять на движение. Это был бы деспотизм, предопределение, фатализм. Бог хочет иметь в человеческом разуме со-творца. Он предоставил нашему разуму честь вмеши-

[1] «Théorie des quatre mouvements», p. 37.

[2] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. XXIII.

ваться в творение [1]. Половину дела он всегда дает в руки своих созданий, желая видеть в них associés, а не рабов [2].

Итак, неверно, что разум единовластен; но неверно также, будто всякое движение от бога. Бог двигает человека согласно своей воле через посредство attraction passionelle; но если бы всякое движение было от бога, как было бы возможно существование варварства и цивилизации с их подавлением attraction для семи восьмых населения и передачей руководства социальным движением в руки человеческого разума с исключением бога? (si tout mouvement vient de Dieu, comment se fait-il qu'il existe des sociétés civilisées et barbares qui... excluent évidemment pour les sept huitièmes de la population l'impulsion divine ou attraction et rejettent la règle du mouvement social aux mains de la raison humaine à l'exclusion de Dieu?) [3]. В цитируемой фразе как будто самое существование периодов incohérence объясняется, вопреки изложенному выше, заблуждением человеческого разума. Но возможно, что это только неудачно отредактированное выражение. Необходимо иметь в виду, что то произведение, из которого взята цитата, осталось от Фурье в рукописи, не вполне обработанной, в которой многие слова даны в сокращенном виде [4]. Во всяком случае в той же работе, на несколько страниц дальше, мы находим уже другое, более узкое, определение возможностей, предоставляемых богом человеческому разуму. Бог оставляет нам многочисленные шансы: замедление или ускорение в открытии, минование некоторых периодов (il nous laisse des chances nombreuses, entre autres celle de retards et accélérations de découverte, celle de franchir plusieurs périodes [5]. О возможности, так сказать, выдумки каких-либо периодов, в плане бога не предусмотренных, здесь нет уже речи.

В человеке действуют два импульса: божий, выражающийся в данных богом страстях, и человеческий, исходящий от разума. Для гармонии необходимо их согласование, к которому человек свободен прийти, но к которому он пока не пришел. Поскольку это так, постольку человеческий разум и человеческая наука заслужили полностью упреки в задержке социального развития, — упреки, на которые как мы видели выше, Фурье не скупился. Если пройти через страдания первой фазы было необходимо для создания крупной индустрии, то чрезмерная длительность этих страданий может быть поставлена в вину человеческому разуму. Для выхода из incohérence нужны, таким образом, два условия: крупная индустрия и открытие разума [6]. Первое условие уже давно выполнено. По мнению Фурье, уже во времена Солона можно было перейти к системе гармонии. Второе дано открытием Фурье. Поэтому человечество могло бы теперь, в силу предоставленных богом человеческому разуму шансов, перескочить через два последних периода первой фазы и сразу вступить в век гармонии [7]. Для тех же народов, которые до сих пор стоят на ступенях варварства и патриар-

[1] Ibid., p. XXXI. [2] Ibid., p. XXVII. [3] Ibid., p. XXVII.

[4] См. предисловие редакторов (Avertissement) — «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. III.

[5] Ibid., p. XXXI. [6] «Nouveau Monde», p. 9. [7] Ibid., p. XII.

хата, открываются еще более приятные перспективы минования всех периодов, отделяющих их от гармонии, не исключая и цивилизации [1].

Резко осуждая несовершенство знания, тормозящее ставший давно возможным переход к гармонии, Фурье в то же время признает, что это несовершенство в известные периоды было необходимым, т. е. опять-таки оправданным с точки зрения общего провиденциального плана. Оно нужно было тогда, когда был невозможен выход из состояния дисгармонии. В самом деле, что получилось бы, если бы бог дал совершенное знание судеб в эту эпоху? Это знание повергло бы наших предков в полное отчаяние. Предвидя прекрасное будущее, они должны были бы коснеть в варварстве, поскольку для осуществления гармонии была необходима более высокая ступень развития индустрии. Мало того, они отнеслись бы с пренебрежением к усовершенствованию индустрии, зная, что плоды это принесет лишь их отдаленным потомкам. Всеобщая апатия охватила бы народы. А может быть даже, что они начали бы сознательно вредить развитию индустрии и тем сделали бы невозможным переход к гармонии [2].

Таким образом, между действием обоих факторов, препятствующих осуществлению code social, существует до известного момента некая предустановленная гармония, объясняемая тем, что оба они связаны в единстве божественного плана социального движения. Несовершенство знаний и несовершенство индустрии в этом плане параллельны друг другу. О расхождении человеческого разума с божественной волей можно говорить лишь по отношению к тому периоду, когда индустриальные предпосылки code social уже созданы. Здесь начинается уже «непослушание» божественным планам. А так как божество — существо, обладающее страстями, то оно не может к этому ослушанию относиться равнодушно. Фурье поэтому вполне последовательно со своей точки зрения утверждает, что непокорные миры получают от бога наказание в виде мучительного неудовлетворенного влечения (aiguillon du désir ou martyre d'attraction, qui est châtiment négatif pour les globes rebelles) [3]. Но этим наказанием психологического свойства дело не ограничивается. Та непрочность империй цивилизованных наций, те революции, которые они все переживают, — все это кары природы и божества за неисполнение их воли. Природа хочет как бы показать этими потрясениями непригодность построений человеческого разума, абсурдность современных человеческих знаний. Бог внушает ими необходимость следовать его планам [4].

IV

Мы знаем теперь основные контуры социологического построения Фурье. Мы видели его общий телеологический характер; констатировали присутствие в нем элементов рационалистических, естественно-правовых;

[1] «Théorie des quatre mouvements», p. 276. [2] «Théorie des quatre mouvements», p. 94.
[3] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 241.
[4] «Théorie des quatre mouvements», p. 279—282.

выяснили, как связываются эти элементы с провиденциальным планом. Мы можем теперь приступить к рассмотрению материалистических элементов этой сложной системы без опасения преувеличить их значение.

Были ли в социологической системе Фурье черты материализма? И если были, то какое место они в ней занимали? На первый вопрос приходится дать утвердительный ответ. Отдельные заявления, а иногда и частичные конструкции материалистического характера мы находим почти у всех социальных мыслителей XVIII века. Было бы странно, если бы их совсем не оказалось у Фурье, жившего в пору возникновения во Франции капиталистической индустрии и специально интересовавшегося экономическим переустройством общества. Одну из таких черт мы уже попутно отметили. Это — идея диспропорции потребностей человека и ресурсов природной среды как двигателя социального развития.

Указанная мысль не является самостоятельным достижением Фурье. Нетрудно убедиться, что она заимствована им у того автора, о котором он сочувственно отзывается в связи с характеристикой естественного состояния, — у Руссо. В самом деле, и в теории Руссо предпосылкой «естественного состояния» является редкость населения и, в связи с нею, легкость удовлетворения потребностей [1]. И в теории Руссо толчком к дальнейшему развитию служат трудности в удовлетворении потребностей, — трудности, возникновение которых обусловлено размножением человечества. Если Фурье и вносит в эту концепцию известные дополнения, то лишь дополнения, затемняющие основное положение о зависимости форм жизни человечества от соотношения его с окружающей средой, доставляющей ему средства к существованию. Так, в числе условий, необходимых для организации серий первобытного общества, он вводит, как нечто равноправное, отсутствие представительных знаков богатства (l'absence des signes représentatifs de la richesse) или отсутствие предрассудков, как будто и то, и другое никак не связано с общим типом отношения человека с природой и не может быть к нему сведено [2].

Как бы то ни было, недостаточность сил человека для удовлетворения его потребностей в данных природных условиях, вызываемая этим нужда, — иными словами, борьба человека за существование, — такова основная пружина исторического развития по теории Фурье, — по крайней мере на первых ступенях его развития (c'est toujours dans l'accroissement de population et de pauvreté qu'il faut chercher le secret de la décadence des sociétés antérieures à la civilisation) [3]. На каждой ступени человек достигает известных успехов, но рост населения каждый раз вновь воспроизводит затруднения, делающие необходимым дальнейшее движение. Противоречие между потребностями и ресурсами ведет вперед; на этом диалектическом моменте мы еще будем иметь случай остановиться.

[1] *Rousseau*, Oeuvres complètes, t. I, p. 84—89.

[2] «Théorie des quatre mouvements», p. 54—55.

[3] «Des lymbes obscurs», p. 26.

Однако в понимании самого процесса исторического развития, связи и последовательности составляющих его явлений теория Фурье в некотором отношении составляет шаг назад по сравнению с теорией Руссо. У Руссо уже имеется представление о том, что трудности в удовлетворении потребностей ведут прежде всего к изысканию новых средств добывать себе пропитание, к росту производительных сил. Отличительными, основными признаками исторических периодов он склонен считать признаки производственные и из них уже выводит все прочие особенности данного периода. Так, весь строй первого периода после выхода из естественного состояния он объясняет из охоты и рыбной ловли, строй второго — из металлургии и земледелия [1]. У Фурье в его характеристиках периодов признаки производственные также имеются. Напомним, что цель прохождения человечеством этих периодов согласно божественному плану и состоит в создании крупной индустрии. Поэтому эпоха патриархата имеет признаком мелкую индустрию, варварство — среднюю и цивилизация — крупную [2]. Но признаки каждого периода выводятся Фурье не из производства, а из игры страстей. Характерный признак, отсутствие или присутствие которого определяет период, признак стержневой (pivôt), как выражается Фурье, связан не с производством, а с любовью (ce charactère est toujours tiré de l'amour) [3].

Характерным признаком эденизма является свободная любовь, варварства — абсолютное рабство женщины; цивилизации — исключительный брак. Стержневой признак всегда влечет за собою все остальные (entraine la naissance de tous les autres). Поэтому, если бы, напр., варвары усвоили исключительный брак, то они очень скоро стали бы цивилизованными; если бы мы усвоили рабство женщины, то очень скоро превратились бы в варваров. Остальные признаки являются побочными, и лишь очень медленно их возникновение может привести к смене периода. Это влияние «любовных обычаев» на социальный порядок Фурье и не пытается связать с механизмом борьбы человека с природой. Для его объяснения он прибегает к более легкому и более привычному методу — к раскрытию плана божества. Бог желал, чтобы счастье и несчастье человека были пропорциональны свободе и принуждению. Свободой же он считает лишь свободу обоих полов. Поэтому для периодов несчастья он назначил pivôt порабощение женщины, а для периодов блага — прогрессивное ее освобождение [4].

Так обстоит дело с периодами до открытия и установления code social. Что касается периодов дальнейших, гармонических, то они будут отделяться друг от друга, повидимому, только последовательными улучшениями природы посредством новых творений (ces sept périodes sont distinguées par sept créations harmoniques) [5]. Здесь Фурье, таким образом, уже совершенно отрывается от той материальной почвы, на которую он попы-

[1] *Rousseau*, ibid., p. 105—112. [2] «Nouveau Monde»; p. XI.
[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 89.
[4] Ibid., p. 89—90. [5] Ibid., p. 35, Tableau.

тался было стать, следуя за Руссо, в своей трактовке первых ступеней исторического развития.

Попробуем теперь присмотреться к тому, как, собственно, представлял себе Фурье конкретно переход от одного периода к другому. Прежде всего очень характерно для Фурье, что мы, в сущности, можем только догадываться о том, как добывают себе средства существования люди первого, эденического, периода. Вероятно, частью простым собиранием даров природы, частью охотой, рыбной ловлей и скотоводством. Так можно заключить из того, что Фурье отмечает изобилие стад, плодов, рыбы, птицы (surabondance de troupeaux, fruits, poissons, gibier etc.) [1]. Этому же предположению соответствуют и те «естественные права», которыми пользуется первобытный человек: chasse, pêche, cueillette, pâture. Сверх того, у них были уже и зачатки земледелия (petites cultures) [2]. Когда настает нужда (и появляются дикие звери), то это вызывает не развитие производительных сил, как у Руссо, не переход к новым формам производства, а непосредственно социальный переворот: распадение серий и организацию несвязных хозяйств (ménages incohérents) [3]. Возникает индивидуальная семья, семьи связываются в орды, вожди которых не имеют еще принудительной власти [4]. Женщина ставится в подчиненное положение. Этот строй — дикость — la sauvagerie. В период дикости люди постепенно отходят от зачатков земледелия и занимаются главным образом скотоводством [5]. О росте производительных сил в этот период вряд ли можно говорить.

Следующий период — патриархат — возникает, как и дикость, в результате роста населения и нужды. Но патриархальное общество стоит на той же производственной базе, что и дикое. Меняется лишь общественная организация. Орда распадается в силу внутренних раздоров на почве недостатка пищи; в изолированной семье вырастает деспотическая власть отца. Остальные члены семьи попадают в полурабство (demi-servitude) [6]. Так зарождаются отношения господства и подчинения. Но, с другой стороны, эта организация семейного принуждения делает возможным развитие производства, что и дает, так сказать, провиденциальный смысл периоду. Таким образом, и здесь изменение социальных отношений является не следствием, а предпосылкою развития производительных сил и новых форм производства.

Переход от третьего периода к четвертому обрисован у Фурье не так отчетливо. Мы с трудом улавливаем движущую силу этого периода — вероятнее всего ту же, что и в двух предыдущих случаях. Зато с тем большей яркостью выступает его оправдание с точки зрения целесообразности общего плана. Патриархат не мог продвинуть далеко развитие индустрии. Организованные в эту эпоху самостоятельные семьи начинают соединяться;

[1] Ibid., p. 54. [2] «Des lymbes obscurs», p. 23.
[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 56.
[4] «Des lymbes obscurs», p. 28.
[5] Ibid., p. 24. [6] Ibid., p. 26—27.

из власти отцов вырастает деспотизм, и с ним приходит новый период — варварство. Общество распадается на два класса — господ и рабов [1]. Это, так сказать, пункт наибольшего отступления рода человеческого (reculement), время полного промышленного и женского рабства (la servitude industrieuse et féminine) и кровопролитных войн. Но вместе с тем рабство обусловливает подъем индустрии, необходимый для осуществления гармонии. Человек приобретает в варварском состоянии достаточно мастерства, чтобы образовать с материальной стороны гармонию (l'homme acquiert dans l'état barbare assez d'industrie pour organiser le matériel de l'Harmonie) [2].

Такова картина развития человечества до вступления в современный период — цивилизацию. Оценивая ее, мы должны признать, что Фурье, заимствовав у Руссо важный для материалистической социологии принцип борьбы человека с природой, не сумел сделать из него даже тех выводов, какие сделал сам Руссо. Схема Руссо: недостаток средств существования — новая система производства — новый социальный строй — заменена у Фурье другой: недостаток средств существования — новый социальный строй — новая система производства. Для нас понятно, почему это произошло: такая схема более соответствует общей телеологической установке Фурье. Развитие индустрии играет большую роль в концепции Фурье, но не как движущая сила, а как *цель* определенного отрезка истории, в свою очередь подчиненная высшей цели — гармонии. Поэтому и каждый период имеет достижение известного уровня индустрии своей *целью*, по отношению к которой особенности социального строя являются средством, организационной предпосылкой. Само собою разумеется, что этот телеологический индустриализм имеет с историческим материализмом лишь некоторое внешнее сходство.

Гораздо ближе к историческому материализму по существу ряд замечаний Фурье, относящихся к периоду цивилизации. Это и неудивительно. Фурье, как мы уже говорили, — наблюдатель исключительно тонкий, и от него не могли ускользнуть те черты современных ему отношений, которые вопиют о зависимости политического строя и идеологии от экономических отношений. Однако, чтобы и здесь не впасть в преувеличение, остановимся прежде всего на общей характеристике периода и его места в провиденциальном плане.

Цивилизация — отнюдь не капитализм. Этот период охватывает у Фурье громадный отрезок времени, объединяя в себе ряд самых различных экономических формаций. Начинается он с Греции и Рима классической эпохи и кончается современностью. Само собой разумеется, что единого производственного признака цивилизация не имеет и иметь не может. Остается неясным вопрос о генезисе цивилизации из варварства. Можно думать даже, что цивилизация, логически следующая за варварством,

[1] Ibid., p. 10. [2] Ibid., p. 35.

исторически является ему параллелью, вырастая непосредственно из последней фазы патриархата путем смягчения зависимости женщин [1]. Зато может быть установлен с достаточной точностью ее *смысл*, ее место в плане исторического развития. Цель цивилизации — в дальнейшем развитии индустрии, созданной во времена варварства и рабства, на новых, более совершенных, основах индивидуальной свободы.

Цивилизация, как и всякий период в системе Фурье, делится на ряд более мелких периодов — фаз. В течение первых фаз происходит как бы восхождение, постепенное утверждение принципа индивидуальной свободы, вытеснения им различных форм рабства и зависимости. В первой фазе освобождается женщина, ей предоставляются гражданские права. Вместе с тем формы деспотии сменяются более мягкими формами дворянского феодализма. Во второй фазе происходит освобождение трудящихся и в связи с ним развитие наук и искусств, необходимых для индустрии. С окончанием второй фазы цивилизация достигает своего апогея или полноты, выражающихся в экспериментальной химии и искусстве мореплавания. И то и другое — необходимые условия совершенства индустрии. Но, достигнув этих успехов, цивилизация уже выполнила свое предназначение, создала все предпосылки для осуществления периода, идущего ей на смену (dès que la période civilisée est pourvue de ces deux leviers, elle est mûre pour passer en sixième période) [2]. «Мы достигли промышленной зрелости к середине XVIII века, мы обладали двумя характерными чертами апогея: было необходимо немедленно найти выход из цивилизации» (découvrir une issue de Civilisation) [3].

Этого выхода не было найдено, и цивилизация должна была пойти по нисходящей линии. Сами достижения знаний, не будучи должным образом использованы, начали служить ей во вред. Так, искусство мореплавания породило две отрицательные черты третьего периода — торгашеский дух и островную монополию (esprit mercantile, monopole insulaire) [4]. Избыток наших знаний и индустрии вреден нам, как вредна самая здоровая пища, если ее съесть в чрезмерном количестве. В третьей фазе свобода вырождается в торговую анархию, которая неизбежно ведет к монополии торговых компаний. Если мы и дальше будем оставаться в цивилизации, то мы неизбежно опустимся по ее кривой еще ниже, вступив в четвертую фазу — коммерческого феодализма, развивающегося из торговых компаний и подчиняющего всех своему господству. Таким образом, цивилизация, начавшаяся с процесса индивидуального освобождения, заканчивается как процесс коллективного порабощения [5], как тирания индивидуальной собственности над массой [6].

---

[1] Ibid., p. 30.

[2] «Théorie de l'Unité universelle, t. II, p. 208; общая таблица развития цивилизации — ibid., p. 207, и в более полном виде — «Nouveau Monde», p. 356.

[3] Ibid., p. 209. [4] Ibid., p. 209.

[5] Ibid., p. 208. [6] «Nouveau Monde», p. 390.

Схема цивилизации имеет, как мы видели, характер необходимости лишь в своей первой половине. Вторая половина могла бы и не быть осуществлена, если бы нашелся своевременно гений, способный вывести человечество из цивилизации путем открытия (secours du génie nous a manqué). После того что мы говорили выше о рационалистических элементах системы Фурье, это вмешательство гения не является для нас неожиданным. Это — одна из возможных в теории Фурье поправок разума к ходу исторического развития. Но попробуем игнорировать это рационалистическое искажение схемы и рассмотрим ее в том виде, как она дана в таблице во всей полноте четырех фаз, как обязательных, так и необязательных.

Диалектический характер развития цивилизации при таком устранении действия разума бросается в глаза. Цивилизация движется вперед, в ее пределах растут и накопляются силы человечества в области индустрии и науки. К известному моменту человечество достигает всего, чего оно могло достигнуть в рамках цивилизации. С этого времени дальнейшее развитие становится возможным лишь при условии выхода из формы, давшей уже все, что она могла дать. Достижения цивилизации начинают ее разрушать, служа уже не на пользу, а во вред человечеству. Цивилизация деградирует, настает пора вступить в жизнь новому периоду.

Фурье особенно подробно характеризует цивилизацию как наиболее интересный для него период. Но схема четырех фаз свойственна каждому периоду, и, очевидно, развитие каждого мы должны представлять себе, по аналогии с цивилизацией, диалектическим. Это заключение вполне согласуется с тем наблюдением, какое мы сделали выше по поводу противоречия между потребностями человека и его рессурсами как движущей силы исторического процесса. Следует лишь оговорить, что в периодах от второго до четвертого развитие идет, так сказать, в обратном порядке: по нисходящей кривой в первой и второй фазах и по восходящей — в третьей и четвертой. Это объясняется тем, что в эти периоды человечество вообще отступает (reculement), чтобы затем сделать прыжок вперед [1].

В этой связи следует обратить внимание еще на одно, очень существенное, обстоятельство. Развитие каждого периода аналогично не только развитию других периодов, но и развитию человеческого общества в целом. Период как бы воспроизводит в малом виде общую кривую исторического процесса: детство, юность (восходящее крыло), апогей, возмужалость, старость (нисходящее крыло). Человечество, преодолев основное противоречие своего земного существования в течение первой фазы путем накопления индустрии, достигает высшей доступной для него гармонии: исчерпав рессурсы планеты, идущие на убыль, оно вновь сталкивается с тем же противоречием, которое, возрастая, возвращает человечество к исходному пункту [2].

---

[1] «Des lymbes obscurs», p. 23.

[2] «Théorie des quatre mouvements», p. 35, Tableau.

Таким образом, в философии истории Фурье имеются, несомненно весьма интересные черты бессознательной диалектики. Но диалектическая связь сплошь и рядом разрывается под влиянием рационалистических элементов миросозерцания Фурье и его общей телеологической установки. Получается концепция в высокой мере сложная и пестрая. А так как все ее разнородные части Фурье стремится объединить идеей бога и провиденциального плана, то и диалектика получает у него известный телеологический привкус, несмотря на наличие отмеченных нами выше материалистических положений. В самом деле: и дальнейшее прогрессивное развитие человеческого общества оказывается невозможным по достижении «апогея» ввиду того, что человечеством осуществлено уже божественное предназначение; и в развитии цивилизации наступает перелом и начинается нисхождение ввиду того, что ею уже выполнено то, что было ей отведено на долю в божественном плане.

Можно, конечно, игнорировать телеологию и попытаться конструировать диалектическое развитие цивилизации, исходя из материалистического положения, о котором мы уже не раз говорили (противоречие потребностей и рессурсов). Но это будет как раз той модернизацией Фурье, которой мы стараемся избежать, — модернизацией, которую нельзя произвести без насилия над мыслью Фурье. Действительно, если мы обратим внимание на характеристику отдельных фаз цивилизации, то мы убедимся, что для Фурье материалистический анализ отступает на второй план перед телеологической конструкцией. Иногда он к материалистическому анализу прибегает, иногда он об этом методе совершенно забывает. Провиденциальный план, наоборот, всегда у него перед глазами.

Первая фаза цивилизации начинается с дарования гражданских прав женщине. Если порабощение периода варварства так или иначе связывается Фурье с материальным мотивом, то здесь Фурье такого мотива не приводит. Вообще каузальная связь цивилизации с предыдущим периодом его как будто не интересует. Рядом с гражданскими правами супруги стоит в качестве признака фазы — дворянский феодализм, который, очевидно, служит связью между первой и второй фазами, так как в «Nouveau Monde» он отнесен к первой, в «Théorie de l'Unité universelle» — ко второй [1]. Дворянский феодализм меняет форму рабства, привязывая трудящегося к земле, а не к господину, что облегчает процесс его освобождения. Постепенно коммуны, получая уступки то от жадного отца, то от доброго сына, приходят к свободе [2]. И здесь представление о каузальной связи отдельных социальных явлений чрезвычайно сбивчиво и неясно; ни о материалистическом принципе их группировки, ни вообще о каком-либо принципе говорить не приходится. Если мы вспомним то изображение процесса освобождения индустриалов, какое было дано почти одновременно с Фурье

[1] «Nouveau Monde», p. 386; «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 207.

[2] Ibid., t. II, p. 210.

Сен-Симоном, неотчетливость построения Фурье бросится в глаза особенно резко. Сен-Симон, при всем своем историческом идеализме, подчеркивает производственную основу как власти феодального дворянства — роль его в организации сельского хозяйства, — так и роста удельного веса индустриалов. У Фурье производство, изменение его характера остается в тени при изложении первых фаз цивилизации. Зато их смысл с точки зрения плана истории растолковывается неоднократно и очень детально во всех основных работах Фурье.

Наоборот, очень интересна с экономической точки зрения характеристика двух последних фаз цивилизации. Основные признаки фаз — признаки экономические. Экономическое развитие рассматривается здесь как стержневое (pivôt). Все прочие признаки так или иначе связаны с экономикой. Это, например, для третьей фазы: меркантильный и фискальный дух, акционерные компании, анархическая торговля, экономические иллюзии. Мы не будем останавливаться на детальном рассмотрении всего, что дано Фурье в порядке экономического анализа третьей фазы цивилизации. Здесь Фурье имеет дело уже не с историей, а с современностью. Здесь вступают в силу все положительные стороны его гения. Страницы, посвященные критике экономического строя цивилизации, все исследователи признают самыми блестящими страницами в произведениях Фурье. Эта часть учения Фурье поэтому более или менее общеизвестна и излагать ее — значило бы выйти за пределы поставленной нами задачи.

Надлежит остановиться лишь на двух моментах, дополняющих наше представление о материалистических чертах в социологии Фурье. Эти моменты — воздействие экономических отношений на государство и на идеологию. Фурье нигде не ставит, как особую проблему, вопрос о государстве, его генезисе и его социальной природе. Отдельные, разрозненные замечания, какие мы находим у него по этому вопросу, связывают генезис государства с рационалистическими чертами в учении Фурье. Поскольку в «естественном состоянии», в эденизме, осуществлен code social, основанный на страстях, — страсти индивидуума не стоят в противоречии с общим интересом, а потому нет никакой нужды в организации насилия, в принудительной власти. Уходя от естественного состояния, человечество разрывает связь между страстями и общим интересом. Во втором периоде — дикости — возникает поэтому известная иерархия, появляются вожди, но элементы принудительности имеются только в семье. Эти элементы растут в патриархате, достигают своего полного развития в варварстве, уже целиком построенном на принуждении. Варварство есть также период с наиболее четким классовым делением — господа, рабы; но функциональной зависимости между классовым расслоением и государством Фурье не устанавливает.

Классовое расслоение предыдущего периода с известными модификациями переходит в цивилизацию. Здесь нет уже индивидуального рабства, но зато есть рабство коллективное, обусловленное экономическими

причинами, экономическим неравенством. Это неравенство делит общество цивилизации на резко противоположные и враждебные классы. Основное деление, проходящее красной нитью через все произведения Фурье, это — деление на богатых и бедных, или, иначе, бездельников и трудящихся. Иногда Фурье делает попытки пойти дальше этого деления, обычного уже для социалистов XVII — XVIII веков. Но и в этих случаях, увлекаясь своей страстью к детальным классификациям, он дает схему, непосредственно не связанную с производственным признаком. Так, в «Nouveau Monde», он говорит о пяти классах: двор, знать, буржуазия, народ и чернь (la cour, la noblesse, la bourgeoisie, le peuple et la populace). Эти пять классов в свою очередь подразделяются на подклассы: так, в буржуазии выделяются банкиры и финансисты, крупные торговцы и крупные собственники, мелкие торговцы и мелкие собственники [1]. В «Théorie de l'Unité universelle» Фурье говорит, как о классах, о законниках, врачах, военных и т. д. [2].

Каждый класс относится враждебно ко всем другим классам. Но над всеми этими классовыми противоречиями господствует, как основное, противоречие между богатыми и бедными. В цивилизации только одна восьмая населения стоит за существующий строй, а семь восьмых им недовольны. Наемные рабочие и мелкий люд тотчас восстали бы против цивилизации, если бы не боялись [3]. Именно из этого основного противоречия вытекают опасности социальных потрясений и революций. В данном контексте для нас несущественно, что Фурье не видит в этой классовой борьбе (guerre intestine, как он выражается [4]) способ разрешения внутренних противоречий цивилизации, что он противополагает ей свое открытие, всех примиряющее. Важен самый факт признания им наличия в цивилизации противоречия классовых интересов и влияния их на государство.

В самом деле, Фурье дает бесчисленное множество доказательств того, что государство всегда оказывается на стороне богатых и как будто создано для того, чтобы обеспечить их власть. Опора цивилизации — солдаты (le soldat est l'appui de la civilisation). Политика современных государств состоит в том, чтобы вооружать небольшое число бедных рабов и с их помощью держать в руках массу безоружных бедняков (employ és à contenir des pauvres désarmés) [5]. Таким образом, государство — организация власти над бедняком, направленная своим острием против его интересов. Бедный класс совершенно лишен политической и социальной свободы (quant à la liberté politique et sociale, toute la classe pauvre en est entièrement privée) [6]. Она составляет удел небольшого меньшинства людей, обладающих богатством. Постоянным признаком цивилизации является тирания

[1] «Nouveau Monde», p. 324.
[2] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, Avant-propos, p. 38.
[3] Ibid., t. II, p. 157 и след. [4] «Nouveau Monde», p. 419.
[5] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. 202—203.
[6] Ibid., t. II, p. 158.

частной собственности над массой (la tyrannie de la propriété individuelle contre la masse) [1]. Классовый характер государства сказывается во всем. Стоит обратить внимание хотя бы на суд. В сущности мы имеем здесь дело с косвенным отказом бедняку в справедливости (déni indirect de justice au pauvre) [2]. Ему не отказывают прямо. Он, конечно, свободен защитить себя перед судом; но ему нечем оплатить издержки процедуры. Его богатый противник тянет дело из инстанции в инстанцию, и он вынужден в конце концов отступиться.

С другой стороны, государство, столь суровое к бедным, идет на поводу у самых недостойных вожделений богатых. Оно покровительствует явно разбойничьим проделкам торговцев. Меркантильный дух деспотически господствует над самими суверенами (le génie mercantile, qui règne en despote... sur les souverains mêmes) [3]. Правительством повелевает негоциант. Только коммерция руководит политикой (l'esprit commercial domine et règne exclusivement la politique) [4]. Это — новая власть, которая входит в долю с правительством. Не имея легального авторитета, она стоит наравне с легальными повелителями и берет себе львиную часть. Но этого ей еще мало. Пользуясь растущей задолженностью правительств, она стремится стать выше их и взять их под свою опеку [5]. Порабощение правительств все возрастает (l'esclavage des gouvernements va croissant) [6].

Если мощный механизм государства является, таким образом, игрушкой в руках экономически сильных социальных групп, то могут ли остаться свободными от воздействия этой экономической силы философия, политика и мораль? Мы видели выше, что несовершенство этих отраслей знания является значительным фактором, тормозящим выход человечества из веков incohérence в века гармонии. Поскольку человеческий разум в предоставленной ему свободе не успел открыть истинной социальной науки, он был «подвержен» случайным импульсам [7]. И среди них импульсы, исходящие от экономической действительности, не могли не сыграть первенствующей роли.

Философия всегда шла позади жизни. Для того, чтобы началась первая фаза цивилизации, нужно было освобождение женщины. Мудрецы Китая, Египта и Индии об этом даже и не думали. Во вторую фазу цивилизация вступила посредством смягчения рабства. Философы древности не имели об этом никакого представления. Третья фаза развилась под влиянием торговой политики. Так как это был уже упадок, то философы должны были задуматься над тем, как бы уравновесить его пагубные последствия. Вместо того, чтобы бороться с пороками торговой политики, они начали их

[1] «Nouveau Monde», p. 390. [2] Ibid., p. 399.
[3] «Théorie des quatre mouvements», p. 222.
[4] Ibid., p. 225.
[5] «Théorie de l'Unité universelle», t. II, p. 203—204.
[6] Ibid., p. 206.
[7] «Théorie de l'Unité universelle», t. I, p. XI.

восхвалять (en prôner les vices au lieu de les combattre) [1]. Так возникла наука, вызывающая со стороны Фурье самые резкие осуждения, — политическая экономия.

Торговля была всегда презираема и отвергаема философами. В этом были единодушны и киники, и стоики, и Платон, и Сенека. До середины XVIII века это предубеждение против торговли господствовало повсеместно. Ученые начали восхвалять торговлю лишь тогда, когда она достигла своего полного торжества. Так, откупщиков начинают хвалить, когда они появляются в карете, запряженной шестью лошадьми. Напрасно Жан-Жаки и Мабли вступались за честь Греции и Рима. Напрасно они защищали вечные истины морали: бедность есть благо, от богатств необходимо отказываться. Все это не помогло: философы приспособились к общественному мнению века (se sont rangés à l'opinion du siècle). Какие же интересы их к тому побудили? Их соблазнило золото, быстрота и размах торговых успехов. Этот блеск ослепил ученых. После краткого колебания между лестью и критикой вес золота перетянул. Они стали окончательно самыми низкими лакеями купцов (ils sont devenus définitivement les très humbles valets des marchands) [2].

На этой блестящей и злой характеристике мы можем закончить наше рассмотрение материалистических элементов системы Фурье. Приведенными нами примерами подтверждается полностью положение, выдвинутое нами в начале статьи. Сила Фурье — в изумительном даре острого наблюдения и критики. Там, где он соприкасается с «землей», с конкретными фактами окружающей его жизни, он стоит на высоте, недосягаемой для большинства его современников. И здесь же он ближе всего к материалистическому пониманию происходящих в обществе процессов. Но от этих материалистических прозрений Фурье оказался совершенно неспособен подняться к построению материалистической философии общества. Охватить движение общества в целом, вскрыть действующие в нем силы (а это одно дало бы ему возможность наметить не фантастически, а реалистически перспективы будущего), он не смог, несмотря на присущий его мышлению дар бессознательной диалектики.

Основная причина этого явления лежит, несомненно, в социальной природе системы Фурье. Для мелкобуржуазного утописта, каким он был по существу, было невозможно дать последовательно-материалистическую социологию. В XVIII веке к ней мог приближаться философ буржуазной революции Барнав, в XIX веке ее мог построить философ пролетарской революции Маркс. Фурье мог дать материалистический анализ некоторым преходящим явлениям общественной жизни. Но это были как раз те явления, которые с точки зрения его общественного идеала залуживали наибольшего осуждения. Современная фаза цивилизации проникнута материа-

---

[1] Ibid., t. II, p. 210—211.

[2] «Théorie des quatre mouvements», p. 224—228.

листическими тенденциями. Ее волей-неволей приходится рассматривать материалистически, если не хочешь умышленно закрыть глаза на действительность. Но среди этих тенденций Фурье не видел таких, которые вели бы к осуществлению его утопии. Поэтому он, с одной стороны, материалистически исследует современную жизнь, с другой — идеалистически, телеологически ее осуждает. И последнее в его общей концепции важнее первого.

Так социальные настроения Фурье должны были толкать его от материализма к идеализму. Пойти по этому пути было для него тем естественнее, что здесь он мог не порывать пуповины, связывающей его с общим религиозным мировоззрением его социальной среды. Этим объясняется тот факт, что из всех идеалистических систем Фурье остановился на наиболее отсталом, наиболее близком к традиции мистико-теософском течении XVIII века, восходящем своими истоками к средневековой философии и к Каббале. Отсюда идет его богословие и связанный с богословием провиденциальный план. Но Фурье не мог все же остаться совершенно свободным и от влияния рационалистов XVIII века с их идеей естественного права, дающей такую прекрасную универсальную форму для любого утопического построения. Эта идея вошла в его систему в качестве весьма существенной составной части. Подобное соединение рационалистических тенденций с общей теологической концепцией отвечало, очевидно, в наибольшей степени настроениям той среды, которая питала социалистическую мысль первых десятилетий XIX века. Напомним, что такое сочетание находим мы и у Пеккера, и у Кабе, и даже у Вейтлинга. Наконец, в поисках той реальной пружины, при помощи которой бог пускает в ход целесообразный механизм социальной жизни, Фурье остановился на положении Руссо о диспропорции между потребностями человека и его рессурсами. Телеология и рационализм системы помешали Фурье сделать из этого положения все возможные выводы.

Мы отмечали в социологии Фурье некоторые несвязности и разрывы обусловленные разнородным характером ее составных частей, ее эклектизмом. Однако приходится признать, что задача объединения всех этих разнородных элементов в единой телеологической системе выполнена Фурье с известным внешним успехом.

В. Волгин.

СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА В СОЧИНЕНИЯХ ВИКТОРА КОНСИДЕРАНА

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОЙ КРИТИКИ. — БЕСПОРЯДОК В ПРОИЗВОДСТВЕ

Консидеран восхищается социальной критикой Фурье: «Он не предавался, как постоянно делали до тех пор, пустым и бесплодным декламациям о зле вообще и о человеческой испорченности; он анализировал, классифицировал и описал по семействам, родам и видам дурные стороны цивилизации; он, можно сказать, написал естественную историю недостатков нашего социального строя» [1].

Выступая после такого учителя, Консидеран должен был выполнить упрощенную задачу. Он ограничивается суммарным изложением совокупности таких фактов, которые все могут наблюдать. Его критика, часто менее детальная, менее систематическая, чем у Фурье, иногда столь же сильна, резка, смела и настойчива. Она более ясна и более привлекательна, и в некоторых пунктах в ней обнаруживается широта взглядов, не ограниченных фурьеристским кругозором.

От статьи в «Réforme industrielle» (1833), с которою Консидеран впервые выступил на социальную арену, до статьи в сборнике «Almanach de la question sociale» (1892), оказавшейся его лебединою песнью, можно проследить на протяжении полувека углубление и обновление этой критики соответственно ритму экономической эволюции. Впрочем, основа остается неизменной, изменяются лишь некоторые оттенки, вносятся некоторые поправки. Противники буржуазного общества могут продолжать пользоваться этой основой, пока будет существовать капитализм, потому что Консидеран, равно как и другие социалисты критически-утопического периода, доставили, как отметили Маркс и Энгельс, «драгоценный материал для просвещения рабочих» [2].

Хотя бо́льшая часть тех наблюдений, на которых основана критика Консидерана, была сделана во Франции, эта критика имеет всеобщее, мировое значение. Она применима ко всем странам, достигшим стадии «цивилизации», соответствующей, по учению фурьеристов, тому периоду, который наступил для человечества по выходе его из варварства и «в котором еще и теперь пребывают наиболее передовые народы» [3]. Впрочем, в 3-й главе «Социальных судеб» Консидеран подчеркивает общее значение своей кри-

---

[1] «Destinée sociale» t. I, 2 éd., p. 99.

[2] «Коммунистический манифест». «Критически-утопические социализм и утопизм».

[3] «Destinée sociale», t. I, 2 éd., p. 41.

тики. Он называет эту главу: «Заключение относительно европейских цивилизаций» и вставляет следующие строки:

«Не слышите ли вы, что там, за Ламаншем, с трибуны в Англии также раздается вопль: Беда! И еще дальше, в Соединенных Штатах, в этой образцовой стране, в этом республиканском Эльдорадо, также раздается тот же возглас: Беда! Однако у этого народа существуют те политические формы, которые нам давно уже выдают за чудесную панацею... Но, как у французского и английского народов, у американцев существуют анархическая промышленность, анархическая торговля. Как и мы, они еще не вышли из стадии цивилизации, т, е. находятся в состоянии, характеризующемся раздроблением и беспорядком» [1].

Беспорядок обнаруживается во всем: беспорядок экономический, социальный, политический, моральный. За это Консидеран всего более порицает то общество, членом которого он состоит.

Проследим, как он развивает свою мысль.

Экономический беспорядок, из которого вытекают все остальные формы беспорядка, обнаруживается особенно в области производства.

Консидеран доказывает, что нынешняя социальная система расходует огромное количество труда и человеческой энергии или совершенно непроизводительно, или для разрушения. Он обозревает бесполезные или вредные социальные категории, в значительной степени воспроизводя классификацию этих категорий, установленную Фурье.

Так, например, зачисление во всех странах наиболее сильных и наиболее здоровых членов общества в войска и расходование значительной части государственных доходов на содержание армии не равносильны ли подлинному саботажу производства? Что же касается людей, конечно, в насмешку именуемых «порядочными», всех этих праздношатающихся, с их свитою, состоящею из лакеев и егерей, то они представляют собой огромный ущерб для производства.

К этому уменьшению числа производителей присоединяется бессвязное и беспорядочное использование орудий производства. Индивидуальная, изолированная деятельность, раздробление вызывают огромную потерю, необузданную расточительность. Благодаря этому производимое богатство, получаемый продукт, далеко не соответствует затраченной энергии [2].

Возьмем общину в земледельческом районе. Она разделена на столько отдельных хозяйств, сколько в ней семейств. Земля раздроблена на куски. Заборы, заставы, стены, решетки, пограничные линии разделяют ее на жалкие клочки. Это вызывает сокращение производства благодаря потере земли, споры, процессы, трату времени из-за взаимоотношений соседей; применение машин оказывается невозможным вследствие незначительного размера многих участков; приходится бесполезно ходить взад и вперед вследствие

---

[1] Ibid., p. 98.

[2] Ibid., section I, ch. 1-er; «Vices de nos procédés industriels».

чересполосицы; культуры не приспособлены к различным свойствам почвы вследствие замкнутости каждого хозяйства и т. д. [1].

В сфере домашнего труда раздробление также оказывается «антиподом социальных судеб человечества» [2]. Какой смысл в этих существующих при раздробленном хозяйстве четырех сотнях кухонь, в которых четыреста женщин поглощены трудом, связанным с покупкой и приготовлением пищи, если достаточно было бы шести или десяти женщин? Мы уже не говорим, конечно, об этих четырех сотнях печей, вызывающих огромную трату топлива, и об этой огромной массе совершенно излишней одинаковой посуды. А что сказать о четырех сотнях прачечных, амбаров, погребов и т. д.? Все это нелепо и чудовищно. Здесь инженер и уроженец Франш-Конте находит для вождя фурьеристов дополнительные аргументы.

«Следует заметить, что механика, оказывающая столь важные услуги мануфактурной промышленности с тех пор, как она перешла от мелкого производства к крупному, скоро будет применяться таким же образом и в домашнем производстве, из которого она изгнана в настоящее время» [3].

Консидеран полагает, что благодаря химии, физике, механике, виноделию будут достигнуты изумительные результаты в этом направлении. Уже не будут, как ежегодно в Салене, гибнуть несметные ценности вследствие того, что погреба слишком узки, и это чрезвычайно замедляет обработку и делает необходимой преждевременную продажу или прискорбное смешение домашних вин [4].

Консидерану не трудно выяснить огромное превосходство крупного производства над мелким в сфере мануфактурного труда. Он отмечает весьма определенную эволюцию, совершающуюся на его глазах; он указывает на эту эволюцию как на пример, которому следует подражать в других отраслях труда. Но в капиталистическом обществе крупное промышленное производство вызывает ужасные кризисы и выбрасывает на мостовую бесчисленное множество рабочих, и поэтому иногда не осмеливаются пользоваться изобретениями и улучшать оборудование, что также способствует уменьшению количества получаемого продукта [5].

ВРЕДНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТОРГОВЛИ

Перейдем к торговле. Роль этой системы распределения должна была бы ограничиваться передачей того, что выходит из рук производителя в руки потребителя. Итак, она должна была бы подчиняться производству и потреблению, а не господствовать над ними [6]. Она эксплоатирует то и другое и, нисколько не увеличивая количества продуктов и не улучшая их качества, значительно повышает цены на них. Кроме того, она занимает в двадцать раз больше лиц, чем нужно было бы, вредя таким образом производству.

[1] Ibid., p. 329.—Exposition abrégée du système phalanstérien. 5-me tirage, p. 19
[2] Ibid., p. 334. [3] Ibid, p. 346., [4] Ibid., p. 347.
[5] Ibid., p. 360 sq. [6] Ibid., p. 67.

И она фальсифицирует продукты с «неистовством, ни пред чем не останавливающимся» [1].

«Когда сто бакалейных торговцев водворяется в городе, в котором до того их было только двадцать, в этом городе не потребляют соответственно большего количества бакалейных товаров. Итак, эти сто добродетельных лавочников вынуждены вырывать друг у друга ту прибыль, которую честно получали двадцать первых торговцев; конкуренция заставляет их вознаграждать себя за счет потребления или путем повышения цен, что бывает иногда, или путем фальсификации продуктов, что бывает всегда. При таком положении дел уже не признается ничего святого. Товары низшего качества или поддельные продаются как доброкачественные товары всякий раз, когда простодушный покупатель не оказывается таким знатоком, чтобы обнаружить это. А после того, как удалось хорошенько обмануть вышеупомянутого покупателя, торговец успокаивает свою совесть, говоря: «я назначаю цену, люди вольны соглашаться или не соглашаться, я никого не заставляю покупать» [2].

Следует также принять в расчет потери и повреждения, вызываемые чрезмерным рассеянием товаров и продуктов в миллионах мелких лавочек и сложностью транспорта. Наконец, скупка товаров, ажиотаж, искусственно вызываемый недостаток товаров слишком известны, чтобы Консидерану нужно было обращать внимание на эти злоупотребления. Кроме того, все эти злоупотребления усиливаются соответственно крайней сложности «торговых сетей». Если бы продукты проходили через жадные руки купца только один раз, то зло было бы еще не так велико, но нет ли таких товаров, «которые проходят через двадцать-тридцать рук, прежде чем быть доставленными потребителю?» И при всяком переходе продукта из рук в руки что-либо непременно остается в руках торговца. В подтверждение этого Консидеран приводит размышления одного крестьянина, сожалевшего о том, что он продал за 16 су лопаты, которые в городе продавались за 40 су [3].

Как верный ученик Фурье, Консидеран подчеркивает вредные результаты меркантилизма.

Фурье сказал, что торговля есть не что иное, как «вампир, высасывающий кровь из промышленного организма и принуждающий производительный класс обращаться к ростовщику» [4]. Консидеран повторяет сравнение Фурье почти в тех же выражениях. Он сравнивает торговлю с «вампиром, который высасывает богатство и кровь из социального организма под тем предлогом, что он вызывает в этом организме кровообращение и обращение этих богатств» [5].

Но этим еще не все сказано: «По отношению к производителю торговля является корсаром, занимающимся пиратством и вымогательством денег, по отношению к потребителю она оказывается пауком, раскидывающим

[1] Ibid., p. 69—70. [2] Ibid., p, 70. [3] Ibid., p. 71—75.

[4] «Fourier. Contribution...», par *H. Bourgin*, p. 51.

[5] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 77.

свою паутину и высасывающим кровь из неосторожной мухи. Эта аналогия вполне верна: паук раскидывает перекрещивающиеся нити своей паутины в наших домах и в наших деревнях; точно так же торговец выставляет напоказ свои товары; он расставляет свои позолоченные сети, а когда муха попалась в них, когда простодушный покупатель вошел, он появляется у прилавка, чтобы содрать с него деньги. Осенью даже можно видеть пауков, прилипших к своей паутине и носящихся в воздухе, подобно тому как в городах и в деревнях можно видеть странствующих торговцев и разносчиков» [1]. Конечно, эта аналогия между торговцем и пауком довольно остроумна; но что̀ сказал бы Консидеран теперь, если бы он увидел множество лавочек-автомобилей, подобно паукам раскидывающих свою паутину даже по беднейшим хижинам?

Не менее гибельны результаты торговли с моральной точки зрения. Фурье усматривал в ней наиболее действительный стимул общего эгоизма. Консидеран разделяет эту точку зрения: «Меркантильный дух возбуждает во всех венах социального организма испорченность и эгоизм; он гложет, разъедает и уничтожает национальный дух; он возбуждает все низкие, мелкие и извращенные чувства; он низвергает с престола все благородное и великое; он измеряет аршином и взвешивает на своих конторских весах искусство и поэзию; в книгах он понимает лишь двойную бухгалтерию; человека он понимает лишь как машину, которая считает, вычисляет, и векселям, оплачиваемым по предъявлении; его стратегия заключается в повышении и понижении курса; его государственные перевороты — коммерческие предприятия; его меч — аршин; его военнопленные содержатся в складывает и вычитает. Его литература сводится к заемным письмам Клиши [2]; его победа — поглощение богатства народов; его поражéние — банкротство; его честь — деньги; его слава — деньги, его религия — деньги, и его бог — золотой телец!» [3]

Он прибавляет:

«Торговля, это — огромная золотушная язва вашей цивилизации; к ней приводят и из нее вытекают все социальные недостатки; именно она главным образом развращает и портит индивидуумов и нации, вызывает атрофию человеческих чувств, способствуя чудовищному развитию эгоизма, жадности и подлости» [4].

Когда в 1832 г. в Париже свирепствовала холера, от которой ежедневно умирало 1 500 человек, не повысили ли торговцы, в которых меркантильный дух заглушил всякое человеческое чувство, цены на вещества и лекарства, считавшиеся предохранительными средствами, в сто раз по сравнению с их действительною стоимостью? [5] Этот пример, подобных которому можно привести множество, показывает, какой бесчестной игре пре-

[1] Ibid., p. 77—78.

[2] Клиши — парижская долговая тюрьма. — *Прим. ред.*

[3] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 80.

[4] Ibid., p. 81. [5] Ibid., p. 82.

даются торговцы. «Коммерческий дух изгоняет из человеческого сердца все, даже чувства семейной привязанности, которые, повидимому, являются единственной усладой торговой буржуазии и которые, однако, не могут устоять против корыстных соображений. Если меркантилизм еще возрастет, то будут продавать уже не только свое мнение, свой голос, свой вотум или свою страну, но еще и отца и мать! А он в самом деле возрастает, потому что он развивается в колоссальных размерах и производит непрерывные захваты. Он обнаруживается в литературе, в искусстве, в политике, в журнализме, он проявляется везде. В настоящее время лица, занимающиеся ажиотажем и торговлей, решают судьбу правительств, поддерживают или подрывают их и вызывают их падение; декреты, исходящие от биржи, повышение и понижение фондов оказываются великими регуляторами нынешней политики. Приходится краснеть от стыда» [1].

В средние века вольные отряды, стригальщики, живодеры грабили города и села. От них избавлялись. В настоящее время торговля стрижет и снова стрижет производителей и потребителей, но никто не заботится о том, чтобы избавить от нее общество. Некогда торговлю презирали, и известно, как поступил Иисус с торгующими во храме; теперь ограничиваются тем, что осмеивают их на сцене и в литературе [2]. Этого в самом деле слишком мало, полагает Консидеран, не указывая, кроме социетарного решения вопроса, никаких положительных мер для того, чтобы успешно и решительно бороться с торговлей.

СВОБОДНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Если вникнуть в сущность вещей и наблюдать, говорит Консидеран, весь этот беспорядок, то выясняется, по мнению Консидерана, что эта несогласованность, эти опустошения вызваны свободной конкуренцией, столь прославляемой экономистами. А свободная конкуренция есть не что иное, как ожесточенная и беспощадная война в экономической области. «Laissez faire, laissez passer!» — повторяют поучительным тоном экономисты. Консидеран отвечает:

«Да, не вмешивайтесь в кражи, ажиотаж, банкротства, допускайте грабеж, разрушение, разорение, ограбление всего общественного организма; допускайте фальсификацию продуктов, беспорядок и войну во всех наших промышленных и коммерческих отношениях, laissez faire, laissez passer!» [3].

Правда, чтобы оправдать принцип невмешательства, экономисты указывают на гнусность монополии, на тиранию, на порабощение, являющееся ее логическим следствием. Но, возражает Консидеран, если монополия гнусна, то не менее гнусна и свободная конкуренция. Мало того: режим конкуренции приводит к «общей организации великих монополий во всех областях» [4]. И это легко объясняется: «крупные капиталы, крупные

[1] Ibid., p. 83. [2] Ibid., p. 83—89.

[3] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 61. [4] «Principes du socialisme», 1847, p. 19.

предприятия подчиняют себе мелкие. Пар, машины, большие мануфактуры легко справились всюду, где они появились, с мелкими и средними мастерскими. При их появлении старинные ремесла и ремесленники исчезли; остались лишь фабрики и пролетарии. Затем, чуть ли не ежеминутно, делаются неожиданные изобретения, которые, вызывая внезапные изменения в целой отрасли производства, влекут за собой расстройство в предприятиях. Доведя до отчаяния рабочих, выбросив на мостовую массы людей, вдруг заменяемых машинами, эти изобретения в свою очередь разоряют и хозяев» [1].

В коммерческих предприятиях, в земледелии, на транспорте обнаруживаются преимущества, вытекающие из выгодного положения [2]. Итак, наиболее верным и наиболее неожиданным результатом режима свободной конкуренции оказывается монополия, от которой выигрывают новые феодалы, являющиеся наследниками феодальной знати. Этими новыми феодалами являются крупные промышленники, крупные торговцы, крупные буржуазные собственники, бывшие дворяне, уже не боящиеся унизить свое дворянское достоинство. Благодаря мощи и объединению своих капиталов, благодаря могуществу своих предприятий, они осуществляют промышленную или коммерческую концентрацию, беспощадно подавляют и грабят пролетариев, мелких производителей и мелких торговцев. Так, в 1847 г. в своем «Манифесте демократии» Консидеран мог написать:

«Ежедневно какой-нибудь биржевой игрок, какой-нибудь спекулянт-паразит разом загребает больше золота, чем могли бы сберечь за год сто тысяч рабочих, труд которых кормит целую провинцию. Ежедневно крупные капиталы, действуя как военные машины, разоряют мелких производителей и даже промежуточные классы» [3].

В 1892 г. эволюция в этом направлении стала гораздо более явной; она вышла за пределы развития свободной конкуренции. Тресты и картели уже занимали место отдельных монополий. Они еще не стали одной из главных основ экономической жизни, но уже развивались в этом направлении: капитализм готовился стать империализмом. Тогда Консидеран напечатал свою «Petite histoire de la féodalité capitaliste» («Краткую историю капиталистического феодализма») в «честном альманахе» своего друга Аргириадеса. С тонкой насмешкой он напоминает, что в качестве утописта и вздорного мечтателя он ровно 58 лет тому назад предсказал, к чему приведет свободная конкуренция.

«Экономизм, считающий себя великим сокрушителем монополий, не заметил и не пожелал заметить, что его свободная конкуренция, уничтожающая монополии, вела прямо, очень быстро, вскачь уже не к возникновению нескольких монополий, а к режиму, целиком основанному на монополиях».

---

[1] Ibid., p. 9—10.

[2] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 211.

[3] «Principes du socialisme», p. 37.

И в самом деле, констатирует Консидеран, за это последнее десятилетие XIX века во Франции крупным компаниям, крупным предприятиям, завладевшим финансами, тяжелой индустрией и транспортом, оставалось лишь завладеть землей. «Это произойдет», прибавляет он. В самом деле, Консидеран мог бы сказать: «Это происходит в некоторых районах». Впрочем, он признает, что «образуются крупные хозяйства».

Рассмотрим его анализ условий, благоприятствующих поглощению мелких хозяйств крупными. По стилю, по манере изложения, по фразеологии можно почувствовать, что, несмотря на тождество отстаиваемых положений, говорит уже не Консидеран первой трети XIX века.

«Разве мелкие хозяйства, раздробленные, обрабатывающие землю, все более и более распадающуюся на небольшие участки, обращающиеся в клочки благодаря разделам наследств и рассыпающиеся, — разве эти мелкие хозяйства, лишенные капиталов, кредита, возможности отдавать скот на прокорм, принадлежащие невежественным собственникам, придерживающимся рутины, могли бы, спрашиваю вас, устоять против крупных хозяйств, обладающих всем тем, чего недостает мелким хозяйствам, располагающим земледельческими машинами, локомобилями, химическим удобрением, всевозможными орудиями, всей артиллерией, недоступной для бедных легионов, причем, как мы уже видим на каждой выставке, изобретательный гений создает все новые и новые всесильные орудия?»

Пар и электричество, отмечает Консидеран, прибегающий к картинным сравнениям, являются «усовершенствованными пушками всех калибров и митральезами, благодаря которым осуществляется прогресс в земледелии». «Посмотрите на них хорошенько, — говорит он, обращаясь к крестьянам-мелким собственникам. — Им суждено отнять у вас ваши клочки земли, и завтра вы очутитесь на отвоеванных у вас полях». Разве можно при столь явной эволюции, ведущей к концентрации и к монополии, прийти к иному выводу, кроме того, что «в данный момент в экономической сфере останется лишь небольшое количество очень сильных компаний, могущество которых будет возрастать обратно пропорционально их численности и прямо пропорционально их капиталам». Итак, экономическим результатом свободной конкуренции оказываются «кончина, смерть, похороны и, по выбору, молитва об усопшем или цветы на его могиле» [1].

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Существует ли что-либо более парадоксальное, чем это раздробление, ведущее к концентрации, эта свободная конкуренция, приводящая к монополии, эта свобода, из которой вытекает порабощение, этот прогресс, выражающийся во все возрастающем применении машин, за который приходится

[1] «Almanach de la question sociale pour 1892», p. 43—55

расплачиваться ухудшением положения рабочих?.. Таким образом внутренние противоречия разъедают все нынешнее общество.

Консидеран, не желающий забыть диалектику Фурье, неоднократно указывает на тот *порочный круг*, из которого не может выйти «цивилизация». Он показывает, как она запутывается в противоречиях, которых она не может разрешить, и как она всегда достигает результатов, противоположных тому, к чему она стремилась или как будто бы стремилась.

Этот «порочный круг» требовал бы, по словам Консидерана, целой главы, посвященной изложению наблюдений, анализу и критике [1]. Приходится очень пожалеть о том, что вождь фурьеристов не счел нужным написать эту главу. Она была бы весьма поучительна и представляла бы собой ценный вклад в историю диалектики в применении к экономической сфере.

Однако, сопоставляя места из сочинений Консидерана, относящиеся к экономическим и социальным антитезам, можно выяснить, к каким выводам пришел автор и каковы были те антитезы, значение которых от него ускользало.

Уже в первой статье, появившейся в январе 1833 г., Виктор Консидеран указывает на противоречие, обнаруживающееся между интенсивностью промышленного производства и тем недостатком средств, до которого доведены промышленные рабочие. Он выражает это уже в самом заглавии своей статьи: «Цивилизация, разоряющая бедных». Это противоречие является с его точки зрения «позорным» — и зловещим — клеймом, «выжженным на челе нынешней социальной системы» [2].

Консидерану пришлось вернуться к этой стороне «порочного круга» в «Принципах социализма»:

«Промышленные нации усиленно ищут внешних рынков для изготовляемых ими продуктов. Англия, страдающая полнокровием, от которого она едва дышит, делает сверхчеловеческие усилия, чтобы сбывать во всех странах избыток товаров, производимых на ее фабриках. Она открывает для себя пушечными выстрелами доступ в ветхую китайскую империю. Она беспрестанно и с оружием в руках ищет потребителей во всех странах... А рядом с ней в Ирландии и в ней самой от Корнваллиса до Сутерланда и в ее огромных владениях в обеих частях света бесчисленные массы рабочих чахнут и умирают или восстают, потому что нелепые жестокости режима конкуренции не дают им возможности потреблять безусловно необходимое!

«Как! Наиболее цивилизованные нации изнемогают под непосильным бременем слишком изобильной продукции, а входящие в их состав легионы рабочих чахнут, так как низкая заработная плата лишает их возможности участвовать в потреблении этой излишней массы продуктов! Этот промышленный режим, угрожающий разорением из-за отсутствия потребителей и до такой степени скудно вознаграждающий за труд, что он засоряет и загромождает для самого себя на всех рынках наиболее широкие

[1] «Destinée sociale», t I, 2-me éd., p. 88. [2] Ibid., p. 207—217.

каналы, которые могли бы быть открыты для потребления, не оказывается ли он настолько же нелепым, насколько он бесчеловечен»! [1]

Отметим, что уже в 1833 г. Консидеран указывает и на иную форму антагонизма, разъедающего современное общество, а именно на антагонизм интересов, разделяющий нации на два враждебных лагеря. «Всякий успех научного знания и промышленности, — говорит он, — всякий шаг цивилизации увеличивает расхождение интересов и враждебность борющихся между собою классов» [2]. Итак, эволюция производства ведет к революции, которую совершат производители.

В «Социальных судьбах» Виктор Консидеран подробнее останавливается на другой антитезе, осуждающей цивилизацию. Дело идет о труде. В девяти случаях из десяти он направлен в сторону, противоположную страстному влечению. Приведя множество не всегда удачных примеров, Консидеран указывает на неразрешимое противоречие, от которого опять-таки не может избавиться эгоистически-жадное общество. Оно не может согласовать необходимость труда с вызываемым им отвращением [3].

Несправедливо было бы сказать, что Консидеран не обратил внимания на великое противоречие между формой производства, ставшего социальным, и собственностью, оставшеюся индивидуальной, из которого вытекает антагонизм между классами пролетариев и капиталистов. Но следует воздать кесарево кесареви. Марксу суждено было ясно подметить и мастерски выяснить это основное противоречие.

Однако Консидеран хорошо понял, что то, что производители не являются собственниками орудий производства, неизбежно влечет за собой порабощение наемных рабочих. Он писал:

«Общество все более и более стремится разделиться на два великих класса: на немногих лиц, владеющих всем, или почти всем, в сфере земельной собственности, торговли и промышленности, и на множество людей, не владеющих ничем, живущих в коллективной абсолютной зависимости от владельцев капитала и орудий труда, вынужденных отдавать за ненадежное и все уменьшающееся вознаграждение в наем свои руки, свои способности и свои силы феодальным сеньерам нынешнего общества» [4].

Однако он не понял, что в борьбе классов заключалось разрешение антагонизма, так как всякий строй содержит в своих недрах элементы своего разложения, своего обновления или, выражая эту мысль в терминах Гегеля, своего отрицания.

Но если Консидеран не сумел сделать из изучения социальных антитез капиталистического общества все те выводы, которые из него можно сделать, — конечно, потому, что он не побыл, как Карл Маркс, в гегельянской школе, — он сумел, по крайней мере, выяснить в своих «Социальных

[1] «Principes du socialisme», t. I, 2-me éd., p. 22.
[2] «Destinée sociale», t. I, p. 217.
[3] Ibid., t. II, 1-re éd., p. 133—138.
[4] «Principes du socialisme». p. 11.

судьбах», что именно в силу внутренних противоречий современного общества, его нельзя улучшить, что оно должно быть организовано на иной основе. Приходится признать, что это заключение оказывается, по крайней мере, неожиданным для сторонника такой социетарной общины, которую можно было бы включить в нынешнюю социальную среду.

«Нелепо желать добиться применения верного принципа к по существу ненормальному строю. Ни один верный принцип не применим в обществе, организация которого противоречит справедливости. Хотите найти доказательство этого? Попробуйте последовательно проводить какой-нибудь хороший принцип в нынешней среде, и вы непременно придете к нелепым, возмутительным, чудовищным выводам. Чем вернее ваш принцип, тем гибельнее окажется в таком случае его применение, чем сильнее и непреодолимее ваша логика, тем легче для нее обнаружить фальшь той среды, в которую вы пожелаете ввести ее как железный клин» [1].

Итак, по мнению Консидерана, от «цивилизации» нельзя ждать ничего хорошего. Всякое улучшение влечет за собой и некоторое ухудшение, всякие роды — боль [2].

«При нынешнем социальном режиме осуществление чего-либо хорошего всегда влечет за собой осуществление чего-либо дурного» [3].

«Ибо хорошее и дурное настолько связаны друг с другом, что приходится не делать хорошего или создавать нечто дурное, делая хорошее!» [4]

Как картинно выражается Консидеран, получается «вынужденное совокупление добра и зла» [5].

Не предварено ли, в сущности, в этой формуле осуждение реформизма? Тем более, что Консидеран, повидимому, не знает, что в оправдание капитализма можно сослаться на то, что противоречие свойственно живой действительности, что оно нормально и что, в частности, в основе истории до сих пор лежал постоянный антагонизм противоположностей.

После исчезновения классов, которым ознаменуется окончательное торжество коммунизма, когда люди перейдут от животного существования к условиям, при которых станет возможно человеческое существование, когда они заменят царство необходимости царством свободы, в основе истории уже не будут лежать социальные антагонизмы. Предсказать это было суждено Марксу и Энгельсу, которые таким образом нашли для целого ряда исторических событий заключение, смысл, высший синтез, соответствующий диалектическому процессу.

ДВА ВЕЛИКИХ ВРАЖДЕБНЫХ КЛАССА

В отличие от Фурье, Консидеран подчеркивает факт борьбы классов. Именно в этом состоит главное отличие его социальной критики от той критики, которую можно найти у его учителя и у большинства других

[1] «Destinée sociale», t. II, 1-re éd., p. 293. [2] Ibid., 2-me éd., p. 362. Ibid., p. 88. [4] Ibid., p. 361—362. [5] Ibid., p. 364.

фурьеристов. Во всех произведениях Консидерана обнаруживается весьма ясное понимание антагонизма двух великих классов, на которые разделяется современное общество, и заслуживает внимания, что это понимание выражается главным образом в его первом произведении, напечатанном в 1833 г. [1]. Термины «пролетариат», «восстания пролетариев», «враждебные классы» на каждом шагу встречаются у молодого писателя, который даже возвещает революцию по отношению к собственности как результат борьбы классов. Без последнего параграфа, который, по правде сказать, производит впечатление чего-то излишнего и робко предлагает социетарный способ «осуществить внутреннее слияние классов», непредупрежденный читатель мог бы подумать, что он читает Маркса. Общее изложение, в самом деле, поразительно приближается к марксизму.

Не трудно объяснить, почему Консидеран идет гораздо дальше своего учителя благодаря этому понятию «борьбы классов»: достаточно обратить внимание на различие эпох, а следовательно и на различие стадий, достигнутых развитием промышленности в то время, когда Фурье строил свою теорию, и в то время, когда Консидеран анализировал структуру общества.

Не следует, однако, забывать, что Фурье издал свое сочинение «Fausse Industrie» («Ложная промышленность») в 1835—1836 гг., что он писал до последних дней своей жизни и что он мог бы дополнить и исправить свою теорию, соприкасаясь с живою социальною действительностью. Он не сделал этого по отношению к вопросу о великих борющихся классах, подчеркивая, наоборот, существование гаммы классов и подклассов, обнаруживая отсутствие единства в каждом из них и не отказываясь от странного утверждения, что неравенство богатых и бедных «входило в план божий» [2].

Насколько более проницательным в этом отношении оказывается Сен-Симон, который, однако, умер за двенадцать лет до смерти Фурье. Правда, Сен-Симон затемняет своей терминологией понятие класса, но он настойчиво указывает на эксплоатацию человека человеком, лежащую в основе борьбы классов, и определенно ставит своею целью улучшение положения «многочисленнейшего и беднейшего класса, т. е. класса, который может существовать лишь трудом своих рук» [3].

Для Консидерана существование двух великих враждебных классов есть бесспорный, очевидный, поразительно ясный факт. Игнорировать такой факт просто смешно. «Когда это пытаются делать величайшие ора-

---

[1] Перепечатано в «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 207—217.

[2] «Fourier. Contribution...» par *H. Bourgin*, p. 208. («Histoire des doctrines économiques» par *Ch. Gide* et *Ch. Rist*. Paris, 3-me éd, 1920, p. 287).

[3] «Histoire des doctrines économiques...» par *Ch. Gide* et *Ch. Rist*, 3-me éd., p. 247. «La notion de classes sociales chez les saint-simoniens» par *H. Sée*. «Revue d'histoire économique et sociale». XIII année 1925, p. 201—206. «L'Oeuvre d'Henri de Saint-Simon. Textes choisis», par *C. Bouglé*, в разных местах.

торы, они лишь кривляются и произносят запутанные и бессмысленные фразы» [1].

С одной стороны оказываются капитал, собственники, фабриканты, хозяева, предприниматели, финансисты, банкиры, крупные торговцы, образующие класс капиталистов, класс высший, или класс влиятельный, или класс вооруженный, который Консидераном иногда называется новой аристократией, денежной или буржуазной аристократией, промышленными феодалами или денежной знатью, или феодальными сеньерами современного общества.

С другой стороны оказываются: труд, пролетарии, рабочие, получающие вознаграждение за работу, бедняки, современные рабы или новые крепостные, образующие пролетариат или низший обездоленный, народный, безоружный класс [2].

Несомненно, с правовой точки зрения, «конституционно, юридически, абстрактно в нации уже не существует каст». Но, возражает автор «Принципов, социализма», «практически, положительно, реально, мы все еще живем при кастовом режиме. Только уже не закон, не право, не политический принцип, а сама экономическая организация, социальная организация устанавливают эти преграды между обширными категориями французского народа» [3].

С точки зрения Консидерана, хотя враждебность, существующая между двумя великими борющимися классами, «сдерживается общественною властью» [4], она, тем не менее, обнаруживается настолько явственно, что является фактом столь же бесспорным, как и существование этих классов. «Не изумительна ли глупость тех людей, которые всюду, даже с национальной трибуны, произносят речи против лиц, констатирующих существование различных категорий в нации; эти люди воображают, что несколько произносимых ими фраз закроют глаза и уши, усыпят народ, помешают пролетарским животам чувствовать голод, пролетарским ртам вопиять о нищете! В самом деле, мы живем в странное время: отрицают день, отрицают солнце, отрицают самоочевидное. Партийное крючкотворство, заблуждения, моральные противоречия и софизмы распространили мрак и явную недобросовестность. Конечно, на самом деле происходят раздор и война, и буржуазия вполне признала это, с ужасом воскликнув: варвары у наших ворот!» [5]

В другом сочинении Консидеран говорит:

«Капитал и труд ведут между собою ожесточенную войну. Мастерская, в которой производятся и распределяются богатства, представляет собой не что иное, как поле никогда не прекращающейся битвы» [6].

---

[1] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 3, note.

[2] «Destinée sociale», «Principes du socialisme», «Le socialisme devant le vieux monde», в разных местах

[3] «Principes du socialisme», p. 6. [4] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 59—60.

[5] Ibid., p. 60. [6] «Principes du socialisme», p. 20.

Теперь мы должны выяснить, каким критерием пользуется Консидеран при разграничении этих двух великих враждебных классов. Мы можем сделать это на основании многих текстов.

По мнению Консидерана, прежде всего следует принимать во внимание богатство, собственность. Пролетарий является «обнаженным» человеком, бедствующим, не владеющим ничем или, если угодно, обладающим лишь своею силою и своим умом, своими руками и своей головой. Наоборот, капиталист владеет фондами, капиталами, орудиями труда [1].

Это имущественное различие обусловливает различие в положении того и другого. Между тем как сильные мира «блистают и веселятся среди роскоши» [2], пролетарии, постоянно нуждающиеся, влачат «мучительное или жалкое существование, всегда оказывающееся необеспеченным, полное забот и огорчений» [3]. Они находятся в полной зависимости от тех, кто владеет орудиями труда. Консидеран усматривает в этом «великий экономический и политический факт», выражающийся в следующем правиле практической жизни: «Для того, чтобы иметь возможность прокормить себя, всякий пролетарий вынужден найти хозяина (un maître)» [4].

Он прибавляет:

«Я, конечно, знаю, что в настоящее время вы говорите: *покровитель* (patron), но в своей грубой наивности язык продолжает пользоваться выражением «maître», и он будет прав до наступления нового строя, т. е. до тех пор, пока экономические условия, характерные для финансового, промышленного и коммерческого феодализма, при котором мы живем, не уступят места иным условиям» [5].

Отметим ту настойчивость, с которой Консидеран пользуется этим выражением maître, которое впоследствии будет употреблять в том же смысле Огюст Бланки. Различие в положении этих двух великих враждебных классов обнаруживается во всем, но особенно в жилищных условиях и в одежде.

«В наших городах жалкие, мрачные, отвратительные, вредные для здоровья лачуги теснятся, громоздятся, торчат вокруг дворцов, у подножия соборов. Они тянутся вдоль монументов, воздвигнутых там и сям цивилизацией, подобно тому как в запущенном саду улитки с грязной слизью ползают по стволу цветущей сирени. Сочетание роскоши и нищеты!..

«Цивилизация обладает немногими дворцами и десятками тысяч лачуг, подобно тому как она массам уделяет лохмотья, а шелковые и вышитые золотом платья — немногочисленным баловням счастья. Наряду с расшитым платьем какого-нибудь лица, занимающегося ажиотажем, она выставляет напоказ грубую шерстяную материю, которую носят ее пролетарии, и язвы ее бедняков. Если она тратит большие суммы на по-

[1] «Destinée sociale», «Principes du socialisme», в разных местах.

[2] «Ibid., t. II, 1-re éd., p. 284.

[3] «Principes du socialisme», p. 15.

[4] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 14. [5] Ibid., p. 14.

стройку и на поддержание роскошной оперы, в которой восхитительные гармонии услаждают слух праздных людей, то среди улиц и на площадях раздается пение слепых, просящих милостыню, заунывные жалобы нищих» [1].

Один из отличительных признаков, свидетельствующих о дифференциации,— образование, также может быть рассматриваем как вытекающий из различия в положении классов. Во всяком случае факт налицо: с одной стороны имеется образование, с другой — глубокое невежество или намек на образование. С трудом некоторые пролетарии или полупролетарии могут подняться в высокие сферы науки [2]. Из этого вытекает, что почти все общественные функции, почти все свободные профессии «фактически монополизированы семьями высших и средних классов» [3].

Другим критерием, свидетельствующим о дифференциации, является численность. Пролетарии составляют массу, «огромное большинство», между тем как капиталисты составляют немногочисленное меньшинство [4]. Однако, будучи бесконечно менее многочисленны, чем рабочие, капиталисты господствуют; это также отличает их от пролетариев. Консидеран рассматривает этот вопрос в одной из глав своего знаменитого произведения «Подчинение правительства новой аристократии, Манифест демократии» («L'inféodation du gouvernement à l'aristocratie nouvelle, Manifeste de la Démocratie») [5]. Держа в своих руках власть, класс капиталистов располагает аппаратом, необходимым для того, чтобы принудительными мерами поддерживать свои привилегии.

Все эти глубокие различия между двумя классами вызывают противоречие интересов и противоположные стремления, составляющие два новых отличительных признака.

Указывая на противоположность интересов капитала и труда, Виктор Консидеран чувствует столь твердую почву под ногами, что становится резким по отношению к воображаемому собеседнику. «Скажите, связаны ли и совместимы ли друг с другом интересы капитала и труда, собственников и пролетариев? Существует ли какая-нибудь связь между барышами и убытками тех и других? Разве не может фабрикант, предприниматель, собственник, le maître, как я назову его, пользуясь словом, которое, к нашему стыду, еще весьма употребительно во французском языке, обогатиться или разориться, в то время как рабочий или получающий жалование служащий вовсе не обогащается и нисколько не беспокоится по поводу разорения хозяина? Не образуют ли лица, получающие вознаграждение за труд, и масса пролетариев то неустойчивое на-

[1] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 408.
[2] Ibid., p. 166, t. III, p. 358, 422.
[3] «Principes du socialisme», p. 5.
[4] «Principes du socialisme», «Destinée sociale», в разных местах.
[5] Ibid., p. 12.

селение, интересы которого враждебны интересам нанимающих их собственников, владеющих богатствами и орудиями труда?» [1]

Некогда между сеньером и вассалами существовала взаимная связь. В настоящее время между пролетариями и их хозяином уже не существует никакой связи. Итак, «батальоны нищеты угрожают цивилизации» [2].

«Неужели предполагают, что эти голодающие массы пролетариев, становящиеся все более и более многочисленными, все более и более теснимые нуждой, всегда будут склонны надрываться от тяжелого труда, плоды которого, неизбежно ускользающие из их рук, беспрестанно увеличивают богатство властителей торговли и промышленности? Воображать это было бы смешно» [3].

При внимательном рассмотрении отличительных признаков капитала и труда, констатируемых Консидераном, бросается в глаза тот факт, что во всех вышеприведенных местах, которые, за исключением одного, взяты из произведений Консидерана, написанных до 1843 г. и почти все относятся к 1833 г., Консидеран рассматривает классы больше с точки зрения труда, чем с точки зрения бедности.

Конечно, подобно своим предшественникам, Консидеран не делает различия между бедняками и пролетариями, но он устанавливает свою классификацию не так, как делали «социалисты» конца XVIII века. Прежде всего промышленная революция, очевидцем которой он был и которая выражалась в неслыханном развитии мануфактур и в массовой эксплоатации пролетариев, отражается в его сознании. Однако его зоркость по отношению к коммерческой эксплоатации, его резкая критика меркантилизма, хроническое недоедание рабочего класса могли бы побудить его — как Жака Ру в 1793 г. — рассматривать классы с точки зрения потребления. Он сумел воздержаться от этого и установить новую социальную классификацию, принимая в расчет наиболее знаменательное экономическое явление своего времени, развитие машинного производства и концентрации. Консидеран интересуется тою ролью, которую два великих враждующих друг с другом класса играют в экономическом производстве, и отношениями, устанавливающимися между ними соответственно этой роли. В этом отношении Консидеран является предшественником Лоренца фон-Штейна, который, конечно, оказал влияние на Маркса. Но Марксу суждено было точно формулировать и выяснить смысл открытия Консидерана, так как он установил, что класс определяется прежде всего его экономической ролью, тем способом производства, который он обслуживает. Марксу же суждено было и объяснить существование пролетариата теорией прибавочной стоимости.

---

[1] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 59.
[2] Ibid., p. 168—169.
[3] Ibid., p. 216.

СРЕДНИЕ КЛАССЫ

Консидеран противопоставляет класс пролетариев классу капиталистов именно потому, что они являются двумя ныне существующими великими классами, что они начинают меряться силами, между ними завязываются стычки на аванпостах, представляющие собой прелюдию к гигантским битвам, «которые охватят всю Европу» [1]. Но это вовсе не означает, что он признает лишь эти два класса. Те трения, которые существуют или могут существовать между другими классами, представляются ему лишь конфликтами, имеющими второстепенное значение, он не удостаивает их упоминания.

Кроме труда и капитала Консидеран различает средние или промежуточные классы. Они обнимают собой мелкое и среднее землевладение, мелкую и среднюю промышленность, мелкую и среднюю торговлю [2].

Соответственно своей относительной «зажиточности», эти классы могут получать известное образование. Благодаря этому их представителям удается занимать общественные должности, заниматься свободными профессиями, между тем как «тягостные, неблагодарные, непривлекательные» занятия постоянно выпадают на долю низших классов» [3].

Благодаря свободной конкуренции, неизбежно ведущей к господству сильных над слабыми, средним классам предстоит «непрерывное разорение... под давлением крупной собственности, под колоссальным напором крупной промышленности и торговли» [4].

Во всей Франции мелкие и средние земледельцы, обремененные ипотеками, разоряемые ростовщичеством, «стонут под игом капитала» [5]. И как могли бы мелкие и средние фабриканты устоять против крупных предприятий? [6] Наконец, мелкие и средние торговцы не в состоянии выдержать конкуренции, перенести кризисы, спекулировать на недостатке и изобилии товаров, избегать сетей, расставляемых крупными коммерсантами [7]. «Работая, как каторжники, от пятнадцати до семнадцати часов в сутки, они все вместе не могут сберечь за один год такой суммы денег, которую иной банкир, иной спекулянт, иной биржевой игрок, иной паразит или непроизводительный орган вашей системы торговли и ростовщического кредита законно грабит благодаря одной спекуляции на бирже или благодаря скупке товаров» [8]. Очень часто вследствие рискованной спекуляции их непрочное благополучие рушится, как карточный домик, и им приходится дешево продавать лавочку, созданную ценою тягостных и продолжительных усилий. Слова «оскудение», «обеднение», «упадок», «разорение», «уничтожение», часто встречающиеся в сочинениях Консидерана, характеризуют печальную участь, драматическое положение средних классов. Итак, нынешнюю

[1] «Principes du socialisme», p. 13.
[2] Ibid., p. 9—10. [3] Ibid., p. 5—6. [4] Ibid., p. 10.
[5] Ibid., p. 10. [6] Ibid., p. 9. [7] Ibid., p. 10.
[8] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 6.

промышленную организацию можно сравнить с «огромной машиной, создающей тем большее количество бедняков и пролетариев, чем значительнее выполняемый ею труд и чем быстрее ее движение»[1]. В другом месте, употребляя довольно сходное с этим выражение, Консидеран говорит:

«Наш индустриализм со свойственной ему свободной конкуренцией есть колоссальный, чрезвычайно мощный механизм, непрерывно выкачивающий национальные богатства для того, чтобы сконцентрировать их в великих резервуарах новой аристократии, и создающий голодные легионы бедняков и пролетариев» [2].

В Англии, в Бельгии наблюдается то же явление [3]. Эта все возрастающая пролетаризация массы, это обращение мелких производителей и мелких торговцев в пролетариев, является одним из излюбленных утверждений Виктора Консидерана в эпоху июльской монархии. Оно перейдет и к марксизму. И нельзя удержаться от сопоставления с вышеприведенными выдержками из Консидерана знаменитого места из «Коммунистического манифеста».

В свою очередь, «прежние низшие слои среднего сословия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, все эти классы все более и более опускаются в ряды пролетариата, — частью потому, что их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов, частью потому, что их техническая ловкость теряет свое значение при новых способах производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения» [4].

Следует заметить, что ни в одном из вышеприведенных мест из Консидерана не упоминается о буржуазии. Из этого нельзя сделать вывод, что Консидеран не признает существования этого класса или что он целиком отождествляет его с капиталом, но скорее он избегает употребления термина, подающего повод к двусмысленным истолкованиям.

Из рассмотрения и сопоставления текстов вытекает, что Консидеран устанавливает различие между массой буржуазии и буржуазной аристократией или «зажиточной и богатой буржуазией» [5].

Когда он говорит в «Принципах социализма» о «почти полном политическом и социальном уничтожении буржуазии» [6], когда он пишет затем, что «французская буржуазия не позволит безнаказанно разорять и экспроприировать себя, не позволит лишить себя политического влияния и обратить в пролетариат» [7], он разумеет под буржуазией мелкую буржуазию, которую он, не упоминая об этом, причисляет к промежуточным классам. Когда, упоминая в том же произведении о борьбе, которую «представители буржуазии» ведут в палате депутатов против тех компаний, которым пре-

---

[1] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 212.

[2] «Principes du socialisme», p. 11. [3] Ibid., p. 11.

[4] «Manifeste Communiste», trad. Andler, p. 33 («Коммунистический манифест» с введением и примечаниями Д. Б. Рязанова, стр. 38, М. 1926).

[5] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 1.

[6] «Principes du socialisme», p. 11. [7] Ibid., p. 13.

доставлялись монополии, Консидеран отмечает, что «буржуазные классы начинают понимать, что они не менее, чем пролетарии, заинтересованы в том, чтобы захватам, производимым «финансовой аристократией», было оказываемо сопротивление [1], он, очевидно, обозначает термином «буржуазные классы» интеллигентную и либеральную часть буржуазии, а также и мелких рантье и мелких промышленников. Он всякий раз имеет в виду низшие слои буржуазии, которые он противопоставляет верхним слоям.

Мелкую буржуазию, гораздо более многочисленную, он будет иметь в виду и тогда, когда напишет через несколько лет: «Буржуазия в массе находится на пути к тому, чтобы стать народом благодаря общим лишениям, нужде, бесплодному труду или безработице и благодаря заразительному распространению тех мощных идей, которыми насыщен воздух» [2]. Итак, выражение «буржуазия» на самом деле означает у Консидерана мелкую буржуазию, промежуточный класс, подвергающийся процессу пролетаризации. Что же касается крупной буржуазии, которую он иногда называет «буржуазной олигархией» [3], то он отожествляет ее с капиталом. Впрочем, он неоднократно [4] определенно указывает, что он имеет в виду восторжествовавший в 1830 г. класс, который до этого года исповедывал либеральные принципы, но затем, захватив власть, нажился и, боясь насилий и восстаний, проводил пассивную политику сопротивления. Из этого ясно, что речь идет о крупных фабрикантах и спекулянтах, сгруппировавшихся вокруг Лафитта, Казимира Перье, Гизо и Тьера...

БОРЬБА КЛАССОВ В ИСТОРИИ

За исключением некоторых неопределенных намеков или сравнений все эти соображения касаются классов, рассматриваемых со статической точки зрения и в отношении к настоящему времени. Но Виктор Консидеран далеко не ограничивается этой точкой зрения. Неясно, эмпирически, ощупью и, так сказать, увлекаемый своей социальной критикой, он пытается рассматривать классы динамически и в историческом процессе. Он старается привести борьбу классов, очевидцем которой ему приходится быть, в связь со всем историческим движением.

Но он истолковывает это историческое движение в смысле Фурье. Поэтому, высказывая мысли, весьма залуживающие внимания, он не всегда умеет выяснить для каждого периода основу классовой борьбы.

Напомним, что Фурье, по крайней мере, настолько же велик благодаря своему пониманию истории общества, как и благодаря своей беспощадной и саркастической критике «цивилизации». В 1808 г. он применил закон движения, подтверждаемый новейшими данными зоологии, астрономии и естественных наук, к социальному развитию человечества. Он разделил

[1] Ibid., p. 20. [2] Ibid., p. 153.

[3] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 6.

[4] Ibid., p. 6, 136. «Principes du socialisme», p. 47.

историю на четыре великих периода: дикость, варварство, патриархат, цивилизацию, и доказал, что для всякого периода существовала восходящая и нисходящая фаза. В то же время, интересуясь экономическими вопросами, он обнаруживал склонность обращать особое внимание на одну, и притом существенную, сторону истории, которую историки до тех пор упускали из виду. Однако он рассматривал эту экономическую и социальную сторону истории слишком метафизически.

В самом деле, рассматривать человечество в его «становлении» значило оставаться в сфере неопределенных абстракций. За словесной шелухой следовало искать вещественного зерна. Рассматривать положительную борьбу классов, их подъем и их упадок, их отношения к способам производства значило полагать в основу исторического процесса конкретный фундамент.

Этого не сделали ни Фурье, ни его ученик Консидеран. Но если они не сделали этого, они приблизились к этому: недаром они современники Базара, Карла Грюна, Пекэра, обоих Бланки. Подобно им, они собирают материалы, которые пригодятся для построения марксистской теории о роли классов в истории.

Консидеран не занимался прошлым специально. Однако тщательно изучив взгляды Фурье на историю, внеся в них дополнения благодаря своему научному образованию, возвысившись до синтеза, он доходит до гораздо более широкой и гораздо более плодотворной идеи истории, чем историки старой школы. Он понимает, что до сих пор история шла неправильным путем и что в сущности она еще находится в младенческом состоянии. Она должна развиться, вырасти, соприкасаясь с экономическими фактами для того, чтобы быть в состоянии восстановить прошлое, выяснить настоящее, наметить будущее. С другой стороны, стараясь изобразить первоначальное развитие человечества во времена «эденизма» [1] и дикости, Консидеран ищет и находит в действиях и поступках современных племен, остановившихся на этих стадиях, отражение жизни и нравов наших отдаленных предков. Он устанавливает связь между этнографией и историей, он проникает в ту сферу, в которой впоследствии расцветет социология [2].

При таком понимании истории перед Консидераном развертываются чрезвычайно широкие перспективы. История требует «тщательных изысканий», «весьма обширных исследований» [3], которыми он не имеет ни возможности, ни времени как следует заняться.

«Хорошо было бы, руководясь формулой, проследить движения знаменитейших народов, выяснить их прогресс и регресс, определить характер различных периодов и различных фазисов, часто рассматривавшихся как одна и та же эпоха; наконец, открыть глубокие причины исторических фактов, движения по верному пути и уклонений от него. Это в самом

[1] «Эденизм» означает райское состояние. — *Прим. ред.*

[2] «Destinée sociale», t. I, 1-re éd., Section II.

[3] Ibid., t. I, 2-me éd., p. 187.

деле была бы история, излагаемая с точки зрения судеб, истории материального развития человечества и его страстей» [1].

По мнению Консидерана, выполнение этой грандиозной и новой задачи потребовало бы десяти томов [2]. Располагая лишь несколькими страницами, он ограничивается кратким изложением и характеристикой стадий, пройденных нашими предками.

Рассматривая это изложение и прибегая к абстракции и к анализу, которые произвольны, но необходимы, мы выясним, какую роль в истории приписывает Виктор Консидеран классовой борьбе.

В начале периода «социального детства», в эпоху «эденизма», о которой сохранилось смутное предание как о золотом веке, земля есть общее достояние. Классов, а следовательно и классовой борьбы, не существует. Эта эпоха не знает ни притеснений, ни войн. Человек счастлив, но его счастье «не отличается утонченностью и изяществом». Те, кто думает, что первые люди в одиночестве блуждали в лесах, не соображают, что «если бы младенчество человечества было таково, то оно неизбежно погибло бы». Вследствие роста населения, благодаря которому изобилие постепенно прекращалось, «первоначальная ассоциация» и гармония исчезают [3].

Дикость наступает после эденизма. В этом периоде все еще пользуются естественным правом: собирания плодов и подножного корма, охоты, рыбной ловли. Но благодаря нарушению гармонии, множеству хозяйств, соответствующих брачным парам, благодаря изобретению оружия начинается война. Консидеран не говорит о классах в этом периоде [4].

Во времена патриархата и цивилизации, образующие, по мнению Фурье и Консидерана, третий и четвертый периоды, изобретены орудия производства. Они становятся вместе с землей частною собственностью. «Рабство слабых, трудящихся и женщин доведено до крайних пределов» [5]. Рабство можно определить как «эксплоатацию человека человеком в наиболее бесчеловечной, наиболее варварской форме» [6].

Затем мы переходим к цивилизации. При ее возникновении существует феодализм, при котором господствуют дворяне. Уже нет ни господ, ни рабов, но существуют крепостные и сеньеры. Эта экономическая система представляет собой уже менее жестокую и менее грубую степень эксплоатации человека человеком [7]. Это превращение рабов в крепостных произошло благодаря христианству, являющемуся «первой стадией освободительной эволюции человечества» [8]. Мало-по-малу вассалы, «которые трудятся, занимаются промышленностью, науками и искусствами», которые играют роль в материальном, интеллектуальном и художественном производстве, сказали бы мы теперь, усиливаются. Они добиваются привилегий. Это — эпоха коммунального движения [9].

---

[1] Ibid., p. 188. [2] Ibid., p. 187. [3] Ibid., p. 126—132.
[4] Ibid., p. 133—136. [5] Ibid., p. 137—144. [6] «Principes du socialisme», p. 1.
[7] Ibid., p. 1. [8] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 15.
[9] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 157.

Развитие «ума, труда и богатства» влечет за собой все большее и большее усиление прежних вассалов, в то время как власть феодалов, наоборот, ослабевает [1]. Но предоставим слово самому Консидерану:

«Прежние вассалы стали народом и буржуазией. Буржуа и народ заключают союз против феодализма, и победа их обеспечена, так как они несомненно усиливаются при борьбе, происходящей между феодальным и монархическим элементами.

«В эту эпоху цивилизации неизбежны борьба и революции, так как силы враждебных классов приблизительно равны.

«После того как — по соглашению или силою — достигнуто политическое освобождение промышленных элементов, представительная система сменяет, в качестве противовеса власти, федерацию знатных вассалов» [2].

Эта экономическая схема, подчеркивающая достижение гегемонии угнетаемым до тех пор классом, повидимому заимствована у сен-симониста Базара. Ее можно найти и в «Коммунистическом манифесте». Ее обвиняли в том, что она исторически неверна. Консидеран, повидимому, предвидел это возражение: он обращает внимание на то, что закон движения осуществляется не без исключений. Прежде всего бессвязность вообще является отличительным признаком обществ, существовавших до сих пор [3]. Кроме гого, ясно, что одновременно существуют общества с различной экономической структурой, и это влечет за собой образование обществ смешанного типа, в которых соединены признаки, свойственные разным периодам [4]. Наконец, существуют такие формы цивилизации, которые в большей или меньшей степени подверглись влиянию традиций предшествовавших им обществ [5]. Неудивительно, что при таких условиях там и сям встречаются крепостные, не происходящие от рабов, буржуа, не происходящие от крепостных и т. д.

Во вторую половину XVIII века борьба между разночинцами и дворянством стала ожесточенной. «Богатые и бедные, рать разночинцев, сомкнутыми рядами выступали против старинных твердынь феодального строя» [6]. Эти твердыни были сокрушены в 1789 г. Установился новый строй, выработалось новое право. Но к войне как таковой присоединилась война промышленная и коммерческая, непрерывно происходящая на поле битвы производства и распределения. Капитал и спекуляция — хозяева труда — стремились установить и в самом деле устанавливали своими завоеваниями новую крепостную зависимость, «уже не личную и непосредственную, а косвенную и коллективную, господство целого класса владельцев капитала, машин и орудий труда над обездоленными классами» [7]. Тогда возникли, с одной стороны, новые феодалы, социальное могущество которых основывалось на деньгах, а уже не на гербах и дворянских грамотах,

[1] Ibid., p. 158. [2] Ibid., p. 157. [3] Ibid., p. 124, 149.
[4] Ibid., p. 124. [5] Ibid., p. 149.
[6] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 12.
[7] Ibid., p. 14.

а с другой стороны — наемные рабочие, новые «парии», которые были юридически совершенно свободны, но находились в полной зависимости от владельцев земли и орудий труда [1].

Консидеран указывает, как на «сложный зачаток» этой формы, на акционерные компании, в которых мощь капиталов усиливается и растет. Они держат в своих руках ключи от торговли в богатейших провинциях, по своему произволу устанавливают и взимают пошлины на путях сообщения, издеваются над центральной властью [2], как это делали в средние века «сеньеры, владевшие замками с зубчатыми стенами в своих графствах и баронских поместьях» [3].

Борьба между пролетариями и новыми сеньерами, между «тем классом, который владеет собственностью, удерживает ее в своих руках и накопляет ее, и тем классом, у которого ничего нет и который ничего не может приобрести», была неизбежна и продолжает быть неизбежной [4]. Эта борьба должна привести к освобождению крепостных в промышленности, подобно тому как были освобождены те, которые стали крепостными благодаря завоеванию. Она уничтожит пролетариат, превратив наемных рабочих в членов ассоциации [5].

Таким образом, благодаря «логическому инстинкту истории», Консидеран лучше понимает свою эпоху и, возвышаясь над вульгарным кругозором, он намечает для социализма и для рабочего класса цель, соответствующую всему до тех пор совершившемуся процессу [6].

Но не следует забывать, что Консидеран «пацифист». Так, он оставляет в полутени почти всю революционную сторону борьбы классов. Можно сказать, что он боится говорить о восстании, мятеже, возмущениях, вспышках, социальных переворотах, предшествовавших революции 1789 года. Огюст Бланки, Луи Блан, Кабе упоминают и по мере надобности изучают на страницах, проникнутых знанием и чувством, этих плебеев, этих Багодов, этих Жэков, этих немецких крестьян, — несчастных гостей, требовавших своей доли на жизненном пиру. Виктор Консидеран совершенно чужд этого интереса. Ни Гракхи, ни Вильгельм Калле, ни Шторх, ни Томас Мюнцер, ни другие борцы за угнетенные классы не упоминаются в его изложении. И это влечет за собой недостаток тепла и жизненности, условность и холодность его изложения, ослабляющие историческое чутье. Читая его, трудно поверить, что жизнь человечества в общем являлась лишь длинной кровавой трагедией.

Упомянув, что все существующее, растение, животное, человек, мир, вихрь, социальная форма, подчинено всеобщему закону жизни и смерти [7], он, может быть, недостаточно подчеркнул применение этого закона к совре-

---

[1] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 169, 176.
[2] Ibid., p. 167—169. [3] «Principes du socialisme», p. 12.
[4] «Destinée sociale», t. I, p. 166.
[5] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 15.
[6] Ibid., p. 13. [7] «Destinée sociale», t. I, p. 118—123.

менным классам. Во всяком случае нельзя отрицать, что он изображает классы в зародышевом состоянии, в развитии, в состоянии упадка.

Он даже старается объяснить, каким образом классы увековечиваются, прежде чем одряхлеть. Он утверждает, что вообще «классы в их состоянии соотносительного подчинения и превосходства [1] увековечиваются в силу рождения». Чтобы оправдать эту точку зрения, он рассуждает следующим образом:

«Кроме индивидуальных исключений, которые нисколько не опровергают общего правила, в настоящее время в социальном отношении оказывается верным, что поколения, рождающиеся в нужде, бедности или нищете, проводят жизнь в нужде, бедности или нищете, что они передают это роковое наследие своим потомкам и что последние, которым суждено, подобно им, пребывать в нужде, бедности или нищете, пребывают в них, подобно им.

«Столь же верно и то, что зажиточные и богатые классы производят зажиточные и богатые слои следующих поколений. Однако вследствие неблагоприятных шансов, обусловливаемых современной промышленной анархией, вследствие прискорбных конфликтов, вызываемых безграничной и беспорядочной конкуренцией и все возрастающим преобладанием больших капиталов, к сожалению, весьма значительное количество индивидуумов и семейств из зажиточных, а иногда даже и из богатых классов, подвергается опасности впасть, и в самом деле впадает, в нужду» [2].

Итак, по мнению Консидерана, кроме сравнительно весьма небольшого количества индивидуумов, которые выходят из низших классов и которые благодаря обстоятельствам и совершенно исключительным способностям поднимаются на более высокие ступени, за исключением сравнительно более многочисленных членов богатых или зажиточных классов, которых промышленные социальные кризисы доводят до нужды или до нищеты, социальная классификация устанавливается в силу рождения. Итак, для человека, родившегося в рабочем классе, имеется много шансов в нем и умереть, и его детям придется трудиться. С течением времени, из поколения в поколение, жизнь при подобных условиях вызывает свойственные ей естественные последствия, и получается то, что Консидеран называет видом «рабочий», потому что, говорит он, «при нашей болтовне о свободе среди нас, несомненно, существуют виды» [3].

---

[1] «Principes du socialisme», p. 6.

[2] «Destinée sociale», t. I, p. 166—167. См. также «Principes du socialisme», p. 5.

[3] «Destinée sociale» t. II, p. 214. Это замечание относительно вида «рабочий» следует сопоставить с знаменитой фразой Бальзака: «Не делает ли общество из человека, смотря по тому, в какой среде протекает его деятельность, столько же различных людей, сколько разновидностей имеется в зоологии? Итак, существовали и всегда будут существовать социальные виды, подобно тому как существуют зоологические виды». Ср. *Paul Louis*, Les types sociaux chez Balzac et Zola (1925), p. 25, *Ch. Rappoport*, Le socialisme. Socialisme utopique et socialisme scientifique. Paris, p. 9.

ТРАГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ

При «бесчеловечном и гнусном промышленном режиме, перемалывающем рабочих под гигантским жерновом капитала» [1], ум рабочих становится ýже, их душа черствеет, их тело цепенеет, их нервы напрягаются, они вырождаются. Консидеран усматривает и в этом одно из внутренних противоречий капитализма: по мере того как промышленная система совершенствуется, вид «рабочий» увядает [2].

«И когда человек опустился ниже лесного зверя — ниже, потому что сильный и гордый зверь свободно носится в своих лесах, — когда человеческое достоинство унижается и теряется; когда человек обращен в слепую клячу, в колесо, в поршень, в рукоятку — о, тогда достигается апогей их промышленного усовершенствования! Какова же, следовательно, ценность вашей промышленности, если она приводит лишь к вырождению рабочего, к рабству и нищете населения?» [3]

С тех пор как были напечатаны эти строки (1838), ускорение промышленного усовершенствования, вопреки мнению Виктора Консидерана, не влекло за собой попрежнему еще большего переутомления и вырождения для вида «рабочий». Инстинкт самосохранения побудил вид «рабочий» путем упорной борьбы добиться от класса капиталистов уменьшения продолжительности труда и издания социальных законов, охраняющих интересы рабочих, между тем как инстинкт самосохранения вида «капиталист» и понимание им своих интересов побудили его до некоторой степени удовлетворить требования пролетариев. Итак, как говорил Жорес на Тулузском конгрессе (1908), удалось добиться того, чтобы буржуазия, под игом которой живет пролетариат, несколько щадила его, чтобы она не бичевала его, «чтобы она не мучила его до такой степени, чтобы он, в истощении падал на землю». Поэтому в настоящее время существуют «социальные законы для пролетариев, подобно тому как существует закон Граммана для лошадей» [4].

Отметим также, что ужасное положение рабочих в эпоху июльской монархии не может быть объясняемо, как это делает Виктор Консидеран, исключительно развитием крупной промышленности и машинного производства. Однако нельзя отрицать, что промышленная система в значительной степени способствовала ухудшению положения рабочих. Этим вызывалась ненависть тогдашних рабочих к машинам. Несмотря на свое мелкобуржуазное происхождение и несмотря на то, что он соприкасался преимущественно с мелкими буржуа, Консидеран сумел трогательно изобразить страдания, необеспеченность, нищету, трагическую жизнь рабочих.

Он любил рабочих, он сочувствовал им, так что ему не трудно было понять их бедствия, выразить их страдания. Кроме того, он наблюдал их,

---

[1] «Principes du socialisme», p. 46. [2] «Destinée sociale», t. II, p. 214.
[3] Ibid., p. 214. [4] «L'action du parti socialiste», Paris et Toulouse 1908, p. 17.

задавал им вопросы, проникал в мастерские и лачуги, пользовался исследованиями, журнальными статьями, статистическими сборниками, трактатами по политической экономии [1].

Последуем за Консидераном в его проницательном анализе, взглянем на его трогательное изображение ужасных условий труда и жизни рабочего класса в тридцатые и сороковые годы.

Вот массы рабочих «со впалыми, пожелтевшими глазами, с ввалившимися и посиневшими щеками, с истощенными лицами, с тощими членами. Они по утрам сотнями вливаются в огромные фабрики и извергаются оттуда по вечерам вместе с горячими испарениями и с испорченным воздухом, в котором они находились». Вот бедные работницы, здоровье которых расстроено, для которых болезнь является «нормальным состоянием», причем фабрика не щадит даже их пола. Они могли бы быть свежими и сильными, но они увяли и стали анемичными еще до наступления зрелости. Мужчины и женщины, все работают в ужаснейшей и чрезвычайно вредной для здоровья обстановке; это в особенности возмущает Консидерана. Он мало говорит о почти беспредельном удлинении рабочего дня, о чудовищном детском труде, о несчастных случаях, учащающихся благодаря применению машин [2]. Наоборот, на тщательно продуманных страницах он настойчиво указывает на физическое и нравственное вырождение, неизбежно вытекающее из разделения труда на фабриках.

Он пишет:

«При нашем промышленном режиме все виды промышленности ядовиты для тела и ядовиты для души» [3].

И в другом месте:

«Цивилизация ухудшает, калечит, отравляет и убивает человека» [4].

Но каким образом происходит это изнашивание вида «рабочий»? Благодаря двоякому процессу. Так как каждый ограничивается выполнением своих функций, то, с одной стороны, получается крайнее утомление одного или нескольких органов благодаря чрезмерному упражнению, а с другой стороны, вызывается общее болезненное состояние благодаря тому, что все остальные органы не упражняются [5].

В подтверждение своих слов Консидеран ссылается на важные и многочисленные факты. Приводя «к сожалению, слишком достоверные факты», он бесспорно устанавливает гибельные результаты того, что он называет «непрерывностью промышленного труда» [6]. Следует ужасающее перечисление убийственных ремесл.

Рабочие, занятые добыванием сурьмы, меди, ртути, мышьяка, красок, умирают в цвете лет. Однако они знают, что они ежедневно отравляются, что они сокращают свою жизнь, но должны же они зарабатывать себе

[1] «Destinée sociale», t. II, p. 194—195; «Principes du socialisme», p. 15.
[2] «Destinée sociale», t. II, p. 197—198.
[3] Ibid., p. 204. [4] Ibid., p. 198.
[5] Ibid., p. 198. [6] Ibid., p. 198.

средства к существованию. Итак, несмотря на омертвение членов и паралич, стоя одной ногой в могиле, они продолжают заниматься своим опасным трудом. Мало того, они помещают своих детей «в эту гнусную западню» [1].

Рабочие, выдувающие бутылки на стеклянных заводах, в конце концов окончательно теряют способность управлять движением лицевых мускулов. Полировщики стали, ювелиры, рабочие, занимающиеся набивкой шерсти, в большинстве случаев обречены на легочную чахотку. У печатников, работающих в типографиях, получается значительное искривление правого плеча, после того как они долго занимались своим ремеслом. Виноградари, работающие на крутых склонах, переутомляются вследствие уклона почвы, и их ноги остаются тощими несмотря на их физическую силу [2]. Одним словом, нет профессии, которая не истощала или не атрофировала бы какого-нибудь мускула, члена, органа вследствие усталости, вызываемой частым и исключительным повторением одного действия.

Консидеран отмечает, что это зло усиливается благодаря антигигиеническому состоянию мастерских, так как хозяева обнаруживают мало склонности производить какие бы то ни было затраты для того, чтобы принимать элементарнейшие санитарные предосторожности [3], чтобы строить опрятные и здоровые мастерские, каждая из которых была бы даже изящна в своем роде, вместо сырых, грязных, плохо проветриваемых, отвратительных мастерских [4].

Переходим к другой стороне вопроса. Отсутствие упражнений, сидячая жизнь, которую ведут многие чиновники, служащие, клерки, не менее вредна, чем чрезмерное движение. И у них можно указать на множество случаев потери здоровья, острых или хронических заболеваний, преждевременной смерти, ответственность за которые падает на общество. Консидеран сознает, что он лишь намечает тезис. Другие, более опытные, более компетентные лица изучат вопрос, который он только затрагивает. «Понадобились бы, — пишет он, — целое общество врачей и физиологов и огромный труд для того, чтобы всесторонне рассмотреть этот вопрос, чтобы, допросив всех свидетелей, заслушать до конца уголовный процесс цивилизованной промышленности» [5].

Великое предвидение! Профессора медицины, физиологи, ученые, члены парламентов и замечательные социальные исследователи, вроде братьев Bonneff, впоследствии, каждый с своей точки зрения, пошли тем путем, который наметил Виктор Консидеран. Что касается центральной лаборатории для физиологического изучения профессионального труда, основания которой Эдуард Вайан требовал 11 марта 1912 г. в палате депутатов, то первое пролетарское государство, СССР, организовало ее в настоящее время.

Отметим, что не один Консидеран разоблачал в это время ужасы мастерских, обращая внимание на неблагоприятный и изнурительный

[1] Ibid., p. 194—195. [2] Ibid., p. 195—196. [3] Ibid., p. 195.
[4] «Exposition abrégée du système phalanstérien», p. 31—32.
[5] «Destinée sociale», t. II, p. 197.

труд наемных рабочих. Многие, под впечатлением жалоб и стонов, раздававшихся из промышленных городов, систематических убийств, жертвою которых был рабочий класс, заинтересовались условиями труда. Конечно, они не всегда принимали во внимание, как делал Консидеран, физиологический фактор, но они были вынуждены рассматривать его силой вещей, во избежание извращения действительности. Отметим только, что во Франции доктор Виллерме сдержанно и без преувеличений набросал как бы колоссальную фреску во славу Труда [1]. Вильнев-Баржемон исследовал все ужасы промышленной каторги [2]. В Женеве Ломбар в добросовестном труде рассмотрел двести двадцать категорий рабочих [3] А вскоре юный Ф. Энгельс начал собирать в Великобритании материал для своей книги «О положении рабочего класса в Англии».

ПОНИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ БЛАГОДАРЯ КОНКУРЕНЦИИ

К позорным для цивилизации медленному отравлению, изувечению трудящихся, к изнашиванию их рабочей силы присоединяется их взаимная конкуренция, еще более ухудшающая их положение.

В 1819 г. Сисмонди доказал, что рабочие, вынужденные для того, чтобы иметь возможность существовать, довольствоваться любой заработной платой, вредят таким образом самим себе и своему классу [4]. Консидеран, который читал Сисмонди и иногда цитирует его, подробнее рассматривает этот вопрос [5].

Он формулирует принцип, согласно которому то, что оказывается верным для отношений между классами, столь же верно и для отношений между индивидуумами в каждом классе [6]. Поэтому он пишет: «Труд воюет с самим собой» [7].

Житейские потребности, давление нужды заставляют пролетариев постоянно, даже на самых тяжелых условиях, искать для себя труда и хозяина, и неизбежным результатом этого является то, что они предлагают свою рабочую силу за более дешевое вознаграждение, и между ними возникает конкуренция [8]. Когда рабочих оказывается слишком много, — а это обыкновенное явление,— заработная плата имеет тенденцию падать «до крайнего предела, определяемого необходимыми средствами к существованию». Хозяин беспрестанно отнимает кусок хлеба у несчастных, нанимаемых им рабочих [9]. Итак, низший класс в целом оказывается «под-

[1] «Tableau de l'état physique et morale des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie». Paris 1840.

[2] «Economie politique chrétienne ou recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe», 1834.

[3] «Destinée sociale», t. II, p. 191.

[4] «Nouveaux principes de l'économie politique».

[5] «Destinée sociale», t. I, p. 193. [6] «Principes du socialisme», p. 8.

[7] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 22.

[8] «Principes du socialisme», p. 8. [9] Ibid.

вергаемым ограблению высшими классами». Это настоящая «социальная западня» [1].

Заработная плата еще более понижается по мере роста населения, когда на «рынке рабочих рук» появляется голодная толпа [2]. Итак, Консидеран уподобляет трудящиеся классы «товарам, цена которых повышается или понижается соответственно курсу пролетарского материала на промышленном рынке» [3]. А когда заработная плата рабочих какой-либо отрасли производства где-либо понижается, хозяева тотчас же пользуются этим понижением, чтобы повсюду понизить заработную плату в этой отрасли производства [4].

Консидеран указывает на применение машин и на конкуренцию между хозяевами как на фактор, также способствующий понижению заработной платы [5]. Он обращает внимание на то, что заработная плата во всяком случае вовсе не регулируется производительностью труда [6].

Таким образом, для рабочих свободная конкуренция оказывается не менее вредной, чем в сфере торговли. Будучи гнусной и бесчеловечной, она доводит массы до нищеты и унижения.

Парадоксальнее всего то, что пролетарий дорожит своей заработной платой, при которой он голодает. Он боится быть выброшенным на мостовую. Он знает, что в случае продолжительной безработицы его ждет крайняя нужда. Консидеран обращает внимание на эту сторону вопроса о заработной плате, резюмируя печальное положение рабочего в следующих словах:

«Цивилизованный пролетарий, лишенный своих естественных прав, без соответственного вознаграждения, мучимый нуждой, страдающий не только от зол, существующих в данный момент, но и от опасения за ближайшее будущее, терзаемый тревогой за свою участь и за участь своих детей, конечно, доведен до такого положения, которое гораздо хуже, чем положение дикаря» [7].

Не обречено ли общество, доводящее таким образом огромную массу населения до такого положения, которое хуже положения дикарей, несмотря на неслыханное развитие средств производства? С присущими ему внутренними противоречиями и недостатками оно оказывается, по резкому выражению Консидерана, «миром, в котором все происходит не так, как следовало

---

[1] «Destinée sociale», t. I, p. 62.

[2] Ibid., p. 62; Le socialisme devant le vieux monde», p. 222, note 13. [3] «Principes du socialisme», p. 14. [4] Ibid., p. 8.

[5] Ibid., p. 8; «Destinée sociale», t. I, p. 62.

[6] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 222.

[7] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 135. Маркс и Энгельс, интересующиеся прежде всего ролью социальной категории в производстве, сравнивали пролетария с рабом, с крепостным, с ремесленником, а не с дикарем, как это делает Консидеран, подобно утопистам XVIII века. В этом обнаруживается различие двух методов. Ср. «Коммунистический манифест» и «Принципы коммунизма» *Энгельса*, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й вопросы. («Cahiers du bolchévisme», 1926, № 50).

бы, а как раз наоборот» [1], миром, в котором осуществляются ужаснейшие из представлений, свойственных древним мифам, реализацией в обширных размерах всех мучений и пыток древнего Тенара, настоящим социальным адом [2].

СОЦИАЛЬНЫЙ АД

Чтобы произвести сильное впечатление на читателя и тем вернее внушить ему свои идеи, Консидеран любил выражать все свои обвинения против капиталистического общества в эффектных фразах. Приведем некоторые из них для того, чтобы лучше резюмировать его социальную критику и для того, чтобы показать, как выразительно, в каких пламенных словах он умел формулировать свой обвинительный акт.

«Его проклинают, — пишет он, — это немощное и дряхлое общество, для которого не существует ни чар, ни заклинаний» [3]. Вовсе не являясь последней стадией прогресса, как утверждают упрямые педанты [4], оно представляет собой, если все принять во внимание, «грязную, скверную и кровавую клоаку». «Обманывать, притеснять, воровать, убивать саблями и пушками, убивать гильотиной, убивать благодаря нищете, огорчениям, заботам, продолжительным душевным пыткам и многими другими способами, — таковы те деяния, без которых не может обойтись цивилизация» [5].

О безумие! Грабеж и убийство оказываются обычными явлениями! «Мы живем в мире, в котором люди грабят друг друга почти повсюду, где они соприкасаются: наемный рабочий грабит хозяина, плохо выполняя тот труд, который он обязался выполнить, прибегая к саботажу; хозяин грабит наемного рабочего, выплачивая ему такое вознаграждение, за которое не стоит трудиться; власть имущие грабят управляемых, взимая с 36 миллионов человек налоги, на взимание которых изъявило согласие лишь небольшое количество избирателей; управляемые грабят власть имущих путем контрабанды и обманов; соседи грабят друг друга, неправильно размежевывая свои владения; фабриканты грабят друг друга взаимной конкуренцией и разоряя один другого; тяжущиеся грабят друг друга, а суд грабит всех их; отец грабит сына и наоборот; братья и сестры грабят друг друга, препираясь из-за частей наследства, когда еще не остыл труп отца; нации грабят друг друга благодаря войнам и дипломатии» [6].

«В такой среде, очевидно, возникают несправедливость, притеснение, обман, подобно тому как на терновых кустах растут колючки; такова природа этой среды» [7].

Или: «Существуют миллионы лиц, у которых нет хлеба или мало хлеба; у которых нет работы или заработок которых жалок и непостоянен; у которых нет жилищ или есть такие жилища, в которых мы с вами чув-

[1] «Destinée sociale», t. II, p. 274. [2] «Principes du socialisme», p. 16.
[3] «Destinée sociale», t. II, p. 212. [4] Ibid., t. I, 2-me d., p. 50.
[5] Ibid., p. 52. [6] «Destinée sociale», t. II, 1-re éd., p. 85.
[7] Ibid., p. 297.

ствовали бы себя очень несчастными; которые живут в нищете, в распутстве; у которых нет иных удовольствий, кроме грубого и грязного разврата; которые одарены изумительными способностями и могли бы творить чудеса, но эти способности погребены под густой корой; которые рождены со страстями, чтобы любить и наслаждаться, но ненавидят и страдают; которые производят на свет множество детей, которые все должны были бы быть людьми, но при отсутствии социального воспитания обращаются в зверей» [1].

На этой огромной житейской арене ажиотаж, биржевые проделки считаются честными и законными. Приемы, граничащие с взяточничеством, считаются естественными. Они никого не смущают. Не стало ли все продажным? Меркантильный дух, все охвативший, вытеснил либерализм, подобно тому как последний вытеснил рыцарский дух; он занял их место и одолел их. Он породил эгоизм. Никогда еще эгоизм во всех его проявлениях не господствовал в обществе до такой степени, как в настоящее время. Он царствует и управляет, не стыдясь своего эгоизма, каждый гордится, хвастается им. Его проявляют, его выставляют напоказ, как знак отличия на груди. Утверждают, что вся добродетель, вся мудрость сводится к эгоизму: «Не думайте о человечестве, откажитесь от благородных чувств и громких слов; старайтесь пристроиться и нажить состояние». Вот совет, который отовсюду слышит молодой человек; о нем судят, руководясь этим правилом, и если, побуждаемый великодушием, свойственным его возрасту, он пренебрегает своей карьерой для широких, возвышенных и социальных умозрений, все местные мудрецы обвиняют его в безумии и подвергают его отлучению [2].

Ясно, что здесь Виктор Консидеран предается грустным размышлениям о самом себе. Безумец, это — он. Но, быть может, он утешается мыслью о том, что некоторые мнимые безумцы оказываются мудрецами, а некоторые из мнимых мудрецов — безумцами. И такое чудовищное состояние общества Тьер, «человек не понимающий, что слова вера, надежда и милосердие могут быть уместными в политическом и социальном языке великого народа» [3], осмеливается защищать при рукоплесканиях хора продажных членов парламента.

«Мир таков, что добро или зло для него безразличны. Такова великая житейская арена. Одни работают, словно каторжники, умирают с голоду или живут, подвергаясь всевозможным лишениям, и гибнут в мучениях; другие, не трудясь или спекулируя на труде бедняков, занимаясь ажиотажем и скупкой товаров, барышничая, производя *удачные* операции, живут в раздолье и по-княжески; капиталы сталкиваются при конфликтах, вызываемых анархической и убийственной конкуренцией, именуемой *свободой труда*; их обломки давят на подлинный, непосредственный, серьезный, тяжелый труд, создающий богатство; крупные предприятия разоряются и гибнут; средние предприятия едва перебиваются, постоянно находясь

[1] «Débacle de la politique en France», p. 48.

[2] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 111.

[3] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 167.

в затруднительном положении; некоторые ловкие и ни перед чем не останавливающиеся интриганы, подрядчики, посредники, возвышаются над своими собратьями рабочими и, в качестве выскочек, обязанных своим обогащением спекуляции, вскоре становятся наиболее гнусными и ожесточенными из тех, кто с пренебрежением относится к рабочим. Вы думаете, что все это печалит г. Тьера? Ничего подобного. Такова великая житейская арена! Таков мир! Каждый за себя и бог за ловких людей» [1].

ОРУДИЯ ПОРАБОЩЕНИЯ УМА

(политическая экономия, мораль, религия, печать)

Впрочем, не один Тьер выдает эту «великую житейскую арену» за нормальную организацию, за наилучшую социальную реформу, за наиболее совершенный и наиболее справедливый из способов промышленного производства и использования собственности.

Люди, умеющие из всего извлечь выгоду, в большинстве случаев являются ожесточенными сторонниками социального застоя. Существует даже мнимая наука, политическая экономия, измышляющая хитрые доказательства, софизмы и изготовляющая громоотводы, как остроумно выразился Огюст Бланки, для того, чтобы защищать социальный порядок или, лучше сказать, беспорядок.

Консидеран пользуется всяким случаем для того, чтобы бичевать «это последнее порождение философии, незаконнорожденное, хилое от рождения и столь же лживое, как и его мать» [2]. Политическая экономия невежественна и бессильна. Она есть не что иное, как «нагромождение фраз, более или менее бессодержательных, более или менее ложных, очень редко имеющих какое-либо значение, которым и занимаются бездарные доктора, никогда не оказывавшиеся способными что-нибудь предвидеть и часто оказывающиеся неспособными видеть и понимать совершившиеся факты» [3].

Консидеран изобличает ее несостоятельность во всем.

Существенную основу этой науки составляют раздробление земли на мелкие участки и промышленная неорганизованность, возводимые ею в экономический догмат под именем свободной конкуренции. В ее багаже нет ничего более ценного [4], а прекрасные результаты всего этого — слава богу! — известны!

Если она берется за рассмотрение последствий машинного производства и разделения труда, то со «свойственным ей лицемерием» она вдается в «ребяческие и в то же время безжалостные тонкости», прибегает к «гнусным рассуждениям». Не доходит ли она до утверждения, что применение машины

---

[1] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 167.

[2] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 113.

[3] Ibid., p. 273. [4] Ibid., p. 275.

полезно пролетарию? [1]. И не осмелился ли Адам Смит, один из творцов политической экономии, утверждать, что разделение труда порождает «всеобщее изобилие»! [2]

Нужно «бесстыдство, свойственное экономистам» [3], чтобы осмелиться написать такой вздор! И Консидеран с раздражением резко издевается над экономистами, старается пристыдить [4] «докторов политической экономии» [5], выясняя ложность науки, которою эти господа живут. Он оживляется, говорит повышенным тоном. Он вовсе не возражает против машин и принципа разделения труда. Он признает, что применение машины «само по себе тем более благотворно, чем более труда сберегает машина» [6]. Он усматривает в разделении труда «благотворный, производительный принцип» [7]. Дурно гнусное применение, «фальшивое и отвратительное» использование этого принципа цивилизацией [8]. Здесь опять-таки обнаруживается «порочный круг» и цивилизованная форма искажает, извращает все, портя наилучшие зачатки [9]. Карл Маркс, после Консидерана, будет рассуждать таким же образом, рассматривая этот вопрос.

Мы не будем излагать деталей аргументации Консидерана, а именно интересных разграничений, устанавливаемых им относительно разделения труда и перерыва между работами — двух способов труда, которые не исключают, а, наоборот должны дополнять друг друга [10]. Мы только отметим, что какова бы ни была убедительность доводов Консидерана, он не рассчитывал заставить своих противников согласиться со своим мнением, потому что «они в самом деле хотят продолжать быть нелепыми» [11].

На-ряду с политической экономией мораль, религия, печать существуют для того, чтобы духовно поддерживать капиталистический строй.

В сущности, несмотря на обманчивую внешность, мораль есть не что иное, как орудие, которым «эксплоатирующие классы пользуются для того, чтобы гнусно обольщать свои жертвы» [12]. Мораль проповедует уважение к чужому достоянию, уважение к обществу, любовь к отечеству. Она затрагивает в народном сознании «священные струны человеческого сердца». Тому, кто видит вещи без покровов, все это представляется весьма гнусным и подлым!

Как? Вот бедные, жалкие парии, которых грабят, обирают, изнуряют, как вьючных животных, или убивают, которых эксплоатируют всю жизнь и отправляют время от времени на поля сражений. И имеют бесстыдство говорить им об уважении, с которым они должны относиться к обществу, о любви, которую они должны питать к отечеству, к славе! Это — в самом деле обман. Это — величайшее кощунство [13].

---

[1] Ibid., p. 362. [2] Ibid., p. 365—367. [3] Ibid., p. 367. [4] Ibid., p. 364.
[5] Ibid., p. 188. [6] Ibid., p. 361. [7] Ibid., t. II, 1-re éd., p. 203.
[8] Ibid., t. I, 2-me éd., p. 200—201. [9] Ibid., p. 201. [10] Ibid., t. II, 1-re éd., p. 203.
[11] Ibid., t. I, 2-me éd., p. 200. [12] Ibid., t. III, p. 359.
[13] «Destinée sociale», t. III, p. 358—359.

«И славен был бы тот день, когда массы поняли бы, что мало почтенного и священного в том, что̀ их издавна приучали чтить» [1].

Подобно политической экономии и морали, религия способствует сохранению привилегий и порабощению масс.

«Мы знаем, во что обратили святую христианскую религию, евангелие свободы и равенства после того как минула эпоха первоначального христианства. Между церковной и светской властью был заключен антихристианский союз, и религия свободы превратилась в теократию, в фетишизм, которым пользуются для зажимания ртов. Вековое извращение этой религии есть величайшее из преступлений, совершавшихся на земле...

«...Эта религия была установлена под именем христианства для того, чтобы усыплять народ, чтобы обуздывать его, чтобы внушать ему, что он должен трудиться до истощения, терпеть, работать, опять-таки терпеть, постоянно работать и что он не должен быть счастливым в этом мире, потому что это не угодно богу» [2].

К счастью, XIX век восходит к истокам христианства, открывает подлинное христианское вдохновение и, вооружившись Евангелием, борется против лицемерных фарисеев и готовится сокрушить их. Теперь уже не так легко, как прежде, обращать христианство в «орудие угнетения и эксплоатации» [3]. В данном случае Виктор Консидеран, очевидно, впадает в иллюзию. Правда, после того как он утверждал это, появилась знаменитая энциклика Льва XIII о положении рабочих, и в лоне церкви образовались различные социальные школы, но это всегда делалось с одной и той же целью: чтобы поддержать общественный строй, основанный на разорении и привилегиях. Религия осталась, по сильному выражению Карла Маркса, «опиумом для народа».

Печать также поддерживает умственное рабство. «Она не может не лгать, потому что она всегда лжет» [4].

Вместе с политическими деятелями и фразерами журналисты пускают в оборот бессодержательные слова, занимаются интригами и болтовней. Они лгут на тысячу ладов [5].

«Я хотел бы знать, какое право они имеют распространять во Франции ложь, бесплодные словопрения и вредные глупости? Ах! я слышу их ответ: свобода, порядок, народ, священная миссия печати, священное служение печати, защита прав...

«Как же! Свобода, порядок, защита прав! Говорите это вашим подписчикам, провинциальным простакам! Но говорить это нам, которые находятся за кулисами и видят все нити, слишком нагло! Разве мы не знаем, за какие суммы помещают статьи в каждой лаборатории общественного мнения? Разве мы не осведомлены о всех ваших проделках?» [6]

---

[1] Ibid., t. III, p. 359. [2] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 210.

[3] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 210.

[4] «Phalange», № 8 — сентябрь 1836 г. [5] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd, p. 217.

[6] «Débacle de la politique en France», p. 54.

Лживая печать развращает общественное мнение, вместо того, чтобы просвещать и возвышать его.

«Ежедневно мы видим на столах в читальнях двадцать пять больших газет, не считая маленьких, которые ничего не предлагают, ничего не излагают, которые заняты лишь тем, что опровергают друг друга, грызутся друг с другом, дают друг другу пинки, которые истолковывают в дурном смысле невиннейшие поступки своих противников и предаются этому занятию, клевещут друг на друга, препираясь друг с другом, истолковывая друг друга, злословя и повторяя все это нам триста шестьдесят пять раз в году за исключением четырех великих праздников, когда *периодическая* печать умолкает.

«Чему же могут научить Францию все эти противоречащие друг другу и оскорбляющие друг друга газеты, распространяющие во Франции в сотнях тысяч экземпляров эти оскорбления и эти противоречивые сведения?» [1].

Хуже всего то, что большие газеты способствуют возбуждению «шумной суматохи среди наций, которые настолько глупы, что всегда верят им» [2]. Они подстрекают к войне, и в высшей степени прискорбно констатировать, «что участь Европы находится в руках редакторов десяти главных столичных газет» [3].

В этом анализе тех духовных средств, которыми пользуется капитал, не упоминается о школе. Но не следует забывать, что во Франции государственная школа лишь довольно поздно начала обращаться в «одну из гарантий порядка и социальной устойчивости», согласно пожеланию, выраженному Гизо в его знаменитом циркуляре (1833). Лишь при второй империи, благодаря расширению программ и образования преподавателей, лишь после того как (в 1882) был издан закон об обязательном посещении школ, школа могла в самом деле способствовать капиталистической дрессировке молодых поколений.

Если нельзя порицать Консидерана за то, что он не упомянул о школе при перечислении орудий духовного порабощения, то, наоборот, его можно с полным правом упрекнуть в том, что в его критике религии и печати недостаточно выразилась классовая точка зрения.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОРУДИЯ УГНЕТЕНИЯ
(полиция, суд, армия)

На-ряду с орудиями, при посредстве которых обманывают массы, существуют материальные орудия угнетения: полиция, суд, армия.

«...Все прекрасные теории законности, долга, повиновения священным законам страны, которые проповедуют народам и которым народы верят на слово, суть не что иное, как вздор, которым, равно как и аген-

[1] «Débacle de la politique en France», p. 54.

[2] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 188.

[3] «De la politique générale et du rôle de la France en Europe», p. 107.

тами, поселяемыми у недоимщиков, и жандармами, пользуются для того, чтобы удерживать стадо в повиновении» [1].

На самом деле материальная полиция действует иначе, чем духовная. Обращаясь к «бессильным моралистам, старающимся повлиять на сердце и ум» и к «бездарным ученым» [2], Виктор Консидеран говорит:

«Жандармы и палачи, тюрьмы, виселицы, виселицы, усовершенствованные филантропией, или гильотины..., если бы у вас не было этого положительного аппарата для отстаивания ваших догматов и ваших законов, то мы посмотрели бы, что произошло бы с тем обществом, которое вы создали, которое вы поддерживаете, которое вы так прославляете» [3].

В другом месте он пишет, что нынешний промышленный и социальный режим, подавляющий слабых, «держится против порождаемых им пороков и преступлений лишь при помощи штыков, репрессивных и карательных законов и благодаря усовершенствованной системе тюрем, шпионов и палачей». Обращаясь на этот раз к защитникам буржуазной олигархии, он говорит:

«Жандарм и палач все еще продолжают быть опорами вашего братского и христианского общества. Конечно, ваше общество может изгонять королей и обходиться без государей, но оно еще не пыталось обойтись без жандармов и палачей, и ему не удастся обойтись без них» [4].

В «Фаланге» от 5 мая 1841 г. Виктор Консидеран излагает читателям свои мысли о суде. Конечно, он не выясняет основного классового признака, заключающегося в том, что суд заставляет соблюдать кодекс и законы, благоприятные для господствующего класса. Однако он указывает на один из вторичных классовых признаков, проявляющийся в составе судов. Судьи, адвокаты, поверенные, все лица, подвизающиеся на судебном поприще, в самом деле рекрутируются не из рабочего класса.

В своем романе «L'Interdiction» (Отлучение), оконченном в феврале 1836 г. и очень распространенном в 1841 г., Бальзак обратил внимание на это важное обстоятельство. В то же время он наглядно показал, что на одного Попино, не увлекающегося карьеризмом и отстаивающего свою полную независимость, приходится сто судей, изъявляющих готовность «по предписанию царей земных вешать или избавлять от виселицы как невинных, так и виновных» и поддающихся воздействию со стороны тех лиц, которых им предстоит судить, если эти лица подносят им «нечто большее, чем чашку чая».

Общественное мнение возмущалось слишком явными злоупотреблениями. Являясь выразителем этих жалоб, депутат Люно потребовал с трибуны палаты от министра, чтобы тяжущимся было формально воспрещено посещать судей. Консидеран принял участие в дискуссии:

---

[1] «Destinée sociale», t. II, p. 302. [2] Ibid., p. 264.
[3] Ibid. [4] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 8.

«Предполагаемое здесь воспрещение никогда не заденет богатых и сильных, принадлежащих к тому же классу, к которому принадлежат судьи, и всегда имеющих возможность так или иначе войти в сношения с судьями или передать им свои поручения через третьих лиц. Наоборот, бедняки, которым уж и теперь гораздо труднее защищаться пред судом, чем богачам, окажутся единственными жертвами этого воспрещения; в простой беседе им легче изложить свое дело, чем они могли бы сделать это перед судом. Итак, запрещение, которого, однако, г. Люно требует в силу весьма честных побуждений, в сущности повредило бы бедному классу» [1].

Армия направлена настолько же против «внутреннего врага», как и против внешнего. Ее назначение заключается в том, чтобы «оказывать давление на население», «подавлять способность принципов к распространению» [2]. Полки посылаются в столицу для того, чтобы «сдерживать социалистическое население Парижа». К счастью, народ социализирует их. А затем наступает момент, когда эта армия и все другие средства принуждения оказываются совершенно бесполезными [3]. Можно привести убедительные примеры Карла X, Людовика-Филиппа. Консидеран полагает, что все материальные силы, которыми располагает власть, пушки, штыки, Бастилии, «не имеют никакого значения» против «живых сил времени». В тот момент, когда власть имущие будут всего более рассчитывать на материальную силу, она окажется несостоятельной [4].

СВОБОДА ПРИ «ЦИВИЛИЗАЦИИ»

А пока что цивилизация все-таки продолжает порабощать, удерживать в «двойном рабстве, вызываемом невежеством и нищетой», эти легионы городских и деревенских бедняков, «из которых состоит пролетариат» [5].

И смеют говорить о свободе! Но где же свободные люди, где можно найти их в обществе этого рода?

Прежде всего нужно понимать друг друга. Прежде чем говорить о свободе, следовало бы выяснить, что̀ означает это слово. «Несчастные цивилизованные люди, вы давно уже боретесь за свободу, а вы даже не знаете, что такое свобода» [6].

Свобода, утверждает Консидеран, «не есть нечто такое, что можно завоевать железом и пушками» [7], агитацией и революциями. И для того, чтобы быть свободным, недостаточно «написать это слово на конституционном или республиканском листке» [8] или иметь право опустить бумажный бюллетень в избирательную урну [9]. Это — либеральные и демократические иллюзии, соответствующие в капиталистическом обществе рыцарским иллюзиям средних веков [10].

---

[1] «Phalange», 5 мая 1841 г. [2] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 160.
[3] Ibid., p. 158. [4] Ibid., p. 163. [5] Ibid., p. 6.
[6] «Destinée sociale», t. I, p. 316. [7] Ibid., p. 92. [8] Ibid., p. 198.
[9] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 6. [10] «Destinée sociale», t. I, p. 158.

Желать свободы, не добиваясь конкретных условий, необходимых для ее осуществления, значит терять время. Нет свободы без минимума достатка или, если угодно, социального благосостояния.

«Умственное развитие нации и степень свободы, которою она может пользоваться, всегда основаны на развитии благосостояния» [1]. Свобода всегда останется бессодержательным словом, пока народ не добьется благосостояния. Что означает свобода для бедняка, пролетария, человека умственно неразвитого и не обладающего состоянием, для нуждающегося человека, которому приходится ежедневно отдавать в наем хозяину свои руки, свой труд, свою деятельность, ежедневно возобновлять договор, узаконяющий его рабство?

«У колониального раба есть хозяин, которого он себе не выбирал; бедняк, пролетарий вынужден искать и выбирать для себя хозяина. Он и его семья умирают с голоду, если он не находит хозяина! Предоставьте бедняку всевозможные политические свободы, предоставьте ему право голоса, право избирать и быть избираемым, и он вовсе не станет более свободным; он будет попрежнему вынужден ежедневно искать себе хозяина, чтобы иметь хлеб каждый день. Какое значение имеет для него политическая свобода, если вы отказываете ему в социальной свободе?

«Если социального благосостояния не существует, если человеку из народа обществом не обеспечен минимум, необходимый для существования, народ есть не что иное, как огромное стадо, состоящее из бедных, необразованных, грубых существ, всегда эксплоатируемых, под именем пролетариев, крестьян, крепостных или рабов, классами, владеющими землею и орудиями труда, — стадо, с которого часто сдирают шкуры и которое постоянно стригут. Все это бесспорно.

«Итак, если хотят свободы, не следует опрометчиво увлекаться всем тем, что теперь выдастся за нечто, ведущее к прогрессу... [Нужно] добиваться условий, при наличности которых возможны общее благосостояние и всеобщее благополучие, важнейшие основы развития прав, главные условия истинного освобождения всех» [2].

Консидеран принципиально утверждает также, что всякое общество, делающее из принуждения стимул к труду, неизбежно губит свободу. Оно может признавать свободу на словах, но это чисто формальное признание будет, на самом деле, прикрывать экономическое рабство.

За редкими исключениями в современном обществе работают из страха умереть с голоду. Труд является синонимом скуки, наказания, отвращения. От него стараются избавиться, стремятся как можно скорее уйти с поля, от станка, из конторы или из магазина. Итак, цивилизованный рабочий кажется «настоящим каторжником», и рабочий класс в самом деле образует «огромное стадо вьючных людей» [3].

---

[1] Ibid., p. 241—242. [2] Ibid., p. 243.

[3] Ibid., p. 90; «Exposition abrégée etc.», p. 30.

Итак, те, кто хотят истинной свободы фактической, а не только на словах, должны исследовать законы механизма, который мог бы сделать промышленность привлекательной [1]. Так как одни фурьеристы в состоянии предложить разрешение этой проблемы, — подразумевает Консидеран, — то к ним и следует обратиться для достижения цели.

Одним словом, по мнению Консидерана, для пролетария нет свободы без благосостояния и привлекательного труда. Это означает, что свобода подразумевает организацию. Всякая простая и неорганизованная свобода «ложна и призрачна» [2]. Итак, безусловная свобода, без организации, без противовеса, «есть не что иное, как обречение безоружных и неимущих масс в жертву вооруженным отрядам собственников» [3].

Итак, свобода труда, упоминаемая в Декларации прав человека, подразумевает организацию труда. Впрочем, вот выдержка из Консидерана, которую стоит привести, потому что она вполне выясняет его мнение относительно этого вопроса:

«Ясно, что при беспорядке и анархии свобода есть слово, представляющее собой не что иное, как издевательство, когда его применяют к тем, которые не оказываются сильнейшими, и имеющее смысл лишь для тех, кто наступил каблуком сапога, или подошвой подбитого гвоздями башмака, или, если угодно, деревянного башмака на чужое горло. Для них свобода означает лишь возможность помешать тем, кого они держат в вышеуказанном положении, кричать или двигаться. Но даже и для тех, чей каблук сапога, подбитый гвоздями башмак или деревянный башмак поставлен таким образом, слово свобода имеет лишь кратковременное, по-истине эфемерное значение. Так как они не могут всегда напрягать свои мускулы, их жертвы в конце концов всегда поднимаются, опрокидывают вниз стоявших наверху и воздают им подбитым гвоздями башмаком за каблук сапога или каблуком сапога за подбитый гвоздями башмак.

Итак, при отсутствии порядка, основанного на естественной или искусственной гармонии, на согласовании интересов, прочного порядка, достигнутого путем добровольного соглашения, свободы не существует для подавляемых интересов, какой бы класс ни был угнетен, высший или низший, и даже та низкопробная свобода, которая существует для притеснителей, не может долго существовать, если только необходимость постоянно присматривать и подавлять может быть названа свободой для них» [4].

Отметим этот последний пункт. Консидеран вернется к нему через тринадцать лет. Он выяснит, что сами богатые, капиталисты, поставленные в такие условия, которые недоступны для пролетариев, все-таки не могут претендовать на свободу в нынешнем обществе. Так как им постоянно угрожают экономические кризисы, то не боятся ли они всегда, что их непрочное благосостояние рушится, как карточный домик? Не боятся

---

[1] Ibid., p. 92. [2] «Principes du socialisme», p. 10.
[3] Ibid., p. 7. [4] «Débacle de la politique en France», p. 14.

ли они предстоящих революций? Итак, хотя и в меньшей степени, чем пролетарии, и в ином смысле они также оказываются рабами социальных случайностей [1].

Следовательно, дело решено. В современном обществе свобода представляет собой и не может не представлять собой лишь прекрасную мечту. Тысяча цепей сковывают человека и связывают его по рукам и по ногам от рождения до самой смерти. Часто он даже не может воспользоваться свободой умереть и быть похороненным, как ему угодно [2].

При таком положении Виктор Консидеран считает странным и нелепым, что сторонники цивилизации, целиком основанной на принуждении, обвиняют фурьеристов и вообще всех социалистов в посягательстве на свободу. Таким образом, получаются странный парадокс и горькая насмешка, а именно: те самые люди, которые оправдывают угнетение, указывают, как на врагов свободы, на людей, «стремящихся обеспечить широкое развитие индивидуальности, стесняемое на каждом шагу в цивилизованной жизни» [3].

Вся эта резкая критика «свободы», которую можно найти во многих сочинениях Консидерана и изложение которой здесь поневоле пришлось сократить, выиграла бы, поскольку речь шла о пропаганде, если бы она была изложена в одной главе или в приложении, как сделал Луи Блан [4].

РАВЕНСТВО И БРАТСТВО ПРИ «ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Дополнением к этой критике является нападение на Равенство и Братство, на другие два «громкие философские и христианские слова», начертанные народом на революционном знамени [5].

Выясним смысл этого. Консидеран желает указать на тот факт, что революция 1789 года, вопреки своим обещаниям, не дала ни равенства, ни братства, как она не дала свободы. Он хочет показать, что нет равенства при экономической борьбе, когда одни располагают орудиями труда и батальонами наемных рабочих, а другие, безоружные, вынуждены подчиняться сильнейшим. Иногда он даже подчеркивает несправедливость экономического неравенства, например, когда он противопоставляет друг другу «сына банкира, обладающего двадцатью миллионами», и «сына поденщика, не получающего в наследство хотя бы земляной хижины и заступа, так как после смерти его отца не осталось денег, на которые его можно было бы похоронить» [6]. Но это вовсе не означает, что Консидеран разделяет взгляды всякого рода уравнителей.

---

[1] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 8.
[2] «Destinée sociale», t. I, 2-me éd., p. 316.
[3] Ibid., p. 316.
[4] «Histoire de la révolution de 1848».
[5] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 7 et 9.
[6] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 7.

Фурье выяснил, что уравнительные доктрины противоречат человеческой природе и принципам социальной организации. Он осмеивал обман «мечты о равенстве». Итак, если в его Гармонии социальное равенство осуществлялось независимо от пола и возраста, то экономическое неравенство продолжало существовать. Консидеран следует в этом отношении заветам своего учителя.

Он обвиняет «филантропическую философию», которая в силу реакции против политических и социальных неравенств, существовавших при старом порядке, осмелилась декретировать равенство людей. Это — «нелепость» [1].

«Расы не равны, люди не равны, ребенок не равен человеку зрелых лет, а человек зрелых лет — старику; неравенство обнаруживается в расах, в типах, в характере, в способностях, в страстях, в поле, в возрасте, и если бы философы декретировали равенство в продолжение десяти тысяч лет, то они все-таки ничего не добились бы. Уравнительные доктрины нелепы прежде всего потому, что неравенство соответствует природе, и естественные неравенства влекут за собой неравенства социальные.

«Во-вторых, эти доктрины нелепы потому, что если бы неравенство не существовало, то его следовало бы придумать, так как настолько же невозможно получить социальную гармонию из суммы равных членов, насколько невозможно получить музыкальную гармонию из суммы одинаковых звуков, и лишь гармоническая игра комбинированных неравенств может порождать справедливость и свободу» [2].

Итак, по мнению Консидерана, равенство, — «бессмысленное отрицание» всякого порядка, — может привести лишь к анархии с ее последствиями — несправедливостью и угнетением.

Консидеран торжествует. Легкое торжество! Наиболее пылкие уравнители никогда не отрицали существования естественных неравенств, влекущих за собой неравенство в характере и интенсивности труда. И тогда они требовали, как они требуют и теперь, равенства по отношению к исходному пункту, равенства по отношению к способам развития и действия, а это вовсе не подразумевает одинаковости в походке и однородности. Самая формула коммунизма—«от каждого сообразно его силам, каждому сообразно его потребностям» — достаточно ясно показывает, что наиболее смелые уравнители понимают равенство вовсе не в том смысле, какой ему придает Консидеран. Впрочем, относительно этого имеются характерные страницы в книге Буонарроти [3], которые Консидеран мог бы снова перечитать с пользой для себя: он избежал бы борьбы с ветряными мельницами. Мы полагаем, что на него произвели неблагоприятное впечатление слова и сочинения необабувистов его времени, плохо прикрывавших свою несостоятельность с экономической точки зрения словами

[1] «Trois discoués prononcrs à l'Hôtel de ville», p. 98. [2] Ibid.

[3] «Histoire de la conspiration pour l'égalité dite de Babeuf» (Doctrine des Egaux).

и неопределенными формулами, вызывавшими прискорбнейшие недоразумения. Не следует также упускать из виду, что воззрения Консидерана на равенство находятся в тесной связи с его взглядами на собственность. Но Консидеран стоит за сохранение частной собственности на орудия производства, так что с его стороны последовательно, что он высказывается за экономическое неравенство.

Стоит ли излагать критику братства в сочинениях Консидерана? Ясно, что общество, в котором существуют угнетение и привилегии и свирепствует антагонизм всякого рода, не может признавать братства, что и выяснил Консидеран [1].

---

[1] «Le socialisme devant le vieux monde», p. 8.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ ЛИОНСКИХ РАБОЧИХ В 1831 Г.

I

Положение вопроса в литературе. — Постановка вопроса. — Источники.

Как в социально-исторической литературе эпохи (Монфалькон, Виллерме, Луи Блан) [1], так и в современной историографии (Фести, Алязар, Трюшон, Сэ, Тарле) [2], специально или попутно рассказывающей *о событиях* лионского восстания 1831 г., не было и нет недостатка в желании так или иначе осветить вопрос *о причинах* выступления рабочих.

Насколько же удовлетворительны результаты исследования? Постараемся резюмировать главнейшие положения литературы по следующему кардинальному вопросу: *какие экономические условия характеризуют состояние шелкоткацкого производства до восстания 1831 г.; в частности, подъем или упадок промышленности предшествует движению в пользу тарифа и революционному взрыву в ноябре этого года?*

Надо отдать справедливость *Монфалькону*, автору первой книжки о лионских восстаниях 1831 и 1834 гг., — он добросовестно поставил вопрос об условиях, характеризующих развитие шелкоткацкого производства в эпоху реставрации. Вопреки нашумевшим жалобам «фабрикантов», поодиночке и хором кричавших об упадке их промышленности и торговли, Монфалькон, пользуясь цифрами Дюпена, решительно опровергает вымысел о потере преобладания на внешнем рынке: в период с 1821 по 1831 г. рост экспорта шелковых изделий более чем в $1^1/_2$ раза превосходит рост всего французского экспорта за тот же период [3]. Предлагая, далее, гораздо более рискованное сопоставление импорта шелкового сырья и экспорта шелковых изделий, Монфалькон старается доказать, что ха-

---

[1] *Monfalcon*, Histoire des insurrections de Lyon. Lyon 1834. — *Его же*, Code moral des ouvriers. Paris-Lyon 1835. — *Его же*, Histoire monumentale de Lyon, t. III. Paris 1864. — *Villermé*, Tableau de l'état physique et moral des ouvriers. Paris 1840. — *Louis Blanc*, Histoire de 10 ans, t. III. Paris 1846.

[2] *O. Festy*, Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet. Paris 1908. — *Alazard*, Les causes de l'insurrection lyonnaise en novembre 1831 («Revue historique», t. CXI). — *Truchon*, La vie ouvrière à Lyon sous la Restauration («Revue d'histoire de Lyon», 1912). — *H. Sée*, La vie économique de la France sous la monarchie censitaire. Paris 1927. — Акад. *Тарле*, Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М. 1928.

[3] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 22: «Il n'est donc pas vrai de dire que la France soit encore déchue de sa prépondérance dans le commerce de soieries qu'elle fait encore avec l'étranger».

рактернейший феномен экономической жизни Лиона до восстания, это — сокращение *внутреннего* рынка. В этом, по его мнению, и заключается причина «бедствия» [1]. Правда, в другом месте той же работы (стр. 36—37), а также и в «Code moral des ouvriers» [2], Монфалькон вскользь говорит, наоборот, о «некотором оживлении» промышленности накануне движения рабочих, — «le commerce et les ateliers avaient repris quelque vie». Но, как видим, это высказывается сжато и неопределенно, и читатель сочинений Монфалькона едва ли освободится от впечатления того якобы бедственного положения, в которое поставило лионскую шелковую промышленность сокращение внутреннего рынка.

Виллерме, лично наблюдавший экономическую жизнь Лиона уже после восстаний (а именно в феврале — апреле 1835 г. и июне — июле 1836 г.), уделяет лионскому производству довольно значительную часть первого тома своего известного «Tableau» [3]; но напрасно было бы искать здесь четкой формулировки причин восстания 1831 г. По мнению Виллерме, восстание подготовлено своеобразной организацией лионского шелкоткацкого производства, именно той изолированностью и отчужденностью, в каких находились лионские рабочие, рассеянные по мастерским, не объединяемым одной общей *(фабричной)* крышей [4]. С другой стороны, восстание —результат влияния... сен-симонизма! [5]

Луи Блан, посвятивший восстанию несколько ярких страниц в третьем томе своей «Истории 10 лет», не останавливается на исследовании экономических условий, целиком принимая излюбленный мотив «фабрикантов» о швейцарской конкуренции как грозной vis major, предопределившей позицию и «фабрикантов, и рабочих» [6]. Корни всего движения — в крайнем и безысходном пауперизме ткачей: «Le mal y avait des racines plus profondes. Dans le faubourg de la Croix-Rousse une population immense végétait, vouée à un travail pénible et à peu près stérile pour elle» [7].

Мемуарная литература эпохи и новая общая литература только повторяла подобные мысли, ничего нового не прибавляя [8].

---

[1] Ibid., p. 23: в 1831 г. «la consommation intérieure des soieries a plus particulièrement diminué et produit cette détresse dont la France a déploré les effets si funestes». [2] *Monfalcon*, Code moral des ouvriers, p. 60—61.

[3] *Villermé*, op. cit., t. I, p. 352—399. [4] Ibid., p. 355. [5] Ibid., p. 368.

[6] *Louis Blanc*, op. cit, t. III, p. 51: «Mais des circonstances étrangères et antérieures à la révolution de juillet vinrent porter atteinte à la fabrication lyonnaise. De nombreux métiers de soieries s'étaient établis à Zurich» etc.

[7] Ibid.

[8] Ср., напр., мемуары *de Beaumont Vassy*, t. I., p. 448—449. У выдающегося знатока местной истории *S. Charléty*, в его «Histoire de Lyon» (Lyon 1903), на стр. 264 мы читаем: «L'insurrection lyonnaise de 1831 eut pour cause première l'arrêt dans les affaires qui suivit la Révolution de juillet. Une énorme baisse de salaires en résulta». *Levasseur* и *Sée* только компилируют ранее высказанные взгляды (ср. стр. 103 книги *H. Sée*: «La vie économique de la France», где он пишет: «C'est donc pour toute cette population une détresse profonde»...)

Посмотрим, как разработан интересующий нас вопрос в новейшей историографии.

Первая в строгом смысле слова *исследовательская* работа принадлежит Октаву *Фести*. Но стремясь больше к рассказу *о событиях*, чем к оценке их значения и исследованию причин, Фести в этом последнем вопросе, с одной стороны, принимает расплывчатую формулировку Виллерме (отсутствие «*связи*» между рабочими и фабрикантами и влияние революции 1830 г.), с другой — сочувственно цитирует оправдывающегося префекта, признавая, в конце концов, что «*страдание* заставило ткачей-хозяев мастерских начать действовать» [1]. Считая работы Монфалькона пристрастными, Фести, однако, ни в какой мере не выясняет, в чем же именно неправильность истолкования экономических предпосылок движения у автора.

Таким образом, изучение *причин* движения в пользу тарифа и последовавшего затем восстания рабочих не подвинулось ни на шаг с опубликованием работы Фести.

Поэтому вполне понятно, что вскоре же после выхода в свет книги Фести появляется специальная статья *Алязара* «Причины лионского восстания в ноябре 1831 г.».

Возвращение к вопросу об иностранной конкуренции — несомненная заслуга Алязара. Но обращаясь к такой важной проблеме, Алязар недопустимо упрощает свою задачу повторением аргументации Монфалькона, аргументации устаревшей, во многих отношениях уязвимой. Между тем богатейшие «жилы» гораздо более характерных и исчерпывающих первоисточников остаются вовсе незатронутыми его исследованием. Обогатив историю движения некоторыми новыми чертами (очень ценные данные *о налогах*, о «piquage d'once», *постановка* вопроса о значении и влиянии ломбардного ростовщичества), Алязар в интересующем нас отношении приходит к следующей «установке». Иностранная конкуренция — не более как «обман зрения» [2]. Беда заключалась в конкуренции внутренней, в самом Лионе [3]. Это обстоятельство должно объяснить поведение капиталистов. Но какие причины объясняют движение *рабочих?* — Все эти причины «сосредоточиваются вокруг главного факта» — нищеты рабочих шелкоткацкого производства [4].

К вопросу о причинах ноябрьского восстания *подходил* и другой французский историк — *Трюшон* — в своей статье о рабочей жизни

---

[1] *O. Festy*,, op. cit., p. 100 «La souffrance détermina les chefs d'ateliers à agir».

[2] «Revue historique», t. CXI (a. 1912), цит. ст.: «Donc, à considérer les choses avec impartialité on est obligé de reconnaitre qu'une concurrence étrangère qui fait si peu de mal aux exportations françaises en général est plutôt un trompe — l'oeil».

[3] Ibid. «La vérité est que, s'il y a une concurrence coupable c'est la concurrence intérieure».

[4] Ibid. «...ce sont les causes du premier mouvement insurrectionnel que nous allons essayer de déterminer: — elles convergent toutes vers un fait capital: la misère des ouvriers en soie»...

в эпоху Реставрации. Но он лишь повторяет Виллерме, когда говорит, что «Il y avait là un conflit d'interêt difficile à résoudre dont l'origine était dans l'organisation même du travail» [1].

Таким образом, работа Трюшона показала, как ничтожно мало может дать по этому вопросу местный лионский архив: в руках историка было специальное досье о восстании 1831 г.

Перейдем к последнему по времени исследованию, — к статье в III томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» и книге «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» академика *Е. В. Тарле.*

Прежде всего необходимо отметить необыкновенную суровость академика Тарле к его французским собратьям. Во «Введении» к своей новой книге он сообщает русскому читателю, что «чисто научная, исследовательского типа литература по рабочему вопросу во Франции в рассматриваемый период равна в сущности *нулю*» (!). Трюшон не заслуживает в этом «Введении» ни одной строчки; Фести «слишком бегло рассмотрел вопросы, о которых намерен был говорить»; статья Алязара упомянута, но нет никакой оценки этой работы; два тома бурженовского собрания архивных первоисточников квалифицируются «как бы инвентарь (!?) архивным данным о рабочем классе»; статьи Анри Сэ в «Revue d'histoire économique et sociale» не упоминаются вовсе. В результате пренебрежительного отношения к французским работам академику Тарле лишь к 1928 г. «удается найти» ответ на такие вопросы, которые освещались и разрешались 16 лет тому назад. Например, Тарле интересуется вопросом о том, как закон 31 марта 1831 г. (о налогах) отразился на положении рабочего класса. Но этот вопрос еще в 1912 г. рассматривался Алязаром. «Мне удалось найти на этот вопрос довольно точный ответ в неизвестной до сих пор и тут впервые используемой переписке лионского префекта», — пишет Тарле и приводит соответствующую цитату [2] из материалов картона F1[b]. 1—156, указанного ему Бурженом.

Обратимся, однако, к предлагаемой академиком Тарле характеристике экономических предпосылок движения 1831 г. Доверяясь апологетической брошюрке Baron'a [3], Тарле пишет: «С конца 20-х годов XIX столетия, нужно сказать, прежняя монополия лионских шелков стала го-

---

[1] «Revue d'histoire de Lyon», a. 1912, p. 206.

[2] Вот цитата Тарле (стр. 242 его книги): «Таким образом, сумма обложения всего лионского рабочего класса оказывается утроенною, а часто даже *упятеренною*»... и это «на другой день после революции, которая, как должен был думать рабочий класс, сделана в его интересах, и при наступлении зимы, которая увеличивает его нужды, когда замедление в работах уменьшает его средства». Сравним текст Алязара: «...c'est ainsi que la somme des contributions de toute la classe ouvrière de Lyon se trouve triplée et souvent quadruplée le lendemain d'une révolution qu'elle a dû croire faite dans ses interêts, à l'entrée de l'hiver qui augmente ses besoins et lorsque le ralentissement du travail diminue ses ressources». Разница только в том, что Тарле точно цитирует рукопись, а Алязар пользуется печатным текстом.

[3] Национальная библиотека Lb[51] 1074, *Baron, éditeur.*

раздо менее исключительной на мировом рынке, чем она была еще до Великой революции или даже при Наполеоне»..., «приходилось считаться с английским вывозом шелковых материй, который оценивался в 4 миллиона»... «Объяснялось это, во-первых, присутствием паровых машин в Англии и отсутствием их во Франции: англичанам обходилось в 50 франков производство такого куска шелковой материи, который лионскому промышленнику обходился в 80—90 франков; во-вторых, англичане извлекали шелк-сырец из Бенгала и других своих азиатских владений, и это было дешевле, чем покупать сырец в Испании и Италии, как приходилось французам» [1].

Наступил 1830 г., и «внезапное и сильнейшее сокращение сбыта после июльской революции сказалось самым болезненным образом» [2]. Здесь мы вплотную подходим к кануну ноябрьских событий 1831 г. Как же изображается этот важнейший момент у Тарле? Он пишет вполне определенно:

«*Между тем, ввиду недостатка сбыта*, а прежде всего вследствие *массы безработных* в городе, предприниматели понизили (по уговору между собой) сдельную плату. Это и было толчком, приведшим в движение десятки тысяч раздраженных и *полуголодных* людей. Рабочие решили искать управы у префекта»... [3]

Подведем итог. При всей пестроте изложенных мнений не трудно «вывести за скобку» следующие положения:

1. Крайний пауперизм, голодная заработная плата, словом, крайние страдания — побудительная причина выступления рабочих.

2. Участники движения —только рабочие шелкоткацкого производства. Буквально никто из историков не только не исследует положения других отраслей лионской промышленности, но даже не ставит о них и вопроса.

3. Все исследователи стараются объяснить поведение «фабрикантов» *объективными* условиями экономического развития шелкового производства в конце 20-х — начале 30-х годов.

Можно только удивляться, как мало продумывалась и исследовалась вся эта концепция.

В самом деле, чтобы показать полную неудовлетворительность *первого* из трех положений, не нужно даже выходить за пределы статей Алязара и Тарле. Алязар цитирует известную характеристику (Монфалькона) способности лионских ткачей *безропотно* сносить все невзгоды: «Au milieu de cette misère, ils avaient toujours montré une grande résignation. Les redoutables *crises de misère et d'indigence* qu'ils avaient traversées les avaient laissées parfaitement *calmes*»... То же самое и у Тарле: «Бедствия лионской рабочей массы продолжались в сущности весь *1826 год*. Рабочие *выпрашивали* [4] себе работу, работали за крайне пониженную

[1] *Тарле*, цит. соч., стр. 232. [2] Ibid., p. 242.

[3] *Тарле*, цит. соч. стр. 243. Подчеркнуто нами (всюду, где нет специальной оговорки о подчеркивании у самих цитируемых авторов).

[4] Подчеркнуто в подлиннике, стр. 231 цит. соч. академика Тарле.

плату. Некоторые просто просили милостыню на улицах... Но рабочие были покорны, и ни одной жалобы против правительства не было слышно». Почему же смирные, как овцы, *в 1826 г.* лионские рабочие восстают в 1831-м, будучи, если следовать за Тарле, в тех же условиях *безработицы* и страданий? Очевидно, что нельзя признать этот вопрос разрешенным.

Не менее удивительно и традиционное ограничение исследования сферою одного лишь шелкового производства. Так, до сих пор в полном забвении оставалась небольшая брошюрка эпохи, представляющая не что иное, как *список* убитых и раненых участников восстания [1]. Было бы, конечно, большой ошибкой думать, что здесь перед нами абсолютно точный и полный перечень всех павших с той и с другой стороны. Еще в своей «Истории восстания» Монфалькон открыто признал, что часть трупов была брошена в Рону. Это повторяется им и в «Code Moral», где все же он дает приблизительную цифру раненых, находившихся в l'Hotel Dieu: «не более 300 раненых с той и другой стороны» [2]. Одна из брошюрок эпохи, говоря об общем числе убитых и раненых, называла приблизительно цифру около 400 [3]. В указанном же *списке* («Notice par ordre alphabétique des morts et des blessés») итоговое число убитых и раненых — 343. Без какой бы то ни было классификации здесь объединены по алфавиту представители самых различных положений — повстанцы и солдаты, рабочие и буржуа, старики и дети.

Устраняя из нашего анализа всех поименованных в списке капиталистов и военных, равным образом освобождая вычисление от учета еще 6 лиц, роль которых в движении — по их профессиям (коммивояжеры, служащие контор и т. п.) — может казаться проблематичной, мы получаем следующую статистическую сводку интересующей нас части списка:

Табл. 1. Убитые и раненые рабочие — участники восстания в Лионе в 1831 г.

Наименование профессий	Общее число убитых и раненых	В том числе по возрасту:					
		от 14 до 17 лет	от 18 до 21	от 22 до 40	от 41 до 50	Старше 50	Возраст не указан
Шелковое производство [4] . .	68	12	9	32	2	4	9
Поденщики	10	—	2	5	—	3	—
Каменщики	9	—	2	3		1	1
Столяры	5	1	—	2	—	2	—
Сапожники	4	—	1	2	—	—	1
Ситцепечатники	2	1	—	1	—	—	—
Без указания профессии . .	21	1	1	14	—	—	5
Других профессий (грузчики, кожевники, пильщики, шляпники etc.)	25	3	4	12	1	4	1
Итого	144	18	19	71	5	14	17

[1] Нац. библ. Lb^{51} 1090. [2] *Monfalcon*, Code Moral, p. 393. [3] Нац. библ. Lb^{51} 1077.

[4] Объединяю в этой графе не только всех собственно «ouvriers en soie», но также и всех красильщиков, рисовальщиков и даже позументщиков, фигурирующих в списке.

Таким образом, оказывается, что, хотя шелковое производство и дает самую крупную цифру, но в общем числе убитых и раненых оно участвует *менее чем на половину*. Оговорим еще раз условное значение этой статистики. Более того: причислим *всех* поденщиков к шелковому производству, а от цифры не указанных профессий вовсе освободимся. Но и в этом случае участие *«других»* профессий в общем (сократившемся) числе всех пострадавших рабочих выразит внушительная цифра — 39,1%.

Словом, каково бы ни было бесспорно руководящее значение шелкоткацкого производства, но, при наличии таких численных отношений, исследователь не должен уклоняться от возможно более широкого и всестороннего освещения лионской экономической жизни.

Что касается *третьего* положения, к которому привело нас обозрение литературы вопроса, то очевидно, что только путем самостоятельного исследования экономической и социальной истории конфликта 1831 г. можно будет пробиться через толщу «объективизма» и фатализма, густым туманом скрывающих классовый характер поведения капиталистов.

Теперь, убедившись в правомерности полного пересмотра причин движения 1831 г., мы и приступим к исследованию этого вопроса по неиспользованным архивным и печатным материалам.

*

Буржуазные ученые до сих пор неразумно твердят о том, что марксистское исследование оперирует с «готовой схемой», под которую-де «подгоняется» тот или иной конкретный материал. Это только показывает, на каком «геродотовском» уровне стояла история до Маркса и Энгельса. В действительности дело ведь обстоит так, что и буржуазные исследователи при изучении того или иного исторического вопроса, особенно из истории классовой борьбы, все чаще и откровеннее обращаются к экономической стороне изучаемой проблемы. Но это для них предательски опасный путь: они неизбежно встречаются с необходимостью «говорить прозой» той или иной экономической *теории*, — содержание экономических понятий ведь не дается *историей*. А так как новейший этап научного развития теории — марксистско-ленинский фазис, в котором все предыдущие ступени *превзойдены*, — для буржуазных ученых не существует, то каждый из них в своих экскурсиях по кладбищу экономической мысли извлекает ту или другую ветошь по собственному вкусу.

Применительно к нашей теме теоретическая путаница доходит у наших историков до того, что в то время как один из них, Алязар, считает, что настоящими фабрикантами в Лионе, «фабрикантами в современном смысле слова» [1], были *хозяева мастерских*, — другой историк, Тарле, безоговорочно относит этих собственников средств производства, — даже в том случае, если они работают не только силами своей семьи, но, владея

[1] «Revue historique», t. CXI, op. cit. «Ce sont les chefs d'atelier qui sont les véritables fabricants, au sens où l'on entend aujourd'hui ce mot».

по 6—8 станков, отдают их в работу наемным рабочим, которым платится лишь половина стоимости выработанной штуки, — даже таких «хозяйчиков» относит к *полупролетариату*! [1]

Мы предпочитаем подобной путаной эклектике научный метод марксизма. К чему он обязывает нас применительно к поставленной нами теме?

Прежде всего к установке общего социально-экономического «облика» эпохи, в рамках которой лионский конфликт — не более как частность.

Лишь не теряя общей перспективы движения социально-экономических противоречий эпохи, удастся верно исследовать конкретные вопросы, ближе касающиеся нашей суженной темы *о причинах* лионского конфликта. Какие же вопросы возникают в этой par excellence социально-экономической сфере?

В первую очередь вопрос о способе производства, характеризующем французскую шелковую промышленность в эту эпоху. Далее, тщательное исследование экономических условий развития лионского шелкоткацкого производства в эпоху Реставрации и особенно в 1829—1831 гг.; отношение, в каком лионское шелкоткацкое производство стояло к *другим* центрам шелкоткачества во Франции в это время; положение лионского шелкоткацкого производства в кругу других отраслей лионской промышленности и торговли; наконец, роль «фабрикантов» в движении, положение ткачей и общая характеристика развития пауперизма в Лионе.

*

Несколько слов об источниках по всем этим вопросам.

В Национальной библиотеке (в Париже) сохраняется довольно обширный фонд памфлетной литературы о событиях лионских восстаний. Что дает подобный источник, показывают работы Фести и Алязара, главным образом на этой литературе и периодической печати эпохи и построивших свои исследования. Во всяком случае ни один исследователь истории восстания не может обойти эти фонды, тем более, что и после работ Алязара и Фести здесь удается найти неиспользованный материал.

Что касается *архивных* первоисточников, то, хотя и французские исследователи частично к ним прибегали, но впервые в широкой мере архивный материал привлекается в работе Тарле. К сожалению, экономическое исследование имеет для Тарле второстепенный интерес. В погоне за возможно более обильным фактическим материалом Тарле избирает в своей исследовательской работе преимущественно серию F^7, и главным образом *полицейские бюллетени*. Эти бюллетени дают почти всегда лаконические сообщения о тех или иных событиях; комментарии — случайны, и данные по экономическим вопросам здесь подаются уже из «вторых рук»:

[1] *Тарле*, цит. соч. стр. 237: «Рабочий-пролетарий и хозяин мастерской, полупролетарий, были на одной стороне социальной баррикады, предприниматели-капиталисты — на другой».

префекты совещаются с представителями торговых палат или вообще с «нотаблями» своего города и, присоединяя затем свои замечания, доносят центральной власти.

Естественно поэтому, что историк-экономист пойдет другой дорогой. Приступая к изучению серии F^{12}, т. е. к исследованию документов, поступивших в Национальный архив от Министерства торговли и промышленности, скоро убеждаешься, что та потеря времени, на которую обрекает здесь недостаточно подробная каталогизация материалов, вполне вознаграждается содержательностью находимых документов. Но, конечно, и F^{12} не дает ответа на все вопросы социальной и экономической жизни. Так, для исследования цен оказалось необходимо обратиться к F^{11}, а по истории пауперизма — к F^{15}. В процессе всей этой работы обнаружилось, однако, что и печатный материал эпохи не был до конца использован, несмотря на всю его первостепенную важность.

II

Шелковое производство в общем движении экономического развития Франции в эпоху Реставрации. — Положение французского шелкоткацкого производства на внешнем и внутреннем рынке до восстания 1831 г. — Лионское шелкоткацкое производство как один из центров французской шелкоткацкой промышленности. — Общая картина экономической жизни Лиона в конце 20-х годов XIX века.

Нельзя не признать, что материал, привлеченный в новейших работах, посвященных первой трети XIX века, при всей недостаточности разработки затронутых вопросов, дает *исходное* представление об эпохе. В самом деле, даже простая компиляция работ Ballot, Bourgin'ов, Sée, P. Louis определила бы *характер* капиталистического развития Франции в этот период. Но стоит лишь прикоснуться хотя бы к печатным первоисточникам по вопросу о положении рабочих, не останется уж никаких сомнений в том, что именно понятие «промышленная революция» лучше всего характеризует исторический облик эпохи. Настал и для Франции тот критический период, который Маркс иногда предпочитал называть периодом *«бури и натиска»*, применяя здесь образ «Sturm und Drang'a», конечно, удачнее, чем это делала литература.

Как в Англии (конца XVIII — начала XIX века), так и во Франции в 20-е годы далеко еще не вся промышленность революционизирована машиной. Как там, так и тут непосредственное влияние «машинизма» сильнее всего захватило сферу текстильного производства. Но и здесь по различным отраслям — в хлопчатобумажной, шерстяной, льняной и шелковой промышленности — проникновение и распространение машин далеко не равномерно. Чтобы показать, насколько, однакоже, назрели отношения нового типа, обратимся к следующим двум иллюстрациям эпохи.

В 1827 г. на Медицинском факультете в Париже появилась диссертация с редкой для медиков темой: «Рассуждение о влиянии хлопчато-

бумажных прядилен и ткачества на здоровье рабочих» [1]. Молодой диссертант, имея возможность лично наблюдать жизнь *эльзасских* рабочих, до такой степени был поражен тяжестью их жизненных условий, что предпочел эту тему всякой другой.

Положение *фабричных* прядильщиков характеризуется следующими чертами: *по возрасту* и *полу* — типичный смешанный состав. *Дети* работают с *семи* лет. Обычная продолжительность рабочего дня 15—16 часов; зимою только 1 час отдыха. Но при известных обстоятельствах «они работают даже 48 (sic!) часов почти без перерыва» [2]. Они «постоянно стоят», а в некоторых цехах «девочки»... «вынуждены стоять на коленях».

Ткачи (фабричные) работают очень часто до полночи и даже до 1-го часу ночи.

Ниже мы еще вернемся к Gerspach'у. Теперь же послушаем доклад Мюльгаузеновскому промышленному обществу, опубликованный в журнале крупных фабрикантов этого края в 1828 г.

«Рабочие прядилен вступают на работу с 8 лет. В местах, где рабочее население редко, работают даже *семилетние* дети. Работа в прядильнях обыкновенно начинается с 5 часов утра, а кончается в 8—9 часов вечера; часто же продолжается сверх этого времени. Есть прядильни, работающие до 17 часов в день, и единственный отдых за эти 17 часов — полчаса на завтрак и час на обед» [3]... «Дети, которые *каждый* день в в неделю вынуждены покидать отчий кров в 3—4 часа утра, чтобы явиться в свою мастерскую к 5-ти возвращаются домой только в 9, 10 и 11 часов вечера» [4].

Таковы каторжные условия работы в машинизированной, *фабричной*, хлопчатобумажной промышленности. Не трудно представить, насколько же тяжела была жизнь «ручных» рабочих в той же самой отрасли текстильного производства.

Теперь, с этим вполне определенным представлением *о фабрике* эпохи, перейдем к нашему основному вопросу о месте, занимаемом под «бурею и настиком» *шелковым* производством.

Насколько именно подвинулось развитие машинизма во французской шелковой промышленности в эту эпоху?

---

[1] *J. Gerspach*, Considérations sur l'influence des filatures de coton et des tissages sur la santé des ouvriers. Thèse. Paris 1827. Эта небольшая, но интересная работа цитируется у Виллерме в его «Tableau», но оптимистически настроенный автор опускает наиболее яркие пассажи. Так как в Национальной библиотеке этой диссертации не оказалось, то, может быть, не лишне указать, что ее можно найти в библиотеке Медицинского факультета в Париже под шифром № 270.

[2] Op. cit., p. 10: «...dans certaines circonstances ils travaillent même 48 heures presque sans interruption»... О ткачах — ibid., p. 11.

[3] «Bulletin de la Société de Mulhouse», t. I, p. 329—330.

[4] Ibid., p. 333: «...il est de ces ouvriers de tout âge des enfants, enfin, qui tous les jours de la semaine sont forçés de quitter le toit paternel à 3 ou 4 heures du matin pour être rendus à l'atelier à 5 heures et ne rentrent qu'à neuf ou onze heures du soir».

Конечно, следует строго различать шелкопрядение (разделяющееся в свою очередь на шелкомотальное и шелкокрутильное производства) и шелкоткачество.

Поскольку нас здесь интересует *ткачество* (так как Лион — центр ткацкого производства), мы не будем останавливаться на исследовании истории механизации в шелкопрядении, хотя эта важная проблема и получила совершенно неприемлемое освещение в работе безвременно погибшего французского историка Ballot [1].

Но как ни спорны тезисы Ballot о значении механизации шелкопрядильного производства в XVIII в., машинизация этой промышленности к *1831 г.* является фактом, не возбуждающим никаких сомнений.

Какое же значение для шелкоткацкого производства и для занятых в нем рабочих имело развитие машинизации в «прядении»? История английской промышленной революции показывает, что ответ целиком обусловлен наличностью (или отсутствием) механизации в самом *ткацком* производстве. Так, положение ткачей *улучшилось*, а не ухудшилось в первый период промышленного переворота, когда машины для *прядения* уже выбрасывали такую массу пряжи, что ручные ткачи не справлялись с заказами; «рабочих рук» в ткачестве нехватало, и заработки ткачей возросли. Но с появлением машин в *ткацком* производстве описываемое положение резко изменилось. Такова история хлопчатобумажного, шерстяного, льняного производства. Как видим, вопрос о том, насколько механизирована шелкоткацкая промышленность, представляет особенно острый интерес.

Позволим же себе со всею силой подчеркнуть, что в интересующую нас эпоху *нигде лионскому шелкоткацкому производству фабрика еще не угрожала.*

Значение «присутствия паровых машин в Англии и отсутствия их во Франции», о котором писал Тарле, мы определим ниже, при исследовании положения французской шелкоткацкой промышленности на международном рынке. В пределах же самой Франции, напр. под Лионом, были только первые опыты [2] объединять работы под одной крышей, и ровно никакого «конкурирующего» значения эти ничтожно малые величины не имели. Ballot да и Тарле говорят о других «машинах». Это так называемый «станок Жаккарда». В другом месте мы специально остановимся на этом вопросе и рассмотрим истолкование «машинизма» у Ballot и Тарле ad hoc. Пока, в пределах поставленной темы, можно без риска согласиться с тем, что распространение так называемых станков Жаккарда в период 1815—1830 гг. привело к понижению заработков ткачей узорчатых материй («станок Жаккарда» употреблялся именно для производства *узорчатых*

[1] *Ballot*, L'Introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille-Paris 1923, ch. VIII. Отдельная статья того же автора о шелкопрядильном производстве появилась, впрочем, значительно раньше. (В «Revue d'histoire de Lyon», 1914.)

[2] Ср. у *Villermé*, Tableau, I, p. 356, а также у *Cochard* в «Guide du voyageur de Lyon» (Lyon 1829), p. 394—398.

тканей). Насколько крутой перелом происходит за это время, мы еще увидим ниже (до сих пор вопрос этот вовсе не освещался). Но изменились ли жизненные условия ткачей узорчатых материй или нет — нам здесь важно подчеркнуть значение следующих обстоятельств:

1. Производство узорчатых тканей занимает меньшинство рабочей силы лионского шелкоткацкого цеха [1].

2. «Станки Жаккарда» — собственность не «фабриканта», а самого ткача.

3. Заработки ткачей, работающих на «Жаккарде», не ниже, а значительно выше, чем у ткачей, производящих ткани *одноцветные*, т. е. так называемые «unies».

4. Распространение «машин Жаккарда» отнюдь не изменило организацию лионского шелкоткацкого производства, т. е., как и в *восемнадцатом* веке, эту организацию в основном характеризуют следующие элементы: ученики, подмастерья, хозяева мастерских, негоцианты-фабриканты. *Фабрику* «станки Жаккарда» не создают.

Таким образом, под «бурею и натиском» новых отношений, характеризующих физиономию эпохи, лионская шелкоткацкая промышленность ко времени 1831 г. пребывает еще в убежище архаической организации производства.

Конечно, не может быть никаких сомнений в том, что это «убежище» не было Аркадией для рабочих. Одним из бедствий «недостаточного развития капитализма» была полная экономическая изолированность скупщика-«фабриканта» в периоды кризиса сбыта: двери раздаточных контор наглухо закрывались, и производители одни должны были выносить всю тяжесть кризиса.

За всем тем архаичность лионской шелкоткацкой промышленности («Аркрайт» еще не «создал порядок») a priori обязывает к особенно осторожному исследованию действительного значения тяготы рабочей жизни в Лионе и, во всяком случае, к различению в «рабочем люде» Лиона подлинных пролетариев, полупролетариев (хозяева мастерских, не прибе-

---

[1] *Cochard*, в «Guide du voyageur de Lyon», на стр. 392, дает нижеследующую статистику технического разделения работы 19 724 станков (данные относятся к 1824 г. и только к Лиону):

Вырабатывавших одноцветные ткани		11 363	станков
« «	узорчатые («Жаккард»)	3 961	«
« «	grande tire	84	«
« «	бархат	710	«
« «	газ и креп	871	«
« «	тюль	1 006	«
« «	чулки	427	«
« «	позументные изделия	411	«
	не работающих станков	891	«

Общую приблизительную оценку малой распространенности производства узорчатых материй в 1830—1831 гг. мы найдем в цитирующихся ниже архивных документах.

гающие к наемному труду, т. е. те, напр., хозяева-одиночки, которых особенно много было в предместьи Круа-Рус) и «хозяйчиков», владельцев 6—8 станков, чье личное участие в работах вовсе не лишало их характера sweater'ов, «выжимателей пота».

Рассмотрим теперь *общие* экономические условия развития шелкоткацкой промышленности в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века.

*

Выло уже отмечено, что по вопросу о положении французской шелкоткацкой промышленности на внешнем и внутреннем рынке новейшая литература не привлекла никакого нового материала. Алязар сделал удачный шаг, *вернувшись* к вопросу о конкуренции, но он ограничился в своей аргументации Монфальконом, а Монфалькон вовсе не исследует положения шелкоткацкого производства в конкурирующих странах и строит свои выводы только на данных внешней торговли, что, при неточности французской статистики в эту эпоху, еще *не разрешает*, а лишь иллюстрирует вопрос. Академик Тарле в этой проблеме идет не вперед, а назад, к апологету поведения капиталистов, Вагоп'у. Правда, Тарле смягчает положительные утверждения своего источника «высказываниями», особенно удачными по своей скользкой, неуязвимой форме: «С конца 20-х гг. XIX столетия, нужно сказать, прежняя монополия лионских шелков стала гораздо менее исключительной на мировом рынке, чем она была еще до Великой революции или даже при Наполеоне». *Менее исключительная*, но все же еще *монополия?* Но что такое *не исключительная монополия?* Значит, потеря монополии? Чрезмерная общность формулировки поставила бы тем самым такое «утверждение» вне спора, если бы в целом Тарле тут не высказывался более определенно. В целом академик Тарле дает и хронологию противопоставления, и перечень конкурирующих стран, и причины их успехов (паровые машины, «сырец» из Индии и меньшая себестоимость производства в Англии).

Рассмотрим же, как в действительности развивалось шелковое производство в конкурирующих странах, т. е. в Швейцарии, Австрии, германских странах, Голландии и Англии.

Каждый раз, когда лионские «фабриканты» эпохи восстания касались успехов *швейцарского* шелкового производства, аргументация их становилась по внешности особенно убедительной: приводились красноречивые цифры быстрого увеличения числа станков.

Последуем, однако, не за «фабрикантами», заинтересованными в преувеличении якобы грозящих бедствий, а за опытным торговцем шелковым *сырьем*. Ни архивные мемуары этого коммерсанта, ни его книга «О торговле шелком и шелковыми изделиями» [1] не были использованы и, как видно, остались вовсе неизвестны историкам восстания 1831 г. Между тем, книга написана еще до восстания, а это еще более увеличивает ее цен-

[1] *L. de Teste*, Du Commerce des soies et soieries. Avignon 1830.

ность — последовавшие события никакого влияния на автора иметь не могли. Побуждаемый «всеобщими криками» об опасности швейцарской конкуренции, de Teste, автор книги, сам съездил в Швейцарию, и вот в чем убедило его личное обследование производства.

Действительно, Швейцария может вырабатывать *некоторые* материи не хуже, чем лионцы, и продавать эти ткани на 12% дешевле. Но *размеры* швейцарского производства ни в какой мере не угрожают. Прежде всего здесь почти вовсе нет «станков Жаккарда». Таким образом, нет никакой конкуренции лионским узорчатым тканям. Что же касается размеров производства материй *одноцветных*, то, как оказывается, вырабатывающие их станки отнюдь не заняты в течение целого года. Эти станки рассеяны по деревням и составляют лишь подсобную статью в сельскохозяйственных работах [1]. Таким образом швейцарские «фабриканты» не могут ни ускорять темп производства, ни произвольно увеличивать свои заказы. И de Teste решительно предостерегает о возможности впасть в ошибку при оценке объема производства на основе статистических данных о количестве станков [2], весьма основательно замечая, что если бы «фабриканты» пожелали искусственно расширить производство путем вывоза иностранной рабочей силы, то немедленно же исчезло бы и то преимущество, которым они пользуются до сих пор, — дешевые «рабочие руки».

Но есть еще и другое обстоятельство, ограничивающее в эту эпоху швейцарскую «опасность». — В стране почти вовсе не имеется крутильных фабрик. Производство сильно страдает от необходимости переплачивать за иностранную шелковую пряжу.

Посмотрим, каковы размеры *голландской* конкуренции. Антверпен — единственный город, имеющий шелковую мануфактуру. И вырабатывается здесь всего-на-всего один только сорт изделий — *черный шелк*. De Teste лично побывал в Антверпене и считает, что местные «фабриканты» в общем знакомы с производством одноцветных материй. Но из личных бесед с анверскими «негоциантами» он выяснил, что местные рабочие недостаточно искусны в выделке одноцветных материй других оттенков, кроме черного. Как бы то ни было, de Teste считает удивительным не рост голландской конкуренции, а то обстоятельство, что *анверские магазины торгуют лионскими шелками* [3]. Сверх того, здесь, как и в Швейцарии, почти отсутствуют крутильные фабрики [4].

Перейдем *к Австрии*. В Вене довольно значительное производство, и одноцветные материи производятся *по качеству* хорошо, но техниче-

---

[1] *Leon de Teste*, цит. соч., стр. 149 и сл.

[2] «...et l'observateur qui, pour former son opinion sur l'industrie suisse, prendrait pour base le nombre des métiers en activité tomberait infailliblement dans une grande erreur».

[3] *de Teste*, op. cit., p. 157: «...et l'observateur s'étonne en voyant dans tous les magasins de la ville les produits lyonnais».

[4] Ibid., p. 161: «Anvers, n'ayant presque pas de moulins à soie se trouve genée, arrêtée à chaque instant dans la marche de son industrie».

ские приемы очень устарели: австрийские «фабриканты» далеко не поспевают за своим веком, и поэтому австрийские шелковые изделия *дороже* французских; так что не только на заокеанском, но даже и на европейском рынке французам нечего бояться: австрийское шелкоткацкое производство ограничено своим внутренним рынком.

De Teste объехал и *Пруссию*. Здесь также одноцветные ткани выделываются хорошо, но, как и в Австрии, они не могут выдержать конкуренции с французскими *по цене*: производство технически *рутинно* [1].

Что касается других германских центров шелкоткацкого производства, то роль их сводится к следующим размерам.

Эльберфельд облюбовал одну лишь узкую специальность — производство шелковых платков. Условия процветания этой специальности не очень благоприятны. Эльберфельдские «фабриканты» рассчитывали получать нужное для них по техническим причинам *индийское* шелковое сырье из Англии, но английская Индийская компания продавала только шелк-сырец, т. е. *некрученую* шелковую пряжу. Оказалось поэтому необходимым отсылать этот сырец в Италию для крутки, так как своих крутильных фабрик не имелось. Невыгодность подобной комбинации заставила местных «фабрикантов» и сырец приобретать не в Лондоне, а в Неаполе. Опытный негоциант, de Teste считает, что это плохой выход для эльберфельдских «фабрикантов», так как итальянский шелк-сырец мало пригоден для выделки фуляров.

Крефельд усвоил другую специальность: легкий шелковый бархат, тафта, так называемый «gros de Naples», левантины, газовые косынки. Лишь за последние годы здесь появились и «станки Жаккарда».

Появление местных изделий *на американском рынке* наделало во Франции много шума. В действительности же Рейнская компания потерпела убытки: «par la raison que quoique la Prusse ait un grand Amiral, elle n'est point une puissance maritime». Пруссия — не морская держава, и негоцианты были вынуждены обращаться к иностранному торговому флоту.

В Берлине шелкоткацкое производсто уменьшалось ежегодно *и сократилось* за двадцать лет, предшествовавших лионскому восстанию 1831 г., на 50% [2].

Нам остается с особенным вниманием рассмотреть действительное значение прославленных успехов *Англии*, гораздо более экономически развитой, чем все перечисленные страны.

Дюпен «опередил век» своими мрачными предостережениями, высказанными им еще в 1823 г.

---

[1] Ibid., p. 168: «...ne peuvent entrer en concurrence, quant aux prix, avec les produits français». О Пруссии ср. также заметку «Des fabriques en Prusse» в «Bulletin des sciences géographiques», 1829, № 10, p. 20—22.

[2] Ibid., p. 171: «...il est aisé de remarquer que celle de Berlin diminue toutes les années à tel point qu'on n'évalue plus à présent que 3 000 à 4 000 balles de soie sa consommation annuelle, tandis qu'on la portait à 8 000 il y a 20 ans».

De Teste решительно высказывается против преувеличений Дюпена, указывая на дороговизну рабочей силы в Англии, повышающую себестоимость производства. Мы теперь вплотную подошли к тому вопросу, который Тарле освещает по Вагоп'у, — к вопросу о стоимости производства штуки материи в Англии и в Лионе. Было бы громоздко, если не невозможно, исследовать этот вопрос по отношению ко всем сортам материй. Думается, что это и не нужно.

Ведь если обратиться к знаменитому тарифу, борьба за который была прелюдией ноябрьского восстания 1831 г. [1], то не трудно выделить наиболее дешевые расценки. А здесь, очевидно, сильнее всего сказывалось влияние иностранной конкуренции. Одна из этих самых пониженных расценок — оплата сорта «gros de Naples», одноцветной ткани. Именно на расценки по этому сорту указывала газета «L'Echo de la Fabrique» [2] в своей полемике с Фюльшироном, депутатом Роны, который с трибуны Палаты говорил о сравнительно высоких ставках оплаты ткачей [3].

Расчеты стоимости производства «gros de Naples» в Англии и в Лионе мы находим в другом печатном источнике, участь которого в современной историографии та же, что и книги de Teste'a. Это два томика справочника Devilliers, изданные уже после восстания, т. е. тогда, когда обстоятельства могли измениться *лишь к лучшему* для Англии: механизация шелкоткацкого производства достигает там с середины 30-х гг. гораздо более заметных успехов, чем до восстания 1831 г. Лионское же ткачество технически остается неизменным — в этом достаточно убеждают личные наблюдения Виллерме.

Между тем, вот какой расчет «себестоимости» английского и французского производства сорта «gros de Naples» дает Devilliers [4]. (Объединяем его данные в таблицу). Из нее видно, что разница в пользу Лиона — 5 шиллингов и 6 пенсов, или во франках, по курсу эпохи, около 7 франков [5]. Рассмотрим теперь еще одну сравнительную табличку. Данные ее были сообщены компетентным наблюдателем английской экономической жизни, доктором Bowring'ом. На этот раз сопоставляются Лион и *Спиталъфилъд* по производству $17^1/_2$ кило основы и 18 кило утка и выработки из них 500 аршин (aunes) *сатина* [6] (см. таб. 3).

[1] Мы исходим из предположения, что внешняя, фактическая история восстания достаточно уже известна читателю.

[2] «L'Echo de la Fabrique». Journal industriel de Lyon et du département du Rhône.

[3] No. 9 «L'Echo de la Fabrique».

[4] Devilliers, p. 288—289 второго томика его «Nouveau manuel complet de la soierie», 2 v. in 16. Paris 1839.

[5] *Ure* в «Philosophie de Manufactures», p. 365, приводит мнение *Baggaly*, полагавшего возможным купить «gros de Naples» в *Манчестере* по той же цене, что и в Лионе. Таким образом и «Пиндар английской фабрики» не решается итти дальше, т. е. говорить о большей дешевизне английского производства по сравнению с французским. Кроме того, имеется в виду только *Манчестер*

[6] *Devilliers*, т. II, стр. 306—307. Объединяя в одну табличку сообщаемые у Девилье цифры, мы здесь суммируем некоторые данные, чтобы таблица была менее громоздкой.

Табл. 2. Производство материи «gros de Naples» из фунта шелковой пряжи в Лондоне и в Лионе.

В Лионе	Ф. ст.	Шил.	Пенс.	В Лондоне	Ф. ст.	Шил.	Пенс
8 унций крученой пряжи из расчета по 25 шилл. за фунт	—	12	6	8 унций итальянского сырца для утка [1]	—	11	2
8 унций сырца из расчета по 22 шил. 6 пенсов за фунт	—	11	3	8 унций пьемонтского крученого шелка для основы	—	12	0,5
Окраска и мотание	—	—	11	Окраска и мотание	—	1	6
Отбросы при окраске и обработке (16 : 4)	—	6	2	Отбросы при окраске и обработке (16 : 4)	—	6	2
Подготовка основы и утка . .	—	1	3	Подготовка основы и утка .	—	2	0,5
Выделка 16 аршин из расчета по $4^1/_2$ пенса за аршин (aune)	—	6	—	Выделка 16 аршин из расчета по 8 пенсов за аршин (aune)	—	12	8
Всего	1	18	1	Всего	2	3	7

Табл. 3. Стоимость производства $17^1/_2$ кило основы и 18 кило утка с выделкою из них 500 аршин сатина в г. Лионе и г. Спитальфильде.

г. Лион	Франки	г. Спитальфильд	Ф. ст.
$17^1/_2$ кило сырца, ценою по 50 фр., и крутка его для основы . . .	1 067,50	$17^1/_2$ кило, или 38 фунт. 9 унций, крученой пряжи для основы по 27 шиллингов за фунт . .	88.12
18 кило сырца, ценою по 47 фр. и его «прядение» для утка . .	972	18 кило, или 39 фунтов 11 унций, пряжи для утка	
Окраска основы (по 3 фр.) . . .	52,50		
» утка (по 3 фр.)	54	Окраска, подготовительные к ткачеству работы, ткачество и отделка	50.17.3
Подготовительные к ткачеству работы с основой	66		
Ткачество 500 аршин	475		
Последняя отделка	50		
Непредвиденные издержки (3% от 3000)	90	Всего	139.09.3
Всего	2 827	Во франках, всего	3·486.55

Разница в пользу *Лиона* — 659 франков 55 сантимов. Однако читатель, знакомый с последней книгой Тарле, быть может, вспомнит, что

[1] Девильe показывает тут, из какого расчета получается стоимость 8 унций пряжи: если фунт итальянской пряжи стоит 1 ф. 2 ш. 6 п., то следует учесть таможенный сбор, расходы транспорта до Калэ и др., которые он оценивает в 10 пенсов на фунт пряжи, и около 13 пенсов на фунт крученой пряжи (курс которой он принимает равным 1 ф. 3 ш. за фунт).

«англичане извлекали шелк-сырец из Бенгала и других своих азиатских владений» и что «это было дешевле, чем покупать сырец в Испании и Италии, как приходилось французам».

Посмотрим же по данным английского импорта шелкового сырья, какую роль играли бенгальские провенансы.

Объединяя данные de Teste'a [1], Devilliers [2] и «Journal des Tissus» [3] и дополняя их вычислением процентных отношений, получаем следующую табличку:

Табл. 4. Потребление шелкового сырья в Англии.

Годы	Провенансы	Фунты	%%
С 1/IV 1822 г. по 30/III 1823 г.	Все потребление шелкового сырья в Англии	2 353 365	100
	Индийского происхождения	1 215 005	51,6
	Итальянского »	875 442	36,9
	Других провенансов (Левант и др.)	268 018	11,5
В 1832 г. (по 5/I 1833 г.)	Весь английский импорт шелкового сырья	4 224 897	100
	Индийского происхождения	1 814 826	42,7
	Французского и итальянского происхождения	1 718 419	40,4
	Других провенансов	591 652	16,9

Отсюда видно, что индийские провенансы не только не играли решающей роли, но что роль их в *динамике* развития английского рынка шелкового сырья не выросла, *а упала* к 1832/33 г.

Обратимся теперь непосредственно к данным о французской и английской торговле шелком (экспорт-импорт).

Мы уже отметили неточность французской статистики экспорта. Цитированный выше Devilliers особенно резко высказывал свое недоверие к официальным данным, которые, по его мнению, не представляют иногда даже *одной трети* действительно экспортируемой стоимости [4]. Но для характеристики *отношений* эти недостоверные цифры все же пригодны, и после всего сказанного они не могут не иметь значения показательных иллюстраций.

Рассмотрим же терпеливо нижеследующие статистические таблицы, чтобы навсегда покончить с легендою об упадке шелкоткацкой промышленности в 1831 г.

[1] *De Teste*, op. cit., p. 133. [2] *Devilliers*, op. cit., t. II, p. 315.

[3] «Journal des Tissus», № 109.

[4] *Devilliers*, t. II, p. 248—249: «Nous ne pouvons donner de renseignements certains sur la valeur des soieries expediées par la France à l'étranger; nous ne pourrions pas même nous baser sur les comptes de la Douane française, parce que dans certains cas on ne déclare même pas la moitié ni le tiers de la valeur réelle de ces marchandises, une grande partie est expédiée sans déclaration de sa valeur».

Вот табличка, которая, при неточности абсолютных чисел, выразительно иллюстрирует движение *отношений*. Здесь сравниваются французские импорт и экспорт шелковых тканей *в стоимости* выражении, в миллионах франков.

Табл. 5. Французские импорт и экспорт шелковых материй [1].
(Commerce spécial, в миллионах франков)

	1827 г.	1828 г	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Импорт	1,7	1,8	2,3	2,8	2,4	3,6
Экспорт	115,3	115,4	111,1	111,1	119,3	106,8

Отсюда явствует, что за 6 лет, с 1827 г. по 1832 г., год первого лионского восстания был наиболее благополучным. Ясно также, что академик Тарле сделал большую ошибку, доверившись Baron'y, сильно преувеличившему значение импорта шелковых материй во Францию: достаточно сопоставить суммы импорта и экспорта в 1831 г. — 2 и 119 миллионов!

Однако, принимая во внимание замечание Девилье о значительном преуменьшении действительной *стоимости* экспорта в официальных данных французской таможни, рассмотрим другую, еще более детальную таблицу (6), где ввоз и вывоз французских шелковых материй дается в *весовом* выражении. Пользуясь тем же источником, что и при составлении предыдущей таблички, мы даем здесь *сводку* тех интереснейших данных, которые разбросаны на нескольких страницах «Tableau décennal» за 1827—1836 гг.

Табл. 6. Французский ввоз и вывоз шелковых изделий с 1827 по 1832 г. [2]
(Commerce spécial, в тысячах килограмм)

Наименование изделий	Импорт						Экспорт					
	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Чистые одноцветные материи	5,8	6,2	7,2	10,3	10,7	17,7	432	425	384	428	496	427
Чистые узорчатые ткани	0,1	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	151	141	134	146	137	136
» материи «брошэ»	—	—	—	—	—	—	7	3	4	2	1	3
«Брошэ», затканные серебром и золотом . .	—	—	—	—	—	—	0,4	2	2	2	1	1
Тоже, но затканные фальшивой отделкой	—	—	—	—	—	—	1	1	2	1	0,6	0,6
Тюль	—	—	—	—	—	—	12	10	10	8	5	4
Газ из чистого шелка .	0,03	0,05	0,09	0,08	0,03	0,03	12	8	10	11	9	7
Креп	ничт	ожн.	мал	ые ко	личес	тва	42	43	47	36	44	25
Всего	5,93	6,35	7,49	10,68	11,13	18,23	657,4	633	593	634	693,6	603,6

[1] Tableau décennal du Commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères, publié par l'administration des Douanes. I partie, p. LIII, LV.

[2] Tableau décennal, 1827—1836; I partie, p. 279—281; II partie, p. 723—774.

Таким образом, и здесь констатируется общее повышение экспорта шелковых материй в 1831 г. по сравнению с данными за предыдущие годы. И здесь обнаруживается ничтожность значения импорта по сравнению с экспортом.

Что же касается наблюдающегося с 1827 г. *роста* ежегодно импортируемых иностранных материй, то для правильного понимания приводимых данных следует иметь в виду общее экономическое значение 1827 г. Необходимо оговорить также тот бесспорный факт (подтверждающийся множеством свидетельств эпохи), что конкуренция по статье узорчатых тканей менее всего беспокоила лионцев.

Возможен и еще один способ оценки благосостояния шелкоткацкой промышленности в 1831 г. Присмотримся к тому месту, какое занимает вывоз шелковых материй в общей картине французского экспорта.

Табл. 7 должна показать нам то действительное отношение, в котором шелкоткацкое производство находится к другим отраслям французского народного хозяйства в 1827, 1829 и 1831 гг.

Таким образом, в сравнении с подавляющим большинством разнообразных и действительно *сократившихся* статей французского экспорта *увеличение* вывоза шелковых материй в 1831 г. приобретает особенно выразительное значение.

Используем, наконец, еще одно показание первоисточника эпохи — «Journal des Tissus». Вот какие данные *английского импорта* шелковых материй и лент мы здесь находим, притом *не в денежном выражении*, а *в весовом* [1]:

В 1827 г. таможенный сбор был взыскан со 115 278 фунтов шелковых изделий, в 1828 г. — 169 530 фунтов, в 1829 г. — 121 953 фунтов, в 1830 г. — 126 570 фунтов и в 1831 г. — 148 729 фунтов.

Ленты здесь составляют одну треть.

Французский же *импорт* (из Англии) в 1830 г. равнялся всего лишь 11 704 фунтам.

Думается, что по вопросу об иностранной конкуренции можно подвести итог. Ни германские страны, ни Швейцария, ни Англия к 1831 г. не создают еще *опасности*, которая бы хоть сколько-нибудь серьезно угрожала благополучию лионского шелкового производства или хотя бы в ничтожной степени могла быть объективной предпосылкой лионских событий.

На наш взгляд, конкуренция этого периода не заслуживает даже того вполне умеренного определения, которое в новейшей литературе о шелковом производстве дает почти никем не цитируемый Beauquis [2]. Боки считает, что конкуренция изучаемой эпохи была для Лиона всего лишь «ударом хлыста», энергическим стимулом, и не только в этот период, но еще в 1851 г. на Лондонской международной выставке «французское

[1] «Journal des Tissus», от 28 июня 1835 г.

[2] *Beauquis*, Histoire économique de la soie. Grenoble 1910. Ни Ballot, ни Тарле не цитируют этой книги.

Табл. 7. Вывоз шелковых материй в сравнении с экспортом других французских товаров в 1827, 1829 и 1831 гг. [1]

(Commerce spécial, в миллионах франков)

Наименование товаров	1827 г.	1829 г.	1831 г.
Шелковые материи и флерет	115,3	111,1	119,3
Бумажные ткани	46	52,1	54,6
Вина	47,2	47,5	32
Шерстяние ткани	26,9	30,4	27
Полотно	44	35,1	31,7
Спиртные напитки	22,3	26,1	11,9
Обработанная кожа	12,8	13,8	13,5
Мебель и поделки из дерева	13,5	10,5	9,7
Стеклянные, фарфоровые и глиняные изделия	10,8	11,6	8,4
Бумага и бумажные изделия	9,9	10,7	8,3
Марéна	7,4	6,1	6
Сахар рафинад	4,5	8	11,9
Лошади, мулы и др. породы скота	11,3	7,1	6,4
Белье и одежда	6,4	7,3	6
Парижские новинки	5,6	5,8	5,6
Парфюмерия	5,3	5,4	4,3
Часы	4,2	5,7	4
Выдубленная кожа	5,4	4,3	4,6
Зерно	8,6	4,6	5,7
Летучие масла	3,8	4,9	4,2
Яйца	3,8	3,3	3,2
Фрукты	4,2	3,3	3,1
Металлические изделия	3,5	3,6	2,6
Товар накладного серебра	3,1	3,5	2
Моды	2,2	2,5	1,6
Простое дерево	4,5	3,9	2,1
Ювелирные изделия	2,8	3,3	1,5
Фруктовый посевной материал	2,2	1,7	4
Соль	2,8	1,6	1,5
Обработанное золото	2,2	2,1	2,1
Оливковое масло	1,9	2,6	2,3
Медикаменты	1,3	1,8	1,4
Масличные фрукты	1,7	2	2,7
Мыло	1,6	1,4	1,6
Масло	2	1,9	1,8
Машины и станки	1,3	1,6	1,1
Лен	0,9	1,6	2,6
Солонина	1,4	1,5	1
Льняная и пеньковая пряжа	1	1,2	1
Патока	1,7	1,6	1,2
Краски	1,2	1,1	0,9
Ножевой товар	1,2	1,2	1,1
Сыр	0,3	0,3	0,3
Прочие товары	46	47	37

[1] Tableau décenal, 1837—1826, I partie, p. LV.

шелковое производство торжествует свое неоспоримое превосходство над всеми своими соперниками» [1].

Академик Тарле говорит в своей книге об опасениях лионского купечества потерять прежние позиции на лейпцигских и франкфуртских ярмарках. В действительности же дело обстояло так, что не только в период первого восстания, но и позднее, например на новогодней и пасхальной ярмарках 1834 г., положение лионских негоциантов было блестящим.

Конечно, здесь продавались и шелковые изделия Крефельда, Эльберфельда и Берлина. Но в той сумме *10 миллионов франков*, на которую было продано всеми вообще участниками торга, исключая Союз, доля французских шелков равнялась *двум третям* [2], т. е. около 7 миллионов франков.

Монополии французское шелковое производство не имело. Но ее не было и в эпоху Наполеона [3]. Жалобы на иностранную конкуренцию встречаются в архивных документах.

Итак, подводя итог нашему исследованию положения французского шелкоткацкого производства на международном рынке и конкретизуя вопрос необходимым различением выделки *одноцветных* и *узорчатых* тканей, следует признать, что ввиду обнаружившейся у некоторых стран тенденции специализироваться по выделке *известных* сортов *одноцветных* материй, а также ввиду проделываемых в Англии *опытов* (явление еще вполне частное в эту эпоху) машинизации производства [4], — перед лионскими негоциантами возникла очередная задача: позаботиться о том, чтобы *известные* сорта в категории *одноцветных* материй производились менее архаическим способом, так как если еще нет *никакой опасности* в данное время, то возможно, что она появится, если указанные тенденции приведут к серьезным результатам.

Но «лучше лежать, чем ходить» — лионские негоцианты предпочли избрать менее хлопотливый путь: удешевлять, сколько возможно, расценки и создать таким образом «Швейцарию» у себя под Лионом: кто не сумеет просуществовать в городе, — пусть выселяется в деревню.

*

[1] *Beauquis*, op. cit, p. 265 sq.: «...à l'Exposition internationale de Londres l'industrie française des soieries marque de solennelle façon une supériorité incontestable sur toutes ses rivales». Ср. также *Pikard*, Le Bilan, d'un siècle (1801 — 1900), t. VI, p. 367: «Ainsi la première moitié du siècle avait été une période de marche incéssante en avante»...

[2] «Archives du Commerce», t. 9, p. 219—222, сообщение о ярмарках 1834 г.; о Лейпциге: «...on évalue à 10 000 000 fr. les soieries de provenance autre que l'association, qui ont été mises en vente aux deux foires du nouvel an et de Pâques. Les $^2/_3$ au *moins* se composent des soieries françaises».

[3] Монополии не было и в XVIII веке. Ср. *Godart*, L'ouvrier en soie, p. 218 — 219. Ср. также ст. *Leroudier* («La décadence de la fabrique lyonnaise àlafin du XVIII-e siècle»— «Revue d'histoire de Lyon», t. X), который совершенно правильно утверждал, что «...si le XVIII-e siècle connut l'apogée de norte industrie, il en connut aussi la décadence rapide...»

[4] Собственно и здесь, в *Манчестере*, «присутствие паровых машин» (Тарле) в шелкоткачестве имеет в эту эпоху главное значение не для чистых *шелковых*, а для *смешанных* изделий (с бумагой, шерстью). Ср. *Devilliers*, t. II, p. 244.

Если не сокращение внешнего рынка, то два других обстоятельства могли, быть может, создать динамику упадка производства. Монфалькон ведь думал, что доказал сокращение внутреннего рынка. Нам представляется безнадежным доподлинное исследование этого вопроса. Экономисты знают, как трудно, даже в современных проблемах конкретной экономики Франции, установить динамику развития внутреннего рынка: никакой статистики внутренней торговли не существует. Поэтому аргументацию Монфалькона можно критиковать лишь с точки зрения применяемого им метода. А метод вовсе не совершенен.

В самом деле, Монфалькон основывает свой вывод о сокращении внутреннего рынка (как наиболее характерном и значительном явлении в истории французского шелкоткацкого производства в 1830—1831 гг.) на следующих вычислениях. С 1825 г. по 1827 г. сумма французского экспорта всех шелковых изделий равнялась 329 502 481 фр.; за тот же период импортировано (Францией) шелкового сырья на 105 434 975 фр. (отношение 2 985); с 1828 г. по 1830 г. сумма того же экспорта равнялась 465 293 893 фр., а шелкового сырья импортировано на 105 542 862 фр. (отношение 4 409); в 1831 г. сумма французского экспорта всех шелковых изделий составляла 179 349 213 фр., шелкового сырья за тот же год импортировано на 26 981 383 фр. (отношение 6 647).

В растущей диспропорции отношений он и усматривает основание для своего вывода. Но не говоря уже о той неудовлетворительной условности, с какой, вообще говоря, могут быть приняты цифры, характеризующие *весь* шелковый экспорт (т. е. не только *материи*, но и ленты, составляющие главную статью вовсе не лионского, а сент-этьенского производства [1], — приведенный расчет Монфалькона лишается своего значения, потому что тут игнорируется роль туземного сырья.

Как выглядит кривая сбора коконов и производства шелковой пряжи в самой Франции за эти годы? Архив не дает точного ответа на этот вопрос. Так, в «Renseignement sur l'ouvraison des soies», имеющемся в картоне F^{12} 2390, прямо сказано, что «il n'existe dans les bureaux de 1-ière division (Министерства торговли) aucuns documents sur l'importance de la production et de l'ouvraison des soies en france (sic) pendant les dernières années qui viennent de s'écouler». (Слова эти были написаны приблизительно в 1827 г.)

De Teste, специалист в вопросах торговли шелком, признается, что ни сбор коконов, ни производство пряжи ему точно не известны. Девилье дает таблицы французского экспорта-импорта шелкового сырья, обнаруживающие очень незначительную разницу в годовых количествах

[1] Между тем, сент-этьеннское производство стояло настолько вне всякой опасности иностранной конкуренции, что это совершенно открыто признавала сама Совещательная палата г. С.-Этьена; так, в Нац. арх. в F^{12} 2298 мы находим соответствующее «Extrait des délibérations», констатирующее, что «les rubans de cette fabrique de St. Etienne conservaient encore leur supériorité sous le double rapport des prix et de la bonne confection». Документ относится к 1829 г.

вывоза этого сырья в 1830 и 1831 гг. Средний же экспорт за трехлетие 1828—1830 гг. относится к экспорту 1831 г. (французского шелкового сырья), как 633 к 705.

Остается рассмотреть последнее возможное затруднение, наличие которого могло создать угрожающую конъюнктуру.

По условиям лионской архаической организации производства подобное затруднение могло бы возникнуть только в связи с большей или меньшей *дороговизною* сырья. Академик Тарле совершенно определенно утверждает, что «экономить в производстве на сырце было невозможно, — *сырец, напротив, все дорожал*» [1]. Не трудно, однако, убедиться в ошибочности этого утверждения. Ure в своей «Philosophie des manufactures» дает следующие средние цены шелка-сырца в Севеннах в период урожая [2]:

В 1822 г.	31	фр.	—	сант.	за фунт	alaise
» 1823 »	22	»	25	»	»	»
» 1824 »	23	»	—	»	»	»
» 1825 »	28	»	—	»	»	»
» 1826 »	25	»	—	»	»	»
» 1829 »	23	»	—	»	»	»
» 1830 »	22	»	50	»	»	»
» 1831 »	20	»	50	»	»	»

Tapiès [3] дает такие цены на грежу (за кило): 1810 г. — 45 фр. 10 сант.; 1818 г. — 77 фр. 70 сант.; 1828 г. — 45 фр. 40 сант. De Teste [4], который пишет перед 1830 г., считает, что обычная цена сырца — 20 фр. за фунт.

Таким образом, французский *сырец* подешевел, а не вздорожал с 1822 г. по 1831 г. Французское же сырье — приблизительно половина всего потребляемого в национальном ткацком производстве шелкового сырья, *а сырец* идет не только в уток ткани, но для некоторых изделий и в основу. Отчет Лионской торговой палаты констатирует удешевление крученого шелка с января по февраль 1826 г. с 46 фр. до 40 фр. за фунт. В дальнейшем в ближайшие месяцы падение цен продолжалось до апреля (37—36 фр. за фунт); в декабре того же года органзин стоил 36—37 фр. [5].

За ноябрь — декабрь 1828 г. отмечались такие цены [6]: пьемонтский органзин — 39 фр., пьемонтские др. сорта — 35 фр. 50 сант. и 40 фр. Для более раннего периода имеется указание Боки [7]: в 1814 г. органзин котировался 30—32 фр. за фунт. Цены на грежу и органзин, с очень важным для нас сравнением 1831 г. с предшествующим и последующим периодами, находим также в новейшей локальной монографии о департаменте Ардеш. Reynier, автор этой превосходной работы, сообщает, что цены на

[1] *Тарле*, цит. соч. стр. 236.

[2] *Ure*, Philosophie des manufactures», t. II, p. 377.

[3] *Tapiès*, La France et l'Angleterre. 1845; на стр. 389 назв. соч.

[4] *De Teste*, op. cit., p. 47.

[5] Нац. арх. F[12] 2293, цит. отчет Лионской торговой палаты за 1826 г.

[6] «Indicateur du commerce et de l'industrie» № 128 — 7/XII.

[7] *Beauquis*, op. cit., p. 272—273.

грежу поднимались с 40 фр. в 1812 г. до 68 фр. в 1815 г. и до 80—82 фр. в 1817 г. В годы же 1820—1821 и *1831—1832* цена грежи падала ниже 50 фр. Крученая же пряжа расценивалась около 54 фр. в 1831—1832 гг., между тем как в 1817 и 1836 гг. цена на нее поднималась до 89 фр., а в 1818 г. — даже до 95 фр. [1].

По нашим данным, цены на органзин в 1831 г. колеблются в зависимости от места; средние цены в департаментах: Ардеш — 53 фр. 55 сант., Устьев Роны — 47 фр., Гар — 50 фр. 50 сант., Эро — 48 фр. 50 сант., Изер — 57 фр. 15 сант., Вар — 54 фр., Воклюза — 47 фр. 62 сант., Дрома — 51 фр. [2].

Наконец, отметим еще тот факт, что в 1833 г., через два года после восстания, цены на органзин по сравнению с 1831 г. *вздорожали*: Ардеш — 67 фр. 83 сант. против 53 фр. 55 сант., Устьев Роны — 56 фр., Гар — 62 фр. 35 сант., Изер — 69 фр., Воклюза — 69 фр. 40 сант., Дрома — 62 фр. 50 сант. [3]. Между тем «Journal des Tissus» отмечает в июне 1833 г. не только *не понижение* расценок, как можно было бы ждать, следуя методу Тарле, но, напротив, *увеличение* их до двойного размера по сравнению с 1831 г., причем автор заметки не без иронии вспоминает знаменитый «тариф», «невозможный» и «невыполнимый», по мнению «фабрикантов», который через два года оказался превзойденным на целую треть [4].

*

Рассмотрим теперь то отношение, которое характеризует Лион в сопоставлении его с другими центрами шелкоткацкого производства во Франции. Для примера остановимся на г. Туре.

Из неиспользованных источников по этим вопросам укажем прежде всего на отчеты Турской торговой палаты [5]. Турское шелкоткацкое производство тем более для нас интересно, что это не только центр преимущественно *ленточного* производства, как, напр., Сент-Этьенн, но именно производства шелковых материй. Тур с успехом выдерживает конкуренцию с Лионом. Для внутреннего рынка здесь выделываются декоративные ткани (для мебели, церковных украшений). Так называемый станок Жаккарда мало пригоден для этого производства. Как технически, так и экономически турское шелкоткацкое производство — стабильно: число рабочих почти не изменилось с 1814 г.; не упали, если только не повысились, и заработки рабочих. Что касается внешнего рынка (Германия, Голландия), то *конкуренция англичан нимало не беспокоит* турских негоциантов (пи-

---

[1] *Reunier*, La Soie en Vivarais. Largentière 1921 (на стр. 82).

[2] Нац. арх. F[12] 2390. [3] Ibid.

[4] «Journal des Tissus» № 2 от 9 июня 1833 г. «Dans ce moment et depuis longtemps, les ouvriers sont payés le double de ce qu'ils gagnaient à l'époque de leur révolte en novembre, ce qui fait un tiers plus que d'après le tarif impossible, inexecutable, qu'ils avaient demandé à cette époque».

[5] Нац. архив, F[12] 2293, досье «Chambre de Commerce de Tours», 1824.

шется в 1824 г.) — по их мнению, из *бенгальского* шелкового сырья никогда не выйдут такие красивые изделия, как у них. Одна беда — это необходимость обращаться к посредничеству парижских комиссионеров, des principaux marchands ou commissionnaires de Paris, на мошенничество которых и жалуется тут Турская торговая палата. Но вот наиболее ценный штрих сравнения. Турское производство отнюдь не подвержено бедствию варьирования сдельных расценок в зависимости от большей или меньшей емкости рынка. Число турских рабочих ограничено, и каждый «фабрикант» вынужден устраиваться таким образом, чтобы всегда удерживать за собой своих рабочих. И вот между негоциантами установилось молчаливое соглашение: не увеличивать и не уменьшать расценки (как это делалось в Лионе) в зависимости от большего или меньшего оживления в делах [1], т. е. примиряться с временным понижением доходов.

Таким образом, та «фаталистическая» точка зрения, которую высказывает Тарле, говоря о возможной передышке для лионских рабочих («Тариф, будь он хоть временно осуществлен, дал бы передышку лионским рабочим, но им в этой передышке было судьбою отказано» [2]), лишена оснований: не судьба-злодейка отказывает лионским рабочим, а не симпатизирующие какой бы то ни было передышке в извлечении доходов капиталисты.

*

Цитированный выше «список убитых и раненых» обнаружил участие в восстании не только одних рабочих-ткачей, но также и других профессий. Уже одно это обстоятельство оправдывало бы более широкую постановку исследования экономической жизни Лиона. Но и независимо от того подобную задачу обусловливают другие мотивы. Алязар, а вслед за ним и Тарле подчеркивают значение внутренней конкуренции в среде самих фабрикантов. Тарле сообщает о низкой норме учетного процента. Как и почему развивались эти явления? Ответить сможет только исследование поставленного в этом разделе вопроса.

Отчеты Лионской торговой палаты за 1825 и 1826 гг. проливают свет на многие явления, смысл которых до сих пор был непонятен. Как оказывается, лионский край переживает в эпоху Реставрации ряд серьезных экономических метаморфоз. Падает значение Лиона как рынка хлопчатобумажного сырья. Когда-то оживленная и обширная торговля полотнами и сукном сделалась теперь второстепенной: потребители (юг Франции) стали обращаться непосредственно в центры производства (на север), и посредничество потеряло почву [3].

[1] Нац. арх., F^{12} 2293. «...chaque fabricant s'arrange de manière à soutenir les siens, n'ayant pas, comme à Lyon, la facilité d'en retrouver au besoin. Il en résulte une sorte d'accord tacite»... «et l'habitude de ne pas augmenter ou diminuer suivant le plus ou moins d'activité de la vente».

[2] *Тарле*, цит. соч., стр. 247.

[3] Нац. архив F^{12} 2293. Отчеты Лионской торговой палаты (1825 г.) «Aujourd'hui les consommateurs ont pris l'habitude d'aller eux-mêmes pour puiser aux sources de production et les commerces intermédiaires ont en grande partie disparus».

«Столь процветавшее» в прошлом шляпное производство, которое соперничало «по богатству и доходности» даже с шелкоткацким, утратило почти всякое значение [1] для Лиона,— другие страны уже усвоили эту промышленность; но в особенности же гибельна оказалась внутренняя конкуренция и более всего — успехи Парижа, диктующего моду. Впрочем, в этот период в Лионе все еще существуют 250 мастерских, где работают 2 400 рабочих со средним заработком 3 франка в день. Из всего годового производства 340 000 шляп экспортируются только 6 000—7 000.

Торговля колониальными товарами ограничилась сферою местного рынка. Постепенно упала и торговля железом; довольно выгодная в прошлом, теперь она разделяет участь других видов торгового посредничества.

Изменилось и значение винной торговли: Шалон-на-Соне отнял у Лиона значение оптового рынка для вин южного происхождения, а вина для северной Франции, Бельгии и Голландии пошли морским путем

Таким образом, прованские и лангедокские вина продаются почти только в пределах местного потребительского рынка; лионским же негоциантам остается лишь роль банкиров, снабжающих «фондами» виноторговцев юга и Бургундии.

Упала и крупная оптовая торговля хлебом: Лангедок и Прованс, спимавшие раньше товарный хлеб с рынка Бургундии и Бресса через посредство Лиона, не имеют уже в этом никакой нужды. Перемена объясняется тем, что Лангедок удовлетворяется собственным урожаем, Прованс же снабжается Бретанью, выбрасывающей хорошие сорта по более низким ценам.

Все отмеченные явления продолжают развиваться и после 1825 г. Как видно из доклада министру внутренних дел (проект доклада зачитывался на заседании 1 марта 1827 г. председателем Лионской торговой палаты Mottet), некоторые тенденции еще более обострились. Председатель торговой палаты считает, что торговые сделки в торговле хлопком и бумажной пряжей упали по сравнению с 1825 г. Полотняная торговля почти прекратилась; нет никаких перспектив оживления шляпного производства; между тем рабочие организовали свои кассы и приобрели возможность бороться за уровень заработной платы. Характерна, однако, заключительная часть доклада: председатель Палаты далек от безнадежного пессимизма и, возлагая надежды на мудрость правительства, которое легко может оживить край постройкой железной дороги, бодро смотрит на грядущее будущее.

Не может быть двух мнений о значении цитированных документов. Теперь становится понятным низкий уровень учетного процента в Лионе: капитал, высвободившийся из целого ряда отраслей промышленности и торговли, давил на местный денежный рынок. Сверх указанных причин большое значение в подобной обстановке приобретал еще и тот факт, что

[1] Ibid.: «...chapellerie... est presque entièrement perdue pour nous».

прядильщики и крутильщики шелка (т. е. сфера «шелкопрядения») настолько к этому времени обогатились, что перестали уже обращаться к лионским негоциантам за авансами. Между тем лионские капиталисты, в отличие от парижских, не спекулировали на биржевой игре, так что известный кризис эпохи нисколько не ослабил полнокровия лионского денежного рынка [1].

Становится понятным и феномен обострения внутренней конкуренции в шелкоткацком производстве, которое в подобных условиях должно было, конечно, привлечь к себе и часть свободных капиталов, и переменивших свою профессию посредников, и часть тех ремесленников и рабочих, безработица которых в «своих» производствах толкала к прибежищу немудренного производства *одноцветных*, точнее — *некоторых* сортов одноцветных тканей.

Таким образом факт известного усиления внутренней конкуренции в самом лионском шелкоткацком производстве представляется несомненным. Но значение этого факта необходимо ввести в надлежащие пределы. Мы должны теперь остановиться специально на вопросе о развитии лионского шелкоткацкого производства *перед восстанием*.

Если цитированные отчеты Торговой палаты дают представление об общих условиях, благоприятствовавших росту внутренней конкуренции в среде самих лионских «фабрикантов», то другие документы особенно четко обнаруживают пути и формы, в которых эта конкуренция развивалась. За два года до восстания «фабриканты шелковых материй» представили Сен-Крику большой мемуар [2].

Здесь очень подробно излагается то явление, на которое в новейшей историографии обратил внимание еще Алязар [3]. Имеем в виду так называемый «piquage d'once» — «странное выражение» — «expression bizarre», признает сам автор цитируемого мемуара.

Под этим термином подразумевались в широком смысле все неблаговидные проделки с шелковой пряжей; удерживалось ли это драгоценное сырье производителем ткани как излишек, который он сумеет съэкономить при выделке заказанного куска ткани и полагает законным (*обычай* вполне это оправдывал) оставить в свою пользу; выгонялось ли оно в «остаток» *красильщиком* путем законных или незаконных химических приемов; продавалось ли или скупалось по дешевке такое (всегда, в глазах «фабрикантов», «ворованное») сырье; производились ли из этого сырья ткани, продаваемые по

[1] Ibid., в первом отчете: «notre place s'est trouvée en dehors de la crise commerciale — aucun discrédit n'a atteint nos négocians».

[2] Нац. арх. F^{12} 2293, большая (62 стр.) рукопись, датированная 4/XII 1829 г.; подписана членами анкетной комиссии, избранной на общем собрании «фабрикантов» шелковых материй.

[3] Алязар касается этого явления именно в связи с историей восстания 1831 г. Но, как явствует из ценного исследования Metzger'a, *piquage d'once* широко практиковался еще и в XVIII веке (Ср *P. Metzger*, Etude historique et juridique sur le piquage d'once à Lyon au XVIII-e siécle. — «Revue d'histoire de Lyon», 1912).

«бросовым», удешевленным ценам, — все охватывал и определял термин «piquage d'once». Что многие считают «piquage d'once» явлением обычного права — не скрывают и сами авторы мемуара. Конечно, это не мешает «фабрикантам» горячо протестовать. Они оценивают свои потери от «piquage d'once» по меньшей мере в 5—6% (сырья), а приток конкурирующих материй, вырабатываемых из такой пряжи, измеряется суммою в 3—4 миллиона франков (обычной рыночной стоимости такого количества изделий, в действительности же продающихся много дешевле). Авторы мемуара придают «piquage d'once» настолько крупное значение, что уделяют ему 12 страниц, договариваясь в конце концов до просьбы создать специальную статью уголовного кодекса, которая бы рассматривала «piquage d'once» как домашнюю кражу.

Касаясь положения рабочих, члены анкетной комиссии, составлявшие цитируемый мемуар, открыто признают, что *расценки не могут быть понижены:* «надо же, чтобы ремесленник смог просуществовать на свой заработок». («Les prix des façons que reçoivent actuellement nos ouvriers ne peuvent être réduits. Il faut que l'artisan puisse vivre du salaire de son travail»). И тут для авторов мемуара «удобный» переход к другому вопросу — об октруа как одном из источников дороговизны жизни. Таковы жалобы и desiderata лионских «фабрикантов». Об их устремлении к южно-американскому рынку писал уже академик Тарле, и мы здесь не будем останавливаться на этом вопросе.

Оценить важность подобных жалоб и взвесить значение пресловутой конкуренции внутри Лиона помогает дальнейшая переписка. Мы имеем ответ французского правительства. Мемуар фабрикантов шелковых материй тщательно изучался. Но, сравнивая положение шелкоткацкого производства с состоянием *других* отраслей текстильной промышленности, правительство прямо указывает на преимущество Лиона: «за последнее время» «не было недостатка спроса» на изделия лионских мастерских (черновик ответа датирован 6 августа 1829 г.); правительство *уверено*, что лионское производство далеко от того, чтобы более других страдать от переживаемых трудных обстоятельств [1]. Что же касается цифровых данных о piquage d'once, то правительство не только нимало не задумалось над созданием особой статьи уголовного кодекса, но использовало цифры мемуара лишь для того, чтобы отечески внушить лионским «фабрикантам» сознание отсталости организации их производства: потери от piquage d'once обходятся лионцам не дешевле, чем стоила бы амортизация больших мастерских со специальным надзором за работой.

Какое впечатление произвел этот ответ в Лионе и когда он был получен, — нам неизвестно. Но весьма характерно, что сохраняющийся в том же картоне самый поздний мемуар (адресованный графу Монталивэ), датированный 30 декабря 1830 г. (т. е. уже после июльской революции), далек

[1] Нац. арх. F[12] 2293, на бланке Министерства торговли Guérin — Philipon'y, председателю совета Прюдомов.

от прежнего многословия: *ни о какой иностранной конкуренции тут нет и речи*; правда, снова жалуются на piquage d'once, но уже «без души» и на-ряду с таким техническим вопросом, как неудовлетворительность существующей системы номерации (мотки) пряжи.

Мы подошли к кануну лионских событий.

Что революция 1830 г. в первое время потрясла и осложнила экономическую жизнь Франции, в этом не может быть никаких сомнений. «Революция 1830 г. имела тот бесспорный результат, что немедленно приостановила обращение капиталов, задержав движение сделок в торговле и земледелии, а равно и во всех отраслях промышленности», — так писал об этом коммерсант Аристид Перейр в своем мемуаре [1]. Но, конечно, не эти несколько месяцев определяют события осени следующего года, и для правильной постановки вопроса — что было накануне восстания, *упадок* или *подъем*?—хронологически ограничимся еще теснее.

Мы уже видели, что литература или вовсе не ставит подобного вопроса, или отвечает указанием на *безработицу*, *недостаток сбыта*.

Такое освещение не оправдывается ни дедукцией, ни исследованием документов.

Борьба рабочих за тариф происходит на подъеме производства. У фабрикантов было достаточно заказов, и рабочие были *заняты* работой. «Рабочие, видя что фабриканты получили заказы и что все они заняты в производстве, но по низким сдельным расценкам, собрались в октябре, чтобы обсудить, какими средствами заставить увеличить их заработки» [2]. Так писал негоциант Буше в интереснейшем «Exposé sur la manufacture de Lyon», — мемуаре, датированном *10 ноября* 1831 г., т. е. за несколько дней *до* восстания.

Буше — крупный торговец шелковым *сырьем* на парижском товарном рынке; таким образом, у него нет непосредственной *заинтересованности* в конфликте, возникшем между лионскими «фабрикантами» и производителями шелковых тканей, и вместе с тем двадцатилетний опыт этого коммерсанта достаточно рекомендует его компетентность.

Ниже мы еще вернемся к другим ценным замечаниям Буше, пока же заметим, что цитированное указание повторяется и в другой его рукописи, написанной уже *после* восстания, а именно 18 декабря 1831 г. Обращаясь с письмом к депутату департамента Сены, он просит довести до сведения министра, что истинные причины событий остались вовсе не раскрытыми

---

[1] Нац. арх., F[12] 2500.

[2] Нац. арх. F[12] 2390. Досье с мало обещающей «рубашкой» — «Soie. Objet d'un interêt général pour cette industrie. Seine. M. Boucher à Paris, 1831 à 34, propose l'établissement d'une école pratique de l'industrie sétifière» — находится в массе других архивных документов, классифицированных как Inventions diverses; в цитируемом мемуаре Буше пишет вполне определенно: «...les ouvriers voyant que les fabricans avaient des commissions et qu'ils étaient tous occupés, mais à des bas prix de façon, se sont réunis en octobre dernier afin d'aviser aux moyens de faire augmenter les salaires» (стр. 4—5 первой рукописи Буше).

в речах с трибуны, и в этой специальной связи еще раз подтверждает, что «каждый рабочий имел больше работы, чем мог бы справиться по своим силам». «Кредит совершенно восстановился», появилось «изобилие денег». Но, тем не менее, за повышением спроса и при общем оживлении промышленности не последовало повышения сдельных расценок для рабочих *одноцветных матерій*.

Послушаем другой источник — мемуар *бывшего* «фабриканта» шелковых материй, уже за несколько лет перед восстанием отстранившегося от промышленности и торговли и претендующего на полную беспристрастность. Пишется под свежим впечатлением — мемуар датирован 26 ноября 1831 г. [1]. Морель — автор этого мемуара — с полной откровенностью пишет министру о трудностях положения тех рабочих, которые заняты в производстве *легких одноцветных* материй. Особенно тяжело становится в периоды отсутствия заказов, что и было частью в истекшем (1830) г. [2], когда рабочие «съели» всю экономию за предыдущее время. Но перед восстанием отнюдь не было подобной ситуации: работа была; только она низко оплачивалась [3]. И далее почти буквальное совпадение с показанием Буше: «Рабочие, видя, что имеются заказы на ткани и что [в то же время] не увеличиваются их расценки», решили, что «фабриканты» хотят обогатиться за их счет.

Итак не только рассмотренные статистические данные о положении шелкоткацкого производства на международном рынке, но и прямые показания современников событий убедительно подтверждают, что не упадок, а *подъем* промышленности характеризует предшествующий восстанию период.

Но если положение на внешнем рынке было скорее блестящим, чем угрожающим; если сокращение внутреннего рынка (значение которого, во всяком случае, не выходило из пределов 25—30% всего шелкового товарооборота) к *осени* 1831 г. было уже гораздо менее вероятным (документы самих «фабрикантов» молчат об этом), чем в 1830 г.; если, с другой стороны, не существовало и серьезных затруднений на рынке шелкового сырья; наконец, если даже давление внутренней конкуренции в самом Лионе не нарушило привычного равновесия рутины, все еще не побудив лионских «фабрикантов» к организационной перестройке их производства, — то какие же мотивы заставляли их итти на конфликт?

Будем здесь различать два момента: поведение капиталистов *до* движения в пользу тарифа и роль их после того, как этот тариф был принят, вплоть до восстания рабочих.

Хотят ли они этого или нет, но два свидетеля эпохи отчетливо формулируют классовую волю лионских капиталистов. Один из свидетелей — знако-

[1] Нац. арх., F[12] 2293, рукопись in 4°, p. 16. J. Morel — министру графу д'Аргу.

[2] Ibid., цит. рукопись.

[3] Ibid., цит. рукопись. «Mais ce n'était point le cas actuel — il y avait de l'ouvrage: seulement il n'était pas assez payé».

мый уже нам Буше, другой — Brière Vallée. Буше только de Teste'y уступил бы по ясности и откровенности признания того непосредственного превосходства, которым обладало французское шелкоткацкое производство на международном рынке. В своих мемуарах он констатирует не только *полное* отсутствие опасности для лионского производства *узорчатых* материй, но и в производстве *одноцветных* тканей он выделяет все богатые сорта. Буше отлично знает, что «la vaste Amérique recherche et préfère à juste titre nos produits». Между тем и Буше без юмора пишет о проекте создания «Швейцарии» под Лионом: пусть власти соберут наиболее просвещенных «фабрикантов», последние изберут делегатов, которые наметят в районе 5—15 лье от города обетованную землю, где жить дешево и привольно; останется «лишь» переселить на эту землю наиболее страдающую часть рабочей силы. Счастливая идея обдумана во всех деталях, — пред усмотрены даже способы раздачи пряжи.

Зачем же прибегать к подобной мере, если дела лионских «фабрикантов» и без того не плохи?

Очень просто. Французский шелковый экспорт почти ограничивается вывозом *богатых* сортов материй и лент. Если бы удалось удешевить производство также и тех одноцветных тканей, которые выделываются в Германии, Швейцарии и даже Англии, то можно было бы экспортировать на 200 миллионов франков! [1]. Конечно, 200 миллионов лучше, чем 150.

Вот почему, даже на фоне повышенной рыночной конъюнктуры, лионские «фабриканты» удерживали низкий уровень расценок, особенно же для *соответствующих* сортов *одноцветных* тканей. И «если бы» (!) «фабриканты» смогли еще более этот уровень понизить, — «продажа их одноцветных материй удвоилась бы или утроилась», как наивно пишет Буше.

Но прозаическая действительность разбила эту — без метафоры — золотую мечту: рабочие добились повышения расценок; новый, так называемый единый тариф — худо ли, хорошо ли — *был принят*.

Присмотримся теперь к поведению «фабрикантов» в период наиболее обостренных отношений, в октябре — ноябре 1831 г., от подписания тарифа до восстания рабочих.

Надо отдать справедливость, отношение лионских капиталистов к новому тарифу не было огульно-отрицательным. В самом деле «фабриканты», деятельность которых была больше связана с выработкою *узорчатых* материй, могли искренно симпатизировать вновь предложенным расценкам, так как в этой области прежние ставки почти не изменились. Сам Буше, сторонний наблюдатель, считает, что принятие тарифа — все же выход из положения: все вновь принялись за работу, и достигнутое соглашение представляется ему очень счастливым. Но *идея* тарифа и применение его в целом — более чем оскорбление золотой мечты об «утроении» экспорта!

[1] Нац. арх., F[12] 2390, там же, приложение к первому мемуару.

Это — грубый анахронизм, кричаще противоречащий лозунгу эпохи — «обогащайтесь!»

Тариф затронул *классовые интересы* капиталистов, сразу после Июльской революции почувствовавших себя «солью земли».

Буше боится за будущее — его пугает в истории с тарифом значение прецедента. Еще ярче высказывается другой мемуар эпохи. Имеем в виду записку Brière Vallée (на имя министра торговли), написанную под непосредственным впечатлением событий: мемуар датирован 29 ноября 1831 г. Здесь уж прямо выражена та мысль, что тарифы «могут иметь самые бедственные последствия как в политическом, так и экономическом отношении»[1]. В «политическом» отношении именно потому, что часто случается варьировать расценки; отныне же придется иметь дело уже не с каждым рабочим поодиночке, а с *организованным целым*, вступающим в борьбу с классом капиталистов, а это может привести к самым серьезным последствиям. В отношении же экономическом (в подлиннике — «промышленном») возникает неудобство единообразной оплаты; не удастся поощрять более старательных рабочих. Ясно, что речь идет о «штрейкбрехерской» старательности тех рабочих, которые способны были бы согласиться на пониженные расценки, так как ничто не ограничивало подлинную старательность выбивающегося из сил ткача, кроме физических условий работы и пределов самого заказа: оплата была не поденной, а сдельной.

Но здесь мы подошли к самостоятельному, большому вопросу о положении рабочего класса в Лионе.

III

Положение рабочего класса в Лионе в эпоху Реставрации и накануне восстания.

Восстание — не что иное как революционная разрядка скрытого классового противоречия. Поскольку противоречие развивается, по меньшей мере, из двух элементов, — исследованию и подлежит роль их обоих. Причины, побуждавшие лионских «фабрикантов» итти на конфликт до конца, т. е. по-своему организовать восстание, теперь определились. Но движение другого элемента — развитие революционных настроений рабочих — едва лишь затронуто в нашем тексте.

Характеризуя выше положение вопроса в литературе, мы констатировали существующую традицию изображать положение лионских ткачей наиболее бедственным в эту эпоху; исследователи менее всего заботились проследить *динамику* ухудшения материальных условий, но ставили вопрос о положении ткачей, как наиболее тяжелом в этот период, именно *статически*. Такая установка приводит к аберрации не только

[1] Нац. архив, F^{12} 2293. Brière Vallée — министру торговли. «Ils (т. е. тарифы) peuvent avoir les plus funestes effets sous le rapport politique et sous le rapport industriel. Sous le rapport politique en ce qu'il arrive souvent des variations de prix dans la main d'oeuvre; dès lors on n'a plus à faire à des ouvriers individuellement, mais à un corps organisé qui cherche à lutter contre la classe des manufacturiers».

непосредственно в лионской проблеме, но и в понимании общего значения эпохи.

Постараемся же, сколько возможно, шире исследовать вопросы: 1) материального положения рабочих (реальная заработная плата), 2) затраты их рабочей силы (продолжительность рабочего дня) и 3) санитарных условий производства.

Характер организации шелкоткацкой промышленности Лиона требует, как было уже установлено выше, диференциации вопроса о положении ткачей; есть хозяева и хозяева мастерских; есть наемные рабочие и ученики. И говорить об этой пестрой массе, как о лионских рабочих «вообще», — значит безнадежно запутывать исследование вопроса.

О продолжительности рабочего дня хозяев мастерских говорят стоящие совсем близко к 1831 г. цитируемые у «философа промышленности» Lettres de Falconnet et de Charnier— письма двух «главных» ткачей доктору Bowring'у.

Ткачи-хозяева начинают свой день между 5 и 6 часами утра и заканчивают в 8 часов вечера, т. е. работают около 14 часов, *считая и время отдыха*. Поденщик-компаньон работает больше: получасовой отдых при 16—18-часовом рабочем дне [1]. Сам автор «Философии промышленности» подчеркивает крайнюю непостоянность условий шелкоткацкого производства: работают то 20 часов в день, то вовсе сидят без работы [2].

Конечно, здесь констатированы крайне тяжелые условия труда. Но был ли это «самый продолжительный день, чем почти всюду во Франции», как писал Тарле? Мы видели выше, что в хлопчатобумажном производстве *дети* с семилетнего возраста работали с получасовым перерывом 17 часов в день, причем выходить из дому приходилось в 3—4 утра, а возвращаться лишь к 10—11 часам вечера. Но «*иногда*» и они работают по 48 часов почти без перерыва. Фабричные ткачи работали до 12 и 1 часу ночи. Таким образом, несомненно, что в хлопчатобумажной промышленности был более продолжительный рабочий день.

Что касается санитарных условий производства, то Тарле некстати цитирует Виллерме, утверждавшего «вполне категорически», что легочная чахотка косит женщин, занятых «в первоначальной стадии работы над коконами». Лион, это—центр *шелкоткацкого* производства, и «работа над коконами», составляющая первую ступень так называемого «*шелкопрядения*», ни в какой мере не была для этого города характерна. Цитированный выше Gerspach был знаком и с лионской социально-экономической жизнью, но он лишь вскользь касается профессиональных заболеваний ткачей шелковых материй

В характеристике же санитарных условий *хлопчатобумажного* производства он особенно сильно подчеркивает распространенность чахотки

[1] *Ure*, Philosophie des Manufactures, p. 392—395.

[2] Ibid. «La fabrication des soieries à Lyon est extrémement variable tantôt les ouvrie sont sans ouvrage, tantôt ils travaillent 20 heures par jour».

как верного результата работы на фабрике, сообщая при этом, что лично знал рабочих, спасавшихся от страшного бича бегством с фабрики в деревню.

Более подробные данные о профессиональной заболеваемости лионских ткачей следовало искать не у Виллерме, а у *Патисье*, получившего для своей книги [1], написанной еще задолго до восстания, специальную статью Монфалькона. Ценный *сравнительный* материал (по Англии) дает Thackrach [2], использовавший также и данные Патисье-Монфалькона о Лионе.

По данным этих наблюдателей, картина профессиональной заболеваемости в шелкоткацком производстве представляется в следующем виде:

Дети, занятые на так называемых вспомогательных работах, от недостатка свежего воздуха приобретают золотуху и худосочие [3].

Подростки, вынужденные вращать мотовило для смотки пряжи *рукою*, страдают деформацией органов и рахитом. *Женщины*, работающие стоя и постоянно повышающие голос вследствие значительного шума в мастерской, расположены к горловым заболеваниям, болезням желудка, расширению вен и воспалениям легких. *Мужчины* особенно подвержены заболеваниям лимфатических путей; в молодости и в детстве — они жертвы лимфатических опухолей и рахита, болезней позвоночника и, между прочим, *довольно редко — чахотки* [4].

Обратимся теперь к исследованию вопроса о жизненном уровне лионских рабочих (преимущественно ткачей). Здесь, поскольку речь идет о шелкоткацком производстве, следует резко различать не только хозяев мастерских и «компаньонов», но также и профессиональную специальность ткачей. Около 20% рабочих были заняты выделкою *узорчатых* материй. Проиллюстрируем же сначала ряд общих показаний по интересующему нас вопросу, а потом специально исследуем стоимость жизни в Лионе.

Уже знакомые нам Фальконнэ и Шарнье, писавшие доктору Bowring'у о продолжительности рабочего дня, характеризуя положение хозяев мастерских, говорят о завтраках, обедах и ужинах в auberge, с полулитром вина к столу. «Компаньоны» столуются чаще всего у своих хозяев из расчета 45—50 фр. в месяц [5], с четвертью литра вина в день. Что касается учеников, их рацион фиксируется советом Прюдомов.

Номинальная заработная плата выражена неясно: не более 1 фр. 50 сант. в день. Цитированный выше мемуар Vallée [6] говорит о «едва *одном* франке» для рабочих, производивших *одноцветные* ткани, и о *трех-четырех* франках в день для работающих на так называемом станке Жаккарда. Буше в своей записке депутату Сены писал о 6—7 фр. дневного заработка ткача *узорчатых* материй, существовавшего как до движения в пользу тарифа, так сохранившегося и после ноябрьских событий.

---

[1] *Patissier*, Traité des maladies des artisans et de celles qui résultent des diverses professions, d'après Ramazzini. Paris 1822.

[2] *Thackrach*, The Effects of arts etc. London 1832.

[3] *Patissier*, op. cit., p. 396. [4] *Patissier*, op. cit., p. 398.

[5] *Ure*, op. cit., t. II, p. 393. [6] Нац. арх., F^{12} 2293.

Morel [1] сообщает очень ценный расчет той расценки, по которой оплачивалось производство *самых дешевых* одноцветных материй: 8—10 су за аршин (aune); «хороший рабочий может выработать 3—4 аршина (aunes) в день», но «по причине праздников, воскресных дней и тех перерывов работы, которые состоят из промежутков времени, протекающих от момента сдачи (готовой) штуки товара, до получения новой (пряжи)», необходимо исходить из расчета не более *трех* аршин выработки в день. Три аршина по 8 су, это—24 су; *половина этой суммы принадлежит хозяину мастерской* [2].

У нас, таким образом, имеется вся амплитуда той уродливой несоразмерности, какая существовала в оплате рабочего дня ткачей, один из которых («хозяйчиков» мы даже оставляем в стороне) получали до 6 фр. в день, другие едва могли выработать *на известных сортах* материй по 12 су, т. е. по 60 сант.

Теперь рассмотрим данные первоисточников о стоимости жизни.

Одно из общих, традиционных положений литературы вопроса — это утверждение, что лионская жизнь была особенно дорога. Между тем архивное исследование вносит серьезный корректив: отнюдь нельзя считать дороговизну жизни в Лионе исключительной, превосходящей уровень других промышленных центров.

В серии F^{11} Национального архива в Париже имеется ценнейшее сокровище — меркуриалы эпохи.

Предлагаем изучить те сводные таблички, которые мы составили по данным этих меркуриальных регистров: одна из табличек позволяет сравнить лионские цены с ценами других промышленных центров, а другая покажет движение цен в самом Лионе за три года, с 1829 по 1831 г. (см. табл. 8).

Таким образом Лион отнюдь не занимает первого места по дороговизне. В Лилле дороже и хлеб, и мясо. Потребность же в топливе больше, чем в Лионе. В Руане мясные продукты значительно дороже, дороже и топливо. К сожалению, не удается сравнить абсолютно по всем статьям, так как не все меркуриалы достаточно полны.

Рассмотрим *движение* цен в самом Лионе (см. табл. 9).

Сравнивая номинальные заработные платы и приведенные цены (следует, конечно, иметь в виду, что это цены центральных рынков), можно без риска принять те показания источников, которые, описывая жизнь лионских ткачей, говорят о «достатке», с каким может еще жить *часть* этих ремесленников-хозяев [3], а также тех ремесленников-рабочих, которые заняты в производстве *узорчатых* материй. Morel говорит даже об «aisance» ткачей, вырабатывавших дорогие сорта *одноцветных* тканей.

---

[1] Ibid., цит. мемуар.

[2] Нац. арх., F^{12} 2293, цит. мемуар.

[3] Ср., напр., *Stendhal*, Mémoires d'un touriste, t. I, p. 162: «En 1828 et 1829, je vis les ouvriers de Lyon aussi bien vêtus que nous, ils ne travaillaient que 3 jours par semaine, et passaient gaîment leur temps dans les jeux de boules et les cafés des Brotteaux».

Табл. 8. Цены в Лионе и в других промышленных городах Франции во вторую половину октября 1831 г. [1]

Товарные рынки	Гектолитр						Килограмм			Гект.	Килограмм					Метр. квинт	Стер.		Гектолитр.
	Пшеница	Смесь	Рожь	Горох	Чечевица	Бобы	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Говядина (бык)	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Солома	Дрова дубовые	Дрова других сортов	Каменный уголь
	ф. с.	ф. с.	ф. с.	ф. с.	ф.	ф. с	ф.	с.	с.	ф. с.	ф. с.	ф. с.	ф. с	ф. с.	ф. с	ф. с	ф. с.	ф. с.	ф. с
Лион	24 40	19 60	15 20	22 40	19	21 —	45	37 1/3	—	3 60	1 —	1 —	1 —	1 —	1 20	4 —	19 —	21 50	2 40
Руан	22 23	—	13 65	23 23	37	17 —	38	—	30	—	—	—	—	—	1 50	—	—	—	— 4
Лилль	28 34	—	15 43	—	—	—	55	47	35	—	1 10	1	1 10	1 10	1 20	—	—	—	1 90
Мюльгаузен .	25 97	19 26	16 83	25 —	18	—	44	38	30	4 50	— 90	— 70	— 90	— 90	1 —	—	—	—	—

[1] Нац. архив, F[12] 1862*.

Табл. 9. Цены в Лионе в октябре 1829, 1830 и 1831 гг. [1]

(Меры и денежные обозначения те же, что и в табл. 8)

Годы	Месяцы	Пшеница	Смесь	Рожь	Горох	Чечевица	Бобы	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Говядина (бык)	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Солома	Дрова дубовые	Дрова других сортов	Каменный уголь
1829	Первая половина октября . . .	22 49	17 50	12 80	21	30	13	42 5	35 —	—	4 40	1	1	1	1	1 10	3 50	22	20 —	2 30
	Вторая половина октября . . .	23 39	18 40	13 40	22	21	25	—	—	—	4 —	—	—	—	—	—	—	—	—	2 35
1830	Первая половина октября . . .	29 98	24 20	21 09	22	22	24	50 —	42,5	—	4 —	1	1	1	1	1 10	6 50	19	20 —	2 70
	Вторая половина октября . . .	29 12	24 —	19 38	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7 —	—	21 —	2 60
1831	Первая половина октября . . .	24 62 и 25 17	19 80	14 47	21	20	21	45 —	37½	—	3 60	1	1	1	1	1 20	4 —	19	20 50	2 40
	Вторая половина октября . . .	24 40 и 24 72	19 60	15 20	40	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21 50	—

[1] Нац. архив F¹¹ 1838*, F¹¹ 1850*, F¹¹ 1862*.

Думается, что не безынтересна справка о стоимости ресторанного обеда в Лионе в эту эпоху.

Так, ресторан под идиллическою вывескою «Обиталище счастливых» — «Au sejour des heureux» — давал такую публикацию от 12 октября 1828 г. [1]:

Завтрак за 16 су (т. е. 80 сант.): суп, два блюда на выбор, полбутылки вина, сколько угодно хлеба.

Обед за 25 су (1 франк 20 сант.): суп, 3 блюда на выбор, десерт, полбутылки вина, хлеба — по желанию.

Таким образом можно считать вполне допустимым, что основной кадр лионских шелковых ткачей — все «хозяйчики», все рабочие, выделывающие узорчатые ткани, и значительная часть хозяев-одиночек и рабочих, выделывавших дорогие сорта материй одноцветных — жили *лучше*, чем раздавленные с раннего детства непомерным трудом на фабрике, низкою заработною платой и дороговизной рабочие северо-восточной Франции.

Даже производство *дешевых одноцветных* тканей, где были самые низкие расценки, давало лионскому ткачу-рабочему, если только не иметь в виду именно 1831 г., больший заработок и лучшие жизненные условия, чем ткачам бумажных материй или прядильщикам на фабрике. Так, например, с наступлением лета 1829 г., когда шелкоткацкое производство несколько оживилось, «Полицейские бюллетени» отметили повышение расценок (для одноцветных дешевых материй) *до одного* франка [2]. Применяя вышеприведенный расчет Мореля 3 на 1, получаем 1 фр. 50 сант., остающихся целиком рабочему-производителю наиболее дешевых тканей.

Поэтому становится вполне понятным то впечатление, которое произвел Лион на путешествовавшего по промышленной Франции старшего Виллерме. Как известно, Виллерме выделял лионское шелкоткацкое производство, как обеспечивающее лучшие условия жизни, чем те, которые наблюдал он в других промышленных центрах.

Академик Тарле сначала и приводит свидетельство Виллерме. Он пишет: «Питаются лионские рабочие, в общем, и когда нет безработицы, лучше, чем многие другие категории рабочего класса во Франции; мясо гораздо чаще на их столе, чем это бывает в Амьене, Лилле, Руане». Но, прочитывая следующий абзац той же страницы, констатируем противоречие только что высказанной мысли: «Вот показание префекта, — пишет далее Тарле, — гораздо менее оптимистическое, чем показание Виллерме», и вслед за тем цитирует Бувье дю-Моляра: «Небольшое количество рабочих (выделывавших шелковый бархат и так называемые «богатые материи») получали лучше других, но подавляющее большинство не зарабатывало больше 90 сант., да и то еще работая по ночам, при лампе, причем освещение являлось добавочным расходом для рабочего». Без сомнения, читатель тут в праве спросить у Тарле: какое же из двух свидетельств более

[1] «Indicateur du commerce et de l'Industrie» № 117.

[2] Нац. арх., F⁷ 3798, Bulletin от 23 июля 1829 г.

правдоподобно — и Виллерме говорит о рабочих «в общем», и префект пишет о «подавляющем большинстве». Из всего вышеизложенного явствует, что префект *вовсе* ничего не сказал о положении рабочих *узорчатых тканей* и слишком неопределенно сообщил о «небольшом количестве рабочих», занятых выработкою дорогих одноцветных материй.

Посмотрим, наконец, на *то отношение*, в каком находились заработки «среднего» лионского ткача к уровню заработных плат в других профессиях *в том же городе*. К сожалению, солидный журнал промышленной буржуазии этой эпохи, сообщающий нижеприводимые данные, не указывает точно свой источник [1].

Сравнение ставок для ouvriers ordinaires различных профессий представляется здесь в следующем виде (в шиллингах, год 1826):

Рабочие шелкоткацкого		Сапожники	8 ш. 6 п.
» производства . . .	16 шилл.	Литейщики	16 шилл.
» красильного . . .	21 »	Пильщики	10 »
» шляпного	20 »	Плотники	15 ш. 6 п.
» бумагопряд. . . .	6 »	Каменщики	12 шилл.
» ситцепечатного . .	7 »	Маляры	8 »
» шерстяного	8 »	Ножевщики	14 ш. 6 п.
Портные	8 »	Ломщики шифера	15 » 6 »

Итак, будем ли мы изучать движение цен за последнее *трехлетие* перед событиями 1831 г., сравнивая рост дороговизны в Лионе и в других промышленных центрах; станем ли сопоставлять жизненный уровень лионских ткачей и других, особенно фабричных, рабочих в период 1826—1831 гг. — нигде, ни в чем *из этого* материала еще не обнаружим партикулярных для лионского ткача причин итти на вооруженное восстание: цены 1831 г. несколько упали по сравнению с 1830-м; материальное положение значительной части лионских ткачей лучше положения фабричных рабочих и ремесленников многих других профессий. Показывает ли это, что вопросы заработной платы и дороговизны не имеют значения причин в истории восстания 1831 г.? Отнюдь не показывает. Обнаруживается лишь с полной убедительностью, что вопрос совершенно неразрешим *статически*. Присмотримся же с особенной внимательностью к динамике изменения благосостояния лионского ткача.

Об общем ухудшении положения французских ремесленников, с переходом от XVIII к XIX веку, писал еще д'Авенель. Вопреки литературным упражнениям целого ряда французских «Пиндаров» прогресса, усердствовавших не меньше великого Ure'a, д'Авенель совершенно справедливо признавал, как *очевидный факт*, что ко времени 1830 г. ремесленник извлекал все меньшую и меньшую долю продукта своего труда, «потому что, на самом деле, если сравнить заработную плату и стоимость потребления в 1810, 1800 и даже 1790 гг. с тем, что было в первые годы цар-

[1] «L'Industriel», 1826 г., кн. 2-я, стр. 175—176; имеется лишь неопределенное указание, что эти данные заимствуются из «недавно опубликованной английской работы».

ствования Людовика-Филиппа, то можно констатировать, что за промежуток от одной до другой эпохи стоимость жизни повысилась более, чем уровень заработной платы» [1]. И цитируя, далее, дю-Шательье, считавшего, что в период с 1790 по 1830 г. номинальная заработная плата поднялась на 37%, а стоимость жизни на 111%, д'Авенель хотя и думает, что приведенные цифры спорны, но признает самый факт падения жизненного уровня стоящим вне всяких сомнений.

Принимая эту оценку как самую общую характеристику динамики изменений жизненных условий французских рабочих, исследуем, в каком положении находились *в этом отношении* лионские ткачи. Мы не пойдем вслед за академиком Тарле ко временам Кольбера. «На памяти» участников восстания 1831 г. была другая, гораздо более близкая эпоха — царствование Наполеона. Послушаем же замечательный мемуар опытного и умного коммерсанта и современника изучаемой эпохи, Арнольда Аронсона, написавшего министру торговли и земледелия в конце 40-х годов целый очерк «Coup d'oeil rétrospectif sur le commerce et l'industrie de 1789 à nos jours». В характеристике наполеоновского периода он особенно сильно подчеркивает недостаток «рабочих рук», — обстоятельство, которое, при недостаточной механизации производства, создавало «золотой век» для искусных рабочих. В глазах капиталиста, это — огромноее «неудобство». Но оно составляло счастье рабочих, заработок которых был так велик, что, соблюдая экономию, они «сами делались фабрикантами» [2].

И что особенно для нас ценно, Аронсон говорит далее именно о *шелковом* производстве:

«Жаккардов станок еще не был изобретен» [3], разноцветные ткани производились прежними способами и в этом производстве «искусный рабочий мог выработать от 15 до 20 фр. в день». Становится совершенно ясным, какой крутой перелом происходит к концу 20-х — началу 30-х годов: по самым высоким оценкам, ткач, работающий на «Жаккарде» и обеспеченный лучше, чем все другие, получал только 6—7 фр.!

Теперь понятно, почему и такие рабочие, положение которых не только не хуже, а много лучше, чем в других производствах, принимают участие в общем движении в пользу повышающего тарифа: наличие подъема и оживления промышленности несомненно связывалось с надеждой вернуть лучшие условия жизни.

Что касается участия наиболее обездоленных ткачей, работавших в производстве дешевых одноцветных тканей, то и здесь решающее значение имеет движение несоответствия расценок, промышленной конъюнктуры и уровня дороговизны. В самом деле, в 1829 г. цены были ниже, чем в 1831 г. Но началось временное оживление производства, и «фабриканты» тогда согласились на то, что было заурядным, обычным явлением: они повы-

[1] *d'Avenel*, t. VI, p. 22.

[2] Нац. арх., F[12] 2500.

[3] Аронсону следовало бы лучше сказать — «не был распространен».

сили расценки. Теперь же, осенью 1831 г., когда жизнь была дороже, чем в 1829 г. (а не 1830 г.), и при наличии нового подъема «фабриканты», *вопреки* обычаю, *не* повысили заработной платы; рабочим оставалось самим добиваться прибавки.

А так как, повторяем, в шелкоткацком производстве «Аркрайт» все еще не создал «порядка», так как машина не успела еще придавить волю рабочих, то естественно, что именно здесь движение разрастается и даже приводит к победе: тариф принимают. Но тут открывается новая страница истории: правительство эпохи «обогащайтесь!» дезавуировало авторитет префекта, поддержавшего ходатайство рабочих; отдельные лионские «фабриканты» пошли на провокацию восстания. Здесь уместно подчеркнуть значение тех *фактов*, которые литература вопроса или недооценивает, или вовсе скрывает. Между тем даже некоторые печатные брошюры эпохи (были ведь издания легитимистско-роялистического духа) отмечали, что «фабриканты», не желавшие подчиняться тарифу, отдавали заказы в деревню [1]. Рабочие в течение месяца добиваются лойяльности «фабрикантов» по отношению к принятому тарифу, но вот, «как уверяют, один из фабрикантов положил пистолеты на свою конторку» [2] и угрожал расправой.

«Несколько промышленников не захотели подчиниться и отдали выработку своих товаров в соседние департаменты» [3].

Правительство на стороне интересов «фабрикантов». «Все было спокойно; удовлетворенные рабочие вновь принялись за работу»..., «когда 20 фабрикантов»..., «имея за собой (поддержку) господина д'Аргу, сумели отвратить значительное число своих собратьев от выполнения тарифа» [4], — пишет автор другой брошюрки эпохи.

Но не только эти, часто подозрительные, анонимные брошюрки констатируют факт угрозы оружием — эту провокацию восстания.

Солидный негоциант Morel в цитированном уже мемуаре пишет о том же: «...сверх всего один фабрикант имел, говорят, преступное неблагоразумие ответить, угрожая двумя пистолетами, рабочему, призывавшему к выполнению тарифа, — (словами) «вот тебе тариф»; «все эти обстоятельства, взятые вместе», — продолжает Morel, — «привели в отчаяние рабочих» [5].

Теперь, когда основные движущие причины конфликта стали ясны, дополним картину исследованием явлений, не имевших самостоятельного, решающего значения, но крайне важных в общем течении событий, исходом которых было восстание в ноябре 1831 г. Один из документов, опубликованных в журнале «La Révolution de 1848» [6], отмечает, между прочим, что движение началось в предместьях, где было особенно много хозяев-одиночек. Автор цитируемой публикации, Jeanjean, мог бы связать это обстоятельство с тем роковым налогом, о котором писали Алязар и Тарле, использовавшие

[1] Нац. библ. Lb^{51} 1080. [2] Нац. библ. Lb^{51} 1081. [3] Нац. библ. Lb^{51} 1075.
[4] Нац. библ. Lb^{51} 1076. [5] Нац. арх., F^{12} 2293, цит. мемуар.
[6] «La Révolution de 1848», t. XI (a. 1914), p. 55—81.

свидетельство префекта Бувье-Дюмоляра. Заметим, кстати, что ценные данные о налогах исследователи могли найти не только у префекта.

Уже «L'Observateur lyonnais» [1] указывал, как резко противоречат жизненным условиям ткачей эти новые налоги. Отмечается их особенная тягота для *предместий*, где «весь класс обитателей» — хозяева мастерских — до сих пор рассматривались фиском как *не подлежащие* патентному сбору. Теперь же, во всей своей массе, они включены в новые списки. Таким образом, значение имеет не только увеличение налогового бремени, но и факт установления нового контингента плательщиков. Цитируемый журнал конкретно указывает на предместье Гийотьер и, подобно префекту, подчеркивает несвоевременность налога [2].

*

Остановимся теперь на исследовании тех условий, которые могли привлечь к участию в восстании представителей «других» профессий. С одной стороны, нам остается лишь подытожить значение ряда явлений, уже отмеченных выше.

Констатированные Лионской торговой палатой метаморфозы экономической жизни Лиона могли отзываться и, несомненно, отзывались на всех ремеслах, благополучие которых представляет лишь производную от общего роста или упадка экономической жизни; недовольство, накоплявшееся к концу 20-х годов, не получило, конечно, сколько-нибудь удовлетворительной разрядки в июльскую революцию 1830 г. Наконец, новая раскладка налогов касалась ведь не одних только ткачей.

Но чтобы и здесь не ограничиваться сферою одних лишь «априорных» соображений, обратимся к тем неиспользованным материалам, которые достаточно подтвердят, что пауперизация широкой народной массы Лиона не прекращалась до 1831 г.

Душная атмосфера гнетущей нужды, озлобления против всесильной власти крупного капитала, вообще все те настроения, которые нарастают в борьбе за существование у выбивающегося из сил бедняка, довольно ярко отразились в журнале эпохи «Le Pauvre Jacques lyonnais» [3] — газете заключенных за долги. Невелик, правда, период, охватываемый этой газетой: всего-на-всего с декабря 1830 г. по 6 февраля 1831 г. Но и на этом отрезке времени перед нами развертывается печальная панорама характерных социальных конфликтов. Вот, например, письмо одного из заключенных в тюрьму, мелкого торговца. Пострадавший имел cabaret в предместье Гийотьер. Некий оптовый торговец винами из Лиона злоупотребил его доверием: продал ему фальсифицированное вино. Несколько посетителей кабачка заболели. Химический анализ подтвердил фальсификацию. Конечно, по-

[1] «L'Observateur lyonnais», 1831 г.

[2] Цит. изд., т. I, стр. 383 (в тексте: 183, что представляет явную опечатку).

[3] «Le Pauvre Jacques lyonnais». Экземпляр, хранящийся в Парижской национальной библиотеке — неполный (нет №№ 1, 4, 6); сохранились №№ с 5 декабря 1830 г. по 6 февраля 1831 г.

страдавший мелкий торговец отправил обратно купленные запасы вина, не уплатив денег. Но ему случилось выехать из пределов департамента, и тогда, пользуясь его отсутствием, оптовик провел через Торговый суд Лиона исполнительный лист на 527 фр.: немедленно же по возвращении пострадавшего к себе домой состоялся арест за неуплаченный долг и заключение в тюрьму [1].

В 1829 г. в одной лишь тюрьме Saint Joseph постоянно содержалось до 35—45 заключенных за долги [2]. В одном из номеров цитируемой газеты помещено открытое письмо заключенных министру юстиции; положение пострадавших изображается как крайняя степень отчаяния и нужды; жены и дети заключенных страдают от холода, отсутствия одежды.

Другой наш источник по вопросу о лионском пауперизме, это — архивные данные о ломбардных операциях в Лионе.

Объединяя рассеянные в двух разных картонах [3] сведения о движении сумм по ссудам и выкупам в лионском ломбарде (собственно в Mont-de-Piété, как он продолжал еще анахронистически именоваться), получаем следующую табличку:

Табл. 10. Ссуды и выкупы в лионском ломбарде с 1815 по 1828 гг.

Годы	Число залогов	Число выкупов	Ссуда во франках	Погашение	Сумма %
1815	28 345	25 608	574 059	547 370	51 690
1816	40 952	32 165	806 437	671 348	96 790
1817	54 635	44 358	1 004 891	847 230	72 623
1818	51 320	54 972	948 244	1 010 236	89 574
1819	60 123	56 033	1 161 904	1 024 668	87 455
1820	61 724	60 529	1 165 544	1 140 477	96 485
1821	63 690	66 877	1 155 763	1 207 865	104 885
1822	71 189	65 269	1 250 530	1 184 111	97 767
1823	77 728	74 882	1 320 319	1 274 383	108 677
1824	—	—	1 399 493	1 516 715	—
1825	—	—	1 412 192	1 298 321	—
1826	—	—	1 599 779	1 402 260	—
1827	—	—	1 712 777	1 615 380	—
1828	—	—	1 697 340	1 671 995	—

Тенденция все большего и большего роста ссудных операций совершенно очевидна. Но само по себе это явление еще не характеризует развития пауперизма. Лионский префект вполне основательно писал министру

[1] Цит. пад., от 12 декабря 1830 г.

[2] Ibid., номер 30 января 1831 г.

[3] Нац. арх., F[15] 2626 и F[15] 2627.

внутренних дел в 1827 г. «Я не разделяю, однако, довольно распространенного мнения, что развитие операций является верным показателем обнищания рабочего класса»... «Одни *продажи*, по-моему, могут служить если не положительным, то, по меньшей мере, правдоподобным указанием», etc [1]. Префект далее обращает внимание на то, что расширение операций лионского ломбарда происходит отчасти также и за счет привлечения деревенских закладчиков из окрестностей города. Но приведенная табличка 10 как раз и позволяет судить о характере движения выкупов и залогов за известные годы. Еще показательнее и ближе к 1831 г. данные нижеследующей таблицы [2].

Табл. 11. Ссуды и продажи с 1825 по 1830 г.

Годы	Суммы по окладам в франках	Продажи
1825	1 412 799	99 131
1826	1 599 779	123 809
1827	1 717 277	156 658
1828	1 697 340	169 803
1829	1 508 893	135 919
1830	1 341 654	156 164
Годовая средняя	1 516 206	140 247

Стоит лишь всмотреться, и мы увидим здесь, что 1830 г. отношение суммы ссуд и продаж чрезвычайно характерно. В самом деле, в то время как *сумма ссуд* в 1830 г. ниже средней, — сумма *продаж* оказывается *выше*.

Или, сравнивая с 1827 г., когда была почти одинаковая сумма продаж, мы видим, что в первом случае, в 1827 г., эта сумма продаж относится к *1717 тыс. фр. ссуды*, а в 1830 г. лишь к 1 341 тыс. фр. Между тем положение «других» профессий далеко не могло быть блестящим в год промышленного кризиса.

Итак, *рост* пауперизма в Лионе в годы, предшествующие восстанию 1831 г., — вне всяких сомнений. Очевидно, что достаточно было первого же толчка, но исходившего в данном случае вовсе не из среды самого угнетенного производства, чтобы присоединение лионских пауперов стало фактом. В цитированном выше списке убитых и раненых участников помещена, между прочим, дочь торговца вином. После изложенного в тексте нет ничего удивительного в сочувствии движению также со стороны мелких торговцев-одиночек.

---

[1] Нац. арх. F[15] 2626.

[2] Нац. арх. F[15] 2627.

IV

Заключение. — Итоги исследования. — Значение лионского восстания 1831 г.

Резюмируем *главнейшие* положения, к которым, вопреки существующей разработке вопроса, приводит нас исследование документов.

1. «Лионское рабочее восстание» — сложное движение различных элементов, объединяющее не только пеструю среду самого шелкоткацкого производства («хозяйчики», хозяева мастерских-одиночки, рабочие, ученики), но также и конгломерат представителей других профессий.

2. Как различны «лица» участников, так различны и причины, толкнувшие на вооруженный конфликт.

3. В сфере шелкоткацкого производства, игравшего, бесспорно, руководящую, главную роль, никаких объективных предпосылок для удержания низких расценок осенью 1831 г. не существовало.

4. Отдельные капиталисты явно провоцировали восстание как выход из неудовлетворявшей их легальной ситуации.

5. Рабочие шелкоткацкого производства, в основном, начинают движение не потому, что они—самые обездоленные и страдающие представители рабочего класса Франции этой эпохи, но потому, что динамика изменения их жизненного уровня за несколько предшествующих лет характеризуется особенно крутым изломом.

6. Важнейшим моментом в истории восстания является тот факт, что значительное число рабочих шелкоткацкого производства, вопреки обычаю, остается на низких расценках, несмотря *на оживление производства*.

7. Примкнувшие к движению представители «других профессий» — очень пестрая масса. Здесь, несомненно, могли быть пауперы, «доведенные до отчаяния», но, однако, и тут документы обнаруживают *рост*, т. е. *движение* пауперизма, что вполне достаточно для объяснения участия этой массы, все же едва ли опустившейся до уровня лилльских обитателей подвалов.

В сущности наше исследование закончено. Но естественно, что полный пересмотр вопроса о причинах движения приводит и к коррективу в существующей оценке значения ноябрьских событий 1831 г. В литературе вопроса есть вполне определенная тенденция рассматривать движение в Лионе как *целиком* характерное для XIX века — века фабричной стадии развития промышленного капитализма. Борьба в Лионе изображается как предтеча движений крупнопромышленного пролетариата.

Исторически отнюдь не были новостью ни идея тарифа, ни вооруженное восстание как результат сопротивления «фабрикантов» этому тарифу [1]. Послушаем игнорируемого историками Beauquis: «В течение всего

[1] Ср. *Godart*, L'Ouvrier en soie, p. 252; о восстаниях XVIII века ср. *Monfalcon*, Histoire monumentale, t. III, p. 4—5; *Bleton*, L'ancienne fabrique de soierie; *Bon-*

XVIII века этот вопрос о тарифах был без конца возбуждаем, причинял время от времени перерывы в работах, более или менее общие стачки. Так было в 1759 г., в эпоху, когда компаньоны поняли, что они должны вести общее дело с хозяевами мастерских; так же происходило и в 1771 и 1774 гг. Иногда даже этот спор о тарифах развивался *в настоящее восстание»* (1786 г.). Что касается идеи именно «единого тарифа», то Beauquis констатирует, что к 1779 г. сама община «фабрикантов» произносит слово «тариф» в смысле общеобязательной скалы расценок для всех производимых в Лионе изделий.

В 1811 г. вновь организованный совет Прюдомов занялся проектом в подобном же духе, но политические события помешали его осуществить. Но вскоре снова возвращаются к идее тарифа; на этот раз он был окончательно разработан, *одобрен префектом* и опубликован во всех мастерских. Продолжительное время тариф лойяльно выполнялся.

Как на пример конфликтов, возникающих в связи с тарифом не в шелкоткацком производстве, можно было бы указать на те данные, которые сообщались в эту эпоху в «Chronique de Lyon»; газетка писала *о плотниках* города Нанта, только что выработавших тариф новых расценок; до получения ответа от подрядчиков работы были прерваны.

И не в одной только Франции, но и в Англии *восемнадцатого века* происходили частые стачки ткачей шелка, доходившие, как это было, например, в 1769 г., до вооруженного столкновения. И в Лондоне, как в Лионе, местная власть (alderman) регламентировала и регулировала взаимоотношения рабочих и хозяев.

Поэтому в истории лионского восстания 1831 г. есть еще многое от *восемнадцатого* века; архаическая организация производства, тариф как вполне удовлетворяющий результат борьбы, недостаточно определенный лозунг восстания *«жить работая или умереть сражаясь»*, наличие в среде восставших значительного числа мелких производителей и их аполитичность, — все это заставляет видеть в Лионском восстании скорее одно из последних и поздних движений «мануфактурного периода», чем первое, или исходное, движение пролетариата XIX—XX века. За лионскими восстаниями *последовали* ожесточенные битвы, в которых все с большей четкостью определялись два антагониста: фабрикант без кавычек и пролетарий.

Есть в этом восстании еще один характерный момент огромной социальной значимости, который связывает лионское движение с классовою борьбою *девятнадцатого века*. Имеем в виду *организованность* класса капиталистов и *их* поведение в конфликте. Несмотря на то, что по характеру организации производства лионские «фабриканты» стояли еще в задней шеренге представителей промышленного капитала, по ясности

nasieux, La question de grêves sous l'ancien régime; *Beyssac*. La sédition ouvrière de 1786. Lyon, 1907.

классового сознания они не уступали никому из своих собратьев, и вся история роли лионских фабрикантов в этом конфликте носит на себе ясную *печать века*, эпохи «обогащайтесь!» С этой стороны — на нас смотрит XIX век. В обнаружении капиталистами классового характера борьбы — *главное* значение Лионского восстания 1831 г.

Ф. Потемкин.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Из «Немецкой идеологии».
С предисловием Д. Рязанова.

Ф. Энгельс. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.
С предисловием Д. Рязанова.

ИЗ «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ»

(«САНКТ-МАКС», ОТДЕЛ ВТОРОЙ—«НОВЫЙ ЗАВЕТ: Я», ГЛАВА V—«СОБСТВЕННИК»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самую значительную часть «Немецкой идеологии» составляет критика книги Штирнера «Единственный и его собственность». В своих прежних статьях [1] я уже сообщил некоторые детали об этой работе Маркса и Энгельса. Когда Бернштейн в 1903 г. приступил к опубликованию «Святого Макса» в «Dokumente des Sozialismus», он имел весьма смутное представление как о составе, так и о значении попавшего в его руки литературного сокровища. Этим объясняется и та хаотическая форма, в которой он издал часть манускрипта III, и те произвольные купюры, которые он сделал при этом [2].

Чтобы лучше разобраться в рукописи Маркса и Энгельса, напомним содержание книги Штирнера. Сначала идет нечто вроде предисловия: «Ничто — вот на чем я поставил свое дело». Сама книга распадается на два отдела.

Первый отдел посвящен *Человеку*. Он в свою очередь распадается на два подотдела: I. «Человеческая жизнь» и II. «Люди древнего и нового времени». Второй подотдел содержит три главы: 1) «Древние»; 2) «Новые». Параграф первый: «Дух»; параграф второй: «Одержимые»; параграф третий: «Иерархия»; 3) «Свободные». Параграф первый: «Политический либерализм»; параграф второй: «Социальный либерализм»; параграф третий: «Гуманный либерализм».

Второй отдел трактует о «Я». Он заключает три отдела: I. «Особенность». II. «Собственность» — с подразделением на: *A*. «Моя власть». *B*. «Мое общение» и *C*. «Мое самонаслаждение». — III. «Единственный».

Маркс и Энгельс в своей критике следуют за Штирнером. Проводя параллель между его книгой и Священным писанием, они делят ее на Ветхий и Новый Завет, а именно на единственную историю человека («Закон и пророки») и человеческую историю Единственного («Евангелие о царстве божьем»). Первая есть история в пределах логики, скованный в прошлом Логос, вторая — логика в истории, освобожденный Логос, вступающий в борьбу с настоящим и его победоносно одолевающий.

Ветхий завет начинается *Бытием* или, как у Штирнера, «Человеческой жизнью». Маркс и Энгельс доказывают, что Штирнер понимает различ-

---

[1] «Новые данные о литературном наследстве Маркса и Энгельса» и «Из истории немецкой идеологии». Перепечатаны в первом томе моих «Очерков по истории марксизма».

[2] Имеется русский перевод Б. Гиммельфарба: *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Святой Макс (Критика учения Штирнера), Госиздат, 1920 г.

ные ступени этой жизни только как стадии развития *индивидуума*, которые, в свою очередь, сводятся к определенному состоянию сознания. Физические и социальные изменения, происходящие с индивидуумом и вызывающие изменение сознания, для Штирнера не существуют. Он поэтому вполне последовательно абстрагируется от исторических эпох, национальностей, классов и принимает господствующее *сознание* наиболее близкого ему класса в окружающей его среде за нормальное сознание «человеческой жизни». Все развитие, вся история сводится к смене человеческих возрастов: ребенок, юноша, муж, которые вновь появляются «под разными превращениями».

В следующей главе — «*Экономия Ветхого Завета*» — Маркс и Энгельс дают общую характеристику спекулятивного метода Штирнера. «Спекулятивные идеи, абстрактное представление становятся двигательной силой истории, и, благодаря этому, вся история превращается в простую историю философии. Но даже и эта последняя понимается вопреки существующим источникам и, разумеется, не так, как она развивалась в зависимости от воздействия реальных исторических условий, а так, как она понималась и излагалась новейшими немецкими философами, — главным образом Гегелем и Фейербахом».

В главе о «Древних» мы находим интересные экскурсы в область истории древней философии — стоицизма, эпикуреизма, скептицизма, — которые представляют весьма важное дополнение к юношеской диссертации Маркса.

Глава о «Новых» напечатана Бернштейном с большими сокращениями. А между тем в ней много места отведено критике взглядов Штирнера на христианство. Бернштейн не нашел или выпустил главу о «Духе», или «Чистую историю духов». Из главы об «Одержимых», или «Нечистой истории духов», он дает только отрывок.

«Точка зрения, которая удовлетворяется такими рассказами о духах, сама религиозна, потому что она примиряется с религией, смотрит на религию как на causa sui (ибо и «самосознание», и «человек» еще религиозны) вместо того, чтобы объяснить ее эмпирическими условиями и показать, каким образом известные промышленные отношения и формы сношений по необходимости связаны с определенной формой общества, отсюда уже с определенной формой государства, отсюда, наконец, с определенной формой религиозного сознания».

В сокращенном виде Бернштейн дает и главу о «Нечистой истории духов», направленную против попытки Штирнера сконструировать новую периодизацию истории — негроподобный век, как время зависимости от *предметного*, монголоподобный век, как время зависимости от *духовного* (христианская эпоха) и век «Я» — собственника мира предметного и мира духовного».

После нескольких замечаний о «католицизме и протестантстве» следует глава об *иерархии*. Штирнеровской концепции, заимствованной у Гегеля, Маркс и Энгельс противопоставляют историю материалистическую.

«Иерархия — *идеальная* форма идеализма; феодализм — политическая форма средневековых отношений производства и обращения. И лишь существованием этих практических материальных отношений объясняется борьба феодализма против иерархии, и само собой исчезает прежнее понимание истории, слепо принимавшее на веру иллюзии средних веков — те иллюзии, которыми пользовались императоры и папа в борьбе друг с другом».

В этой главе рассыпаны, в полемике с Штирнером, меткие и яркие замечания о Великой французской революции, буржуазной семье, о генезисе идей и мыслей.

Глава — «Довольный своей конструкцией Штирнер», — в которой Маркс и Энгельс рассматривают взгляды Штирнера на природу и естествознание, пропущена у Бернштейна целиком.

Особенно богата положительным содержанием глава шестая, посвященная критике соответствующей главы в книге Штирнера. В параграфе о «политическом либерализме» Маркс и Энгельс дают очерк развития немецкого либерализма с конца XVIII столетия. Особенности немецкого либерализма объясняются экономическими условиями. Ясное отражение он нашел в кантовской философии практического разума. Маркс и Энгельс подвергают едкой критике болтовню Штирнера о буржуазии и пролетариате и противопоставляют его фразам действительную историю классовой борьбы пролетариата.

Параграф второй — Коммунизм — посвящен критике соответствующего параграфа в книге Штирнера, у которого коммунизм фигурирует в качестве «социального либерализма». Это — опять одна из важнейших глав «Святого Макса», дающая богатейший материал для изучения генезиса научного коммунизма.

Параграф третий, посвящен критике взглядов Штирнера на «гуманный либерализм», т. е. на философию человека Фейербаха. Весь этот параграф отсутствует в издании Бернштейна.

Мы переходим теперь к Новому Завету, как Маркс и Энгельс называют второй отдел книги Штирнера, посвященный «Я». Экономия Нового Завета построена следующим образом: *Самопринадлежность* (Eigenheit), нечто большее чем свобода, которая всегда частична, категория, которая отрицает категорию *освобождения*, это — *самопринадлежность*, содержанием которой служит, конечно, это же освобождение. Самопринадлежность, это — философски построенное свойство всех свойств штирнеровского индивидуума.

Затем следует Собственник как таковой. Его отличают три положения: 1) *Моя власть*, соответствующая политическому либерализму. Она находит свое выражение в борьбе против государства как такового. 2) *Мое общение*, соответствующее коммунизму, где появляется на свет истина общества и где общество, как общение при посредстве «людей», разлагается в общении личного «Я». 3) *Мое самонаслаждение*, соответствующее гуманному либерализму, где появляется на свет истина критики. «Я» со своей

собственностью, со своим миром, состоящим из только что «обозначенных» свойств, есть *собственник* как самонаслаждающийся и самоуничтожающийся; это — «Я» в квадрате, собственник собственника. Его присвоение мира и освобождение от мира превратилось теперь в это отрицательное отношение к самому себе, собственнику, в это самоуничтожение и самонаслаждение. «Я», как собственник плюс философское определение «отрицательного отношения к себе», составляет содержание *Единственного*.

Маркс и Энгельс особенно подробно останавливаются на критике второго отдела. Но именно из этой части «Святого Макса» Бернштейн напечатал только три главы: 1) «Экономия Нового Завета», 2) «Феноменология согласного с собой эгоиста, или учение об оправдании» и 3) «Откровения Иоанна Богослова, или Логика новой мудрости». Неопубликованная часть только на один печатный лист меньше.

В четвертой главе Маркс и Энгельс анализируют штирнеровское понятие «самопринадлежности». Они показывают обстоятельно, сколько мелкобуржуазного филистерства таится в этой философии абсолютной свободы «Единственного», что «свободно» выбирать он может только между определенными, находящимися в доступной ему области и отнюдь не выдвинутыми «Единственным» вещами, что все «крайние» идеи Штирнера сводятся к банальнейшим самоприкрашиваниям, при помощи которых немецкий мелкий буржуа утешает себя в своем собственном бессилии.

Разбор главы о «Собственнике» с ее тремя преломлениями — «*Моя* власть», «*Мое* общение», «*Мое* самонаслаждение» — распадается на три части.

Критика штирнеровской канонизации права дается в первой части. У Штирнера право возникает не из материальных отношений людей и из вытекающей отсюда борьбы их друг с другом, а из борьбы с представлением, которое они должны себе «выбить из головы». Даже Гегель, объясняющий существование права из эмпирических потребностей индивидов, бесконечно материалистичнее, чем «Единственный» Штирнера. В связи с критикой штирнеровского права дается и критика его полемики против *закона*.

«Материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависящая просто от их «воли», их способ производства и форма сношений, взаимно обусловливающие друг друга, являются действительной основой государства и остаются ею на всех ступенях, на которых еще необходимы разделение труда и частная собственность, совершенно независимо от *воли* индивидов. Эти действительные отношения отнюдь не создаются государственной властью, а, наоборот, сами являются созидающей ее силой. Не говоря о том, что господствующие при этих отношениях индивиды должны дать конституироваться своей силе в качестве *государства*, они должны придать своей, определенной этими отношениями, воле всеобщее выражение в качестве государственной воли, в качестве закона, — выражение, содержание которого определяется всегда отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право. Подобно тому, как от их идеалисти-

ческой воли или произвола не зависит тяжесть их тел, так от них не зависит и то, что они проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них. Их личное господство должно в то же время конституироваться как среднее общее господство. Их личная сила основывается на жизненных условиях, которые общи многим индивидам и сохранение которых они, в качестве господствующих индивидов, должны утвердить против других индивидов как норму, имеющую для всех силу. Выражением этой, обусловленной их общими интересами воли, является закон».

Точно так же, как у философов, благодаря обособлению мыслей от служащих им основой индивидов и их эмпирических отношений, возникает представление об особом развитии, об особой истории одних лишь мыслей, так и юристы обособляют право от его реального базиса, получая таким образом некую «господскую волю», которая имеет различный вид в различные эпохи и обладает в своих творениях, законах, самостоятельной собственной историей, благодаря чему политическая и гражданская история превращается идеологически в историю господства следующих друг за другом законов.

Не менее подробно рассматриваются взгляды Штирнера на преступление и наказание. «Те же самые идеологи, которые могли вообразить, что право, закон, государство и т. д. возникли из какого-то всеобщего понятия человека и созданы были ради этого понятия, — эти самые идеологи могут, разумеется, также вообразить, что преступления совершаются из пренебрежения к понятиям, что преступления вообще — не что иное, как издевательство над понятием, и что они наказываются лишь для того, чтобы доставить удовлетворение оскорбленным понятиям».

После анализа преступления и наказания следует рассмотрение взглядов Штирнера на общество. Маркс и Энгельс особенно подробно останавливаются на соответствующей главе книги Штирнера «Мое общение», потому что считают ее самой путанной из всех путанных глав этой книги.

Ниже читатель найдет перевод всей этой части «Святого Макса». Мы считаем лишним подчеркивать все значение этой критики, в которой Маркс и Энгельс противопоставляют анархической фразеологии Штирнера блестящий анализ *социального базиса* всех и всяческих *индивидуальных* отношений. Экскурс о парцеллировании земельной собственности восполняет недосказанное в статьях о мозельских крестьянах и дает новую иллюстрацию к взглядам Маркса и Энгельса на крестьянство. Отношение между частной собственностью и государственной собственностью дает Марксу и Энгельсу возможность показать «Святому Максу», каким образом «частная собственность» использует в своих интересах «вещные силы», развивающиеся в недрах коллектива, государства, и дать анализ буржуазной конкуренции. В главе о «Бунте» Маркс и Энгельс осмеивают штирнеровский «бунт» — прототип бакунинского «восстания» и «вспышкопускательства» —

и дают анализ конкретных, исторических революций, подчеркивая принципиальное отличие коммунистической революции от буржуазной.

В главе о «Союзе» Маркс и Энгельс дают анализ организации труда и показывают на примерах высших продуктов «индивидуальной» творческой мысли в области искусства и науки, в какой степени эти области деятельности различных «единственных» обусловливаются социальной обстановкой и использованием сил коллектива. «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельном индивиде и связанное с этим подавление его в массе является следствием разделения труда».

Так же интересны замечания о роли денег и о денежных кризисах. «В силе денег, в объектировании и противопоставлении всеобщего массового средства обществу и индивиду, проявляется самым ярким образом факт объектирования производственных отношений и социальных отношений».

Критика штирнеровской общины дает между прочим Марксу и Энгельсу повод рассмотреть в связи с теорией эксплоатации и теорию полезности, а также поставить ее в связь с различными эпохами развития буржуазии.

Мы даем также и маленькую главу о «Моем самонаслаждении», в которой Маркс и Энгельс исследуют вопрос о связи «самонаслаждения» индивидов с классовыми отношениями, поскольку они создаются определенными условиями производства [1].

Святой Макс заканчивается главой «Песнь песней Соломона, или Единственный» в которой Маркс и Энгельс подводят итоги своей критике.

«Превращение индивидуального отношения в его противоположность, в чисто вещное отношение, различение индивидуальности и случайности самими индивидами является, как мы уже доказали, историческим процессом и принимает на различных ступенях развития различные, все более отчетливые и универсальные формы. В наше время господства вещных отношений над индивидами угнетение индивидуальности случайностью приняло самые резкие, универсальные формы, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило им задачу заменить господство отношений и случайности над индивидами господством индивидов над случайностью и отношениями. Оно не выдвинуло, — как это воображает Санчо, — требования, чтобы «Я развивался»,— что до сих пор проделывал всякий индивид и без совета Санчо, — оно, наоборот, предписывает освобождение от некоторого, вполне определенного, способа развития. Эта, повелительно выдвигаемая современными отношениями, задача совпадает с задачей коммунистической организации общества».

Д. Рязанов.

---

[1] В виде исключения Бернштейн опубликовал этот отрывок, в приложении к «Vorwärts'у», 14 марта 1913 г.

[*B. МОЕ ОБЩЕНИЕ*]

[I. ОБЩЕСТВО]

5. Общество как буржуазное общество

Нам придется остановиться несколько подробнее на этой главе, потому что она недаром самая путанная из всех имеющихся в «Книге» путанных глав и потому что она вместе с тем блестяще показывает, как мало способен наш святой познать вещи в их мирском, обыденном виде. Вместо того, чтобы профанировать их, он их освящает, давая «на потребу» читателю только свое собственное святое представление. Прежде чем добраться до собственно-буржуазного общества, мы еще услышим кое-какие разъяснения о собственности вообще и о собственности в ее отношении к государству. Эти разъяснения кажутся тем более новыми, что они дают повод святому Санчо снова привести свои излюбленнейшие равенства о праве и государстве и придать таким образом своему «рассуждению» «более многообразные вариации» и «преломления». Мы приведем, конечно, лишь последние члены этих нам уже встречавшихся равенств, так как читатель, вероятно, помнит их связь из главы: «Моя власть».

Частная собственность, или буржуазная собственность.
= Не моя собственность.
= Священная собственность.
= Чужая собственность.
= Уважаемая собственность, или уважение перед чужой собственностью.
= Собственность *Человека* (стр. 327, 369).

Из этих равенств получаются в то же время следующие антитезы:

Собственность в буржуазном смысле. — Собственность в эгоистическом смысле (стр. 327).
«Собственность *Человека*». — Собственность моего Я.
«Человеческое достояние». — Мое достояние (стр. 324).
Равенства: Человек. = Право.
Государственная власть.
Частная общественость, или буржуазная собственность. = Правовая собственность (стр. 324).
= Мое благодаря праву (стр. 332).
= Гарантированная собственность.

Частная собственность, или буржуазная собственность.	= Собственность чужого.
	= Принадлежащая чужому собственность.
	= Принадлежащая праву собственность.
	= Собственность в силу права (стр. 367, 332).
	= Правовое понятие.
	= Нечто духовное.
	= Всеобщее.
	= Фикция.
	= Чистая мысль.
	= Навязчивая идея.
	= Призрак.
	= Собственность призрака (стр. 368, 324, 332, 367, 369).
Частная собственность.	= Собственность права.
Право.	= Власть государства.
	= Государственная собственность, или также
Собственность.	= Государственная собственность.
Государственная собственность.	= Несобственность моего Я.
Государство.	= Единственный собственник (стр. 339, 334).

Переходим теперь к антитезам:

Частная собственность.	— *Эгоистическая собственность.*
Управомоченный на собственность правом (государством, Человеком).	— Уполномоченный на собственность мной (стр. 339).
Мое в силу права.	— Мое на основании Моей власти, или силы (стр. 332).
Данная чужим собственность.	— Взятая мной собственность (стр. 339).
Правовая собственность других.	— Правовая собственность другого, это — то, что, по-моему, правовое (стр. 339).

Это можно повторить в виде сотни других формул, если поставить, например, на место власти полномочие или же применить прежние формулы.

Частная собственность. Чуждость собственности всех других.	— Моя собственность = Причастность собственности всех других.

Или также:

Собственность кое в чем.	— Собственность во всем (стр. 343).

Отчуждение, как отношение или связка в вышеприведенных равенствах, может быть выражено также в следующих антитезах:

Частная собственность. «Относиться к собственности, как к святому, к призраку».	*Эгоистическая собственность.* «Потерять святое отношение собственности».
«Уважать ее».	«Не рассматривать ее больше как чужое, не бояться больше призраков, не иметь никакого уважения к собственности».
«Иметь уважение к собственности». (стр. 324).	Иметь собственность неуважения (стр. 368, 340, 343).

Содержащиеся в вышеприведенных равенствах и антитезах модусы присвоения будут рассмотрены лишь в главе о «Союзе», но так как мы пока находимся еще в «святом обществе», то нас здесь интересует только канонизация.

Примечание. Уже в главе об «Иерархии» мы говорили о том, почему идеологи могут рассматривать отношение собственности, как некоторое отношение «*Человека*», различные формы которого определяются в различные эпохи тем, как индивидуумы представляют себе «*Человека*». Здесь мы ограничимся только указанием на эту главу.

Рассуждение 1. О парцеллировании земельной собственности, о выкупе сервитутов и о поглощении мелкой земельной собственности — крупной.

Все эти вопросы рассматриваются, с точки зрения, святой собственности и равенства: буржуазная собственность = уважение к святому.

1) «Собственность в буржуазном смысле означает *святую* собственность, — таким образом Я должен *уважать* Твою собственность. «Уважение к собственности!» *Поэтому* политики хотели бы, чтобы каждый обладал клочком собственности, и вызвали отчасти этим стремлением невероятную парцелляцию» (стр. 327, 328).

2) «Политические либералы заботятся о том, чтобы по возможности все сервитуты были выкуплены и чтобы каждый был свободным господином на своей земле, хотя бы эта земля имела лишь столько площади почвы» (земля имеет *площадь почвы*), «сколько может быть унавожено экскрементами одного человека»... Как бы эта собственность ни была мала, лишь бы только это была собственность, *уважаемая собственность*! Чем больше подобных собственников, тем больше у государства свободных людей и хороших патриотов» (стр. 328).

3) «Политический либерализм, как и все религиозное, рассчитывает на *уважение*, на гуманность, на добродетели любви. Поэтому он и переживает непрестанные огорчения. *Ибо на практике люди не уважают именно ничего*, и маленькие владения ежедневно скупаются крупными собственни-

ками, а «свободные люди» становятся поденщиками. Если бы, наоборот, «маленькие собственники» *подумали*, что и крупная собственность принадлежит им, то они бы не исключили почтительно сами себя из нее и не были бы исключены» (стр. 328).

1) Таким образом, все движение парцеллирования, о котором Санкт-Санчо знает только, что оно святое, выводится здесь из простой фантазии, которую «*политики*» «вбили себе в голову». *Так как* «*политики*» требуют «уважения к собственности», то *поэтому* они «*хотели бы*» парцеллирования, которое вдобавок повсюду проведено путем «*неуважения* к чужой собственности»! Политики «отчасти вызвали на деле невероятную парцелляцию». Таким образом, делом «политиков» было то, что во Франции еще до революции, — как в наше время в Ирландии и отчасти в Уэльсе, — давно уже существовало парцеллирование по отношению к *культуре* почвы и что для введения крупной культуры нехватало капиталов и всех прочих условий. Впрочем, о том, как сильно «хотели бы» в наше время «политики» провести парцеллирование, Санчо мог бы узнать из того, что все французские буржуа недовольны парцеллированием как потому, что оно ослабляет взаимную конкуренцию рабочих, так и из политических соображений (напр., Тьер); далее из того, что все реакционеры (о чем Санчо мог бы прочесть хотя бы в «Воспоминаниях» старого Арндта) видят в парцеллировании только превращение земельной собственности в современную промышленную, ставшую объектом купли и продажи, оскверненную собственность. Мы здесь не будем объяснять нашему святому, в силу каких *экономических* соображений буржуа, добившись господства, должны осуществить это превращение, которое может произойти как путем уничтожения превышающей прибыль земельной ренты, так и путем парцеллирования. Мы не будем также объяснять ему, что формы этого превращения зависят от степени развития промышленности, торговли, судоходства и т. д. данной страны. Приведенные выше положения о парцеллировании являются просто велеречивой парафразой того простого факта, что в различных местах, «там и сям», существует значительное парцеллирование, — парафразой, выраженной канонизирующим стилем нашего Санчо, пригодным для всего вообще и ни для чего в частности. В остальном вышеприведенные положения Санчо содержат лишь фантазии немецкого мелкого буржуа насчет парцеллирования, являющегося для него, конечно, чужим, «святым». (Ср. Политический либерализм.)

2) Для нашего святого выкуп сервитутов, эта жалкая мера, имевшая место только в Германии, правительства которой были вынуждены провести ее лишь благодаря прогрессу соседних государств и финансовым затруднениям, — для нашего святого этот выкуп является чем-то таким, чего хотят «*политические либералы*», чтобы создать «свободных людей и хороших граждан». Горизонт Санчо опять-таки не простирается далее померанского ландтага и саксонской палаты депутатов. Этот немецкий выкуп сервитутов не повлек за собой никаких политических или экономических результатов

и, будучи полумерой, не имел вообще никакого влияния. Разумеется, Санчо опять-таки ничего не знает об *исторически* важном выкупе сервитутов в XIV и XV вв., происшедшем благодаря начинавшемуся развитию торговли, промышленности и благодаря нужде в деньгах земельных собственников. Те самые люди, которые хотели в Германии выкупить сервитуты, чтобы, как думает Санчо, создать хороших граждан и свободных людей,—люди, как, напр., Штейн и Финке, пришли впоследствии к убеждению, что для создания «хороших граждан и свободных людей» надо снова восстановить сервитуты, как это и пытаются делать теперь в Вестфалии. Отсюда следует, что «уважение», точно так же как и страх божий, пригодно во всех случаях жизни.

3) «Скупка» мелкой земельной собственности крупными земельными собственниками происходит, по мнению Санчо, потому, что на практике не существует «уважения к собственности». Два из повседневнейших результатов конкуренции — концентрация и скупка, — вообще вся *конкуренция*, которая не существует без концентрации, представляются здесь нашему Санчо *нарушениями* буржуазной, проявляющейся в форме конкуренции *собственности*. Буржуазная собственность нарушается уже одним тем, что она существует. По Санчо, нельзя купить ничего, не посягая на собственность. Как глубоко понял Санкт-Санчо концентрацию земельной собственности, ясно уже из одного того, что он видит в ней лишь самый поверхностный акт концентрации, лишь простую «скупку». Кроме того, из изложения Санчо не видно, насколько мелкие собственники перестают быть собственниками оттого, что они становятся поденщиками. Ведь на следующей же странице (стр. 329) Санчо сам утверждает спокойнейшим образом, в противовес Прудону, что они остаются «собственниками» остающейся за ними доли в эксплоатации земли, а «именно заработной платы». «Между прочим, в истории можно найти», что то крупная земельная собственность поглощает мелкую, то мелкая крупную — два явления, которые в глазах Санкт-Санчо объясняются тем достаточным основанием, что «на практике люди не уважают ничего». То же самое относится к остальным многочисленным видам земельной собственности.

А затем это мудрое «если бы мелкие собственники» и т. д. В Ветхом Завете мы видели, как Санкт-Санчо, в стиле спекулятивного метода, заставил более ранние поколения продумать опыт более поздних; теперь мы видим, как он, в стиле всякого рода болтунов, жалуется на то, что более ранние поколения не продумали не только мыслей позднейших поколений о них, но и его собственной бессмыслицы. Вполне достойное школьного учителя «глубокомыслие»! Если бы террористы могли предвидеть, что они возведут на трон Наполеона, если бы английские бароны Рэннимида и Magna Charta могли предвидеть, что в 1849 г. будут отменены хлебные законы, если бы Крез мог предвидеть, что Ротшильд будет богаче его, если бы Александр Великий мог предвидеть, что судить о нем будет Роттек, а царство его достанется туркам, если бы Фемистокл мог предвидеть, что он разбил персов в

интересах Оттона Дитяти, если бы Гегель мог предвидеть, что его станет столь «тривиально» эксплоатировать Санкт-Санчо — если бы, если бы, если бы! Но о каких же, собственно, «мелких собственниках» рассуждает Санкт-Санчо? О лишенных собственности крестьянах, которые *стали* «мелкими собственниками» благодаря раздроблению крупной земельной собственности, или же о тех, которых разоряет в наше время концентрация? Для Санкт-Санчо оба эти случая так похожи друг на друга, как одно яйцо на другое. В первом случае они вовсе не исключили себя из «крупной собственности», но, наоборот, постарались каждый завладеть ею постольку, поскольку его не исключали другие и поскольку у него хватало на это состояния. А это состояние не было хвастливым штирнеровским состоянием, оно определялось вполне эмпирическими отношениями, напр., всем прошлым развитием буржуазного общества, местностью, степенью связи с соседями, величиной земельного участка, на который претендовали, и числом тех, которые присваивали его себе, отношениями промышленности, сношений, средств сообщения, орудий производства и т. д. Что они не исключали себя из крупной земельной собственности, это видно уже из того, что многие из них стали сами крупными земельными собственниками. Санчо становится посмешищем всей Германии со своим утверждением, будто эти крестьяне, чтобы попасть одним скачком в царство его согласных с собою эгоистов, желали перескочить через ступень парцеллирования, которой тогда еще не существовало и которая являлась тогда для них единственно революционной формой. Не говоря вообще о высказываемой им бессмыслице, крестьяне эти не были в состоянии организоваться коммунистически, так как они лишены были средств осуществить первое условие коммунистической ассоциации, именно коллективное ведение хозяйства, и так как парцеллирование было лишь одним из условий, вызвавших впоследствии потребность в подобной ассоциации. И вообще коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из городов. Во втором случае, если Санкт-Санчо говорит о разоряемых мелких собственниках, то у этих последних все еще имеется общий интерес с крупными земельными собственниками как по отношению к совершенно неимущему классу, так и по отношению к промышленной буржуазии. Если же этот общий интерес отсутствует, то у них нет силы присвоить себе крупную земельную собственность, так как они живут разбросанно и вся их деятельность и весь их жизненный уклад делает для них невозможным объединение, это первое условие подобного присвоения, и так как подобное движение предполагает, в свою очередь, гораздо более общее, совершенно независящее от них движение. В конце концов, вся тирада Санчо сводится к тому, что они должны просто выбить из своей головы уважение к собственности других. Об этом мы еще услышим кое-что в дальнейшем.

В заключение запротоколируем еще одно положение. «На практике люди не уважают именно ничего», так что, повидимому, дело «именно» вовсе не в «уважении»...

Рассуждение 2-е. Частная собственность, государство и право.

«Если бы, если бы, если бы!»

«Если бы» Санкт-Санчо оставил на минуту в стороне ходячие представления юристов и политиков насчет частной собственности, равно как и полемику против них, если бы он рассмотрел эту частную собственность в ее эмпирическом существовании, в ее связи с производительными силами индивидов, то вся его соломонова мудрость, которую он расточает теперь перед нами, свелась бы к нулю. От него тогда вряд ли ускользнуло бы (хотя, подобно Аввакуму, он capable de tout), что частная собственность является необходимой для известной ступени развития производительных сил формой сношений, которую нельзя устранить, без которой нельзя обойтись для производства непосредственной материальной жизни, пока не будут созданы производительные силы, для которых частная собственность является узами. В этом случае и от читателей не ускользнуло бы, что Санчо должен был бы заняться вопросом о материальных отношениях, вместо того чтобы превратить весь мир в систему теологической морали и противопоставить этой системе новую систему морали, долженствующей быть эгоистической. От него бы не ускользнуло тогда, что дело идет о совершенно иных вещах, чем «уважение» и неуважение. «Если бы, если бы, если бы»!

Впрочем, это «если бы» является только отзвуком вышеприведенной фразы Санчо, ибо «если бы» Санчо сделал все это, то он, разумеется, не написал бы своей книги.

Благодаря тому, что Санкт-Санчо принимает на веру иллюзию политиков, юристов и прочих идеологов, ставящих на голову все эмпирические отношения, прибавляя к ним, по немецкому обычаю, еще собственные иллюзии, благодаря этому *частная собственность превращается* у него *в государственную собственность*, resp. *правовую собственность*, над которой он может теперь проделать эксперимент для оправдания своих указанных выше равенств. Присмотримся прежде всего к тому, как частная собственность превращается в государственную собственность.

«Вопрос о собственности решает только сила, власть» (вопрос о власти решает, пока что, скорее собственность), «и так как государство — безразлично, государство ли граждан, государство ли голяков (штирнеровский «Союз») или государство людей — одно только обладает властью, то оно одно и является собственником» (стр. 333).

Рядом с фактом «немецкого государства граждан» здесь опять-таки фигурируют на равных правах фантазии Санчо, между тем как нигде у него нельзя найти упоминания об исторических значительных государственных образованиях. Сперва он превращает государство в некоторую особу, в «обладающего властью». Тот факт, что господствующий класс конституирует свое коллективное господство в публичную власть, в государство, он толкует — извращая его на немецко-мелкобуржуазный манер — в том смысле, будто «государство» конституируется, в качестве третьей силы, против этого господствующего класса и поглощает в себе, в противовес ему,

всю власть. А вслед за тем он подтверждает эту свою веру на целом ряде примеров.

Между тем как собственность связана при господстве буржуазии, как и во все другие эпохи, с известными — прежде всего экономическими, зависящими от степени развития производительных сил и сношений, — условиями, которые получают неизбежно политическое и юридическое выражение, Санкт-Санчо в своей наивности полагает, будто «государство связывает владение собственностью (car tel est son bon plaisir) с условиями, подобно тому как оно связывает с ними все, например, брак» (стр. 335).

Так как буржуа не позволяют государству вмешиваться в их частные интересы и дают ему лишь столько силы, сколько необходимо для их собственной безопасности и для сохранения конкуренции; так как буржуа выступают вообще в качестве граждан государства лишь постольку, поскольку этого требуют их частные дела, то Jacques le bonhomme полагает, будто они «ничто» перед государством. «Государство заинтересовано лишь в том, чтобы быть самому богатым; богат ли Михель и беден ли Петер, это для него безразлично; оба они—ничто перед ним» (стр. 334). Ту же мудрость он на стр. 345 черпает из того факта, что государство терпит конкуренцию.

Если дирекция железной дороги интересуется своими акционерами лишь постольку, поскольку они уплачивают свои взносы и получают свои дивиденды, то берлинский школьный учитель в своей невинности умозаключает отсюда, что акционеры «ничто перед ней, подобно тому как мы всегда грешники перед богом». На основании бессилия государства по отношению к поведению частных собственников Санчо доказывает бессилие частных собственников по отношению к государству и свое собственное бессилие по отношению к обоим.

Далее. Так как буржуа организовали защиту своей собственности в государстве и так как поэтому «Я» могу отнять «у того фабриканта» его фабрику, лишь придерживаясь условий буржуазного строя, т. е. конкуренции, то это дает Jacques le bonhomme'у повод утверждать, что «государство имеет фабрику в виде собственности, фабрикант же только в виде лена, в виде владения» (стр. 347). Таким же точно образом собака, охраняющая мой дом, «имеет» этот дом «в виде собственности», а я имею его только в виде «лена и владения», полученного от собаки.

Так как скрытые материальные условия частной собственности должны часто вступать в противоречие с *юридической иллюзией* насчет частной собственности, — как это обнаруживается, напр., в случае экспроприаций, — то Jacques le bonhomme умозаключает отсюда, будто «здесь прямо бросается в глаза скрытый в других случаях принцип, что только государство есть собственник, а индивид — ленник» (стр. 335). «Здесь бросается только в глаза», что от глаз нашего бравого бюргера скрылись за завесой «святого» мирские отношения собственности и что он все еще должен раздобыть себе в Китае «небесную лествицу», чтобы «взобраться» на ту «ступень культуры», на которой в цивилизованных странах находятся даже школьные

учителя. Санчо превращает здесь связанные с *существованием* частной собственности противоречия в *отрицание* частной собственности, подобно тому как он это делал — мы видели это выше — с противоречиями внутри буржуазной семьи.

Так как буржуа и вообще все члены буржуазного общества вынуждены конституироваться в качестве Мы, в качестве морального лица, в качестве государства, чтобы обеспечить свои общие интересы и вручить свою полученную таким образом коллективную власть, уже из соображений разделения труда, немногим лицам, то Jacques le bonhomme воображает, будто «каждый лишь постольку пользуется собственностью, поскольку он носит в себе Я государства или является лойяльным членом общества... Кто является государственным Я, т. е. хорошим гражданином или подданным, тот, в качестве *подобного* Я, а не собственного Я, спокойно пользуется леном» (стр. 334, 335). С этой точки зрения каждый лишь постольку владеет железнодорожной акцией, поскольку он «носит в себе» «Я» «дирекции», — и, значит, железнодорожной акцией можно владеть, только будучи святым.

После того как Санкт-Санчо уяснил себе таким образом тожество частной и государственной собственности, он может продолжать: «Тот факт, что государство не отнимает произвольно у отдельного индивида то, что он получил от государства, сводится к тому же самому, что святой Санчо не обирает самого себя (стр. 334, 335). Тот факт, что Санкт-Санчо не отнимает у другого его собственности произвольно, для меня равносилен тому, что Санкт-Санчо не обирает самого себя, так как он «*рассматривает*» всякую собственность как Свою собственность.

От нас не станут требовать, чтобы мы подробнее занялись прочими фантазиями Санкт-Санчо насчет государства и собственности, напр., его утверждением, что государство «приманивает» и «награждает» отдельных индивидов при помощи собственности, что оно из особого коварства установило высокие судебные издержки, чтобы разорить граждан, если они не лойяльны и т. д., и чтобы вообще мы занимались *мелкобуржуазным немецким* представлением о *всемогуществе* государства, встречающимся уже у старых немецких юристов, а здесь преподносимым нам в форме торжественных и пышных заверений. Свое пространно-доказанное тожество государственной и частной собственности он пытается подтвердить под конец еще путем этимологической синонимики, что дает ему повод задать своей учености en ambas posaderas.

«Моя частная (приватная) собственность, это— лишь то, что государство предоставляет мне из *своей* собственности, *лишая* (priviert) этого других членов государства: она — государственная собственность» (стр. 339).

Случайно оказывается, однако, что дело обстоит как раз наоборот. Частная собственность в Риме, к которой только и может относиться этимологический каламбур, находилась в самом резком противоречии с государственной собственностью. Правда, государство давало плебеям частную

собственность, но при этом не лишало «других» их частной собственности, а лишало самих этих плебеев их государственной собственности (ager publicus) и их политических прав, и поэтому *именно* они назывались privati, обобранные, а не те фантастические «другие члены государства», о которых фантазирует Санкт-Санчо. Jacques le bonhomme срамится во всех странах, на всех языках и во все эпохи, лишь только ему приходится заговорить о положительных фактах, о которых «святое» не может иметь никаких априорных познаний.

Отчаяние по поводу того, что государство поглощает всю собственность, загоняет его обратно в его внутреннейшее «возмущенное» самосознание, где его ошеломляет открытие, что он *литератор*. Свое изумление он выражает в следующих замечательных словах:

«В противоположность государству, Я все отчетливее чувствую, что у Меня еще остается одна великая власть, именно — власть над самим Собой»; в дальнейшем это излагается следующим образом: «В Своих мыслях Я имею действительную собственность, которой Я могу торговать» (стр. 339). Итак «голяк» Штирнер, «человек лишь идеального богатства», приходит к отчаянному решению начать торговать свернувшимся, скисшим молоком своих мыслей. Но как же он возьмется за это, если государство объявит его мысли контрабандой? Слушайте: «Я отдаю их» (несомненно очень мудро) «и обмениваю их на другие» (т. е. в том случае, если найдется такой бездарный делец, который согласится на подобный обмен мыслей), «которые тогда являются Моей новой купленной собственностью» (стр. 339). Наш честный бюргер не успокаивается до тех пор пока не будет написано черным по белому, что он честно купил свою собственность. — См. утешение берлинского бюргера во всех его государственных бедствиях и политических огорчениях: «Мысли свободны от пошлины!»

Превращение частной собственности в государственную сводится, в конце концов, к мысли, будто буржуа владеет только в качестве экземпляра рода буржуа, который в своей совокупности называется государством и дает отдельным индивидам, в виде лена, собственность. Здесь дело опять-таки поставлено на голову. В буржуазном классе, как и во всяком другом классе, форму общественных и всеобщих условий принимают только развившиеся личные условия, при которых владеют и живут отдельные члены класса. Если прежде подобные философские иллюзии могли еще встречаться в Германии, то теперь, с тех пор как мировая торговля доказала достаточно убедительно, что буржуазная промышленность вовсе не зависит от политики, но зато политика всецело зависит от буржуазной промышленности, — теперь они стали совершенно смехотворными. Уже в XVIII в. политика настолько зависела от торговли, что, когда, напр., французское государство захотело как-то заключить заем, то поручиться перед голландцами за него должен был один частный человек.

Что «обесценение Меня» или «пауперизм» есть «реализация стоимости» или «существование» «государства» (стр. 336), это — одно из 1001 штирне-

ровских уравнений, о котором мы упоминаем здесь лишь потому, что в связи с ним мы узнаем кое-какие новые вещи о пауперизме.

«Пауперизм, это — *обесценение Меня*, это то явление, что Я не могу реализовать Себя как стоимость. Поэтому государство и пауперизм едино суть... Государство всегда старается *извлечь пользу* из Меня, т. е. эксплоатировать Меня, утилизировать, использовать, хотя бы это использование состояло только в том, чтобы я заботился о proles (пролетариат). Оно хочет, чтобы я был его креатурой» (стр. 336).

Независимо от того, что здесь обнаруживается, как мало зависит от него реализовать свою стоимость, хотя он везде и всюду может сохранить свою особенность, что здесь опять-таки, в противоположность прежним утверждениям, совершенно обособлены друг от друга сущность и явление, — независимо от этого здесь снова повторяется приведенное выше мелкобуржуазное мнение нашего Jacques le bonhomme, будто «государство» хочет эксплоатировать его. Интересно также, что древне-римское этимологическое производство слова «пролетариат», наивно относится здесь к современному государству. Неужели Санкт-Санчо действительно не знает, что повсюду, где развилось современное государство, «забота о proles» является для государства, т. е. для официальных буржуа, самой неприятной формой деятельности пролетариата? Не следовало ли бы ему перевести для собственного поучения на немецкий язык Мальтуса и министра Дюшателя? Санкт-Санчо в качестве немецкого мелкого буржуа «чувствовал» прежде «все определеннее», что, «в противоположность государству, у него еще осталась великая сила», именно — сила создавать себе мысли на зло государству. Если бы он был английским пролетарием, то он почувствовал бы, что у него «осталась сила» создавать на зло государству детей.

Затем дальнейшие иеремиады против государства! Дальнейшая теория пауперизма! В качестве «Я» он «творит» сперва «муку, полотно или железо и уголь», чем он заранее уничтожает разделение труда. Затем он начинает «пространно» «жаловаться», на то, что его работа не оплачивается по своей стоимости, и прежде всего оказывается в конфликте с лицами, оплачивающими работу. Затем на сцену появляется государство в роли «успокоителя». «Если Я не довольствуюсь ценою, которую оно (именно государство) устанавливает за мой товар и труд, если Я стремлюсь сам установить цену Своего товара, стремлюсь сам к тому, чтобы Мне уплатили, то Я оказываясь в конфликте прежде всего» (великое «прежде всего!»—не с государством, а) «с покупателями товара» (стр. 337). Если же он захочет вступить в прямые сношения с этими покупателями, т. е. захочет «схватить их за глотку», то государство «вмешивается», «отрывает человека от человека» (хотя дело шло не о «людях», а о рабочем и работодателе или — что он безбожно смешивает — о покупателе и продавце), и государство делает это с коварным умыслом «стать посредине в качестве *духа*» (разумеется, святого духа). «С рабочими, желающими получить бо́льшую плату, обращаются, как с преступниками, лишь только они пожелают *вынудить* ее» (стр. 337).

Здесь перед нами снова какой-то букет бессмыслицы. Господин Сениор мог бы не писать своих писем о заработной плате, если бы он предварительно вступил в «прямые сношения» с Штирнером, тем более, что в этом случае государство «не оторвало бы человека от человека». Санчо заставляет здесь государство выступать трижды. Сперва в роли «успокоителя», затем в качестве определяющего цену фактора, наконец, в виде «духа», в виде святого. Что Санкт-Санчо, после достославного отожествления частной и государственной собственности, заставляет также государство определять заработную плату, — это свидетельствует столько же о большой последовательности, сколько о незнакомстве его с делами мира сего. Что «с рабочими, которые хотят вынудить высшую заработную плату», не обращаются вовсе в Англии, Америке и Бельгии непременно как с «преступниками» и что, наоборот, они довольно часто добиваются в действительности этой высшей платы, это опять-таки неизвестный нашему святому факт, сильно портящий его легенду о заработной плате. Что рабочие — даже, если бы государство не «стало посредине» и если бы они «схватили за глотку» своих работодателей — ничего бы этим не добились, во всяком случае добились бы гораздо меньшего, чем путем ассоциаций и забастовок, пока они остаются рабочими, а их противники — капиталистами, — это тоже факт, с которым можно познакомиться даже в Берлине. Точно так же нечего доказывать, что буржуазное общество, которое основывается на конкуренции, и его буржуазное государство, в силу всей своей материальной основы, не могут допустить между гражданами никакой иной борьбы, кроме конкуренции, и должны выступить, если люди «хватают друг друга за глотки», не в виде «духа», а со штыками.

Впрочем, мнение Штирнера, будто государство только обогащается, когда индивиды обогащаются на основе буржуазной собственности, или что до сих пор всякая частная собственность была государственной собственностью, — мнение это опять-таки ставит на голову исторические отношения. Вместе с развитием и накоплением буржуазной собственности, т. е. с развитием торговли и промышленности, индивиды становились все более богатыми, государство же становилось все более задолженным. Явление это обнаружилось уже в первых итальянских торговых республиках, но достигло своего кульминационного пункта в прошлом столетии в Голландии, где биржевой спекулянт Пинто указал на него уже в 1750 г., а теперь оно снова обнаруживается в Англии. Поэтому-то и выходит, что лишь только буржуазия собрала денег, как государство должно начать просить милостыню у нее, а под конец и просто покупается ею. Это происходит в тот период, когда против буржуазии стоит еще другой класс и когда, следовательно, государство может сохранить некоторую видимость самостоятельности по отношению к каждому из них. Даже после этой покупки у государства все еще остается потребность в деньгах, оно все еще поэтому остается зависимым от буржуа, но, если этого требуют интересы буржуа, оно способно располагать всегда бо́льшими средствами, чем другие, менее развитые и

поэтому менее задолженные государства; однако даже самые неразвитые государства Европы, члены Священного союза, неотвратимо идут навстречу этой судьбе и будут скуплены буржуа с аукциона; а тогда Штирнер сможет их утешить тожеством частной и государственной собственности; в особенности сможет утешать он так своего собственного государя, который тщетно старается задержать час продажи государственной власти сделавшимся «злыми» «бюргерам».

Теперь мы переходим к вопросу об отношениях между частной собственностью и правом, где нам снова преподносят, но в другой форме, ту же самую дребедень. Тожество государственной и частной собственности получает здесь по внешности новый оборот. Политическое *признание* частной собственности рассматривается как *основа* частной собственности.

«Частная собственность живет милостью права. Только в праве она имеет свою гарантию, — владение не есть еще собственность; оно становится Моим владением только с согласия права; это — не факт, а фикция, мысль. Это — собственность в силу права, правовая собственность, гарантированная собственность; она Моя не благодаря Мне, а благодаря *праву*» (стр. 332).

В этой фразе приведенная уже выше бессмыслица о государственной собственности достигает еще большей высоты комизма; мы поэтому перейдем немедленно к тому, как Санчо эксплоатирует фиктивное jus utendi et abutendi.

На стр. 332 мы узнаем, кроме вышеприведенной прекрасной сентенции, что собственность «есть неограниченная сила, власть над чем-то, чем Я могу располагать по своему произволу». Но «сила» не есть «нечто существующее для себя, а существующее только в сильном Я, во Мне сильном» (стр. 366). Поэтому собственность не есть вовсе «вещь», не есть «это дерево — но Моя сила, Мое распоряжение им есть Мое» (стр. 366). Он знает только «вещи» и «Я». «Отделенная от Я», объективированная против него, превращенная в «призрак» сила есть право. «Эта увековеченная сила» (отдел о наследственном праве) «не угасает даже с Моей смертью, но переносится или передается по наследству; вещи в действительности принадлежат не Мне, а праву. С другой стороны, эти опыты не что иное, как простой мираж, ибо сила отдельного индивида становится постоянной и правом лишь потому, что другие индивиды соединяют с ней свои силы. Иллюзия заключается в том, что они думают, будто они не могут отобрать обратно своей силы» (стр. 366—367). «Какая-нибудь собака видит кость во власти другой собаки и отказывается от нее, если чувствует себя слишком слабой. Человек же уважает *право* другого человека на его кость... И как здесь, так и вообще, говорят о «*человеческом*», когда видят во всем нечто *духовное* (здесь — право), т. е. превращают все в призрак и относятся к этому, как к призраку... Человечно рассматривать отдельное не как отдельное, а как всеобщее» (стр. 368—369).

Таким образом опять-таки вся беда происходит от веры индивидов в понятие права, которое они должны выбить из своей головы. Санкт-Санчо

знает лишь «вещи» и «Я», обо всем же, что не подходит под эти рубрики, обо всех отношениях он имеет лишь абстрактные понятия, превращающиеся поэтому для него тоже в «призраки». «С другой стороны», ему, правда, кажется иногда, что все это — простой «мираж» и что «сила отдельного индивида» не мало зависит от того, соединяют ли с ней свою силу другие люди. Но, в последнем счете, все сводится к иллюзии, что отдельные индивиды «*думают*, будто они не могут отобрать обратно своей силы». «В действительности», значит, железная дорога принадлежит не акционерам, а статутам. Санчо тотчас же приводит поразительный пример с наследственным правом. Он объясняет его не из необходимости накопления и существующей до права семьи, а из *юридической фикции* о посмертном *продлении силы*. По мере перехода феодального общества в буржуазное все законодательства все более и более отказываются от этой юридической фикции. (Ср., напр., Code Napoléon.) Мы здесь не будем разъяснять того, что абсолютная отцовская власть и право майората,— как первоначального, ленного майората, так и позднейшего, — основываются на весьма определенных материальных отношениях. То же самое наблюдается у древних народов в эпоху разложения *общинной* жизни и замены ее режимом частной собственности (лучшим доказательством этого является история римского наследственного права). Вообще Санчо не мог выбрать более неудачного примера, чем наследственное право, которое очень отчетливо показывает зависимость права от производственных отношений. (Ср., напр., римское и германское наследственное право.) Разумеется, ни одна собака ни разу еще не сделала из какой-нибудь кости фосфора, костяной муки или извести, и точно так же она ни разу «не вбила себе чего-нибудь в голову» насчет своего «права» на кость: точно так же Санкт-Санчо ни разу не «вбил себе в голову», чтобы подумать о том, не связано ли право, которого требуют для себя люди на кость, а собаки не требуют, с тем, что люди обращают эту кость в предмет производства, а собаки — нет. Вообще этот пример показывает нам всю сущность метода критики Санчо и его непоколебимую веру в ходячие иллюзии. Существовавшие до сих пор производственные отношения индивидов должны выражаться также в качестве правовых и политических отношений (см. выше). В рамках разделения труда эти отношения должны объективироваться и приобрести самостоятельное существование по отношению к индивидам. Все отношения могут быть выражены в языке только в виде понятий. Существование этих общностей и понятий в виде каких-то таинственных сил является необходимым следствием объективирования реальных отношений, выражением которых они являются. Общности эти, кроме указанной значимости в обычном сознании, приобретают еще особую значимость и развитие у политиков и у юристов, которые, благодаря разделению труда, приходят к культу этих понятий и начинают видеть в них, а не в производственных отношениях, истинную основу всех реальных отношений собственности. Санкт-Санчо спокойно принимает эту иллюзию и благодаря этому начинает рассматривать правовую собственность как основу частной

собственности, а правовое понятие — как основу правовой собственности и может затем ограничить всю свою критику тем, что объявляет правовое понятие понятием, призраком. Этим Санкт-Санчо и ограничивается. Для его успокоения мы заметим ему, что во всех ранних законодательствах поведение двух собак, нашедших кость, рассматривается как право (vim vi repellere licere, говорят Пандекты; idque jus natura comparatur, под чем понимается jus quod natura omnia animalia — людей и собак — docuit; впоследствии же организованное отражение силы силой становится «как раз» правом.

Санкт-Санчо, который теперь разошелся, обнаруживает свою эрудицию в области истории права тем, что начинает спорить с Прудоном из-за его «кости». Прудон, — говорит он, — старается одурачить нас, уверяя, что общество есть первоначальный владелец и единственный собственник не имеющего давности права; по отношению к нему так называемый собственник стал вором; поэтому, если оно отнимает у какого-нибудь собственника его собственность, то оно не отбирает у него ничего, так как оно лишь реализует свое не имеющее давности право. Вот до чего доходят с призраком общества как *морального лица* (стр. 330—331). В противоположность этому, Штирнер старается «одурачить» нас, утверждая на стр. 340, 367, 420 и др., что мы, т. е. неимущие, подарили собственникам их собственность из неведения, трусости или же по доброте и т. д., и требует от нас, чтобы мы отобрали свой подарок. Между обоими «дурачествами» существует та разница, что Прудон основывается на историческом факте, Санкт-Санчо же «вбил себе только нечто в голову», чтобы придать делу «новый оборот». Дело в том, что новейшие исследования по истории права установили, что как в Риме, так и у германских, кельтских и славянских народов, развитие собственности имело исходным пунктом общинную или родовую собственность и что настоящая частная собственность возникла повсюду путем узурпации; этого Санкт-Санчо, разумеется, не мог извлечь из глубокомысленной идеи о том, что понятие о праве есть понятие. Прудон был вполне прав, подчеркивая, в противовес юристам-догматикам, этот факт и вообще борясь с ними при помощи их же собственных предпосылок. «Вот до чего можно дойти с призраком» понятия права как понятия. На Прудона и его приведенное выше положение можно было бы обрушиться лишь в том случае, если бы он стал защищать более ранние и грубые формы собственности против частной собственности, явившейся шагом вперед по отношению к первобытному общинному быту. Санчо резюмирует свою критику Прудона в форме высокомерного вопроса: «К чему взывать так сантиментально, подобно ограбленному бедняку, о сострадании?» (стр. 420). Очевидно, сантиментальность — которую, впрочем, нигде у Прудона нельзя встретить — дозволена только относительно Мариторны. Санчо, действительно, воображает, что он какой-то «молодчага» по сравнению с таким, верующим в привидения, субъектом, как Прудон. Он считает революционным свой напыщенный проповеднический стиль, которого устыдился бы Фридрих-Вильгельм IV. «Блаженны

верующие»! На стр. 340 мы узнаем, что «все попытки создать разумные законы касательно собственности проистекали из *груди любви*, вливаясь в пустынное море определений». Сюда же относится не менее чудная фраза: «Существовавшие до сих пор сношения основывались на любви, на полном внимания поведении, на заботе друг о друге» (стр. 385). Санкт-Санчо хочет поразить здесь самого себя удивительным парадоксом насчет права и сношений. Но если мы вспомним, что он понимает под «любовью» любовь к «*Человеку*» вообще, как к чему-то существующему в себе и для себя, как к чему-то всеобщему, что под отношением к индивиду или вещи он понимает отношение сущности к святому, — то от этого внешнего блеска ничего не остается. Вышеприведенные оракульские изречения сводятся тогда к старым, надоедавшим нам на протяжении всей «Книги», тривиальностям, что две вещи, о которых Санчо ничего не знает — именно существовавшие до сих пор права и существовавшие до сих пор сношения — являются «святыми» и что вообще до сих пор только «понятия господствовали над миром». Отношение к святому, называемое вообще «уважением», можно иногда именовать и «любовью» (см. «Логику»).

Приведем только один пример того, как Санкт-Санчо превращает законодательство в любовную связь, а торговые дела — в любовное дело: «В одном регистрационном билле для Ирландии правительство внесло предложение считать избирателями лишь тех лиц, которые уплачивают пять фунтов стерлингов налога в пользу бедных. Таким образом, кто дает милостыню, тот получает политические права или же в кое-каких странах становится рыцарем ордена лебедя» (стр. 344). Заметим здесь прежде всего, что этот «регистрационный билль», дававший «политические права», был муниципальным или корпоративным биллем, или же, выражаясь более понятным для Санчо языком, «городовым положением», которое могло давать не «политические права», а городские права, избирательные права для выбора местных чиновников. Во-вторых, Санчо, занимающийся переводом Мак-Куллоха, должен был бы знать и что значит to be assessed to the poor-rates at five pounds. Это значит не «платить пять фунтов налога в пользу бедных», а быть внесенным в списки плательщиков налога в пользу бедных, в качестве жильца дома, наем которого обходится ежегодно в пять фунтов. Наш берлинский Bonhomme не знает, что налог в пользу бедных в Англии и Ирландии, это — *местный* налог, имеющий *различные* размеры в разных городах и в разные годы, так что просто невозможно было бы связать какие-нибудь права с уплатой определенного налога. Наконец, Санчо думает, будто английский и ирландский налог в пользу бедных, это — «*милостыня*»; в действительности же эти деньги служат для прямого и открытого нападения господствующей буржуазии на пролетариат. Они покрывают расходы на содержание работных домов, которые, как известно, являются мальтузианским террористическим средством против пауперизма. Мы видим, как удачно Санчо «вытекает из груди любви, вливаясь в пустынное море определений».

Заметим, между прочим, что, так как немецкая философия исходила лишь от самосознания, то она должна была закончиться моральной философией, где различные герои препираются между собою из-за истинной морали: Фейербах любит человека ради человека, Санкт-Санчо любит его, потому что он этого «заслуживает» (*Виганд*, стр. 137), и Санкт-Санчо любит «каждого», ибо это ему нравится, с сознанием эгоизма («Книга», стр. 387).

Мы уже слышали выше в первом отделе о том, как преисполненные уважения мелкие земельные собственники исключили себя из крупной земельной собственности. Это исключение самого себя из чужой собственности, под влиянием уважения к ней, рассматривается вообще как признак буржуазной собственности. На основании этого признака Штирнер пытается объяснить себе, почему «внутри буржуазии, несмотря на ее желание, чтобы каждый был собственником, большинство не имеет почти ничего» (стр. 348). Это «происходит оттого, что большинство радуется уже вообще возможности быть владельцами хотя бы только нескольких тряпок» (стр. 349). Что «большинство» обладает только «несколькими тряпками», Шелига считает вполне естественным благодаря их любви к тряпкам.

Стр. 343: «Итак, я просто владелец. Нет, до сих пор люди были только владельцами, уверенными в обладании каким-нибудь клочком, благодаря тому, что допускали и других владеть каким-нибудь клочком, теперь же *все* принадлежит Мне, Я — собственник всего, что Мне нужно и что Я могу иметь».

Подобно тому как Санчо заставил раньше мелких земельных собственников, проникнувшись уважением к крупной собственности, исключить себя из нее; подобно тому как теперь он заставляет мелких земельных собственников исключить себя друг из друга, так он мог бы в дальнейшем, переходя к деталям, исключить торговую собственность из земельной собственности, фабричную собственность из собственности торговой и т. д., — все это на основании уважения, — и прийти таким образом к совершенно новой политической экономии, опирающейся на основу святого. А тогда достаточно ему выбить из головы уважение, чтобы одним ударом покончить с разделением труда и вытекающей отсюда формой собственности. Пример этой новой политической экономии Санчо мы встречаем на стр. 128 «Книги», где он покупает иголку не у shopkeeper'a, а у уважения, и не на деньги у shopkeeper'a, а на уважение у иглы. Впрочем, догматическое самоисключение каждого индивида из чужой собственности, с которым воюет Санчо, это — чисто юридическая иллюзия; при современном способе производства и сношений ни один индивид не считается совершенно с этой иллюзией и думает главным образом о том, чтобы исключить всех других индивидов из принадлежащей им собственности. О том, что представляет собой штирнеровская «собственность на все», можно судить на основании придаточного предложения: «что Мне нужно и что Я *могу иметь*». Он сам разъясняет это подробнее на стр. 353. «Если Я скажу: Мне принадлежит мир, *то это, собственно говоря, пустая болтовня*, имеющая смысл лишь постольку,

поскольку Я не уважаю никакой чужой собственности», т. е., поскольку *неуважение* к чужой собственности является его *собственностью*.

Санчо в его излюбленной частной собственности огорчает именно исключительность ее, без которой она была бы бессмыслицей, — тот факт, что помимо него имеются еще другие частные собственники. Ведь чужая частная собственность священна. Мы увидим, как в своем «Союзе» он справляется с этим бедствием. Мы убедимся именно, что его эгоистическая собственность, собственность в необыкновенном смысле слова, есть не что иное, как преображенная его всеосвящающей фантазией обыкновенная или буржуазная собственность.

Закончим здесь следующим, достойным Соломона, изречением: «Если люди достигнут того, что они потеряют уважение к собственности, то каждый будет обладать собственностью... Тогда...[1]

. . . . . .

Однажды утром пишущий эти строки, одевшись в соответствующий костюм, отправился к господину министру Эйхгорну: «Так как дело с фабрикантом не клеится» (господин министр финансов не дал ему ни места, ни денег для постройки собственной фабрики, а господин министр юстиции не разрешил отнять фабрику у фабриканта — см. выше главу о буржуазной собственности), «то Я хочу конкурировать с этим профессором права; этот человек — просто дурачина, и Я, знающий во сто раз больше, чем он, добьюсь, что его аудитория опустеет». — «Но, друг, учился ли Ты и получил ли диплом?» — «Нет, но что же из этого? Я знаю все, что нужно для того, чтобы преподавать». — «Мне очень жаль, но конкуренция здесь не «свободна». Я не имею ничего против твоей особы, но дело в том, что нехватает самого существенного — докторского диплома, а Я, государство, требую здесь диплома». — «Так вот какова, значит, свобода конкуренции, — вздохнул пишущий эти строки, — лишь государство, *Мой господин*, дает мне возможность конкурировать». После чего, удрученный, он вернулся к себе на квартиру (стр. 347).

В более передовых странах ему бы не пришло в голову спрашивать у государства о разрешении конкурировать с профессором права. Но раз он обращается к государству, как к *работодателю*, и требует у него вознаграждения, т. е. *заработной платы*, и, *следовательно*, сам вступает в конкуренцию, то после его известных уже нам рассуждений о частной собственности и privati, общинной собственности, пролетариате, lettres patentes, государстве и status'e и т. д. вряд ли можно предполагать, что он будет «удачно конкурировать». Судя по его прошлым подвигам государство может назначить его в лучшем случае пономарем (стражем) «святого» в какомнибудь захолустном померанском государственном имении.

Для развлечения мы можем «эпизодически» «привести» здесь великое открытие Санчо, что между «бедными» и «богатыми» то же самое различие, что между «*состоятельными* и *несостоятельными*» (стр. 354).

[1] В рукописи нехватает одного листа — *Прим. ред.*

Пустимся теперь снова в «пустынное море» штирнеровских «определений» насчет конкуренции: «С конкуренцией менее» (о «менее»!) «связано намерение сделать дело по возможности лучше, чем намерение сделать его по возможности *доходным*, выгодным. Поэтому занимаются ради какой-нибудь должности (хлебное занятие), изучают искусство низкопоклонства и лести, изучают рутину и «знание дела», работают «для видимости». Поэтому, если по внешности заботятся как будто бы о «хорошей работе», то в действительности имеют в виду лишь «хорошее дело» и денежный заработок... Конечно, вовсе не хочется быть цензором, но зато хочется получить повышение... боятся перемещения или смещения» (стр. 354, 355).

Пусть наш Bonhomme отыщет учебник по политической экономии, в котором теоретики утверждают, что при конкуренции дело идет о «хорошей работе» или же о том, чтобы «сделать по возможности лучше дело», а не о том, чтобы «сделать его по возможности доходным». Впрочем, в любой книге этого рода он найдет, что при режиме частной собственности «лучше всего делает дело», разумеется, самая развитая конкуренция, как, например, в Англии. Мелкое торговое и промышленное мошенничество процветает лишь в условиях ограниченной конкуренции, среди китайцев, немцев, евреев, вообще среди разносчиков и мелких лавочников. Но наш святой не упоминает даже о торговле в разнос; он знает только конкуренцию сверхштатных чиновников и референдариев, обнаруживая здесь все черты образцового королевско-прусского мелкого чиновника. С таким же успехом он мог бы привести, в качестве примера конкуренции, соревнование между придворными всех времен из-за милости государя, но это лежало слишком далеко от его мелкобуржуазного кругозора.

После этих поразительных приключений с сверхштатными чиновниками, с жалованием, кассами, казначеями и регистраторами, Санкт-Санчо переживает замечательное приключение с знаменитым конем Клавиленьо, о котором рассказывает пророк Сервантес в Новом Завете, в 41-й главе. Санчо садится здесь на высокую экономическую лошадь и определяет минимум заработной платы при помощи «святого». Правда, и здесь он снова обнаруживает свою прирожденную робость и первоначально отказывается сесть на летающего коня, уносящего его далеко выше туч, в область «где порождаются град, снег, гром и молния». Но «герцог», т. е. «государство», ободряет его, и, после того как более смелый и опытный Шелига-Дон-Кихот уселся в седло, наш храбрый Санчо садится сзади него на круп лошади. Когда рука Шелиги повернула винт в голове лошади, то она поднялась высоко в воздух, и все дамы — в особенности Мариторны — кричали им вослед: «Пусть согласный с собой эгоизм сопровождает Тебя, мужественный рыцарь и еще более мужественный оруженосец, и да удастся Вам избавиться от призрака Маламбруно «святого». Но только держись твердо, мужественный Санчо, чтобы Ты не упал и чтобы с Тобой не произошло того, что приключилось с Фаэтоном, когда он захотел управлять колесницей солнца!»

«Если мы допустим» (он уже гипотетически колеблется), «что, подобно тому как *порядок* относится к *сущности* государства, так и *подчинение* обосновано в его *природе*» (приятное модулирование между «сущностью» и «природой» — «козами», которых наблюдал Санчо во время своего полета), «то мы заметим, что подчиненные» (должно, разумеется, быть: начальствующие) «или привилегированные непомерно обдирают и обсчитывают низший персонал» (стр. 357).

«Если мы допустим... то мы заметим». Должно было, собственно, быть: то мы допустим. Если мы допустим, что в государстве существуют «начальствующие» и «подчиненные», то мы вместе с тем «допустим», что первые имеют «привилегии» по сравнению с последними. Но стилистическую красоту этой фразы, равно как и внезапное признание «сущности» и «природы» какой-нибудь вещи, мы приписываем робости и смущению нашего, с трудом сохраняющего равновесие во время своего воздушного полета, Санчо, а также зажигаемым под его носом ракетам. Мы даже не удивляемся тому, что Санкт-Санчо выясняет себе следствия конкуренции, исходя не из конкуренции, а из бюрократии, и снова заставляет здесь государство определять заработную плату.

Он не понимает, что постоянные колебания заработной платы резко противоречат всей его прекрасной теории; при более внимательном изучении того, что происходит в промышленности, он заметил бы, конечно, примеры того, как рабочий, в согласии со всеобщими законами конкуренции, «обдирает» и «обсчитывает» фабриканта, если бы эти юридические и моральные выражения не утратили вовсе смысла в рамках конкуренции.

Как наивно-просто и мелкобуржуазно отражаются в единственном черепе Санчо мировые отношения, как он старается, подобно школьному учителю, извлечь для себя из всех этих отношений только моральные применения, опровергая их моральными же постулатами, — об этом ярко свидетельствует карикатурный вид, который принимает у него конкуренция. Мы должны привести целиком это интересное место, «для того, чтобы ничто не пропало».

«Что касается еще раз конкуренции, то она существует лишь потому, что не все интересуются своим же делом и не все приходят к соглашению друг с другом по поводу него. Так, напр., хлеб является потребностью всех жителей какого-нибудь города; поэтому они могли бы легко столковаться между собой и устроить публичную хлебопекарню. Вместо этого они предоставляют заботу об удовлетворении этой потребности конкурирующим между собой хлебопекам, и аналогично заботу о мясе — мясникам, о вине — виноторговцам и т. д... Если Я не забочусь о Своих делах, то Я должен *довольствоваться* тем, что угодно другим сделать для Меня. Иметь хлеб, это — Мое дело, Мое желание и стремление, и, однако, его предоставляют хлебопекам, рассчитывая, повидимому, благодаря их вражде, соперничеству, соревнованию, — словом, их конкуренции, получить выгоду, на которую

нельзя было надеяться при наличии цеховых мастеров, обладавших монопольным правом хлебопечения» (стр. 365).

Для нашего мелкого буржуа характерно то, что святой Санчо рекомендует своим мещанским согражданам, в противовес конкуренции, такое мероприятие, как публичные хлебопекарни, которые неоднократно существовали при цеховом строе и были уничтожены более дешевым, основывающимся на конкуренции, способом производства, — рекомендует мероприятие чисто местного типа, которое могло удержаться лишь в обстановке ограниченных отношений и которое неизбежно должно было погибнуть вместе с появлением конкуренции, уничтожившей эту ограниченность. Из факта конкуренции он не узнал даже того, что «потребность», напр., в хлебе каждый день иная, что вовсе не от него зависит, будет ли еще завтра хлеб «его делом» или будет ли еще признаваться делом со стороны других его потребность, и что в рамках конкуренции цена хлеба определяется издержками производства, а не произволом хлебопеков. Он совершенно знать не хочет всех, созданных впервые лишь конкуренцией, отношений: уничтожения местной ограниченности установления сообщений, развитого разделения труда, мировых сношений, пролетариата, машинизма и т. д., и с прискорбием озирается назад, на средневековое мещанство. Насчет конкуренции он может сообщить лишь то, что она есть «вражда, соперничество и соревнование»; связью ее с разделением труда, с отношением между спросом и предложением и т. д. он совершенно не интересуется. Что буржуа повсюду, где этого требовали их интересы (а насчет этого они способны судить лучше, чем Санкт-Санчо), всегда «приходили к соглашению», поскольку это допускали конкуренция и частная собственность, — об этом свидетельствуют акционерные общества, которые зародились вместе с появлением морской торговли и мануфактуры и притянули к себе все доступные им отрасли промышленности и торговли. Разумеется, подобные «соглашения», которые, между прочим, повели за собой завоевание целого царства в Индии, ничтожны по сравнению с благодушной фантазией насчет публичной хлебопекарни, заслуживающей обсуждения в «Фоссовой газете». Что касается пролетариев, то они, — по крайней мере, в своем современном виде, — возникли лишь из конкуренции и не раз уже создавали коммунистические предприятия, которые, однако, всякий раз погибали, потому что они не в состоянии были конкурировать с «враждующими» частными пекарями, мясниками и т. д. и потому что для пролетариев, благодаря вызванному разделением труда неоднократному противоречию их собственных интересов, невозможно другое «соглашение», кроме политического, направленного против всего ныне существующего строя. Там, где развитие конкуренции дает возможность пролетариям «приходить к соглашению», там они «соглашаются» насчет совершенно иных вещей, чем публичные хлебопекарни. Отсутствие «соглашения», констатируемое здесь Санчо между конкурирующими индивидами, вполне соответствует и противоречит его дальнейшим рассуждениям о конкуренции, которыми мы можем насладиться в

Комментарии (*Виганд*, стр. 173). «Конкуренцию ввели потому, что ее считали благом для всех, столковывались насчет нее, пытались трактовать ее сообща... насчет нее приходили примерно к такому соглашению, которое находят на охоте целесообразным... охотники, когда они рассыпаются по лесу и охотятся «в одиночку»... Правда, теперь оказывается... что «при конкуренции не каждый находит... свою выгоду!» «Оказывается», что Санчо знает об охоте ровно столько, сколько о конкуренции. Он говорит не о парфорсной охоте, не об охоте загоном, а об охоте в необыкновенном смысле слова. Ему остается только написать по вышеуказанным принципам новую историю промышленности и торговли и создать «Союз» для подобной необыкновенной охоты.

В том же самом тихом, мирном, интимно-идиллическом стиле говорит он об отношении конкуренции к вопросам нравственности.

«То, чего человек, как таковой (!), не может удержать за собой из физических благ, то мы в праве отнять у него — таков смысл конкуренции, свободы промысловой деятельности; точно так же достается нам то, чего он не может удержать из духовных благ. Неприкосновенны только *освященные* блага. Освященные и гарантированные кем?.. Человеком или понятием, понятием дела, вещи». В качестве примера подобных освященных благ он приводит «жизнь», «свободу личности», «религию», «честь», «чувство приличия», «чувство стыда» и т. д. (стр. 325).

Все эти «освященные блага» Штирнер может в передовых странах отнять, — правда, не у «человека, как такового», но у действительного человека, — разумеется, путем конкуренции и в рамках ее. Великий произведенный конкуренцией переворот в общественной жизни, который превратил взаимоотношения буржуа между собою и их отношения к пролетариям в чисто денежные отношения, а все вышеназванные «освященные блага» — в товары, и который разрушил для пролетариев все стихийно выросшие и традиционные отношения, наир., семейные и политические отношения, вместе со всей их идеологической надстройкой, — эта могучая революция исходила, разумеется, не из Германии. Германия играла в ней лишь пассивную роль; она допустила, чтобы у нее отняли ее освященные блага, не получив за них даже обычной цены. Поэтому и наш немецкий мелкий бюргер знает лишь лицемерные заверения буржуа насчет моральных границ конкуренции, тех самых буржуа, которые ежедневно топчут «освященные блага» пролетариев, их «честь», «чувство стыда», «свободу личности» и которые не дают им обучаться даже закону божию. В этих мнимых «моральных границах» он видит истинный «смысл» конкуренции и не видит в действительной конкуренции реального смысла этих границ.

Санчо резюмирует результаты своих исследований по вопросу о конкуренции в следующей фразе: «Свободна ли конкуренция, которую втискивает в тысячи границ государство, являющееся по буржуазному принципу господином?» (стр. 347). «Буржуазный принцип» Санчо, побуждающий его делать повсюду из «государства» господина и считать границы конкуренции,

вытекающие из способа производства и сношений, границами, в которые «государство» «втискивает» конкуренцию, выражается здесь еще раз с подобающим «возмущением».

«В самое последнее время» до Санчо дошли «из Франции» всякого рода новости (ср. *Виганд*, стр. 190), между прочим, и об объективировании лиц в конкуренции и о различии между конкуренцией и соревнованием. Но «бедный берлинец» «испортил по *глупости* эти прекрасные вещи» (*Виганд*, ibid., где в нем говорит его нечистая совесть). Так, напр., он говорит на стр. 346-й «Книги»: «Разве свободная конкуренция действительно свободна? Является ли она действительно «конкуренцией», именно конкуренцией *лиц*, за которую она себя выдает, — потому только, что она основывает на этом титуле свои права?» Госпожа Конкуренция, оказывается, выдает себя за нечто, потому что она (т. е. несколько юристов, политиков и фантазирующих мелких буржуа, этих последних отставших членов ее свиты) основывает на этом титуле свои права. При помощи этой аллегории Санчо начинает приспособлять «прекрасные вещи» «из Франции» для берлинского меридиана. Мы ничего не скажем о рассмотренном уже выше абсурдном утверждении его, что «государство не имеет ничего против Моей особы» и, следовательно, позволяет мне конкурировать, но только не дает мне «вещи» (стр. 347), и перейдем прямо к его доказательству того, что конкуренция вовсе не есть конкуренция лиц.

«Но конкурируют ли в действительности *лица*? Нет, опять-таки — *только вещи*! Деньги в первую очередь, и т. д. В соревновании один непременно отстанет от другого. Но большая разница, приобретаются ли недостающие средства с помощью *личной силы*, или же они получаются только благодаря милости, только в качестве подарка, и притом так, что, например, бедняк вынужден предоставить, т. е. подарить, богачу его богатство» (стр. 348).

«Теорию подарка» мы дарим ему (*Виганд*, стр. 190). Пусть он возьмет любой учебник права и заглянет в главу о «Договоре»: он узнает тогда, является ли «подарок», который он «вынужден подарить», подарком. Штирнер по этому именно способу «дарит» нам нашу критику его книги, ибо он «вынужден предоставить, т. е. подарить» ее нам.

Для Санчо не существует того факта, что из двух конкурентов, «вещи» которых равны, один разоряет другого. Точно так же для него не существует того факта, что рабочие конкурируют друг с другом, хотя они не обладают вовсе «вещами» (в штирнеровском смысле слова). Устраняя конкуренцию рабочих между собой, он выполняет одно из благочестивейших пожеланий наших «истинных социалистов», которые не замедлят очень горячо отблагодарить его. Конкурируют между собой «только вещи», а не «лица». Дерется между собой только оружие, а не люди, которые пользуются им и научились пользоваться им. Люди существуют здесь лишь для того, чтобы быть убитыми. В таком виде отражается конкуренционная борьба в головах мелкобуржуазных школьных учителей, которые перед лицом современных бирже-

вых баронов и хлопчатобумажных лордов утешают себя мыслью о том, что у них нехватает только «вещи», — а не то бы они показали тем свою «личную силу». Это ограниченное представление принимает еще более комический вид, если присмотреться несколько внимательнее к «вещам», а не ограничиваться всякого рода общими местами и банальностями, вроде разговора о «деньгах» (которые отнюдь не такая банальная вещь, как это кажется). К этим «вещам» относится, между прочим, и то, что конкурент живет в определенной стране и определенном городе, где он находит те же преимущества, что и его конкуренты, — что он конкурирует при благоприятных географических, геологических и гидрографических условиях; что в Лионе он работает в качестве фабриканта шелка, в Манчестере — в качестве хлопчатобумажного фабриканта, а в какую-нибудь предыдущую эпоху он был, например, арматором в Голландии, что разделение труда достигло в его отрасли производства, а также и в других, совершенно не зависящих от него, областях промышленности, высокого развития, что транспорт для него так же дешев, как и для его конкурентов; что он находит искусных рабочих и опытных надсмотрщиков. Всех этих необходимых для конкуренции «вещей» и вообще способности конкурировать на *мировом рынке* (которого он не знает и, если иметь в виду его теорию государства и его идею насчет публичных хлебопекарен, он может не знать, но который, к сожалению, определяет конкуренцию и способность к конкуренции) — всех этих «вещей» он не может ни добыть «личной силой», ни получить в виде «подарка» благодаря «милости» «государства» (ср. стр. 348). Прусское государство, которое пыталось «подарить» все это своему банку для заморской торговли, могло бы кое-что рассказать ему об этом. Санчо выступает здесь в качестве королевско-прусского философа этого банка, ибо его рассуждения являются, собственно, подробным комментарием к иллюзии прусского государства насчет его всемогущества и защитников банка для заморской торговли насчет их способности к конкуренции. Надо, впрочем, заметить, что конкуренция началась как «конкуренция лиц» с «личными средствами». Освобождение крепостных, первое условие конкуренции, первое накопление «вещей» были чисто «личными» актами. Поэтому, если Санчо хочет поставить конкуренцию лиц на место конкуренции вещей, то это значит попросту, что он хочет вернуться к исходному пункту конкуренции, и притом в фантастической надежде, будто его добрая воля и его необыкновенно-эгоистическое сознание могут придать совершенно другое направление развитию конкуренции.

Этот великий человек, для которого ничто не священно и который не задается вовсе вопросами о «природе вещей» и «понятии отношения», должен под конец все-таки признать священными «природу» различия между личным и вещным и «понятие отношения» обоих этих качеств и, значит, должен отказаться от того, чтобы быть их «творцом». Но это священное для него различие,— как он его проводит в цитированном отрывке,— можно уничтожить , вовсе не совершая «величайшего осквернения».

Во-первых, он и сам его уничтожает, допуская, что вещные средства приобретаются с помощью личной силы, и превращая таким образом силу лиц во власть вещей. После этого он может спокойно поставить другим индивидам моральный постулат относиться лично к нему. Точно таким же образом мексиканцы могли бы потребовать от испанцев, чтобы они убивали их не из ружей, а нападали на них с кулаками или же, по предложению Санкт-Санчо, «хватали их за глотки», чтобы относиться «лично» к ним. Если какой-нибудь индивид, благодаря хорошему питанию, заботливому воспитанию и физическим упражнениям, развил в себе физическую силу и ловкость, а другой человек, благодаря недостаточной и нездоровой пище и вытекающему отсюда расстройству дищеварения, благодаря невнимательному отношению к нему в детстве и чрезмерному напряжению сил, никогда не мог приобрести «вещей», необходимых, чтобы нагулять себе мускулы, то «личная сила» первого по отношению ко второму является чисто вещной силой. Неверно, будто он приобрел «личной силой недостающие средства»,— наоборот, он обязан своей «личной силой» имеющимся налицо вещным средствам. Впрочем, превращение личных средств в вещные и вещных в личные является лишь одной стороной конкуренции, совершенно не отделимой от нее. Требование пользоваться при конкуренции не вещными, а личными средствами сводится к моральному постулату, согласно которому конкуренция и обусловливающие ее отношения *должны* иметь иные, чем неизбежно свойственные им, следствия.

Вот еще одно, и на этот раз заключительное, резюме философии конкуренции:

«Конкуренция страдает от того неблагоприятного обстоятельства, что не у всякого имеются средства для конкуренции, ибо они получаются не из *личности*, а из *случайности*. Большинство не имеет средств и поэтому они» (о «поэтому»!) — «неимущие» (стр. 349).

Мы уже выше указали ему, что в конкуренции сама личность есть случайность, а случайность есть личность. Независимые от личности и необходимые для конкуренции «средства», это — условия производства и сношений самих лиц, которые в рамках конкуренции становятся по отношению к этим лицам какой-то независимой силой, какими-то случайными для этих лиц средствами. По Санчо, люди освобождаются от этих сил благодаря тому, что выбивают из своей головы *представления* об этих силах, или, вернее, философские и религиозные извращения этих представлений, путем этимологической синонимики («состояние» — Vermögen и «быть в состоянии» — vermögen), моральных постулатов (напр., каждый человек является всемогущим «Я») или путем обезьяньих гримас и идиллически-шутовских гаскона над против «святого».

Уже раньше мы слышали жалобу на то, что в современном буржуазном обществе «Я» не может из-за государства реализовать себя как стоимость, id est не может дать простора своему «состоянию». Теперь же мы узнаем, что «особенность» не дает ему средств для конкуренции, что его «мощь» не

есть вовсе мощь и что он остается «неимущим», хотя бы даже каждый предмет «был его *собственностью*, будучи *его* предметом». Здесь перед нами полное démenti согласного с собой эгоизма. Но все эти «неблагоприятные обстоятельства» конкуренции исчезнут, лишь только «Книга» станет общим достоянием. До тех пор Санчо останется при своей торговле мыслями, отнюдь не добиваясь при этом особенно блестящих результатов.

II. БУНТ

С критикой общества заканчивается критика старого святого мира. При помощи *бунта* мы перескакиваем в новый эгоистический мир.

Мы уже видели в «Логике», что̀ такое вообще бунт: возмущение, это — отказ от уважения к святому. Но здесь бунт приобретает сверх того еще особый практический характер.

Революция = Святой бунт.
Бунт = Эгоистическая или мирская революция.
Революция = Переворот в окружающей обстановке.
Бунт = Переворот во Мне.
Революция = Политическое или социальное деяние.
Бунт = Мое эгоистическое деяние.
Революция = Ниспровержение существующего.
Бунт = Существование ниспровержения.
И т. д., и т. д. (стр. 422 и сл.).

Знакомый до сих пор людям способ ниспровергать окружающий их мир, разумеется, должен был быть объявлен святым и ему должен был быть противопоставлен «собственный» способ разрушения существующего мира.

Революция «означает переворот в существующих условиях, в существующем порядке, или status'e, переворот в государстве или обществе, и она поэтому есть *политическое* или *социальное* деяние». Что же касается бунта, то хотя неизбежным следствием его является «изменение существующих условий, но он исходит не из него, а из *недовольства людей самими собой*». «Оно есть подъем отдельного индивида, *возвышение* без внимания к вытекающим из этого учреждениям. Революция имела целью новые *учреждения*; бунт же приводит к тому, чтобы не давать более управлять собой, а самим управлять собой. Он не есть вовсе борьба против существующего, так как, в случае его удачи, существующее гибнет само собою; он содействует только выделению Меня из существующего. Если Я покидаю существующее, то оно умирает и истлевает. Но так как моей целью является не ниспровержение существующего, а Мое возвышение над ним, то Моя задача и деяние не носят вовсе политического или социального характера: будучи направлены только на Меня и на Мою особенность — они являются «*эгоистическими*» (стр. 421—422).

Les beaux esprits se rencontrent. То, что возвещал глас вопиющего в пустыне, то теперь исполнилось. Нечестивый Иоанн Креститель, «Штирнер», нашел своего святого Мессию в «д-ре *Кульмане из Голштинии*». Слушайте:

«Вы не должны уничтожать и разрушать того, что стоит на Вашем пути, а обходить его и покидать. А когда Вы его обойдете и покинете, то оно прекратится само собою; ибо оно не находит больше пищи» («Царство духа» etc., Женева, 1845, стр. 116).

Революция и штирнеровский бунт отличаются друг от друга не тем, — как думает Штирнер, — что первая представляет политическое или социальное деяние, а второй — эгоистическое деяние, а тем, что первая есть деяние, а второй — нет. Вся нелепость выдвигаемой им противоположности обнаруживается в том, что он говорит о «*Революции*», как некоторой моральной особе, которая должна бороться с «*Существующим*», — другой моральной особой. Если бы Санкт-Санчо изучил различные *действительные* революции и революционные попытки, то, может быть, он нашел бы в них даже те формы, которые он смутно предчувствовал при создании своего идеологического бунта, например, у корсиканцев, ирландцев, русских крепостных и вообще у нецивилизованных народов. Если бы, далее, он интересовался действительными, «существующими» во всякой революции *индивидами* и их *отношениями*, вместо того, чтобы довольствоваться чистым «Я» и «существующим», т. е. субстанцией (фраза, для ниспровержения которой не нужна вовсе революция, а достаточно просто странствующего рыцаря, вроде Санкт-Бруно), то, может быть, он понял бы, что всякая революция и результат ее обусловливаются этими отношениями, обусловливаются потребностями, и что политическое или социальное деяние отнюдь не противоречит «эгоистическому деянию».

О глубине понимания Санкт-Санчо «революции» свидетельствует следующее его изречение: «Хотя следствием бунта является изменение обстановки, но он не исходит из этого изменения». Такой оборот речи предполагает в виде антитезы, что революция исходит «из изменения обстановки». Бунт же «исходит» из недовольства людей самими собой. Это «недовольство самими собой» отлично подходит к дрежним фразам насчет особенности и «согласного с собой эгоиста», который всегда может итти «своей собственной дорогой», всегда находит радость и в каждое мгновение есть то, чем он может быть. Недовольство самим собой, это — либо недовольство собой в рамках определенной обстановки, обусловливающей всю личность, — например, недовольство собой как рабочим, — либо моральное недовольство; в первом случае, следовательно, это, главным образом, — недовольство также и существующими отношениями; во втором случае это — идеологическое выражение этих же самых отношений, нисколько не выходящее из их рамок, а целиком относящееся к ним. Первый случай приводит, по мнению Санчо, к революции; поэтому для бунта остается только второй случай — *моральное* недовольство самим собой. «Существующее» есть, как мы

знаем, «святое»; следовательно, «недовольство самим собой» сводится к моральному недовольству собой как святым, т. е. как верующим в святое, в существующее. Только недовольному школьному учителю могло прийти в голову построить свое рассуждение о революции и бунте на довольстве и недовольстве, т. е. на настроениях, свойственных исключительно мелкобуржуазным кругам, из которых, как мы видим, Санкт-Санчо черпает все время свое вдохновение.

Мы уже знаем, какой смысл имеют слова о «выделении из существующего». Это — старое вздорное мнение, будто государство рушится само собою, лишь только из него выступают все члены его, и будто деньги теряют свое значение, лишь только все рабочие начнут отказываться принимать их. Уже в гипотетической форме этого предложения обнаруживаются вся фантастика и бессилие, столь характерные для благочестивого желания. Это — старая иллюзия, будто только от доброй воли людей зависит изменить существующие отношения и будто существующие отношения являются идеями. Изменение сознания, изолированного от условий, *дело*, которым усердно занимаются философы по профессии, есть само продукт существующих условий и тесно связано с ними. Это идеальное возвышение себя над миром есть идеологическое выражение бессилия философов по отношению к миру. Их идеологическое бахвальство опровергается ежедневной практикой.

Во всяком случае Санчо не «поднял бунта» против состояния своей путаницы, когда он писал эти строки. На одной стороне у него «изменение окружающих условий», а на другой — «люди», и обе эти стороны совершенно оторваны друг от друга. Санчо совершенно не думает о том, что «условия» были искони условиями этих людей и что они никогда не могли бы измениться, если бы не изменились люди и если бы они не были «недовольны самими собой» в старых условиях. Он думает, будто наносит смертельный удар революции, утверждая, что она имеет целью новые учреждения, в то время как бунт ведет к тому, что мы не допускаем более управлять собой, а начинаем сами собой управлять. Но если «Мы» управляем «Собой», если бунтовщиками являемся «Мы», то, значит, отдельный индивид, несмотря на все сопротивление Санчо, должен дать управлять собой «Нам», и, следовательно, революция и бунт отличаются друг от друга лишь тем, что в случае революции это знают, в случае же бунта составляют себе иллюзии. Затем у Санчо остается под вопросом, «*удастся* ли» бунт или нет. Не ясно, почему он *не* может «удаться», и еще менее ясно, почему он может удаться, раз каждый из бунтовщиков идет лишь своей дорогою, — если только не допустить, что здесь вмешиваются мирские отношения, навязывающие бунтовщикам мысль о необходимости *совместного* действия, которое может быть как политическим, так и социальным, независимо от того, исходит ли оно из эгоистических мотивов или нет. Другое «вздорное различение», основывающееся опять-таки на путанице, это — проводимое Санчо различие между «ниспровержением существующего» и «возвышением над ним», точно при ниспровержении он не возвышается над ним, а при

возвышении не ниспровергает его, хотя бы лишь постольку, поскольку это зависит от него. Впрочем, ни «ниспровержением», ни простым «возвышением» не сказано ничего вразумительного; что и в революции встречается «возвышение», Санчо мог бы увидеть из того, что во французской революции восклицание «Levons nous!» было популярным лозунгом.

«Революция повелевает (!) создавать *учреждения*, — бунт требует *подняться или восстать*. Революционные умы были заняты мыслью о выборе определенной *конституции*, и весь этот политический период кипит борьбой за конституцию и проблемами конституции, подобно тому как социальные таланты обнаружили исключительное творчество в создании общественных учреждений (фаланстеры и т. д.). Бунтовщик же стремится стать *свободным от конституции*» (стр. 422).

Верно, что французская революция имела своим следствием ряд учреждений; верно, что восстание происходит от слова «восстать»; точно так же верно, что в революции и после нее боролись за конституцию; верно и то, что был выдвинут ряд социальных систем; не менее верно, что Прудон говорил об анархии. Из пяти этих верных фактов Санчо изготовляет приведенную выше фразу.

Из того факта, что французская революция привела к «учреждениям», Санчо умозаключает, что *революция* «повелевает» это. Из того факта, что политическая революция была политической революцией, в которой происходивший социальный переворот получил также публично-правовое выражение в качестве борьбы за конституцию, Санчо, полагаясь на своего маклера в области истории, заключает, что в ней боролись за лучшую конституцию. К этому открытию он присоединяет — при помощи своего «подобно тому как» — упоминание о социальных системах. В эпоху буржуазии занимались проблемами конституции, «подобно тому как» в наше время созданы были различные социальные системы. Такова логическая связь приведенного выше предложения.

Уже из того, что было нами сказано выше против Фейербаха, следует, что прошлые революции, происходившие в рамках разделения труда, должны были приводить к новым политическим учреждениям; оттуда же следует, что коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, должна, в конце концов, устранить необходимость в политических учреждениях; наконец, оттуда же следует, что коммунистическая революция будет сообразовываться не с «созданными творчеством социальных талантов общественными учреждениями», а с производительными силами.

Но бунтовщик стремится стать «свободным от конституции»! Он — «прирожденный свободный», заранее свободный от всего, — стремится под конец дней своих стать свободным от конституции.

Надо еще заметить, что возникновению «бунта» у Санчо содействовали еще всякого рода прежние иллюзии, между прочим, вера, будто индивиды, производящие революцию, связаны какими-то идеальными узами и что будто их восстание ограничивается тем, что они выдвигают новое понятие,

навязчивую идею, призрак, привидение — «святое». Санчо выбивает из своей головы эту идеальную связь, благодаря чему в его мысли революционеры превращаются в какую-то беспорядочную банду, которая может только «производить бунт». К тому же он слышал, что конкуренция есть война всех против всех, и положение это, смешавшись у него с представлением об осквернённой революции, образует главный фактор его — «бунт».

«Ища для большей ясности сравнения, Я неожиданно вспоминаю основание христианства» (стр. 423). «Христос, — узнаем мы здесь, — не был вовсе революционером, а восставшим *бунтовщиком*. Поэтому для него было важно *только одно*: будьте мудры, как змии» (ibid.).

Для полного удовлетворения «ожидания» и «одного только» Санчо не должна существовать вторая половина цитированного только что евангельского изречения (Матфей, 10, 16): «и чисты, как голуби». Христос должен здесь вторично фигурировать в качестве исторического лица и разыгрывать ту же роль, какую играли выше монголы и негры. И опять-таки неизвестно, должен ли Христос уяснить бунт или же бунт уяснить Христа. Христианско-германское легковерие нашего святого концентрируется в утверждении, что Христос «подрыл источники жизни всего языческого мира, с которым должно было завянуть без того» (должно было бы быть: без него) «существующее государство» (стр. 424). Увядший цветок красноречия! См. выше «Древние». Впрочем, credo, ut intelligam или же чтобы отыскать «для большей ясности сравнение». Мы неоднократно уже видели, что нашему святому повсюду приходит в голову только *священная* история, и притом там, где это оказывается совершенно «неожиданным» для читателя.

«Неожиданно» она приходит ему в голову даже в Комментарии, где Санчо на стр. 154 заставляет «иудейских рецензентов» в старом Иерусалиме — в противоположность христианскому определению: бог есть любовь, — воскликнуть: «Вы видите, что христиане провозглашают языческого бога, ибо, если бог есть любовь, то он бог Amor, бог любви!» — Но «неожиданно» Новый Завет оказывается написанным по-гречески, и «христианское определение» гласит ὁ θεός ἀγάπη ἐστίν (1 Послание Иоанна, 4, 16), между тем как бог Amor, бог любви, называется Ερως. Санчо должен поэтому еще объяснить как это «иудейские рецензенты» сумели совершить превращение ἀγάπη в Ἔρως. В этом месте Комментария Христос — опять-таки «для уяснения» — сранивается с Санчо, причем надо признать, что оба поразительно похожи друг на друга, оба являются «телесными существами», и, по крайней мере, смеющийся наследник верит в их взаимное существование, resp. единственность. Что Санчо есть современный Христос — к этому «приводит» «навязчивая идея» всей его исторической конструкции.

Философия бунта, преподнесенная нам только что в виде плохих антитез, приукрашенная увядшими цветами красноречия, есть в последнем счете фанфаронская апология хозяйства парвеню (парвеню, выскочка, восставший, бунтовщик). Каждый бунтовщик во время своего «экономического деяния» имеет перед собой нечто специальное, над чем он стремится под-

няться, не интересуясь общими отношениями. Он стремится избавиться от существующего лишь постольку, поскольку оно является для него помехой, стремясь в других отношениях, наоборот, присвоить его себе. Ткач, «поднимающийся» до фабриканта, благодаря этому освобождается от своего станка и покидает его; в остальном мир идет своей дорогой, и наш «удачливый» бунтовщик ставит другим лишь лицемерное моральное требование стать такими же парвеню, как он. Таким образом, все воинственные родомонтады Штирнера сводятся под конец к моральным нравоучениям из басен Геллерта и к спекулятивному истолкованию буржуазного убожества.

Мы видели до сих пор, что бунт есть все что угодно, но только не деяние. На стр. 342 мы узнали, что «прием захвата не достоин презрения, но выражает *чистое деяние согласного с собой эгоиста*». Собственно, должно бы быть: согласных *между собой* эгоистов, так как, в противном случае, захват сводится к нецивилизованному «приему» воров или цивилизованному приему буржуа, и в первом случае он не удается, а во втором не есть вовсе «бунт». Следует заметить, что согласному с собой эгоисту, который ничего не делает, соответствует здесь «*чистое*» деяние, т. е. деяние, которого только и можно было ожидать от столь бездеятельного индивида.

Мимоходом мы узнаем, что̀ создает чернь, и мы можем наперед знать, что это — «норма закона» и вера в эту норму, в святое, выступающая здесь для перемены в качестве греховного сознания: «Только то, что захват есть *грех*, есть преступление, только эта норма создает чернь... виновно *только* старое греховное сознание» (стр. 342). Вера, что сознание виновно во всем, это его «норма», делающая из него бунтовщика, а из черни — грешника.

В противоположность этому греховному сознанию, эгоист поощряет себя, resp. чернь, на захват следующим образом:

«Я должен сказать Себе: там, куда простирается моя сила, там моя собственность, и Я должен признать все своей собственностью, на достижение чего Я чувствую себя достаточно сильным и т. д.» (стр. 340).

Таким образом, Санкт-Санчо говорит, что он хочет сказать себе нечто, увещевает себя иметь то, что он имеет, и выражает свое действительное отношение как отношение силы — парафраза, являющаяся вообще тайной всех его фанфаронад (см. «Логику»). Затем он, который каждое мгновение есть то, чем он может быть, и который, следовательно, имеет то, что̀ он может иметь, отличает свою реализованную, действительную собственность, которую он заносит на счет капитала, от своей возможной собственности, своего нереализованного «чувства силы», которое он записывает в счет прибылей и убытков. Это — этюд по ведению бухгалтерии собственности в необыкновенном смысле слова.

Что, собственно, означает его торжественное «сказать», — об этом Санчо говорит в одном приведенном уже месте: «*Если Я скажу Себе*... то и это, собственно, — пустая болтовня».

Он продолжает: «Эгоизм» говорит «неимущей черни», чтобы «истребить ее»: «Хватай и бери, что тебе нужно!» (стр. 341). Насколько «пуста» эта «болтовня», видно из следующего примера. «В состоянии банкира Я столь же мало вижу нечто чуждое, как Наполеон в землях королей: Мы» («Я» превращается внезапно в «Мы»), «Мы совершенно не *боимся «завоевать»* его и ищем средств для осуществления этого. Таким образом, мы лишаем его *духа чуждости*, которого мы боялись» (стр. 369).

Насколько успешно Санчо лишил состояние банкира «духа чуждости», видно сейчас же из его благожелательного совета черни «завоевать» его путем захвата. «Пусть она захватит и посмотрит, что̀ у нее окажется в руках»! Не состояние банкира, а ненужная бумага, «труп» этого состояния, который столь же мало — состояние, «сколько мертвая собака есть еще собака». Состояние банкира является состоянием только при наличии определенных условий производства и сношений и может быть «завоевано» только при наличии этих условий и путем соответствующих этим условиям средств. А если бы Санчо попробовал обратиться к другим состояниям, то он убедился бы, что и здесь дело обстоит не лучше. Таким образом, «чистое деяние» согласного с собой эгоиста сводится, в конце концов, к довольно жалкому недоразумению. «Вот куда можно зайти с призраком» святого.

После того как Санчо сказал себе то, что он хотел себе сказать, он заставляет поднявшую бунт чернь сказать то, что он ей подсказал. Дело в том, что он приготовил на случай бунта прокламацию (с указанием способа употребления), которая должна находиться во всех деревенских кабачках и распространяться в стране. Прокламация эта должна быть помещена в «Хромом вестнике» и в герцогско-нассауском сельском календаре. Пока что tendances incendiaires Санчо ограничиваются деревней, пропагандой среди батраков и батрачек, с исключением городов, что является новым доказательством того, как успешно он «лишил» крупную индустрию «духа чуждости». Мы хотим здесь привести, по возможности подробно, прилагаемый ценный документ, который не должен быть утерян, чтобы, «поскольку это зависит от нас, оказать содействие распространению вполне заслуженной славы» (*Виганд*, стр. 191).

Прокламация находится на стр. 358 и начинается следующими словами:

«Чем же обеспечена Ваша собственность — Вы, привилегированные? Тем, что Мы воздерживаемся от нападения, значит, *нашей* защитой; тем, что Вы учиняете над Нами *насилие*».

Сперва тем, что мы воздерживаемся от нападения, т. е. что мы учиняем *насилие над самими собой*, а затем тем, что *Вы* учиняете *насилие* над *Нами*. Cela va à merveille. Далее:

«Если Вы желаете нашего уважения, то *купите* его за приемлемую для Нас цену... Мы желаем только *достойной цены*».

Сперва «бунтовщики» хотят продавать свое уважение за «приемлемую для них» цену, а затем они из «достойной цены» делают критерий цены.

Сперва произвольная цена, а затем цена, устанавливаемая законами торговли, издержками производства, отношением между спросом и предложением, независимо от произвола.

«Мы согласны оставить Вам Вашу собственность, если Вы только надлежащим образом возместите это оставление... Вы станете кричать о насилии, если мы протянем руку... Без насилия Мы их не получим» (именно устриц привилегированных)... «Мы не хотим отнять у Вас ничего, ровно ничего».

Сперва мы «оставляем» это Вам, затем мы отнимаем это у Вас и должны применить «насилие», а под конец мы лучше ничего не возьмем у Вас. Мы оставляем это Вам в том случае, если Вы сами от этого отказываетесь; в светлую минуту, в единственную нашу светлую минуту, Мы, правда, замечаем, что это «оставление» есть «протягивание руки» и применение «насилия», но, в конце концов, нас нельзя упрекать в том, что мы «берем» у Вас кое-что, для чего имеется свой смысл.

«Мы трудимся двенадцать часов в поте лица, а Вы предлагаете нам за это несколько грошей. В таком случае возьмите и Вы за свою работу *равную* плату... Ни капельки *равенства*!»

«Поднявшие бунт» батраки показывают себя настоящими штирнеровскими «творениями».

«Вам это не нравится? Вам кажется, что за Нашу работу достаточно той платы, а Ваша требует вознаграждения во много тысяч? Но если бы Вы не подняли высоко Своей оплаты и лучше оплачивали бы Нашу работу, то Мы, в случае необходимости, сделали бы еще более важные вещи, чем Вы за многотысячную плату, а если бы Вы получали такую плату, как Мы, то Вы вскоре стали бы более прилежными, чтобы зарабатывать больше. Но если Вы сделаете что-нибудь, что покажется нам в десять и в сто раз более ценным, чем Наша собственная работа» (ах, ты, добродетельный и верный батрак!), «то Вы и получите за это в сто раз больше; Мы же, с своей стороны, тоже собираемся сделать для Вас вещи, за которые Вы заплатите больше обычной поденной платы».

Сперва бунтовщики жалуются, что их работа, что их труд оплачивается слишком низко. Под конец же они обещают делать лишь за высшую поденную плату работу, за которую «надо платить больше обычной платы». А затем, они воображают, что сделают необыкновенные вещи, если только получат лучшую плату, хотя в то же время они ожидают от капиталиста необыкновенных дел лишь тогда, когда его «плата» будет понижена до уровня их заработка. Наконец, после того как они совершили экономический фокус и превратили прибыль, эту необходимую форму капитала, без которой последний гибнет вместе с капиталистами, в заработную плату, они совершают новое чудо и платят «в сто раз больше», «чем их собственная работа», т. е. в сто раз больше, чем они зарабатывают. «Таков смысл» вышеприведенной фразы, если только Штирнер понимает, что̀ он говорит. Но если он допустил только стилистическую ошибку, если бунтовщики у него собираются в качестве коллектива предложить капиталисту в сто раз больше,

чем зарабатывает *каждый из них*, то он предлагает капиталистам лишь то, что̀ каждый из них имеет уже в наше время. Ведь ясно, что труд капиталистов, в связи с его капиталом, стоит в десять или в сто раз больше, чем труд отдельного простого рабочего. И в этом случае, как и всегда у Санчо, все остается на старом месте.

«Мы сойдемся уже друг с другом, если только Мы согласимся на том, что никто не должен больше *дарить* чего-нибудь другому. Тогда Мы сумеем даже платить приличную цену калекам, старикам и больным, чтобы они не погибли от голода и нужды, ибо, если Мы хотим, чтобы они жили, то Мы должны *заплатить* за исполнение Нашего желания. Я говорю *заплатить* и, значит, имею в виду не жалкую милостыню».

Эта сантиментальная тирада насчет калек и т. д. должна доказать, что бунтующие батраки Санчо «поднялись» уже до той высоты буржуазного сознания, на которой они не желают ничего дарить и на которой они верят, что достоинство и интересы обеих сторон обеспечены, поскольку эти интересы приобрели форму купли-продажи.

За этой громовой прокламацией народа, поднявшего бунт в воображении Санчо, следует указание способа применения в форме диалога между помещиком и его батраками, причем на этот раз хозяин ведет себя, как Шелига, а батрак, как Штирнер. В этом указании способов применения конструируются a priori на берлинский лад английские забастовки и французские коалиции рабочих.

Оратор батраков: «Что у Тебя есть?»

Помещик: «У меня есть имение в 1 000 моргенов».

Оратор: «А Я твой батрак и впредь буду обрабатывать Твою землю только за талер поденной платы».

Помещик: «В таком случае Я возьму другого рабочего».

Оратор: «Ты не найдешь никого, ибо Мы, батраки, не будем отныне выполнять работу на иных условиях, и если найдется смельчак, который согласится брать меньше, то пусть он остерегается Нас. Вот служанка, которая требует теперь тоже такую же плату, и Ты не найдешь больше ни одной, готовой работать ниже этой цены».

Помещик: «Но в таком случае Я должен разориться».

Батраки хором: «Не спеши! Ты будешь получать столько же, сколько Мы, а если это не выйдет, то Мы понизим настолько свой заработок, что Ты сумеешь жить, как Мы. Ни капельки равенства!»

Помещик: «Но Я привык к лучшей жизни»!

Батраки: «Мы ничего не имеем против этого, но это не Наше дело; если Ты можешь съэкономить больше, пожалуйста: неужели Мы должны уменьшить свой заработок, чтобы Ты мог прекрасно жить?»

Помещик: «Но Вы ведь необразованные люди, Вам ведь не нужно так много».

Батраки: «Ну, Мы будем зарабатывать несколько больше, чтобы иметь возможность получить необходимое Нам образование».

Помещик: «Но если Вы разорите таким образом богачей, то кто же будет оказывать содействие искусствам и наукам?»

Батраки: «Ладно, все займутся этим; Мы сложимся, это даст изрядную суммочку. Вы, богачи, все равно покупаете теперь лишь нелепейшие книги, бездарные изображения мадонн и какую-нибудь пару ловких ножек танцовщиц».

Помещик: «О злополучное равенство!»

Батраки: «Нет, милейший, старый господин. Ни капельки равенства! Мы желаем иметь лишь то значение, которого Мы стоим, а если Вы стоите больше, то Вы и будете иметь большее значение. Мы желаем лишь *достойной цены* и надеемся показать себя достойными цены, которую Вы будете платить».

В конце этого драматического шедевра Санчо признается, что здесь, разумеется, «требуется единодушие батраков». Но мы не узнаем, как достигается это единодушие. Мы узнаем не то, что батраки намерены каким-нибудь образом изменить существующие условия производства и сношений, а то, что они хотят просто отнять у помещика его излишек по сравнению с ними. Наш благонамеренный Bonhomme совсем не задумывается над тем, что этот излишек, распределенный на всю массу пролетариев, даст пустяк и нисколько не улучшит ее положения. На какой ступени сельского хозяйства находятся эти героические батраки, мы узнаем сейчас же по заключении диалога, когда они превращаются в «домашних слуг». Таким образом, они живут в условиях патриархального строя, когда разделение труда еще очень неразвито, но когда, впрочем, весь заговор должен «получить свое последнее завершение» в том, что помещик поведет оратора в овин и отсчитает ему там известное число ударов, между тем как в цивилизованных странах капиталист закончит дело тем, что закроет свое предприятие на некоторое время и отправит рабочих «прогуляться». Какой вообще практический смысл обнаруживает Санчо во всей этой драматической сцене, как правдоподобно все его изложение, это видно из его оригинальной идеи устроить turnout батраков; а в особенности из мысли о коалиции «служанок». И что за наивность думать, будто цена хлеба на мировом рынке будет определяться в зависимости от выставляемых этими восточно-померанскими батраками требований насчет заработной платы, а не в зависимости от отношения между спросом и предложением! Особенно поразительный эффект производит экскурс батраков, посвященный литературе, последней художественной выставке и прославленной танцовщице нашего времени; этот экскурс поражает даже после неожиданного вопроса помещика об искусстве и науке. Обе стороны вступают почти в дружеские отношения, лишь только они коснулись литературной темы, и преследуемый помещик забывает даже на минуту угрожающее ему разорение, чтобы выказать свою преданность искусству и науке. В заключение бунтовщики уверяют его в своей честности и делают ему успокоительное заявление, что движимы они не низкими интересами и не разрушительными тенденциями, а чистейшими моральными

мотивами. Они хотят только достойной цены и клянутся своей честью и совестью оказаться достойными высшей цены. Вся затея преследует только одну цель — обеспечить каждому его плату, его честный заработок, «честно заработанное наслаждение». От наших миляг нельзя было, конечно, требовать знания того факта, что эта цена определяется состоянием рабочего рынка, а не нравственным возмущением нескольких литературно-образованных батраков.

Эти восточно-померанские бунтовщики так скромны, что, несмотря на свое «единодушие», открывающее перед ними совершенно иные перспективы, предпочитают попрежнему оставаться слугами, причем «талер поденной платы» является высшим пожеланием их сердца. Поэтому вполне последовательно, что не они поучают находящегося в их власти помещика, но что помещик поучает их.

«Твердый дух» и «сильное самосознание батрака» обнаруживается также в «твердом» и «сильном» языке, которым пользуется он и его товарищи. «Ну, ладно — все вместе должны сложиться — изрядная суммочка — милейший старый господин». Уже раньше в прокламации мы читали: «В надлежащем случае мы собираемся установить — ну — может быть — примерно и т. д.» — Можно подумать, что батраки тоже ехали на знаменитом коне Клавиленьо.

Таким образом, весь шумный «бунт» нашего Санчо сводится в последнем счете к turnout, но к turnout в необыкновенном смысле слова, именно к берлинизированному turnout. Но, в то время как действительные turnouts образуют в цивилизованных странах всегда подчиненную часть рабочего движения, ибо более общая взаимная связь рабочих приводит к другим формам движения, Санчо пытается представить мелкобуржуазную карикатуру на turnout как последнюю высшую форму всемирно-исторической борьбы.

Волны бунта выбрасывают нас теперь на берег земли обетованной, текущей млеком и медом, где каждый верный израильтянин сидит под своей смоковницей и где занялась заря тысячелетнего царства «соглашения».

III. СОЮЗ.

В главе о бунте мы сперва привели хвастливую болтовню Санчо, а затем рассмотрели «чистое деяние согласного с собой эгоиста» в его практическом осуществлении. Подходя к вопросу о «Союзе», мы поступим наоборот. Мы сперва разберем предлагаемые нашим святым положительные учреждения, а затем рассмотрим его иллюзии насчет этих учреждений.

1. Земельная собственность

«Если мы не желаем более оставлять землю в руках земельных собственников, а желаем присвоить ее *Себе*, то с этой целью Мы объединяемся, образуем *Союз*, société» (общество), «*которое делается собственником*;

если Нам повезет, то земельных собственников больше не будет». В этом случае «земля становится собственностью завоевателей... И эти взятые в массе отдельные индивиды будут обращаться с землей не менее произвольно, чем одинокий отдельный индивид или так называемый propriétaire. Таким образом, и в этом случае сохраняется *собственность*, и притом тоже «*исключительно*», поскольку *человечество*, это великое общество, исключает *отдельного индивида* из своей собственности (давая ему, может быть, только часть ее в виде аренды, в виде вознаграждения)... Так оно и останется и будет. То, в чем желают иметь свою *долю все*, отнимается у индивида, желающего иметь его только для себя одного: оно делается *общим достоянием*. Так как оно есть *общее достояние*, то каждый имеет в нем свою *долю*, и эта доля есть его собственность. Аналогично и при наших старых отношениях дом, принадлежащий пяти наследникам, является их общим достоянием; пятая же доля дохода является собственностью каждого из них» (стр. 329, 330).

После того как наши храбрые бунтовщики составили Союз, общество, и в таком союзном виде завоевали себе участок земли, — это «société», это моральное лицо «делается *собственником*». Во избежание недоразумения, сейчас же вслед за этим говорится, что «это общество *исключает* отдельного индивида из собственности, давая ему, может быть, только кусок ее в виде аренды, в виде вознаграждения». Таким-то образом Санкт-Санчо «присваивает» себе и своему «Союзу» свое представление о коммунизме. Читатель помнит, вероятно, что Санчо в своем неведении упрекал коммунистов в том, будто они хотят сделать из общества высшего собственника, который отдает отдельному индивиду его «достояние» в ленное владение. Интересна, далее, надежда на «долю в общем достоянии», которую Санчо сулит своим последователям. При одном позднейшем случае тот же самый Санчо говорит опять-таки против коммунистов следующее: «Для Меня безразлично принуждение, вызывается ли оно тем, что собственность, состояние, принадлежит совокупности, дающей Мне долю в нем, или же отдельным владельцам, так как Я бессилен и в том и в другом случае» (поэтому же его «совокупная масса» отнимает у него то, относительно чего она не хочет, чтобы оно принадлежало ему одному, показывая ему, таким образом, весьма ощутительно власть совокупной воли). В-третьих, мы здесь снова встречаем «исключительность», в которой он так часто упрекал буржуазную собственность и благодаря которой «ему не принадлежит даже то жалкое местечко, на котором он вертится»; но в качестве несчастного и угнетенного барщинного крестьянина он не столько вертится, сколько ползает по нем на карачках. В-четвертых, Санчо присваивает себе здесь ленную систему, которую, к своему великому сожалению, он открывает во всех существовавших до сих пор и проектируемых формах общества. Его «общество» завоевателей ведет себя приблизительно так, как «союзы» полудиких германцев, которые завоевали римские провинции и завели там грубый ленный строй, насквозь пропитанный старым родовым бытом. Оно дает каждому индивиду кусок земли «в виде

вознаграждения». На той ступени, на которой находятся Санчо и германец VI столетия, ленная система в очень многом еще совпадает с системой «вознаграждения». Само собой разумеется, впрочем, что столь превознесенная здесь Санчо родовая собственность должна в непродолжительном времени разложиться и снова привести к существующим теперь отношениям. Санчо сам чувствует это, ибо он восклицает: «Так оно и *останется и* (чудесное *и*!) *будет*». А в заключение своим замечательным примером о доме, принадлежащем пяти наследникам, он доказывает, что вовсе не намеревается переступить границ наших старых отношений. Весь его план организации земельной собственности преследует только одну цель, — именно привести нас окольным историческим путем к мелкобуржуазной наследственной аренде и семейной собственности немецких имперских городов.

О наших старых, т. е. существующих теперь, отношениях Санчо знает только усвоенную им юридическую бессмыслицу, что отдельные индивиды или propriétaires обращаются «произвольно» с земельной собственностью. В «Союзе» общество будет продолжать этот фантастический «произвол». Для «Союза» безразлично, что будет с землею: «может быть», «общество» сдаст в аренду отдельным индивидам клочки земли, а, может быть, и нет. Все это совершенно безразлично для него. Разумеется, Санчо не знает, что с определенной организацией земледелия дается и определенная форма деятельности, включение в определенную систему разделения труда. Но всякий другой человек отлично видит, как мало способны проектируемые Санчо мелкие барщинные крестьяне «сделаться каждый всемогущим Я» и как мало сходства между их собственностью на их жалкие клочки земли и столь прославленной «собственностью на всё». В действительном мире сношения индивидов между собой зависят от их способа производства, и поэтому санчевское «может быть», может быть, совершенно уничтожает весь его Союз. Но, «может быть», или, вернее, не может быть, а безусловно здесь обнаруживается настоящий взгляд Санчо на форму сношений в Союзе, именно тот взгляд, что пресловутые эгоистические сношения имеют в своей основе святое. Санчо показывает физиономию своего будущего Союза на первом же его «учреждении». Бунтовщики, стремившиеся стать «свободными от государственного устройства», «сами распоряжаются собой», «выбирая себе» «устройство» земельной собственности. Мы видим, что Санчо был прáв, когда не строил себе никаких особенных иллюзий насчет новых «учреждений». Но мы видим в то же время, что он занимает высокое место среди «социальных талантов» и «весьма находчив в изобретении общественных учреждений».

2. Организация труда

«Организация труда касается лишь таких работ, которые могут сделать для Нас другие, например, убой скота, землепашество и т. д.; прочие работы остаются эгоистическими, ибо, например, никто не может сочинить за Тебя Твоих музыкальных произведений, выполнить Твои замыслы в области

живописи и т. д. Никто не может заменить работ Рафаэля. Эти последние являются работами единственного индивида, их может выполнить только этот единственный, между тем как первые заслуживают быть названными *человеческими* работами» (на стр. 356 они отожествляются с «*общеполезными*» работами), «так как *собственное* творчество здесь играет ничтожную роль и почти *каждый человек* может годиться для них» (стр. 355).

«При выполнении человеческих работ нам всегда полезно объединиться, чтобы они не отнимали у Нас всех сил и времени, как это имеет место при режиме конкуренции... Но для кого же нужно выиграть время? Для чего человеку больше времени, чем то количество его, которое необходимо для освежения себя и своей рабочей силы? Об этом коммунизм молчит. Для чего? Для того, чтобы наслаждаться собой, как единственным, после того как он выполнил свою работу в качестве человека» (стр. 356, 357).

«Работая, Я могу выполнить обязанности президента, министра и т. д. Выполнение этих обязанностей требует только общего образования, всем доступного образования... Но если каждый в состоянии выполнять эти обязанности, то лишь единственная, свойственная только отдельному индивиду, сила придает им, так сказать, жизнь и значение. Если какой-нибудь индивид исполняет занимаемую им должность не как обыкновенный человек, а вкладывая в свою работу свою единственность, то, оплачивая его просто как чиновника или как министра, его не оплачивают по-настоящему. Если он заслуживает Вашей благодарности, если Вы хотите сохранить за собой эту заслуживающую благодарности силу единственного, то Вы должны оплачивать его не просто как человека, сделавшего только человеческую работу, но как человека, сделавшего единственную работу» (стр. 362, 363).

«Если Ты в состоянии доставить удовольствие тысячам людей, то тысячи станут оплачивать Тебя за это; ведь от Тебя зависит перестать доставлять радость, поэтому они должны покупать Твою работу» (стр. 351).

«Нельзя установить никакой общей таксы за Мою единственность, в отличие от того, что Я делаю в качестве человека. Такса может быть установлена только для работы последнего рода. Поэтому устанавливайте всеобщую расценку для человеческой работы, но не лишайте Своей единственности следуемой ей оплаты» (стр. 363).

В качестве примера организации труда в Союзе на стр. 365 приводятся разобранные уже выше публичные хлебопекарни. При условии вышеуказанного германо-вандальского парцеллирования эти общественные учреждения должны быть настоящим чудом мира.

Сперва нужно организовать человеческую работу, сократив ее таким образом для того, чтобы наш бродячий подмастерье мог затем, когда он спозаранку пошабашит, «наслаждаться собой как единственным» (стр. 357); между тем как на стр. 363 «наслаждение» единственного выражается в его дополнительной плате, на стр. 363 единственный обнаруживает свою деятельность не после исполнения человеческой работы: можно, оказывается,

человеческую работу выполнять как единственную, и в таком случае за нее требуется дополнительное вознаграждение. Ведь в противном случае единственный, который интересуется вовсе не своей единственностью, а высшей платой, мог бы запереть в сундук свою единственность и на зло обществу удовольствоваться тем, чтобы разыгрывать перед ним обыкновенного человека, сыграв в то же время дурную шутку с самим собой. Согласно стр. 356 человеческая работа совпадает с общеполезной, но согласно стр. 351 и 363 единственная работа обнаруживается именно в том, что она, в качестве общеполезной или, по крайней мере, полезной многим людям, оплачивается дополнительно.

Итак, организация труда в Союзе заключается в отделении человеческой работы от работы единственной, в установлении таксы на человеческую работу и в выколачивании прибавочного заработка за работу единственную. Этот прибавочный заработок двоякого рода — во-первых, за единственное выполнение *человеческой* работы, а, во-вторых, за единственное выполнение *единственной* работы; это требует весьма сложной бухгалтерии, тем более запутанной, что то, что вчера было единственной работой (напр., прядение хлопчатобумажной нити № 200), становится сегодня работой человеческой и что единственное выполнение человеческих работ требует постоянного самошпионажа в собственных интересах и всеобщего шпионажа в общественных интересах. Таким образом, весь этот грандиозный план организации сводится к совершенно мелкобуржуазному пониманию закона спроса и предложения, существующего в настоящее время и излагаемого всеми экономистами. Санчо мог бы найти у Адама Смита объяснение, а у американца Купера формулировку закона, согласно которому определяется цена тех работ, которые он считает единственными, например, работ танцовщицы, выдающегося врача или адвоката. Новейшие экономисты объяснили, на основании этого закона, высокий заработок в случае того, что они называют travail improductif, и низкий заработок сельских батраков и вообще все неравенства в заработной плате. Таким образом, с божией помощью мы добрались снова до конкуренции, но столь захудалой, столь захиревшей, что Санчо может предложить таксу, фиксацию заработной платы в законодательном порядке, как это было в XIV и XV столетиях. Заслуживает еще упоминания, что выдвинутая здесь Санчо идея встречается тоже, как нечто совершенно новое, у г. Мессии, доктора Георга Кульмана из Голштинии.

То, что Санчо называет здесь человеческими работами, является (за вычетом его бюрократических фантазий) тем самым, что̀ имеют в виду, говоря о машинной работе и что̀ с развитием промышленности становится все более и более делом машин. Правда, в Союзе, при наличии изображенной выше организации земельной собственности, применение машин невозможно, и поэтому согласные с собой барщинные крестьяне предпочитают приходить к соглашению друг с другом насчет этих работ. Что касается «президентов» и «министров», то Санчо — this poor localized being, — как

выразился бы Оуэн, — судит о них лишь по непосредственно окружающей его обстановке.

Здесь, как и всегда, Санчо не везет с его практическими примерами. Так, он думает, что «никто не может сочинить за Тебя Твоих музыкальных произведений, выполнить Твои замыслы в области живописи. Никто не может заменить работ Рафаэля». Однако Санчо мог бы знать, что не сам Моцарт, а другой музыкант сочинил бо́льшую часть моцартовского «Реквиема», что Рафаэль «выполнил» сам лишь ничтожную долю своих фресок.

Он воображает, будто так называемые организаторы труда хотят организовать всю деятельность каждого индивида, между тем как именно они проводят различие между непосредственно производительным трудом, который должен быть организован, и не непосредственно производительным трудом. Что касается этих последних видов труда, то они не думают вовсе, как воображает Санчо, будто каждый должен работать вместо Рафаэля, но что каждый, в ком сидит Рафаэль, может беспрепятственно развивать свое дарование. Санчо воображает, будто Рафаэль создал свои картины независимо от существовавшего в его эпоху в Риме разделения труда. Если бы он сравнил Рафаэля с Леонардо да Винчи и Тицианом, то он увидел бы, что творчество первого зависело в сильной степени от тогдашнего расцвета Рима, происходившего под флорентинским влиянием, творчество Леонардо — от социальной обстановки Флоренции, а Тициана — от совершенно иного исторического развития Венеции. Творчество Рафаэля, как и любого другого художника, было обусловлено сделанными до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми находилась в сношениях его родина. Удастся ли индивиду, вроде Рафаэля, развить свой талант, — это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда и созданных им условий образования людей.

Штирнер здесь, со своим прокламированием единственности научного и художественного труда, стоит далеко ниже представителей буржуазии. Уже и в наше время было найдено необходимым организовать эту «единственную» деятельность. У Ораса Верне нехватило бы времени для создания и десятой доли его картин, если бы он их рассматривал как работы, которые «способен выполнить только этот единственный». Огромный спрос в Париже на водевили и романы вызвал к жизни организацию труда для производства этих товаров, организацию, дающую лучшие вещи, чем ее «единственные» конкуренты в Германии. В астрономии такие люди, как Араго, Гершель, Энке и Бессель, сочли необходимым сорганизоваться для совместных наблюдений и только тогда лишь получили удовлетворительные результаты. В историографии для «единственного» абсолютно невозможно сделать что-нибудь, и французы и в этой области уже давно обогнали все народы благодаря организации труда. Впрочем, ясно, что все эти основывающиеся на современном разделении труда организации приводят пока лишь

к весьма ограниченным результатам, являясь прогрессивным шагом лишь по отношению к существующей до сих пор раздробленности.

Надо, в частности, обратить еще внимание на то, что Санчо смешивает организацию труда с коммунизмом и удивляется, почему «коммунизм» не отвечает ему на его сомнения по поводу этой организации. С таким же успехом гасконский деревенский парень мог бы удивляться тому, что Араго не может рассказать ему, на какой звезде поселился господь бог.

Исключительная концентрация художественного таланта в отдельном индивиде и связанное с этим подавление его в массе является следствием разделения труда. Если бы даже при известных общественных отношениях каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности для каждого быть также и оригинальным живописцем, так что и здесь различие между «человеческим» и «единственным» трудом сводится к простой бессмыслице. Правда, при коммунистической организации общества отпадает местная и национальная ограниченность художника, вытекающая из разделения труда, и замыкание художника в рамках какого-нибудь определенного искусства, что делает его исключительно живописцем, скульптором и т. д. Одно уже название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые, между прочим, занимаются и живописью.

Учение об организации труда у Санчо показывает отчетливо, что все эти философские рыцари «субстанции» довольствуются простыми фразами. Столь прославляемое ими всеми подчинение «субстанции» «субъекту», низведение «субстанции», господствующей над «субъектом», до роли простой «акциденции» оказывается «простой болтовней».

Поэтому они поступают мудро, отказываясь заниматься подробнее вопросами разделения труда, материального производства и материальных сношений, от которых именно и зависит подчинение индивидов определенным отношениям и определенному роду деятельности. Они вообще занимаются лишь тем, что сочиняют новые фразы для истолкования окружающей действительности, — фразы, принимающие тем скорее характер смехотворного бахвальства, чем больше они воображают, будто возвышаются над этой действительностью и становятся в противоположность ей. Прискорбным примером этого является наш Санчо.

3. Деньги

«Деньги, это — товар, и притом существенное *средство* или состояние, ибо они предохраняют состояние от окостенения, сохраняют его в текучем виде и содействуют его обращению. Если вы знаете лучшее средство обмена — то отлично. Но это опять-таки будут деньги» (стр. 364).

На стр. 353 деньги называются «ходячей или курсирующей собственностью».

Итак, в «Союзе» сохраняются деньги, эта чисто общественная собственность, которая лишена всех индивидуальных особенностей. Что Санчо целиком в плену буржуазных воззрений, это показывает его вопрос о лучшем средстве обмена. Он, значит, предполагает сперва, что вообще необходимо средство обмена, а затем он, оказывается, не знает другого средства обмена, кроме денег. Он нисколько не задумывается над тем, что какое-нибудь судно, какая-нибудь железная дорога, перевозящая товары, являются тоже средством обмена. Поэтому, чтобы не говорить просто о средстве для обмена, а специально о деньгах, он вынужден привлечь к рассмотрению и остальные признаки денег, именно, что они являются ходячей и курсирующей собственностью, что они сохраняют в текучем виде всякую собственность и т. д. Но вместе с этим появляются и экономические признаки, которых Санчо не знает, но которые именно и конституируют деньги, а с ними появляется и все нынешнее состояние классового хозяйства, господство буржуазии и т. д.

Прежде всего мы узнаем кое-что о весьма своеобразном ходе денежных кризисов в Союзе.

Возникает вопрос: «Где раздобыть денег?.. Перестают платить деньгами, в которых может наступить недостаток, а платят своим состоянием, благодаря которому только являемся мы «состоятельными»... Не деньги вредят Вам, а то, что Вы не в состоянии взять их». А затем мы читаем моральное обращение: «Дайте простор Своему состоянию, организуйтесь — и у Вас не будет недостатка в деньгах, в Ваших деньгах, в деньгах Вашей чеканки... Знай, что у Тебя столько денежных знаков, сколько у Тебя силы, ибо Ты значишь столько, сколько Ты придаешь себе значения» (стр. 353, 364).

В силе денег, в объективировании и противопоставлении всеобщего менового средства обществу и отдельному индивиду проявляется самым ярким образом вообще факт объективирования производственных отношений и социальных сношений. Санчо, как и всегда, не знает ровно ничего о связи денежных отношений с общей проблемой производства и сношений. Как добрый буржуа, он спокойно сохраняет деньги, — да при разделении труда и организации землевладения у него и не может быть иначе. Для согласного с собой эгоиста является также весьма неприятным фактом объективная сила денег, ярко обнаруживающаяся в денежных кризисах и угнетающая в виде перманентного недостатка денег «желающего покупать» мелкого буржуа. Наш эгоист выходит из своего затруднения тем, что он *выражает навыворот* ходячее представление мелкого буржуа, создавая благодаря этому иллюзию, будто отношения индивидов к силе денег, это — зависящее только от личного произвола дело. Пользуясь этим удачным случаем, он обращается к ошеломленному и обескураженному и без того отсутствием денег мелкому буржуа и прочитывает ему уснащенную синонимикой, этимологией и другими грамматическими тонкостями проповедь, обрывая, таким образом, все неудобные вопросы о причинах денежной заминки.

Денежный кризис заключается прежде всего в том, что все «состояния» сразу обесцениваются по сравнению с меновым средством и теряют свою «власть» над деньгами. Кризис существует именно тогда, когда *нельзя* более платить своим «состоянием», а *нужно* платить деньгами. Это же, в свою очередь, происходит не оттого, что наступает недостаток в деньгах, как воображает мелкий буржуа, судящий о кризисе на основании своих частных затруднений, а оттого, что утверждается специфическое различие между деньгами, как *всеобщим* товаром, «ходячей и курсирующей собственностью», и всеми другими *специальными* товарами, которые перестают вдруг быть ходячей собственностью. Мы здесь не станем заниматься, в угоду Санчо, рассмотрением причин этого явления. Безутешных и не имеющих денег лавочников Санчо утешает тем, что не деньги являются причиной недостатка денег и всего кризиса, а их неспособность взять деньги. Не мышьяк виновен в том, что кто-то умирает, приняв его, а неспособность его организма переварить мышьяк. После того как Санчо охарактеризовал деньги сперва как существенное и притом *специфическое* состояние, как всеобщее меновое средство, как деньги в обыкновенном смысле слова, он, заметив, к каким трудностям это приводит, переворачивает все дело и объявляет всякое состояние деньгами, чтобы создать иллюзию личной власти. Возникающая при кризисе трудность заключается именно в том, что «всякое состояние» перестает быть «деньгами». Впрочем, все это сводится к практике буржуа, который до тех пор принимает «всякое состояние» в виде платежного средства, пока оно является деньгами, и лишь тогда начинает упираться, когда становится трудно превратить это «состояние» в деньги и когда, значит, он перестает рассматривать его как «состояние». Возникающая во время кризиса трудность заключается, далее, в том, что Вы, мелкие буржуа, к которым обращается здесь Санчо, не можете более содействовать циркулированию денег Вашей чеканки, циркулированию Ваших векселей, что от Вас требуют денег, которых Вы не в состоянии чеканить и в которых ни один человек не усмотрит, что они прошли через Ваши руки. Наконец, Штирнер превращает буржуазный девиз: «Ты имеешь значение постольку, поскольку ты имеешь деньги!» в девиз: «Ты имеешь столько денег, сколько ты имеешь значения». Фактически этим ничто не изменяется, а создается только видимость личной мощи и выражается обычная буржуазная иллюзия, будто каждый сам виноват в том, что он не имеет денег. Так Санчо разделывается с классическим буржуазным изречением: L'argent n'a pas de maître, и может взобраться на кафедру проповедника, чтобы воскликнуть: «Дайте простор Своей способности, организуйтесь,— и не будет недостатка в деньгах». Je ne connais pas de lieu à la bourse où se fasse le transfert des bonnes intentions. Он мог бы к этому еще прибавить: «Создайте себе кредит, knowledge is power, труднее заработать первый талер, чем последний миллион, будьте бережливы и экономны, а в особенности не транжирте слишком» и т. д., чтобы показать, таким образом, вместо одного оба ослиных уха. Впрочем, у нашего героя, для которого всякий есть то, чем он может быть, и де-

лает то, что он может делать, все главы заканчиваются моральными заповедями.

Таким образом, денежная система в штирнеровском Союзе есть попросту существующая ныне денежная система, выраженная только на туманном и идиллически-мечтательном языке немецкого мелкого буржуа.

После того как Санчо прогулялся таким образом с ушами своего серка, Дон Кихот-Шелига вытягивается во весь свой рост, заводит торжественную речь о современном странствующем рыцарстве, причем деньги превращаются в Дульцинею Тобозскую, и возводит фабрикантов и купцов en masse в рыцарей, именно в рыцарей индустрии. В этой речи он преследует еще и побочную цель, желая доказать, что так как деньги «существенное средство», то они также «существенно дочь». (Ср. «Святое семейство», стр. 266.) И он протянул свою десницу и сказал:

«От денег зависит счастье и несчастье, удача и неудача. В буржуазный период они являются силой потому, что за ними ухаживают, как за девушкой (скотницей — Viehmädchen, per appos. Дульцинеей), и никто не связывает себя с ними неразрывными брачными узами. В конкуренции воскресает вся романтика и рыцарство ухаживания за дорогим предметом. Деньги — предмет страсти — «похищаются» смелыми рыцарями индустрии» (стр. 364).

Теперь Санчо по-настоящему понял, почему деньги являются в буржуазную эпоху силой, — именно потому, во-первых, что от них зависит счастье и несчастье, а, во-вторых, потому, что они — *девушка*. Он узнал, далее, почему он может потерять свои деньги: именно потому, что девушка ни с кем не может быть связана неразрывными брачными узами. Теперь бедный обжора знает, как обстоит его дело.

Шелига, произведший таким образом бюргера в рыцари, производит затем следующим образом коммуниста в бюргера, и притом в супруга-бюргера:

«Кто имеет счастье, уводит невесту домой. Голяк имеет счастье, он увозит ее в свой дом, в «*общество*», и растлевает девицу. У него дома она более не невеста, а жена, и вместе с девственностью исчезает и девичье имя. В качестве хозяйки дома дева-деньги называется «*трудом*», ибо «труд» — имя мужа. Она — достояние мужа. Для завершения этой аналогии надо добавить, что дитя труда и денег — опять-таки девушка» («существенно дочь»), «незамужняя» (неужели Шелиге приходило когда-нибудь в голову, что девушка может выйти из материнской утробы уже «замужней»?), «следовательно — деньги» (так как по выше доказанному всякие деньги являются «незамужней девушкой», то само собою ясно, что «все незамужние девушки» суть «деньги») — «значит, деньги, но с *известным происхождением* от труда, своего отца» (toute recherche de la paternité est interdite). «Лицо, «портрет», носит другое выражение» (стр. 364, 365).

Эта венчально-погребально-крестильная история доказывает достаточно убедительно сама по себе, что она «существенно дочь» Шелиги, и притом дочь «знатного происхождения». Ее первоосновой является, однако,

отсутствие знаний у его бывшего конюха, Санчо. Это выступает явно в конце, когда оратор снова обнаруживает свою озабоченность по поводу «чеканки» денег, показывая этим, что он все еще считает металлические деньги за важнейшее средство обращения. Если бы он больше интересовался экономической функцией денег, вместо того, чтобы сплетать им прекрасный зеленый девический венок, то он узнал бы, что — не говоря уже о государственных бумагах, акциях и т. д. — значительнейшую часть средств обращения составляют векселя, между тем как бумажные деньги являются сравнительно ничтожной частью их, а металлические деньги еще более ничтожной долей. В Англии, например, циркулирует в 15 раз больше денег в виде векселей и банкнот, чем в металлическом виде. Что же касается металлических денег, то они определяются исключительно издержками производства, т. е. трудом. Поэтому долгий штирнеровский процесс рождения был здесь совершенно излишним. Торжественные размышления Шелиги о каком-то основывающемся на труде и все же отличном от денег средстве обмена, которое он, будто бы, нашел у некоторых коммунистов, доказывают только лишний раз наивность, с которой наша благородная пара неосторожно верит всему, что она читает.

Оба они, покончив с этой «рыцарской и романтической» кампанией «ухаживания», привозят домой не «счастье», еще менее — невесту и уж менее всего — «деньги»: в лучшем случае один «голяк» привозит другого.

4. Государство

Мы видели, что Санчо сохраняет в своем «Союзе» современную форму землевладения, разделение труда и деньги в том виде, в каком эти отношения существуют в представлении мелкого буржуа. Ясно, что, допустив эти предпосылки, Санчо не может обойтись без государства.

Прежде всего его новоприобретенная собственность должна приобрести форму гарантированной, правовой собственности. Мы уже слышали его слова: «То, в чем желают иметь свою долю все, отнимается у индивида, желающего иметь его только для себя одного» (стр. 330). Итак, здесь воля всех противопоставляется воле разрозненных, отдельных лиц. Так как каждый из согласных с самими собой эгоистов может оказаться несогласным с другими эгоистами и, значит, оказаться в противоречии с ними, то всеобщая воля должна получить, в противовес разрозненным отдельным индивидам, свое выражение — «и эту волю называют *государственной волей*» (стр. 357). Ее распоряжения являются тогда *правовыми* распоряжениями. Выполнение этой всеобщей воли делает, в свою очередь, необходимыми принудительные мероприятия и публичную силу. «Союзы и в этом вопросе (собственности) умножат средства отдельного индивида и *обеспечат оспариваемую* у него собственность» (т. е. гарантируют гарантированную собственность, иначе говоря — правовую собственность, которою Санчо владеет не «безусловно», а получив ее на ленных правах от «Союза») (стр. 342).

Вместе с отношениями собственности восстанавливается, разумеется, и все гражданское право, и Санчо поэтому излагает учение о договоре вполне в духе юристов, как видно из нижеследующего:

«Ничего не значит, если Я сам лишаю Себя той или иной свободы, например при помощи любого *контракта*» (стр. 409). А чтобы «обеспечить» «оспариваемые» контракты, тоже «ничего не значит», если он должен снова подчиниться суду и всем результатам современного гражданского процесса.

Так «потихоньку» мы приближаемся к существующим условиям жизни, но только в карликовом представлении немецкого мелкого буржуа.

Санчо сознается:

«По вопросу о свободе между государством и Союзом нет существенного различия. Союз не может возникнуть или существовать, не ограничивая всячески свободы, подобно тому как и государство не соединимо с безграничной свободой. Повсюду неизбежно ограничение свободы, ибо невозможно *избавиться от всего*; нельзя летать, подобно птице, только потому, что желательно было бы летать и т. д. В Союзе будет еще достаточно несвободы и недобровольного, ибо его целью не является свобода, которою он, наоборот, жертвует ради особенности, но только ради *особенности*» (стр. 410, 411).

Не говоря уже о комическом различии между свободой и особенностью, надо заметить, что Санчо, сам не желая того, пожертвовал уже в своем Союзе своей «особенностью» благодаря экономическим учреждениям. В качестве «настоящего фанатика государства» он видит ограничения лишь там, где начинаются политические учреждения. Он оставляет нетронутым старое общество, а с ним и подчинение индивидов разделению труда; а в таком случае его частная «особенность» будет неизбежно определяться разделением труда и доставшимся ему, благодаря этому, занятием и жизненным положением. Так, например, если ему выпадет жребий работать в Виллентале в качестве слесарного подмастерья, то навязанная ему «особенность» будет заключаться в вывернутом бедре, вследствие чего он будет «тянуть ногу»; если «призрак заглавия его Книги» должен будет существовать в качестве прядильщицы, то «особенность» ее будет заключаться в несгибающихся коленях. Даже если наш Санчо останется при своем старом призвании барщинного крестьянина, которое ему предназначал уже Сервантес и которое он теперь выдает за свое собственное призвание, то, в силу разделения труда и отделения города от деревни, ему достанется «особенность» быть исключенным из системы мировых сношений и, следовательно, всякого образования и стать благодаря этому ограниченным местным животным.

Так Санчо теряет в Союзе malgré lui, благодаря общественной организации, свою особенность, если мы, в виде исключения, сочтем особенность за индивидуальность. Вполне последовательно также, что он лишается, благодаря политической организации, своей свободы; это только яснее доказывает, с каким усердием стремится он возродить в своем Союзе современные общественные порядки.

Итак, различие между современным строем и «Союзом» состоит в существенном отличии свободы от особенности. Мы уже видели, насколько существенно это различие. Большинство его Союза, вероятно, тоже не будет особенно смущаться этим отличием и декретирует «избавление» от него, а если он не успокоится при этом, то оно докажет ему, на основании его собственной «Книги», что, во-первых, нет никаких сущностей, что сущности и существенные различия, это — «святое»; во-вторых, что Союзу нет вовсе дела до «природы вещей» и до «понятия отношения», и, в-третьих, что оно (большинство) нисколько не затрагивает его особенности, а только его свободу обнаруживать ее. Оно, может быть, докажет ему, если он «начнет стремиться стать свободным от конституции», что, заключая его в темницу, нанося ему удары, лишая его ноги, оно только ограничивает его свободу, что он partout et toujours остается «особенным», пока может обнаруживать еще признаки жизни какого-нибудь полипа, устрицы или хотя бы гальванизированного трупа лягушки. За его усилия «установить цену» оно, как мы слышали уже, «не дозволит ему действительной, *свободной* (!) реализации его собственности», ограничивая этим его свободу, а не особенность (в этом, именно, Санчо на стр. 338 упрекает государство). Что же должен предпринять барщинный крестьянин Санчо? «Быть твердым и ничего не спрашивать у Союза» (ibid.). А под конец большинство возразит ему, когда он поднимет бунт против поставленных ему ограничений, что, пока он обладает особенностью объявлять свободы особенностями, оно берет на себя свободу признавать его особенности свободами.

Приведенное выше различие между человеческой и единственной работой было только жалкой пародией, копией закона спроса и предложения. Точно так же и приводимое теперь различие между свободой и особенностью является жалкой копией отношения между государством и гражданским обществом или, как выражается господин Гизо, между liberté individuelle и pouvoir public. Это настолько верно, что в дальнейшем он может почти дословно списывать у Руссо: «Соглашение, ради которого каждый должен пожертвовать частью своей свободы», происходит «вовсе не ради чего-то всеобщего или ради хотя бы какого-нибудь другого человека», — наоборот, «Я шел на него скорее из *своекорыстия*. Что же касается жертвы, то Я «жертвую» только тем, что не находится в Моей власти, т. е. не «жертвую» ровно ничем» (стр. 418). Это свойство наш согласный с собою барщинный крестьянин разделяет со всяким другим барщинным крестьянином и вообще с любым индивидом, жившим когда-либо на земном шаре. (Ср. также *Godwin*, Political Justice). Санчо, мимоходом сказать, обладает, повидимому, особенностью воображать, будто у Руссо индивиды заключали договор ради общего блага; в действительности, это никогда не приходило в голову Руссо.

Однако у него осталось одно утешение.

«Государство — *священно*... Но Союз... *не* священен. И в этом заключается огромное различие между государством и Союзом» (стр. 411). Таким образом, все это огромное различие сводится к тому, что «Союз» есть совре-

менное действительное государство, а «государство» есть штирнеровская иллюзия о прусском государстве, которое он принимает за государство как таковое.

5. Бунт

Но Санчо так мало — и по праву — доверяет своим тонким различениям между государством и Союзом, святым и несвятым, человеческим и единственным, особенностью и свободой и т. д., что под конец ищет спасения в ultima ratio согласного с собой эгоиста, — в бунте. Но на этот раз он поднимает бунт не против себя самого, как он это утверждал раньше, а против Союза. Подобно тому, как он хотел выяснить себе все вопросы лишь в Союзе, так теперь он ищет ответа на все в бунте.

«Если община нарушает Мои права, то Я поднимаю бунт против нее и защищаю Свою собственность» (стр. 343).

Если бунт не «удастся», то Союз «исключит (заключит, изгонит и т. д.) его» (стр. 256, 257).

Санчо пытается здесь присвоить себе droits de l'homme 1793 г., среди которых находилось и право восстания — право, приносящее, разумеется, горькие плоды тому, кто пытается воспользоваться им по своему «собственному» разумению.

*

Итак, вся история с санчевским Союзом сводится к следующему. В то время как прежде в критике он рассматривал существующие отношения лишь со стороны иллюзии, теперь, говоря о Союзе, он пытается изучить эти отношения со стороны их действительного содержания и противопоставить это содержание прежним иллюзиям. При этой попытке наш невежественный школьный учитель должен был, разумеется, с треском провалиться. В виде исключения, он попытался однажды изучить «природу вещей» и «понятие отношения», но ему не удалось «лишить духа чуждости» какую-нибудь вещь или какое-нибудь отношение.

После того как мы познакомились с Союзом в его действительном виде, нам остается лишь рассмотреть фантастические представления Санчо о нем, т. е. рассмотреть религию и философию Союза.

6. Религия и философия союза

Мы начнем здесь снова с того пункта, с которого мы начали излагать учение о Союзе. Санчо пользуется двумя категориями: собственностью и состоянием; иллюзии о собственности соответствуют главным образом положительным данным о земельной собственности, иллюзии же о состоянии — данным относительно организации труда и денежной системы в «Союзе».

(А.) Собственность

Стр. 331. «Мне принадлежит мир». Это, собственно, истолкование мысли о наследственной аренде занимаемого им участка земли.

Стр. 343. «Я — собственник всего, в чем нуждаюсь». Это — риторическое описание того, что его потребности являются его достоянием и что то, в чем он нуждается в качестве барщинного крестьянина, обусловливается его отношениями. Аналогично экономисты утверждают, что рабочий является собственником всего, в чем он нуждается в качестве рабочего. См. у Рикардо рассуждение о минимуме заработной платы.

Стр. 343. «Но теперь все принадлежит Мне». Это является как бы музыкальным аккомпанементом к его таксированной заработной плате, его участку земли, его непрекращающейся денежной заминке, к исключению его из всего того, относительно чего «община» не хочет, чтобы он один владел им. Ту же самую мысль мы находим на стр. 327 выраженной следующим образом: «Его (т. е. другого человека) добро есть Мое добро, и Я распоряжаюсь им, в качестве собственника, в меру своей власти». Это громкозвучное allegro marciale переходит следующим образом в нежную каденцию, в которой он постепенно опускается, как это обычно для Санчо, на свой зад.

Стр. 331. «Мне принадлежит мир. Разве Вы (коммунисты) говорите что-нибудь другое своим противоположным тезисом: *всем* принадлежит мир! Все суть Я и снова Я и т. д.» (напр., «Робеспьер, Сен-Жюст и т. д.»).

Стр. 415. «Я есмь Я, и Ты еси Я. Но... это Я, в котором мы все равны, есть лишь Моя мысль, есть лишь некоторая всеобщность» (святое). Практическая вариация этой темы встречается на стр. 330, где «отдельные индивиды, рассматриваемые как совокупная масса» (т. е. как все), противопоставляются, в качестве регулирующей силы, разрозненным отдельным индивидам (т. е. Я в отличие от всех).

Эти диссонансы разрешаются под конец в успокоительном заключительном аккорде, в заявлении, что то, чем Я не владею, является, во всяком случае, собственностью другого «Я». Таким образом, «собственность на все» является лишь способом выражения того, что каждый обладает исключительной собственностью.

Стр. 336. «Но собственность является лишь Моей собственностью, если Я обладаю ею безусловно. В качестве безусловного Я, Я имею собственность, занимаюсь свободной торговлей». Мы уже знаем, что если в Союзе не относятся с уважением к свободе торговли и к безусловности, то лишь для того, чтобы посягать на свободу, а не на собственность. «Безусловная собственность», это — подходящее дополнение к «обеспеченной», гарантированной собственности в Союзе.

Стр. 342. «По мнению коммунистов, община должна быть собственником. Наоборот, Я есмь собственник и прихожу только к соглашению с другими насчет Своей собственности». На стр. 329 мы видели, как «общество

сделалось *собственником*», а на стр. 330, как оно исключает *отдельных индивидов* из *их* собственности. Вообще мы видели, что был введен родовой ленный строй, самая грубая первоначальная форма ленного строя. Согласно стр. 416 «феодальный строй есть отсутствие собственности», ввиду чего, согласно той же самой странице, «в Союзе, и только в Союзе, признается собственность», и признается на том достаточном основании, «что ни от какой сущности больше не получают своего достояния в ленное владение» (ibid.). Это значит, что, при существовавшем до сих пор в истории ленном строе, «сущностью» был сюзерен, в Союзе же им является общество, откуда, по меньшей мере, следует, что Санчо обладает «исключительной», но отнюдь не «обеспеченной», собственностью в своих познаниях о «сущности» истории прошлого.

В связи со стр. 330, согласно которой каждый индивид исключается из того, относительно чего обществу не угодно, чтобы он владел им один, и в связи с государственным и правовым строем Союза стоит стр. 369. «Правовой и правомерной собственностью другого будет лишь то, относительно чего Ты считаешь правым, чтобы оно было его собственностью. Если оно, по-твоему, перестало быть правым, то оно потеряло для Тебя свою правомерность, а над абсолютным правом на него Ты посмеешься». Этим он устанавливает поразительный факт, что то, что существует по праву (Rechtens) в Союзе, может быть для него не правым — бесспорное право человека. Если в Союзе существует учреждение, вроде старо-французских парламентов, которые так любит Санчо, то он сможет даже запротоколировать и зарегистрировать свое неудовольствие, получив при этом утешение, что «не от всего можно избавиться».

Приведенные до сих пор положения находятся, повидимому, в противоречии друг с другом и с действительностью Союза. Но ключ к решению загадки заключается в приведенной уже юридической фикции, а именно, что там, где он исключен из собственности других, он просто приходит к соглашению с этими другими. Эта фикция излагается подробнее в следующих положениях: стр. 369. «Это имеет конец (именно уважение к чужой собственности), если Я, хотя и предоставляю то дерево другому индивиду, как Я предоставляю другому индивиду Мою палку и т. д., но не рассматриваю его заранее как нечто чуждое Мне, т. е. святое. Наоборот... оно остается моей собственностью, хотя бы Я и уступил его другим. Оно есть и остается моим. В состоянии банкира я не *вижу* ничего чужого».

Стр. 328. «Я не отступаю в испуге перед Твоей и Вашей собственностью, а *рассматриваю* ее всегда как Свою собственность, в которой я не должен ничего уважать. Поступайте точно так же с тем, что Вы называете Моей собственностью. Стоя на этой *точке зрения*, мы легче всего придем к соглашению друг с другом».

Суть дела такова. Буржуазная, и притом специально мелкобуржуазная и мелко-крестьянская, собственность сохраняется, как мы видели, в Союзе. Изменяется только *интерпретация*, «*точка зрения*», почему Санчо и подчер-

кивает всегда «рассматривание». «Соглашение» получается благодаря тому, что эта новая философия рассматривания начинает пользоваться уважением всего Союза. Философия эта заключается в том, что, во-первых, каждое отношение, независимо от того, вызывается ли оно экономическими условиями или прямым принуждением, рассматривается как отношение «соглашения»; во-вторых в том, что воображают, будто вся собственность других предоставлена им нами и остается у них лишь до тех пор, пока мы не получим силы отнять ее у них, а если мы никогда не получим этой силы — tant mieux; в-третьих в том, что Санчо и его Союз гарантируют друг другу в теории взаимное неуважение, между тем как на практике Союз «приходит к соглашению» с Санчо при помощи палки; и, наконец, что это «соглашение» является простой фразой, так как всякий знает, что другие приняли его лишь с задней мыслью отказаться от него при ближайшем удобном случае. Я вижу в Твоей собственности не Твое достояние, но Мое; так как каждое Я поступает таким образом, то они в этом и видят *всеобщее* благо, благодаря чему мы и приходим к современно-немецко-философскому истолкованию обыкновенной, особенной и исключительной частной собственности.

К союзной философии собственности относятся, между прочим, следующие, извлеченные из системы Санчо, занятные утверждения:

Стр. 342, что в Союзе можно при помощи неуважения добиться собственности. Стр. 351, что «все мы утопаем в изобилии» и что Я «должен лишь протянуть руку», между тем как в действительности весь Союз принадлежит к семи тощим фараоновым коровам, и, наконец, что Санчо «цитирует мысли», которые «находятся в его Книге», что воспевается на стр. 374 в несравненной, обращенной к самому себе оде, подражающей трем гейневским одам к Шлегелю: «Ты, Ты, который питаешь подобные мысли, изложенные в Твоей Книге... бессмыслица!» Это — гимн, который Санчо заранее декретирует самому себе и насчет которого он впоследствии придет к соглашению с Союзом.

В заключение понятно и «без взаимного понимания», что собственность в необыкновенном понимании слова, о которой мы уже говорили в «Феноменологии», заранее принимается в виде платежного средства как «ходячая» и «курсирующая собственность». Насчет таких простых фактов, как, например, что Я питаю сочувствие, что Я говорю с другими, что Мне ампутируют (resp. отрывают) ногу, — Союз придет к соглашению в том, что «чувство чувствующих является также Моим, является собственностью» (стр. 387), что и чужие уши и языки есть Моя собственность, что и существующие отношения есть Моя собственность. Таким образом, барышничество в Союзе будет заключаться главным образом в том, что все отношения превращаются, при помощи легкой парафразы, в отношения собственности. Этот новый способ выражения свирепствующих уже и теперь «бедствий» является «существенным средством или состоянием» в Союзе, и при «социальных талантах» Санчо удачно покроет неизбежную нехватку в средствах в существованию.

(B.) Состояние

Стр. 216. «Пусть каждый из Вас будет *всемогущим* Я!»
Стр. 353. «Думай об увеличении Своего состояния!»
Стр. 420. «Помните цену Своих дарований».
«Не роняйте цены их».
«Не поддавайтесь тому, чтобы снижать цены».
«Не давайте уговаривать Себя, что Ваш товар не стоит цены».
«Смехотворной ценой не делайте Себя посмешищем».
«Подражайте храбрым и т. д.».
Стр. 420. «Реализуйте Свою собственность!»
«Реализуй Себя!»

Эти моральные изречения, которым Санчо научился у какого-нибудь андалузского торгаша-еврея, преподававшего своему сыну правила жизни и торговли, и которые он теперь вытаскивает из своей котомки, образуют главное состояние Союза. Основой всех этих положений является великое положение на стр. 351: «Все, что Ты в состоянии делать, есть Твое состояние». Положение это или совершенно не имеет смысла, являясь тавтологией, или же представляет бессмыслицу. Оно тавтологично, если означает: что̀ ты в состоянии сделать — то̀ ты в состоянии сделать. Оно — бессмыслица, если слово «состояние» должно выражать состояние «в обыкновенном смысле слова», т. е. торговое состояние, если, следовательно, исходят из этой этимологической игры слов. Но коллизия состоит ведь в том, что моему состоянию предписывается нечто иное, чем то, что я в состоянии дать; напр., из-за того, что я в состоянии писать стихи, требуют, чтобы я был в состоянии делать деньги из этих стихов. От моего состояния требуют нечто иное, чем специфический продукт этого особенного состояния, именно некоторый продукт, зависящий от чуждых, не подчиненных моему состоянию, отношений. Эта трудность должна быть разрешена в Союзе при помощи синонимики и этимологической игры слов. Мы видим, что наш эгоистический школьный учитель спекулирует на приличный пост в Союзе. Впрочем, эта трудность лишь призрачная. Здесь во всегдашней торжественно-велеречивой манере Санчо излагается обычная моральная заповедь буржуа. Any thing is good to make money of (из всего можно выколотить деньгу).

(C.) Мораль и сношения, теория эксплоатации

Стр. 352. «Вы поступаете эгоистически, когда рассматриваете друг друга не как владельцев и не как голяков или рабочих, а как часть Своего состояния, как *пригодных субъектов*. В этом случае Вы не дадите ничего ни владельцу, собственнику, за его достояние, ни тому, кто трудится, но лишь тому, кто Вам нужен. Нужен ли нам король? — спрашивают себя северо-американцы. И отвечают: Для нас он и его работа не стоит ни полушки!»

В противоположность этому на стр. 229 он упрекает «буржуазный период» в следующем: «Вместо того, чтобы брать Меня таким, каков Я есмь, обращают внимание только на Мою собственность, Мои качества и заключают со Мной брачный союз только ради Моего достояния, словно женятся на том, что Я имею, а не на том, что Я есмь». Иначе говоря, обращают внимание просто на то, что Я есмь для других, на Мою пригодность, обращаются со Мной, как с пригодным субъектом. Санчо плюет в тарелку «буржуазного периода», чтобы одному есть его суп в своем Союзе.

Если индивиды современного общества рассматривают друг друга как владельцев, как рабочих и, если угодно Санчо, как голяков, то это означает попросту, что они рассматривают друг друга как нужных субъектов, — факт, в котором способен сомневаться только такой ненужный индивид, как Санчо. Капиталист, который «рассматривает рабочего как рабочего», обращает внимание на него лишь потому, что ему нужны рабочие; таким же образом относятся к капиталисту и рабочие; и точно так же американцы, по словам Санчо (было бы недурно, если бы он указал, из какого источника заимствовал он этот исторический факт), лишь *потому не нуждаются* в короле, что не могут употребить его в качестве *рабочего*. Санчо выбрал здесь свой пример со своей обычной неловкостью, ибо он доказывает как раз обратное тому, что он должен был действительно доказать.

Стр. 395. «Ты для Меня не что иное, как пища, точно так же и Меня Ты принимаешь в пищу и потребляешь. Мы имеем друг к другу только одно отношение — именно отношение взаимной нужды друг в друге, полезности, пользы».

Стр. 416. «Никто не является для Меня достойной уважения особой, даже и мой ближний; как и прочие *существа* (?), он является *предметом*, к которому Я отношусь с участием или нет, интересным или неинтересным предметом, нужным или ненужным субъектом».

Отношение «полезности», являющееся в Союзе *единственным* отношением между индивидами, тотчас же принимает вид взаимного «*пожирания*». «Совершенные христиане» Союза совершают, разумеется, и акт причащения, но только не вместе друг с другом, а причащаясь друг другом.

Гегелевская «Феноменология» показывает, насколько эта теория взаимной эксплоатации, которую Бентам подробно развивал и повторял до тошноты, могла уже в начале этого столетия считаться пройденным этапом прошлого. См. в «Феноменологии» главу: «Борьба просвещения с суеверием», где теория полезности излагается как последний итог просвещения. Нелепое превращение всех многообразных людских взаимоотношений в единственное отношение полезности, эта явно метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения подводятся практически под одно абстрактное денежно-торгашеское отношение. Эта теория возникла вместе с Гоббсом и Локком одновременно с первой и второй английскими революциями, этими первыми битвами, благодаря которым буржуазия завоевала себе политическую власть. У эко-

номистов она встречается, разумеется, уже и раньше в качестве молчаливой предпосылки. Настоящей наукой этой теории полезности является политическая экономия; свое истинное содержание она получает у физиократов, так как они первые стали изучать систематически политическую экономию. Уже у Гельвеция и Гольбаха встречается идеализация этого учения, вполне соответствующая оппозиционному положению французской буржуазии до революции.

[*Зачеркнуто*: Где она была революционна, она идеализировала свои отношения, ибо осуществить практически эти отношения она еще не могла; у Гольбаха все развитие способностей какого-нибудь индивида, происходящее благодаря его сношениям с другими людьми, рассматривается как отношение полезности, так что я, например, говорю с каким-нибудь другим человеком, люблю его и т. д., потому что это мне полезно. Действительное отношение, именно, что я говорю с другим человеком, люблю его и т. д., что благодаря этому развиваются мои способности, сохраняется и признается как таковое. Но, на-ряду с ним, признается и другое отношение, в которое я вступаю с другим человеком, именно, помимо действительного, само собой разумеющегося отношения, я должен иметь к этому другому человеку еще особое отношение полезности, я должен извлекать из него еще особую пользу. В этой теории философски развивается отношение буржуа к другим буржуа; для буржуа важно не само отношение, а некая особая польза, которая вообще не вытекает из этого отношения, но связывается с ним лишь благодаря общественным условиям. Буржуа говорит и любит, напр., не из...]

У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимоотношениях изображается в виде отношений пользы и использования, например, речь, любовь и т. д. Действительные, предполагающиеся здесь отношения, это — речь, любовь и определенные выявления определенных свойств индивидов. Но эти отношения не обладают свойственным им *специфическим* значением, а должны быть выражением и изображением третьего, подставленного на их место отношения, именно — отношения полезности или использования. Эта теория перестает быть бессмысленной и произвольной лишь тогда, когда для индивида его отношения имеют значение не сами по себе, не как самовыявление, а как маска, — однако как маска не категории использования, но действительной третьей цели и отношения, называемого отношением полезности. Этот лингвистический маскарад имеет смысл лишь тогда, когда он является бессознательным или сознательным выражением действительного маскарада. В этом случае отношение полезности имеет вполне определенный смысл, именно тот, что я извлекаю пользу, нанося вред другому человеку (exploitation de l'homme par l'homme); далее, в этом случае польза, извлекаемая мной из какого-нибудь отношения, чужда вообще этому отношению, подобно тому как выше, говоря о способности, мы видели, что от каждой способности требуется чуждый ей продукт; это — отношение, которое определяется общественными отношениями, которое, значит, и есть именно отношение полезности. Все это встречается, действительно, у бур-

жуа. Для него только *одно* отношение существует ради себя, самого именно отношение эксплоатации; все прочие отношения существуют для него лишь постольку, поскольку он может подвести их под это единственное отношение, и даже там, где он встречает отношения, которых нельзя прямо подчинить отношению эксплоатации, он подводит их под него, по крайней мере, в иллюзии. Материальным выражением этой пользы являются деньги, — представитель стоимости всех вещей, людей и общественных отношений. Впрочем, не трудно сразу заметить, что категория «использования» абстрагирована от моих действительных отношений к другим людям, а вовсе не от голого размышления и воли, и что затем при посредстве чисто спекулятивного метода эти отношения выдаются за реализацию от них же самих абстрагированной теории. Совершенно аналогично и с тем же правом Гегель изобразил все отношения в виде отношений объективного духа. Таким образом, теория Гольбаха является исторически правомерной философской иллюзией, идеологией развившейся во Франции буржуазии, чью жажду эксплоатации еще можно было изобразить как жажду полного развития личности в свободном от всех феодальных уз обществе. Впрочем, освобождение, с точки зрения буржуазии, т. е. конкуренция, была для XVIII в. единственно возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития. Теоретическое провозглашение соответствующего этой буржуазной практике сознания, сознания взаимной эксплоатации как всеобщего отношения между всеми индивидами, являлось также смелым и открытым шагом вперед, было мирским *просвещением* и разъяснением факта политической, патриархальной, религиозной и идиллической прикровенности эксплоатации при феодализме, — прикровенности, которая соответствовала тогдашней форме эксплоатации и была систематизирована теоретиками абсолютной монархии.

Если бы Санчо учил в своей «Книге» даже тому, чему учили в прошлом столетии Гельвеций и Гольбах, то это было бы смешным анахронизмом. Но мы видим, что на место активного буржуазного эгоизма он поставил какой-то хвастливый, согласный с собой эгоизм. Его единственная — да и то вопреки его воле и без его ведома — заслуга заключается в том, что он выражает чаяния современных немецких мелких буржуа, стремящихся стать настоящими буржуа. Вполне естественно, что мелочности, робости и ограниченности практических выступлений этих мелких буржуа соответствует нескромное, шарлатанское и фанфаронское выступление «Единственного» из их философских представителей; действительным взаимоотношениям этих мелких буржуа вполне соответствует то, что они ровно ничего не знают о своем теоретическом крикуне, а он ничего не знает о них; что они не согласны друг с другом, а он должен проповедывать согласный с собой эгоизм — и, может быть, Санчо понимает теперь, какой пуповиной связан его «Союз» с германским Таможенным союзом.

Успехи теории полезности и эксплоатации, ее различные фазисы тесно связаны с различными эпохами развития буржуазии. У Гельвеция и Голь-

баха она, по своему действительному содержанию, являлась лишь формой выражения писателей эпохи абсолютной монархии. Она была у них скорее особой формой выражения, была скорее желанием свести все отношения к отношению эксплоатации, вывести сношения людей из материальных потребностей их и способов их удовлетворения, чем практическим осуществлением этой теории. У них была только поставлена задача. У Гоббса и Локка были перед глазами как прежняя стадия развития голландской буржуазии (оба они жили одно время в Голландии), так и первые политические выступления английской буржуазии, разрывавшей рамки местной и провинциальной ограниченности, а также уже относительно развитая ступень мануфактуры, торговли и колонизации; особенно это относится к Локку, который является современником первого периода английской политической экономии, акционерных обществ, Английского банка и зарождения морского владычества Англии. У них, — и в особенности у Локка, — теория эксплоатации еще непосредственно связана с экономическим содержанием. Гельвеций и Гольбах, кроме английской теории и истории развития голландской и английской буржуазии, могли наблюдать еще боровшуюся за свое свободное развитие французскую буржуазию. Во Франции характерный для всего XVIII столетия коммерческий дух охватил все классы в форме спекуляции. Финансовые затруднения правительства и вытекавшие отсюда споры о налоговом обложении занимали уже тогда всю Францию. К этому присоединялось еще то обстоятельство, что Париж был в XVIII столетии единственным мировым городом, единственным городом, в котором встречались лично друг с другом представители всех наций. Эти предпосылки, а также более универсальный характер французов вообще придали теории Гельвеция и Гольбаха своеобразную всеобщую окраску, но лишили ее положительного экономического содержания, встречающегося еще у англичан. Теория, бывшая у англичан просто констатированием известного факта, становится у французов философской системой. Эта, лишенная еще у Гельвеция и Гольбаха положительного содержания, всеобщая теория существенно отлична от полной содержания цельной теории, как мы ее наблюдаем впервые лишь у Бентама и Милля. Первая соответствует борющейся, еще не развитой буржуазии, вторая — буржуазии господствующей и развитой. Физиократы развили и систематизировали содержание теории эксплоатации, находившееся в пренебрежении у Гельвеция и Гольбаха; но так как они имели перед собой неразвитые экономические отношения Франции, где еще не сломлен был феодализм с лежащим в его основе землевладением, то они не сумели выйти из круга феодального мировоззрения в том смысле, что считали землевладение и сельское хозяйство основными моментами всей общественной жизни. Дальнейшим своим развитием теория эксплоатации обязана в Англии Годвину, а в особенности Бентаму, который постепенно, по мере того как крепла в Англии и во Франции буржуазия, привлек снова к рассмотрению оставленное французами в стороне экономическое содержание. «Political justice» Годвина была написана во время тер-

рора, а главные произведения Бентама — во время французской революции и после нее, одновременно с развитием крупной промышленности в Англии. Наконец у Милля мы встречаем полное соединение теории полезности с политической экономией.

Политическая экономия, которая прежде изучалась либо финансистами, банкирами и купцами, т. е. вообще людьми, имевшими непосредственное дело с экономическими отношениями, либо же людьми общего образования, как Гоббс, Локк, Юм, для которых она являлась лишь одной из отраслей энциклопедического знания, — политическая экономия только благодаря физиократам стала особой, самостоятельной наукой, и с того времени сделалась предметом самостоятельного изучения. В качестве специальной науки она включила в себя остальные — политические, юридические и т. д. — отношения, сведя эти отношения к экономическим отношениям. Но она считала это подчинение всех отношений себе лишь одной стороной этих отношений и сохраняла за ними, вне политической экономии, самостоятельное значение. Только у Бентама мы находим полное подчинение всех существующих отношений отношению полезности, безусловное возведение этого отношения полезности в единственное содержание всех прочих отношений; у него после французской революции и развития крупной промышленности буржуазия выступает уже не в качестве какого-то особого класса, а в качестве класса, условия существования которого являются условием существования всего общества.

После того как были исчерпаны сантиментальные и моральные декламации, составлявшие у французов все содержание теории полезности, для дальнейшего развития ее оставался лишь один вопрос, именно вопрос о том, как использовать, эксплоатировать индивидов и отношения. Но ответ на этот вопрос был дан уже в политической экономии, так что единственно возможный шаг вперед заключался в привлечении экономического содержания. Бентам сделал этот шаг. Но в политической экономии уже было показано, что главные отношения эксплоатации устанавливаются, независимо от воли отдельных лиц, производством в целом и что отдельные индивиды застают их перед собой в готовом виде. Поэтому для теории полезности не оставалось ничего иного, как изучение положения отдельного индивида в связи с этими более обширными общественными отношениями, изучение того, как отдельные индивиды в частном порядке эксплоатируют окружающий их мир. По поводу этого Бентам и его школа развили длинный ряд размышлений морального характера. Благодаря этому вся данная теорией полезности критика существующего строя приобрела тоже ограниченный характер. Так как она не выходила из круга буржуазных идей, то ей оставалось критиковать лишь те отношения, которые достались от прошлого и мешали развитию буржуазии. Поэтому теория полезности, хотя и устанавливает связь всех существующих отношений с экономическими отношениями, но лишь ограниченно. Теория полезности имела первоначально характер теории общеполезности, но с этой стороны она при-

обрела значительное содержание лишь тогда, когда были привлечены экономические отношения, в частности, отношения разделения труда и обмена. Благодаря разделению труда, частная деятельность отдельного индивида становится общеполезной; общеполезность Бентама сводится к той самой общеполезности, которая выражается вообще в общеполезности. Благодаря привлечению экономических отношений земельной ренты, прибыли и заработной платы, пришлось рассматривать определенные отношения эксплоатации отдельных классов, так как способ эксплоатации зависит от жизненного положения эксплоатирующего. До сих пор теория полезности могла считать себя связанной с определенными общественными фактами: дальнейший же анализ ею способа эксплоатации принимает характер морализирования. Экономическое содержание превратило постепенно теорию полезности в простую апологию существующего порядка, в доказательство того, что при наличных условиях современные взаимоотношения людей являются наиболее выгодными и общеполезными. Этот апологетический характер она носит у всех новейших экономистов.

Но если теория полезности обладала хотя бы тем преимуществом, что она указывала на связь всех существующих отношений с экономическими основами общества, то у Санчо она потеряла всякое положительное содержание; абстрагированная от всех действительных отношений, она сводится у него к голой иллюзии отдельного бюргера насчет его личной «ловкости», с которой он рассчитывает эксплоатировать мир. Впрочем, Санчо лишь в очень немногих местах занимается теорией полезности даже в этой бледной форме; вся «Книга» заполнена, как мы видели, согласным с собой эгоизмом, т. е. иллюзией по поводу этой иллюзии мелкого буржуа. И даже эти немногие места превращаются у Санчо, в конце концов, как мы еще увидим, в обман.

(D.) Религия

«В этой общности (с другими людьми) Я *вижу* не что иное, как умножение Своей мощи и Я сохраняю ее лишь постольку, поскольку она является Моей умноженной силой» (стр. 415).

«Я не *унижаюсь* ни перед какой силой и *познаю*, что все силы являются лишь Моей мощью и что Я должен их немедленно подчинить, если они угрожают стать силой против Меня или надо Мной: каждая из них может быть лишь одним из Моих средств, необходимых для Моего преуспеяния».

Я «*вижу*», Я «*познаю*», Я «*должен* подчинить», сила «*может* быть лишь одним из Моих средств». Мы уже при разборе учения о «Союзе» показали, что̀ означают эти моральные требования и насколько они соответствуют действительности.

С этой иллюзией о его мощи связана и другая иллюзия, а именно, что в Союзе уничтожается «субстанция» (см. «Гуманный либерализм») и что отношения между членами Союза никогда не принимают твердой, противостоящей отдельным индивидам, формы.

«Союз, объединение, это — постоянно текучее объединение всего существующего... Разумеется, и через Союз может возникнуть общество, но лишь так, как благодаря мысли может возникнуть навязчивая идея... Если какой-нибудь Союз кристаллизировался и принял форму общества, то он перестал быть объединением, ибо объединение это есть непрекращающееся самообъединение... Союз в этом случае стал застывшим, отвердевшим объединением... стал трупом Союза или объединения..., стал обществом... Союз не связан ни естественными, ни духовными узами» (стр. 294, 408, 416).

Что касается «естественных уз», то, несмотря на «недовольство» Санчо, они существуют в Союзе в виде барщинного крестьянского хозяйства, организации труда и т. д... Точно так же имеются в нем «духовные узы» в виде философии Санчо. Впрочем, нам достаточно указать на то, что̀ мы сказали в главе о Союзе насчет основывающегося на разделении труда объективирования отношений и противопоставления их индивидам.

«Словом, общество — *свято*, Союз — Твоя *собственность*: общество потребляет Тебя, Союз потребляешь Ты» и т. д, (стр. 418).

(Е.) Дополнения к учению о Союзе

В то время как до сих пор мы не видели иной возможности образования «Союза» помимо бунта, мы теперь узнаем из комментария, что «Союз эгоистов» существует уже «в сотнях тысяч экземпляров» как одна сторона современного буржуазного общества и что мы можем найти его без всякого бунта в любом «Штирнере». Санчо показывает нам «подобные Союзы в жизни. Фауст находится в таких Союзах, когда он восклицает: Здесь я *человек* (!) — здесь я могу им быть, — у Гете это написано даже черным по белому» («Но Humanus называется святой, см. Гете», ср. «Книгу»)... «Если бы Гесс присмотрелся внимательнее к действительной жизни, то он увидел бы сотни тысяч таких, частью мимолетных, частью длительных, эгоистических Союзов». Санчо дает затем собраться для игр «детям» перед окнами Гесса, заставляет «нескольких хороших знакомых» повести его в кабачок, заставляет его соединиться со своей «возлюбленной». «Разумеется, Гесс не заметит, как богаты эти тривиальные примеры содержанием и как бесконечно отличны они от святых обществ и даже от братского, человеческого общества святых социалистов» (Санчо contra Гесс, *Виганд*, стр. 193, 194). Точно так же уже в «Книге» на стр. 305 «Объединение для материальных целей и интересов» милостиво принимается как добровольный Союз эгоистов.

Таким образом, Союз сводится здесь, с одной стороны, к буржуазным ассоциациям и акционерным обществам, а с другой, ко всякого рода кружкам для развлечения, пикникам и т. д. Известно, что первые целиком являются достоянием *современной эпохи*, и столь же известно, что такими же детищами современности являются последние. Пусть Санчо рассмотрит «Союзы» какой-нибудь прежней эпохи, например, эпохи феодализма, или же

существующие у других народов, — например, у итальянцев, англичан и т. д., — вплоть до союзов детей, и он увидит тогда все различие между ними. Этой новой формулировкой учения о Союзе он подтверждает только закоснелость своего консерватизма. Санчо, вобравший в свой, якобы новый, строй все буржуазное общество, поскольку оно было ему приятно, старается в своих дополнительных комментариях заверить нас, что в его Союзе будут также и забавляться, и притом забавляться совершенно традиционным образом. Наш Bonhomme, разумеется, не задумывается над тем, какие, существующие независимо от него, отношения дают — или не дают — ему возможность сопровождать «несколько хороших знакомых» в кабачок.

Оштирнеренная здесь по берлинской наслышке мысль превратить все общество в добровольные группы принадлежит Фурье. Но у Фурье эта идея предполагает полное преобразование современного общества и основывается на критике существующих, столь восхищающих Санчо, «Союзов» и всей их скуки. Фурье изображает эти современные попытки развлечений в связи с существующими отношениями производства и сношений и полемизирует против них; Санчо же не только далек от мысли критиковать их, но, наоборот, собирается целиком пересадить их в свой новый счастливый строй «соглашения», доказывая этим лишний раз, как крепко сидит он еще в плену воззрений существующего буржуазного общества.

В заключение Санчо держит еще следующую oratio pro domo, т. е. в защиту «Союза».

«Является ли Союз, в котором большинство позволяет надуть себя в своих естественнейших и очевиднейших интересах, Союзом эгоистов? Эгоисты ли соединились там, где один является рабом и крепостным других?.. Общества, в которых потребности одних удовлетворяются за счет других, в которых, например, одни могут удовлетворить потребность в отдыхе тем, что другие должны работать до изнеможения... Гесс... отожествляет... эти свои «эгоистические Союзы» со *штирнеровским* Союзом эгоистов» (стр. 192, 193).

Таким образом, Санчо выражает благочестивое пожелание, говоря, что в его, основывающемся на взаимной эксплоатации, Союзе все члены должны быть равно сильными, хитрыми и т. д. для того, чтобы каждый эксплоатировал других ровно столько, сколько они эксплоатируют его, и чтобы ни один не был «надут» в своих «естественнейших и очевиднейших интересах» и не мог «удовлетворить своих потребностей за счет других».

Мы замечаем здесь, что Санчо признает «естественные и очевидные интересы» и «потребности» всех, т. е. *равные* интересы и потребности. Мы, далее, вспоминаем стр. 456 «Книги», согласно которой «обсчитывание» является «моральной идеей, внушенной цеховым духом»: для человека, получившего «мудрое воспитание» она остается «навязчивой идеей, против которой не дает защиты никакая свобода мысли». Санчо «получает свои мысли «сверху» и остается при них» (ibid.). Эта равная сила всех сводится,

по его требованию, к тому, что всякий должен стать «*всесильным*», т. е., что все должны стать друг относительно друга *бессильными:* это — вполне последовательное требование, совпадающее с милым пожеланием мелкого буржуа, стремящегося к миру торгашества, в котором каждый находит свои выгоды. В другом же случае наш святой вдруг предполагает общество, в котором каждый может удовлетворять беспрепятственно свои потребности, не делая этого «за счет других»: в этом случае теория эксплоатации становится снова нелепым описательным оборотом для выражения действительных взаимоотношений индивидов.

После того как Санчо в своем «Союзе» «пожрал» и употребил в пищу других людей, превратив, таким образом, сношения с миром в сношения с самим собой, он употребляет самого себя в пищу, переходя, благодаря этому, от косвенного самонаслаждения к самонаслаждению прямому.

С. МОЕ САМОНАСЛАЖДЕНИЕ.

Философия, проповедующая наслаждение, столь же стара в Европе, как киренайская школа. Если в древности протагонистами этой философии были *греки*, то в новое время ими являются *французы*, и в силу тех же самых оснований, ибо их темперамент и их общественная жизнь особенно предрасполагают их к наслаждению. Философия наслаждения была всегда лишь остроумной идеологией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения. Не говоря о том, что способ и содержание этого их наслаждения определялись всегда всей структурой остального общества и терпели от всех, связанных с этим, противоречий, — философия наслаждения становилась пустой *фразой*, лишь только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя мировоззрением обществ в целом. Она в этих случаях опускалась до уровня назидательного морализирования, до софистического прикрашивания существующего общества или же превращалась в свою противоположность, объявляя наслаждением лишенный добровольности аскетизм.

Философия наслаждения возникла в новое время вместе с гибелью феодализма и превращением феодального сельского дворянства в жадную до наслаждений и расточительную придворную знать эпохи абсолютной монархии. У этой знати она сохраняет еще форму непосредственно-наивного жизнепонимания, получившего свое выражение в мемуарах, стихах, романах и т. д. Собственно философией она становится лишь у некоторых писателей революционной буржуазии, которые, с одной стороны, получили образование и придерживались образа жизни придворной знати, а, с другой стороны, разделяли более широкое мировоззрение буржуазии, основывающееся на более общих условиях ее существования. Она была поэтому принята обоими классами, хотя с совершенно различных точек зрения. Если у знати эта теория ограничивается лишь высшим сословием и усло-

виями его жизни, то буржуазия обобщает ее, применяя ее безразлично ко всем индивидам, причем абстрагируется от условий жизни этих индивидов, и теория наслаждения, благодаря этому, превращается в плоское и лицемерное нравственное учение.

Когда с дальнейшим ходом исторического развития дворянство пало, а буржуазия вступила в борьбу со своим антиподом — пролетариатом, то дворянство стало ханжески-религиозным, а буржуазия — торжественно-нравственной и строгой в своих теориях, либо же лицемерной (как выше указано), хотя дворянство на практике вовсе не отказалось от того, чтобы наслаждаться, а у буржуазии наслаждение приняло даже официальную экономическую форму — форму *роскоши*. [*Зачеркнуто*: В средние века наслаждения вполне соответствовали отдельным классам: каждое сословие имело свои особые наслаждения и свой особый способ наслаждаться. Дворянство было сословием, обладавшим исключительной привилегией наслаждения, между тем как у буржуазии существовал уже раскол между трудом и наслаждением и наслаждение было подчинено труду. Крепостные — этот класс, предназначенный исключительно для труда — знали лишь весьма немногие, ограниченные наслаждения, которые носили случайный характер, зависели от каприза их господ и других случайных обстоятельств и вряд ли заслуживают внимания. При господстве буржуазии характер наслаждения зависит от соответствующего общественного класса. Наслаждения буржуазии определялись тем материалом, который произвел этот класс на различных ступенях своего развития, и приобрели присущий им еще и теперь нудный характер от индивидов этого класса, а также от постоянного подчинения наслаждения духу стяжательства. Наслаждения пролетариата приобрели свою современную грубую форму, с одной стороны, благодаря продолжительному рабочему времени, до крайности усиливающему потребность в наслаждении, а, с другой, благодаря качественному и количественному ограничению доступных пролетариям наслаждений. Наслаждения всех прежних сословий и классов должны были быть вообще ребяческими, изнурительными или грубыми, ибо они всегда были оторваны от всей жизненной деятельности, от собственного содержания жизни индивидов и сводились более или менее к тому, что какой-нибудь бессодержательной деятельности придавалось иллюзорное содержание. Критика этих прошлых форм наслаждения могла возникнуть, разумеется, лишь тогда, когда противоречие между буржуазией и пролетариатом развилось настолько, что можно было приступить к критике существующего способа производства и сношений]. Связь наслаждений каждой эпохи с классовыми отношениями и порождающими их условиями производства и сношений, в которых живут люди, ограниченность прошлых форм наслаждения, осуществляющихся вне содержания действительной жизни индивидов и стоящих в противоречии с ней, связь каждой философии наслаждения с имеющейся налицо действительной формой наслаждения и лицемерие подобной философии, обращающейся безразлично ко всем индивидам, — все это,

разумеется, могло быть вскрыто лишь тогда, когда можно было приступить к критике условий производства и сношений существующего строя, т. е. когда противоречие между буржуазией и пролетариатом породило коммунистические и социалистические воззрения. Этим была осуждена всякая мораль — как мораль аскетизма, так и мораль наслаждения.

Наш плоский моральный Санчо полагает, разумеется (как видно из всей его «Книги»), что дело сводится только к новой морали, к какому-то, кажущемуся ему новым, жизнепониманию, к тому, чтобы «вбить себе в голову» некоторые «навязчивые идеи» для того, чтобы все стали довольны и начали наслаждаться своей жизнью. Глава о самонаслаждении могла бы, в лучшем случае, дать лишь под новым названием те же самые фразы и сентенции, которые он уже так часто имел «самонаслаждение» проповедывать нам. Вся оригинальность этой главы сводится к тому, что он придает *небесный* и философский характер всякому наслаждению, присвоив ему название «*самонаслаждения*». Если французская философия наслаждения XVIII в. изображала, по крайней мере, в остроумной форме задорный и веселый образ жизни тогдашнего общества, то вся фривольность и все легкомыслие Санчо сводится к таким выражениям, как «пожирание», «потребление», к таким образам, как «свет» (речь идет о свече), и к естественнонаучным реминисценциям, которые либо приводят к беллетристической бессмыслице вроде того, что растение «всасывает воздух эфира», что «певчие птицы глотают жуков», либо же к выдумкам вроде того, напр., что свеча сжигает сама себя. Зато мы снова наслаждаемся всей торжественностью и серьезностью выступлений против «святого», о котором мы узнаем, что оно в виде «призвания — назначения — задачи», в виде «идеала» портило до сих пор людям их самонаслаждение. Не желая заниматься более или менее грязными формами, в которых самость «самонаслаждения» является не просто фразой, мы все же должны еще раз вкратце изложить читателю все фокусы, проделываемые Санчо против святого, с теми незначительными видоизменениями, которые встречаются в этой главе.

«Призвание, назначение, задача, идеал» являются, повторим это вкратце, либо

1) представлением о революционных задачах, материально предначертанных для какого-нибудь угнетенного класса; либо

2) простым идеалистическим описанием или также соответственным сознательным выражением разновидностей индивидуальной деятельности, объективировавшихся благодаря разделению труда и принявших форму различия занятий; либо

3) сознательным выражением необходимости для индивидов, классов, наций утверждать в каждый момент свое положение при помощи какой-нибудь вполне определенной деятельности; либо

4) идеально выраженными в законах, в морали и т. д. условиями существования господствующего класса (обусловленными прошлым развитием производства), которые были, более или менее сознательно, объекти-

вированы идеологами этого класса, которые представляются, в сознании отдельных индивидов этого класса, в виде призвания и т. д. и противопоставляются индивидам угнетенного класса в виде нормы жизни, отчасти как прикрывание или сознание господства, отчасти же как моральное средство последнего. Здесь, как и вообще в других случаях, приходится заметить, что идеологи неизбежно ставят дело на голову и рассматривают идеологию как творческую силу и как цель всех общественных отношений, между тем как она является лишь их выражением и симптомом.

О нашем Санчо мы знаем, что он обладает непоколебимейшей верой в иллюзии этих идеологов. Так как люди, в зависимости от своей различной жизненной обстановки, образуют различные представления о себе, т. е. о человеке, то Санчо воображает, что различные представления создали различную жизненную обстановку и что фабрикация en gros этих представлений, — т. е. идеология, — господствует над миром. (Ср. стр. 433.)

«Мыслящие господствуют в мире», «мысль господствует над миром», «попы или школьные учителя» «вбивают себе разные вещи в голову», «они представляют себе человеческий идеал», с которым должны сообразоваться прочие люди (стр. 442). Санчо знает даже в точности тот силлогизм, в силу которого люди были вынуждены подчиниться причудам школьных учителей и в своей глупости сами подчиняются им: «Так как для Меня» (школьного учителя) «это *мыслимо*, то оно *возможно* для людей; так как это возможно для людей, то поэтому они *должны* были быть этим, поэтому оно было их *призванием*, и, в конце концов, людей приходится брать только по этому *призванию*, только как *призванных*. А дальнейшее заключение? Не отдельным индивидом является человек, а *мыслью*, *идеалом* является человек — род — человечество» (стр. 441).

Все те коллизии с самими собой или с другими людьми, в которые попадают благодаря своим действительным жизненным отношениям люди, представляются нашему школьному учителю Санчо в виде коллизий людей с представлениями о жизни «Человека», — представлениями, которые они либо сами вбили себе в голову, либо дали вбить себе в голову школьным учителям. Если бы они выбили эти представления из своей головы, то «как счастливо» могли бы «жить эти бедные существа», какие делали бы они «прыжки», между тем как теперь они должны «танцовать под дудку школьных учителей и вожатых медведей»! (стр. 445). (Самым ничтожным из этих вожатых является Санчо, так как он водит за нос только *себя самого)*. Если бы, например, люди не вбивали себе в голову почти всегда и почти повсюду — как в Китае, так и во Франции, — что они страдают от перенаселения, то какой бы оказался вдруг у этих «бедных существ» избыток во всякого рода средствах к жизни.

Под видом диссертации о возможности и действительности, Санчо пытается здесь снова вытащить свою старую песенку о господстве святого. Возможным является для него все то, что какой-нибудь школьный учитель может вбить себе в голову насчет меня,—причем Санчо, конечно, не трудно

доказать, что эта возможность не имеет иной действительности помимо его головы. Его торжественное утверждение, что «за словом *возможный* укрылось наиболее чреватое результатами недоразумение тысячелетий» (стр. 441), доказывает достаточно убедительно, как невозможно ему скрыть за словами результаты своего исключительного непонимания работы тысячелетий.

Эта маленькая диссертация о «совпадении возможности и действительности» (стр. 439), о том, чем люди могут быть, и о том, чем они являются, эта диссертация, столь гармонирующая с его прежними настойчивыми убеждениями, что нужно дать простор своей способности и т. д., сопровождается у него некоторыми побочными размышлениями насчет материалистической *теории обстоятельств*, которой мы сейчас же и займемся подробнее. Но предварительно приведем еще один пример его идеологического извращения. На стр. 428 он отожествляет вопрос о том: «как можно обеспечить жизнь», с вопросом о том: как «установить» в себе «истинное Я» (или также «жизнь»). Согласно той же самой странице, вместе с его новой моральной философией прекращается «боязнь за жизнь» и начинается «потребление» ее. Чудотворную силу этой своей, якобы новой, моральной философии наш Соломон описывает еще «заманчивее» в следующем изречении: «Смотри на Себя, как на более сильного, чем Тебя считают, и Ты будешь иметь больше силы. Цени Себя больше, и Ты будешь иметь больше» (стр. 483). (См. выше, в главе о «Союзе», способ Санчо добывать себе собственность).

Перейдем теперь к его *теории обстоятельств*.

«Человек не имеет призвания, но он обладает силами, которые обнаруживаются там, где они имеются, — ибо бытие их заключается только в их обнаружении, — и которые, подобно самой жизни, не могут пребывать в бездеятельности... Каждый употребляет в каждое мгновение столько силы, сколько он ее имеет» («реализуйте Себя, подражайте смелым, пусть каждый из Вас будет всесильным Я» и т. д. — так говорил выше Санчо)... «Разумеется, можно умножить и укрепить силы; в особенности содействуют этому вражеское сопротивление или дружеское содействие; но там, где не видно их применения, там можно быть уверенным и в их отсутствии. Можно из камня высечь огонь. Но для этого необходимы удары; аналогично и человек нуждается в *толчке*. Заповедь употреблять свои силы является лишней и бессмысленной, ибо они оказываются всегда сами по себе деятельными... Сила, это — только более простое обозначение для проявления силы» (стр. 436, 437).

«Согласный с собой эгоист», заставляющий по произволу свои силы или способности действовать либо не действовать и применяющий к ним jus utendi et abutendi, здесь вдруг неожиданно падает кувырком. Оказывается, что силы, если только они имеются налицо, действуют самостоятельно, не заботясь о «произволе» Санчо; они действуют подобно химическим или механическим силам, независимо от обладающего ими инди-

вида. Мы узнаем, далее, что сила не имеется налицо, если мы не замечаем ее проявления. И это оправдывается тем, что сила для своего проявления нуждается в *толчке*. Но мы не узнаем, как сумеет Санчо решить, чего нехватает при отсутствии проявления силы: *толчка* ли, или самой *силы*. Зато наш единственный естествоиспытатель поучает нас, что «можно высечь из камня огонь»; как всегда у Санчо, этот пример выбран очень неудачно. Санчо, подобно ординарнейшему деревенскому школьному учителю, полагает, что если он высекает огонь, то последний получается из камня, где он лежал до того в скрытом виде. Но любой четвероклассник сумеет объяснить ему, что при этом, давно забытом во всех цивилизованных странах, способе добывания огня путем трения стали и камня, частички отделяются от стали, а не от камня, и эти-то частички и загораются благодаря трению; что, следовательно, «огонь», являющийся для Санчо не определенным, данным при известной температуре, отношением известных тел к некоторым другим телам, в частности к кислороду, а самостоятельной вещью, «элементом», «навязчивой идеей», «святым», — что этот огонь получается не из камня и не из стали. С таким же успехом Санчо мог бы сказать: из хлора получается беленое полотно, но если отсутствует «толчок», именно *небеленое* полотно, то «ничего не получается». По этому поводу мы, для «самонаслаждения» Санчо, отметим один факт из области «единственного» естествознания. В оде о преступлении можно было прочесть:

> Разве не гремит далекими *раскатами гром*,
> И разве Ты не *видишь*, как небо,
> Полное предчувствия, *молчит* и темнеет,
>
> («Книга» стр. 379).

Итак, гром гремит, а небо молчит. Санчо, значит, знает какое-то другое место, а не небо, где гремит. Санчо, далее, замечает молчание неба при помощи своего органа *зрения* — фокус, в котором никто не сумеет ему подражать. Или же Санчо *слышит* гром и *видит* молчание, причем оба эти явления происходят одновременно. Мы видели, как у Санчо, при рассуждении о «привидении», горы представляли «дух возвышенности». Здесь молчаливое небо представляет для него дух предчувствия.

Впрочем, неясно, почему здесь Санчо так возмущается «заповедью употреблять свои силы». Ведь эта заповедь может оказаться недостающим «толчком», — тем «толчком», действие которого хотя и не обнаруживается в случае с камнем, но действенность которого Санчо может наблюдать на всяком производящем свои упражнения батальоне. Что «заповедь» эта является сама «толчком» для его слабых сил, это вытекает просто из того, что она оказывается для него «камнем преткновения». Сознание есть сила, которая, согласно изложенному только что учению, тоже «оказывается всегда сама по себе деятельной». В согласии с этим, Санчо должен был бы стремиться не к тому, чтобы изменить сознание, а разве к тому, чтобы изменить «толчок», действующий на сознание, — но тогда Санчо

нечего было бы писать всей его «Книги». Однако в этом случае он считает свои моральные проповеди и «заповеди» за достаточный «толчок».

«Чем каждый может стать, тем он и становится. Неблагоприятные *обстоятельства* могут помешать прирожденному поэту стоять на высоте эпохи и творить, после необходимых для этого предварительных занятий, великие произведения; но он будет сочинять стихи независимо от того, будет ли он батраком или же ему повезет и он станет жить при веймарском дворе... Прирожденный музыкант будет заниматься музыкой, безразлично, на всех инструментах» (эту фантазию о «всех инструментах» он нашел у Прудона. См. «Коммунизм») «или же только на пастушьей свирели» (нашему школьному учителю приходят снова в голову, разумеется, виргилиевские эклоги). «Прирожденная философская голова может проявиться либо в качестве университетского философа, либо в качестве деревенского философа. Наконец *прирожденный дуралей* всегда останется болваном. Надо заметить, что прирожденные ограниченные головы образуют, бесспорно, многочисленнейший класс людей. *Но почему бы в человечестве не обнаруживаться* тем же самым различиям, которые встречаются во всякой породе животных?» (стр. 434).

Санчо опять-таки выбрал свой пример со своей обычной неловкостью. Примем всю его чепуху о прирожденных поэтах, музыкантах, философах; в таком случае его пример доказывает, с одной стороны, лишь то, что прирожденный и т. д. и т. д. *остается* тем, что он *есть* уже в силу рождения, именно, — остается поэтом и т. д. , а с другой стороны, что прирожденный и т. д. и т. д., поскольку он *становится*, развивается, может «в силу неблагоприятных обстоятельств» не стать тем, чем он *мог бы стать*. Таким образом, его пример не доказывает, с одной стороны, ровно ничего, а, с другой стороны, он доказывает противоположное тому, что должен был бы доказать, а с обеих сторон вместе он доказывает, что Санчо, по рождению ли, или в силу обстоятельств, принадлежит к «*многочисленнейшему классу людей*». Зато он разделяет с этим классом и со своей «клепкой» то утешение, что он — *единственная «закупоренная голова»*.

Санчо переживает здесь приключение с волшебным напитком, который Дон-Кихот приготовил из розмарина, вина, оливкового масла и соли и о котором Сервантес рассказывает в семнадцатой главе, как Санчо, выпив его, потом целых два часа под ряд мучительно извергал его из обоих каналов своего тела. Материалистический напиток, выпитый нашим храбрым оруженосцем для своего самонаслаждения, очищает его от всего его эгоизма в необыкновенном смысле слова. Мы видели выше, как Санчо потерял вдруг всю свою торжественность по отношению к «толчку» и отказался от всех своих «способностей», как некогда египетские волшебники, растерявшиеся перед вшами Моисея; здесь с ним приключается два новых приступа малодушия, в которых он склоняется перед силой «неблагоприятных *обстоятельств*» и, наконец, признает даже свою первоначальную физическую организацию за нечто такое, что чахнет без его содействия. Что же

остается нашему обанкротившемуся эгоисту? Санчо признает, что его первоначальная организация не зависит от него; что «обстоятельства» и «толчок», под влиянием которых развивается эта организация, не доступны его контролю; что «таков, каков он есть каждое мгновение», он не есть «свое творение», а творение взаимодействия между его природными задатками и влияющими на них обстоятельствами. Несчастный «творец»! Несчастное «творение»!

Но теперь, напоследок, надвигается самое большое несчастье. Санчо, не довольствуясь тем, что ему уже давно отсчитаны tres mil azotes y trecientos en ambas sus valientes posaderas, должен под конец нанести себе один главный удар провозглашением себя *фанатиком рода*. И каким еще фанатиком! Во-первых, он приписывает роду разделение труда, ибо он делает его ответственным за то, что одни люди являются поэтами, другие — музыкантами, третьи — школьными учителями; во-вторых, он приписывает ему существующие физические и интеллектуальные недостатки «самого многочисленного класса людей» и делает его ответственным за то, что при господстве буржуазии большинство индивидов похоже на него. Если придерживаться его взглядов на прирожденных тупиц, то нужно было бы объяснять теперешнее распространение золотухи тем, что «род» находит особенное удовольствие в том, чтобы прирожденные золотушные конституции составляли «самый многочисленный класс людей». Даже вульгарнейшие материалисты и медики давно уже освободились от подобных наивных взглядов, задолго до того, как согласный с собой эгоист получил от «рода», «неблагоприятных обстоятельств» и «толчка» призвание выступить перед немецкой публикой. Подобно тому, как Санчо объяснял до сих пор все искалечение индивидов, а также их отношений, из навязчивых идей школьных учителей, не интересуясь вопросом о возникновении этих идей, так теперь он объясняет это искалечение из простого физического процесса рождения. Он совсем не задумывается над тем, что способность развития детей зависит от развития родителей и что все это искалечение возникло исторически при наличии теперешних общественных отношений и может быть точно так же снова уничтожено историческим же путем. Даже естественные родовые различия, — как, например, расовые различия и т. д., — о которых Санчо ничего не говорит, могут и должны быть устранены исторически. Санчо, который по этому поводу заглядывает украдкой в зоологию и при этом открывает, что «прирожденные ограниченные головы» являются самым многочисленным классом не только у овец и волов, но также и у полипов и у инфузорий, не имеющих вовсе голов, — Санчо, может быть, слышал о том, что возможно облагораживать породы животных и путем скрещивания рас создавать совершенно новые более совершенные разновидности как для наслаждения людей, так и для их собственного самонаслаждения. «Почему бы» Санчо не сделать отсюда умозаключения по отношению к людям?

При этом случае мы «эпизодически изложим» «различные вариации» Санчо насчет рода. Мы увидим, что его отношение к роду таково же,

как и к святому: чем более он бушует против него, тем более он верит в него.

№ I. Мы уже видели, что род порождает разделение труда и возникшие при существующих социальных обстоятельствах искалечения, и *притом так*, что род вместе с продуктами его рассматривается как нечто неизменное при всех обстоятельствах, нечто независимое от контроля людей.

№ II. «Род реализуется уже благодаря задатку; а то, что Ты делаешь из этого задатка» (согласно вышеизложенному должно было бы, собственно, быть: то, что «обстоятельства» делают из него), «это есть реализация Тебя. Твоя рука вполне реализована в смысле рода, иначе она была бы не рукой, а, скажем, лапой... Ты делаешь из нее то и так, что и как ты хочешь иметь и можешь сделать» (*Виганд*, стр 184, 185).

Здесь Санчо повторяет в иной форме сказанное уже под № I.

Итак, мы видели до сих пор, что род, независимо от контроля и исторического развития индивидов, определяет все физические и духовные задатки, непосредственное бытие индивидов и в зародыше — разделение труда.

№ III. Род остается в качестве «толчка», являющегося только общим выражением для «обстоятельств», которые определяют развитие первоначального индивида, опять-таки порождаемого родом. Он для Санчо — та же самая таинственная сила, которую остальные буржуа называют природой вещей и которой они приписывают все отношения, не зависящие от них, как буржуа, и связи которых они поэтому не понимают.

№ IV. Род, как «возможное для человека» и «человеческая потребность», образует основу организации труда в «штирнеровском Союзе», где возможная для всех и общая всем потребность тоже рассматривается, как продукт рода.

№ V. Мы уже знаем, какую роль играет соглашение в Союзе (стр 462): «Если приходится вступать в соглашение и в словесное общение, то Я, разумеется, могу воспользоваться только *человеческими* средствами, которые находятся в Моем распоряжении, ибо Я являюсь в то же время человеком» (id est — экземпляром рода). Таким образом, *язык* здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке первобытная, стихийно возникшая речь возвысилась до стадии национального языка отчасти благодаря истории развития языка из готового материала, как это мы наблюдаем в случае романских и германских языков, отчасти благодаря скрещиванию и смешению народов, как в случае английского языка, отчасти благодаря концентрации диалектов у какого-нибудь народа, происходящей на основе экономической и политической концентрации. Само собой разумеется, что индивиды в свое время сумеют вполне контролировать и этот продукт рода. В Союзе будут говорить на языке, как таковом, на святом языке, на языке святого — на еврейском и притом на арамейском диалекте, на

котором говорила «воплотившаяся сущность» — Христос. Это «пришло нам в голову вопреки ожиданию» Санчо «и притом лишь потому, что нам кажется, что это может способствовать уяснению остального».

№ VI. На стр. 277, 278 мы узнаем, что род сводится к «народам, городам, сословиям, всякого рода корпорациям», а под конец к «семье», и что поэтому он вполне последовательно «играл историю» до сих пор. Таким образом, здесь вся история прошлого, вплоть до злополучной истории Единственного, становится продуктом «рода», и притом на том достаточном основании, что эта история иногда рассматривается под названием: *История человечества*, т. е. рода.

№ VII. Во всем изложенном до сих пор Санчо уделил на долю *рода* больше,чем какой бы то ни было смертный до него; он резюмирует это в следующем положении: «Род есть *ничто*... род есть только нечто мыслимое, дух, призрак и т. д. и т. д.» (стр. 239). В итоге из санчевского «ничто», тожественного с «мыслимым», ничего и не получается, ибо сам он есть «творческое ничто», а род творит, как мы видели, очень многое, причем он отлично может быть «ничем». Об этом Санчо рассказывает нам на стр. 456: «Ничто не оправдывается *бытием*; мыслимое существует с таким же успехом, как и немыслимое».

Начиная с 448-й страницы Санчо ткет на протяжении тридцати страниц длиннейшую паутину, чтобы «высечь огонь из мышления и критики согласного с собой эгоиста». Мы имели перед собой уже достаточно образцов его мышления и его критики, чтобы соблазнять еще читателя нищенской похлебкой Санчо. Достаточно будет одной ложки этой похлебки.

«Думаете ли Вы, что мысли, подобно птицам, летают вокруг совершенно свободными, так что каждый может поймать некоторые из них и потом противопоставить их Мне как свою неприкосновенную собственность? Все то, что летает вокруг, все это — Мое» (стр. 457).

Санчо совершает здесь нарушение правил охоты по отношению к мыслимым бекасам. Мы видели, сколь много он поймал летающих вокруг мыслей. Он рассчитывал поймать их, лишь только им на хвост он насыплет соль святого. Это колоссальное противоречие между его действительной собственностью, действительным богатством, мыслями и его иллюзией насчет этого может послужить классическим и убедительным примером всей его собственности в необыкновенном смысле слова. Именно этот контраст и образует его *самонаслаждение*.

КОНСПЕКТ ПЕРВОГО ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конспект «Капитала», опубликовываемый в настоящем томе «Архива», найден нами в одной из тетрадей Энгельса, которую он сам снабдил номером — 29. В этой тетради, кроме конспекта «Капитала», имеются еще подробные выписки из двух книг: 2) Senior, «Journals etc. relatives to Irland», 1868, и 3) St. Clair and Brophy, «Residence in Bulgaria», 1869.

Указание на последнюю книгу мы встречаем в письме Энгельса к Марксу от 12 августа 1869 г.: «Как глупы и пошлы уркартисты, видно из того, что они никогда не цитируют книгу «A residence in Bulgaria». Дальше следует очень хвалебный отзыв о книге, из которого видно, — об этом свидетельствуют и выписки в тетради, — что Энгельс прочитал эту книгу с большим вниманием. Если предположить, что он это сделал в начале августа, — а всего вероятнее, что это случилось еще раньше, иначе он не упрекал бы уркартистов, что они *никогда* не цитируют этой книги, — то не подлежит никакому сомнению, что конспект «Капитала» написан еще раньше. В самой тетради против слов: 1) Das Kapital von K. Marx, стоит число, последнюю цифру которого трудно прочитать: не то 1868, не то 1869, можно читать даже 1867, т. е. год издания первого тома «Капитала». Хотел ли Энгельс указать, когда он эксцерпировал книгу, и потому переправил цифру 7 на 9, трудно решить.

Обратимся опять к переписке Маркса и Энгельса. В письме Энгельса от 1 июля 1869 г. мы находим следующее интересное место:

«После сообщения Эйхгофа мне кажется весьма сомнительным, стоит ли вообще писать Мейснеру [издатель «Капитала»] по поводу популярного извлечения из твоей книги? Во всяком случае, если даже книжки ценою в 5 грошей [1] плохо идут, то книжки ценою в 8 или 10 грошей еще менее могут найти сбыт. Здесь могла бы помочь только маленькая брошюра от одного до двух листов ценою в $2^1/_2$ гроша, а это требует труда и для Мейснера не подходит. Каково твое мнение по этому поводу? Или ты оставишь этот вопрос для личной беседы с ним, так как ты ведь, наверное, посетишь Мейснера во время твоей поездки в Германию?».

На этот запрос Маркс отвечает в письме от 3 июля 1869 г.:

«Что касается Мейснера, то лучше всего будет, если я с ним лично поговорю. Но если ты имеешь время (особенно, если тебе не помешает твой глаз) что-нибудь приготовить, то, конечно, гораздо удобнее вести перего-

[1] Грош — 10 пфеннигов — 5 коп.

воры с манускриптом в руках, чем *без* оного. Поскольку мне известно, Мейснер предпочитает пять листов двум. Чем меньше брошюра, тем больше хлопот причиняет ее сбыт, как он мне сам сказал».

Но Энгельс, ссылаясь на разные неотложные дела и болезнь глаза, ответил (6 июля 1869 г.), что он не в состоянии приготовить что-нибудь для Мейснера в назначенный срок. Кроме того, ему хотелось бы раньше узнать мнение самого Мейснера. В конце августа 1869 г. Маркс уехал в Германию и вернулся в Лондон в начале октября. Чем кончились переговоры с Мейснером — мы не знаем. Во всяком случае, в переписке Маркса и Энгельса мы не находим больше никаких указаний на то, что Энгельс работает над популяризацией «Капитала». Всего вероятнее, что Мейснер, который незадолго пред этим не совсем охотно согласился на переиздание «18 Брюмера Луи Бонапарта», отклонил сделанное ему предложение, и Энгельс, который не хотел работать на-авось, отказался от продолжения уже начатой им работы.

А между тем самая мысль о популярном изложении «Капитала» для рабочих принадлежала Энгельсу. После большой кампании, ставившей себе целью уже с самого начала противодействовать попыткам замолчать «Капитал», которую Энгельс провел при помощи Кугельмана в германской прессе [1], после неудачной попытки поместить статью о «Капитале» в английском журнале «Fortnightly Review» [2], Энгельс сам поднял вопрос о популяризации «Капитала».

«Не является ли уже настоятельной потребностью, — пишет он Марксу 16 сентября 1868 г., — дать популярное краткое изложение содержания твоей книги для *рабочих?* Если не дать его, то явится какой-нибудь Моисей, — Энгельс имеет в виду Гесса, — который сделает это и исказит до неузнаваемости. Как ты думаешь?»

Маркс ему немедленно ответил согласием. «Было бы очень хорошо, если бы ты сам написал маленькую брошюру с популярным изложением («Капитала»). Можно надеяться, что такое дело удастся».

Печатаемый конспект, составленный в 1869 г., несомненно является попыткой дать такое популярное изложение, не прибегая к философскому жаргону. Она должна была дать читателю руководящую нить при чтении «Капитала». Надо заметить, что глава «Товар и деньги» в первом издании оказалась настолько трудной даже для более подготовленных читателей, что Маркс дал в приложении уже к первому изданию более популярное изложение вопроса о «форме стоимости».

Свое изложение Энгельс успел довести только до четвертой главы (включительно). Он кончает отделом, посвященным «машинам и крупной промышленности».

Д. Рязанов.

---

[1] *Э. Цобель*, Четыре рецензии Энгельса на «Капитал» Маркса («Летописи марксизма» книга IV).

[2] *Энгельс*, Маркс о «Капитале» («Летописи марксизма», книга I.)

Глава I

ТОВАР И ДЕНЬГИ

1. Товар как таковой

Богатство обществ, в которых господствует капиталистическое производство, состоит из *товаров*. Товар есть вещь, имеющая *потребительную стоимость*. Последняя существует во всех формах общества; но в капиталистическом обществе потребительная стоимость вместе с тем является материальным носителем *меновой стоимости*.

Меновая стоимость предполагает tertium comparationis, которым она измеряется: труд, общую общественную субстанцию меновых стоимостей, а именно овеществленное в ней *общественно необходимое рабочее время*.

Но подобно тому, как товар имеет двойственный характер: потребительной стоимости и меновой стоимости, так и заключающийся в нем труд можно определять двояко: с одной стороны, как *определенную производительную деятельность*, труд ткача, портного и другой полезный труд, с другой стороны — как *простую затрату человеческой рабочей силы, затраченный абстрактный труд*. Первый производит потребительную стоимость, последний — меновую стоимость, и только последний труд можно сравнивать количественно (различие между skilled и unskilled, — квалифицированным и неквалифицированным, — сложным и простым трудом *подтверждает* это).

Субстанцией меновой стоимости является, следовательно, абстрактный труд, величиной ее — его продолжительность. Теперь нам надо рассмотреть еще форму меновой стоимости.

1) x товара $a = y$ товара b, стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого, составляет его *относительную стоимость*. Выражение эквивалентности двух товаров есть простая форма относительной стоимости. В вышеприведенном уравнении y товара b составляет *эквивалент*. В нем *x товара a* получает свою форму стоимости в противоположность к его натуральной форме, между тем как *y товара b* в то же самое время получает свойство непосредственной обмениваемости, даже в его натуральной форме. Определенные исторические условия придали товару, помимо его потребительной стоимости, меновую стоимость. Товар не может поэтому выразить меновую стоимость в своей собственной потребительной стоимости,

а лишь в потребительной стоимости другого товара. Только в сравнении двух конкретных продуктов труда обнаруживается свойство содержащегося в обоих конкретного труда как абстрактно-человеческого труда, т. е. товар может относиться не к конкретному труду, содержащемуся в нем самом, но к конкретному труду, содержащемуся в других видах товаров, как к простой форме осуществления абстрактного труда.

Уравнение x товара $a = y$ товара b необходимо предполагает, что x товара a может быть также выражено в других товарах, следовательно,

2) x товара $a = y$ товара $b = z$ товара $c = v$ товара $d = u$ товара $e =$ и т. д.

Это — развернутая относительная форма стоимости. Здесь x товара a относится уже не к одному товару, а ко всем товарам, как простым формам проявления труда, заключенного в нем самом. Но простой перестановкой эта форма ведет к

3) перевернутой второй форме относительной стоимости:

y товара $b = x$ товара a.
v товара $c =$ »
r товара $d =$ »
и т. д. и т. д.

Здесь товар получает всеобщую относительную *форму стоимости*, в которой он отвлекается от всех потребительных стоимостей и приравнивается x товара a, как материализации абстрактного труда. X товара a есть родовая форма эквивалента для всех других товаров, он есть их *всеобщий эквивалент*, материализованный в нем труд выступает непосредственно как осуществление абстрактного труда, как всеобщий труд. Но —

4) каждый товар этого ряда может взять на себя роль всеобщего эквивалента, однако каждый раз только один из них, ибо если бы *все* товары были всеобщими эквивалентами, то каждый в свою очередь исключал бы остальные. Формула 3-я не создается посредством x товара a, а посредством других товаров, объективно. Таким образом, определенный товар должен взять на себя эту роль, — на определенное время, по истечении которого эту роль может выполнять другой товар, — и только таким образом товар становится вполне товаром. Этот особенный товар, с натуральной формой которого срастается всеобщая эквивалентная форма, это — *деньги*.

Трудность понимания товара заключается в том, что он, как все категории капиталистического способа производства, представляет отношение лиц под вещной оболочкой. Относя свои продукты друг к другу как *товары*, производители относят друг к другу различные виды своего труда как всеобщий человеческий труд; без этого опосредствования через вещи они не могут этого сделать. Отношение *лиц* проявляется таким образом как отношение *вещей*.

Для общества, в котором преобладает товарное производство, христианство, в особенности протестантизм, — самая подходящая религия.

2. Процесс обмена товаров

Что товар является товаром, он доказывает в обмене. Собственники двух товаров должны хотеть обменять свои товары, следовательно, признавать друг друга *частными собственниками*. Это юридическое отношение, формой которого является договор, есть только волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. *Содержание* его дается самим экономическим отношением (S. 45).

Товар есть потребительная стоимость для его невладельца и не представляет потребительной стоимости для его владельца. Отсюда возникает потребность в обмене. Но каждый владелец товаров желает получить в обмен специфические, необходимые ему потребительные стоимости; в этом смысле обмен для него — индивидуальный процесс. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, следовательно в любом товаре, независимо от того, имеет ли *его* собственный товар потребительную стоимость для владельца другого товара, или нет. В этом смысле обмен является для него всеобщим и общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев индивидуальным и в то же время всеобщим общественным процессом. Для каждого товаровладельца *его* собственный товар имеет значение всеобщего эквивалента, все же другие товары имеют значение особенных эквивалентов его собственного товара. Но так как действия *всех* товаровладельцев являются тожественными, то *ни один* товар не становится всеобщим эквивалентом и поэтому *ни один* товар не имеет всеобщей относительной формы стоимости, в которой они могли бы приравниваться как стоимости и сравниваться как величины стоимостей. Поэтому они вообще выступают друг против друга не как товары, а лишь как продукты (S. 47).

Но товары могут относиться друг к другу как стоимости, а следовательно как товары, только будучи противопоставлены какому-нибудь другому товару как общему эквиваленту. Но лишь *общественное действие может сделать определенный товар всеобщим эквивалентом: деньгами.*

Противоречие, имманентно присущее товару как непосредственному единству потребительной стоимости и меновой стоимости, как продукту полезного частного труда... и как непосредственной и общественной материализации абстрактного человеческого труда, — это противоречие не успокаивается и не прекращается до тех пор, пока не произойдет раздвоения товара на товар и деньги (S. 48). Так как все другие товары представляют собой только особенные эквиваленты денег, деньги же — их общий эквивалент, то они относятся к деньгам, как особенные товары ко всеобщему (S. 51). Меновой процесс придает товару, который он превращает в деньги, не его *стоимость*, а только его *форму стоимости* (S. 51).

Фетишизм: кажется, что товар становится деньгами не потому, что другие товары всесторонне выражают в нем свои стоимости, но, наоборот, кажется, что они выражают в нем свою стоимость потому, что он является *деньгами* (S. 54).

3. Деньги или обращение товаров

А. Мера стоимостей (золото предположено=деньгам)

Деньги, как мера стоимости, — необходимая форма проявления имманентно присущей товарам меры стоимости, *рабочего времени*. Простое относительное выражение стоимости товаров в деньгах — x товара $a=y$ денег — есть их цена (S. 55).

Цена товара, его денежная форма, выражается в *воображаемых* деньгах; стало быть, *мера стоимости* имеет лишь идеальный характер (S. 57).

Но раз произошло превращение стоимости в цену, то становится технически необходимым далее развить меру стоимости в *масштаб цен*, т. е. фиксировать количество золота, *которым измеряются различные количества золота*. Масштаб цен отличается от меры стоимости; последняя зависит от стоимости золота, для масштаба же цен стоимость золота безразлична (S. 59).

Но когда цены установлены в денежных наименованиях золота, золото служит *счетными деньгами*. Если цена, как показатель величины стоимости товара, есть показатель его менового отношения к деньгам, то из этого вовсе *не* следует обратное, что показатель его менового отношения к деньгам является *необходимо* и показателем величины его стоимости. Если обстоятельства позволяют или принуждают продавать товар выше или ниже его стоимости, то эти продажные цены не соответствуют его стоимости, но они все же являются *ценами* товара, потому что они представляют собою: 1) его форму стоимости, деньги, и 2) показатель его менового отношения к деньгам. Возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости *дана*, таким образом, *в самой форме цены*. Это вовсе не составляет недостатка этой формы, но делает ее, наоборот, формою вполне соответствующею такому способу производства, в котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел. Но форма цены может также скрывать... качественное противоречие, так что цена вообще перестает быть выражением стоимости... Совесть, честь и т. д. могут... посредством своей цены приобретать форму товаров (S. 61).

Измерение стоимости деньгами, форма цены, подразумевает необходимость отчуждения, идеальное определение цены и реальное. Отсюда — обращение.

В. Средства обращения

а. Метаморфоз товаров.

Простая форма: *Т—Д—Т*, материальное содержание которой — *Т—Т*. Меновая стоимость.

α) Первая фаза: *Т—Д=* продажа, где участвуют два лица; здесь есть возможность неудачи, т. е. продажи ниже стоимости или ниже издержек производства, если изменяется общественная стоимость товара. Разделение

труда превращает продукт труда в товар и этим делает *необходимым* превращение его в деньги. В то же время оно совершенно предоставляет *случаю*, удастся ли это пресуществление, или нет (S. 67). Здесь надо, однако, рассматривать явление в его *чистом* виде. *Т—Д* предполагает, что владелец денег *Д* (если только он не является производителем золота) получил свои деньги от продажи другого товара. Оно, таким образом, для *покупателя* является не только обратным *Д—Т*, но предполагает у него предварительную продажу и т. д., так что мы имеем перед собой бесконечный ряд покупателей и продавцов.

β) То же самое происходит при второй фазе *Д—Т*, *покупке*, которая в то же самое время является продажей для второго участника. Совокупность всего процесса представляет, таким образом, кругооборот покупок и продаж — *обращение товаров*. Оно совершенно отличается от непосредственного обмена продуктов: во-первых, разрушаются индивидуальные и местные границы непосредственного обмена продуктов и развивается обмен продуктов человеческого труда; с другой стороны, здесь мы уже видим, что весь процесс обусловлен общественными естественными отношениями, независимыми от действующих лиц (S. 72). Простой обмен завершился в первом акте обмена, в котором каждый обменивает непотребительную стоимость на потребительную стоимость, обращение же продолжается бесконечно (S. 72). Здесь мы имеем неверный экономический догмат, что *товарное обращение необходимо обусловливает собою равновесие между покупками и продажами, потому что каждая покупка является также и продажей и* vice versa — *этим хотят сказать, что каждый продавец приводит с собой на рынок и своего покупателя*. 1) Покупка и продажа, с одной стороны, являются тожественным актом двух полярно противоположных лиц, с другой стороны, они являются двумя полярно противоположными актами одного лица. Из тожества покупки и продажи следует поэтому, что товар бесполезен, если он не продан, и вместе с тем, что такой случай может наступить. 2) *Т—Д*, как частичный процесс, вместе с тем является самостоятельным процессом и предполагает, что покупатель денег может выбрать тот момент, когда он опять превратит эти деньги в товар. Он может ждать. Внутреннее единство самостоятельных процессов *Т—Д* и *Д—Т*, именно благодаря самостоятельности этих процессов, движется во внешних противоположностях, и когда самостоятельность этих зависимых процессов достигает известной границы, *единство проявляется в форме кризиса, возможность* которого, следовательно, здесь уже дана.

В качестве посредника обращения товаров деньги являются *средством обращения* (S. 73—74).

b. Обращение денег.

Для каждого индивидуального товара деньги служат посредником для вступления в процесс обращения и выхода из него. Сами они всегда остаются внутри этого процесса. Хотя деньги являются только *выражением*

товарного обращения, последнее все же *является* только результатом обращения денег. Так как деньги всегда остаются в обращении, то вопрос заключается в том, *сколько* денег имеется в нем.

Количество обращающихся денег определяется *суммой цен товаров* (при неизменяющейся стоимости денег), а последняя — находящимся в обращении *количеством товаров*. Если количество товаров дано, то количество обращающихся денег изменяется соответственно *колебаниям* цен товаров. Так как всегда одна и та же монета участвует в целом ряде сделок, следующих одна за другой в данный промежуток времени, то для данного промежутка времени

$$\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{Число оборотов одноименной монеты}} = \text{количеству денег, служащих средством обращения (S. 80).}$$

Поэтому бумажные деньги могут вытеснить золотую монету, если их вводят в насыщенное обращение.

Как в денежном обращении вообще *проявляется* только процесс обращения товаров, так и в скорости денежного обращения проявляется лишь скорость перемены ими форм, в замедлении же денежного обращения проявляется отделение покупки от продажи, застой в общественной перемене форм. Отчего происходит такой застой, конечно, нельзя видеть из самого обращения. Здесь обнаруживается только самое явление. Филистер объясняет себе это недостаточным количеством средств обращения (S. 81).

Ergo: 1) При неизменности товарных цен масса обращающихся денег может увеличиваться, если возрастает масса обращающихся товаров или же уменьшается скорость обращения денег, и она может уменьшаться в обратном случае.

2) При всеобщем росте товарных цен обращающаяся масса денег не изменяется, если масса товаров уменьшается или если в такой же степени увеличивается быстрота обращения.

3) При всеобщем падении цен товаров происходит обратное тому, что происходит в п. 2.

В общем устанавливается довольно постоянный средний уровень, значительные отклонения от которого происходят только вследствие *кризисов*.

c. Монета. Знак стоимости.

Масштаб цен устанавливается государством, так же как и наименование определенного куска золота — монеты, и ее чеканка. На мировом рынке деньги опять сбрасывают свои национальные мундиры (Schlagschatz — доход с чеканки монет здесь не принимается во внимание), так что монеты и слитки отличаются только по форме. Но *монеты стираются* в обращении. Деньги, как средство обращения, отличаются от денег, как масштаба цен, — монета все более и более становится *символом* своего официального содержания.

Здесь уже дана скрытая возможность заменить металлические деньги знаками или символами. Отсюда

1) разменная монета из медных или серебряных знаков. Чтобы помешать им утвердиться в качестве денег наравне с реальными золотыми деньгами, законом ограничено количество, в котором они являются законным платежным средством. Содержание металла в них определяется законом совершенно произвольно, и их функция в качестве монет таким образом становится независимой от их *стоимости*. Отсюда переход 2) к знакам, *совершенно лишенным стоимости*, к бумажным деньгам, т. е. *к государственным бумажным деньгам с принудительным курсом* (мы здесь не рассматриваем еще кредитных денег). Поскольку эти бумажные деньги действительно циркулируют вместо золотых денег, они подчинены законам денежного обращения. Только то отношение, в котором бумажные деньги заменяют золото, может быть предметом особого закона, заключающегося в том, что выпуск бумажных денег ограничен количеством, в котором должно было бы действительно обращаться заменяемое им золото. Хотя степень насыщения обращения и колеблется, однако везде опытом *устанавливается* минимум, ниже которого количество золота не падает. Этот минимум может быть выпущен. Если выпущено больше этого, то при падении степени насыщенности до минимума часть бумажных денег тотчас же становится излишней. В таком случае общее количество бумажных денег внутри товарного мира все же представляет то количество золота, которое определяется присущими ему законами, следовательно такое количество, которое только и может быть представлено ими. Если количество бумажных денег в два раза превышает количество поглощаемого золота, то бумажные деньги обесцениваются до половины их номинальной стоимости. Действие здесь будет то же самое, как если бы золото изменилось в своей функции измерителя цен, в своей стоимости (S. 89).

C. Деньги

a. Собирание сокровищ.

Уже при самом начале развития товарного обращения развивается необходимость и страсть удержания денег, т. е. результата *Т—Д*. Из простого посредствующего момента при обмене веществ эта перемена форм становится *самоцелью*. Деньги окаменевают тогда в виде сокровища, продавец же товаров становится *собирателем сокровищ* (S. 91).

Эта форма является господствующей именно в начальных стадиях товарного обращения. *Азия*. При дальнейшем развитии товарного обращения каждый производитель товаров должен обеспечить себе nexus rerum, общественный ручной залог — *Д*. Так возникают везде сокровища (hoards). Развитие товарного обращения увеличивает могущество денег, этой всегда готовой к действию, абсолютно общественной формы богатства (S. 92). Стремление к собиранию сокровищ по своей природе не имеет границ. *Качественно* или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. они служат всеобщим представителем материального богатства, так как могут быть непосредственно превращены во всякий товар. *Количественно* же всякая

действительная денежная сумма ограничена и поэтому является только покупательным средством с ограниченным действием. Это противоречие постоянно возвращает образование сокровищ к Сизифовой работе накопления.

Здесь именно накопление золота и серебра in plate, с одной стороны, образует новый рынок для этих металлов, с другой стороны — скрытый источник денег.

Образование сокровищ служит *отводным и приводящим каналом обращающихся денег* при постоянных колебаниях степени насыщения обращения (S. 95).

b. Платежное средство.

С развитием товарного обращения наступают новые отношения: отчуждение товара может во времени быть отделено от реализации его цены. Различные товары требуют различного времени для своего производства, производятся в различные времена года, некоторые должны быть отправлены на отдаленные рынки и т. д. *A* поэтому может быть продавцом раньше, чем покупатель *B* способен платить. Практика регулирует условия платежа, *A* становится *кредитором*, *B* *должником*, деньги же становятся *платежным средством*. — Отношение между *кредитором* и *должником* становится, таким образом, *антагонистическим* (оно может появиться и независимо от обращения товаров, например в древнем мире и в средние века) (S. 97).

В этом отношении деньги функционируют 1) как мерило стоимости при определении цены проданного товара, 2) как идеальное покупательное средство. Как сокровище деньги *Д* были изъяты из обращения, как платежное средство деньги *Д* вступают в обращение, но лишь после того, как товар *T* вышел из него. Должник-покупатель продает, чтобы иметь возможность *уплатить*, в противном случае имущество его будет продано с публичных торгов. Деньги *Д* становятся, таким образом, теперь *самоцелью продажи* вследствие общественной необходимости, вытекающей из условия самого процесса обращения (S. 97—98).

Несовпадение во времени покупок и продаж, создающее функцию денег как платежного средства, ведет вместе с тем к экономии средств обращения, к концентрации платежей в одном определенном месте, например virements в средние века в Лионе, нечто вроде clearing house, где уплачивается только saldo взаимных требований (S. 98).

Поскольку платежи выравниваются, деньги функционируют только идеально как *счетные деньги*, или мера стоимости. Поскольку совершаются действительные платежи, деньги являются не как средство обращения, не как преходящая и посредствующая форма менового процесса, но как индивидуальное воплощение общественного труда, самостоятельное бытие меновой стоимости, *абсолютный товар*. Это *непосредственное противоречие* проявляется в момент промышленного и торгового кризиса, который называется *денежным кризисом*. Он происходит только там, где вполне

развито движущееся сплетение платежей и искусственная система их выравнивания. При общем расстройстве этого механизма — все равно отчего бы оно ни произошло — деньги вдруг и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы *счетных денег в звонкую монету* и не могут уже быть заменены обыкновенными товарами (S. 99).

Кредитные деньги возникают из функции денег как платежного средства; долговые обязательства сами циркулируют, служа для перенесения долговых требований. С развитием кредита опять-таки расширяется функция денег как платежного средства; как таковые они приобретают собственную форму существования, в которой они завладевают сферой крупных торговых сделок, монета же главным образом вытесняется в сферу мелочной торговли (S. 101).

На известной ступени развития и при известных размерах товарного производства функция денег как платежного средства выходит за пределы сферы товарного обращения; деньги становятся *всеобщим товаром при всех сделках. Ренты, налоги* и т. д. из платежей натурою превращаются в денежные *платежи*. Ср. Францию при Людовике XIV (Boisguillebert и Vauban). Обратное наблюдается в Азии, Турции, Японии и т. д. (S. 102).

Развитие денег как платежного средства вызывает необходимость накопления денег к срокам платежей — исчезающая с дальнейшим развитием общества самостоятельная форма обогащения, в виде образования сокровищ, опять всплывает в виде резервного фонда платежных средств (S. 103).

c. Всемирные деньги.

В мировом обращении деньги сбрасывают свои местные формы разменных денег, денежных знаков, и только золото в форме слитков служит *всемирными деньгами. Только на мировом рынке деньги функционируют в полном размере как товар, естественная форма которого в то же самое время непосредственно представляет общественную форму осуществления абстрактного человеческого труда.* Форма существования денег становится адэкватной их понятию (S 104; детали на S. 105).

Глава II

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. Общая формула капитала

Товарное обращение есть исходная точка капитала. Товарное производство, товарное обращение и его развитие, торговля, составляют везде исторические предпосылки возникновения капитала. С появления мировой торговли и мирового рынка в XVI столетии датирует современная история капитала (S. 106).

Если мы будем рассматривать только экономические формы, порождаемые товарным обращением, то в качестве последнего продукта его мы найдем

деньги, и это есть *первая форма проявления капитала*. Исторически капитал сначала везде противополагается земельной собственности в виде *денежного имущества*, торгового и ростовщического капитала, и теперь еще каждый новый капитал выступает на сцену в форме *денег*, которые путем известных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги, как деньги, и деньги, как капитал, первоначально отличаются только своей различной *формой обращения*. Рядом с *Т—Д—Т* выступает также форма *Д—Т—Д*, покупка для продажи. Деньги, которые в своем движении описывают *этот* кругооборот, *становятся* капиталом уже сами в себе, т. е., согласно своему определению, являются капиталом.

Результатом *Д—Т—Д* является *Д—Д*, косвенный обмен денег на деньги. Я покупаю за 100 ф. ст. хлопок и продаю его за 110 ф. ст.; в результате я обменял 100 ф. на 110 ф. ст. ст., деньги на деньги.

Если бы в результате этого процесса получилась та же самая денежная сумма, которая первоначально была в него вложена, 100 ф. ст. из 100 ф. ст., то процесс этот являлся бы бессмысленным. Но получает ли купец за свои 100 ф. ст. 100 ф. ст., 110 ф. ст. или только 50 ф. ст., во всяком случае деньги его описали своеобразное движение, совершенно отличное от товарного обращения *Т—Д—Т*. Рассмотрев различие форм между этим движением и движением *Т—Д—Т*, мы увидим также различие в их содержании.

Обе фазы процесса в отдельности не отличаются от таких же фаз в *Т—Д—Т*. Но в общем кругообороте большая разница. В *Т—Д—Т* деньги служат посредником, товар же — исходным и конечным пунктом; здесь же *Т* посредник, *Д* — исходный и конечный пункты. В *Т—Д—Т* деньги окончательно издержаны, в *Д—Т—Д* они только авансированы, они должны быть опять получены. Они возвращаются к своему исходному пункту — здесь есть уже, следовательно, осязательная разница между обращением денег как денег и обращением денег как капитала.

В *Т—Д—Т* деньги могут снова вернуться к их исходному пункту только посредством *повторения совокупного процесса*, посредством продажи *нового* товара; обратный приток денег, следовательно, независим от самого процесса. Наоборот, в *Д—Т—Д* возвращение денег заранее обусловлено самым характером процесса: этот процесс будет неполным, если возвращение денег не имеет места (S. 110). *Т—Д—Т* имеет конечной целью потребительную стоимость, *Д—Т—Д* — *меновую стоимость*.

В *Т—Д—Т* обе крайние точки имеют ту же экономическую форму. Обе они представляют товары, и притом товары *равные по величине стоимости*. Но они вместе с тем представляют качественно различные потребительные стоимости, и содержанием процесса является общественный обмен продуктов. В *Д—Т—Д* операция на первый взгляд кажется тавтологической, лишенной содержания. Обменять 100 ф. ст. на 100 ф. ст., да еще окольным путем, кажется совершенно нелепым. Одна сумма денег может отличаться от другой только своей *величиной*. *Д—Т—Д* обязан поэтому своим содержанием только *количественному различию* своих крайних членов. Из обра-

щения извлекается больше денег, чем было в него пущено. Купленный за 100 ф. ст. хлопок перепродается, например, за 100 ф. стерл.+10 ф. ст.; процесс выражается, следовательно, формулой $Д—Т—Д'$ где $Д'=Д+\Delta Д$. $\Delta Д$, *это приращение, есть прибавочная стоимость*. Первоначально авансированная стоимость не только *сохраняется в обращении*, но к ней прибавляется некоторая прибавочная стоимость, *она возрастает, и это-то движение превращает деньги в капитал.*

При $Т—Д—Т$ также *возможно*, что оба крайние члена представляют различные величины стоимости, но это различие является чистою случайностью для этой формы обращения, и $Т—Д—Т$ не теряет своего смысла, когда оба крайние члена равны по своей стоимости, — наоборот, это скорее условие нормального хода процесса.

Повторение $Т—Д—Т$ имеет свою меру и свою цель во вне его лежащем конечном результате, в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. В $Д—Т—Д$, наоборот, начало и конец представляют собою одинаково деньги, и поэтому это движение не имеет конца. Конечно $Д+\Delta Д$ количественно отличается от $Д$, но это все же только ограниченная сумма денег. Если бы они были издержаны, они перестали бы быть капиталом. Изъятые из обращения, они окаменевают в виде сокровища. Раз дело идет о потребности возрастания стоимости, то она также существует для $Д'$, как для $Д$, и движение капитала не имеет конца, так как цель его в конце процесса так же не достигнута, как и в начале (S. 111, 112). В качестве носителя этого процесса владелец денег становится *капиталистом*. Если в обращении товаров меновая стоимость их, противополагаясь их потребительной стоимости, в лучшем случае приобретает самостоятельную форму, *то здесь она вдруг является непрерывной, самодвижущейся субстанцией, для которой товар и деньги только формы ее; более того, как первоначальная стоимость она отличается от себя самой как прибавочной стоимости*, она становится непрерывно движущимися деньгами и, как таковые, капиталом (S. 116).

$Д—Т—Д'$ кажется, правда, формой, свойственной только торговому капиталу. Но и промышленный капитал также составляет деньги, превращающиеся в товар, который вследствие продажи в свою очередь превращается в большее количество денег. Акты, происходящие *между покупкой и продажей вне сферы обращения*, ничего здесь не изменяют. Наконец в приносящем проценты капитале процесс происходит без посредствующего звена, является как $Д—Д'$ в виде стоимости, которая больше самой себя (S. 117).

2. Противоречия общей формулы

Форма обращения, в которой деньги превращаются в капитал, противоречит всем ранее развитым законам о природе товара, стоимости, денег и самого обращения. Может ли чисто формальное различие обратной последовательности рядов обусловить этот факт?

Более того. Эта обратная последовательность существует только для одного из трех действующих лиц. В качестве капиталиста я покупаю товар у *A* и перепродаю его *B*. *A* и *B* выступают только как покупатель и продавец товаров. В обоих этих случаях я сам являюсь по отношению к ним лишь как простой владелец денег или владелец товара, по отношению к одному — как покупатель или деньги, по отношению к другому — как продавец или товар. Но ни для одного из них я не являюсь капиталистом или представителем чего-либо такого, что являлось бы чем-то бо́льшим, чем деньги или товар. Для *A* сделка началась *продажей*, для *B* она кончилась *покупкой*, совершенно так, как в товарном обращении. И если бы мое право на прибавочную стоимость основывалось только на единичной фазе, *A* мог бы непосредственно продать *B*, и тогда шансы на получение прибавочной стоимости отпали бы.

Предположим, что *A* и *B* покупают непосредственно друг у друга товары. По отношению *к потребительной стоимости* даже *обе стороны* могут выиграть. *A* даже может произвести больше своего товара, чем мог бы произвести *B* в то же самое время, и vice versa, и опять быть в выигрыше. Совсем не то *с меновой стоимостью*. Здесь обмениваются *равные величины стоимости*, если даже между ними выступают деньги как средство обращения. (S 119).

Если рассматривать дело абстрактно, то в простом товарном обращении, кроме замены одной потребительной стоимости другою, происходит только изменение формы товара. Поскольку оно обусловливает лишь изменение формы меновой стоимости товара, то оно обусловливает, если процесс происходит в чистом виде, *обмен эквивалентов*. Товары, правда, могут продаваться по ценам, отклоняющимся от их стоимости, но лишь при нарушении закона обмена. В своем чистом виде он является обменом эквивалентов и не составляет, следовательно, средства обогащения (S. 120).

Отсюда вытекает ошибка всех попыток выводить прибавочную стоимость из обращения товаров. Ссылка на Кондильяка (S. 121) и на Ньюмана (S. 122).

Но предположим, что обмен не происходит в чистом виде и что *обмениваются не эквиваленты*. Предположим, что каждый продавец продает свой товар на 10% выше его стоимости. Все тогда остается по-старому: то, что каждый выиграл в качестве продавца, он опять теряет в качестве покупателя. Все равно как если бы стоимость денег изменилась на 10%. То же происходит, если *покупатели* покупают все на 10% *ниже* стоимости (S. 123, Torrens).

Допущение, что прибавочная стоимость происходит от повышения цен, предполагает существование класса, который *покупает, не продавая*, т. е. *потребляет, не производя*, к которому деньги постоянно притекают *даром*. Продавать этому классу товары выше их стоимости значит только обманным путем оттягивать в свою пользу часть даром отданных денег (Малая Азия и Рим).При этом продавец все же всегда остается обманутым и не может стать богаче, образовать прибавочной стоимости.

Но допустим случай *обмана*. *A* продает *B* вино, стоимостью в 40 ф. ст., и

приобретает в обмен хлеб, стоимостью в 50 ф. ст. *A* заработал 10 ф. ст. Но *A*+*B* вместе имеют только 90, *A* имеет 50, а *B* все еще только 40; стоимость перенесена, но не *создана*. Весь класс капиталистов данной страны не может наживаться за собственный свой счет (S. 126).

Итак, если обмениваются эквиваленты, то не образуется никакой прибавочной стоимости, если же обмениваются не эквиваленты, то точно так же не образуется никакой прибавочной стоимости. Товарное обращение не создает новой стоимости.

Поэтому самые древнейшие и популярные формы капитала, торговый капитал и ростовщический капитал, здесь не приняты во внимание. Для объяснения возрастания торгового капитала не простым *надувательством* требуется целый ряд отсутствующих еще здесь промежуточных членов. Это еще больше относится к ростовщическому и приносящему проценты капиталу. В дальнейшем мы увидим, что̀ представляют собою обе эти производные формы и почему они исторически предшествуют современной форме капитала.

Прибавочная стоимость, таким образом, не может произойти из обращения. Но может ли она возникнуть вне сферы обращения? Вне обращения товаровладелец — простой производитель своего товара, стоимость которого зависит от содержащегося в нем количества собственного труда, измеряемого на основании определенного общественного закона; эта стоимость выражена в счетных деньгах, например в цене в 10 ф. ст. Но эта стоимость не является в то же самое время стоимостью в 11 ф. ст. Труд товаровладельца создает стоимости, но не самовозрастающие стоимости. Он может прибавить к существующей стоимости новую стоимость, но это может произойти только посредством прибавления *нового труда*. Таким образом, товаропроизводитель *вне сферы обращения*, не входя в соприкосновение с другими товаровладельцами, не может произвести *прибавочной стоимости*.

Капитал должен поэтому возникать и в товарном обращении, и в то же самое время *не в нем* (S. 128).

Итак: Превращение денег в капитал должно быть развито на основании имманентного закона обмена товаров, так что исходной его точкой должен быть обмен эквивалентов. Наш владелец денег, представляющий еще только гусеницу капиталиста, должен покупать товары по их стоимости, продавать по стоимости и все-таки в конце процесса извлекать из обращения больше стоимости, чем он в него пустил. Превращение этой гусеницы в бабочку должно происходить в сфере обращения и в то же самое время вне этой сферы. Таковы условия задачи. Hic Rhodus, hic salta! (S. 129).

3. Покупка и продажа рабочей силы

Превращение стоимости денег, которые должны превратиться в капитал, не может произойти в самих деньгах, так как в покупке они только реализуют цену товара, и, с другой стороны, пока они *остаются деньгами*,

они не изменяют своей величины стоимости. Точно так же оно не может произойти в акте продажи, так как здесь товар только превращается из своей естественной формы в свою денежную форму. Изменение должно, таким образом, произойти в *товаре* в процессе *Д—Т—Д;* но не с его *меновой стоимостью*, так как обмениваются эквиваленты; изменение может произойти только из его *потребительной стоимости как таковой*, т. е. из его *потребления*. Для этого необходим товар, *потребительная стоимость которого обладала бы свойством* быть источником меновой стоимости — и такой товар существует: это — *рабочая сила* (S. 130).

Для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу в виде товара, она должна быть продана ее собственным владельцем, следовательно быть *свободной* рабочей силой. Так как оба, покупатель и продавец, как контрагенты, являются *юридически равноправными* лицами, рабочая сила должна быть продана лишь на *определенное время*, ибо при продаже en bloc (оптом) продавец перестает быть продавцом, а сам становится товаром. Кроме того, владелец рабочей силы, вместо того чтобы иметь возможность продавать товары, в которых овеществлен его труд, должен, наоборот, быть в таком положении, когда он вынужден продавать в качестве *товара свою собственную рабочую силу* (S. 131).

Для превращения денег в капитал владелец денег должен, таким образом, найти на товарном рынке *свободного* рабочего, свободного в двояком смысле: чтобы он как свободный человек располагал своей рабочей силой, *своим* товаром и чтобы, с другой стороны, у него не было для продажи *других* товаров; он должен быть свободным от всего, свободным от всяких *предметов*, необходимых для овеществления его рабочей силы (S. 132).

Между прочим, отношение между владельцем денег и владельцем рабочей силы не есть естественное отношение или общественное, свойственное всем временам; но оно само является *историческим* продуктом многих экономических переворотов. И те экономические категории, которые мы до сих пор рассматривали, точно так же носят на себе печать своего исторического происхождения. Чтобы стать товаром, продукт не должен быть произведен как непосредственное средство существования. Масса продуктов может принять товарную форму лишь при *определенном капиталистическом способе производства*, хотя товарное производство и обращение могут уже иметь место там, где масса продуктов никогда не становится товаром. Деньги, например, могут существовать во все периоды, которые достигли известной высоты товарного обращения. Особые денежные формы, от простого эквивалента до всемирных денег, предполагают различные ступени развития, тем не менее даже очень слабо развитое товарное обращение может образовать все эти формы. *Капитал* же, наоборот, возникает только при вышеупомянутом условии, и это одно условие включает в себя целый мир особого исторического развития. (S. 133).

Рабочая сила имеет меновую стоимость, которая определяется, подобно стоимости всех других товаров, рабочим временем, необходимым для произ-

водства, а следовательно, и воспроизводства этого товара. Стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца, и для поддержания ее с нормальной способностью к труду. Последняя меняется с климатом, с естественными условиями, а также с исторически существующим для каждой страны standard of life (уровнем жизни). Они меняются, но для определенной страны и в определенный период времени средний уровень необходимых средств существования является величиной *данной*. Затем она включает в себя также средства существования *заместителей*, т. е. детей, и таким образом увековечивается эта раса своеобразных товаровладельцев. Затем при сложном труде сюда иногда входят также издержки на обучение (S. 135).

Минимальным пределом стоимости рабочей силы является стоимость *физически необходимых средств существования*. Если цена рабочей силы опускается до этого минимума, то она опускается ниже своей *стоимости*, так как последняя предполагает рабочую силу *нормального* качества, а не чахлую (S. 136).

Согласно характеру труда, рабочая сила потребляется только *после* заключения контракта, а так как для таких товаров деньги являются платежным средством, то во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается после того, как она уже *функционировала*. Везде, таким образом, *рабочий оказывает кредит капиталисту* (SS. 137, 138).

Процесс потребления рабочей силы есть в то же самое время *процесс производства товара и прибавочной стоимости*, и это потребление происходит вне сферы обращения (S. 140).

Глава III

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1. Процесс труда и процесс возрастания стоимости

Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Этот труд, чтобы быть товаром, должен прежде всего быть потребительной стоимостью, и в этом своем качестве он независим от специфического отношения между капиталистом и рабочим. Описание процесса труда как такового (SS. 141—149).

Процесс труда на капиталистической основе характеризуется двумя особенностями: 1) рабочий трудится под контролем капиталиста, 2) продукт есть собственность капиталиста, так как процесс труда теперь есть только процесс двух купленных капиталистом *вещей:* рабочей силы и средств производства (S. 150).

Но капиталист хочет произвести потребительную стоимость не *как таковую*, а как носителя меновой стоимости и специально *прибавочной стоимости*. Труд при таком условии — когда товар представляет единство по-

требительной стоимости и меновой стоимости — становится *единством процесса производства и процесса возрастания стоимости* (S. 151).

Нам нужно, следовательно, рассмотреть прежде всего овеществленное в этом продукте количество труда.

Возьмем, например, пряжу. Для производства пряжи необходимо, скажем, 10 фунтов хлопка на сумму в 10 шилл., и орудия труда, необходимое изнашивание которых в процессе прядения здесь кратко обозначено в виде частей веретен, предположим, на 2 шилл. Таким образом, в продукте 12 шилл. падает на средства производства, т. е. если продукт стал *действительной потребительной стоимостью*, в данном случае пряжей, и 2 шилл., если в этих средствах производства было представлено *только* общественно-необходимое рабочее время. Сколько к ней (к стоимости) прибавляется трудом прядения?

Здесь, следовательно, процесс труда рассматривается с совершенно другой стороны; в стоимости продуктов труд производителя хлопка, производителя веретен и т. д. и прядильщика качественно приравнены, как соизмеримые части, к общему необходимому человеческому труду, *образующему стоимость* — таким образом, соответствуют только количественно и именно поэтому могут быть постигнуты качественно посредством продолжительности труда, если предположить, что она составляет *общественно-необходимое* рабочее время, ибо только оно создает стоимость.

Предположим, что дневная стоимость рабочей силы=3 шилл. и что в этих 3 шилл. содержится 6 рабочих часов, что в час производится $1^2/_3$ фунта пряжи, следовательно в 6 часов — 10 фунтов пряжи из 10 фунтов хлопка (как выше); тогда стоимость в 3 шилл. прибавляется в 6 часов, и продукт составляет стоимость в 15 шилл. (10 шилл.+2 шилл.+3 шилл.) или 1 шилл. 1 пенс за 1 фунт пряжи.

Но здесь нет прибавочной стоимости. Это не может удовлетворить капиталиста. Болтовня вульгарной экономии (S. 157).

Мы предположили, что дневная стоимость рабочей силы составляет 3 шилл., потому что в ней овеществлена половина рабочего дня, или 6 часов. Но то обстоятельство, что *для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов необходима только половина рабочего дня, нисколько не мешает ему работать целый рабочий день. Стоимость* рабочей силы и ее самовозрастание — две различные величины. Ее *полезное* свойство было только conditio sine qua non. Решающее значение имела здесь специфическая потребительная стоимость рабочей силы быть *источником большего количества меновой стоимости, чем имеет она сама* (S. 159).

Рабочий, работая таким образом 12 часов, перерабатывает 20 фунтов пряжи=20 шилл. и 4 шилл. веретен, и труд стоит 3 шилл.=27 шилл. Но в продукте овеществлены 4 рабочих дня + веретена и хлопок; рабочий день прядильщика=5 дней по 6 шилл.=*30 шилл. Это — стоимость продукта. Получилась прибавочная стоимость в 3 шилл. Деньги превратились в капитал* (S. 160). Все условия задачи решены (детали на S. 160).

Процесс возрастания стоимости есть процесс труда, так же как процесс образования стоимости, продолженный *далее* того пункта, когда он представляет простой эквивалент оплаченной стоимости рабочей силы.

Процесс образования стоимости отличается от простого процесса труда тем, что в последнем труд рассматривается с *качественной* стороны, в первом же с *количественной* стороны и лишь постольку, поскольку он содержит общественно необходимое рабочее время (S. 161, детали S. 162).

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, процесс производства является процессом *производства товаров*; как единство процесса труда и процесса возрастания стоимости, он является *капиталистическим процессом товарного производства* (S. 163).

Сведение сложного труда к простому (SS. 163—165).

2. Постоянный капитал и переменный капитал

Процесс труда придает новую стоимость предмету труда, но в то же самое время стоимость средств труда *переносится* на продукт, она *сохраняется*, таким образом, только посредством простой придачи новой стоимости. Этот двойной результат достигается следующим образом: специфически полезный, качественный характер труда превращает одну потребительную стоимость в другую потребительную стоимость и *сохраняет этим стоимость*; *но образующий стоимость абстрактно-всеобщий количественный характер* труда *прибавляет стоимость* (S. 166).

Предположим, например, что производительность труда прядения увеличилась в шесть раз. Как полезный (качественно) труд он сохраняет в то же самое время в 6 раз больше средств производства. Но он прибавляет только ту же самую *новую* стоимость, как и до сих пор, т. е. в каждом фунте пряжи содержится только $^1/_6$ часть той новой стоимости, которую он прибавлял раньше. Как *образующий стоимость* труд он теперь доставляет не больше, чем прежде (S. 167). Обратное происходит, если производительность труда прядения не изменяется, но увеличивается стоимость средств производства (S. 168).

Средства производства отдают продукту только *ту* стоимость, которую они *сами теряют* (S. 169). Но в этом отношении судьба различных вещных факторов процесса труда различна. Уголь, смазочные вещества и т. д. исчезают бесследно. Сырье принимает другую форму. Инструменты, машины и т. д. только медленно и частично отдают свою стоимость, и их изнашивание определяется на основании опыта (SS. 169—170). При этом инструмент, например, постоянно остается *целиком* в процессе труда. Здесь, таким образом, одно и то же орудие входит *целиком в процесс труда* и только частью *в процесс возрастания стоимости*, так что различие между обоими процессами здесь отражается на их материальных факторах (S. 171). Наоборот, сырье, дающее отбросы, входит целиком в процесс возрастания стоимости и

в процесс труда, так как оно, за вычетом отбросов, вновь появляется в продукте (S. 171).

Но средства производства никогда не могут прибавить к продукту меновую стоимость *бо́льшую* той, которою они сами обладали, — они служат в процессе труда только как потребительная стоимость и поэтому могут отдавать продукту лишь ту меновую стоимость, которою они уже обладали раньше (S. 172).

Это сохранение стоимости, очень много приносящее капиталисту, ему ничего не стоит (SS. 173, 174).

Между тем сохранившаяся стоимость лишь *вновь появляется*, она имелась уже, и только процесс труда *прибавляет новую стоимость* и в капиталистическом производстве *прибавочную стоимость*, излишек стоимости продуктов в сравнении с потребленными элементами образования продукта (средствами производства и рабочей силой) (SS. 175, 176).

Этим характеризуются формы существования, которые принимает первоначальная капитальная стоимость, когда она сбрасывает свою денежную форму, превращаясь в факторы процесса труда: 1) покупкой *средств производства* и 2) покупкой *рабочей силы*.

Капитал, превращающийся в *средства* труда, *не* изменяет, следовательно, величины своей стоимости в процессе производства; мы называем его *постоянным капиталом*.

Часть капитала, превращающаяся в рабочую *силу*, *изменяет* свою стоимость, производя 1) свою собственную стоимость и 2) *прибавочную* стоимость — мы называем ее *переменным капиталом* (S. 176).

Постоянным капитал является только специально для данного процесса производства, в котором он не изменяется; он может состоять то из большего, то из меньшего количества средств производства, и купленные средства производства могут подниматься или падать в стоимости, но это не затрагивает их отношения к процессу производства (S. 177).

Точно так же может измениться процентное отношение, в котором данный капитал распадается на постоянный и переменный, но в каждом данном случае C остается постоянным капиталом, а V — переменным капиталом. (S. 178).

3. Норма прибавочной стоимости

$C=500=410+90$. В конце процесса труда, в котором V превращен был в рабочую силу, получается $\overset{c}{410}+\overset{v}{90}+\overset{m}{90}=590$. Предположим, что C состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных веществ на 44 ф. ст. и изнашиваемых машин на 54 ф. ст.=410 ф. ст. *Вся* же стоимость машин составляет 1054 ф. ст. Если мы будем ее считать *целиком*, то получим для C 1410 ф. ст. в обеих частях уравнения; прибавочная стоимость попрежнему составляла бы 90 (S. 179).

Так как стоимость C лишь *вновь появляется* в продукте, то сохранившаяся стоимость продукта отличается от *всей стоимости продукта*, получен-

ной из этого процесса, поэтому она не составляет—$C+V+m$, а лишь$=V+m$. Для процесса возрастания стоимости величина C, следовательно, не имеет значения, т. е. $C=0$ (S. 180). И на практике так и происходит; когда купеческий способ расчета не принимается во внимание, например, при вычислении дохода страны от ее промышленности, сбрасывают со счетов ввезенный сырой материал (S. 181). Отношение прибавочной стоимости, ко всему капиталу подробно рассматривается в III книге.

Итак: уровень прибавочной стоимости $=V:m$, в данном случае $90:90=100\%$.

Рабочее время, в продолжение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, — при капиталистических или других условиях,— есть *необходимый* труд, а тот труд, который продолжается дальше этого предела, который образует прибавочную стоимость для капиталиста, есть *прибавочный труд* (SS. 183, 184). Прибавочная стоимость есть даровой прибавочный труд, и различные общественные формации отличаются только *формой* выжимания прибавочного труда. Примеры неправильного исчисления прибавочной стоимости, см. SS. 185—196 (Senior). Сумма необходимого труда и прибавочного труда $=$ *рабочему дню*.

4. Рабочий день

Необходимое рабочее время *дано*, а *прибавочный* труд составляет переменную величину, но все же в известных границах. Он никогда не может $=0$, потому что тогда перестает существовать капиталистическое производство. Он никогда не может достигнуть 24 часов по физическим причинам, а кроме того на максимальные границы оказывают еще влияние моральные причины. Но границы эти очень эластичны. — Экономическое требование состоит в том, чтобы рабочий день не продолжался дольше того предела, когда рабочий изнашивается только нормально. Но что значит нормально? Здесь получается антиномия, и вопрос может быть решен только силой. Отсюда возникает борьба за *нормальный рабочий день* между классом рабочих и классом капиталистов (SS. 198—202).

Прибавочный труд в прежние общественные периоды. До тех пор пока меновая стоимость не играет более важной роли, чем потребительная стоимость, прибавочный труд легче, например, у древних народов: только там, где непосредственно производилась меновая стоимость — золото и серебро, прибавочный труд носил ужасающий характер (S. 203). Так было в рабовладельческих штатах Америки до массового производства хлопка для вывоза. То же самое происходило с барщинным трудом, напр. в Румынии.

Барщинный труд представляет собой лучший пример для сравнения с капиталистической эксплоатацией, так как там обязательный прибавочный труд фиксирован и указан.

Règlement organique в Валахии (SS. 204—206).

Как последнее является положительным выражением жажды прибавочного труда, так английские Factory acts (фабричные законы) являются отрицательными выражениями.

Factory acts (фабричные законы). Закон 1850 г. (S. 207) устанавливает $10^1/_2$ часов и $7^1/_2$ по субботам=60 часам в неделю. Прибыль фабрикантов от обхода его (SS. 208—211).

Эксплоатация в *неограниченных* или ограниченных лишь впоследствии отраслях промышленности: *производство кружев* (S. 212), *гончарное производство* (S. 213), *производство спичек* (S. 214), *производство обоев* (SS. 214—217), *производство хлеба* (SS. 217—222), *железнодорожные служащие* (S. 223), *модистки* (SS. 223—225), *кузнецы* (S. 226), *дневной и ночной труд*, *система смен:* а) *металлургическая и металлическая промышленность* (SS. 227—235).

Эти факты доказывают, что капитал считается с рабочим только как с *рабочей силой*, все время которой, поскольку это возможно, хотя бы временно, является рабочим временем, что капиталисту нет никакого дела до продолжительности жизни рабочей силы (SS. 236—238). Но разве это не противоречит даже интересам капиталистов? Как обстоит дело с заменой быстро изнашиваемых рабочих? Организация торговли рабами внутри Соединенных штатов возвела быстрое изнашивание рабов в экономический принцип, так же как в Европе приток рабочих из сельских округов и т. д. (S. 239). Poorhouse — supply (S. 240). Капиталист имеет к своим услугам постоянное перенаселение и использует его. Вымирание расы его не интересует,— Après moi le déluge! *Капитал не обращает внимания на здоровье и продолжительность жизни рабочего, если не вынуждается к этому обществом... и в свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства дают знать о себе отдельному капиталисту как принудительно действующие внешние законы.*

Установление *нормального рабочего дня есть результат многовековой борьбы между рабочими и капиталистами.*

Вначале законы издавались для *удлинения* рабочего времени, в настоящее же время они издаются для сокращения его (S. 244). Первый «Statute of labourers» (23-й Эдуарда III, 1349) имел своим поводом чуму, так скосившую население, что каждый должен был больше работать. Поэтому закон устанавливал максимум платы и пределы рабочего дня. В 1496 г. при Генрихе VII рабочий день для земледельческих рабочих и для всех ремесленников (artificers) летом, с марта до сентября, должен был продолжаться от 5 часов утра до 7 и 8 часов вечера с перерывами в 1 час, $1^1/_2$ часа и $^1/_2$ часа=3 часа. Зимой работа должна была продолжаться от 5 часов утра до сумерек. Этот статут никогда не был строго проведен. Еще в XVIII столетии капиталу не удалось овладеть *всей* недельной работой (за исключением земледельческих рабочих). См. полемику того времени (SS. 248—251). Только крупной промышленности это удалось и даже более того: она разрушила *все* границы и самым беззастенчивым образом эксплоатировала рабочих. Как только пролетариат пришел в себя, началось его сопротивление. 5 законов о труде с 1802 до

1833 г. оставались мертвой буквой, так как не было инспекторов. Только закон 1833 г. устанавливает в 4 отраслях текстильной промышленности нормальный рабочий день: от 5 часов утра до 8 час. 30 мин. вечера, в продолжение которых young persons (подростки) от 13 до 18 лет должны работать только 12 часов с перерывом в $1^1/_2$ часа, дети от 9 до 13 лет—только 8 часов, и ночной труд детей и young persons (подростков) запрещается (SS. 253—255).

Relay system (система смен) и злоупотребления для обхода закона (S. 256). Наконец закон 1844 г. приравнивает *женщин всех возрастов* к young persons (подросткам), ограничивает труд детей 6 $^1/_2$ часами и обуздывает Relay system (систему смен). Но зато разрешен был детский труд *с 8-ми лет*. Наконец в 1847 г. проведен *билль о десятичасовом рабочем дне* для женщин и подростков (S 259). Попытки капиталистов бороться с ним (SS. 260—268). Упущение (flaw) в законе 1847 года послужило поводом для компромиссного закона 1850 г. (S. 269), который устанавливал рабочий день женщин и подростков — 5 дней в неделю в $10^1/_2$ ч. и 1 день в $7^1/_2$ часов=60 часам в неделю, причем работа должна производиться *между 6 ч. утра* и 6 ч. вечера. Для детского труда остался в силе закон 1847 г. Исключение составляла шелковая промышленность (S. 270). В 1853 г. рабочее время *детей* допускалось только между 6 ч. утра и 6 ч. вечера (S. 272).

Printworks-Act (закон о ситцепечатных фабриках) 1845 г. почти совершенно не ограничивает женского и детского труда, — они могут работать 16 часов!

Белильные и красильные заведения были подчинены закону 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики — в 1861 г., гончарные и многие другие отрасли — в 1863 г. (белильные заведения на открытом воздухе были подчинены в этом же году особенным законам) (S. 274).

Крупная промышленность, таким образом, прежде всего создает потребность в ограничении рабочего времени, но затем оказывается, что чрезмерный труд проник во все другие отрасли (S. 277).

Далее история показывает, что, особенно с введением женского и детского труда, *индивидуальный* «свободный» рабочий не в силах сопротивляться капиталисту и что отсюда ведет свое начало классовая борьба между рабочими и капиталистами (S. 278).

Во Франции только в 1848 г. введен закон о 12-часовом рабочем дне для всех рабочих и во всех отраслях труда. (См., однако, S. 253, примечание по поводу французского закона о детском труде 1841 г., который лишь в 1853 г. действительно проведен был в жизнь, и то только в Северном департаменте). В Бельгии полная «свобода труда». Движение за восьмичасовой рабочий день в Америке (S. 279).

Рабочий, таким образом, выходит совершенно другим из процесса производства, чем он вступил в него. Рабочий договор не был *свободным* актом; время, на которое он *свободен* продавать свою рабочую силу, есть время, на которое он *принужден* ее продавать, и только посредством *массовой* оппозиции рабочие завоевывают *государственный закон*, препятствующий

им самим продавать себя и свое потомство на смерть и рабство по свободному договору с капиталом. На место пышного каталога неотъемлемых прав человека здесь выступает скромная Magna Charta фабричного закона (SS. 280, 281).

5. Норма и количество прибавочной стоимости

Вместе с *нормой* прибавочной стоимости и количество ее также является величиной данной, постоянной. Если дневная стоимость рабочей силы составляет 3 шилл., а норма прибавочной стоимости — 100%, то дневное количество ее=3 шилл. для одного рабочего.

1. Так как *переменный капитал* есть денежное выражение стоимости *всей* употребляемой одновременно капиталистом рабочей силы, то *количество* произведенной ею прибавочной стоимости = переменному капиталу, помноженному на норму прибавочной стоимости. Оба фактора могут изменяться, и из этого могут вытекать различные комбинации. Количество прибавочной стоимости может изменяться даже при уменьшении капитала, если повышается ее норма, следовательно *удлиняется* рабочий день (S. 282).

2. Но это повышение нормы прибавочной стоимости имеет свои *абсолютные границы* в том, что рабочий день никогда не может быть удлинен до полных 24 часов и что общая стоимость дневного продукта *одного* рабочего, следовательно, *никогда* не может = стоимости 24 часов труда. Чтобы получить *такое же* количество прибавочной стоимости, переменный капитал может, следовательно, быть заменен более высокой эксплоатацией только *в этих пределах*. Это важно для объяснения различных явлений, вытекающих из противоречивой тенденции капитала: 1) *к сокращению* переменного капитала, т. е. числа занятых рабочих, и 2) к производству возможно большего количества прибавочной стоимости (SS. 283, 284).

3. Количества стоимости и прибавочной стоимости, производимые различными капиталами, при данной стоимости и одинаковой степени эксплоатации рабочей силы, *прямо-пропорциональны величине переменных частей этих капиталов* (S. 285). Это очевидно противоречит всем фактам. В данном обществе и при данном рабочем дне прибавочная стоимость может увеличиться только посредством увеличения числа рабочих, т. е. населения, при данном же числе рабочих — только посредством увеличения рабочего дня. Но это, однако, имеет значение только для *абсолютной* прибавочной стоимости.

Теперь оказывается, что не *всякая* сумма денег может быть превращена в капитал, что существует известный минимум: стоимость *одной* рабочей силы и необходимых средств производства. Чтобы иметь возможность *самому* жить, как рабочий, капиталист должен при 100% норме прибавочной стоимости иметь 2 рабочих, причем он тогда еще ничего не сберегает. Даже при 8 рабочих он все еще мелкий мастер. Средневековый цеховой строй стремился насильственно помешать превращению мастеров-ремесленников в капиталистов ограничением числа рабочих, которых ему разрешалось

иметь. Minimum богатства, которое требуется для образования капиталиста, изменяется в различные периоды и в различных отраслях производства (S. 288.).

Капитал стал *командовать над трудом* и наблюдает за тем, чтобы рабочий работал старательно и интенсивно. Далее он *принуждает* рабочих производить больше труда, чем необходимо для их содержания. По выкачиванию прибавочной стоимости он превосходит все прежние системы производства, основанные на непосредственном принудительном труде.

Капитал перенял труд при данных технических условиях и сперва не изменяет их. Если мы поэтому рассматриваем процесс производства как *процесс труда*, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а как к средствам его собственной целесообразной деятельности. Но совсем не то, если мы его рассматриваем как процесс *возрастания стоимости*. Средства производства становятся средствами *впитывания чужого труда*. Теперь *уже не рабочий употребляет средства производства, а наоборот, средства производства употребляют рабочего* (S. 289). Вместо того, чтобы... быть потребленными им, *они потребляют его* в качестве фермента их собственного жизненного процесса, а жизненный процесс капитала состоит только в его движении *в качестве постоянно самовозрастающей стоимости*... Простое превращение денег в средства производства, превращает последние в юридическое принудительное право *на чужой труд и прибавочный труд*.

Глава IV

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1. Понятие относительной прибавочной стоимости

При данном рабочем дне прибавочный труд может быть увеличен только посредством уменьшения *необходимого* труда, этот же последний — отвлекаясь от понижения заработной платы ниже стоимости — только посредством понижения стоимости труда, следовательно, понижения стоимости необходимых средств существования (SS. 291—293). Это же опять-таки может быть достигнуто только *увеличением производительности труда посредством переворота в самом способе производства*.

Прибавочная стоимость, производимая посредством удлинения рабочего дня, есть *абсолютная* прибавочная стоимость, прибавочная же стоимость, производимая сокращением необходимого рабочего времени, есть *относительная* прибавочная стоимость (S. 295).

Для того, чтобы понизить стоимость рабочей силы, повышение производительной силы труда должно охватить такие отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы — обычных средств существования или тех, которые могут их заменить, их сырья и т. д. Указание на то, как конкуренция обнаруживает повышенную производительность труда в низких товарных ценах (SS. 296—299).

Стоимость товара *обратно-пропорциональна* производительной силе труда. В таком же отношении к ней находится и *стоимость рабочей силы*, так как она определяется стоимостью товаров. Наоборот, *относительная прибавочная стоимость прямо-пропорциональна* производительной силе труда (S. 299).

Капиталиста не интересует *абсолютная* стоимость товара, его интересует только заключающаяся в нем *прибавочная стоимость*. Реализация прибавочной стоимости включает в себя и возмещение авансированной стоимости. Но так как, согласно сказанному (S. 299), тот же самый процесс повышения производительной силы понижает стоимость товара и увеличивает содержащуюся в нем прибавочную стоимость, то этим объясняется, почему капиталист, которого интересует только производство меновой стоимости, постоянно стремится к понижению меновой стоимости товаров (ср. Кенэ, S. 300). Таким образом, экономия труда вследствие развития его производительной силы в капиталистическом производстве нисколько не имеет своей целью сокращение рабочего дня. Он даже может быть *удлинен*. Поэтому у экономистов, вроде Мак-Куллоха, Юра, Сениора и tutti quanti, можно на одной странице прочесть, что *рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительной силы труда*, а на следующей странице, *что он эту благодарность должен доказать, работая 15 часов вместо 10-ти*. Это развитие производительных сил имеет целью сокращение *необходимого* труда и удлинение количества труда для капиталиста (S. 301).

2. Кооперация

Как мы видели (S. 288), к капиталистическому производству может быть отнесен индивидуальный капитал достаточной величины, чтобы одновременно занимать значительное число рабочих: только там, где работодатель совершенно освобождается от труда, он становится вполне капиталистом. Одновременная деятельность значительного числа рабочих в одной и той же отрасли труда для производства того же самого товара под командой одного и того же капиталиста *исторически и логически* (begrifflich) является исходной точкой капиталистического производства (S. 302).

Разница сперва является только *количественной*, по отношению к прежнему положению, когда *меньшее* число рабочих было занято одним капиталистом. Однако скоро наступает некоторое изменение. Значительное число рабочих является уже гарантией того, что работодатель *действительно* получает *средний труд*, чего не бывает у мелкого хозяина, который все же должен оплачивать среднюю стоимость труда. При мелком производстве эти неравенства компенсируются для всего общества, но не для отдельных мелких хозяев. Закон *возрастания стоимости* вообще реализуется вполне для отдельного производителя лишь тогда, когда он производит *как капиталист*, занимающий одновременно много рабочих, следовательно с самого начала приводит в движение средний общественный труд (SS. 303—304).

Но далее: только в крупном производстве получаются экономия средств производства и уменьшение перенесенной части стоимости постоянного капитала на продукт благодаря совместному потреблению его в процессе труда многих рабочих. Таким образом, *средства* труда приобретают общественный характер прежде, чем самый *процесс* труда приобретает его (до сих пор предполагается, что однородные процессы только сосуществуют рядом друг с другом) (S. 305).

Здесь следует рассматривать экономию в средствах производства лишь постольку, поскольку она ведет к удешевлению товаров и, таким образом, к *понижению стоимости труда*. Вопрос о том, в какой мере она изменяет отношение между прибавочной стоимостью и всем авансированным капиталом ($C+V$), будет рассмотрен только в Книге III. Это расчленение вполне соответствует духу капиталистического производства. Так как в капиталистическом производстве условия труда выступают самостоятельно по отношению к рабочему, то и экономия средств производства является особой операцией, которая не касается рабочего и поэтому отделена от методов повышения производительности потребляемой капиталом рабочей силы.

Форма труда, при которой значительное число рабочих работает планомерно, рядом и совместно друг с другом в одном и том же процессе производства или в различных, но связанных друг с другом процессах производства, называется кооперацией. S. 306. (Concours de forces. Destutt de Tracy).

Механическая сумма сил отдельных рабочих существенно отличается от потенцированной механической силы, которая развивается, когда множество рук одновременно и *сообща занято* в одной и той же нераздельной операции (рычаг и тяжесть и т. п.). Кооперация создает с самого начала производительную силу, которая сама по себе является *массовой силой*.

Кроме того, в большей части производительных работ уже самый факт общественного контакта вызывает соревнование, которое повышает индивидуальную производительность отдельных рабочих, так что 12 рабочих произведут в один рабочий день в 144 часа гораздо больший продукт, чем 12 отдельных рабочих или один рабочий в 12 последовательных дней. (S. 307).

Хотя многие рабочие исполняют одну и ту же или однородную работу, однако индивидуальная работа каждого рабочего может представлять различные фазы процесса труда (цепь людей, передающих друг другу какой-нибудь предмет), причем кооперация опять сберегает труд. То же самое происходит, если постройка начинается одновременно с разных сторон. Комбинированный рабочий имеет глаза и руки спереди и сзади и до известной степени обладает вездесущием (S. 308).

При сложных процессах труда, кооперация дает возможность распределять отдельные процессы, совершать их одновременно и таким образом сокращать необходимое для производства всего продукта рабочее время (S. 308).

Во многих отраслях производства бывают *критические моменты*, когда требуется много рабочих, например, во время жатвы, при ловле сельдей и т. д. Здесь помогает только кооперация (S. 309).

С одной стороны, кооперация расширяет поле производства и поэтому применяется для работ, в которых требуется большая пространственная непрерывность поля деятельности (например осушка болот, постройка дорог, плотин и т. п.). С другой стороны, она позволяет пространственное *сокращение* при концентрации рабочих в одном помещении и сокращает таким образом издержки производства (S. 310).

Во всех этих формах кооперация является специфической производительной силой комбинированного рабочего дня, общественной производительной силой труда. Она вытекает из самого факта кооперации. В целесообразной совместной работе с другими рабочий выходит из своих индивидуальных рамок и развивает свои родовые способности.

Но наемные рабочие могут совместно работать лишь тогда, когда их одновременно употребляет *один и тот же капиталист*, платит им и снабжает их средствами производства. Масштаб кооперации зависит, следовательно, от того, *каким капиталом обладает капиталист*. То условие, что требуется наличность капитала известного размера, чтобы превратить его владельца в формального капиталиста, — теперь становится материальным условием превращения многих разрозненных и независимых индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Точно так же и *господство* капитала над трудом, которое до сих пор было только формальным следствием отношения между капиталистом и рабочим, теперь становится *необходимым условием* самого процесса труда, и капиталист именно и является представителем функции объединения в процессе труда. В кооперации *руководство* процессом труда становится *функцией капитала* и как таковое приобретает специфические характерные черты (S. 312).

Согласно с целью капиталистического производства (возможно большим самовозрастанием капитала) это руководство является вместе с тем и функцией возможно большей эксплоатации общественного процесса труда, обусловленного поэтому неизбежным антагонизмом между эксплоататором и эксплоатируемыми, а также необходимостью контроля над правильным употреблением средств производства. Наконец, сочетание функций отдельных рабочих *лежит вне самих рабочих*, в капитале, так что их собственное единство является для них поэтому *авторитетом капиталиста*, чужой волей. Таким образом, капиталистическое управление *двойственно* (это — 1) общественный процесс труда для производства продукта, 2) процесс возрастания стоимости капитала) и по своей форме *деспотично*. Этот деспотизм развивает теперь свои особенные формы: капиталист, только что сам освободившийся от труда, уступает теперь функцию надзора организованной банде офицеров и унтер-офицеров, которые сами

являются наемными рабочими капитала. При *рабстве* экономисты причисляют эти издержки по надзору к faux frais, при капиталистическом способе производства они отожествляют эту функцию управления, поскольку она обусловливается эксплоатацией, именно с той же функцией, поскольку она вытекает из природы общественного процесса труда (SS. 313, 314.).

Главенство в промышленности становится атрибутом капитала, как в феодальную эпоху главенство в военном деле и в суде было атрибутом земельной собственности (S. 314).

Капиталист покупает 100 рабочих сил и получает за это комбинированную рабочую силу 100 рабочих. Но *он не* оплачивает комбинированной рабочей силы 100 рабочих. Со вступлением рабочих в комбинированный процесс труда рабочие уже не принадлежат самим себе, они делаются принадлежностью капитала. Таким образом, *общественная производительная сила труда* представляется как *имманентная производительная сила капитала* (S. 315).

Примеры кооперации у древних египтян (S. 316).

Стихийно возникающая кооперация в начале человеческой культуры у охотничьих народов, номадов или в индийских земледельческих общинах основана 1) на общинной собственности на средства производства, 2) на тесной связи отдельного индивидуума с племенем или с общиной. Спорадическая кооперация в древности, в средние века и в современных колониях основана на непосредственном господстве и насилии, чаще же всего на рабстве. Капиталистическая же кооперация, наоборот, заранее предполагает свободного наемного рабочего. Исторически она появляется в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремеслу (является ли оно в цеховой форме или нет), и при этом лишь в виде особенной, свойственной капиталистическому процессу производства и отличающей его исторической формы. В этом состоит первое изменение, которому подвергается процесс труда вследствие своего подчинения капиталу: здесь капиталистический способ производства выступает как историческая необходимость для превращения процесса труда в общественный процесс; а 2) эта общественная форма процесса труда является применяемым капиталом методом более прибыльной эксплоатации его посредством увеличения его производительных сил (S. 317).

В своей *простой* форме, которую мы до сих пор рассматривали, кооперация совпадает с производством в большом масштабе, но не представляет никакой прочной характеристической формы особенной эпохи капиталистического производства; она и теперь еще существует там, где капиталист производит в больших размерах, но где ни разделение труда, ни применение машин не играют еще большой роли. Таким образом, хотя кооперация является основной формой капиталистического способа производства, ее *простейшая* форма сама представляет лишь особенную форму на-ряду с другими, более развитыми, формами ее.

3. Разделение труда и мануфактура

Мануфактура, классическая форма кооперации, основанной на разделении труда, господствует приблизительно от 1550 до 1770 г.

Мануфактура возникает двояким образом:

1) или соединением различных ремесл, приспособленных к выполнению частичных операций (например производство карет), причем очень скоро соответствующий ремесленник теряет свою способность заниматься всем своим ремеслом в целом; но зато его частичная операция совершенствуется. При этом процесс принимает характер разделения совокупной операции на ее отдельные части (SS. 318, 319).

2) Или же многие ремесленники, которые производят один и тот же или однородный продукт, объединяются в одной и той же фабрике, и постепенно отдельные операции, вместо того, чтобы производиться последовательно одним и тем же рабочим, разделяются и одновременно исполняются различными рабочими (иголки и т. д.). Вместо того, чтобы быть произведением одного ремесленника, продукт теперь является произведением союза ремесленников, из которых каждый исполняет только одну частичную операцию (SS. 319, 320). В обоих случаях результатом мануфактуры является *производительный механизм, органами которого являются люди.* Производство остается *ремесленным*, каждый частичный процесс должен быть выполнен *ручным трудом*, следовательно здесь исключен всякий *действительно научный анализ процесса производства.* Именно *благодаря* ремесленному характеру, каждый отдельный рабочий целиком прикреплен к одной частичной функции (S. 321).

Этим сберегается труд в сравнении с ремесленником, и это усиливается еще тем, что приобретенные навыки передаются следующим поколениям. Это мануфактурное разделение труда соответствует тенденции прежних обществ сделать промышленные занятия наследственными и превратить их в кастовые цехи (S. 322).

Разделение орудий посредством приспособления их к различным частям работы — пятьсот различных видов молотка в Бирмингаме (SS. 323 — 324).

Рассматриваемая с точки зрения общего механизма, мануфактура имеет две формы: она является или простым механическим соединением самостоятельных частичных продуктов (часы), или рядом связанных между собой процессов в *одной* мастерской (иголки).

В мануфактуре каждая группа рабочих доставляет другой группе ее сырой материал. Поэтому основное условие состоит в том, чтобы каждая группа *в определенное время произвела определенное количество*, чтобы была совершенно другая непрерывность работы, правильность, однообразие и интенсивность, чем даже в кооперации. *Здесь мы, таким образом, приходим уже к технологическому закону процесса производства, а именно, что труд должен быть общественно-необходимым трудом* (S. 329).

Различные количества времени, необходимые для выполнения отдельных операций, требуют, чтобы различные группы рабочих состояли из различного числа рабочих (например, в словолитне на одного полировщика имеются 4 литейщика и 2 отбивальщика). Мануфактура, таким образом, создает математически определенное отношение для количественного размера отдельных органов коллективного рабочего, и производство может быть расширено только введением нового множителя в совокупную группу. К этому надо прибавить, что обособление и самостоятельность известных функций — надзора, перемещения продуктов из одного помещения в другое и т. д. — становятся выгодными лишь по достижении известной высоты производства (SS. 329, 330).

Бывают также сочетания различных мануфактур в одну комбинированную мануфактуру, но в ней обыкновенно чувствуется недостаток технического единства, которое появляется лишь с введением машин (S. 331).

В мануфактуре довольно рано появляются машины, но только спорадически, и они играют только побочную роль, например мельницы, толчеи для измельчения руды и т. д. Но главной машиной мануфактуры является *комбинированный коллективный рабочий*, который обладает более высокой степенью совершенства, чем старый единичный ремесленный рабочий. Все несовершенства, часто по необходимости развитые у частичного рабочего, здесь становятся преимуществами (S. 333). Мануфактура развивает различия среди этих частичных рабочих, создает класс необученных рабочих (skilled и unskilled) и даже настоящую иерархию рабочих (S. 334).

Разделение труда: 1) общее (земледелие, промышленность и т. д.); 2) частное (на виды и разновидности) и 3) единичное (внутри мастерской).

Общественное разделение труда также развивается из различных исходных точек. 1) Внутри семьи и рода появляется естественное разделение труда по полу и возрасту, которое расширяется еще насильственным порабощением соседних племен (S. 335). 2) Различные общины благодаря своему положению, климату, уровню культуры производят различные продукты, которыми они *обмениваются в тех пунктах, где они соприкасаются с другими общинами* (S. 49). Обмен с чужими общинами дает тогда главный толчок к распадению естественной связи внутри собственной общины благодаря дальнейшему развитию естественного разделения труда (S. 336).

Мануфактурное разделение труда, таким образом, с одной стороны предполагает известную степень развития общественного разделения труда, с другой стороны оно продолжает его развивать — таково территориальное разделение труда (SS. 337, 338).

Различие между общественным и мануфактурным разделением труда обыкновенно заключается в том, что в первом случае необходимо производятся *товары*, между тем как во втором случае частичный рабочий *не* производит товаров. Поэтому в последнем случае существует конкретная организация, в первом же раздробленность и беспорядочная конкуренция (SS. 339, 341). О первобытной организации индийских общин (см. SS. 341,

342). О цехах (SS. 343, 344). В то время как общественное разделение труда свойственно всем упомянутым социально-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть *специфическое создание капиталистического способа производства.*

В мануфактуре, как и в кооперации, функционирующий рабочий организм представляет *форму существования капитала.* Возникающая из комбинации работ производительная сила представляется поэтому как *производительная сила капитала.* Но, в то время как кооперация в общем оставляет без перемены способ труда отдельного рабочего, мануфактура производит в нем полный переворот. Она калечит рабочего. Неспособный произвести что-нибудь самостоятельно, он превращается в *придаток* к мастерской капиталиста. Духовные силы производства труда исчезают во многих пунктах, чтобы расширить свой масштаб в одном пункте. Противопоставление рабочим духовных сил процесса труда, в качестве *чужой собственности и господствующей над ними власти*, является продуктом мануфактурного разделения труда. Этот процесс разделения, который начинается уже в кооперации и развивается в мануфактуре, завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, в качестве самостоятельной производственной силы, от труда и заставляет ее служить капиталу (S. 349). Цитаты (S. 347).

Будучи, с одной стороны, определенной организацией общественного труда, мануфактура, с другой стороны, является только особым *методом производства относительной прибавочной стоимости* (S. 350). В этом заключается ее историческое значение.

Развитие мануфактуры встречает препятствия даже во время своего классического периода: ограничение числа необученных рабочих благодаря преобладанию обученных. Сопротивление, оказываемое часто мужчинами-рабочими работе детей и женщин; ссылка на laws of apprenticeship (законы об ученичестве) до самого последнего времени, даже там, где это в сущности становится излишним; постоянная недисциплинированность рабочих, так как совокупный рабочий не обладает еще независимым от рабочих остовом. — Эмиграция рабочих (SS. 353, 354).

К тому же мануфактура сама не в состоянии была произвести переворот во всем общественном производстве, или хотя бы только овладеть им. Ее собственный узкий технический базис вступил в противоречие с созданными ею самою потребностями производства. Появилась потребность в машинах, и мануфактура уже научилась их производить (S. 355).

4. Машины и крупная промышленность

а. Развитие машин.

В то время как в мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства была рабочая *сила*, в крупной промышленности его исходной точкой является *средство* труда.

Всякая вполне развитая машина состоит из 1) двигательного механизма, 2) передаточного механизма и 3) исполнительного механизма или рабочей машины (S. 357).

Промышленная революция XVIII столетия имеет исходной точкой *исполнительный механизм* (Werkzeugsmaschine). Отличительный признак его состоит в том, что орудие в более или менее измененной форме переходит из рук человека к машине, которую он приводит в движение. Будет ли движущей *силой* человек или сила природы, это нисколько не изменяет дела. Специфическое различие состоит в том, что человек может *пользоваться только своими собственными органами, машина же в известных границах может употреблять сколько угодно орудий* (прядильное колесо — 1 веретено, Jenny — 12—18 веретен).

Поскольку в прядильном колесе промышленной революцией захватывается не педаль, не сила, а веретено — в начале везде еще человек в одно и то же время исполняет и функцию движущей силы, и функцию надзора. Революция в исполнительном механизме или рабочей машине, наоборот, сперва сделала завершение паровой машины потребностью, а затем и выполнила это (SS. 359—360, подробнее SS. 361—362).

В крупной промышленности применяется двоякого рода машинное производство: 1) кооперация однородных машин (power loom, envelope machine), которые исполняют работу целого ряда рабочих (Teilarbeiter), и 2) система, заменяющая труд целого ряда частичных рабочих посредством комбинации различных частичных рабочих машин (прядение). Последняя находит свою естественную основу в разделении труда в мануфактуре. Но здесь есть существенное различие. В мануфактуре каждый отдельный частичный процесс должен быть приурочен *к рабочему*; здесь в этом нет надобности: процесс труда здесь может объективно разлагаться на свои составные части, и проблема выполнения каждого частичного процесса решается наукой или основанным на ней практическим опытом и производится машинами. Здесь количественное отношение отдельных групп рабочих повторяется в виде отношения отдельных групп машин (SS. 363—366).

В обоих случаях фабрика образует *большой автомат* (который, впрочем, только в последнее время вполне развился в этом направлении), и это — его адэкватная форма (S. 367). Самой совершенной его формой является *автомат*, строящий машины, который уничтожил ремесленную и мануфактурную основу крупной промышленности и одним этим дал законченную форму машинного производства (SS. 369, 372).

Переворот в отдельных отраслях вплоть до средств сообщения (S. 371).

В мануфактуре комбинация рабочих имеет субъективный характер, здесь же мы имеем объективный *механический* производственный организм, который рабочий находит в готовом виде и который может функционировать лишь при совместном труде, — кооперативный характер процесса труда теперь становится *технической необходимостью* (S. 372).

Производительные силы, вытекающие из кооперации и разделения труда, ничего капиталу не стоят. Силы природы, пар, вода, также ничего не стоят. То же самое можно сказать о силах, открытых наукой.

Но последние могут быть реализованы только посредством соответствующего аппарата, который может быть построен только при больших затратах, и точно так же рабочие машины стоят гораздо больше, чем старые инструменты. Но эти машины, служат гораздо дольше и имеют гораздо бóльшую сферу производства, чем инструменты, и поэтому отдают продукту гораздо меньшую часть своей стоимости, чем орудия, и поэтому *бесплатная служба*, которую оказывает машина (и которая не фигурирует в стоимости продукта), гораздо больше, чем при орудии (SS. 374, 375—376).

Удешевление вследствие концентрации производства в крупной промышленности гораздо больше, чем в мануфактуре (S. 375).

Цены готовых товаров показывают, насколько машины удешевили производство и что та часть стоимости, которая произведена средствами труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается. Производительность машины измеряется той степенью, в которой она заменяет *человеческую рабочую силу*. Примеры (SS. 377—379).

Предположим, что паровой плуг заменяет 150 рабочих, годовая плата которых составляет 3 000 ф. ст. — тогда эта годовая плата представляет не весь *исполненный ими труд*, а лишь *необходимый* труд,— но они кроме того дали еще *прибавочный труд*. Если же, наоборот, паровой плуг стоит 3 000 ф. ст., то это есть денежное выражение *всего* содержащегося в нем труда, и если машина, таким образом, стоит столько же, сколько вытесненная ею рабочая сила, то овеществленный в ней человеческий труд всегда гораздо меньше того труда, который она замещает (S. 380).

Как средство удешевления производства машина должна *стоить меньше того труда, который она заменяет*. Но для капитала *ее стоимость* должна быть меньше *стоимости вытесненной ею рабочей силы*. Поэтому в Америке могут оплачиваться такие машины, которые не оплачиваются в Англии (например, машины для разбивания камня). Поэтому вследствие известных законодательных ограничений вдруг могут появиться машины, которые до тех пор не оплачивались капиталу (S. 380—381).

b. Присвоение рабочей силы машинами.

Так как машины сами содержат силу, приводящую их в движение, то падает стоимость мускульной силы. Вводится женский и детский труд, немедленно увеличивается число наемных рабочих вовлечением не работавших до сих пор по найму членов семьи. Таким образом, *стоимость рабочей силы мужчины распределяется на рабочую силу всей его семьи*, следовательно *она понижается*. Чтобы одно семейство могло прокормиться, 4 человека должны доставлять теперь капиталу не только труд, но также и *прибавочный труд*, в то время как прежде это делал один человек. Таким образом,

с самого начала вместе *с материалом* эксплоатации увеличивается и *степень* эксплоатации (S. 383).

Прежде продажа и покупка рабочей силы были отношением *свободных личностей*, теперь покупаются *малолетние и несовершеннолетние*; рабочий продает теперь жену и детей, становится *работорговцем* (см. примеры SS. 384—385).

Физическое калечение. Смертность рабочих-детей (S. 386) также в промышленном земледелии. (Gangsystem) (S. 387).

Моральное калечение. Статьи о воспитании в фабричном законе и оппозиция фабрикантов (S. 390).

Привлечение женщин и детей на фабрику сламывает наконец *сопротивление мужчин-рабочих деспотизму капитала* (S. 391).

Сокращая рабочее время, необходимое для производства какого-либо предмета, машина становится в руках капитала могущественным средством *удлинения рабочего дня далеко за его нормальные пределы*. Она создает *новые условия*, позволяющие это капиталу, с другой стороны *новые мотивы* для этого.

Машина способна к вечному движению и ограничена только слабостью и ограниченностью человеческой рабочей силы. Машина, которая при 20 часах труда изнашивается в $7^1/_2$ лет, поглощает для капиталиста ровно столько же прибавочного труда, сколько машина, которая при 10 часах труда изнашивается в 15 лет, но в первом случае это происходит *в половину этого времени* (S. 393).

Моральная порча машины — by superseding (при замене другою) — при этом подвергается меньшему риску (S. 394).

Кроме того всасывается большее количество труда *без увеличения издержек* на здания и машины, следовательно с удлинением рабочего дня не только возрастает прибавочная стоимость, но и относительно уменьшаются издержки, необходимые для ее получения. Это тем более важно, что в крупной промышленности сильно преобладает *постоянная* часть капитала (S. 395).

В первый период машинного производства, когда оно имеет еще *монопольный* характер, прибыль достигает громадных размеров, и поэтому возникает жажда к все большему непомерному удлинению рабочего дня. С всеобщим введением машин исчезает эта монопольная прибыль и вступает в силу закон, что прибавочная стоимость происходит не из труда, *замененного* машиной, а из труда, *употребляемого* ею, следовательно из переменного капитала. — Но этот последний при машинном производстве по необходимости *сокращается* вследствие больших затрат на машины. Таким образом, в капиталистическом применении машин заключается имманентное противоречие: при данной массе капитала машины *увеличивают* один фактор прибавочной стоимости, его *норму*, *уменьшением* другого фактора — числа рабочих. Как только стоимость произведенного машиной товара становится регулирующей общественной стоимостью этого товара, выступает это противоречие и *побуждает опять к удлинению рабочего дня* (S. 397).

Но в то же самое время машина освобождением вытесненных рабочих, а также вовлечением женщин и детей, производит *избыточное рабочее население*, которое вынуждено повиноваться диктуемым капиталом законам. Поэтому она разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня; отсюда тот парадокс, что могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени становится самым действительным средством превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для возрастания его стоимости (S. 398).

Мы уже видели, как здесь наступила общественная реакция, выразившаяся в установлении нормального рабочего дня, и на этой основе теперь развивается *интенсификация труда* (S. 399).

Вначале вместе со скоростью машины одновременно увеличивалась интенсивность труда и удлинялся рабочий день. Но скоро достигается такой пункт, где интенсификация труда и удлинение рабочего дня взаимно друг друга исключают. Иначе обстоит дело при ограничении рабочего времени. Интенсивность может только увеличиваться; в продолжение 10 часов может быть доставлено такое же количество труда, какое прежде доставлялось в 12 часов и более, и теперь более интенсивный рабочий день считается *сжатым* (potenzierter) рабочим днем, и труд измеряется не только его продолжительностью, но и его интенсивностью (S. 400).

Таким образом, при 5 часах необходимого и при 5 часах прибавочного труда может быть получена такая же самая прибавочная стоимость, какая получается при меньшей интенсивности при 6 часах необходимого и 6 часах прибавочного труда (S. 400).

Каким образом труд может быть интенсифицирован? В мануфактурах, как было доказано (примечание 159), например, в гончарном производстве и других, уже *одного сокращения рабочего дня* достаточно, чтобы значительно увеличить производительность труда. При *машинном труде* это было сомнительно, но сомнение это было опровергнуто Р. Гарднером (SS. 401—402).

Как только сокращение рабочего дня вводится силою *закона*, машина становится средством выжимания из рабочего более интенсивного труда или путем greater speed (увеличения скорости машин) или less hands in relation to machine (уменьшения числа рабочих по отношению к машине). Примеры (SS. 403—407). Одновременно с этим растет обогащение фабрикантов и расширение фабрик. Доказательства (SS. 407—409).

c. Фабрика в целом в ее классической форме.

На фабрике машина управляет целесообразным движением орудия, так что качественные различия труда, которые были развиты в мануфактуре, здесь устраняются, рабочие здесь все более и более нивелируются. Если остаются различия, то только различия возраста и пола. Разделение труда здесь превращается *в распределение рабочих между различными специальными машинами*. Здесь существует только разделение между главными рабочими, которые действительно работают при машине, и feeders (подруч-

ными) (это верно по отношению к selfactor, в меньшей степени к throstle, еще меньше по отношению к power-loom); сюда надо еще прибавить лиц, занятых наблюдением, инженеров, механиков, столяров и т. д., лишь внешним образом присоединенных к фабрике (SS. 411—412).

Необходимость приспособления рабочего к непрерывному движению автомата требует некоторой подготовки с детства, но ничуть не больше, чем в мануфактуре, чтобы рабочий всю жизнь был прикреплен к одной функции. Может происходить смена людей при одной и той же машине (relaysystem); ввиду легкости обучения рабочие могут переходить от одного вида машин к другому. Работа подручных или отличается большой простотой, или все более и более переходит к машине. Тем не менее, мануфактурное разделение труда продолжает влачить свое существование сначала по традиции, а затем само становится большим средством эксплоатации капиталом рабочей силы. Рабочий становится пожизненно частью частичной машины (S. 413).

Всякое капиталистическое производство — поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс возрастания капитала — характеризуется тем, что не рабочий применяет условия труда, а наоборот *условия труда применяют рабочего*. Но только машина придает этому извращенному отношению технически *осязательную реальность*. Благодаря своему превращению в *автомат* средство труда во время самого процесса труда выступает *против рабочего* как капитал, как мертвый труд, который господствует над живой рабочей силой и высасывает ее. То же самое относится к духовным силам процесса производства, посредством которых капитал правит трудом... Специальное искусство индивидуального, лишенного всякого содержания машинного рабочего исчезает как мелкая подробность перед наукой, перед огромными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенным в машинной системе (SS. 414, 415). Казарменная дисциплина фабрики, фабричный кодекс (S. 416), физические условия фабрики (SS. 417, 418).

d. Борьба рабочих против фабричной системы и машин.

Эта борьба, начинающаяся с тех пор, как устанавливаются капиталистические отношения, здесь прежде всего проявляется как восстание против машин как материальной основы капиталистического способа производства. Bandmühle (машина для ткания лент) (S. 419). Luddіten (S. 420). Только позднее рабочие научились отличать материальные средства производства от общественной формы их эксплоатации.

В мануфактуре усовершенствованное разделение труда скорее является средством действительного вытеснения рабочих (S. 421). Экскурсии в область земледелия, вытеснение (S. 422). Но при машинном производстве рабочий *фактически вытесняется:* машина непосредственно конкурирует с ним. Hand loom weavers (ручные ткачи) (S. 423). То же самое относится к Индии (S. 424). Это действие является постоянным, так как машина захватывает все новые сферы производства. Самостоятельный и независимый характер, который

капиталистическое общество придает орудиям производства по отношению к рабочему, посредством машин развивается до полного антагонизма. Поэтому теперь впервые является возмущение рабочих против орудий труда (S. 424). Подробно о вытеснении рабочих машинами (SS. 425, 426). Машина, вытесняя рабочих, становится средством подавления сопротивления рабочих капиталу (SS. 427, 428).

Либеральная экономия утверждает, что машины, вытесняющие рабочих, в то же самое время освобождают капитал, который опять может дать занятие этим рабочим. На самом же деле происходит обратное: каждое введение машин связывает капитал, уменьшая его *переменную* часть и увеличивая его постоянную часть, и может, следовательно, только *ограничить* число занятых им рабочих. В самом деле, — и это признают также и апологеты, — здесь освобождается не капитал, а средства существования вытесненных рабочих *освобождают рабочего от средств существования*, что на языке апологетов обозначает, что *машина освобождает средства существования для рабочего* (SS. 429—430).

Подробнее об этом (*очень хорошо для Fortnightly*, 431—432): для апологета не существует антагонизма, нераздельного с капиталистическим применением машин, так как этот антагонизм вытекает не из самой машины, а из ее капиталистического приложения (S. 432).

Машины прямо и косвенно расширяют промышленность и таким образом делают *возможным* увеличение числа до сих пор работавших рабочих: горнорабочих, рабов в хлопчатобумажных штатах и т. д. С другой стороны, благодаря введению шерстяных фабрик, шотландские и ирландские крестьяне были вытеснены овцами (SS. 433, 434).

Машинное производство, гораздо больше чем мануфактурное, увеличивает *общественное* разделение труда (S. 435).

е. Машина и прибавочная стоимость.

Ближайшим результатом машины является *увеличение* прибавочной стоимости и в то же самое время той массы продукта, в которой она реализуется и которая поглощается классом капиталистов и его присными,— увеличивается число капиталистов. Возникает новая потребность в роскоши, и вместе с тем создаются новые средства к ее удовлетворению. Возрастает производство предметов роскоши, а также пути сообщения (поглощающие, однако, незначительное количество рабочей силы в развитых странах. Доказательства на S. 436),— наконец растет также *класс прислуги*, современных *домашних рабов*, материал для которых доставляет *освобождение* (S. 437). Статистика. Экономические противоречия (S. 437).

Возможность *абсолютного роста* числа рабочих в одной отрасли производства вследствие введения машин и форм этого процесса (SS. 439—440).

При высокой ступени развития фабричной системы машинный способ производства приобретает огромную эластичность, способность к быстрому расширению крупной промышленности (S. 441). Воздействие на страны.

производящие сырье. Эмиграция как следствие освобождения рабочих. Интернациональное разделение труда между промышленными и земледельческими странами. — Периодическое чередование кризисов и процветания (S. 442). Перебрасывание рабочих в этом процессе развития (S. 444).

Исторический очерк этого развития (SS. 445—449). Вытесняя кооперацию и мануфактуру, машины (промежуточные ступени SS. 450—451) вторгаются также в нефабричное производство; эти отрасли промышленности ведутся в духе крупной промышленности. Домашняя промышленность есть только внешнее отделение фабрики (S. 452). В домашней промышленности и современной мануфактуре эксплоатация еще более цинична, чем в настоящих фабриках (S. 453). Примеры: лондонские типографии (S. 453). Переплетные. Сортировщики тряпья (S. 454). Обжигание кирпичей (S. 455). Современная мануфактура вообще (S. 456). *Домашняя промышленность: плетение кружев* (SS. 457—459). *Плетение соломы* (S. 460). Превращение в фабричную систему, когда возможность эксплоатации домашнего труда достигла крайнего предела: Wearing Apparel (производство одежды) посредством введения *швейной машины* (SS. 462—466). Ускорение этого превращения посредством распространения на эти производства действия принудительных фабричных законов, уничтожающих господствовавшую до сих пор неограниченную эксплоатацию, основанную на рутине (S. 468). Примеры: *Горшечное производство* (S. 467). *Производство спичек* (S. 468). Дальнейшее действие фабричных законов на нерегулярные работы, связанные с вынужденным бездействием рабочих, вызываемым сезонами и модами (S. 470).

Чрезмерный труд рядом с вынужденной, благодаря сезонам, безработицей в домашней промышленности и мануфактуре (S. 471).

Санитарные меры фабричных законов (S. 473). Законы об образовании (S. 476).

Освобождение рабочих только благодаря достижению ими известного возраста; так как они выросли и не подходят больше для данной работы, не могут больше существовать на детский заработок и не изучили другой работы (S. 477).

Крупная промышленность сорвала завесу с mysteries (так до XVIII столетия назывались ремесла), таинств и традиционной косности мануфактуры и ремесла и превратила процесс производства в сознательное применение сил природы. Поэтому она одна в отличие от всех прежних форм является *революционной* (S. 479). Но как капиталистическая форма *она сохраняет для рабочего* окостенелое разделение труда, а так как она каждый день производит переворот в самых его основах, то рабочий от этого гибнет. С другой стороны, именно здесь, в этой необходимой перемене работ одного и того же рабочего, кроется требование возможной всесторонности рабочего и возможность социальной революции (SS. 480, 481).

Необходимость распространения действия фабричного законодательства на все и не фабричные отрасли промышленности (S. 482 ff). Закон 1867 г. (S. 485). (Примечание S. 486 ff.).

Концентрирующее влияние фабричных законов, общее распространение фабричного производства и вместе с ним классической формы капиталистического производства, обострение присущих ему противоречий, созревание элементов переворота старого и элементов образования нового общества (SS. 488—493).

Земледелие. Здесь освобождение рабочих, благодаря машинам, принимает еще более острый характер. Замена крестьянина наемным рабочим. Уничтожение сельской домашней промышленности. Обострение противоречий между городом и деревней. Рассеивание и ослабление сельских рабочих, в то время как городские рабочие концентрируются: поэтому плата земледельческих рабочих падает до минимума. Вместе с тем *расхищение* земли — конец капиталистического способа производства, подтачивание самого *источника всякого* богатства: земли и рабочего (SS. 493—496).

К. МАРКС: ВЫПИСКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ МАКИАВЕЛЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 июня 1927 г. исполнилось 400 лет со дня смерти одного из величайших политических мыслителей Никколò Макиавелли. Маркс, получивший основательнейшую политико-юридическую подготовку, несомненно, хорошо знал Макиавелли. В письме к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. он пишет, говоря о развитии военного дела в Италии XV века: «Здесь выработались тактические ухищрения (taktische Pfiffe). Кстати, у Макиавелли в его истории Флоренции имеется полное юмора описание способов, какими сражались друг с другом кондотьеры... *Его история Флоренции — высоко-мастерское произведение*» (курсив наш. — *В. М.*) [1].

Замечание Маркса, очевидно, не осталось бесследным, потому что в 1880 г. Энгельс, характеризуя крупнейших деятелей эпохи Возрождения в старом введении к «Диалектике природы», специально остановился на Макиавелли. Энгельс пишет здесь, что Макиавелли был «государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым, достойным упоминания, военным писателем нового времени». Здесь имеются в виду, наверное, не только «Флорентийская история», но и специально военные работы Макиавелли: книга о военном искусстве («Dell'arte della guerra») и ряд записок на военные темы, которые, судя по этому замечанию Энгельса, всегда интересовавшегося военным делом, были ему достаточно известны.

Печатаемые ниже выписки из сочинения Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» («Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio») находятся в тетрадях Маркса, относящихся к тому времени, когда Маркс, если можно так выразиться, не был еще марксистом. Тем не менее, эти выписки полны самого живого интереса.

Макиавелли жил в эпоху возрождения и реформации в республике Флоренции, которая одна из первых в Европе порвала со средневековым варварством и пыталась образовать государство нового типа. Он с юных лет служил на государственной службе: с 1498 по 1512 г. был секретарем правительства республики и много раз командировался в качестве посла или с информационными целями к различным итальянским дворам, во Францию и Германию. До конца жизни, несмотря на свержение республиканского правительства во Флоренции, несмотря на смещение с должности, тюрьму, пытку и временное изгнание, он остался верен своим республиканским взглядам.

[1] *Карл Маркс* и *Фридрих Энгельс*. Письма. Изд. «Московский рабочий». М. 1922, стр. 68.

В произведениях Макиавелли прекрасно отразилась его эпоха — *переходный период от феодализма к капитализму*.

В экономическом смысле это была эпоха так называемого «первоначального накопления», описанная на бессмертных страницах XXIV главы I тома «Капитала». Мелкобуржуазная масса крестьян и ремесленников освобождалась тогда от феодальной зависимости, но в то же время она «освобождалась» и от средств производства. Маркс говорит, что история этой экспроприации мелкой буржуазии, «непосредственных производителей» — «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня». Такова и вся эпоха. «Первоначальное накопление», это — завоевание, порабощение, разбой. Только таким путем и мог сложиться капиталистический строй: освобождая человечество от феодальных цепей, он ковал ему новые цепи наемного рабства. Мы знаем, что этот двойственный процесс был прогрессом по сравнению с феодальным строем; деятели этой эпохи были революционерами, творившими новый мир и творившими его не по собственной фантазии, а в силу исторической необходимости. Но это были буржуазные революционеры, провозвестники нарождающейся буржуазии. Для характеристики наиболее цельных представителей этой эпохи больше всего дают нам слова «Коммунистического манифеста»:

«Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль... Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана... Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение. Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями, провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной линией» [1].

Макиавелли по-разному отразил эти черты своей эпохи, потому что тогда, когда он жил и действовал, в начале XVI века, далеко не все еще эти черты были осуществлены. Многое фигурирует у него еще только как программа, как тактический план. В его время каждое из крупнейших итальянских государств стремилось создать свое централизованное государство нового типа. На его глазах действовал знаменитый Чезаре Борджиа, герцог Валентинский, который выдвинулся сначала как простой кондотьер, т. е. военный руководитель, в борьбе своего отца, папы Александра VI, против

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Коммунистический манифест, Гиз, М. 1923, стр. 64—66 pass.

феодалов папской области, а потом занял фактически независимое от папы положение и, разгромив в целом ряде военных столкновений, а также при помощи всяческого обмана, феодалов Средней Италии, пытался подчинить своей власти всю Италию. Эта попытка была неудачна, но она важна для нас потому, что у Чезаре Борджиа учился Макиавелли, состоя в 1502 г. послом при дворе герцога Валентинского в Имоле, когда тот, разбитый феодалами и почти уничтоженный, собирал свои и союзные военные силы, чтобы затем одним ловким приемом уничтожить сразу всех своих опаснейших врагов при Синигаллии. Богатые торговые республики Италии оказались не в силах создать прочный демократический строй и образовать самостоятельно общее для всей Италии государство. Отсюда, естественно, возникла основная политическая идея Макиавелли, что для образования единого централизованного государства новейшего типа, для упрочения республиканского и демократического строя в этом государстве нужна какая-то сильная единоличная власть, революционная диктатура какого-то правителя, которого Макиавелли называет il principe («князь»). Этот диктатор должен быть вождем национальной (не наемной, как тогда было принято, а набранной из своих граждан) армии; он должен окончательно разгромить феодалов, объединить все их владения в одном большом государстве, установить в нем гражданское равенство, политическую свободу и демократические порядки. Но эта диктатура должна быть временной. Сделав свое историческое дело, диктатор должен уступить место избираемым на обычных демократических основаниях властям; эта временная «монархия» должна смениться республикой. Если же «монарх» не уступит, его должен свергнуть народ, уже созревший для нового политического строя.

Будучи республиканцем по своим программным взглядам, даже сторонником убийства монархов, Макиавелли считал необходимым, с точки зрения политической стратегии и тактики, учреждение единоличной власти, которая должна была, по существу говоря, быть не чем иным, как *буржуазной революционной диктатурой, переходной формой от феодального государства к государству капиталистической эпохи.*

Зачатки такой власти Макиавелли видит в попытках герцога Валентинского и других подобных ему государственных деятелей создать государство нового типа.

С полным пренебрежением к феодальным религиозным и нравственным понятиям он изображает нам, какими средствами пользовались эти крупнейшие политики его времени, огнем и мечом, грабежом и обманом сколачивая новое государство.

Как писатель чрезвычайно трезвый и реалистический, Макиавелли прекрасно понимал, что подобного рода диктатура — не идеальный строй, а неизбежная переходная форма. Хотя он всегда рекомендует прежде всего гуманные меры и лишь тогда, когда они недействительны, обращается к жестоким, однако он очень хорошо знает, что изображаемая им власть никак не может пахнуть розами.

Его обвиняли в безнравственности, рассматривали его как дурного советчика монархов, но он был только откровенен до цинизма и рисовал свою «монархию» такой, какой она на самом деле была. Недаром Ф. Бэкон сказал, что «мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые, открыто и ничего не замаскировывая, изображали то, как люди обычно делали, а не то, как они должны были делать» [1]. В таком же духе приблизительно говорит о Макиавелли и Гегель:

«В высшем смысле необходимости Макиавелли установил основные положения образования государств, по которым и нужно было образовать государства в тогдашних обстоятельствах. Отдельных феодалов и отдельные феодальные княжества (Herren und Herrschaften) нужно было окончательно подавить, и если с нашим представлением о свободе несовместимы те средства, которые он нам изображает как единственные, вполне оправдываемые обстоятельствами, в том числе беспощадное насилие, всякого рода обман, убийство и т. д., — тем не менее мы должны признать, что с (феодальными) династами, которых надо было свергнуть, можно было покончить только такими средствами, потому что им была присуща неукротимая бессовестность и полная развращенность» [2].

На этой стороне политической теории Макиавелли, которая нашла свое выражение, главным образом, в его книге «Il principe», Маркс в своих выписках останавливается очень мало. В них отмечены преимущественно программные — республиканские и демократические — взгляды Макиавелли, его политические идеалы. С другой стороны, значительная часть этих выписок касается политики в ее связи с экономикой, экономическими интересами, отношениями классов. Здесь подчеркиваются некоторые стороны социологических воззрений Макиавелли.

I. Макиавелли и феодальный строй

Макиавелли — враг феодального строя. В своей «Флорентийской истории» (так высоко оцененной Марксом) он изображает нам, как в течение XIV столетия феодальная аристократия Флоренции была разбита в жестоких классовых столкновениях, много раз выливавшихся в уличные стычки и даже баррикадные бои, как, начиная с половины XIV столетия, у власти становится народ, и государство реорганизуется на новых началах [3]. Крайне резко отзываясь о феодалах, как о «тунеядцах», считая их антиобщественным элементом, крайне разложившимся и развращенным, Макиавелли иногда даже самый феодальный строй называет «честолюбивым тунеядством» [4].

---

[1] *Fr. Baconi*, Operum moralium et civilium tomus. Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum, Lond. 1638, p. 220.

[2] *G.-W.-F. Hegel*, Vorlesungen über die Philosophie der Weltgechichte, hrsg. v. G. Lasson, Leipz. 1920, IV Band, S. 864.

[3] «Storie fiorentne» (Флорентийская история), конец II книги и начало III.

[4] «Discorsi», русск. пер. под ред. Н. Крочкина, СПБ 1869, стр. 120.

Отношение Макиавелли к феодалам выражено наиболее ярко в печатаемой ниже 12-й цитате Маркса из «Discorsi» [1]. Определяя феодальную знать как класс людей, которые, «не работая, живут богато от прибыли со своих владений», — Макиавелли относится к ним с явным осуждением, прежде всего с точки зрения их роли в республике, т. е. в новом государстве и обществе. Они всегда вредны, особенно те из них, «у которых есть замки», т. е., иначе говоря, те, которые хорошо вооружены. Другой признак феодала тот, что у него есть «подданные, которые ему повинуются»,— здесь разумеются феодально зависимые люди, подчиненные сюзерену в порядке феодальной службы. Благодаря этому феодалы крайне честолюбивы и развращены. Макиавелли считает особенно разложившимися итальянских феодалов, тех самых, которых на его глазах пачками истреблял Чезаре Борджиа. Французов он ставит выше; у них корона сильна, потому что обуздала феодалов [2], но, тем не менее, он считает возможным сказать, что французы, испанцы и итальянцы — «развратители всего света». Феодалы ведут все время между собой мелкую внутреннюю борьбу. это — знаменитая феодальная усобица. Поэтому там, где много феодалов, не может быть никакого порядка, мирное хозяйственное развитие невозможно. «Эта порода людей — заклятый враг всякой гражданственности» (это место подчеркнул Маркс в цитате из «Discorsi»).

Во «Флорентийской истории» Макиавелли показывает нам, как борьба внутри феодальной аристократии тяжело отзывалась на государстве, как она обращалась порой в склоку двух каких-нибудь феодальных родов [3]. В редких случаях, когда речь идет о реставрации власти феодалов, последние действуют объединенно [4].

Феодальные отношения служат необходимой основой старой феодальной монархии. Там, где царствует феодальная усобица, можно установить какой-нибудь порядок только путем прямого насилия; феодалов нельзя обуздать законами, тут нужна абсолютная и исключительная власть, т. е., как выражается Макиавелли, «рука короля». На этом вопросе Макиавелли останавливался в том месте «Discorsi», откуда Маркс взял 13-ю цитату.

В правильно организованном обществе нет места для феодальной аристократии. Со свойственной ему последовательностью Макиавелли делает вывод, что для основания республики в стране, где феодальная знать многочисленна, необходимо *совершенно истребить ее*.

По вопросу об отношении Макиавелли к самому яркому факту феодального строя — *католической церкви*, *папству*, а затем и вообще к *христианской религии*, Маркс делает самую большую из печатаемых ниже выписок — 19-ю.

---

[1] Там же, кн. I, гл. LV, стр. 248.

[2] «Ritratti delle cose della Francia» (Описание положения дел во Франции). См. Opere di Niccolò Machiave li cittadino e segretario Fiorentino, Italia, 1813, v. IV, p. 133—134.

[3] «Флорентийская история», книга II. См. Opere, v. I, p. 66—69.

[4] Там же. См Opere, v. I, p 82.

Макиавелли — враг папства. И несмотря на то, что папа Лев X заставлял играть для себя на сцене и во Флоренции, и в Риме комедию Макиавелли «Мандрагора», отнюдь не «божественного» содержания [1], несмотря на то, что для папы Климента VII Макиавелли написал «Флорентийскую историю», а для того же Льва X записку о реформе государственного строя во Флоренции и т. п. [2], папство было совершенно право, поместив (при папе Павле IV, в 1559 г.) сочинения Макиавелли в «Список запрещенных книг» [3]. Оно узнало в нем своего настоящего врага. Макиавелли — тройной враг папства: во-первых, он враг папы как гражданин Флорентийской республики, которой папа неоднократно и всякими способами вредил. Во-вторых, он враг католической церкви, потому что она принесла огромный вред всей Италии. В защиту этого взгляда Макиавелли имеет много фактов; из них основными он считает два. Прежде всего, говоря его словами, «дурные примеры римского двора совершенно уничтожили всякую религиозность и набожность в нашей стране... Мы, итальянцы, обязаны прежде всего нашей церкви и нашему духовенству тем, что потеряли религию и развратились». Затем «церковь держала и держит нашу страну в несогласии... Причиной, почему Италия... не имеет общей республиканской или монархической власти, должно считать только церковь» [4]. С точки зрения Макиавелли, как политика, главная вина церкви в том, что она мешает объединению Италии в одно национальное государство, т. е. стоит на пути той основной цели, которую преследовали крупнейшие деятели эпохи торгового капитализма. Церковь никогда не была настолько сильна, чтобы взять в свои руки всю Италию и сделаться в ней единодержавной, но в то же время она всегда соединялась с тем, кто боролся против другой усиливающейся в Италии и стремящейся к ее объединению власти [5]. Макиавелли разоблачает до конца папскую политику, заключающуюся в том, что папа всегда натравливает друг на друга наиболее сильные государства, чтобы затем самому вместе со своими союзниками напасть на того, кто победит, и разбить его [6]. Особенно подчеркивает Макиавелли в действиях пап их безжалостное и грабительское отношение к народу [7]. Поэтому он с полным одобрением описывает во Флорентийской истории (книга III) войну Флоренции против папы Григория XI. Для ведения этой войны были избраны восемь полномочных лиц; война велась с такой расчетливостью и смелостью

---

[1] Это, между прочим, одна из первых реалистических комедий, чрезвычайно крупный вклад в историю итальянской литературы (есть русский перевод 1924 г.)

[2] Оба эти папы были из рода флорентийских купцов и правителей государства Медичи, и этим объясняется использование ими знаний Макиавелли.

[3] Таким образом, имеющееся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса полное собрание сочинений Макиавелли, издания 1550 г., принадлежит к числу книг, благополучно миновавших скорпионы папских агентов.

[4] «Discorsi», русск. перев., кн. I, гл. XII, стр. 159.

[5] Там же, стр. 159—160.

[6] Там же, кн. II, гл. XXII, стр. 330.

[7] Там же, кн. II, гл. XXIV, стр. 340.

и вызывала такое общее одобрение, что каждый год этих восьмерых переизбирали и считали их святыми, хотя они презирали папские отлучения, «грабили церкви и палками заставляли священников служить». «Очевидно, граждане, — замечает Макиавелли, — больше заботились о своем отечестве, чем о спасении своих душ».

Третья причина отрицательного отношения Макиавелли к папству это то, что он видел в папстве наиболее яркое проявление феодального строя. Папы, их кардиналы и все духовенство вообще, это — такие же тунеядцы, как светские феодалы, они такой же разлагающий элемент в обществе. Если в своих комедиях Макиавелли смеется над монахами и попами, как Боккаччио, если в своих исторических работах и дипломатических письмах он описывает характерные черты их жизни [1], то в «Discorsi» он анализирует самое существо их идеологии, он подвергает критике само христианство. Вот это место, полное замечательных мыслей, одно из интереснейших мест во всех работах Макиавелли, Маркс выписывает целиком.

Здесь Макиавелли сначала сравнивает христианство с язычеством. Языческая религия воспитывала в людях, по большей части, стремление к личной выгоде, храбрость и кровожадность, она обоготворяла полководцев и правителей; христианская же религия признает святыми, главным образом, людей смиренных, «более созерцательных, чем деятельных». Уже тут есть кой-что, не заслуживающее похвалы со стороны Макиавелли, сторонника именно деятельной жизни. Дальше он еще более ясно говорит, что, в то время как христианская религия полагает высшее благо в презрении к мирскому, в отречении от жизни, языческая полагала его «в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным». Это уже почти полный список тех качеств, которые вся эпоха гуманизма считала идеальными для нового человека. И вполне естественно, что за этими словами следует уничтожающий приговор: «Наша религия, если и дает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, *обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам*» (курсив наш. — *В. М.*). Макиавелли—против терпения, проповедуемого католичеством, против непротивления злу, потому что всегда, когда люди готовы лучше переносить всякие обиды, чем мстить, «мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще» [2].

Макиавелли не думает, как будто бы, что это — органический недостаток христианства. Он считает виною этого католическое истолкование христианства. Идя тем же самым путем, как и вожди реформации (основная часть «Discorsi» написана раньше реформации в Германии), Макиавелли высказывается за очищение христианства от католических наслоений. Если

[1] В «Ritratti delle cose della Francia», говоря о «безмерных сокровищах», накопленных французским духовенством в церквах, монастырях и в собственных имениях, Макиавелли ссылается на природную жадность попов и монахов («avara natura dei prelati e religiosi»). См. Opere di Niccolò Machiavelli, v. IV, p. 138.

[2] См. цитату 18.

такое очищение будет произведено, христианство будет учить граждан «любить и почитать отечество и готовить себя к тому, чтобы служить его защитником».

В параллель этому мы приведем два других места из «Discorsi», где Макиавелли высказывается еще более ясно. В кн. I, гл. XII он говорит: «Если бы в христианском государстве сохранилась религия, основанная учредителем христианства, христианские государства были бы гораздо счастливее и более согласны между собой, чем теперь. Но как глубоко упала она, лучше всего показывает то обстоятельство, что народы, наиболее близкие к римской церкви, главе нашей религии, оказываются наименее религиозными». И непосредственно за этим следуют слова, тоже как будто целиком проникнутые духом реформации: «Если взглянуть на основные начала христианства и посмотреть [потом, во что их обратили теперь, то нельзя сомневаться, что мы близки или к погибели, или к наказанию» [1].

Одна реформа уже была. Ее произвели «святые» Франциск и Доминик, создав свои монашеские ордена. В кн. III, гл. V «Discorsi» Макиавелли вскрывает смысл этой реформы и оценивает ее результаты. Реформа обновила христианство и сохранила католичество. Благодаря ей, — говорит Макиавелли, — «религия наша существует до сих пор, несмотря на порочность духовенства и глав ее». Но этой реформы мало, она только подкрепила церковь, не искоренив ее недостатков. «Оттого духовенство бесчинствует, как только может, не боясь наказания, которого не видит над собой и которому не верит» [2].

Мы видим, как здесь соединяются идеи гуманизма и реформации, для того времени идеи передовые, означавшие радикальный разрыв с феодальным обществом и переход к новому капиталистическому строю. Но Макиавелли выдвигает реформу христианства по существу только как политическое мероприятие. В интересах нового государства нужна новая форма религии, которая бы лучше воспитывала граждан этого нового государства. Нужна, говоря словами Маркса, «буржуазная разновидность христианства» — протестантизм или что-нибудь вроде него.

В общем же и целом Макиавелли очень мало религиозен, его позиция вполне материалистическая, это — «перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия» (Энгельс — старое введение к «Диалектике природы»).

Маркс выписал эти места из «Discorsi», наверное, в связи с изучением эпохи реформации в Германии, потому что в характеристике феодалов у Макиавелли есть такие черты, которые сохранились в новых формах в современной Марксу, еще не вполне расставшейся с феодализмом Германии.

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 159.

[2] «Discorsi», русск. перев., стр. 370—371.

II. Макиавелли и государство новой эпохи

Другой ряд цитат затрагивает те части книги «Discorsi», где Макиавелли характеризует государство нового типа, беря за основу этого типа описанное Титом Ливием римское государство того времени, когда римская культура переживала тот же переход от своего феодализма к своему капитализму.

К этой теме относятся цитаты 4, 5, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 21.

Как установить республику? В согласии с тем, что Макиавелли говорит о феодалах (в цитатах 12 и 13), установить республику можно, только отняв власть у феодалов и при этом истребив их поголовно (см. цитату 14). Только такое решение Макиавелли считал действительным, имея в виду упорство феодалов в борьбе за сохранение привилегий и за восстановление их господства.

В цитате 5-й он говорит о трудностях установления республиканского строя там, где народ привык жить под властью одного монарха. Тут, во-первых, ему все время грозит реставрация власти старого монарха или феодалов, во-вторых, сам он, не научившись еще жить в свободной обстановке, часто начинает делать глупости и вновь попадает в руки своих врагов.

Чтобы отдать дань монархическим церемониям, к которым народ привык, особенно если они связаны с религией, надо их сохранить и после свержения монарха, обратив их в республиканские церемонии (цитата 8).

Очень важным правом в республике Макиавелли считал, следуя примеру римлян, право публичного обвинения чиновников. В Риме каждый гражданин имел право обвинить любого чиновника в нарушении закона. Макиавелли считал это право особенно важным потому, что оно позволяет гражданам открыто высказывать свои взгляды на положение вещей в государстве и этим дает выход наружу возникающему недовольству против правительства. Такое право уменьшает клеветничество и отучает от ложных обвинений, так как клеветник легко обнаруживается при открытом разборе дела (сюда относится цитата 4).

Несколько выписок посвящены вопросу о простом народе, о характеристике народа вообще в сравнении с монархом и характеристике республики в сравнении с монархией.

Маркс выписал заглавие гл. LVII из I книги «Discorsi»: «Простой народ в совокупности силен, а поодиночке слаб» (la plebe insieme è gagliarda di per se è debole) — в единении сила (см. цитату 15).

Что касается отмеченных Марксом замечаний Макиавелли о народе вообще и его роли в государстве, то здесь прежде всего надо остановиться на сравнении народа и монарха. Это сравнение Макиавелли ведет в духе чисто республиканском. Прежде всего народ выше монарха в том отношении, что он лучше выбирает должностных лиц, чем монарх (см. цитату 16). Народ относится серьезно к выборам, к оценке кандидатур на те или иные должности. Его никогда не убедишь — говорит там же Макиавелли,—

что полезно выбрать какого-нибудь подлеца и обманщика, в то время как очень легко убедить в этом государя. Этот пункт, с точки зрения Макиавелли, весьма немаловажен. Во многих местах своих сочинений Макиавелли рассматривает вопрос о подборе людей для занятия тех или иных ответственных постов в государстве. В «Il Principe» он уделяет этому вопросу почти целиком главу XXII этой книги.

В других отношениях народ также выше и достойнее государя. Если мы сравним народ и государя, не сдерживаемых никакими законами, то увидим, что народ в таком случае только неразумен, легкомыслен, а монарх обращается тогда в бешеного самодура. Если же мы сравниваем народ и монарха, подчиненных законам, то народ будет в нравственном отношении выше монарха. Когда оба они «распущены» (sciolto), у народа меньше ошибок, сами ошибки не так уж велики, да и средств исправления их гораздо больше. Народ, когда он волнуется, может легко поддаться увещаниям любого хорошего человека, а с дурным монархом никто не может говорить и против него нет никакого другого средства, кроме как «железо». Последние слова Макиавелли Маркс подчеркнул (см. цитату 17). Они, наверно, тоже легко могли быть приложены к современной Марксу Пруссии или к любому из многих немецких княжеств.

Макиавелли поясняет дальше свою мысль такими психологическими соображениями, на которые также обратил внимание Маркс. Ведь если народ делает глупости, то они опасны не тем, что они сами по себе вредны, а тем, что благодаря создаваемому ими беспорядку может появиться тиран. Если же эти глупости делает тиран, подданные боятся его, но надеются на то, что благодаря его гнусным поступкам, его свергнут, и восторжествует свобода (см. цитату 18).

Последняя цитата (21) относится также к вопросам республиканского строя. Она взята из IX главы III книги «Discorsi», которая является одним из замечательнейших мест всей этой работы Макиавелли. В этой главе он учит, как нужно «изменяться со временем, если хочешь всегда пользоваться счастьем». Люди должны приспособляться к происходящим в обществе изменениям. Иногда события требуют от политических деятелей крайней смелости и решительности, иногда, наоборот, величайшей осторожности и медленности. А так как у людей различны характеры, то часто люди не могут следовать за меняющимися обстоятельствами. В этом отношении республиканский строй также имеет огромное преимущество перед монархическим, так как он, применяясь к обстоятельствам, может менять своих вождей, выдвигая в нужный момент тех, которые больше всего для этого момента подходят. А поэтому и получается, что республика—более устойчивый строй, чем монархия: вследствие многообразия своих граждан она легко приспособляется к многообразию событий, чего не может делать монарх.

Та же мысль подчеркивается цитатой 7.

Все эти выписки рисуют нам Макиавелли последовательным республиканцем.

III. Классовые основы государства по Макиавелли

Последняя группа выписок Маркса относится к анализу общественных основ современного государства. Эти выписки представляют интерес не только для политика, но и для социолога. Чтобы вполне уяснить себе их смысл, надо иметь в виду те общественные отношения, изучение которых дало Макиавелли материал для его выводов. Это были отношения, складывавшиеся в наиболее экономически развитых торговых республиках того времени — Венеции и Флоренции. Изобразив в своей «Флорентийской истории» уничтожение господства феодалов, Макиавелли описывает затем новую борьбу внутри этих республик, причем соотношения классовых сил во Флоренции, в основном, складываются уже совершенно иначе. Образуются три силы. — Первая из них — grandi («большие люди»), бывшая знать, сохранившая свое богатство, но потерявшая свою прежнюю власть и уже начавшая, до некоторой степени, сливаться с буржуазией. Вторая сила — popolani nobili («знатные горожане»), «popolo grasso» («толстый народ»), торговая и ростовщическая буржуазия, известные купеческие фамилии; это тоже своего рода аристократия, но сила ее не в «благородном» происхождении, не в обладании замками — сила ее в деньгах. К ним примыкают, занимая также весьма влиятельное положение в государстве, мастера ремесленных цехов (principi delle arti) и, повидимому, даже целиком все наиболее привилегированные старшие цехи (arti maggiori). Третья сила, это — простой народ — la plebe или infima plebe, который иногда называется у Макиавелли «popolo minuto» («мелкий народ»); это — главным образом, ремесленники младших цехов (arti minori), подмастерья и ученики всех цехов.

Крестьяне во всей истории классовой борьбы во Флоренции, описанной Макиавелли, как будто отсутствуют. Мы встретили только одно ясное указание, что крестьяне были вовлечены в борьбу горожан. Это было во время столкновения между гвельфами и гибеллинами в самом начале XIV столетия. Крестьяне были привлечены к делу защиты Республики и умиротворения враждовавших между собой феодалов [1].

Постепенно выступает на первый план противоречие между экономически господствующим классом, капиталистами, и простонародьем. Начинается борьба. Буржуазия держится за власть. Будет ли это власть какого-нибудь правителя Республики, вроде Козимо Медичи, первого банкира Европы, или какого-нибудь Совета десяти, или демократии, при которой народ голосует за того же Медичи и его компаньонов — это все равно. Принадлежа по своему классовому положению к popolani nobili, Козимо Медичи выдвинулся как сторонник «мелкого люда»; он умел управлять при помощи всеобщего голосования, когда «избирательные урны были полны записок с именами его друзей». Но потом, укрепив свое положение,

---

[1] «Флорентийская история», кн. II. См. Opere, v I. pp. 87, 88.

он поручил избранному народом гонфальоньеру — «блюстителю закона»— собрать на площадь простой народ, окружить его вооруженной силой и заставить вынести те решения, которые он, Медичи, и его сторонники считали нужным провести в жизнь [1]. С точки зрения господствующего класса можно было вводить любую демократию, лишь бы она оставляла в неприкосновенности его власть. Если же это никак не удается, можно пойти и на единоличную власть Медичи, лишь бы он отстаивал интересы господствующего класса.

Макиавелли приводит много образцов демагогии буржуазии, ее уменья обманывать простой народ, привлекая его разными обещаниями, громкими титулами избираемых им властей, народными праздниками и т. д.

Что касается простонародья, то оно искренне стремится к полной, не формальной только, а фактической демократии, но обычно оно оказывается мало способно управлять. Простой народ чувствует «ненависть к богатым гражданам и главам цехов» [2], но он беден, измучен налогами и назойливостью власть имущих. Его положение иногда таково, что ему становится все равно, грабят ли его свои соотечественники или иностранцы. Тем не менее, бывают моменты, когда он добивается власти. Так было во Флоренции в 1378 г., во время так называемого восстания «чомпи».

Макиавелли описывает движение ремесленников, разработку их требований, подготовку выступления, ночные собрания, агитационные речи, наконец само восстание и захват власти партией младших цехов во главе с рабочими шерстяных мануфактур и мастерских. С 1378 по 1381 г. продолжалось господство простонародья, а затем к власти вернулись вновь буржуазные элементы. Все это движение Макиавелли описывает как будто объективно, но на самом деле он относится отрицательно к господству простого народа, так как оно неизбежно приводит к устранению от власти капиталистов, «богатых граждан», а без их участия государство не может быть хорошо устроено. В то же время он—противник власти Медичи, представляющей собой олигархию. Отсюда наклонность Макиавелли к «умеренной демократии». Только из известного равновесия двух классов — капиталистов и простонародья, на основе противоречия их интересов, родятся настоящие республиканские вольности, создается такая система противовесов, благодаря которой человек сохраняет в республике свою гражданскую свободу. Правда, для этого нужно известное экономическое поравнение. Но его можно закрепить тоже только в республике. Там, где неравенство слишком велико, феодалы сохраняют свое влияние, и это создает благоприятную почву для монархии. Если монарх захватит власть в республике, где господствовало известное равенство, и захочет закрепить за собой эту власть, он должен наделить имуществом своих сторонников и создать из них новую служилую знать, иначе он не будет иметь опоры в народе, привыкшем к равенству и свободным учреждениям. В правильно

[1] Там же, кн. VII. См. Opere, v. II, p. 146.

[2] Там же, кн. III. См. Opere, v. I, p. 164.

построенном государстве простой народ не должен быть угнетен. Наоборот, когда какой-нибудь правитель хочет создать такое государство, он должен ориентироваться на народ, и именно на простой народ, так как только последний составляет большинство и хочет немногого. Такому правителю не следует рассчитывать на «больших людей»; их огромные аппетиты он никогда не удовлетворит, и всегда часть этих людей будет против него.

Все эти выводы Макиавелли получил не только из фактов истории Флоренции, но изо всех данных, которыми он располагал на основании изучения государств античного мира и своего широкого практического опыта.

Поэтому в предисловии к «Флорентийской истории» он считает главным недостатком своих предшественников (Леонардо Аретино и Поджио Браччолини) то, что они недостаточно выясняют «гражданские несогласия», «раздоры», «ненависть», «разделения», которые возникают внутри каждого государства, между различными классами и группами его граждан. Он ставит своей основной задачей во «Флорентийской истории» вскрыть причины этих «гражданских несогласий», изображая последовательно противоречия внутри феодалов, между феодалами и народом вообще, наконец, внутри самого народа, между его высшим и низшим классом.

Так подходит Макиавелли к вопросу о классовом содержании государства. К этой теме относятся из печатаемых ниже выписок Маркса следующие: 1, 2, 3, 6, 9, 10, 11.

1-я цитата выражает тот взгляд Макиавелли (впоследствии развитый Вико в его «Новой науке»), что в Риме борьба между патрициями и плебеями была причиной свободы граждан, и делает вывод, что во всякой республике есть два различных направления (duoi umori diversi) — одно простого народа, другое господствующего класса, и все законы в пользу свободы возникают из этого разделения.

2-я цитата подчеркивает, что в основе политической борьбы лежит борьба за собственность. В политической борьбе наиболее активны собственники (chi possiede); они боятся потерять свою собственность под давлением народа, который желает ее приобрести. Тут ярко выступает экономическое объяснение политической борьбы, которое мы не раз встречаем в сочинениях Макиавелли.

3-я цитата оценивает мифическое законодательство Ликурга, разрешившего, якобы, задачу создания устойчивого государства. Тут интересна мысль о том, что для укрепления республики Ликург установил равенство имущества (egualità di sustanze).

6-я цитата развивает ту же мысль, что и 3-я, но только в перевернутой форме: развращение и неспособность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства. Тут же подчеркивается, что в государстве, где все это налицо, нужны самые крайние меры (grandissimi straordinarij) для восстановления равенства, т. е. подчеркивается значение революционных средств.

9-я цитата должна была бы начаться с той фразы, которая у Макиавелли стоит прямо перед словами, выписанными Марксом. Эта фраза такая: «*Люди ценят больше имущество, чем почести*». Затем следует ссылка на римскую практику борьбы патрициев с плебеями, говорящая, что патриции всегда уступали без особой борьбы плебеям различные почести, но, когда дело коснулось их имущества, они защищали его крайне упорно.

10-я цитата касается того места в «Discorsi», где Макиавелли, следуя за Титом Ливием, разбирает неправильную тактику римского деятеля времен борьбы плебеев с патрициями — Аппия, который оперся не на народ, а на аристократическую партию.

11-я цитата выражает тот же круг мыслей в интересном афоризме. Макиавелли приводит здесь слова неаполитанского короля Фердинанда Аррагонского, который говорил, что люди, как маленькие хищные птицы, так увлекаются ловлей своей добычи, что не замечают подстерегающей их более крупной хищной птицы. Этот афоризм дает прекрасное изображение капиталистической конкуренции, где хищник побивает хищника.

IV. Тираноборческие идеи Макиавелли

В своих сочинениях Макиавелли не раз описывает заговоры. В «Discorsi» есть большая глава (VI глава III книги), посвященная специально заговорам. В ней Макиавелли суммирует все свои знания, а отчасти и свой практический опыт [1] в этой области. Его родная Флоренция считалась ненавистницей тирании как у себя дома, так и у соседей; вполне естественно поэтому, что многие из ее политических деятелей были сторонниками заговорщической тактики против тиранов и монархов всякого рода. Когда Макиавелли было девять лет, один из правителей Флорентийской республики, Джулиано Медичи, был убит в церкви, а другой — Лоренцо — ранен в результате заговора Пацци. Во время похода французов в Италию Медичи были свергнуты, была восстановлена демократия, с которой и связал всю свою жизнь и деятельность Макиавелли. Когда Медичи вернулись обратно, Макиавелли подвергся аресту, пытке (6 ударов плетьми) и высылке из Флоренции. Он принял участие в неудавшемся заговоре против Медичи, после чего и пытался, без особого, впрочем, успеха, с ними примириться. Описывая организацию и технику заговоров, Макиавелли считает их чрезвычайно рискованным средством борьбы и во всяком случае таким, которое требует исключительных условий для достижения успеха.

Поэтому в большинстве случаев выгоднее открытое, решительное и смелое выступление против тирана. Но для этого нужно опираться на достаточную силу. Если же ее нет, тогда приходится итти путем заговора.

---

[1] Он два раза обвинялся в заговорах против господствовавшей во Флоренции буржуазной олигархии.

Правила конспирации Макиавелли преподает, между прочим, также и в III книге «Discorsi», в главе II под остроумным заголовком: «Как умно иногда притвориться дураком».

«Надо всячески стараться войти к монарху в милость, надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели, надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату...» Это предохранит жизнь заговорщику и поможет ему «достигнуть своей цели, низвергнув монарха при удобном случае» [1]. Сюда и относится приводимая ниже 20-я цитата Маркса из «Discorsi», заключающая в себе еще несколько полезных правил конспирации, применявшихся в то обильное революционными потрясениями время.

Мы видим, таким образом, что Маркс извлек из «Discorsi», несомненно, интересный и значительный материал. Хотя цитаты, выписанные Марксом, не захватывают всех основных идей Макиавелли, но они могут служить основой для изучения некоторых сторон политических и социологических взглядов этого крупнейшего политического писателя своей эпохи, у которого и в наши дни есть чему поучиться.

В. Максимовский.

---

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 372.

ВЫПИСКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ МАКИАВЕЛЛИ

1

... Я нахожу, что осуждать столкновения между аристократией и народом значит порицать первые причины свободы Рима; это значит обращать больше внимания на ропот и крики, возбуждаемые этими столкновениями, чем на полезные их последствия. Рассуждающие таким образом не видят, что в каждой республике всегда бывают два противоположных направления — одно — народное, другое — высших классов; из этого разделения вытекают все законы, издаваемые в интересах свободы.

(стр. 132.) [1]

2

... Очевидно, однако, что перевороты чаще вызываются людьми состоятельными, потому что страх потери порождает в них те же страсти, которыми одержимы стремящиеся к приобретению.

(стр. 136.)

3

... Ликург своими законами установил в Спарте большее равенство имуществ и меньшее равенство положений.

(стр. 138.)

4

... Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клевещут же на них на улицах и площадях.

(стр. 146.)

5

Бесчисленные примеры из древней истории доказывают, как трудно народу, привыкшему жить под монархической властью, сохранять потом свободу, если он приобрел ее по какому-нибудь случаю, как приобрел ее Рим по изгнании Тарквиниев. Трудность эта понятна; потому что такой на-

---

[1] Выписки приведены по русскому переводу под ред. Курочкина («Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия» соч. Н. Макиавелли. СПБ. 1869 г.). Текст Курочкина был нами несколько исправлен. Подлинные выписки сделаны Марксом из немецкого издания: Niccolo Machiavelli's Sämmtliche Werke, übers. v. Joh. Ziegler. I Band. Karlsruhe 1832. — *В. М.*

род не что иное, как грубое животное, которое, хотя свирепо и дико, но вскормлено в тюрьме и в рабстве. Если его вдруг выпускают на свободу в поле, то оно, не умея найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычею первого, кто захочет вновь им овладеть.

(стр. 167.)

6

... Развращение и малая способность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры.

(стр. 172.)

7

... Пока Римом правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителе слабом и порочном.

(стр. 179.)

8

... Кроме того в Риме ежегодно совершалась одна религиозная церемония, которую мог совершать только сам царь; когда царей не стало, римляне заботились, чтобы народ не пожалел из-за этого о каком-нибудь из древних обычаев; поэтому они учредили должность председателя этой церемонии, назвав его царь-жрец и подчинив его верховному первосвященнику.

(стр. 187.)

9

... Римская аристократия всегда без особенного сопротивления уступала народу почести; но когда дело коснулось имуществ, она стала защищать их так упорно (что народу для удовлетворения своего желания пришлось прибегать к чрезвычайным мерам) [1].

(стр. 212.)

10

... Хотя знатные любят властвовать, но та часть знати, которая не участвует в тирании, всегда враждебна тирану, и он никогда не может вполне расположить ее к себе.

(стр. 221.)

11

... Люди, говорил король Фердинанд, похожи на мелких хищных птиц, которые так увлекаются преследованием добычи, что не замечают, как на них готовится кинуться и убить их другая, более сильная, птица.

(стр. 223.)

---

[1] Взятое в скобки опущено Марксом.

12

Чтобы объяснить, кого я разумею под именем *дворян* [1], замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране; из них особенно вредны те, которые имеют сверх того замки и покорных подданных. Королевство неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардия полны подобными людьми. В таких странах не может быть ни республики, ни вообще какой бы то ни было политической жизни, потому что эта порода людей — *заклятый враг всякой гражданственности* [2].

(стр. 248.)

13

... Там, где общество настолько развращено, что его нельзя обуздать законами, нужна более действительная сила, т. е. рука короля.

(стр. 248.)

14

... Тот, кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех; с другой стороны, тот, кто хочет основать королевство или княжество там, где господствует равенство, не сможет этого сделать, если не нарушит равенства, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами и притом не номинально, а действительно, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, он при их помощи сохранял свою власть, а они при его помощи удовлетворяли бы свое честолюбие.

(стр. 249.)

15

Народ в совокупности силен, а в отдельности слаб.

(стр. 251.)

16

... Также при выборе чиновников народ действует гораздо удачнее государя.

(стр. 256.)

17

... Государь, имеющий возможность делать все, что ему вздумается, превращается в бешеного самодура, а народ, могущий делать, что хочет, только неразумен. Поэтому, если сравнить государя и народ, связанных законами, видишь, что народ лучше; точно так же и несвязанный законами

[1] Подчеркнуто Марксом.

[2] Тоже.

народ реже впадает в ошибки, чем государь; сами ошибки его меньше, и средств к их исправлению больше. Это потому, что распущенный и бунтующий народ легко может поддаться уговорам хорошего человека и возвратиться на правильный путь, а с государем *дурным никто не может говорить, и против него нет никакого средства, кроме железа* [1].

(стр. 257.)

18

... Когда народ предается своеволию, то боятся не тех безумств, которые он творит, и страшатся не того зла, которое он может наделать в настоящую минуту, а того зла, которое может возникнуть впоследствии от того, что во время таких смут может появиться тиран. Иное дело с дурным правителем; тут все боятся зла в настоящем, а на будущее время надеются, что его дурная жизнь приведет к восстановлению свободы.

(стр. 257.)

19

Размышляя о том, почему в древние времена народы были больше нашего преданны свободе, я прихожу к убеждению, что это зависит от той же причины, по которой нынешние люди менее сильны: это, мне кажется, зависит от разницы воспитания, которая в свою очередь проистекает от различия религии, древней и нашей. Наша религия показывает нам истину и правильный путь жизни, чем заставляет меньше ценить мирские выгоды, а так как язычники их очень ценили и видели в них свое высшее благо, они в своих поступках были более жестоки, чем мы. Это можно видеть по многим обычаям древних, начиная с великолепия их жертвоприношений и скромности наших, в которых обряды отличаются больше чувством, чем великолепием, и не имеют в себе ничего жестокого и возбуждающего храбрость. Обряды их были пышны и торжественны, но сопровождались кровопролитием и жестокостями; они убивали множество животных, и эта ужасная бойня возбуждала кровожадность людей. Кроме того древняя религия боготворила только людей, покрытых мирской славой, как, например, полководцев и правителей государств. Наша религия признает святыми большею частью людей смиренных, более созерцательных, чем деятельных. Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому, в отречении от жизни, тогда как языческая религия полагала его в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным. Наша религия, если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще.

(стр. 272—273.)

---

[1] Подчеркнуто Марксом.

20

Стало быть, надо притвориться дураком, как Брут. Притворство это именно в том и состоит, чтобы хвалить, утверждать, рассуждать, поступать против того, что думаешь, с целью подольститься к государю.

(стр. 373.)

21

... Республика имеет больше жизненных элементов и пользуется дольше счастием, чем монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше приспособляться к различным обстоятельствам времени, чем государь.

(стр. 405.)

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

РУССКИЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКАХ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИХ ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ)

I

П. Лафарг в своих воспоминаниях о К. Марксе указывает, что всякий, кто захочет по-интимному войти в обстановку умственной жизни Маркса, обязательно должен познакомиться с рабочей лабораторией последнего — с его рабочим кабинетом и библиотекой.

«Маркс и его комната, — говорит Лафарг, — составляли одно целое, а книги и тетради повиновались ему, как его собственные члены. В расстановке книг он не соблюдал внешней симметрии: фолианты, книги и брошюры жались друг к другу; размещая их, он имел в виду не величину, а содержание. Книги были для него не предметом роскоши, а орудием умственного труда. «Они мои рабы и должны мне служить по моему желанию». Он не щадил их, не считался ни с их форматом, ни с роскошным переплетом, ни с красотой бумаги или печати; он загибал края, покрывал поля карандашом, подчеркивал строки. Обыкновенно он не делал на книге заметок, но иногда, если автор уж слишком увлекался, не мог удержаться от того, чтобы не поставить вопросительного или восклицательного знака. Его система подчеркивания давала ему возможность поразительно легко находить в книге нужные места».

К сожалению, ближайшие наследники К. Маркса — и среди них на первом месте должны быть названы Ф. Энгельс и автор только что цитированных нами воспоминаний, П. Лафарг — не смогли в должной мере оценить все значение этой рабочей лаборатории теоретика научного социализма. И в итоге библиотека К. Маркса, равно как и библиотека его друга и соратника, Ф. Энгельса, — а все сказанное нами о библиотеке Маркса, конечно, в равной мере относится и к библиотеке Энгельса, — оказалась разбросанной по целому свету, и теперь, когда Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, в своей работе по подготовке полного собрания их сочинений, приступил к разработке вопроса о судьбе этих библиотек, ему сплошь и рядом приходится наталкиваться на препятствия, преодолеть которые вряд ли удастся.

Хорошим образчиком общих «превратностей судьбы» этих библиотек является судьба их русских отделов, которые для русского читателя, естественно, представляют особый интерес, ибо в этой области все еще следует ожидать находок, которые осветят до сих пор далеко не изученные вопросы об отношении Маркса и Энгельса к развернувшимся на их глазах событиям в России, к тактике различных русских революционных группировок, к общим проблемам экономического развития нашей страны.

Русские отделы в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса были. Известно, что оба они специально изучили русский язык, — для того, чтобы иметь возможность в подлинниках следить за русскою литературою. Их русские друзья, знавшие об этом их интересе к России, охотно снабжали их русскими книгами, а когда К. Маркс для III тома своего «Капитала» решил проработать вопрос об аграрных отношениях в России, то поток

присылаемых ему русских книг принял прямо ужасающие — для судьбы «Капитала» — размеры. Благодаря этому, особенно в библиотеке К. Маркса, русский отдел был довольно обширен.

Распыление этого отдела началось немедленно уже после смерти К. Маркса. Душеприказчики последнего, Ф. Энгельс и Элеонора Маркс, через несколько месяцев после смерти К. Маркса решили бо́льшую часть книг русского отдела его библиотеки передать П. Л. Лаврову. Из писем последнего к Энгельсу (письмо от 30 января 1884 г.) видно, что эта передача состоялась уже в начале 1884 г. и что библиотека эта была передана не П. Л. Лаврову лично, а в его лице русской социально-революционной (как тогда говорили) партии; об этом свидетельствует сам П. Л. Лавров, благодаря в этом своем письме Энгельса и Э. Маркса за книги, присылаемые ему «Pour le parti russe»; сообщая дальше, что он поставит их в свою библиотеку, П. Л. Лавров поясняет, что последняя открыта для пользования всем занимающимся русским.

Никакой описи переданных П. Л. Лаврову книг составлено не было, — по крайней мере, мы нигде не нашли упоминания о таковой, — и вообще о ценности этой части библиотеки К. Маркса, под интересующим нас углом зрения, мы не знаем почти ничего. Только С. Ан—ский (Раппопорт) опубликовал в 1903 году в «Русской мысли» в высшей степени любопытные замечания, набросанные К. Марксом на полях известных статей П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», показав тем самым, какие клады можно находить в книгах из библиотеки К. Маркса. Но С. Ан—ский, как указал недавно Д. Б. Рязанов [1], использовал не все замечания К. Маркса, даже из числа сделанных на полях названной книги. О замечаниях на других книгах этой части марксовой библиотеки мы пока вообще ничего не знаем, — а в том, что они имелись, сомневаться нельзя.

После смерти П. Л. Лаврова его библиотека пошла в «черный передел»; часть ее попала в парижскую Тургеневскую библиотеку; часть долго сохранялась в качестве отдельного фонда, — так называемой Лавровской библиотеки; эта последняя года три-четыре тому назад перевезена в Прагу и вошла составной частью в большую русскую публичную библиотеку, организованную там русским «Земско-городским союзом»; наконец, не мало книг просто разбрелось по рукам и погибло бесследно, как, повидимому, погибли бывшие в распоряжении С. Ан—ского статьи П. В. Анненкова.

Вместе со всей библиотекой П. Л. Лаврова в этот «черный передел» попала и русская библиотека К. Маркса, — об особом условии, на котором она была передана П. Л. Лаврову, за давностью лет все позабыли, — и теперь, чтобы найти ее следы, нужно обыскать парижские и пражские библиотеки.

Не многим благосклоннее была судьба к другой части русской библиотеки К. Маркса. Вначале ее оставил у себя Ф. Энгельс; поскольку можно сейчас судить, этот последний оставлял у себя те книги, относительно которых он мог предполагать, что они пригодятся ему для работы над рукописями К. Маркса. После смерти Ф. Энгельса эта часть библиотеки К. Маркса, вместе со всей библиотекой Ф. Энгельса, перешла во владение германской с.-д. партии и была привезена в Берлин. Опись на эту библиотеку при ее приемке, правда, была составлена, но потом затеряна, и в настоящее время найти ее не представляется возможным; о том, что имеет смысл со-

[1] *Д. Б. Рязанов*, Очерки по истории марксизма, II, стр. 90, прим.; Государственное издательство М.-Л. 1928.

хранить эту библиотеку целиком как самостоятельный фонд, который будет ценен не только ценностью каждой отдельной, в него входящей книги, но и своим общим каталогом, знакомящим с кругом интересов владельцев библиотеки, в то время никто не думал. Библиотека эта тоже пошла в «черный передел». Часть книг из нее была включена в библиотеку архива германской с.-д. партии, в значительной степени затерявшись среди общей массы почти в 40 000 томов этой библиотеки. Другая часть, — дублеты по сравнению с уже имевшимися в библиотеке книгами и просто «ненужные» архиву, по мнению его тогдашних руководителей, книги (в число этих «ненужных» попала, например, бо́льшая часть собранных Энгельсом книг по военным вопросам, а также по истории аграрных отношений), — ушла почти бесследно: часть книг из нее была пущена в обмен, часть передана в другие библиотеки, часть просто затеряна. Зная тогдашнее положение дел в с.-д. партии, — обилие стоявших перед нею задач, крайнюю ограниченность интеллигентных сил,— можно понять причины этого более чем непростительного отношения к библиотеке, но примириться с ним, конечно, трудно и теперь.

Общую судьбу этой библиотеки разделил, конечно, и русский отдел ее. В первое время по получении этих книг в Берлине ими заинтересовалась Роза Люксембург, которая и разбирала их первая из только что распакованных ящиков; но она, само собой разумеется, каталогизаторской работой не занималась. Только зимою 1900—1901 гг. принялись более или менее систематично за разборку этой части библиотеки, причем к этой работе был привлечен кружок живших тогда в Берлине социалистически настроенных русских студентов; в состав этого кружка входили А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, М. С. Тумаркина (ныне Цетлина) и др. Кружок за эту работу взялся,— один из его членов, В. М. Зензинов, в письме к автору настоящего обзора сообщает об этой работе некоторые, не лишенные интереса детали:

«Несколько вечеров, — пишет Зензинов, — провели мы за разборкой этой библиотеки. Задача заключалась в том, чтобы нанести на карточки заглавия имеющихся русских книг как на русском, так и на немецком языках. Отчетливо припоминаю две комнаты; возможно,что их было и три. Книги стояли по полкам, но кое-что — особенно брошюры и журналы — были свалены и по углам. Во всяком случае их должно было быть много сотен, если не несколько тысяч. В числе этих книг ясно помню книги экономического содержания — отчетливо припоминаю, например, книги «Современника» со статьями Чернышевского, «Отечественных записок» со статьями Зибера, книгу Флеровского-Берви «Положение рабочего класса в России»; последняя книга в России была конфискована — отчасти поэтому я ее хорошо запомнил в библиотеке Маркса. Кроме того, помню ее еще потому, что она вся была испещрена заметками Маркса— чернилами. Заметки эти были на немецком языке и написаны таким характерным острым почерком Маркса, что я его помню и сейчас. Кроме того, видимо, по этой книге (как и по многим другим) Маркс изучал русский язык — методом, который я встретил только здесь и который сам я по этому примеру позднее успешно применял при изучении иностранных языков. А именно: встречая незнакомое слово, Маркс ставил над ним цифру и значение этого слова выписывал здесь же на полях под соответствующими цифрами по-немецки. Этим соблюдалась экономия в выписывании слов в отдельную тетрадку, и, кроме того, при вторичном просмотре легче было из общей связи фразы догадаться и запомнить смысл каждого выписанного слова. Благодаря такому способу многие русские книги, которые читал Маркс, были испещрены на полях сплошной сеткой выписанных слов. Толстая книга Флеровского была вся таким образом проработана Марксом. Но, как я выше сказал, Маркс очень охотно вообще делал примечания на полях и по существу прочитанного, причем припоминаю, что нередко эти примечания носили чрезвычайно резкий и язвительный характер. Я уже тогда обратил внимание на особенность книг, которыми Маркс пользовался, — видно было, что книг, над которыми Маркс работал, он не жалел, оставляя на них крепкую печать своей работы. Для историка Маркса эти примечания — весьма обширные—на полях книг должны бы были представить большой интерес.

Кроме книг по экономике, в этой библиотеке было весьма большое количество революционных изданий — русских и заграничных, — брошюр, книг, журналов и газет. Видно было, что Маркс следил внимательно за выходившей литературой и старательно ее изучал — она также всюду имела многочисленные следы руки Маркса (также всегда чернилами).

Во второй вечер наших занятий нас, помню, посетил Зингер; кажется, библиотека находилась в комнатах одного из социал-демократических немецких учреждений. Зингер, по крайней мере, зашел к нам, проходя через эти комнаты, — с каждым он добродушно-милостиво поздоровался и похлопал по плечу.

Уже тогда, несмотря на свою молодость, — мне было 20 лет, другим из нашего кружка было 18—19 и никому свыше 21 года, — я сознавал, что к этой библиотеке у немецких социал-демократов не имелось достаточно бережного отношения. Я понимал также, что за разборку этой библиотеки должны были взяться люди гораздо более нас компетентные... Уже тогда отметил я в своем сознании следующий характерный комический штрих: известная пропагандистская брошюрка 70-х годов «Хитрая механика» была занесена одним из нас на карточку под названием «Die listige Mechanik» — уже позднее кто-то, более компетентный и в немецком языке и в содержании брошюры, переделал это название в «Die schlaue Erfindung».

«Проработали» мы за переписью библиотеки Маркса несколько вечеров и, насколько помнится, прекратили эту работу по собственному желанию — просто надоело копаться в пыли...

Что стало дальше с этой библиотекой, продолжал ли затем кто перепись, была ли она закончена — не знаю».

Начатую этим кружком работу потом продолжали другие, — карточный каталог русского отдела библиотеки Parteiarchiv'а представляет собой коллекцию разнообразных почерков, — но библиотека от такого разнообразия работавших над нею лиц едва ли выиграла. В цитированном письме В. М. Зензинова говорится о «многих сотнях, — если не нескольких тысячах», которые стояли на полках и лежали по углам в двух, а может быть в трех комнатах. Теперь — увы! — русских книг из библиотек Маркса и Энгельса в библиотеке Parteiarchiv'а осталось много меньше, — не больше 200 — 230 названий, которые робко жмутся на незаполненных целиком четырех полках по $1^1/_2$—2 аршина каждая. Даже если допустить некоторое, вполне понятное на расстоянии четверти века преувеличение числа книг В. М. Зензиновым, то все же разница между тем, что было в 1900 — 1901 гг,. и тем, что есть теперь, — слишком несомненна. Куда ушли остальные книги, — нам не известно.

Но кроме этого распыления библиотеки тогдашние руководители архива германской с.-д. партии проделали над нею еще одну операцию, объяснить или оправдать которую не сможет ни один культурный человек: книги были отданы в переплет, и переплетчик, обрезая книги, испортил, а порою и совсем срезал многие из имевшихся на полях замечаний К. Маркса; в книге, например, И. И. Кауфмана о банках, о которой нам еще придется говорить подробно ниже, погибло не меньше половины всех интересных замечаний Маркса; от них часто сохранились одни концы или одни начала слов, восстановить по которым подлинный текст марксовых реплик удается далеко не во всех случаях. Этой операции избегли лишь те книги, которые были переплетены их прежними владельцами, — правда, к их числу относятся такие интересные для нас книги, как Флеровский, Зибер и некоторые другие.

И за всем тем тот небольшой отрывок русских библиотек К. Маркса и Ф. Энгельса, который хранится ныне в архиве германской с.-д. партии, дает целую массу интересного для исследователя материала.

II

Интерес для исследователей русская библиотека К. Маркса и Ф. Энгельса представляет в трех отношениях.

Прежде всего интересен ее состав, ибо этим путем мы можем с большою степенью точности определить круг русских вопросов, интересовавших владельцев этой библиотеки, и степень их знакомства с русскою литературою. Так как Лондон тех лет не располагал доступными для Маркса

и Энгельса русскими библиотеками, то можно без риска сильно ошибиться принять, что круг прочитанных ими русских книг очерчивается рамками каталога их русской библиотеки [1].

Другой интересный для исследователя вопрос — это вопрос о путях, которыми доходили до Маркса и Энгельса русские книги. Этот вопрос вплотную подводит нас к еще мало изученному вопросу о русских знакомствах и связях Маркса и Энгельса. Для исследования в этом направлении автор настоящего сообщения привлек, помимо печатного материала, также и неизданные материалы из архивов К. Маркса и Ф. Энгельса, — письма к ним их русских знакомых П. Л. Лаврова, Г. А. Лопатина, Н. Каблукова и др.

Но, конечно, главный интерес для исследователя представляют сохранившиеся на книгах замечания, отметки и подчеркивания Маркса и Энгельса, — на них мы и остановимся ниже наиболее подробно.

К сожалению, изучение библиотек Маркса и Энгельса под этим последним углом зрения представляет особенные трудности. Ведь мы беремся за изучение заметок и отметок этих лиц после того, как их библиотеки в течение добрых 20—25 лет были доступны для пользования сравнительно широкого круга лиц, которые тоже могли делать, — и действительно делали, — отметки на читаемых ими книгах. Хорошо, если это были надписи, — почерки Энгельса и особенно Маркса можно отличить от почерков посторонних лиц. Но для исследователя интерес представляют не только *замечания* Маркса и Энгельса, — для него интересны также и все другие их *отметки* и даже простые *подчеркивания* в книгах отдельных мест и слов.

Отделить же такие отметки и подчеркивания Маркса и Энгельса от позднейших наслоений подобного рода, конечно, много труднее, чем различить почерки. Особенно это трудно в отношении Энгельса. Почерк К. Маркса был настолько своеобразен, что его характерные особенности бросаются в глаза не только в каждой односложной его реплике, но и даже в большинстве его отметок и простых отчеркиваний (неровная, как бы узловатая линия).

С Энгельсом дело обстоит много хуже. Как видно по немецким и др. книгам его библиотеки, он так же, как и Маркс, любил писать свои замечания на полях читаемых книг; но в сохранившихся русских книгах таких замечаний, которые можно было бы определить как бесспорно сделанные им [2], не имеется ни одного,—если не считать переводов встречавшихся ему при чтении незнакомых русских слов. Что же касается до отчеркиваний и подчеркиваний, то они у Энгельса столь мало характерны, что установить точно, сделаны ли они им или кем-либо из читавших книгу после него, совершенно не представляется возможным, — можно лишь высказывать догадки.

К тому же и характер огромного литературного наследия Энгельса таков, что его труднее привлекать для проверки и контроля в подобных

---

[1] Наоборот, именно в Лондоне имелась богатейшая русская библиотека — как легальных, так и нелегальных книг. Это — русский отдел Британского музея. — *Прим. ред.*

[2] Единственное замечание по существу, которое, *возможно*, принадлежит Ф. Энгельсу, это пометка на полях № 1 «Колокола» от 2 апреля 1870 г. (редакция М. А. Бакунин, С. Г. Нечаев и др.). Здесь в передовой статье от редакции карандашом отчеркнута фраза: «Мы не отрицаем отнюдь пользы теоретических рассуждений» и на полях тем же карандашом — почерком, похожим на почерк Энгельса,— написано: «Sehr gnädig!» («Очень милостиво!»). О том, что этот номер «Колокола» Энгельс просматривал, есть указания в переписке Маркса и Энгельса (см. «Briefwechsel», т. IV, стр. 287—288).

сомнительных случаях. В то время как у Маркса тетради с выписками из прочитанных книг нередко дают возможность найти в них не только бесспорное подтверждение самого факта чтения им данной книги, но и позволяют часто установить, что данное место подчеркнуто именно Марксом (оно нередко оказывается в тетрадях в переводе, а порою и с критическими замечаниями [1]),— в рукописном наследстве Энгельса не имеется ничего, подобного этим марксовым тетрадям.

III

Выделить Ф. Энгельса, как читателя русских книг его библиотеки, вообще очень трудно, — так мало оставлял он отметок и заметок на прочитанных книгах.

Как известно, впервые он начал заниматься русским языком в дни крымской войны, в 1854 — 1856 гг. В его библиотеке сохранились два издания, носящие следы его тогдашних работ: известная листовка А. И. Герцена: «Юрьев день! Юрьев день!» (изд. 1853 г.) и его же воспоминания о «Тюрьме и ссылке» (изд. 1854 г.). Повидимому, это были одни из первых, если не прямо первые, русские книги, прочитанные Энгельсом; за это говорит количество встречавшихся Энгельсу при чтении незнакомых русских слов: как указано выше, в письме В. М. Зензинова, Энгельс, как и Маркс, тут же на полях книги давал переводы этих слов, и по их количеству можно всегда безошибочно судить о степени его знакомства с русским языком в момент чтения данной книги. По этому же признаку можно сделать вывод, что из этих двух книг первым был прочитан «Юрьев день».

В течение последующих двух десятилетий Энгельс так редко брался за русские книги, — если вообще он за них брался в эти годы, — что русский язык им был совершенно забыт. За это говорят как прямые указания самого Энгельса в его письмах к К. Марксу [2], так и обилие переводов русских слов в книгах, читанных им в 1874 году. Впрочем, русских книг, изданных за период до 1870 г. (когда Маркс овладел русским языком), в имевшейся в нашем распоряжении части библиотеки вообще очень мало, да и из тех, которые имеются, для большинства можно с несомненностью доказать, что они получены значительно позднее, и притом не Энгельсом, а Марксом.

Вновь вернулся к русскому языку Энгельс, повидимому, только в связи со своею работою над статьями об «Эмигрантской литературе» для «Volksstaat'a», т. е. летом 1874 г. [3]. Во всяком случае ближайшие следы его работы встречаются на полях именно тех книг, которые он цитирует в этих последних статьях, — а именно на полях полемических брошюр П. Н. Ткачева («Задачи революционной пропаганды в России», апрель

[1] В задачи нашего сообщения о русских книгах в библиотеках Маркса и Энгельса, конечно, не входит обзор записей о русских книгах в тетрадях Маркса; поэтому мы ими пользовались лишь в немногих случаях, когда это нужно было по ходу изложения.

[2] А именно, 19 января 1870 г., поздравляя Маркса с успехами в русском языке, Энгельс прибавлял, что эти успехи особенно хороши потому, что он, Энгельс, совсем растерял все свои познания в этом языке («Briefwechsel», B. IV, S. 235).

[3] Исключение нужно сделать только одно: очевидно около 1870—1871 гг., когда было так много споров вокруг имени Нечаева, Энгельс начал просматривать № 2 нечаевской «Народной расправы» (в архиве сохранились страницы 9—14 этого издания), но прочел, повидимому, только несколько строк — то примечание на стр. 10, где нечаевская «Народная расправа» заявляет о своей солидарности с «главными положениями» «Коммунистического манифеста». Чтение этих четырех строк Энгельсу далось нелегко, — незнакомыми в них ему оказалось 6 слов, в том числе такие, как «развитие» «статья» и т. д., — и он дальнейшее ознакомление с изданием бросил, — по крайней мере в дальнейшем его надписей не встречается.

1874 г.) и П. Л. Лаврова («Русской социально-революционной молодежи», Лондон 1874 г.).

Каких-нибудь замечаний по существу на этих брошюрах не имеется,— только переводы слов; но брошюра Лаврова позволяет установить, что она прежде чтения ее Энгельсом была прочитана кем-то из русских, по своим взглядам, в известных пределах, сочувствовавшим лавристам; его замечания написаны с явной целью помочь Энгельсу ориентироваться в брошюре Лаврова: в последней, как известно, имеется ряд намеков на Бакунина, Нечаева и других, — все эти намеки указанным русским читателем расшифрованы на полях [1]. Имеется на них и несколько подчеркиваний, сделанных Ф. Энгельсом, — они совпадают с цитатами статьи в «Volksstaat»; особенно тщательно подчеркнуто ткачевское требование о предоставлении каждому почтенному сотруднику журнала «равенства прав и обязанностей во всем, что касается литературной и экономической стороны издания». Вскоре после этих двух брошюр Энгельсом была прочитана брошюра Элпидина: «Фальшивые монетчики, или агенты русского правительства?» (изд. 1875 г.), — на полях ее встречается много переводов, есть и подчеркивания; заметок нет.

На книгах последующих лет следов чтения их Энгельсом не имеется; что он их иногда читал, — об этом есть указания в литературе и в документах [2], — но едва ли он читал их очень много и, во всяком случае, он читал, не реагируя на их содержание пометками на полях. Поэтому главный интерес дальнейшей части библиотеки, поскольку речь идет об Энгельсе, переносится на те нити, которые дает библиотека для раскрытия его русских связей. А этих нитей имеется не мало.

Сведения о том, что Энгельс (и Маркс) владеет русским языком, становились известными все более и более широко, и русские книги ему слали люди как лично с ним знакомые (П. Л. Лавров, Утин, Г. Лопатин, М. М. Ковалевский, Н. Даниельсон и др.), так и никогда его в глаза не видавшие. На некоторых из этих книг имеются пометки авторов, — порой такие пометки представляют значительный интерес.

Целая серия присылок от П. Л. Лаврова открывается его книгой: «Опыт истории мысли», т. I, Петербург, изд. журнала «Знание», 1875 г. На ней Лавровым надписано (по-русски): «Фридриху Энгельсу от автора в знак искреннего уважения».

Почти дословно (только вместо «искреннего» стоит «глубокого») эта надпись повторена на «Государственном элементе в будущем обществе». Позднее надписи делаются менее официальными: на последних присылках (например, «Последовательные поколения», Женева, 1893 г.), стоит:

---

[1] По почерку похоже, что этим русским читателем был Н. Утин; им сделаны, кроме подчеркиваний и разных отметок, также следующие надписи на полях брошюры Лаврова. На стр. 36, против места, где Лавров говорит о проповеди некоторыми революционерами «системы лжи и обмана», — надпись: «Бакунин». На стр. 52, абзац 3-й, против замечания Лаврова о том, что для русских революционеров 40—50-х гг. лишь в самых неясных чертах рисовались основы будущего нового строя, — надпись: «Чернышевский и К°» (впрочем, возможно, что в этой заметке впереди стояла еще совершенно меняющая ее смысл частица «не»: поля срезаны и можно только установить, что какая-то частица впереди имелась). На стр. 53, строки 1—2 сверху, против замечания Лаврова о «великолепном ряде портретов», данных Герценом в «Былом и думах» и «Последних сочинениях», на полях написано: «Герцен... клевет... (окончания обрезаны). На стр. 53, против замечания Лаврова об обращениях «к потомкам Рюрика», надпись: «Бакунин и Нечаев в 1869 г.».

[2] Например, из ответа П. Л. Лаврова Энгельсу (от 11 августа 1878 г.) видно, что Энгельс прочел номера выходившей в Петербурге нелегальной газеты «Начало»; в письме к Засулич Энгельс с похвалой отзывается о сделанном ею переводе его «Развития научного социализма» (сборник «Группа «Освобождение труда», т. I, стр. 141) и т. д.

«Моему другу Фридриху Энгельсу от автора. 14 января 1893 г.».

Несколько более торжественно звучит лишь одна лавровская надпись на втором издании «Исторических писем» (Женева 1892 г.): «Представителю научного социализма Фридриху Энгельсу от автора в знак глубокого уважения и искреннего сочувствия».

Повидимому, эту свою работу Лавров особенно выделял из ряда других.

Коротки и официальны надписи М. М. Ковалевского: «*A Monsieur Fr. Engels. Hommage respectueux de l'auteur*».

Любопытны надписи на первых присылках от группы «Освобождение труда». Первыми от вошедших позднее в ее состав лиц Энгельсом были получены «Коммунистический манифест» и «Наемный труд и капитал», изданные еще под фирмой «Социально-революционной библиотеки». Надписи на этих брошюрах сделаны П. Б. Аксельродом: «*Herrn Fr. Engels von den Herausgebern im Auftrag zum Zeichen der Hochachtung, P. Axelrod*».

Упоминание о получении этих брошюр имеется в письме Энгельса к Бернштейну (от 13 ноября 1883 г.) [1]; в этом же письме упоминается, что брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» до Энгельса еще не дошла, но вскоре получилась и она, — и также с надписью П. Б. Аксельрода: «*Herrn Fr. Engels von den Herausgebern zum Zeichen ihrer Hochachtung, P. Axelrod*». Характерно, что в этой брошюре, которою Энгельс, судя по его отзыву о ней в письме к Бернштейну [2], должен был несомненно заинтересоваться, совершенно нет никаких признаков чтения ее Энгельсом. Первой, — и единственной, — из сохранившихся в библиотеке Энгельса книг с надписью Г. В. Плеханова являются «*Наши разногласия*»; его надпись гласит (по-русски): «Дорогому учителю скромный знак уважения от автора».

Следов чтения ее Энгельсом на этой книге также не имеется, — из переписки Энгельса мы знаем, что первое время он от чтения ее уклонился [3], но позднее, как видно по его ссылке на нее в послесловии к «Soziales aus Russland» [4], он с ней все же ознакомился.

Рука В. И. Засулич имеется на двух переведенных ею книгах: «Нищета философии» К. Маркса и «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса; ее надписи — наиболее короткие из всех, имеющихся в библиотеке Энгельса; «*Au citoyen Fr. Engels. W. Sassulitsch*, или еще проще: «*Herrn Fr. Engels*, даже без подписи.

На позднейших изданиях группы «Освобождение труда» никаких надписей не имеется; равным образом их нет и на книге Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», хотя, как видно из писем В. И. Засулич к Энгельсу, она была прислана последнему от автора.

Наибольший интерес представляют, однако, надписи на книгах, присланных более или менее случайными путями. Среди них, прежде всего, интересен эпизод с присылкой в 1878 г. Энгельсу номеров петербургского «Начала»; на самих номерах (номера 2, 3 и 4) надписан только адрес (лондонский) Энгельса, но зато среди разобранных нами разрозненных писем анонимных корреспондентов Энгельса нашлось любопытное письмо к Энгельсу от пославшего эти номера; написано оно по-русски, но с параллельным немецким переводом; приводим его целиком:

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, стр. 350

[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, стр. 351.

[3] Письмо к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. (сборник «Группа, Освобождение труда», т. III, стр. 24).

[4] «Ф. Энгельс о России», Женева 1894 г., стр. 24.

Милостивый государь!

Сегодня я послал вам три последних номера социалистического органа, выходящего в России.

Если желаете получить и следующие, которые начнут выходить в середине августа, то мы, несмотря на трудности, готовы с удовольствием сделать это. Об этом вам нужно будет только заявить г. Либкнехту.

Мы в свою очередь просим вас, как и г. Маркса и всех просвещенных людей, готовых содействовать нам, присылать нам важные для нас статьи и корреспонденции, равно как и сообщать все важнейшие сведения, могущие ускользнуть от нас.

Писать можете по-немецки, французски и английски (и, понятно, по-русски) — пока тоже через посредство г. Либкнехта.

Один из представителей русского социализма.

В немецком авто-переводе подпись стоит существенно отличная: «Einer der Vertreter des «Natschalo». Кто был этот зарубежный представитель «Начала», живший в Брюсселе и дававший для сношения с собою адрес Либкнехта, — нам установить не удалось; указаний на это нет ни в литературе, ни в просмотренном нами архиве В. Либкнехта.

Еще более любопытен эпизод, связанный с появлением в библиотеке Энгельса литографированного издания главы из его «Анти-Дюринга» под заглавием «Наука и г. Дюринг» (2 части). Об этом издании упомянуто в библиографии Б. Шнеерсона [1], — но только про одну первую часть; про вторую, насколько нам известно, в печати не было упоминаний, и уже сам по себе факт существования этого издания представляет известный интерес. Но еще больший интерес представляет нахождение этого издания в библиотеке Энгельса.

На обложке этих брошюр год издания не поставлен, но место издания обозначено: «Москва». По этому указанию и по общему облику издания не трудно установить, что брошюры эти были выпущены одной из тех издательских групп, которые в обилии существовали в Москве в 1883—1885 гг. и были связаны с московским «Обществуденческим союзом» тех лет.

Не только установить вероятные пути, какими эти брошюры попали в библиотеку Энгельса, но и в существенной мере пополнить наши сведения об этих издательских группах помогает письмо некоей Евг. Паприц (Eugénie Paprietz), сохранившееся в архиве Энгельса; вот это письмо, — даем его полностью в переводе с французского оригинала.

31, Bedford Place,
Russel Square, 26 Juin 1884.

Многоуважаемый г. Энгельс!

Я позволяю себе обратиться к вам с просьбой о совете, в надежде, что он, несомненно, будет лучшим из всех, которые могут быть мне даны по интересующему меня вопросу.

Существует достаточно широко распространенное мнение, что русские социалисты лучше всех других подготовлены для революции. Мне кажется, что этот взгляд верен только наполовину. Репрессии вызывают у них бо́льшую силу сопротивления, быть может увеличивают энергию. Но, с другой стороны, русские являются невеждами в общественных делах. В случае революции, русские социалисты не будут знать, что́ делать со своей победой, они ее потеряют, потому что у них нет прочных принципов, организации, настоящих научных знаний (некоторые счастливые исключения имеются). Если бы вы могли познакомиться с социалистическими брошюрами, которые распространяются среди русской молодежи, я уверена, вы согласились бы со мной. Они продиктованы чувствами, а не идеями, не знанием. Они возбуждают революционное чувство, но они не дают глубокого понимания. Возможно, что почва для революции в России подготовлена, но разве может быть хорошей жатва, если плохи семена?

Именно с этой целью, — с целью распространения в русском обществе идей научного социализма, — в Москве предпринято издание литографированного журнала (печатать, к несчастью, невозможно) «Социальное знание» («La Science Sociale). Программа включает переводы работ о научном социализме.

---

[1] *Б. Шнеерсон*, Опыт библиографии произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 1924 г., стр. 100.

Не будете ли вы так добры перечислить те из мало известных статей ваших и Маркса, которые были опубликованы в журналах. За исключением «Положения рабочего класса в Англии», «Жилищного вопроса», «Социализма научного и утопического» ничего не переведено. Теперь я перевожу «Очерки критики политической экономии». Я очень хотела бы иметь последний манифест к английским рабочим, но не могу его найти. Не будете ли вы добры дать мне указания, где его можно найти в Лондоне, а также, где можно было бы купить «Анти-Дюринга».

Я вас прошу, не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим серьезно учиться, убежденные, что невежество не может привести ни к чему хорошему и что только наука может осветить нашу дорогу.

Всегда готовая к вашим услугам *Евгения Паприц.*

Имени, которое стоит под этим письмом, нам никогда не приходилось встречать в хрониках российского революционного движения, — быть может лица, работающие в историко-революционных архивах, найдут какие-либо сведения о человеке, его носившем. Судя по фамилии, автор письма не был русским; тон, в котором автор говорит о русских революционерах, подтверждает эту догадку: чувствуется, что этот автор, признавая, конечно, всю важность русского революционного движения, все же не сливает себя целиком с русскими революционерами, смотрит на них в известных пределах со стороны, — именно так, как обычно смотрит на социалистическое движение какой-нибудь страны живущий в ней социалист-иностранец. Вернее всего, письмо это написано полькой или литовкой: фамилия звучит как литовская.

Это письмо устанавливает, что среди издательских групп, существовавших в 1883—1884 гг. в Москве, имелась одна, которая определенно ставила перед собой задачу «распространения в русском обществе идей научного социализма»; именно этой группой было предпринято издание журнала «Социальное знание». Из литературы мы знаем, что план этого издания не осуществился,— выпущен (отлитографирован) был только один сборник под этим названием, в котором были даны переводы введения и первых четырех глав работы Энгельса: «Положение рабочего класса в Англии»; его же «Развитие научного социализма» и Луи Блана: «Организация труда»[1], несомненно, этой же группой изданы и те две брошюры с переводом «Анти-Дюринга», которые сохранились в библиотеке Энгельса. Как видно из письма, Е. Паприц эту книгу искала для перевода, а потому не исключена возможность, что перевод этот сделан именно ею; о выпуске в это время переводов «Жилищного вопроса» и «Очерков критики политической экономии» в литературе никаких сведений не имеется.

Это же письмо дает и некоторую нить для догадок о составе данной издательской группы.

Если верно, что Е. Паприц была полькой или литовкой, — а нам это кажется несомненным, — то ее коллег по издательской группе вернее всего следует искать среди польских и литовских социалистов, живших в те годы в Москве и вращавшихся в студенческих революционных кругах. «Обзор важнейших дознаний» называет два таких имени: студента Петровской сельскохозяйственной академии, позднее известного деятеля «Пролетариата», Людвига Яновича, и воспитанника технического училища Болеслава Малиновского. Оба они уже тогда были связаны с польским «Проле-

[1] Об этом сборнике сообщено в «Вестнике Народной воли», т. III, отд. 2, стр. 176; несомненно, он уже описан Б. Шнеерсоном в «Опыте библиографии произведений Маркса и Энгельса в русских переводах» (изд. «Красная новь», Москва 1924 г., стр.85 и 102), хотя в этой последней работе название сборника не указано (повидимому, это объясняется тем, что экземпляр, которым пользовался Б. Шнеерсон, сохранился без обложки). Даваемое Б. Шнеерсоном содержание сборника несколько расходится с сообщением «Вестника Народной воли» (в последнем вместо «Положения рабочего класса в Англии» названа работа Ф. Ланге «Рабочий вопрос»), но так как Шнеерсон сборник этот описал de visu, то его показания следует считать более точными.

тариатом» — через них «Обществуденческий союз» получал литературу последнего [1], — и уже это одно в известных пределах выделяло их из очень разношерстной массы членов студенческих кружков; как известно, «Пролетариат» тех лет был много ближе к европейскому рабочему движению, несравненно больше находился под влиянием идей научного социализма, чем русские революционеры народнического и народовольческого лагеря. В отношении Яновича кроме того известен и ряд частных указаний, свидетельствующих об его интересе к европейскому социалистическому движению; достаточно сказать, что он уже в 1881 г. присутствовал на международном социалистическом конгрессе в Хуре [2]; как лидер кружка студентов-петровцев, он, несомненно, играл руководящую роль в деле посылки студентами этой академии сочувственной телеграммы Энгельсу по случаю смерти Маркса, — факт для того времени очень незаурядный (это был едва ли не единственный отклик на смерть Маркса, шедший из России от русских революционных кружков [3], точно также свидетельствующий об известном интересе к научному социализму; далее, когда он в начале 1884 г. поехал в Швейцарию, то главной целью этой его поездки было ознакомление с «современным (т. е., конечно, научным— *Б. Н.*) социализмом и западно-европейским рабочим движением». Будучи поляком, Янович главные свои интересы сосредоточил на польском революционном движении, но большое значение он придавал и изданию марксистской литературы на русском языке, очень сочувственно относился к соответствующей стороне деятельности группы «Освобождение труда» и в 1884 г. оказывал ей некоторую материальную поддержку [4].

Все это, вместе взятое, делает более чем вероятной принадлежность Яновича к группе «Социальное знание». Необходимо добавить также, что его сообщения о настроениях московских революционных кружков, сохранившиеся в передаче, сделанной в свое время Дейчем в письмах к Аксельроду [5], вполне совпадают с той характеристикой, которая этим кружкам дается в письме Паприц. В пользу этого же вывода о принадлеж-

---

[1] «Обзор важнейших дознаний, произведенных в губернских управлениях Империи», т. VIII, стр. 33—36.

[2] Об этом сообщает Л.Плохоцкий в статье об Яновиче в «Галлерее шлиссельбургских узников», стр. 182.

[3] Текст этой телеграммы мы считаем далеко не лишним привести здесь (в русском переводе):

Редакции «Daily News», Лондон, Англия.

Москва, 18 марта 1883 г.

Благоволите передать г. Энгельсу, автору «Рабочего класса в Англии» и интимному другу покойного Карла Маркса, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни, — от студентов Петровской сельскохозяйственной академии в Москве.

Деньги Энгельсу будут посланы немедленно, как только он будет добр сообщить свой адрес и цену венка.

Студенты Петровской академии в Москве.

Судя по всему, телеграмма эта тронула Энгельса; в переписке его с Лавровым есть указания, что он старался узнать, какими путями можно послать ответ приславшим ее студентам.

[4] Свидетельство Л. Дейча в сборнике «Группа «Освобождение труда», т. I, стр. 24. — Дейч выражается несколько неопределенно, говоря о сочувствии Яновича стремлению Группы «издавать социалистические произведения»; но так как Группа издавала и в программе своей издательской деятельности издавать обещала только марксистскую литературу, то ясно, что речь идет именно о последней.

[5] Там же, стр. 194.—После того, как настоящий обзор был написан, в литературе был поставлен, в полемике между Н. Сергиевским («Историко-революционный сборник», т. II) и Л. Дей-

ности Яновича к группе «Социальное знание» свидетельствует и совпадение дальнейших путей личного развития Яновича с судьбами этой издательской группы. Как известно, Янович, живя в 1884 г. за границей, после некоторых колебаний между группой «Освобождение труда» и партией «Народной воли», примкнул к сторонникам последней, правда, сохраняя, повидимому, при этом известный оттенок несочувствия к общинным симпатиям народовольцев и некоторую тягу к марксизму в области теоретической [1]. В народовольческую же орбиту вошла указанная группа «Социального знания», что видно из изданного несомненно ею извещения «От группы распространения социальных знаний» (Женева, 20 сент. 1884 г. Вольная русская типография). Судя по этому извещению (изданному в народовольческой типографии!) группа эта намечала издание, теперь уже за границей, обширной «Библиотеки социального знания», причем программа ее была разработана с такой универсальной энциклопедичностью, которая с очевидностью выдает участие Лаврова; она должна была дать ряд работ по истории социалистического движения Запада (намечено 17 тем) и революционного движения в России (23 темы!) и целую серию работ теоретического характера; в последнюю должны были войти не только произведения Родбертуса (он стоял на первом месте!), Маркса, Энгельса, Лассаля, Либкнехта, Бебеля, Лафарга, Гэда, Девиля, де-Папа, Гайндмана и т. д., но и отдельные статьи из разных социалистических журналов, в том числе и таких уже тогда всеми забытых, как «Socialisme progressif» Малона и др. В этой необъятной универсальности издательской деятельности группы совершенно тонула та конкретная задача, которую намечало письмо Паприц к Энгельсу; следов ее почти не заметно и в программной части извещения, которая точно так же написана в явно лавровском стиле, в духе его старых расплывчатых рассуждений о необходимости знания и для революционеров. Лучшего средства похоронить начинание, конечно, нельзя было и придумать, и «библиотека» погибла, не успев родиться [2].

Ответил ли Энгельс на письмо Паприц — не известно, никаких указаний об этом нам найти не удалось; но все же есть некоторые основания думать, что такой ответ Энгельсом был дан и что в нем он сделал указание о том, какие из мало известных статей Маркса и своих он рекомендовал бы группе для перевода: в указанном выше извещении группы намеченными

чем (сборник «Группа «Освобождение труда», т. III), вопрос о существовании в Москве в 1883—1884 гг. особой с.-д. группы, определившейся как марксистская или социал-демократическая едва ли не раньше группы «Освобождение труда», причем центральным вопросом этой полемики было утверждение Н. Сергиевского о полной независимости означенной московской группы от группы «Освобождение труда». Все его доказательства в этой их части не выдерживают критики — на наш взгляд, это бесспорно доказано Л. Дейчем. Но последний бьет дальше цели, когда пытается доказать, что в Москве 1883—1884 гг. вообще не существовало никакой издательской группы, ставившей своей специальной целью издание марксистской литературы (сборник III, стр. 358); можно не преувеличивать ее размеров; можно не обманываться относительно ясности представлений о научном социализме, имевшихся у членов этой группы (дальнейшая судьба группы, о которой сообщается в тексте статьи, свидетельствует об этом достаточно убедительно), но сам по себе факт существования в 1883—1884 гг. в Москве небольшой группы студентов, сознательно ставивших своей целью издание работ, знакомящих русскую аудиторию с произведениями научного социализма и связанных на почве этой работы с самою группой «Освобождение труда», оспаривать, нам кажется, нет никакой возможности.

[1] Такой вывод, нам кажется, следует сделать из имеющихся в литературе сообщений об его позиции во время позднейших споров в Шлиссельбургской крепости; см. *М. В. Новорусский*, Записки шлиссельбуржца, Гос. изд., 1920 г., стр. 190, и *В. Н. Фигнер*, Запечатленный труд, т. II, стр. 160.

[2] В 1887 г., как издание «Библиотеки социальных знаний», вышел составленный Тихомировым сборник статей Герцена из «Колокола»; но мы не знаем, стоит ли это издание в какой-либо связи с группой 1884 г.

к изданию в первую очередь значатся статьи Маркса «с 1848 по 1849 гг.» и его же «18 Брюмера Луи Бонапарта». Трудно себе представить, чтобы об этих в то время совсем забытых статьях вспомнили сами инициаторы этой библиотеки или хотя бы даже их руководитель Лавров: в продаже их найти, конечно, не представлялось возможным, — статьи 1848—1849 гг. вообще еще не были переизданы и по-немецки; в литературе упоминаний о них тоже было очень мало. О них помнили тогда только немногие старики, участники движения тех давних лет, и в первую очередь, конечно, Энгельс, который их очень ценил, к мысли о переиздании их охотно возвращался и, как видно из неизданных его писем к Шлютеру, как раз в указанное время, зимой 1884 — 1885 г., поднял вопрос об их издании на немецком языке партийным издательством в Цюрихе; потому нам и кажется вполне правдоподобным допущение, что и данной группе к изданию они были рекомендованы именно Энгельсом.

С той же точки зрения, т. е. под углом изучения русских связей Энгельса, большой интерес представляет и факт нахождения в его библиотеке книги Николая — она (Н. Даниельсона): «Очерки нашего пореформенного хозяйства» (изд. 1893 г.). Она имеется там в двух экземплярах; один без всякой надписи, — как видно из неизданных писем Н. Даниельсона к Энгельсу, он прислан последнему автором [1]. На другом экземпляре, — в красном сафьяновом переплете и с золотым тиснением «Дорогому учителю Ф. Э. от учеников. 1893 г.», — имеется очень любопытная надпись:

Неутомимому борцу за право и истину,
Передовому бойцу сознавшего свою цель пролетариата,
Соратнику Карла Маркса
Фридриху Энгельсу
В знак благодарности и уважения посвящается
Союзом еврейских социалистов.

Поднесение книжки Николая — она может вызвать предположение, что «Союз» считал себя солидарным с автором; это тем более интересно, что члены его тут же заявляют себя учениками Энгельса; значит ли это, что в России существовали «ученики Энгельса», считавшие Николая — она его верным истолкователем?

Ответ на эти недоумения дает сопроводительное письмо, посланное Энгельсу «Союзом еврейских социалистов». Приведем его полностью в переводе:

Милостивый Государь!

Причины, которые побудили «Союз еврейских социалистов» прислать вам прилагаемую книгу, вкратце следующие.

«Очерки нашего пореформенного хозяйства» возбудили в России при их появлении большое удивление, ибо их автор, хотя и выдает себя за убежденного марксиста, со ссылками на Маркса и Энгельса, оперируя чрезвычайно большим статистическим материалом, приводит к совершенно противоположным взглядам, чем эти учителя политической экономии. «Народники» приветствуют в авторе убежденного защитника их взглядов; многие социалисты поколебались в их убеждениях; никто не знает, согласимы ли мысли автора с современным научным социализмом или как их можно опровергнуть?

Лицам, пересылающим эту книгу, известно, что вы, уважаемый учитель, живо интересуетесь русскими отношениями и владеете русским языком. Они просят вас вкратце в одном из журналов высказать ваше мнение об этой книге и тем самым еще больше увеличить многие ваши заслуги перед интернациональным социалистическим движением.

Союз еврейских социалистов.

[1] Надо заметить, что Даниельсон свои книги и статьи заботливо посылал сначала Марксу, потом Энгельсу, но надписей на них обычно не делал; только на статьях из «Слова»: «Очерки нашего пореформенного хозяйства», присланных автором еще Марксу, имеется надпись: «Глубокоуважаемому учителю — автор».

Давая ответ на вопрос об отношении приславшего книгу союза ко взглядам Николая — она, данное письмо оставляет неразъясненным вопрос о самом этом союзе. Где он существовал? Из кого состоял?

В 1893 г. еврейские с.-д. организации существовали лишь в Вильне и Минске. Видный деятель этих организаций, И. Л. Айзенштад-Юдин, на наш запрос ответил, что он не вспоминает факта посылки Энгельсу книги Николая — она, но, конечно, возможно, что этот эпизод ускользнул из его памяти. Было бы очень интересно, если бы другие участники еврейских кружков тех лет выяснили этот вопрос.

Известный интерес представляет также появление в библиотеке Энгельса и некоторых из произведений первых русских легальных марксистов, — а именно П. Скворцова и П. Б. Струве.

Первый из них в библиотеке Энгельса представлен оттисками четырех своих статей из «Юридического вестника»: «Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи»; «Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе»; «О задолженности частного землевладения»; «Итоги крестьянского хозяйства по земско-статистическим исследованиям». На втором из этих оттисков имеется, повидимому, собственноручная надпись П. Скворцова: «*Посвящается умному, верному и благородному защитнику пролетариев Фридриху Энгельсу — от автора*».

На обратной стороне одного из оттисков сохранился адрес Энгельса и остатки почтовой марки, свидетельствующей, что посланы они были из Бельгии; небольшая открытка (написанная по-русски), сохранившаяся в архиве Энгельса, дает окончательный ответ на вопрос о том, как попали эти оттиски из Нижнего, где жил в 1891—1893 гг. Скворцов, в Лондон. Эта открытка написана И. П. Гольденбергом-Мешковским, впоследствии известным большевиком; вот ее текст:

Многоуважаемый учитель!

Посылаю вам несколько оттисков; автор этих статей посвящает их вам. У нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России»; может быть эти оттиски послужат хоть каким-нибудь материалом для выработки и обосновки вопросов будущности капитализма у нас в России. Вы бы мне доставили большое удовольствие, если бы вы (во-первых) сообщили о том, что вами получены посылаемые брошюры, а (во-вторых) я прошу вас сообщить мне ваш критический отзыв. Я с нетерпением жду от вас ответа. Пишу вам по-русски, так как мне сообщили, что вы знаете его. До свидания.

И. Гольденберг.

Мой адрес: Liège (Belgique), Rue du Beau Mur, 21, à Goldenberg.

П. Б. Струве свою первую книгу, — «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», — прислал Энгельсу с немецкой надписью: «*Herrn Friedrich Engels in Verehrung vom Verfasser* $18\frac{19}{IX}94$ *St. Petersburg*».

Писем П. Б. Струве в архиве Энгельса не оказалось.

IV

Во много большем количестве сохранились следы чтения русских книг К. Марксом.

За изучение русского языка он принялся в конце 1869 г. Последним толчком, побудившим его засесть за этот язык, было желание прочесть в подлиннике известную книгу Берви-Флеровского: «Положение рабочего класса в России». В письме к Энгельсу (от 23 октября 1869 г.), сообщая о получении этой книги («толстый том в 500 страниц», над которым «автор

работал 15 лет»), Маркс глухо прибавил краткое сожаление о том, что эта книга написана по-русски [1]. Хорошо знавший Маркса Ф. Энгельс сразу понял значение этого сожаления и в тревоге за второй том «Капитала», над которым К. Маркс тогда работал, в ответном письме (от 24 октября 1869 г.) осторожно предостерегал Маркса: «Хотя довольно трех месяцев для изучения русского языка настолько, чтобы читать книгу, но у тебя на это теперь совершенно нет времени» [2].

Маркс отмолчался, но желание прочесть Флеровского засело у него прочно, и 29 ноября 1869 г., в письме к Кугельману, он сообщает в уже утвердительной форме: «начал изучать русский язык ввиду того, что мне послали из Петербурга книгу о положении рабочих классов (конечно, включая сюда и крестьян) в России» [3].

Энгельсу, очевидно, оставалось лишь примириться с фактом и поздравлять Маркса с успехами, что он вскоре и начал делать.

С русским языком Маркс справился действительно очень быстро, — читать русские книги он начал меньше чем через 3 месяца. Книгой, по которой он изучал русский язык, была та самая «Тюрьма и ссылка» А. И. Герцена, по которой изучал русский язык и Энгельс. Повидимому, ее Маркс выбрал сознательно, желая использовать имевшиеся в ней на полях пометки Энгельса с переводами слов; русские корни доставляли Марксу вначале значительные затруднения, — следы их можно найти тут же на полях книги; так, наткнувшись, например, на слово «колкий» («разговор их принял колкий характер», стр. 54), Маркс выписывает на полях: «колка — das Hauen» (т. е. колка дров)...

Но это были, конечно, мелочи. Довольно скоро Маркс начал правильно ориентироваться и в корнях, и в словообразовании; русскую грамматику, — это видно из заметок в его тетрадях, — он прошел основательно, и последние главы Герцена он читал, уже сравнительно редко прибегая к словарю. Книга эта была окончена 9 января 1870 г. — это видно из собственноручной отметки Маркса в конце ее: «*Ginished 9 January 1870*».

Повидимому, тотчас же следом за Герценом Маркс принялся за чтение Флеровского. Эта книга представляла не мало трудностей: тяжелый, неповоротливый язык, обилие местных слов и специальных терминов заставляли чаще обычного прибегать к помощи словаря. Тем не менее, чтение подвигалось довольно быстро. К 10 февраля 1870 г. [4] им было прочитано уже 180 страниц, а 24 марта 1870 г., в письме к русской секции Интернационала [5], Маркс об этой книге говорит, как об уже прочитанной. На последних ее страницах отметок с переводами слов почти совершенно не встречается: к этому времени Маркс достаточно овладевает языком. В последующие годы русские книги он читает, чаще всего не прибегая к помощи словаря; если в них и попадаются какие-либо переводы, то это обычно переводы местных слов и специальных терминов, которые часто заставили бы и коренного русского лазить в толковый словарь Даля. Только с одним русским автором Марксу до самого конца его жизни было несколько труднее справляться, — это со Щедриным. Здесь Марксу почти до конца довольно часто приходилось заглядывать в словарь; но зная, как труден для иностранцев язык Щедрина, — своеобразный, «вящше изломившийся», — удивляться приходится не тому, что такие переводы на полях его книг имеются, а тому, что их все же очень мало...

[1] «Briefwechsel», т. IV, стр. 197. [2] Там же.
[3] *К. Маркс*, Письма к Кугельману, Государственное издательство, 1928, стр. 67.
[4] «Briefwechsel», т. IV, стр. 240.
[5] Напечатано впервые в № 1 «Народного дела» от 15 апреля 1870 г. (Н. Утин, Трусов и др.)

Основным стержнем, вокруг которого в дальнейшие годы вращались русские интересы К. Маркса, были вопросы, связанные с *русскими аграрными отношениями*. Известно, что в марксовых планах относительно структуры последних томов «Капитала» России отводилось заметное место; в разделах, посвященных анализу эволюции аграрных стран, русским аграрным отношением он предполагал отвести то же место, которое в первом томе, в анализе отношений промышленно-капиталистических, он отводил Англии. Поэтому вполне понятно, что и в обследованной нами части марксовой библиотеки наибольшее количество книг, относительно которых можно установить, что они читаны Марксом, в той или иной степени связано с этой основной проблемой.

По этим книгам, при всей неполноте библиотеки, видно, как всесторонне обследовал Маркс интересовавшую его проблему. Он изучал не только статику русских аграрных отношений, — в том виде, как они сложились после реформы 1861 г.; он подробно изучил и самое эту реформу, и положение крестьян при крепостном праве, причем из его примечаний на полях мы узнаем, что он хорошо знал историю всех попыток ограничения крепостного права в эпоху первой половины XIX в. (эти замечания будут приведены ниже). Заинтересовавшись общиной, вопросом об ее происхождении, Маркс заглядывает в далекое прошлое, читает не только Беляева (Крестьяне на Руси») и Семевского («Крестьяне в царствование Екатерины II»), но и Сергеевича («Вече и князь») и Соколовского («Очерк истории сельскохозяйственной общины»); он интересуется историей народных движений, возникших на почве борьбы против крепостного права, — в библиотеке сохранилась известная книга Мордовцева, хотя, правда, без марксовых отметок на полях, — быть может, научная легковесность Мордовцева не удовлетворяла Маркса; более внимательно прочитаны им сборники Кельсиева по расколу, — Маркс обратил внимание на значение последнего как формы, в которую выливался народный протест против крепостного права. Внимательно приглядывается Маркс к различным формам русской артели, — об «артельном начале» и «артельном духе», как своеобразных особенностях «Святой Руси», в ту пору много говорилось и за границей; он изучает капитальный «Сборник материалов об артелях в России», из пометок на полях которого видно, что Маркс стоял на уровне тогдашних знаний о таких мало исследованных разновидностях артели, как покрут и др. Материалами, которыми он пользовался для своих работ, были не только сводные исследования, но и сборники сырых данных, изданные порою в глухой провинции, в Ярославле, в Твери, в Архангельске.

На ряду с этой основной группой книг из библиотеки Маркса следует поставить другую, — издания различных русских революционных групп. За этими последними Маркс следил внимательно, уделяя, правда, наибольшее внимание позиции этих групп в аграрном вопросе, их отношению к общине, к русскому самобытничеству вообще. Статьи, посвященные этому вопросу, в изданиях, сохранившихся в библиотеке, обычно носят следы наиболее внимательного изучения: ряд мест в них подчеркнут и отчеркнут, а некоторые наиболее характерные места, — например, заявление об общине из № 3 «Начала» (1878 г.), — попадаются в марксовых тетрадях с выписками в немецком переводе.

К сожалению, из работ тех двух основных авторов, которые давали тон русской революционной литературе 70-х гг., — М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова, — в обследованной части библиотеки Маркса не сохранилось почти ничего ; в частности не сохранились и те их книги и статьи, о внимательном чтении которых Марксом мы знаем по выпискам из них,

сохранившимся в тетрадях последнего [1]. Ввиду этого обследованная часть русской библиотеки Маркса не даст никаких штрихов для характеристики *существа* его отношения к означенным авторам. Некоторый интерес представляют только надписи, сделанные Бакуниным на посланных им Марксу своих статьях. Таких надписей сохранилось две: первая по времени сделана на французском издании известной речи Бакунина, произнесенной им в Париже 29 ноября 1847 г. [2]; она гласит: «A monsieur le docteur Marx. M. Bakounine».

Даты под этой надписью не стоит, но несомненно, что она относится к периоду пребывания Бакунина в Брюсселе, т. е. к январю — февралю 1848 г. Сухой официальный тон ее, без малейшего намека на дружеское отношение, вполне гармонирует с относящимся к этому же времени отзывом Бакунина о Марксе, имеющимся в письме первого к Гервегу [3].

Вторая надпись Бакуниным сделана на том номере французского «Колокола» Герцена, в котором была напечатана речь, произнесенная на конгрессе мира в Берне в 1868 г. [4]. Это — та самая речь, помещение которой в журнале Герцена Бакунин счел нужным объяснить Марксу в своем письме к нему от 22 декабря 1868 г. [5]; надпись на номере, относящаяся к тем же дням (в этом письме Бакунини сообщает о высылке номера), ничего нового к этим объяснениям не прибавляет и интересна только как лишнее свидетельство о том чувстве неловкости, которое испытывал Бакунин из-за своего появления на страницах журнала Герцена, и об его желании доказать Марксу, что, несмотря на это обстоятельство, он, Бакунин, все же политически ничего общего с Герценом не имеет. Надпись эта гласила: «Monsieur Herzen a voulu imprimer mes discours de Berne, mais je vous prie de croire que je ne suis aucunement solidaire de son journal. M. Bakounine» [6]

Не сохранилось в библиотеке также и ни одной книги или статьи Михайловского; характерно, что и в тетрадях Маркса нет заметок о произведениях последнего.

В значительно более благоприятном положении находится Чернышевский и Добролюбов. В библиотеке сохранился целый ряд книг и статей первого, и притом не только в зарубежных изданиях, но и в форме сборников его статей, вырезанных из «Современника», добывать которые в то время было уже не легко; по имеющимся на полях почти всех этих книг отметкам можно судить, что они прочитаны Марксом не только со вниманием, но и с заметным уважением. Следы чтения их Марксом имеются и на полях книг Добролюбова: с Лессингом и Дидро Маркс сравнивал его не с чужих слов.

---

[1] См. выдержки из этих тетрадей, опубликованные в книгах второй (о Бакунине, с предисл. Д. Рязанова) и четвертой (о Лаврове, с предисл. И. Луппола) «Летописей марксизма».

[2] «17-e Anniversaire de la révolution polonaise. Discours prononcé à la réunion tenue à Paris pour célébrer cet anniversaire, le 29 novembre 1877, par M. Bakounine, refugié russe». Формально эта брошюра к русской части библиотеки Маркса, конечно, не относится, но так как надпись на ней Бакунина представляет некоторый интерес для истории отношений Бакунина к Марксу, то мы и приводим ее здесь.

[3] На обложке этой же брошюры имеется еще одна надпись, сделанная чьим-то незнакомым почерком. «Herwegh bittet um Entschuldigung. Sobald er gesund, wird er schreiben und kommen!» Подпись совсем стерлась и почти не поддается прочтению, — она напоминает что-то вроде Rymarkiewicz Leon (во всяком случае ясно, что она сделана поляком); в какой связи Маркса в то время мог интересовать приезд Гервега, установить не удалось.

[4] «La Cloche. Revue de développement social, politique et littéraire en Russie», Nr. 14—15, 1/XII 1868, Genève.

[5] Полный русский перевод его дан недавно Стекловым в т. III биографии Бакунина, стр. 6—7.

[6] «Господин Герцен пожелал напечатать мои бернские речи, но я вас прошу верить мне, что я ни в какой мере не солидарен с его журналом. Бакунин».

Из русских экономистов очень полно представлен И. И. Кауфман; Маркс, несомненно очень интересовался работами своего «рассудительного критика» из «Вестника Европы» и старался доставать его работы, начиная с ранних, изданных еще в провинции; к чтению его большой работы о банках Маркс, в то время сам работавший над вопросами денежного обращения, приступил с большим интересом: ни на одной другой книге в библиотеке нет такого обилия отметок, как на этой. По ним можно судить, как нарастало в Марксе чувство разочарования и раздражения против этого автора, превратившегося «в какого-то Пиндара новейшего биржевого плутовства» [1].

Русской беллетристики в библиотеке Маркса совсем не имеется, — исключение сделано для ряда книг Салтыкова и для собрания произведений Некрасова; на последнем, правда, следов чтения их Марксом не имеется, но зато книги Салтыкова прочитаны явно с большим вниманием и интересом.

После этих общих замечаний о составе русской библиотеки К. Маркса мы перейдем к обзору его заметок и отметок на отдельных книгах.

V

Первой русской книгой, не просто прочитанной, а по-настоящему проработанной Марксом, была, как мы уже указали выше, работа Н. Флеровского-Берви: «Положение рабочего класса в России». Экземпляр ее весь испещрен примечаниями, отметками и подчеркиваниями, которые в их совокупности дают возможность подробно разобраться в том, какие впечатления испытывал Маркс при чтении книги.

Общая оценка, которую Маркс давал этой работе, нам известна из переписки Маркса. 10 февраля 1870 г., прочитав первые 150 страниц книги, он писал Энгельсу:

«Это первое произведение, где высказана правда о русском коммунизме... У меня никогда не было особенно радужного представления об этом (русском) коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский все же превзошел все ожидания» [2].

Ту же самую мысль Маркс более подробно и более четко сформулировал спустя полтора месяца, 24 марта 1870 г., в письме к членам женевской русской секции Интернационала.

«Работа Флеровского, — писал он, — настоящее открытие для Европы. Русский оптимизм, распространяемый на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критику — с точки зрения чисто теоретической. Это труд серьезного наблюдателя, бесстрастного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса» [3].

Отчеркивания, сделанные Марксом на читанном им экземпляре, показывают, что он действительно главную ценность книги видел в фактическом ее материале, позволяющем разоблачить «русский оптимизм» относительно положения русских крестьян и рабочих. Книга Флеровского,

---

[1] Отзыв в письме к Даниельсону — «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 67.
[2] «Briefwechsel», т. IV, стр. 240.
[3] «Народное дело» № 1 за 1870 г.

как известно, разбита на главы по областям; автор последовательно рисует экономическое положение и условия быта «работников» в сибирской тайге и в зауральских степях, на астраханском взморье и в печорской тайболе, в губерниях черноземной полосы и в центральном промышленном районе. Термин «работник» он понимает в самом широком смысле слова. Под него он подводит и крестьянина-землепашца, и кустаря-светелочника, и мелкого мещанина, обитателя «растеряевской улицы» на далеких городских окраинах. Собственно пролетарий, наемный рабочий фабрик и заводов, Флеровского интересует меньше, — не случайно он совсем не затрагивает вопроса о положении «рабочих столиц», а ведь в 60-х гг., когда его книга писалась, едва ли не в одних только столицах и существовали уже настоящие, «потомственные» пролетарии. Даже если он и трактует вопросы о положении «работников», как наемных рабочих, то это обычно положение ремесленников или «работников», ушедших на отхожие промысла, — на прииска, на рыбную ловлю, на фабрики центрального промышленного района.

Такой характер трактовки Флеровским его темы был как нельзя более удобен для Маркса, который интересовался прежде всего тем, что было связано с аграрными отношениями в России. И Маркс с жадностью впитывал обильный фактический (теперь мы знаем, что «факты» Флеровского часто были далеки от объективной правды) материал книги. В каждой из глав он заботливо подчеркивает все типические особенности положения данной категории «работников» в данном районе: размеры и степень изнурительности работы, материальное положение, условия питания и жилищные, налоговое бремя, административно-полицейский гнет, темные стороны разлагавшегося «патриархального быта», особенно тяжелого именно в момент своего разложения...

Интересно, что Маркс при этом своем изучении книги Флеровского очень внимательно следил за всеми семейно-бытовыми деталями. Особенное его внимание привлекал вопрос о положении женщины в семье. Бесправие, побои мужа, беспросветный тяжелый труд, примитивный, грубый разврат, — все указания Флеровского в этих областях Марксом заботливо подчеркнуты; он, несомненно, собирал материал для иллюстрации того положения, которое сформулировал Флеровский в подчеркнутой Марксом фразе: «Безграничная власть мужа над женой и семейством разрушает семью» (стр. 54); на эту сторону книги, кстати, Маркс обратил внимание и в письмах к Энгельсу («Briefwechsel», т. IV, стр. 241).

Отметим отдельные факты, обратившие на себя особое внимание Маркса (в таких случаях он ставил на полях знаки восклицания).

На стр. 60—61 Флеровский приводит факты эксплоатации в ремесле детей и рассказывает о портном, на которого его подмастерья работали бесплатно под предлогом учения; этот рассказ тщательно подчеркнут Марксом, местами даже двумя чертами; и на полях Марксом уже поставлены на стр. 60 против нижних строк два знака восклицания (!!) и на стр. 61, против верхних пяти строк — еще один.

На той же 61 и на 62 стр. отчеркнут и отмечен знаком восклицания рассказ об условиях труда и заработка томского портного-бедняка. И несколько ниже двумя знаками восклицания отмечено резюме Флеровского:

«Пусть же не думают после этого, что эксплоатация и раздирающая душу бедность есть исключительная принадлежность городов и центров промышленности в странах густо населенных. В многоземельной Сибири она приобретает тысячи различных видов и образов, известных и неизвестных в Европе».

В главе о «зауральском рабочем» главное внимание Маркса привлекли указания Флеровского об отношении различных групп крестьян к разным формам землевладения и землепользования и о классовой борьбе в деревне (стр. 76—77); текст на этих страницах почти целиком подчеркнут Марксом, а фраза Флеровского: «*огромное влияние, которое имеют на общество богатые крестьяне, дает им возможность завладеть лучшими землями в обществе*», отмечена Марксом знаком восклицания.

В главе о положении рабочих на севере Европейской России, на стр. 94, Марксом отчеркнуто указание на расплату с рабочими товарами вместо денег и на полях им написано: «*Truck-system!*» [1]

На стр. 95 знаком вопроса Маркс отметил замечание Флеровского относительно бывшей российско-американской компании, которая якобы пришла к мысли об отказе от русско-американских владений потому, что в противном случае грозило вымирание «остатков изморенных сею инородцев». Маркс, несомненно, усомнился в правильности такого неправдоподобного объяснения поступков колонизаторов.

Знаками же вопроса и восклицания отметил Маркс на стр. 109—110 объяснение, даваемое Флеровским факту расселения олонецких крестьян мелкими выселками вместо больших деревень — сел.

На стр. 110—111 подчеркнут и отмечен несколькими знаками восклицания целый ряд мест в цитируемом Флеровским рассказе Гимеровского о недостатке топлива и леса для построек у крестьян Новгородской губ., тогда одной из главных поставщиц леса для экспорта.

На стр. 122 Маркс отметил знаком восклицания рассуждение Флеровского: «В Белом море рыбы мало, — вот почему рыбные воды находятся там в общинном владении; в Каспийском ее много, — поэтому она вся в руках капиталистов».

На стр. 190 двумя знаками восклицания отмечено замечание Флеровского, что в области Войска Донского «местами оброк крестьянина превышает в 40 раз поземельную ренту».

На стр. 197 Маркс поставил знак восклицания против таблицы, показывающей, что прирост народонаселения в различных губерниях России был тем больше, чем слабее в этом районе было развито помещичье землевладение.

На стр. 238 знак восклицания Маркс поставил против верхних пяти строк, в которых Флеровский свое указание на обилие земель в Заволжье иллюстрирует сообщением, что там «многоземельная община, в которой земледелец не может обрабатывать всей принадлежащей ему земли, менее всего редкость», что здесь переделы касаются исключительно «самых плодоносных и близких к селению лугов и пашен, вся остальная земля оставляется на произвол, всякий член общины может не только на ней пахать и косить, он может с согласия общества отдать ее в наем, если найдет нанимателя».

На стр. 251 знаком восклицания Маркс отмечает указание Флеровского на то, что в Саратовской губернии, вследствие относительной многочисленности городского и относительной немногочисленности сельского населения и «вследствие большой близости рынка» (эти последние слова Флеровского подчеркнуты Марксом двумя чертами), цены на земледельческие продукты значительно выше, чем в других местах.

---

[1] Чем особенно важно это последнее замечание, будет ясно из последних глав нашего обзора.

На стр. 255—256 тремя знаками восклицания Маркс отмечает наблюдение Флеровского об одинаковых размерах денежной платы «работникам» в разных концах страны, — несмотря на большую разницу в этих местах цен на хлеб.

На стр. 277 знак восклицания Маркс поставил в конце большого абзаца, посвященного Флеровским описанию форм «семейного деспотизма»,— против слов (подчеркнутых Марксом), что на пространстве 48 тыс. кв. миль, во всей черноземной полосе: «описанные типы семейного деспотизма составляют преобладающее начало».

Наконец, на стр. 485 рядом знаков восклицания отметил Маркс указание Флеровского на факт преимущественного отвода помещиками в надел крестьянам плохих бесплодных и совсем негодных земель.

Другую группу пометок Маркса на книге Флеровского составляют критические замечания по поводу тех или иных обобщающих замечаний Флеровского, — по поводу его «теории».

В письме к русской секции Маркс вопроса о недостатках книги Флеровского по понятным причинам не коснулся. Даже переписка Маркса и Энгельса, в которой сравнительно много места отведено книге Флеровского, не дает разъяснения по этому вопросу, так как и в ней Маркс отмечает почти исключительно положительные стороны книги; в этих письмах лишь позиция Флеровского в национальном вопросе вызывает Маркса на ироническое замечание, но и то сделанное в мягкой форме:

«В качестве доброго русского, он поучает своих соотечественников, что̀ они должны делать, чтобы ненависть, которую питают к ним все эти племена [перед этим шла речь о калмыках, татарах, украинцах и т. д. — *Б. Н.*], превратилась в свою противоположность» [1].

Эта мягкость отзывов Маркса в письмах сильно расходится с его резкими репликами на полях книги; возможно, что объяснения подобного расхождения надо искать в том обстоятельстве, что отзывы о Флеровском имеются в письмах к Энгельсу от 10 и от 12 февраля, когда Маркс прочел лишь первые 150 страниц книги; на этих страницах, действительно, почти совершенно не было мест, показывающих, что Флеровский был далеко не так уже свободен от влияния предвзятых «социалистических доктрин», как казалось вначале Марксу [2].

Из таких резких реплик Маркса наиболее интересны замечания по поводу теоретической путаницы, с которою он встретился при чтении книги Флеровского, находившегося под сильным влиянием идей Прудона, к тому же еще не достаточно хорошо им понятых.

Первую, сравнительно мягкую реплику этого рода мы находим на странице 67. Здесь Маркс отчеркнул рассуждение Флеровского:

«По здравому смыслу работник должен терять только тогда, когда промышленность падает; во всех же случаях, когда она совершенствуется, он должен непременно выигрывать».

По поводу этого рассуждения «от здравого смысла» Маркс бросает: «*Erreur!*»

На стр. 289 Маркс отчеркивает рассуждение Флеровского об изменениях, которые нужно внести в отношения капиталистов к работникам; в этом месте Флеровский стремится убедить «общество» в том, что «рабочий не лошадь, не существо низшей породы; он такой же человек, как и капиталист, между ним и капиталистом должно быть равен-

---

[1] «Briefwechsel», т. IV, стр. 244.
[2] Там же, стр. 240.

ство, а равенства до тех пор не будет, пока будет существовать наем, пока капиталист и работник будут наниматель и наемник, а не товарищи, пока работники не будут такими же хозяевами произведений фабрики, как и капиталист».

В этой фразе Маркс особо подчеркивает слово «товарищи» и на полях бросает: «*Die alte Illusion!*»

На следующей, 290-й странице, Флеровский вновь возвращается к этому термину — «товарищи». Он начинает высчитывать, в каком положении были бы работники, если бы они были «не наемники, а товарищи капиталиста-золотопромышленника». Слово «товарищи» Маркс вновь подчеркивает и на полях пишет: «*D[as] ist d[ie] Grundsauce v[on] Proudhon etc!*»

Немного дальше, на фразу Флеровского: «рабство уничтожено и уступило место найму, — наем должен уступить товариществу» (стр. 295), Маркс реагирует репликой: «*Nonsens*».

Этот часто повторяемый Флеровским термин «товарищи» в применении к мыслимым им идеальным формам отношений между капиталистами и рабочими явно раздражает читателя книги. Наткнувшись вновь на него на странице 300 (здесь Флеровский доказывает, как выгодно было бы для капиталистов «вести дело начистоту», пойти на «товарищество» с рабочими, на условии выполнения последними их «совершенно справедливого желания» о выплате им процентов на капитал «за риск»), Маркс бросает на этот раз уже резко: «*Von d. alten Proudhon etc... Eselei!*»

А за несколько строк перед тем, по поводу изумительного открытия Флеровского, что «социалисты Западной Европы, бившиеся, как рыба об лед, из-за вопроса о рабочем классе, не сумели понять, что в высшей степени несправедливо, чтобы то, что было произведением капитала и труда. составляло собственность одного капитала», — у Маркса срывается совсем короткое: «*Esel!*»

На этой же странице есть и еще одно замечание Маркса. Флеровский здесь доказывает, что «революцией можно решить вопрос о власти, а не о базарной цене», и из этого положения делает вывод, что «с воспрещением найма кончится между ними (пролетариями и капиталистами.—*Б. Н.*) вопрос о власти и начнется вопрос о базарной цене на капитал». Подчеркнув эти оба замечания Флеровского, Маркс к словам «воспрещение найма» делает сноску: «*Schöne Phantasie! Verbot d[er] Lohnarbeit mit Erlaubniss der Kapitalisten!*»

К этой же группе реплик Маркса следует отнести его замечания относительно тех мест, где Флеровский обнаруживает свое слабое знакомство с положением дел в Западной Европе. Сюда надо отнести прежде всего интересное замечание Маркса по поводу наивных, в старо-народническом стиле, с идеализацией разбойников, рассуждений Флеровского о том, как развивалась борьба «английских работников»; напомним, что именно здесь Флеровский сообщает читателям, что «до сего дня Англия не переставала быть страною самых смелых воров и разбойников»; в этом рассказе Флеровский повествует, между прочим, что на известной стадии своей борьбы против земельных магнатов «английский работник»-земледелец с успехом применил следующий оригинальный прием:

«Он не только не стал покупать земель, но стал продавать и те, которые имел» (стр. 215).

Подчеркнув эти слова, Маркс замечает на полях: «*Dies alles Phantasiengeschwätz!*»

Отзывы такого же порядка вызывает у Маркса и рассуждение Флеровского о сравнительной роли промышленности на Западе и в России; из

явно нравоучительных соображений Флеровский здесь доказывает, что всюду в мире промышленность является как «источник благосостояния и счастия для народов»; у нас же, в России, она стала «бичом, который заколачивает в гроб» (стр. 346—347), что в Англии, например, и самая высокая заработная плата, и самая незначительная смертность (стр. 349), а у нас — промышленность «бедствие, с которым не сравняются ни чума, ни холера» (стр. 347—348). Такое своеобразное «западничество» Флеровского возмущает Маркса; отчеркнув соответствующие места, он замечает: «*Il faudrait connaître les détails!*» (стр. 348).

Несколько далее Флеровский говорит о хищнической эксплоатации рабочих в России:

«Воспитанные в школе крепостного права, мы думаем только о том, как бы у рабочего вырвать из рук возможно бо́льшую часть его произведений и разметать ее в безумных порывах к тщеславию и безмерной роскоши» (стр. 349).

Маркс против этого места на полях спешит подчеркнуть, что эта черта отнюдь не является национальной особенностью русских: «*et Messieurs les Anglais!*»

Особняком следует поставить группу замечаний, вызванных славянским уклоном рассуждений Флеровского. Этот уклон у Флеровского, как известно, с особой силой выступил после войны 1877—1878 гг., когда он привел его к сотрудничеству в «Русской речи» Навроцкого; но элементы этого славянского уклона имелись и у Флеровского, автора «Положения рабочего класса». Как мы уже видели из писем Маркса, он рано заметил этот уклон и посмеялся над ним. Но в том письме он смеялся над ним мягко; ремарки на полях книги звучат много злее.

Впервые славянско-самобытническую ноту у Флеровского Маркс почувствовал на странице 120 книги в фразе: «нам следовало бы помнить, что перед нами два пути: *один поставит нас во главе цивилизации*, другой приготовит нам судьбу Индии, Китая, Испании».

Слова, набранные нами курсивом, подчеркнуты Марксом, который на полях книги против них пометил: «*?!? Wie heisst?*»

Дальше, на странице 151 Маркс дважды регистрирует этот уклон Флеровского. Сначала он подчеркивает и двумя знаками восклицания отмечает фразу Флеровского: «Во внешней политике главной опорой нашей может быть только симпатия к нам славян и греков».

Немного дальше Флеровский пишет:

«Если славянские нации увидят, что политика наша в отношении к малороссам заключается в том, чтобы поднять и дать значение их национальности, *они с надеждой обратят к нам взоры* [Маркс на полях ставит знак восклицания. — *Б. Н.*] Они должны знать, что мы не хотим быть не только опекунами или отцами, но даже *старшими братьями славян* [Маркс: *!!*]; *мы должны быть равными, любящими* братьями, у которых одна мысль: сделать своих братьев счастливыми, придать им значение».

Набранные нами курсивом места подчеркнуты Марксом, у которого при этом срывается реплика на нижне-саксонском народном наречии: «*!Solche Brieder müsse wer hawe: Die versaufe!*»

К этой же теме приводят пометки Маркса на полях заключительной главы книги. Там Флеровский говорит о «великой идее», за выполнение которой Россия первая должна взяться, объединив для этого все классы общества:

«Не подлежит никакому сомнению, — пишет Флеровский, — что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внима-

тельные и любопытные взоры, если бы увидел у нас, что и высшие и низшие слои общества направились к одной цели и ищут счастья на одном пути, *если бы он получил чрез нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное* [Маркс:!] *произведение его цивилизации* (стр. 473).

Это место настраивает Маркса на юмористический лад; в мессианство русского народа, да еще *в такого рода* мессианство, когда все классы объединятся в стремлении к единой цели, он не верит, — об этом говорит его реплика на полях: «*Но, Но!*»

На той же странице несколько ниже внимание Маркса останавливает указание Флеровского на то, что «в конце XVIII века Европа не далеко была впереди России»; у Маркса это замечание вызывает сильное недоумение и он отмечает это место на полях: *!!?*

Те же знаки недоумения вызывают у Маркса замечания Флеровского о том, что «наш крестьянин обнаруживает несравненно больше такта и здравого чувства, чем западно-европейский»; что западно-европейскому сельскому пролетарию трудно будет вести самостоятельное крестьянское хозяйство, ибо это «не шуточное дело, к нему нужно приспособиться и привыкнуть с малых лет» (стр. 476); что в русском общинном владении имеется «зародыш той общинной и артельной жизни, от которой совершенно отвык, к крайнему своему ущербу, западно-европейский пролетарий» [стр. 480 — Маркс: *??*].

Последняя реплика Маркса вызвана тем местом книги, где Флеровский доказывает, что работник и теперь может стать просвещенным человеком. Аргументация Флеровского арифметически проста:

«Чтобы понять, — пишет он, — что работник может быть вполне просвещенным человеком и может жить мировой жизнью, стоит только сообразить, что *от субботы вечера до утра понедельника он имеет 36 часов*; если из них он только 6 будет посвящать серьезному чтению, то он может прочесть в год шестнадцать тысяч страниц: это вполне достаточно и для научной, и для мировой жизни».

Против этого рассуждения Маркс пишет на полях: «*C'est sérieusement naïf!*»

VI

Было бы крайне интересно восстановить хронологическую последовательность чтения Марксом русских книг. Изучение его отметок в этом случае приобрело бы особое значение, ибо несомненно, что позиция Маркса в русских вопросах в течение 1870-х гг. претерпела заметное изменение, по крайней мере, поскольку она была выявлена в печати: настроение Маркса, автора известного примечания о «калмыцкой крови» в главе шестой первого издания «Капитала», конечно, существенно отлично от настроения Маркса, с такой осторожностью подошедшего к вопросу об общине в своих письмах в редакцию «Отечественных записок» и, еще более, к В. И. Засулич.

К сожалению, на данной ступени нашего знакомства с биографией Маркса проделать полностью эту реконструкцию мы не можем. Тем не менее в дальнейшем изложении мы будем стремиться в пределах возможного восстанавливать хронологические даты чтения Марксом рассматриваемых нами книг.

Русскими изданиями, за чтение которых Маркс принялся непосредственно вслед за Флеровским, были, повидимому органы двух существо-

вавших тогда в эмиграции революционных групп, — «Колокол», возобновленный в апреле 1870 г. группой М. А. Бакунина и С. Г. Нечаева, и «Народное дело», в 1870 г. выходившее под руководством Н. И. Утина.[1] О чтении им «Колокола» именно около этого времени (апрель — май 1870 г.) есть прямые указания в письмах Маркса к Энгельсу[2]. Что же касается второго, то едва ли можно сомневаться что Маркс, принявший 24 марта 1870 г. мандат на представительство русской секции Интернационала в его Генеральном совете, конечно не преминул прочесть орган этой секции немедленно по его получении.

Пометки Маркса на страницах «Колокола»[3] немногочисленны; им отмечены в передовой статье номера первого те самые места, о которых Маркс упоминает в только что цитированном нами его письме к Энгельсу, а именно заявления редакции о том, что она не хочет превращать свой орган в «выражение какой-либо исключительной партии», а, наоборот, будет стремиться к тому, чтобы ее орган стал «точкой соединения всех честных людей», чтобы он сделался «органом русского практического дела». Из других мест этой статьи отчеркнуто замечание о «германско-византийском воспитании» русского народа.

Никаких подчеркиваний в остальных номерах «Колокола» не имеется.

Больший интерес представляют марксовы пометки на страницах утинского «Народного дела»[4]. Здесь с особым вниманием Марксом была прочитана прежде всего программная статья: «Крестьянская реформа и общинное землевладение» (№ 2 от 7 мая 1870 г.). Имеющиеся на ее полях реплики Маркса с убедительностью свидетельствуют, как далек был последний во время чтения этой статьи, т. е., очевидно, уже летом 1870 г., от восторга перед политическою мудростью Н. И. Утина и как трудно говорить, по крайней мере относительно этого времени, о влиянии Утина на Маркса. Первая из этих реплик вызвана замечанием автора статьи о том, что «для упрочения господства барства, как касты, пролетариат должен быть создан там, где его нет».

Отчеркнув это место, Маркс коротко бросает: «*Asinus!*»

Опору против этого грядущего бедствия автор статьи видит в общине:

«Никогда крестьянская община, основанная на общинном землевладении, не отдастся в конец в кабалу кулачества: она будет еще сносить известное время гнет политический, правительственный, будет терпеть его до развития в ее членах самосознания и сознания о нелепости царизма, до уничтожения своего *фетишизма по отношению к царю*; но она никогда не потерпит прямого экономического напора со стороны барства, прямой коммерческой сделки с кулачеством, которое поэтому никогда не сумеет само по себе, без вмешательства законодательной власти,

---

[1] Знаком был Маркс, повидимому, и с «Народной расправой» С. Нечаева, — по крайней мере, пометки, очень похожие на его, имеются на тех страницах № 2 этого издания, о котором мы упоминали выше.

[2] «Briefwechsel», т. IV, стр. 280 и др.

[3] В библиотеке сохранились только 1, 3 и 5 номера; из «Переписки» Маркса с Энгельсом известно, что в руках Маркса были все 5 номеров и французское к ним приложение — «Briefwechsel», т. IV, стр. 280).

[4] В библиотеке Маркса и Энгельса оказался почти полный комплект этого издания: №№ 2—6 за 1869 г. и №№ 1—4 и 6—7 за 1870 г. Экземпляры эти были присланы Марксу, — это видно из сохранившегося на № 3 за 1870 г. адреса: «Dr Marx, 86 Mornington Street Stockport Road Manchester». Почерк, которым написан адрес, нам не известен; дата штемпеля неразборчива, марка — английская.

забрать в кабалу целую землевладельческую общину: обезземеление, обездоление общины, как нераздельной единицы, невозможно, между тем как западные страны Европы представляют слишком поучительный пример того, каким быстрым образом мелкие личные собственники уступают напору мещанского барышничества и, лишаясь поземельной собственности, идут в кабалу, на жертву варварского закона невольного спроса и произвольного предложения».

Мы полностью привели эту длинную фразу, ибо только в таком случае становится понятной вызванная ею реплика Маркса, — реплика, крайне важная для выяснения его тогдашнего, лета 1870 г., отношения к самой главной русской самобытной особенности, — к русской земельной общине. Подчеркнув в этой фразе набранные нами курсивом слова, Маркс делает к ним сноску: «*Dieser Kohl kommt darauf heraus* [1]. *Das russische Gemeineigentum ist verträglich mit russischer Barbarei, aber nicht mit bürgerlicher Civilisation!*»

В дальнейшем ходе чтения Маркс подчеркнул в статье ряд мест об отрицательных сторонах итогов реформы 1861 г.; эти отчеркивания интересны как показатель желания Маркса вполне конкретно, не отделываясь общими фразами, уяснить себе действительное значение этой реформы. На существо же мысли, развиваемой автором статьи, К. Маркс отзывается еще лишь один раз, — на замечание автора о роли круговой поруки; к такой поруке автор статьи относится положительно, — он полагает, что она «*есть начало экономической солидарности общины*, начало тем более справедливое, что каждому человеку с малейшим здравым смыслом понятно, что так называемая зажиточность, обогащение крестьян-кулаков, всегда происходит на счет прямо пропорционального обеднения огромной части сообщинников, и, следовательно, богатые крестьяне, неся на себе бо́льшую долю круговой ответственности, только платят этим общике, так сказать, налог с дохода».

По поводу этого рассуждения Маркс еще раз прибегает к выразительной латыни, повторяя то свое мнение об авторе, которое он уже один раз высказал в начале статьи: «*Asinus!*»

Помимо этих двух главных органов Маркс познакомился в это время еще и с рядом других русских революционных изданий. В связи с начавшейся борьбой в Интернационале, его, естественно, крайне интересовала русская деятельность М. А. Бакунина и его друзей. Имя С. Г. Нечаева в то время уже начинало приобретать известность; попытки его ареста швейцарской полицией вызвали появление ряда его писем (обычно за подписью «К. Рюль») в органах сочувствующих Бакунину секций Интернационала; одно его письмо проникло даже в «Volksstaat» — обстоятельство, вызвавшее, кстати сказать, очень резкие отзывы Маркса о Либкнехте [2]. Маркс внимательно следил за этой историей, — не только по рассказам своих русских друзей (Г. А. Лопатина и др.) [4], но и по русской литературе; он, повидимому, уже собирал материалы для борьбы с Бакуниным: из письма Энгельса к Марксу от 29 апреля 1870 г.[4] мы знаем, что Маркс и Энгельс в это время прочли фигурировавшее позднее в процессе нечаевцев письмо

---

[1] Эти два последних слова особенно сильно стерлись (заметка написана простым карандашом); а так как они к тому же писаны с сокращениями, то восстанавливаются нами более или менее приблизительно.

[2] В неизданном еще письме Маркса к Энгельсу от 16 мая 1870 г. — оригинал хранится в архиве германской с.-д.

[3] «Briefwechsel», т. IV, стр. 292—293.

[4] «Briefwechsel», т. IV, стр. 275.

Бакунина к студентам [1]; к сожалению, бывший в их руках экземпляр этого письма не сохранился.

Почти несомненно, что около этого времени, — в 1870—1872 гг. — Марксом были прочитаны и все те русские издания, — Бакунина и Нечаева, — которые цитированы в вышедшем в 1873 г. докладе Генерального совета Интернационала: «L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs».

Но в библиотеке из этих изданий сохранилось только два: известное послание М. А. Бакунина: «Русским, польским и всем славянским друзьям», и нечаевские «Начала революции». На первом имеются два пояснительных замечания Ф. Энгельса, который в начале воззвания приписал: «publié au commencement de l'année 1862», и в конце добавил: «sans fin, la fin n'a jamais paru». Примечаний Маркса на этих экземплярах не имеется, но, повидимому, это им сделан на экземпляре ряд подчеркиваний и отметок синим карандашом; все они выделяют те места, где Бакунин говорит о «призвании славян» и «общеславянском начале»; как известно, это раннее (если говорить о периоде после Сибири) воззвание Бакунина было одним из наиболее «славянских» его произведений; это в нем он давал совет: «отошлем же татар своих в Азию, своих немцев в Германию, будем свободным, чисто русским народом». Все эти подчеркивания совпадают с теми цитатами (но не покрывают их), которые были позднее сделаны из этого послания в докладе Генерального совета Интернационала об «Alliance de la démocratie socialiste». (стр. 107—110).

Есть пометки Маркса и на нечаевской прокламации «Начала революции» (издана в Женеве в 1870 г.). Это очень интересное издание [2], заслуживает внимания: в нем, как и в некоторых других изданиях С. Г. Нечаева [3], содержится страстная апология политических убийств, но с совершеннно иным обоснованием, с совершенно иным подходом, чем позднее, у террористов эпохи «Земли и воли» и «Народной воли». В «Началах революции» проповедь террора совсем по-бакунински переплетается с борьбой против государственности и против «современной, реальной науки»; она построена на принятии принципа «цель оправдывает средства» и по существу является конкретизацией известного бакунинского «Катехизиса революционера»; рекомендуемый в этой листовке террор должен быть направлен против «всех без исключения современных форм европейской жизни» и длиться до полного их разрушения, ибо «совершенно новые формы могут произойти только из совершенной аморфности»; эти моменты листовки сближают ее с позднейшими анархистскими изданиями эпохи проповеди «прямого действия» и даже «безмотивного террора».

К сожалению, читанный Марксом экземпляр этого издания особенно сильно пострадал: при переплетании переплетчик срезал у прокламации поля вплотную до набора; благодаря этому только слегка заметны следы марксовых отчеркиваний. Им отчеркнуты призывы следовать «делам, инициативу которых положил Каракозов, Березовский и прочие» и которые «должны перейти, постепенно учащаясь и увеличиваясь, в деяния коллективных масс, вроде деяний шиллерова Карла Моора, с исключением только того идеализма, который мешал действовать как следует, и с заменой его

---

[1] «Несколько слов к молодым братьям в России», Женева, 1869 г.

[2] Оно перепечатано в известном сборнике Куклина.

[3] «Да, кто не с нами, тот против нас», в № 1 нечаевской «Общины» и др.

суровой, холодной, беспощадной последовательностью», а также все то рассуждение[1], которое заканчивается фразой:

«Не признавая другой какой-либо формы деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявиться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, нож, петля и т. п.

Не трудно себе представить, какое впечатление должна была производить эта проповедь на Маркса; следы этого впечатления имеются в уже цитированном нами докладе «Alliance de la démocratie socialiste» (стр. 65—67).

К этой же группе материалов, прочитанных Марксом в связи с борьбою против бакунистов, надо отнести и отчеты о процессе нечаевцев. С этим процессом Маркс знакомился внимательно по стенографическим отчетам, печатавшимся в «Правительственном вестнике». В библиотеке сохранились №№ 157 — 168 этой газеты; в них напечатан весь отчет по делу так называемой первой группы подсудимых (Успенский, Николаев, Прыжов, Кузнецов, Волховский и др.). Маркс эти отчеты прочитывал от доски до доски, тщательно отмечая все, представлявшее для него интерес. Судя по этим отметкам, Маркс, как и следовало ожидать, больше всего интересовался выяснившеюся из судебного следствия ролью М. А. Бакунина, его связями с С. Г. Нечаевым, а также личностью этого последнего. Пересматривая и сопоставляя теперь все эти отчеркивания, легко восстановить, к каким выводам приходил тогда Маркс. Все подсудимые в один голос твердили об обмане, которым действовал Нечаев, все подсудимые возмущались его действиями:

«Все, делавшееся вокруг меня, была положительнейшая ложь», — отчеркивал Маркс слова А. К. Кузнецова («Правительственный вестник», № 157). «Все средства позволительны для того, чтобы завлечь людей в дело», — так, по словам П. Николаева, учил его Нечаев (№ 157). «Нечаев вообще врал, говорил ложь», — твердил Орлов, подчеркнуто называя Нечаева (брата жены Орлова) «злополучной», «несчастной, позорной личностью» (№ 159).

Остальные подсудимые вторили этим отзывам, порою конкретизируя их, сообщая точные факты:

«Лихутин (№ 161) и Евишерлов (№ 162) — о том, что Нечаев умышленно присылал из-за границы на адреса своих знакомых резкие письма революционного содержания, «желая тем скомпрометировать этих лиц, чтобы они были арестованы: это составляло одну из черт его характера» (№ 161).

«Прыжов — о выдвинутом Нечаевым плане поездки его, Прыжова, за границу, с целью мистифицировать там представителей русской эмиграции (№ 160).

«Успенский — об «отвратительном впечатлении», произведенном в России на всех «Народною расправою» (№ 163) и т. д.».

И эти слова подсудимых подтверждались фактами — убийством Иванова — и документами — прокламациями Бакунина и Нечаева, знаменитым «Катехизисом революционера». Этот последний в читанной Марксом газете отчеркнут весь, но особо тщательно подчеркнуты слова: «Революционер должен проникнуть всюду... в III отделение (№ 162)».

Не трудно понять, как должен был после всего этого оценивать личность Нечаева Маркс. Но за Нечаевым в процессе все время вырисовывалась грузная фигура Бакунина. Маркс тогда еще не знал, что «Катехизис рево-

[1] Полностью оно дано (во французском переводе) в уже цитированном докладе «Alliance de la démocratie socialiste», стр. 67.

люционера» писала рука автора статутов «Alliance'a», но уже тогда было известно, что Нечаев приехал в Россию с мандатом от этой организации, — мандатом, подписанным М. А. Бакуниным; что он широко говорил о своих связях с последним и передавал восторженные отзывы Бакунина о нем: «вот какие люди у нас есть» (показание Успенского, № 160); что он привозил с собою отпечатанное стихотворение Н. П. Огарева о нем, Нечаеве, «гонимом местью царской» (№ 163) и т. д.

Это последнее стихотворение, опубликованное в отчетах о процессе, также обратило на себя внимание Маркса: на полях газеты, в номере, где оно напечатано, против отчеркнутых Марксом слов:

Жизнь он кончил в этом мире
В снежных каторгах Сибири —.

стоит одно выразительное слово: «*Asiat!*»

Эта сторона дела, вскрывавшаяся во время процесса, повторим, больше всего интересовала Маркса; но имеется ряд отметок, которые показывают, что Маркс умел отделить специфические особенности, внесенные в дело Нечаева, от того здорового революционного содержания, которое имелось в деятельности прошедших перед судом кружков молодежи, и с сочувственным интересом всматривался в эти здоровые моменты.

Из отметок этой группы очень характерны отметки Маркса на показаниях П. Н. Ткачева (№ 159); последний, как известно, много говорил на суде о положении женщины в России и объяснял, почему среди молодежи сравнительно широкое распространение получил институт фиктивных браков. Этот последний тогда вызывал ожесточенные нападки со стороны охранительной прессы, считавшей его ширмой, под прикрытием которой «развратные нигилисты» привлекают в свои ряды невинных и наивных девушек. П. Н. Ткачев в ответ на эти упреки заявил на суде, — а Маркс его слова подчеркнул, — что в среде, где фиктивные браки применяются, между мужчиной и женщиной царят отношения, «основанные на обоюдном уважении и доверии, которые делают совершенно невозможной даже саму ю мысль со стороны мужчины о том, чтобы он когда-нибудь решился злоупотребить своим «правом» законного супруга.

Мы далеко не исчерпали всех отметок Маркса, имеющихся на этих номерах газет,— их, быть может, следовало бы специально изучить и сопоставить с докладом об «Alliance», но это вывело бы нас из рамок нашего обзора. Поэтому ограничимся еще только несколькими замечаниями.

Очень характерны отчеркивания, сделанные Марксом на программной записке, найденной у Волховского: здесь Маркс отмечает положения о так называемом «идеологическом переживании» отсталыми странами промежуточных, на пути к социализму, этапов развития.

Еще более характерно одно из многих мест, отчеркнутых Марксом в речи Спасовича; в этом месте Спасович говорит:

«У каждого из нас была такая пора в жизни, когда он *смотрел титаном*, готовым весь мир объять, пересоздать и превратить в земной рай. *Потом эта пора проходит: титан возвращается* к обычным занятиям и становится самым добродушным филистером, самым усердным и аккуратным чиновником» (№ 165) [1].

Не трудно представить, что думал Маркс, читая эти слова, в смягченной форме повторявшие его, Маркса, отзыв о русских революционерах, брошенный им в известном письме к Кугельману [2].

[1] Слова, набранные курсивом, подчеркнуты особо тщательно.
[2] *Маркс*, Письма к Кугельману, Государственное издательство, 1928, стр. 53.

VII

К этому же периоду, — к самому началу 1870 гг., — относится и первое знакомство Маркса с сочинениями виднейших русских публицистов 1860-х гг. — Добролюбова и Чернышевского.

Уже 9 ноября 1871 г. Маркс имеет возможность, благодаря Н. Даниельсона за присылку сочинений Добролюбова, писать, что с этим автором он «отчасти уже знаком», и бросить при этом замечание, показывающее, что он не только с ним познакомился, но и верно оценил его значение: «Я сравниваю его, — пишет Маркс, — как писателя, с Лессингом и Дидро» [1].

Сочинения Добролюбова среди русских книг библиотеки Маркса сохранились в издании 1862 г., — повидимому, это тот самый экземпляр, который пришел от Даниельсона после того, как с основными произведениями Добролюбова Маркс уже познакомился по какому-то другому экземпляру, и надо думать, что именно этим обстоятельством объясняется небольшое количество имеющихся в нем пометок Маркса. Таковые попадаются только в первом томе, на полях статьи «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгой» и отзыва о «Театральных воспоминаниях» С. Т. Аксакова [2]. В этом последнем Марксом подчеркнуто имя Белинского, — у Маркса это довольно обычная привычка подчеркивать при чтении имена тех незнакомых авторов, узнать о которых подробнее у него являлось желание. Что же касается известной статьи Добролюбова о Пирогове как реформаторе в деле применения телесных наказаний в школах, то на ее полях отчеркивания Маркса имеются в большом количестве. Видно, что ее он прочел со вниманием, повидимому живо интересуясь перипетиями борьбы за отмену телесных наказаний: им подчеркнуты фамилии называемых Добролюбовым защитников розги и наиболее яркие из сообщаемых им фактов. Характерная деталь, свидетельствующая, насколько хорошо уже в то время были знакомы Марксу «самобытные» особенности русской жизни: в пироговской табели о порке он обратил внимание и на разницу в наказаниях, установленных за воровство и за лихоимство (т. I, стр. 271).

Гораздо более многочисленны по количеству и значительны по их содержанию сохранившиеся следы чтения Марксом сочинений Чернышевского.

Начало знакомства Маркса с этим последним относится еще к середине 1871 г. 13 июня этого года, сообщая в своем письме к Н. Даниельсону о своем желании познакомиться с экономическими работами Чернышевского, Маркс прибавляет, что «Примечания к Миллю» у него имеются. А спустя полтора года, в письме от 13 января 1873 г., в письме к нему же Маркс имеет возможность сказать, что ему знакома «значительная часть сочинений» Чернышевского [3]. К этому же времени, — отметим попутно, —

---

[1] «Минувшие годы», 1908 г., стр. 51.

[2] Ф. Гинзбург в своем сообщении о библиотеке Маркса (т. IV сборников «Группа «Освобождение труда», стр. 387), говорит о пометках Маркса в III т. сочинений Добролюбова на полях статьи «Темное царство». Это сообщение ошибочно: пометки там сделаны кем-то другим, умевшим хорошо писать по-русски (см. его пометку на стр. 465), в то время как Маркс по-русски писал только печатными буквами. Если Марксу и принадлежат какие-либо пометки в этом томе, то только 3 — 4 отчеркивания красным карандашом, но и это не может быть признано бесспорным.

[3] «Минувшие годы». 1908 г., стр. 50 и 57. Дата последнего из цитируемых писем тем более интересна, что она почти совпадает с датой, стоящей под предисловием Маркса ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» (24 января 1873 г.), где, как известно, содержится лестный отзыв о Чернышевском.

относится и содействие, оказанное Марксом в деле издания за границей известных «Писем без адреса» Н. Г. Чернышевского [1].

Интересоваться Чернышевским Маркс продолжал и позднее: его пометки имеются также на статье Чернышевского о Кавеньяке в издании 1874 г., а цитаты из только что упомянутых «Писем без адреса» встречаются, кроме того, и в тетрадях Маркса от 1881—1882 гг., когда им были составлены довольно обширные заметки, объединенные под общим заглавием: «Zur russ[ischen] Leibeig [enen] Emancipation».

Для большей четкости выявления отношения Маркса к Чернышевскому все его заметки об этом последнем мы соберем теперь вместе, вне зависимости от времени чтения им статей Чернышевского (тем более, что определить это время удается далеко не всегда).

Всего среди русских книг библиотеки Маркса из сочинений Чернышевского налицо оказались следующие вещи:

1. «Дополнения и примечания на первую книгу Политической экономии Д.-С. Милля», Женева, 1869 г., переплетенные в один том вместе с его же «Очерками из политической экономии (по Миллю)» Женева, 1870 г.
2. «Статьи об общинном владении землей», Женева, 1872 г.
3. «Труден ли выкуп земли»? (Женевское издание), — без обозначения года.
4. «Письма без адреса», Цюрих, 1874 г.
5. «Кавеньяк», Женева, 1874 г.
6. «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», Женева, 1875 г.
7. «Пролог», Лондон, 1877 г.
8. Сборный том отдельных статей по крестьянскому вопросу из «Современника», «Отечественных записок» и др. журналов конца 50-х и начала 60-х гг., — в том числе статьи Чернышевского: «Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса» и «Библиография журнальных статей по крестьянскому вопросу».

Из всех этих книг только «Пролог» и «Борьба партий» не сохранили следов чтения их Марксом; на всех остальных имеются отметки последнего, — порою в количестве, свидетельствующем о весьма внимательном чтении. Наибольший интерес представляют отметки (и замечания) на «Примечаниях к Миллю», которые были, как мы уже видели, первой книгой из сочинений Чернышевского, попавшей в руки Маркса (судя по почерку русских пометок на этих «Примечаниях», Маркс получил их от Г. Лопатина).

Публичные отзывы Маркса о Чернышевском (в письме в редакцию «Народного дела» и в предисловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала») известны достаточно широко, но они, равно как и отзыв Энгельса (в послесловии к брошюре «О России»), как правильно отметил еще Г. В. Плеханов [2], оставляют совершенно открытым вопрос о действительной оценке Марксом работ Чернышевского по существу. В свое время для выяснения этой оценки Плеханову пришлось итти путем привлечения косвенных доказательств, — правда, очень серьезных и сделавших его аргументацию вполне убедительной. Если бы ему попал в руки лежащий сейчас перед нами экземпляр «Примечаний к Миллю» с собственноручными пометками Маркса, то он мог бы к этим косвенным аргументам присоединить и некоторые подлинные заявления самого Маркса [3].

Критическое отношение Маркса к ряду моментов в экономических воззрениях Чернышевского начинает выявляться при чтении им первых

[1] См. там же, стр. 56, а также «Briefwechsel», т. IV, стр. 353.

[2] *Г. В. Плеханов*, Сочинения. Госиздат, Москва, т. V, стр. 126.

[3] Считаем необходимым теперь же оговориться, что в нашем обзоре мы используем не все *отметки* Маркса; некоторые из них нами в обзор не введены, — это были те отметки, которые, будучи мало существенны для выяснения отношения Маркса к Чернышевскому, требовали длинных пояснений; *замечания* Маркса нами использованы все без исключения.

же страниц «Примечаний», — тех, где Чернышевский даст свои дополнения к миллевскому определению понятия политической экономии или, вернее, свое собственное определение последнего. Как известно, даваемую Миллем, вслед за А. Смитом, формулу: «политическая экономия есть наука о богатстве», Чернышевский на этих страницах заменяет своей: «Политическая экономия есть наука о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом» (т. I, с р. 42) [1]. Это определение, хотя оно и является, несомненно, значительным шагом вперед по сравнению с формулой А. Смита, все же достаточно резко отличается от того определения, основы которого разработал сам Маркс; поэтому знак вопроса, которым отметил Маркс формулу Чернышевского, в особых пояснениях не нуждаются.

Ту же реакцию со стороны Маркса вызывает и одно место из рассуждения Чернышевского о различии между богатством и благосостоянием. О последнем Чернышевский пишет:

«Человек терпит или не терпит нужды, благосостоятелен или неблагосостоятелен не по сравнению с другими, а сам по себе. Масштаб тут дается природою человека...» (т. I, стр. 39).

Слово «природою» в этой последней фразе Марксом подчеркнуто и на полях отмечено знаком вопроса.

С первых же страниц явно сказывается несогласие Маркса с отношением Чернышевского к Миллю. Как известно, Чернышевский не скупился на комплименты по адресу последнего: он объявляет прекрасным даваемое Миллем «разоблачение меркантильной системы» (т. I, стр. 43), очерк экономической истории, составленный Миллем, он признает «сделанным мастерски» (т. I, стр. 46); ясную ему слабость некоторых сторон в рассуждениях Милля он пытается если не смягчить, то объяснить, объявив их «наследством меркантильной теории» (т. I, стр. 45). На все эти замечания Маркс, совсем по-иному расценивавший индивидуальные особенности Милля-экономиста [2], реагирует на полях книги все теми же недоуменными знаками вопроса.

В дальнейшем Маркс делает и прямые указания на некоторые ошибки Чернышевского в отношении оценки Милля. Как известно, Чернышевский, ведший в России борьбу за выкуп крестьян с землей, — отчасти, быть может, в нравоучительных целях, — объявил Милля «почти что первым политико-экономом в Англии, решительно признавшим превосходство» формы мелкого землевладения крестьян-собственников над всеми другими. Против этого утверждения Чернышевского Маркс возражает дважды. В одном месте он пишет: «*c'est une erreur*», — (т. II, стр. 126), — причем подчеркнутые места свидетельствуют, что ошибкою Маркс считает объявление Милля *первым* политико-экономом в Англии, ставшим на эту точку зрения. Второе аналогичное замечание Маркса направлено, повидимому,

---

[1] Здесь и всюду ниже ссылки на страницы «Примечаний к Миллю» нами даются по указанному выше в тексте женевскому изданию (элпидинскому) 1869—1870 гг., причем первую из названных там книг мы для краткости обозначаем «т. I», а вторую — «т. II».

[2] На полях «Примечаний» сохранилось несколько отметок Маркса, относящихся к цитируемым Чернышевским рассуждениям Милля. Мы приведем только одну из них, — наиболее выразительную: в главе о «Собственности» Милль пишет: «Законы собственности до сих пор еще не приведены в сообразность с принципами, на которых основывается признание частной собственности законной» (т. II, стр. 8). Отчеркнув эту фразу Маркс реагирует на нее краткой репликой: «*Asinus!*». Ф. Гинзбург в цитированном уже выше сообщении о библиотеке Маркса (стр. 386), не обратила внимание, что данное замечание относится к цитатам из Милля, а не к примечаниям Чернышевского, и тем самым неправильно изобразила отношение Маркса к Чернышевскому. Таких резких замечаний по адресу последнего Маркс не делал.

против правильности изложения Чернышевским взглядов Милля в этом вопросе. Милль, — пишет Чернышевский — «ставит эту форму земледельческого быта (поселяне-собственники) выше всех перечисляемых им...»; отчеркнув это место, Маркс замечает на полях: *«ce n'est pas vrai»* (т. II, стр. 124).

Не менее явно критическое отношение Маркса выступает в тех отметках, которые он делал при чтении соображений, выдвинутых Чернышевским для защиты предложенного метода исследования явлений экономической жизни. Как показал Г. В. Плеханов, в обосновании этого метода особенно рельефно выступили слабые стороны Чернышевского-просветителя. Отметки Маркса, сохранившиеся на полях соответствующих страниц, показывают, что на рассуждения Чернышевского он взглянул под тем же углом зрения, что и Плеханов, — не случайно его отчеркивания местами точно совпадают с характернейшими из цитат, приводимых Плехановым в своей книге о Чернышевском.

Несомненно, что именно Чернышевского-просветителя и рационалиста ловит Маркс и в следующих отметках.

На стр. 88 первого тома Чернышевский вначале отдает дань уважения математическим (статистическим) приемам решения экономических задач. Пример, который он здесь берет, — вопрос об отмене хлебных законов в Англии.

«Например, спрашивается, — пишет он, — полезно ли было для Англии отменение хлебных законов?... Тотчас же вычисляется, сколько фунтов хлеба средним числом приходилось в Англии, до отменения хлебных законов, на потребление человеку, сколько приходится теперь: оказывается, что теперь средняя цифра потребления хлеба больше, и *дело решено безвозвратно:* отмена хлебных законов была полезной».

Это место, звучащее чересчур упрощенно-рационалистически даже для Чернышевского, во многих случаях упрощавшего свои рассуждения сознательно, применяясь к русской аудитории, обратило на себя внимание Маркса. Слова: «решено безвозвратно» им подчеркнуты и отмечены на полях знаком вопроса и репликой: *«Dauerte lange»* [1].

Предлагаемый самим Чернышевским гипотетический метод, конечно, не так упрощен, как только что приведенный «математический прием». Но и в нем Марксу бросаются в глаза упростительски-рационалистические стороны.

«Лишь только мы произвели, — пишет Чернышевский, из примера с войной делая обобщенный вывод о пригодности своего метода, — такое простейшее построение вопроса, *решение становится столь просто и бесспорно, что...*» (т. I, стр. 90).

В этой фразе Маркс подчеркивает набранную нами курсивом часть фразы и отмечает ее знаком вопроса на полях.

Несомненно также, что именно этими же соображениями объясняется и сделанное Марксом подчеркивание (оно выделено нами курсивом) в следующей фразе дальнейших рассуждений Чернышевского:

«В этом общем смысле политико-экономические вопросы решаются посредством гипотетического метода с математической достоверностью, *лишь бы только были поставлены правильно...*» (т. I, стр. 91).

Недоумение (знак вопроса) вызвала у Маркса в этой части рассуждений Чернышевского и упрощенность общей его формулы об убыточности

[1] Ф. Гинзбург это замечание прочла «Dauerte lang?», но это ошибка; знак вопроса Марксом поставлен совершенно особо (даже другим карандашом) и «Dauerte lange» звучит не в форме вопроса, а *оценкой* рассуждений Чернышевского.

войны: «Убыточность войны для общества прямо пропорциональна числу людей, идущих на войну» (т. I, стр. 91).

Явно не удовлетворил Маркса целый ряд существенных мест и во многих дальнейших рассуждениях Чернышевского.

В той главе «Примечаний», которая озаглавлена «Обзор отдела о труде», Маркса явно не удовлетворяет даваемый Чернышевским анализ рассуждений Милля о производстве продуктов; целый ряд мест этих рассуждений (на стр. 116—118 первого тома) Марксом отчеркнут и в конце первого абзаца, на странице 118, им положена суровая резолюция: «*Tsch[ernyschewsky] hat keinen Begriff v[on] d[er] kapit[alistischen] Productionsweise*» [1].

Очень много отчеркиваний Маркса и в той главе «Примечаний», которая озаглавлена «Понятие капитала»; к сожалению, замечаний на полях этой главы Маркс никаких не писал, но после внимательного просмотра отчеркиваний не может быть сомнений в том, что и она Маркса не удовлетворила; основание для этого вывода таково.

В предпоследнем абзаце этой главы Марксом подчеркнуты слова: «Мы очень долго остановились на анализе научного понятия о капитале» (т. I, стр. 148).

И против них на полях поставлен знак вопроса, который можно понять только в одном смысле, — что Маркс не согласен с мнением Чернышевского и не считает развитые перед тем этим последним соображения анализом научного понятия о капитале. Никаких пометок, разъясняющих мотивы этого отношения, не сохранилось, но едва ли могут быть сомнения, что причину его следует искать в том направлении, которое указал Плеханов, в соответствующей главе своей работы о Чернышевском установивший размеры расхождения в этом вопросе Чернышевского с Марксом.

Весьма неудовлетворен был Маркс и рассуждениями Чернышевского в связи с вопросом об убывающем плодородии (полемика Чернышевского против Мальтуса); в одном месте у Маркса здесь срывается по адресу Чернышевского даже резкость.

«Если бы от удвоения труда на десятине удваивался продукт ее, то не было бы расчета вместе с этим увеличением труда на прежних землях лучшего качества обращать под распашку земли худшего качества» (т. I, стр. 201).

Все это место подчеркнуто и отчеркнуто, и на полях Марксом написано: «*Stupide!*»

Резкое замечание Маркса вызывает и то место рассуждений Чернышевского, где он говорит о соотношении «запроса и снабжения» (спроса и предложения) относительно звонкой монеты; здесь Маркс отчеркивает те расчеты Чернышевского, которыми последний хочет доказать изменение стоимости звонкой монеты сообразно уровню «запроса и снабжения», и на полях пишет по-английски (т. II, стр. 263): «*Blunder!*» «*?!*»

Заметим, кстати, что это слабое место рассуждений Чернышевского отмечено и Г. В. Плехановым [2].

Более частный характер носит ряд других замечаний Маркса, также свидетельствующих об его недовольстве построениями Чернышевского.

На стр. 124 первого тома к тем абзацам, где Чернышевский, поставив вопрос, чем в сущности вознаграждается работа кузнеца — сына фермера,

---

[1] Ф. Гинзбург последнее слово прочла неправильно: «Produktivität»; Маркс говорит не о «капиталистической производительности» (?!), а о капиталистическом способе производства.

[2] *Г. В. Плеханов*, Сочинения, т. VI, стр. 109.

изготовившего плуг для хозяйства своего отца, приходит к выводу, что она вознаграждается «следующей жатвою», Маркс делает примечание: «*Работа in diesem Fall bezahlt d[ur]ch d[en] Pflug!*» [1].

Недоуменный знак вопроса вызывает у Маркса замечание Чернышевского, пытавшегося объяснить уменьшение процента прибыли в крупных хозяйствах сокращением в таких хозяйствах возможностей прямого контроля «хозяйского глаза» (т. II, стр. 190).

В нескольких случаях Маркс отмечает и фактические ошибки Чернышевского.

Последний на стр. 180 первого тома говорит, что «теперь... новых громадных обществ для постройки новых громадных линий железных дорог уже не составляется». Маркс по этому поводу замечает на полях: «*Quelle erreur!*»

Точно так же исправляет Маркс замечание Чернышевского, что «предводители баденских инсургентов (1849 г.) Геккер и Струве были социалистами» (т. II, стр. 15).

«*Erreur!* — пишет по этому поводу на полях Маркс, — *ils n'y pensaient pas!*»

Некоторые замечания Маркса носят совсем случайный характер, но они представляют интерес, отмечая разницу между Марксом и Чернышевским в оценке некоторых национальных особенностей. Чернышевский явно склонен преувеличивать размеры англо-саксонского индивидуализма; он даже уверен, что в случае, если кто-нибудь попытается насильно помешать англичанину или северо-американцу итти туда, куда он хочет, англичанин или американец «обойдется преимущественно частным образом», без обращения к полиции. Маркс с этим прямо не согласен и скептически замечает по этому поводу на полях: «*No!*» (т. II, стр. 101).

Повидимому, еще более странным для уха Маркса оказалось другое замечание Чернышевского: «Каждому приятно иметь овощи из своего огорода, хотя покупка их и обошлась бы дешевле домашнего производства» (т. II, стр. 76).

Марксу это замечание показалось совсем непонятным. — «*Enfant!*» — пишет он на полях, адресуя этот эпитет к Чернышевскому, в то время как в действительности его следовало бы отнести к условиям тогдашней русской жизни, во многом еще пропитанной традициями натурального хозяйства.

Мы сгруппировали все данные, способные выяснить нам критическое отношение Маркса к Чернышевскому-экономисту. Но в числе реплик Маркса на полях «Примечаний» имеются и такие, которые поясняют, какие черты произведений Чернышевского ему были более чем симпатичны.

Наряду со слабыми местами в рассуждениях Чернышевского Маркс внимательно следит и за теми высказываниями, в которых высказывается Чернышевский-социалист. От внимания Маркса не ускользают неизменные симпатии Чернышевского к «массам», его стремление, пусть не всегда удачно, но последовательно проводить принципы, легшие в основу теории трудовой стоимости.

То место рассуждений Чернышевского, где он (в главе «Обзор отдела о труде») опровергает соображения Милля, доказывавшего «справедливость» выделения доли продукта капиталисту в качестве вознаграждения последнего за «отсрочку личного потребления» вложенного им в предприятие капитала, вызывает одобрительную реплику Маркса: «*Good!*» (т. I, стр. 118).

---

[1] Ф. Гинзбург эту реплику прочла не вполне правильно.

Но совсем подкупило Маркса одно из тех мест, где у Чернышевского с захватывающею силою вырвалась наружу его затаенная страстная вера в неизбежность социалистического переустройства общества. Это место, — хотя оно несколько велико, — нам хочется привести здесь полностью.

Если невольничество, — писал Чернышевский, — продержалось силою рутины несколько столетий, после того как перестало быть удобною формою производства, то и форма наемного труда в передовых странах Европы, может быть, продержится еще довольно долго, — быть может, несколько десятилетий. В вопросах о будущем можно определенно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достижение этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направлению идет оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям... Но эта хронологическая разница имеет только практический интерес для живущего поколения: доведется ли ему пользоваться лучшими условиями производства или нет, для него это, конечно, очень важно. А в отвлеченной формуле нет этой неизвестности, потому что нет в ней и хронологических указаний; она говорит только факту: ты минуешь, и место твое займет другой факт; она говорит только: из настоящего положения вещей произойдут такие-то и такие-то перемены в таких-то и в таких-то фактах. Но когда произойдут, этого она не говорит. Быть может, — завтра, быть может, — очень не скоро. Так физиология говорит каждому из нас: «ты умрешь», но когда кто из нас умрет, — этого она не говорит; это уже дело обстоятельств, еще ускользающих от точного определения (т. I, стр. 188).

Эти строки Чернышевского так часто и с таким захватывающим волнением перечитывались столькими поколениями русских социалистов, с ними у столь многих связано так много личных переживаний, что нам особо приятно отметить впечатление, произведенное ими на Маркса: они его тоже захватили; об этом достаточно ясно свидетельствует вся эта страница книги, строки которой почти сплошь подчеркнуты синим карандашом и, вдобавок, еще раз отчеркнуты с краев карандашом черным, а на полях стоит вырвавшееся у Маркса восклицание восхищения: «*Bravo!*»

Остальные книги Чернышевского, сохранившие следы чтения их Марксом, дают много меньше материалов для выводов.

Книга «Труден ли выкуп земли?» сохранила только подчеркивания и отчеркивания: Маркс внимательно входил в детали расчетов Чернышевского, подробно следил за его аргументами.

По «Библиографии журнальных статей по крестьянскому вопросу» Маркс знакомится со взглядами представителей разных точек зрения в этом вопросе; им заботливо подчеркнуты имена авторов, местами — основные из их аргументов.

За той же борьбой взглядов следит Маркс и по сборнику статей Чернышевского об общине. Из его подчеркиваний здесь мы видим, что он верно подмечал основные черты позиции и Тенгоборского, и Вернадского, и Гакстгаузена, — не говоря уже о самом Чернышевском. У последнего Маркса больше всего интересует его аргументация за общину. Особо тщательно отчеркнуты здесь указания Чернышевского, что общинное пользование землей не обязательно связано с отсталостью методов сельского хозяйства, что оно возможно «без передела земли между членами общины» (стр. XXII), что в самой общине есть тенденции, развитие которых может свести на-нет эти отрицательные стороны (стр. 25 и др.), что единственный случай выгодного ведения рационального сельского хозяйства Гакстгаузен встретил у общинников-меннонитов (стр. 55) и т. д. Особое внимание Маркса привлекла сделанная Чернышевским (в статье «Критика философских предубеждений против общины») попытка связать свои надежды на общину, как возможную ячейку социалистического переустройства общества, с философскою схемою Гегеля. Все основные моменты этой аргументации Марксом подчеркнуты, — видно, что он с интересом следит за ходом мыс-

лей Чернышевского. А та «аксиома», которую Чернышевский кладет в основу своих рассуждений, — «по форме высшая степень развития сходна с началом, от которого она отправляется», — Марксом подчеркнута даже в двух местах (стр. 159 и 172). Отчеркнута также и та оговорка, которой Чернышевский устраняет возможность лжетолкований этой аксиомы: «Само собой разумеется, что при сходстве формы, содержание в конце безмерно богаче и выше, нежели в начале» (стр. 163).

Не ускользнули от внимания Маркса и моменты реализма в подходе к общине. «Сохранение его (т. е. общинного духа) у нас есть следствие невыгодных обстоятельств нашего развития», «он сохранился у нас довольно неприкосновенным» «вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту»,— эти фразы и все связанные с ними рассуждения Чернышевского (стр. 40—41) Марксом подчеркнуты и отчеркнуты. Равным образом отмечает Маркс и те заявления Чернышевского, где он говорит о том, что теперь «наша промышленная деятельность начинает очень быстро усиливаться», что «изменяется и самый порядок производства» (стр. 1).

Очень много подчеркнутых Марксом мест и в «Письмах без адреса»; можно сказать, что это обращение Чернышевского к Александру II все испещрено марксовскими подчеркиваниями: в них нет ни одной существенной мысли Чернышевского, которую Маркс не постарался бы выделить [1].

Внимательно прочитана Марксом также и статья Чернышевского о Кавеньяке; здесь Маркса особенно интересовала оценка Чернышевским позиций партий, боровшихся во Франции в 1848 г. К сожалению, замечаний на полях ее Маркс никаких не сделал. Только два отзыва Чернышевского явно задели и удивили Маркса; первый из этих отзывов — мимоходом брошенное замечание Чернышевского: «...интриганы вроде Бланки» (стр. 28); второе — характеристика умеренных республиканцев как «теоретиков» (стр. 74). На оба эти замечания Чернышевского Маркс реагировал знаком вопроса на полях.

Здесь же мы коснемся и чтения Марксом сочинений Салтыкова-Щедрина.

Желание познакомиться с этим автором у Маркса явилось очень рано, еще в 1871 г.: именно в этом году, при чтении «Примечаний к Миллю» (т. I стр. 44), Маркс подчеркнул имя Щедрина, — как мы уже отметили, такое подчеркивание у Маркса свидетельствует об его интересе к автору. И он познакомился с ним, — и довольно хорошо, — но значительно позднее, повидимому уже во второй половине 1870-х гг., когда хорошо овладел русским языком.

Из сочинений Салтыкова, изданных при жизни Маркса [2], в библиотеке партийного архива хранятся:

1. «Господа ташкентцы. Картины нравов». Петербург, 1873 г. 324 стр.
2. «Дневник провинциала в Петербурге». Петербург, 1876 г. 387 стр.
3. «Убежище Монрепо». Петербург, 1880 г. 211 стр.
4. «За рубежом» (Обложка сорвана, — издание, несомненно, начала 80-х гг.).

Пометки Маркса с несомненностью свидетельствуют о том, что из этих книг первые три были прочитаны им с большим вниманием. На полях в них довольно часто встречаются переводы не понятых Марксом слов;

---

[1] Как уже отмечено выше, эти «Письма» к тому же конспектированы Марксом в его тетрадях

[2] В библиотеке имеется несколько книг Щедрина и в издании позднейших лет.

как мы уже отметили, обычно это такие, которые заставили бы полезть в словарь и многих из считающих русский язык своим родным: «хазовый», «потрафил», «голоконный», «острец», «прогоны» и т. д. Наряду с этим имеется много подчеркиваний, показывающих, какие именно штрихи рисуемых Щедриным картин больше других обращали на себя внимание Маркса. Таких подчеркиваний особенно много в «Господах ташкентцах»; судя по ряду признаков, из произведений Щедрина эта последняя книга Марксом была прочитана раньше других и потому сильнее всего действовала на его воображение. Подчеркивания, сделанные Марксом в этой книге, настолько интересны, что некоторые из них мы приведем, — они нам покажут, какие особенности «святой Руси» увидел Маркс сквозь призму произведений Щедрина (курсивом мы берем места, подчеркнутые Марксом).

«Раскольники, современные Петру, и то лучше были, ибо говорил : *мы хотим пахнуть по-своему*. Мы уже ничего не говорим, а просто-напросто с пустом в пусто лезем. *И выходит, что мы тоже пахнем, но пахнем нежилым местом*» (стр. 10).

«*Сколь талантлив может быть человек, когда знает, что его за эту талантливость не подвергнут телесному наказанию*» (стр. 11).

«...он (собирательный русский Митрофан. — *Б. Н.*) *смешал цивилизацию с табелью о рангах*» (стр. 18).

«Могу сказать смел ; я действовал по всем правилам искусства, т. е. *цивилизовал все, что попадалось мне по пути*» (стр. 54). *Будь у меня в руках штоф водки, я был бы способен в одну минуту процивилизовать насквозь целую Палестину* (стр. 55).

Исправник Хмылов [«палач»] «*брал* [взятки] *исключительно с имущих, а неимущих только сек*» (стр. 145).

«*Il n'ya rien comte un français pour servir*».

«*...Маркиз Шассе-Круазе, который был знаменит тем, что в одном нижнем белье прибежал из Парижа в Россию, а потом, в 1814 г., вполне экипированный, брал Париж вместе с союзниками*» (стр. 179).

У Мангушева, как и у Персиянова, — «ташкентцев» приготовительного класса из «золотой молодежи», — мысли «*подернуты легким слоем разврата*» (стр. 107.)

Замечаний Маркса на полях этих книг нам удалось разыскать только два. Из них одно на добрую половину срезано ножом переплетчика и не поддается расшифровке. Зато другое представляет значительный интерес, ибо содержит в себе не только отзыв о той статье, которою оно непосредственно было вызвано, но и в известных пределах общую оценку некоторых сторон произведений Щедрина вообще. Сделано оно Марксом в конце книги «Убежище Монрепо», — после внимательного прочтения заключительной главы этого произведения, которому, как известно, сам Щедрин придавал большое значение.

Современному читателю не лишне будет напомнить об этой главе. Она названа автором «Предостережение» и посвящена «кабатчикам, менялам, подрядчикам, железнодорожникам и прочих мироедских дел мастерам». В ней Щедрин дает свою оценку новому явлению тогдашней русской жизни — нарождению сильного слоя крепкой капиталом буржуазии. Именно в ней он возвещает: «Идет чумазый! Идет и на вопрос, что есть истина? твердо и неукоснительно ответит: распивочно и на вынос!» Это и ряд других характерных мест Марксом отчеркнуты и в этой статье. В отличие от большинства своих других произведений, в этом «Предостережении» Щедрин пытается ввести и момент положительной проповеди; он не довольствуется вскрытием существа подмеченного им явления, анализом его зна-

чения для настоящего и будущего, — он пытается апеллировать к «добрым чувствам» нового буржуа. «Будь умерен и помни, что титул дирижирующего класса... влечет за собой не одни права, но и обязанности», «производи, не маклери», — пытается он убеждать «чумазого».

Замечание Маркса по этому поводу гласит: (стр. 211). «*La dernière partie de la* Предостережение *est très faible*; *généralement l'auteur n'est pas fort heureux dans ses conclusions «positives»*.

К числу русских авторов, начало знакомства с которыми Маркса относится к 1871—1872 гг., принадлежат экономисты И. И. Кауфман и Н. И. Зибер; упоминание об обоих этих авторах имеется в предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала» (датировано 24 января 1873 г.); о них же упоминает Маркс в письмах к Н. Даниельсону: о первом в письме от 15 августа 1872 г., о втором в письме от 18 января 1873 г.

На первого внимание Маркса обратила его статья о первом томе «Капитала», помещенная в «Вестнике Европы» в связи с выходом русского издания этого последнего [1].

Маркс, хотя он и подтрунивал (в письмах к Кугельману) над тем, что первый перевод «Капитала» делается русским, очень интересовался и успехом этого издания среди читателей, и приемом, оказанным ему русской критикой.

Успех издания был велик, и Маркс, сообщая о нем своим корреспондентам, не скрывал своего удовольствия. Надежды цензора Скуратова, рассматривавшего книгу и признавшего возможным выпустить ее в свет главным образом потому, что ее «немногие прочтут в России, а еще менее поймут» [2] — явно не оправдывались. За первые $1^1/_2$ месяца после поступления книги в продажу из 3000 экземпляров издания разошлась уже целая треть, — цифра для тех лет весьма большая. И вопреки ожиданиям цензора, читатели книги понимали в ней достаточно много; во всяком случае они понимали те места ее, понимание которых были наиболее нежелательно цензорам, — те, где, вслед за картинами эксплоатации трудящихся в современном обществе, у Маркса следовали призывы к экспроприации экспроприаторов. Многочисленные теперь рассказы представителей революционного поколения 1870-х гг. почти единодушны в своих показаниях о впечатлениях, вынесенных ими от чтения «Капитала». Маркс имел право гордиться успехом русского издания своей книги.

Но количество отзывов о ней, появлявшихся в ру ской печати, далеко отставало от успеха книги среди читателей. Тем сильнее интересовался ими Маркс и тем большее внимание он обратил на статью И. И. Кауфмана. Оттиск этой последней, вскоре после ее появления, был прислан Марксу Даниельсоном [3], — он сохранился среди русских книг библиотеки Маркса. Последним в нем отчеркнуты все существеннейшие места немногочисленных замечаний Кауфмана. На современного читателя эти замечания не производят впечатления глубины; *своего* в них Кауфман не дает почти ничего, — он только добросовестно и с известным сочувствием, но не без упрощения излагает некоторые из тех основных положений, руководствуясь которыми Маркс подходит к исследованию явлений [4]. При сопоста-

---

[1] *И. К—н*, Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса. «Вестник Европы» № 5 за 1873 г.

[2] Сочинения К. Маркса в русской цензуре (Архивная справка). «Дела и дни», т. I, Ленинград, 1921, стр. 324.

[3] «Минувшие годы», 1908 г., № 1, стр. 53.

[4] Может быть не лишне будет привести здесь те места этой статьи, которые обратили на себя внимание Маркса:

влении теперь этих замечаний с одобрительными отзывами Маркса об его «рассудительном критике», становится ясным, как мало был избалован Маркс серьезным отношением к его трудам современной ему экономической критики.

Вновь работами И. И. Кауфмана Маркс заинтересовался уже в конце 1870-х гг. В это время он прорабатывал вопросы денежного обращения и кредита и пожелал до выпуска в свет второго тома своего «Капитала» проработать также и русскую литературу предмета. Из неизданных писем М. М. Ковалевского к Марксу видно, что за содействием в получении соответствующей литературы Маркс обратился к Ковалевскому [1]. Последний это содействие оказал, — одна из имеющихся в библиотеке Маркса работ Кауфмана :(«Статистика русских банков») сохранила на себе авторскую надпись: «Максиму Максимовичу Ковалевскому от автора». Повидимому, благодаря его же посредничеству о посылке остальных своих книг позаботился сам Кауфман; в результате, в библиотеке Маркса И. И. Кауфман представлен так полно, как никто другой из русских авторов; из его работ здесь имеются следующие:

1. «Теория колебания цен» [2]. Харьков, 1867 г. 288 стр.
2. «К учению о деньгах и кредите» [2]. Вып. I, Харьков, 1868 г. 49 стр.
3. «Статистика русских банков. По поручению Центрального статистического комитета обработал И. И. Кауфман». Ч. I. Петербург, 1872 г. 353 стр.
4. «Статистический временник Российской империи. Издание Центр. статист. комитета Мин. вн. дел. Серия II, вып. IX. Статистика русских банков. Обработал И. И. Кауфман». Петербург, 1872 г. XVIII+545 стр.
5. «Теория и практика банкового дела. Т. I. Кредит, банки и денежное обращение». Петербург, 1873 г. X+672 [1—480, 737—928]+XC стр.

«...С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ и притом в «немецком», т. е. дурном значении этого слова. На самом деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики» (стр. 428).

«...Для него важно только одно: найти *закон* тех явлений, исследованием которых он занимается. И притом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него сверх того еще важен закон их *изменяемости*, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому» (стр. 428).

«...Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорою. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал необходимость и другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно. думают ли об этом или не думают, сознают ли это, или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения» (стр. 429).

«...Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самое культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. Т. е. не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеею, а с другим фактом. Для нас важно только, чтобы оба факта были точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были представлены порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития» (стр. 431).

[1] Вот соответствующий отрывок из ответного письма последнего: «Вы правы, говоря, что официальные издания по вопросу о деревенской экономии вам известны. Дело обстоит иначе с вопросами кредита в России. Я постараюсь достать вам наиболее известные труды, ибо их имеется большое количество; русские экономисты, будучи все более или менее банкирами, пишут вследствие этого обыкновенно только о вопросах кредита» (письмо без даты,—повидимому 77—78 гг.).

[2] Имя автора на обеих этих работах помечено: *Г.* Кауфман; но так как в словаре Брокгауза и Эфрона они помещены в списке работ И. И. Кауфмана, то, очевидно, что они также принадлежат последнему.

6. «Теория и практика банкового дела. Т. II. История банков. Вып. I. Пьетро Рота. История старинных кредитных учреждений. С введением, примечаниями и дополнениями И. И. Кауфмана». Петербург, 1877 г., XXVIII+160 стр.

7. «Теория и практика банкового дела. Т. II. История банков. История банкового дела в Великобритании и Ирландии», 467 стр. (161—627).

Сравнивая этот список со списком работ И. И. Кауфмана, данным в словаре Брокгауза и Эфрона, мы находим в нем почти все работы этого автора, вышедшие отдельными изданиями за период до смерти К. Маркса; если не считать журнальных статей, то в нем отсутствуют только такие ультра-специальные вещи, как «Обзор проектов по вопросу о преобразовании кредитной денежной системы» и «Бумажные денежные проекты и экстраординарные финансы», являющиеся по существу скорее ведомственными докладами, чем научными исследованиями.

Большинство из этих работ Кауфмана (исключение составляют статистические справочники да те страницы «Истории банков», которые являются простым переводом) прочитано Марксом с большим вниманием,— об этом свидетельствуют его многочисленные подчеркивания и замечания. В одной только книге «Кредит, банки и денежное обращение» мы насчитали около *ста* одних замечаний Маркса, — к сожалению, из них больше половины частично отрезаны ножом переплетчика и не поддаются расшифровке.

Эти замечания Маркса не только поясняют мотивы его резкого отзыва о Кауфмане в известном письме к Даниельсону [1]. Надлежащим образом изученные и сопоставленные с замечаниями, имеющимися в тетрадях Маркса [2], эти его реплики на полях, при обработке их специалистом, не только составят канву для исчерпывающего разбора работ Кауфмана, но и, — по всей вероятности, — дадут не мало указаний, которые будут ценны для выяснения ряда деталей во взглядах самого Маркса на трактуемые Кауфманом вопросы.

Но такого рода разбор их вывел бы нас далеко за пределы намеченной нами темы. Специфически русских вопросов, отношение Маркса к которым нас сейчас интересует больше всего, Маркс в этих замечаниях не касается, — как не касается их и Кауфман в своих работах прочитанных Марксом. Это позволяет нам ограничиться одной их общей характеристикой, — выяснением выявившегося в них общего отношения Маркса к научным достоинствам работ И. И. Кауфмана.

Судя по всему, первой из этих работ Марксом была прочитана книга «Кредит, банки и денежное обращение», — это заключение мы делаем из того, что по прочтении именно ее у Маркса сорвалось выше цитированное нами замечание о «Пиндаре новейшего биржевого плутовства»; судя по пометкам на полях других книг Кауфмана, впечатление от них у Маркса было не лучшее, и если бы они были прочитаны Марксом прежде книги о «Кредите», то в отзыве последнего в его последнем письме к Даниельсону не было бы оттенка свежести только что пережитого разочарования. Дата письма Маркса, в котором содержится этот последний отзыв (10 апреля

[1] «Я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний рассудительный критик в петербургском «Вестнике Европы» превратился в какого-то Пиндара новейшего биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже только с точки зрения чисто специальных достоинств, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Наилучшая часть ее, это — полемика против бумажных денег» («Минувшие годы», стр. 67).

[2] Выписки, сделанные Марксом из этих работ Кауфмана, занимают почти целиком две больших тетради.

1879 г.), позволяет определить и время чтения Марксом этой книги Кауфмана, — оно приходится на зиму 1878—1879 гг.

Просматривая заметки, сделанные Марксом на полях этой книги Кауфмана, интересно следить за нарастающим в нем отношением к читаемой работе.

Вначале он — только внимательный читатель. Крестиками, черточками, кружками он отмечает основные этапы построений Кауфмана. Сравнительно редко, только против наиболее вульгарных формулировок, у него срываются знаки восклицания или вопроса. Эти вульгарности, в которых идеология «новейшего биржевого плутовства» использует для своего оправдания некоторые общие мысли из излюбленных тогда русской интеллигенцией сочинений Прудона, — Марксу вначале, повидимому, кажутся еще чем-то случайным в произведении знакомого ему «рассудительного критика». Он как бы все ждет, когда же кончится это недоразумение. Но чем дальше, тем больше поводов для недоумения дает Кауфман. Его первые главы, это — настоящий гимн кредиту, наделяемому им самыми сверхъестественными свойствами и способностями. У него кредит — между прочим «способ сохранять целость капитала, которому без того угрожала бы опасность» (стр. 27); он утверждает, что кредиту «по самой внутренней его природе» присуще свойство препятствовать «аггломерации богатств» (стр. 37); благодаря кредиту «капитал... подпадает под власть труда» (стр. 38) и т. д. — в направлении благочестивого утверждения, что «кредит представляет собою решение социального вопроса, тихо и незаметно, как бы за спиною людей вырастающее» (стр. 41).

Не удивительно, что при чтении этих рассуждений у Маркса все чаще и чаще срываются недоуменные пометки; знаки восклицания сменяются репликами; содержание последних становится все резче и резче. Вначале это: «*O Jerum!* [1] *Again!*» и т. д. На последующих страницах — из них можно составить небольшой словарь излюбленных Марксом крепких слов почти на всех известных ему языках. Каких только эпитетов тут нет: «*Banal!*» «*Kindisch!*» «*Quel imbécile!*», «*Schöner Kohl*», «*Blödsinn*», «*Schöner Lämmerschwanz*», «*Dudelsack*», «*Pfifficus*», «*Rindvieh*», «*Esel*», «*Asinus*» и т. д.

Но кроме крепких характеристик на полях имеются и замечания по существу, поясняющие мотивы таких резких квалификаций.

Порой в этих замечаниях по существу Маркс ловит Кауфмана на непонимании им трактуемых вопросов: «*Schatzbildung u[nd] resp. Zinstragendes Geld-Kapital sind für diesen Herrn also identisch!*» — бросает Маркс одно из своих первых замечаний (на стр. 68).

Дальше в подобных случаях он выражается проще и резче: «*Diese Bemerkung zeigt wieder, dass er nicht versteht, worum es sich handelt*» (стр. 102).

Еще сильнее раздражают Маркса те приемы построений Кауфмана, которые говорят скорее о мелком логическом жульничестве (другой термин подобрать трудно), — в расчете на несообразительность читателя, — чем о неясности мышления автора. Иногда Маркс старается разоблачать эти приемы.

«*Dies ist reines Geschwätz*, — пишет он в одном из первых таких замечаний, — *er soll erklären, warum irgendeine bestimmte Quantität Gold einen bestimmten Wert darstellt, u[nd] er erklärt es dadurch, dass sie «einmal genommen wird als Repräsentant eines bestimmten Werts od[er] Austauschbarfähigkeit od[er] Kaufkraft». Quelle misère! Ist einmal d[as] Geld als*

[1] Латинское восклицание из старой студенческой песенки: «O Jerum, Jerum, Jerum, quae est mutatio rerum!» (Ох, ох, ох, как все изменилось!)

Wertmass entwickelt, so wenig...[1] *zu machen über seine Funktion als Wertmasstab!*» (стр. 83).

Еще более обширно такого рода замечание Маркса в другом отделе книги Кауфмана, — сделано оно в ответ на рассуждение последнего об особых свойствах «долгового имущества».

«*Ob eigenes od[er] gepumptes Geld*, — пишет здесь Маркс, вставляя по своему обычаю в немецкие фразы английские слова, — *seine Funktion als Kapital stets was andere als sein «Dasein», sei es im Geld, sei es in Waaren, u[nd] wenn der Verleiher auf die Kapitalfunction des verliehenen Geldes rechnet, so heisst das nur, dass er auf Gr[un]dl[a]ge der kapitalistischen Produktion verpumpt, d[er] Schuldschein selbst tut nichts hinzu, u[nd] existirt daher auch auf ganz andern Voraussetzungen, wie alle Wucherer wissen*», стр. 328—329).

И дальше, в ответ на замечания Кауфмана о значении момента *сохранения* ценностей в актах обмена и кредите:

«*Die «Theorie» d[es] Herrn K[aufmann] über d[ie] Wichtigkeit d[er] Aufbewahrung kommt auf d[ie] Dummheit heraus, dass d[as] Dasein eines Dings f[ür] uns, z. B. Rohmaterials, als sein Aufbewahren veranstaltet wird. Pfifficus des Herrn K[aufmann]!*» (стр. 330).

Но таких обширных замечаний у Маркса сравнительно немного, — обычно он бросает указание, не поясняя его, просто отмечает логическую погрешность или умышленный зигзаг.

Не мало имеется указаний на, говоря мягко, позаимствования Кауфмана:

«*D[er] Mac-Leod'sche Blödsinn wird hier noch verdummt*» (стр. 111).

Или еще резче и проще: «*Falsch u[nd] doch abgeschrieben!*» (стр. 119).

Но над всеми этими чертами в тоне замечаний Маркса превалирует элемент насмешки. Она звучит почти всюду.

«*Shön*, — иронизирует он по поводу открытия Кауфмана, что «только из первых [денег] *положительный закон* делает платежные средства», — *d[ie] Geldfunction überhaupt schliesslich zu einer Erfindung d[es] positiven Rechts — d[es] Gesetzes — machen! Bravo, kluges Jüdel*» (стр. 109).

И немного ниже прибавляет:

«*Wenn Geld nicht Geld wäre, wäre es nicht Geld, i. e. nicht Waare in ihrer absoluten Wertform*».

Особо отметим три связанных друг с другом замечания Маркса, направленных против усиленно подчеркиваемой Кауфманом теории о расхождении интересов «солидных» капиталистов-фабрикантов и «грюндеров» — обладателей денежного капитала.

«*Schöne Manier d[er] modernen Oekonomisten Antagonismus zu fassen zwischen Industrierittern u[nd] Kapitalisten*» (стр. 189).

«*F[ür] Herr Kaufmann liegt d[ie] moderne Kollision im Kampf d[es] soliden Kaufmans u[nd] Fabrikanten mit d[em] «Gründer», u[nd] in höchster Form — zwischen Rotschild u[nd]...*»[2] (стр. 190).

«*Er scheint in d[er] Tat zu glauben, dass bears and bulls fixe Formen zweier Börsen-Klassen sind! Pauvre homme!*» (стр. 191).

*

Значительное количество замечаний Маркса имеется и на полях других работ Кауфмана, но мы на них останавливаться не будем, хотя они

[1] Одно слово прочесть не удалось.

[2] Конец замечания срезан ножом переплетчика.

также дают не мало интересных штрихов к общей характеристике отношения Маркса к Кауфману. Отметим лишь, что сам Кауфман, так легко и охотно «ниспровергавший» социализм на страницах своих произведений, с мнением теоретика научного социализма весьма считается. На одной из его ранних работ — «Теория колебания цен» (1867) — он сделал на полях примечания, прося читателя быть снисходительным к главным местам этой ранней работы: «*Dafür*, — пишет он в этом примечании, — *könnte ich natürlich jetzt viel triftigere Gründe anführen*» (стр. 208). Немецкий язык этого примечания делает почти несомненным факт обращения его именно к Марксу: кто другой из лиц, чьим родным языком был немецкий, мог интересоваться тогда русскими книгами по вопросам денежного обращения?

О том, узнал ли Кауфман, — непосредственно от Маркса или через кого-нибудь из общих знакомых, — о действительной оценке Марксом его и ранних, и позднейших работ, — мы не знаем...

*

Отметим здесь же, что из русских книг, трактующих вопросы денежного обращения и кредита, в библиотеке Маркса сохранились еще две работы: *И. Патлаевский*, Денежный рынок в России от 1700 до 1761 г. Одесса, 1868 г., 220 стр. *К. Гаттенбергер*, Венский кризис 1873 г. Петербург, 1877 г., 190 стр.

Обе эти работы сохранили следы чтения их Марксом, причем отметки последнего свидетельствуют, что в работе Гаттенбергера его заинтересовало только введение, в котором Гаттенбергер касается общего вопроса о причинах кризисов; само описание кризиса 1873 г. он начал было читать, но затем вскоре бросил, несомненно убедившись, что оно ему ничего ни в каком отношении не даст; его отметки имеются только на первых 20 страницах главы первой; дальше имеется только одна случайная отметка.

Работа Патлаевского прочитана Марксом с большим вниманием и до самого конца. Ее Маркс прореферировал и в одной из своих тетрадей, причем датировка этой последней позволяет установить время чтения книги (около декабря 1875 г.). Пометок на ней встречается много; большинство явно свидетельствует, что Маркс подходил к книге с желанием почерпнуть в ней фактический материал по истории денежного рынка в России XVIII века. Критических замечаний на полях имеется всего 3—4; они все касаются некоторых общих соображений, развиваемых Патлаевским во введении; Маркс ловит его на смешении бумажных денег с кредитными билетами («*Er selbst verwechselt Papiergeld mit Creditgeld*», стр. 22) и т. д.

Большой интерес должны были бы представлять замечания Маркса о работах Н. И. Зибера. Если этот последний очень рано — едва ли не раньше, чем кто-либо другой в России ,— познакомился с «Капиталом» и стал последовательным приверженцем Маркса в вопросах экономической науки [1], то и Маркс в свою очередь оценил его уже по первым работам; в предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала», т. е. в январе 1873 г., он дает очень лестную оценку первой большой работе Зибера: «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Опыт критико-экономического исследования» (Киев 1871 г.):

«Что является неожиданным для западного европейца при чтении его ценного труда, — читаем мы в этом предисловии, — это последовательная выдержанность чисто теоретической точки зрения».

[1] В литературе есть указание, что уже в 1868—1869 гг. Н. И. Зибер читал в студенческих кружках Киева изложение «Капитала» (см. статью С. Г. Сватикова в «Историческом сборнике», издание журнала «Былое», 1907 г., стр. 218).

Такая похвала в устах Маркса значила много.

Из замечаний, встречающихся в письмах Маркса, известно, что он следил за литературною деятельностью Зибера и позднее. Они были и лично знакомы, но точную дату этого знакомства установить не удается. Повидимому, оно относится ко второй половине 1870-х гг., — по крайней мере Лавров в одном из своих неизданных писем к Энгельсу уже в августе 1878 г. говорит о Зибере, как о человеке, имя которого адресату хорошо известно [1]. Методом исключения можно прийти почти к категорическому выводу, что, говоря в известном своем письме к Зорге о «молодых профессорах», которых «мы имеем на своей стороне» [2], Маркс имел в виду едва ли не прежде всего и больше всего Н. И. Зибера — наравне с ним мог стоять только разве Н. Даниельсон. М. М. Ковалевский в эту группу включен быть не мог, ибо на его счет Маркс не обманывался и знал, что в его лице он имеет только «друга по науке» [3]; о Кареєве, Каблукове и др. и говорить нечего.

Тем более приходится пожалеть, что в библиотеке Маркса, кроме указанной «Теории ценности», работ Зибера не сохранилось; там нет даже тех, о которых мы, по письмам Маркса, знаем, ч о они были в руках последнего. Причину этого приходится искать в том, что отдельными изданиями в то время труды Зибера почти не выходили; к Марксу они попадали в виде соответствующих книжек журналов; но эти последние как раз больше всего пострадали при том «черном переделе» библиотеки Маркса, о котором мы говорили выше в главе первой нашего обзора: почти все они тогда были сданы П. Л. Лаврову и потому не могут быть учтены в нашем обзоре. Впрочем, до нас не дошли и те статьи Зибера, которые В. М. Зензинов видел в свое время уже в Берлине...

Что же касается до «Теории ценности», то она, как видно из имеющихся на ней пометок, Марксом прочитана с большим вниманием. Но заметок Маркса на ее полях очень мало. Из них две касаются частностей и говорят о частных ошибках Зибера, причем в одном из этих случаев Маркс ограничивается знаками вопроса и лишь во втором приписывает на полях несколько слов. Речь в этом случае идет о толковании одного частного положения *Boisguillbert'a*. Зибер по этому поводу писал:

«Равновесие между промыслами Boisguillbert представляет себе как pium desiderium, осуществлению которого препятствует «личный интерес минуты», вмешательство властей и преувеличение роли денег, благодаря чему ценность их чрезмерно возрастает, а ценность продукта чрезмерно падает. Последнюю мысль как-то странно слышать из уст писателя, находящего, что высота или низкость цен вообще безразличны» (стр. 53).

Отчеркнув последнюю из приведенных нами сейчас фраз, Маркс делает к ней сноску: «*S[iber] oublie que B[ois]g[uillbert] parle en effet de l'avilissement des prix agricoles, amenés par des mesures fiscales etc*».

Остальные замечания Маркса относятся к тому месту книги Зибера, где этот последний, прежде чем перейти к опровержению взглядов Мак-

---

[1] В письме от 11 августа 1878 г , сообщая о полемике, которая развертывалась в это время в русской литературе вокруг взглядов Маркса, Лавров прибавляет, что она не кончена, ибо «Зибер, которого я видел несколько дней тому назад в Париже, мне говорил, что он приготовляет ответ Чичерину» и что «работа Зибера о теории Маркса будет опубликована особо, вероятно в конце года».

[2] 5 ноября 1880 г Маркс писал Зорге между прочим: «в России... мы имеем на своей стороне, во-первых, критиков (в большинстве молодые профессора университетов, с некоторыми из них я состою в личной дружбе, и затем сотрудники журналов)» — «Письма к Зорге», изд. Дауге, стр 194.

[3] Письмо Маркса к Н. Даниельсону от 19/IX 1879 г. — «Минувшие годы», 1908 г., № 1, стр. 68.

леода на стоимость, так формулирует эти последние, что становится ясной не только неправильность этих взглядов, но и необходимость дополнения в этой области взглядов классической школы А. Смита. Здесь Маркс в конце целого раздела одобрительно замечает по адресу Зибера: «*Bon*!» (стр. 130).

IX

Вскоре после начала работы над изучением русского языка свой основной интерес в этой области Маркс определил как желание «штудировать по первоисточникам русские порядки поземельной собственности» [1]. Этим вопросом Маркс, конечно, интересовался и раньше, но вплотную за изучение его по русской литературе он смог приняться только спустя несколько лет после начала изучения им русского языка. Первые годы этой работе мешала борьба в Интернационале, принявшая особо острые формы после падения Коммуны и отнимавшая у Маркса все его силы и рабочее время; эта борьба подчинила себе и русские интересы Маркса, направив его внимание в сторону ознакомления со взглядами тех русских группировок, с которыми Марксу приходилось сталкиваться в Интернационале. Только после Гаагского конгресса и перенесения Генерального совета в Америку у Маркса освободилось время и для научной работы; проредактировав второе немецкое издание «Капитала», он принялся за проработку материала для следующих томов, концентрируя свое внимание на вопросах денежного обращения, с одной стороны, и на аграрных отношениях — с другой. Тогда пришло время и для русских источников, имеющих тот или иной интерес под углом изучения русских земельных отношений.

Работа Маркса в этой области несколько раз прерывалась, — то из-за болезней (в эти годы здоровье Маркса сильно сдало, и он часто хворал), то из-за отвлечения в разные стороны. Но в общем и целом этот *русский* интерес является несомненно самым устойчивым в кругу научных интересов Маркса за последнее десятилетие его жизни; даже многие отклонения его работы в сторону вопросов, казалось бы, совершенно чуждых основному кругу его интересов, как выясняется из изучения его тетрадей, в значительной мере обусловливались его работой над этой русской темой.

Канву для определения хронологической последовательности работ Маркса в этой области удается в известных пределах установить путем сопоставлений указаний, разбросанных в переписке Маркса, с его заметками в черновых тетрадях. Этой канвы мы будем придерживаться в дальнейшем, но считаем нужным теперь же подчеркнуть ее неполноту, так как переписка Маркса с его русскими корреспондентами 1870-х гг. сохранилась далеко не полностью; совершенно нет его переписки с Утиным, Лопатиным; до нас дошли только немногие из писем к нему М. М. Ковалевского, большие пробелы имеются и в его переписке с Даниельсоном и т. д.; с другой стороны, для ряда лет не сохранились и черновые тетради Маркса, куда он имел обыкновение заносить выписки и замечания по поводу прочитанных книг.

12 декабря 1872 г. в письме к Даниельсону, уже тогда зарекомендовавшему себя вкачестве аккуратного и старательного поставщика русских книг, Маркс писал, что «во втором томе «Капитала», в отделе о поземельной собственности», он «намерен заняться очень подроно русской ее формою» [2]. Даниельсон понял намек и вскоре же прислал несколько книг, которые,

[1] «Письма к Кугельману», стр. 87.
[2] «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 56.

по его мнению, могли быть полезны Марксу; это были четырехтомное издание А. Скребицкого: «Крестьянское дело в царствование Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян» (Бонн-на-Рейне, 1862 — 1868 гг.) и книга Головачева: «10 лет реформ. 1861—1871 гг.» (Петербург, изд. «Вестника Европы», 1872 г.).

В первом из этих изданий Маркс ознакомился только с обширным предисловием (около 160 стр.), содержавшим исторический очерк прохождения крестьянской реформы за 1857—1861 гг.; все остальное, свыше чем 5 000 страниц этого издания, — с разным документальным материалом, «проектами положений», «мнениями» и т. д., — Марксом было оставлено не прочитанным; только много позднее, уже в 1881—1882 гг., он, как мы увидим ниже, вернулся к ним и кое-что в них проштудировал. Но зато основная часть предисловия Марксом прочитана с большим вниманием. Шаг за шагом он проследил по нему все этапы прохождения реформы, отчеркивая все существенные факты, вынося на поля даты; видно, что по этому предисловию Маркс знакомился с более или менее подробной историей реформы и, по свойственной ему жадности к фактическому материалу, стремился возможно полнее усвоить последний. Два небольших замечания, имеющиеся на полях книги, дают нам возможность сделать выводы о том, какие именно моменты в этой истории более всего привлекали к себе внимание Маркса: как и следовало ожидать, его больше всего интересовала борьба классовых интересов, развертывавшаяся за кулисами комиссий и совещаний, — борьба, указаний на которую Скребицкий, как известно, давал далеко не достаточное количество.

Первое из этих замечаний находится на стр. XCV. В тексте на этих страницах передается содержание записки Шувалова-Паскевича о формах выкупа; доказывая нежелательность обязательного выкупа с землею, записка, в числе других аргументов, приводит утверждение, что он явится «стеснением права собственности помещика». Отчеркнув это место, Маркс пишет на полях:

«*Hier tritt «Liberalismus» d[es] P[rinzen] Schuwaloff hervor*».

Дальше записка высказывает опасение, что обязательность «породит между крестьянами ложные толки о том, что помещики вынуждены будут отдать им со временем землю за бесценок или даром». Против этого места, тщательно им подчеркнутого, у Маркса срывается восклицание: «*Aha!*».

И в дальнейших частях записки Маркс отчеркивает все места, говорящие о влиянии, которое было оказано опасением крестьянских восстаний, на появление известного «либерализма» части крупных помещиков.

Что касается до книги Головачева, то ее Маркс использовал для ознакомления с основными чертами финансового, административного и судебного устройства России до реформ и в первые годы после них, причем, судя по подчеркиваниям, главное внимание Маркс при этом обращал на соответствующие стороны положения крестьян, — в особенности в области организации податного обложения. Здесь также бросается в глаза та тщательность, с которою Маркс входит в детали изучаемых вопросов. По этим подчеркиваниям видно, что Марксу, после прочтения книги, не остались неизвестными такие стороны вопроса, как рамки административной власти предводителей дворянства, как пути и возможности влияния губернаторов на суд (дореформенный), как функции губернских правлений и казенных палат, русские формы несменяемости судей и независимости представителей прокуратуры от местной административной власти и т. д. Такого рода под- и отчеркиваниями испещрены все главы книги; только отдел

относящийся к вновь вводимым земским учреждениям, Маркса не заинтересовал; на соответствующих страницах нет никаких отчеркиваний.

Общее отношение Маркса к Головачеву сказалось в двух небольших отметках, показывающих, что классовая природа либерализма последнего также не ускользнула от внимания Маркса. Из этих отметок мы приведем первую, наиболее характерную: у Головачева речь идет о порядке выборов мировых судей; высказываясь за порядок выборов на собраниях лиц, живущих в данной местности и обладающих образовательным цензом в размере не ниже среднего учебного заведения, Головачев возражает против системы выборов по участкам (где в выборах приняли бы участие и крестьяне), приводя тот аргумент, что такой порядок выборов «совершенно удалил бы образованных людей от влияния на выборы и передал бы их всецело в руки необразованных классов общества» (стр. 340). Подчеркнув этот аргумент, Маркс отметил его на полях знаками вопроса и восклицания *(?!)*.

Эти книги, как ни интересны они были для Маркса, все же не давали того материала, который ему был нужнее всего, — не давали материала о земельных отношениях в узком смысле этого слова; поэтому 22 марта 1873 г. он уточняет свой вопрос Даниельсону, прося «сведений касательно взглядов Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике по этому поводу с Беляевым» [1]. В дальнейшей части этого письма Маркс поясняет, почему ознакомление с этой полемикой является для него особенно актуальным: «немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и ему подобных, пользуются этим оружием, вложенным в их руки Чичериным».

А. Вагнер, известный немецкий экономист, действительно уже с конца 1860-х гг. вел в немецкой печати своего рода кампанию против русской общины, преследуя при этом задачу защиты интересов крупного немецко-прибалтийского дворянства, против «сепаратизма» которого вела поход русская администрация в Прибалтике. Статьи и брошюры Вагнера на эту тему производили впечатление; в библиотеке Маркса сохранилась одна из них: «Abschaffung des privaten Grundeigenthums» (Leipzig, 1870)), присланная ему кем-то из Германии с многочисленными пометками, сделанными приславшим.

В ответ на этот запрос Даниельсон прислал Марксу то «драгоценное собрание книг», благодарность за которое мы находим в письме Маркса от 2 августа 1873 г. [2]. Что это были за книги, в точности нам не известно, но мы едва ли ошибемся, если выскажем догадку, что в числе их были сохранившиеся в библиотеке Маркса работы Беляева: «Крестьяне на Руси» (Москва, 1860), В. И. Сергеевича: «Вече и князь» (Москва, 1867) и Калачева: «Артели в древней и нынешней России» (Петербург, 1864); несомненно, что в числе присланных были также и работы самого Чичерина, взглядами которого больше всего интересовался Маркс, но они в библиотеке Маркса, к сожалению, не сохранились.

Из этих книг в работе *Сергеевича* подчеркиваний имеется очень немного, и притом принадлежность их Марксу нельзя считать вполне доказанной; все они сделаны на первых страницах и производят впечатление, как будто бы читатель в самом начале убедился, что книга трактует вопрос в плоскости, не имеющей для него интереса.

Гораздо больше внимания Маркс уделил работе *Беляева;* в ней им внимательно прочитан первый раздел, озаглавленный автором: «Первое время»

---

[1] Там же, стр. 58.
[2] Там же.

и трактующий вопрос о положении крестьян до их окончательного закрепощения в конце XVI века — в царствование Бориса Годунова. С обычным вниманием проштудированы Марксом все главы этого отдела — о положении крестьянина по «Русской правде», по Псковской Судной грамоте, по княжеским грамотам XIV и XV веков, в эпоху Судебников 1497 и 1550 гг. По заметкам чувствуется, что эти разделы в области характеристики отношений крестьян, с одной стороны, и землевладельцев, с другой, дают Марксу очень много, хотя не все моменты в построениях Беляева Марксу кажутся доказанными; такие переходы он отмечает знаками вопроса [1]. В одном случае такого недовольства Маркс более подробно поясняет свою мысль; Беляев на стр. 62 следующим образом резюмирует положение крестьян в эпоху действия Судебников XVI века:

«Вообще по Судебникам, согласно с прежними исконными обычаями, устройство городских и сельских общин было одинаково, и жительство крестьян на общинных или на владельческих землях здесь не налагало никакого различия».

К этому месту Маркс делает сноску и пишет целое примечание:

«*C'est à dire par rapport à l'impôt et aux tribunaux! De l'autre côté les rapports à la terre devaient être d'autant plus différents que chaque paysan faisait son contrat à lui avec le propriétaire ou le monastère dont il cultivait la terre*».

Чем книга явно не удовлетворяет Маркса, это — отсутствием достаточных материалов для характеристики земельных отношений, существовавших между отдельными крестьянами. На стр. 46, где кончился раздел «Отношение крестьян между собою», Маркс пишет замечание, достаточно определенно свидетельствующее об его неудовлетворенности в этом отношении:

«*Dans ce paragraphe sur les rapports mutuels des paysans il n'y a rien sur la division de la terre communale. Encore tous les documents historiques cités n'appartiennent qu'à la deuxième moitié du 15-ème et à celle du 16-ème siècle*».

Эти замечания очень существенны. Пометки, показывающие, что мысль Маркса все время работала и в этом направлении (в направлении выяснения, насколько глубоко уходят в прошлое корни современной русской общины), встречаются повсюду и на других книгах. Вначале в таких пометках проглядывает изумление, что эти корни в прошлом выступают из документов недостаточно четко; позднее он старательно отмечает все конкретные указания о том консервирующем влиянии, которое было оказано на судьбу русской общины столетиями крепостного права.

Небольшая (64 стр.) работа *Н. Калачева* вся испещрена пометками Маркса; среди них имеется не мало переводов на немецкий язык специальных русских терминов; это один из аргументов, заставляющих предполагать, что данная книга относится к числу прочтенных Марксом в ранние годы его работы над русской литературой. Повидимому, эта работа была первой из попавших в руки Маркса книг о русских артелях. Замечаний Марксом на полях этой книги написано два. Одно из них относится к тем

[1] Для историка, который заинтересуется ими специально, перечислим места, к которым они относятся: стр. 17, строка 10-я сверху, подчеркнуто слово «вероятно», на полях знак восклицания; стр. 38, строка 10 сверху, подчеркнута дата 1609, на полях *?!*; стр. 54, против строк 1—2 и 6—7 сверху поставлено по знаку вопроса; стр. 59, против строк 7—сверху знак восклицания.

Отметим здесь же, что книга эта, помимо Маркса, прочитана еще Г. А. Лопатиным (есть пометка, сделанная почерком последнего).

местам изложения Калачева, где к числу «артельных особенностей» русского народа относится признание артельного товарищества обязательным и русским законодательством, — речь идет о закреплении «Положением о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири» за выборными от рабочих артелей, вместе со старостами, назначаемыми от промышленников, права «умеренного домашнего исправления» по отношению к «ленивым», «нетрезвым», каторжникам, склонным к побегам и т. п. членам артели. Замечание, сделанное Марксом в связи с этим местом, определяет действительную сущность подобных форм «артельного» начала:

«*Das hat noch ganz andere Bedeutung*,— пишет он. — *Das Artel — mit seiner solidarischen...* [1] *etc wird hier blosses Mittel der Disciplin f[ür] d[ie] entrepreneurs — Element v[on] Fabrik-Disciplin u[nd] Gesetzgebung*» (стр. 61).

Другое замечание Маркса сделано по поводу приводимых Калачевым примеров существования артелей в XVII веке; в соответствующих документах речь шла, с одной стороны, об «артели» трех лиц, взявших на откуп пошлины на некоторых таможнях, а, с другой, о договоре («складной»), заключенном двумя лицами, согласившимися сообща «торговать и промышлять» в Сибири. В этих примерах Маркс решительно отказывается видеть что-нибудь хоть отдаленно напоминающее артель в смысле объединения рабочих; его замечание гласит:

«*First*, «*artel*» *contract* (*under that express name*) *has nothing to do with workmen... simply contract of partnership between three farmers of tollers* (*customs*),... *[con]tract between two «adventurers» in Siberian working business*» (стр. 6).

Текст этого замечания, писанный карандашом и обрезанный по краям, в некоторых частях разобрать не удалось. Но смысл его ясен:

«Во-первых, «артельный» договор (под этим самым названием) не имеет ничего общего с рабочими. [Это] простой товарищеский договор между тремя откупщиками налогов (пошлин), [или] договор между двумя «авантюристами», промышляющими в Сибири».

Приблизительно к этому же времени относится и знакомство Маркса с книгою *Скалдина* «В захолустье и столицах» и с известным «*Сборником материалов об артелях в России*». Что касается до первой, то она, несомненно, Марксом читана дважды: в 1873—1874 гг., так как ссылки на эту книгу имеются в статьях Энгельса против Ткачева (ниже мы покажем, что эти ссылки могли явиться только результатом чтения ее именно Марксом), и в 1881—1882 гг., когда Марксом были сделаны из них выписки в свои тетради. Так как проследить, к какому времени относятся те или иные подчеркивания, невозможно (хотя вероятнее всего, что они сделаны все в 1873—1874 гг., а в 1881—1882 гг. Маркс только использовал их для выписок), то мы подробнее на книге Скалдина остановимся ниже. Что же касается до «Сборника материалов об артелях», то из трех выпусков этой коллективной работы пометки Маркса имеются только в первом (Петербург 1873), на полях статей А. Ефименко («Артели в Архангельской губернии»), К. Федорова («Дрягильская компания в Архангельске»), Н. Эдемова («Артельные сыроварни в Ярославской губ.») и Н. Белова («Нижнетуринская механическая артель»). Замечаний Марксом по поводу этих статей не сделано ни одного, но очень любопытные настроения Маркса при чтении этих статей можно проследить по его отчеркиваниям.

---

[1] Одно слово, частично срезанное переплетчиком, восстановить не удалось; смысл фразы во всяком случае ясен.

В статье *Ефименко* его больше всего интересует общая часть, где автор касается общего вопроса о происхождении артелей в России. Здесь Марксом тщательно подчеркнуты все приводимые Ефименко аргументы о восточном финно-тюркском происхождении огромного большинства терминов, употребляемых для обозначения разных форм русских артелей и для названия должностных в них лиц. Отметив затем «сильное развитие артельного начала» у всех северо-восточных народов, населяющих Россию, Ефименко делает тщательно подчеркиваемый Марксом вывод: «и у нас, и у восточных народов артель вытекла из родового быта» (стр. 3). Этими аргументами Ефименко хочет поколебать представление о том, что артель есть «какая-то исключительная собственность то славянского племени вообще, то русского народа в особенности», в то время как на деле у западных славян артельное начало как раз развито довольно слабо (стр. 4).

О особым вниманием и несомненно с сочувствием отчеркивает Маркс и дальнейшие соображения Ефименко, объяснявшей происхождение артелей тем, что развитие промышленной деятельности в старину, при отсутствии механических приспособлений, требовало, особенно на севере России, приложения «большой массы человеческого труда, а отсутствие централизованных капиталов мешало одному лицу встать к этой массе в отношение нанимателя» (стр. 4).

Эти подчеркивания, интересные и сами по себе, становятся особенно ценными и важными, когда мы сопоставляем их со ссылками, сделанными Энгельсом на статью Ефименко во время полемики с Ткачевым (отдельное издание под названием «Энгельс о России»): эти ссылки остаются целиком в пределах подчеркиваний, сделанных Марксом при чтении статьи Ефименко.

В дальнейшем при чтении статей «Сборника», кроме общих данных о структуре артелей, Маркс главное внимание обращает на развитие классовых противоречий внутри артелей, на рост в них роли капитала, — такой характер носят подчеркивания Маркса в статьях той же Ефименко (стр. 60—61), Федорова (стр. 126), Эдемова (стр. 166).

Особняком стоят отметки, сделанные Марксом в этой книге при чтении статьи *Белова*. Описанная последним Нижнетуринская механическая артель, повидимому, поразила Маркса своей относительной близостью к основным требованиям пролетарской кооперации, этого любопытного, хотя и весьма кратковременного, эпизода в истории уральских рабочих.

Рассмотренные нами книги, это — все, чтение которых Марксом с большей или меньшей степенью вероятия должно быть отнесено на период 1873—1874 гг.; относительно следующих лет мы располагаем в этом отношении гораздо более точными данными, так как от этих лет сохранились черновые тетради Маркса с выписками и заметками.

По этим тетрадям мы можем установить, что приблизительно в мае 1875 г. Марксом прочитана и обстоятельно прореферирована книга Гакстгаузена: «*Ländliche Verfassung Russlands*» [1]. Вслед за тем, в том же 1875 г.,— очевидно осенью [2],— Марксом прочитаны три изданных в Берлине славянофильских брошюры: Самарина и Дмитриева «Революционный консерватизм», «Чем нам быть?» (ответ редактору газеты «Русский мир»), и Кошелева: «Наше

[1] Выписки из нее находятся в тетради с датою: «Angefangen 20 Apr. 1875» (архивный шифр тетради II 12G 4); бывшего в руках Маркса экземпляра книги в архиве германской с.-д. партии не сохранилось.

[2] Предисловие к одной из этих книг (а именно Самарина и Дмитриева) датировано: «Москва, июнь 1875 г.».

положение» [1]. К этим брошюрам, носящим общеполитический характер, мы еще вернемся в дальнейших главах.

После них Марксом очень обстоятельно проработан том IV «Военно-статистического сборника» (Петербург, 1871), составленного группою офицеров Генерального штаба (Де-Ливрон, Вревский, Фельдман и др.) и посвященного исключительно статистике России. Обширные выписки из этого сборника заполняют около 40 страниц в одной из черновых тетрадей Маркса за 1875 г. [2]. Замечаний на полях книги не имеется, но по подчеркиваниям можно судить, какие области русской жизни и народного хозяйства интересовали Маркса в это время. Круг этих интересов был весьма широк и разнообразен; Маркс с вниманием следил и за движением населения, и за ростом числа сектантов, и за итогами выкупной операции, и за наличностью рабочего скота в крестьянских хозяйствах; характерно почти полное отсутствие пометок в отделах, посвященных торговле, горному делу, промышленности, — поскольку они не связаны с сельским хозяйством и деревней вообще: это свидетельствует о почти исключительном сосредоточении внимания Маркса в отношении хозяйственной жизни России на том, что имеет отношение к деревне.

Внимательно изучен Марксом и *атлас*, приложенный к этому «Сборнику»; на ряде карт есть подчеркивания разноцветными карандашами, свидетельствующие о том, что Маркс, не довольствуясь теми комбинациями факторов, которые проследили в этом атласе составители «Сборника» («средние урожаи», «количество лесов» и т. д.), производил еще свои собственные дополнительные сопоставления.

Непосредственно к выпискам из «Военно-статистических сборников» примыкают обширные выписки из статей *А. Н. Энгельгардта*, печатавшихся в 1872 г. в «Отечественных записках»: «Вопросы русского сельского хозяйства» и «Химические основы земледелия». Самих этих статей в библиотеке Маркса, к сожалению, не сохранилось. Из заметок в черновых тетрадях видно, что Маркса особенно заинтересовали «Химические основы земледелия»: в то время как выписки из «Вопросов» в тетради у него заняли всего неполных четыре страницы (41—44), причем его внимание привлек только один раздел этих статей («Дороговизна ли рабочих рук составляет больное место нашего хозяйства?»), выписками из «Химических основ» у него занято свыше 13 страниц (44—57). Поставленные Энгельгардтом в этих последних статьях вопросы о перспективах применения новейших достижений химии к сельскому хозяйству Маркса глубоко заинтересовали; это заключение следует вывести не только из количества выписок, сделанных Марксом из этих статей, но и по тому общему уклону, который приняли научные работы Маркса в течение всего следующего года. Его и раньше интересовали проблемы, связанные с применением химии к земледелию; работы Либиха и некоторые другие им были проштудированы еще в 1865 г. Статьи Энгельгардта вынудили его вновь, после десятилетнего перерыва, вернуться к этим вопросам, — по заметкам в его тетрадях эта последовательность видна с полной ясностью.

Чтение статей Энгельгардта было закончено в конце 1875 г. В течение двух-трех следующих месяцев Маркс продолжал чтение других, повидимому только что полученных им книг; за это время им были прочитаны названная нами в предыдущей главе книга Патлаевского и многотомные «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов», вместе с данным в виде добавления к ним «Сводом отзывов губернских

[1] Выписки из них имеются в тетради Маркса, помеченной 1875 г. и номером первым (архивный шифр II 9 F).

[2] А именно тетрадь, помеченная номером третьим (архивный шифр II 9 F 2).

присутствий по крестьянским делам и заключений губернаторов по проекту преобразования подушной системы сборов». Эти официальные издания содержали богатейший материал для характеристики экономического положения крестьянства в России, и Маркс проработал над ними в течение 2—2½ месяцев, заполнив выписками из них почти целиком 4 объемистых тетради (архивный шифр: II 9 F 3 — F 5 и II 9 G2) К сожалению, сами эти книги в библиотеке Маркса не сохранились.

Непосредственно после окончания работ над этими сборниками Маркс перешел к штудированию книги *Schleiden'a*: «Physiologie der Pflanzen und Tieren», затем книги *Ranke*: «Grundzüge der Physiologie des Menschen»; затем после, повидимому, повторного штудирования старой работы *Maurer'a*: «Einleitung zur Geschichte der Mark,-Hof-Dorf-und StadtVerfassung (München 1854), последовал *Kirbach*: «Handbuch des Landwirths».

Повидимому, в следующем году (1877) Маркс познакомился с известною работою кн. *А. Васильчикова:* «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (Петербург, 1876, 2 тома)[1]. Оба тома этой работы проработаны Марксом с большим вниманием — особенно введение и первые две главы («Эмиграция» и «Землевладение во Франции») первого тома и почти сплошь весь второй том. На полях этих книг, помимо многочисленных отчеркиваний, сохранился ряд замечаний Маркса, позволяющих установить отношение Маркса и к Васильчикову как к ученому, и к его политической идеологии и, так сказать, философии истории, и, что всего важнее, наметить некоторые моменты отношения Маркса к существу развиваемых Васильчиковым взглядов на роль и происхождение русской общины.

Как ученого Маркс расценивает Васильчикова весьма невысоко. Особенно ясно это выступает в замечаниях на страницах 703—705. На этих страницах Васильчиков обосновывает свою излюбленную идею об ином, отнюдь не общинном в русском смысле этого слова характере землевладения во «французской и немецкой так называемой общине».

«Европейская община, — пишет Васильчиков, — какая существовала у германцев и франков в первобытные времена их исторического развития и сохранилась отчасти до новейших, не имеет ничего общего с русским миром, кроме разве общего пользования выгоном; ...корень землевладения был... в немецкой и французской так называемой общине вовсе не общинный, а участковый, и... поэтому хозяйственная их связь была так же слаба, как тощи и бесплодны были земли, состоявшие в общем пользовании» (стр. 703).

Отметив последнюю часть этой фразы знаком восклицания, по поводу всей ее Маркс делает общее замечание о Васильчикове: «*Quel savant!*»

В дальнейшем развитии своей мысли Васильчиков пишет:

«...Мнение, будто бы русский славянский мир есть форма землевладения, свойственная всем первобытным гражданственностям, грубое предание первоначального народного быта, — это мнение основано на поверхностном и ложном понятии» (стр. 705).

Это рассуждение вызывает реплику Маркса: «*Du tout primitif!*»

---

[1] Такой вывод относительно времени чтения этой книги мы делаем на том основании, что книга Чичерина и Герье, содержавшая ответ Васильчикову, Марксом прочитана около марта 1878 г. (выписка из нее в тетради II 9 J 2), а судя по всему, чтение работы Васильчикова предшествовало чтению чичеринского отклика на нее.

К тому же 1877 году относится попытка Маркса составить небольшую сводку «Gerichtsverfassung in Russland», — сводка эта, оставшаяся неоконченной, находится в тетради под шифром II 9 H.

К этой же группе замечаний следует отнести реплику Маркса, касающуюся того места книги Васильчикова, где последний доказывает неправильность взгляда, «будто земля сама по себе, в первобытном диком своем состоянии, не имеет никакой ценности и приобретает таковую только от человеческих трудов» (стр. 906). В опровержение этого взгляда Васильчиков приводит соображение, что «в самых пустынных краях Канады и Австралии на всякие самые грубые и дикие земли всегда являются покупатели». Этот аргумент вызывает замечание Маркса: *Qu'est ce que cela prouve!*»

А одно замечание Васильчикова вызывает Маркса и на совсем не лестную о нем реплику. Поводом для этой реплики послужил отзыв Васильчикова об ирландцах; характеризуя состав эмигрантов, он пишет, что они «большей частью, *за исключением ирландцев*, люди трудолюбивые и сметливые» (стр. 4). На это «за исключением» Маркс отзывается на полях: «*Asinus!*»

Но больше всего и резче всего реагирует Маркс на те места построения Васильчикова, где выступает классовая природа его славянофильства, защита интересов крупного землевладения, «синтетически» сочетающегося с верою в предопределенные богом пути самобытного, безболезненного и мирного развития России, которую община должна спасти от социализма, революции и борьбы классов вообще. Обоснованию этой своей последней веры Васильчиков посвятил обширное введение к первому тому своей работы. Основной исходной посылкой всех этих рассуждений Васильчикова является оценка причин развертывающихся на Западе социальных конфликтов; Васильчиков сводит таковую к обезземелению народных масс. «Под личиной рабочего вопроса, — заявляет он, — скрывается другой — существенный — аграрный». В великой социальной борьбе, нарастающей на Западе, по мнению Васильчикова, «народные массы... ищут собственности, оседлости, хозяйства и готовы променять все политические вольности и права, коими так щедро наделила их современная цивилизация, на клочок земли, на кол и двор» (стр. V).

Маркс, конечно, далеко не согласен с этой оценкой и на полях, против процитированной фразы, бросает короткое пренебрежительное замечание: «*Pooh!*»

Общие выводы из всех своих последующих построений в этой области Васильчиков формулирует в следующей заключительной тираде:

«Мы полагаем, напротив, что Россия находится в этом отношении в положении лучшем, чем другие страны, что имущества распределены у нас ровнее, чем у других народов, и что в общем фонде народного богатства остается у нас довольно свободного места, свободных имуществ, чтобы *уровнять по возможности социальные неровности, не посягая на личные и реальные права частных владельцев, сельских обществ и казны*» (стр. XLIX — курсив Васильчикова).

На полях против начала этого абзаца Маркс приписывает: «*Pooh!*»

А в конце соображение, данное Васильчиковым курсивом, со своей стороны отмечает знаком вопроса.

«Этой борьбы, которую в Европе называют антагонизмом сословий, рабочим вопросом, враждой капитала и труда, социализмом и коммунизмом, — патетически кончает Васильчиков свое введение, — *этой борьбы в России нет*, и, дай бог, чтобы мы воспользовались промежуточным периодом, когда социальные отношения у нас окончательно еще не установились, чтобы порешить по правде и справедливости аграрный вопрос, причинивший столько замешательства всем народам древнего и нового мира».

Всю эту тираду Маркс отмечает насмешливым: «*Ha!*»

А обращение Васильчикова к богу — специальной репликой, как будто бы свидетельствующей, что эта вера Васильчикова в бога дала Марксу недоставшее ему раньше звено для полного выяснения политической фигуры автора читаемой книги: «*L'ortodoxe!*»

На дальнейших страницах Маркс бросает несколько замечаний, которые, с одной стороны, должны вскрыть лицемерие Васильчикова в его стремлении идеализировать старую «Святую Русь», а с другой — подчеркнуть классовый характер его «надклассового» преклонения перед «славянским миром».

Повод для первого Васильчиков даст на первых же страницах своей работы — сразу же после окончания введения. «Грозные времена гонений на веру, — пишет он, — миновали... Всюду водворились веротерпимость и свобода совести...» (стр. 2). На первую из этих фраз Маркс реагирует вопросом: «*In Russia?*». Во второй он отмечает на полях знаком вопроса слово «всюду».

Несколькими строками ниже, как одну из особенностей Запада, отличающих последний от самобытной России, Васильчиков отмечает наблюдаемое там «неодолимое стремление низших классов к выселению и переходу на другие земли». «Первое право, — восклицает он в своем обычном несколько приподнятом стиле, — коим воспользовался простой народ по провозглашению прав человека... было стремительное бегство с первобытных мест жительства» (стр. 2). Весь тон, которым написаны соответствующие строки, — тон довольства, что «у нас, в России», дело обстоит совсем иначе; Маркс в особом замечании разъясняет, что это далеко не верно:

«*Our* князь *forgets, that the migration within the limits of Holy Russia, though fettered by all kinds of fiscal, police, communal bonds, is... emigration of the worst sort, though no product* культуры».

В другом месте недоуменными знаками *(?!)* Маркс выражает свое сомнение по поводу отмечаемой Васильчиковым особенности метода колонизации русскими Сибири и Дальнего Востока: «Русские люди проникали и поселялись в этих странах прежде, чем вступили в них русские войска и власть, и завоевания, колонизация совершались не оружием, — орудиями, — сохой, косой и топором» (стр. 37).

Удобный повод для выявления классовой природы Васильчикова дает его стремление доказать невозможность уничтожения крупного землевладения. Горячий защитник мелкого крестьянского хозяйства, как наилучшего оплота против социальных бурь, Васильчиков все же оговаривается, что «нельзя предположить такого общества, где бы все хозяева сами орали свою пашню (это было бы царство непробудного застоя и закоснелого невежества)...» (стр. 568).

Маркс здесь же расшифровывает смысл этого замечания: «*Il faut des grands propriétaires d'un air de* князь!»

Добавлением к этому замечанию служит другое, которым Маркс отметил аргументы Васильчикова в защиту необходимости и желательности временного найма крестьян на сторонние работы. Крупный землевладелец, Васильчиков не высказывает здесь своего основного аргумента: как могло бы существовать в ином случае крупное землевладение? Но скрытая роль этого аргумента ясна, и, несомненно, ее подчеркивает Маркс в пометке (стр. 571): «*Aha! Domine!*».

К той же категории реплик Маркса принадлежат две, относящиеся ко взглядам Васильчикова на роль крупных лендлордов и зажиточных фермеров. «Главнейшею принадлежностью и выгодою аристократического управления» склонный к англоманскому лендлордизму Васильчиков считает

«почетную службу высших сословий». Слова «почетную службу» в этих рассуждениях Маркс отмечает знаками вопроса и восклицания *(?!)*. Что же касается до крупных фермеров, то Васильчиков полагает, что в Англии они «принесли несомненную пользу как сельскому хозяйству улучшением культур, так и *социальному строю* своего отечества жительством среди народа, на *образование коего они имели прямое и всесильное влияние*» (стр. 821; набранные курсивом слова подчеркнуты Марксом). Это влияние фермеров на социальный строй Англии Маркс отмечает ироническим: «*Hurra!*», а замечание о влиянии их на образование — недоумевающими знаками: *?!?*

Что касается до отметок Маркса, сделанных по существу замечаний Васильчикова по поводу происхождения общины, то они прежде всего, как и следовало ожидать, свидетельствуют об его желании провести аналогию между общиною русской, с одной стороны, и старо-немецкою, с другой. Утверждения Васильчикова о том, что «мирское землевладение есть учреждение своеобразное и исключительно свойственное великорусскому племени» (стр. 705), Маркс отмечает знаком восклицания на полях. В случаях, когда Васильчиков, несмотря на его общую точку зрения, должен признавать известное сходство тех остатков общинного землевладения, которые сохранились в Швейцарии, с соответствующими сторонами русских общинных нравов, Маркс в примечаниях подчеркивает, что швейцарские остатки как раз и являются пережитками старо-германского общинного хозяйства; оценка, которую он при этом дает самому Васильчикову, отнюдь не бывает высока:

«*Dasselbe Vieh*, — делает он примечание к строке 1 сверху страницы 727, употребляя при этом старо-немецкий оборот, — *weiss nicht, dass hier (wo er etwas russisches eingesteht) Rest d. alt-germanischen Communalwirthsc[ha]ft*».

И несколькими строками ниже, в пояснение к примеру о пашенных землях, повторяет то же сопоставление вновь: «*Derselbe hatte d. Feldteilung bei d. Germanen geleugnet*».

В дальнейшем изложении Васильчикова внимание Маркса останавливается особенно на замечаниях об отсутствии общих точек соприкосновения между русскими общинными обычаями и «так называемыми коммунистическими воззрениями» (стр. 731), о чуждости русской общине принципов общего пользования, общинного труда и т. д. (стр. 732). Маркс тщательно подчеркивает указания Васильчикова на то, что «общинные запашки» всегда «внушали нашим общинникам непреодолимое отвращение», и они исполнялись «только по принуждению и часто с помощью... военных команд и экзекуций» (стр. 732 — Васильчиков приводит пример военных поселений); что при нарядах на общественные работы крестьяне выполняют общественную работу не сообща, а разбивают ее по частям и работают за индивидуальной ответственностью.

Внимательно подчеркивает — и в некоторых случаях отмечает знаками восклицания — Маркс и те приводимые Васильчиковым примеры, которые показывают, что в ряде районов России препятствием к расселению на хутора является в одних местах — неудобство сообщений, в других — отсутствие воды (стр. 738), отмечая в то же время и отрицательные стороны отсутствия такого расселения, так как благодаря отдаленности деревень от пашни последняя часто совсем не удобряется (стр. 739).

Тщательно отмечает Маркс и указания Васильчикова на отрицательную роль, которую сыграло крепостное право, сделав «неотвратимыми» частые переделы внутри общины (стр. 745) и т. д.

Вплотную подводя к общему вопросу о роли общины в России, эти отметки и замечания данных для более точных выводов, к сожалению, не дают. Остальные замечания Маркса носят частный характер.

На стр. 43 он отмечает фактическую ошибку Васильчикова, который, приводя статистические данные об иммиграции в Америку, для подтверждения их объективности называет одного из исследователей, *Dr. Kapp'a*, эти данные опубликовавшего. членом эмиграционного бюро в Нью-Йорке. Маркс исправляет: «*He was on the contrary Emigration Agent*».

В введении Маркс знаками вопроса и восклицания отмечает утверждения Васильчикова, что «демократическая Франция стала в 1860-х гг., в эпоху проведения аграрной реформы в Польше и Прибалтике, на сторону польского панства, передовые деятели, публицисты и экономисты Германии—на сторону остзейского баронства, и, таким образом, вышло, что радикальная реформа, произведенная в России, имела против себя почти все органы не только консервативной, но и прогрессивной партии» (стр. XLI).

Некоторый интерес представляют и отметки Маркса в списке источников, использованных Васильчиковым. По этим отметкам видно, что у Маркса явилось желание ознакомиться со следующими исследованиями, относящимися к аграрным отношениям в России: *Карасев*, О донских крестьянах. Новочеркасск, 1867. *Рихтер*, История крепостного сословия в Прибалтийском крае. Рига, 1860. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft. Petersburg, 1861 [1], а в особенности с известной книгой *Карновича*: «Замечательные богатства частных лиц в России. Экономически-историческое исследование» (Петербург, 1874). Эту последнюю книгу Маркс отметил еще и раньше, подчеркнув приведенные из нее Васильчиковым данные о раздаче крестьян в эпоху Екатерины II и Павла I (стр. 486).

В начале 1876 г. Марксом был прочитан упомянутый уже нами коллективный ответ Чичерина и Герье («Русский дилетантизм и общинное землевладение») на книгу Васильчикова; к сожалению, бывший в руках Маркса экземпляр этой книги до нас не дошел [2], и о чтении ее Марксом мы знаем лишь по выпискам в его тетрадях. В начале этих выписок Маркс делает оговорку, что здесь он касается только части книги Чичерина. Повидимому, более подробные заметки о Чичерине имелись в какой-то другой из тетрадей Маркса, но они до нас не дошли, и отмечаемые сейчас являются единственным (если не считать отзывов в письмах) документом для суждения об отношении Маркса к Чичерину, — «*der grosse Tschitscherin*», как иронически именует его здесь Маркс. В этих заметках Маркс сопоставляет взгляды Чичерина на характер происхождения раннего общинного землевладения в России со взглядами Беляева, П. Соколовского («Очерк истории поземельной общины на Севере России», Новгород, 1877 г., 183 стр.) и *Kaisler'a* (Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeinde-Besitzes in Russland»)[3].

Книга Соколовского, дату чтения которой Марксом мы можем установить по этим цитатам, в библиотеке Маркса сохранилась. По отметкам на ней видно, что Маркс с особым вниманием прочел первые 4 главы, посвященные исследованию вопроса о ранних корнях общины — до XV века включительно. В этих главах очень много отметок с подчеркиваниями,

---

[1] В библиотеке партийного архива эта книга имеется с пометками, сделанными, повидимому, Марксом.

[2] Экземпляр этого ответа, имеющийся в библиотеке Parteiarchiv'а, не носит на себе следов чтения его Марксом и, повидимому, попал сюда откуда-нибудь со стороны.

[3] Тетрадь: II 9 J 2, стр. 134.

свидетельствующих о том, что Маркс вникал во все детали данных, извлеченных Соколовским. Это внимание Маркса к источникам о северно-русской общине особенно интересно для читателя в наши дни, когда мы знаем, какой богатый материал эти источники дали для построений современных русских историков-марксистов. К сожалению, собственное отношение Маркса в отметках на полях этой книги ничем не выявилось. Но ссылки, сделанные Марксом из Соколовского в упомянутой только что тетради, свидетельствуют, что особенное внимание он обратил на ограниченность применения общинного начала в старо-русской общине новгородского севера.

В следующем, 1879 году Марксом была прочитана тогда только-что вышедшая работа М. М. Ковалевского: «Общинное владение, причины ход и последствия его разложения»; об этом мы знаем как из замечаний Маркса в его письмах к Н. Даниельсону [1], так и по обширным выпискам в тетрадях Маркса [2]. Самой книги в библиотеке Маркса не сохранилось [3].

Из русских книг, время чтения которых следует отнести к 1880 — 1881 гг., нам известны статьи *Николая — она* (Н. Даниельсона) из «Слова» («Очерки нашего пореформенного хозяйства», СПБ, 1880 г.), изданный под редакцией *В. Кельсиева* «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (вып. III — о скопцах) и сборник «*Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России*, Вып. I. Губернии центральной земледельческой области» (1880 г.). Из этих книг последняя в библиотеке не сохранилась; о чтении ее Марксом мы знаем по заметкам в его тетрадях, где имеются также выписки и из двух других упомянутых книг [4].

В сборнике Кельсиева К. Маркса заинтересовало только предисловие, — те места его, где Кельсиев рисует картину борьбы внутри старой Московской Руси, нарастания там недовольства низов и т. д. Все даваемые Кельсиевым детали весьма интересуют Маркса — к себе в тетрадь он выписывает даже перевод имени Калиты—Beutel; также те из отрывков народных песен, в которых звучит отношение народа к реформам Ивана Грозного.

Что касается до статей Н. Даниельсона, то они не столько прочитаны Марксом (в их тексте пометок Маркса не имеется), сколько проработаны им в отношении имевшегося в них цифрового материала; из тех многочисленных и весьма сложных таблиц, которые даны Даниельсоном в приложении к «Очеркам» (повторим, что речь идет об отдельном оттиске 1880 г.), Марксом сделаны две коротеньких, сводных, вкратце резюмирующих намечаемые Даниельсоном моменты в эволюциии русского сельского хозяйства.

Относительно много русских книг прочитано Марксом в 1881 г., когда он, повидимому, захотел подвести некоторые итоги своим работам по изучению русских поземельных отношений и в связи с этим не только

---

[1] «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 68 — письмо от 19 сентября 1879 г.

[2] Шифр тетради — II 9 M 5.

[3] Из книг М. М. Ковалевского, несомненно принадлежавших Марксу, в библиотеке сохранились только две: «Очерк истории распадения общинного землевладения в кантоне Ваадт» (Лондон 1876) и «Опыты по юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV» т. I, в. 1 (Москва 1876). На обеих книгах имеются собственноручные надписи Ковалевского, не безынтересные с точки зрения характеристики их взаимоотношений, — на первой: «*A M-r Karl Marx. En témoignage du plus profond respect et de la plus vive amitié. L'auteur*». И на второй: «*A mon illustre ami Karl Marx en lui demandant beaucoup d'indulgence. Maxime Kowalewsky*». Имеется также в библиотеке и оттиск статьи Ковалевского из журнала «Слово»: «Заметка по поводу проекта болгарской конституции» (с надписью автора: «Hommage de l'auteur» и с отчеркиваниями К. Маркса).

[4] Выписки из статьи Даниельсона и «Статистики» в тетради II 4 A 7; из кельсиевского сборника — в тетради II 9 M 1.

знакомился со вновь получаемыми книгами, но и перечитал кое-что из уже прочитаннаго раньше. Именно в это время им были составлены уже упомянутые нами заметки: «Zur russischer Leibeigenen Emanzipation».

В этом году им прочитаны и перечитаны следующие книги: Скалдин (Еленев): «В захолустье и в столице», Янсон: «Сравнительная статистика России» и «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины» (изд. Вольно-экономического и Русского географического общества под ред. Ф. Барыкова, А. В. Половцева и П. А. Соколовского, СПБ, 1880) и сборник «Доклады высочайше учрежденной комиссии по исследованию нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Последняя из этих работ в библиотеке не сохранилась, и о чтении ее Марксом мы знаем по выпискам в его тетрадях [1]. Книги Скалдина, Янсона и «Сборник материалов об общине» в библиотеке имеются.

«*Сборник материалов об общине*» Марксом изучен почти весь, за исключением трех последних очерков — П. Зиновьева, В. Э. Красовского и Л. С. Личкова. Обстоятельно проработана Марксом вводная статья — программа для собирания сведений об общине и комментарии к ней; по пометкам Маркса видно, как старался он приводимые в программе частные, специфически русские случаи подвести под знакомую ему общеевропейскую терминологию; на странице 31, против того вопроса программы (128-го), который касается имущественных отношений в особого рода общинах, разросшихся из одной семьи, он даже делает пометку, прямо переводя на немецкий язык этот термин: «*Familien-Gemeinde*» [2].

Что касается до самих очерков, содержащих, как известно, богато насыщенное фактическим содержанием описание отдельных общин, то при чтении их Маркс явно стремился прежде всего познакомиться со всем разнообразием форм проявления хозяйственной жизни русской общины. Нет в ней ни одного мало-мальски характерного явления, которого Маркс не отметил бы так или иначе. Этот подход Маркса к данному сборнику материалов затрудняет выяснение моментов, больше всего обративших на себя его внимание. Но все же можно проследить некоторые явления, на которых внимание Маркса останавливается как будто бы несколько более настойчиво.

Прежде всего, это факты, свидетельствующие об итогах выкупных операций. Один из авторов-исследователей (Бауэр для Блазновской вол. Тверской губ.) устанавливает, что выкупная плата в исследованном им районе дошла до 25 руб. за десятину земли без леса, в то время как в вольной продаже такая же земля идет по 9 руб. за десятину с лесом (стр. 251). Этот факт Маркс, помимо нескольких знаков недоумения *(!?)*, отметил еще каким-то восклицанием, прочесть которое не представляется возможным, так как поля срезаны переплетчиком, и от замечания осталась только первая буква (Н). Отмечает Маркс и все другие указания книги на несоответствие доходности земли с выкупными платежами, лежащими на ней, а также единственный данный в этой книге пример той системы «внекапиталистического» закабаления крестьянства, которая впоследствии стала хорошо известна в литературе под «именем системы отрезков». Этот последний пример приведен в статье В. М. Борисова: «Торховская община Тульской губ.», крестьяне каковой общины снимали за непомерно высокую плату небольшой лужок единственно для того, чтобы не платить штрафов за потраву

[1] Тетрадь II 9 M 3.

[2] В двух подобных же случаях небольшие замечания Маркса прочесть не удалось, — слишком большая и существенная часть их срезана.

(стр. 188). [Этот пример поразил Маркса]: с такой формой самобытности он, повидимому, был еще незнаком (об отрезках в литературе тех лет сведений имелось мало), и он отметил его двумя знаками восклицания.

Внимательно следит Маркс и за внутреннею жизнью общин, за нормами переделов, за их влиянием на технический прогресс хозяйств, за практикой системы круговой поруки. Всюду, где только они имеются, им отмечены указания на телесные наказания как метод воздействия, применяемого «миром» для «вразумления» неплательщиков налогов. Бросается ему в глаза и право общины отбирать землю от упорных неплательщиков; когда один из исследователей, известный народник-беллетрист Н. Златовратский (и в этом своем очерке не отказавшийся от свойственной ему манеры идеализации общины в духе ложного сантиментализма), пытается смягчить впечатление от констатируемого им этого факта указанием, что случаев отобрания земли *навсегда* не бывало (случаев отобрания *на время* в исследуемой им общине бывало по 2—3 в год), Маркс, внимательно отчеркнувший все эти сообщения, на полях отмечает последнюю фразу замечанием: «*Im Prinzip!*», показывая, что с его точки зрения уже самое признание возможности такого отобрания в принципе имеет огромное значение.

Обращает свое внимание Маркс на отмечаемый почти всеми исследователями факт истощения полей в результате их слабого унаваживания. Эти указания Маркс отмечает, — но дающие их исследователи, все защитники общины, не связывают факт истощения с существованием переделов. О том, что у Маркса представлениие о такой связи намечалось, говорит знак вопроса, которым он реагировал на противоположное утверждение одной из исследовательниц, Е. Якушкиной, заявившей (конечно, без фактических данных), что общинная земля лучше частновладельческой (у крестьян), ибо «мир не позволяет истощать землю» (стр. 201).

Ряд отчеркиваний свидетельствует, что Маркс внимательно следил и за теми моментами, которые говорили о нарастании в деревне хозяйственного расслоения; так, в ряде мест им отмечены сообщения о применении в хозяйствах наемной рабочей силы и особенно—об отсутствии на сходах у бедняков влияния (стр. 212), а порою и вообще права голоса (у бобылей и бездомных при решении вопросов о переделах, — стр. 163).

Особо следует отметить подчеркивания, сделанные Марксом при чтении обзора Мураевинской вол. Рязанской губ. Автор этого обзора, П. П. Семенов, отмечает произошедшее за время после 1861 г. улучшение «внешней обстановки большинства дворов», а также улучшение в отношении «пищи, одежды и жилища» (стр. 87); он утверждает, что «хлеб из мякины и лебеды, появившийся в нашей местности при крепостном праве», теперь исчез, что «мясная и вообще животная пища стала появляться в большом количестве в крестьянском обиходе» (стр. 88). Все эти три утверждения Марксом отмечены знаками вопроса. Значение их нам станет понятно, если мы вспомним, что приблизительно в то же время быт крестьян Мураевинской вол. был освещен в печати в связи с обнаружением в этой волости революционной пропаганды (так называемое «Мураевинское дело» студента Сергеева, учителя Покровского, крестьянина Травина и др.), причем, как было установлено обвинительным актом, тяжелое положение крестьян, гнет податей и т. д. обусловили сочувствие крестьян революционным речам пропагандистов. Маркс, несомненно, был знаком с этим делом, наверное, по отчетам «Вперед», с членами редакции которого он был знаком и лично и не раз бывал у них в гостях в их лондонской «коммуне» [1]. Сооб-

[1] См. рассказы Л. Гольденберга — «Каторга и ссылка», № 5 (12), за 1924 г., стр. 113.

щения этого «Вперед» рисовали положение крестьян Мураевинской волости в иных тонах [1], и появление у Маркса сомнения в точности описания Семенова более чем понятно.

В этом же самом очерке Семенова Маркс нашел и сильно смягченный рассказ об истории обмана Мураевинских крестьян в 1861 г., когда их уговорили принять даровой надел, т. е. отказаться от своих надельных земель, на которых был найден каменный уголь, взамен чего была обещана крупная сумма денег, позднее так и не выплаченная крестьянам. Свое внимание к этому рассказу Маркс зафиксировал в реплике (стр. 59): «*Schön*[*es*] *Gesch*[*enk*]» [2].

Отметим также еще одно замечание Маркса, давшего оценку одного из авторов «Сборника» — П. Бауэра, писавшего о «Блазновской волости Тверской губ».

«*The author of this report*, — пишет о нем Маркс (стр. 249), — *himself* «помещик» *et son travail s'en ressent*».

Очерки Скалдина в библиотеке Маркса сохранились в двух видах: в отдельном издании, вышедшем в Петербурге в 1870 г., и в виде неполного подбора его журнальных статей из «Отечественных записок», переплетенного вместе с статьями А. Клауса: «Община-собственник» (из «Вестника Европы») и Н. Демерта: «Из недавней поездки» (из «Отечественных записок»). Этот последний сборник, судя по пометкам, попавший к Марксу от Н. Утина, Марксом едва ли был прочитан, — во всяком случае его отметок на нем не имеется. Тем с бо́льшим вниманием прочел Маркс книгу Скалдина в отдельном издании, — отчеркиваниями она испещрена вся, за исключением главы пятой (о голоде 1868 г.).

Основные моменты, на которых останавливается внимание Маркса, в общем и целом и здесь совпадают с теми, которые мы отметили, разбирая выше пометки на «Сборнике материалов об общине». Маркс прежде всего явно собирает материал для критического разбора «Положения» 1861 г. [3]; он тщательно подчеркивает все сообщения Скалдина о лишении крестьян части их прежней земли, о том, что выкупная плата фактически включает и плату за личность крестьян, так что многие крестьяне еще через 6—8 лет после освобождения предпочитают оставаться на барщине, чем переходить к платежу выкупных денег. Из книги Скалдина Маркс знакомится более точно и со значением отрезков, — соответствующие сообщения Скалдина его явно поражают. Внимательно следит он и за приводимыми Скалдиным цифрами и фактами относительно несоразмерной (сравнительно со странами Запада) тяжестью налогов, падающих в России на плечи беднейших классов, и, в первую очередь, на крестьян. Явно поражает Маркса приводимое Скалдиным требование тогда действовавшего русского законодательства, которое получение крестьянином права *отказа от надела* обусловливало обязательной покупкою им в частную собственность земли в количестве вдвое превышающем надельную. Этот пункт Маркс отмечает знаком восклицания (стр. 286). Термин: «оседлый пролетарий», который употребляет в применении к крестьянину Скалдин (стр. 231), ему явно кажется удачным.

---

[1] Они напечатаны в томе V непериодического сборника «Вперед» (отд. II, стр. 86—114).

[2] Окончания слов срезаны переплетчиком, — восстанавливаются по смыслу.

[3] На стр. 338 Скалдин, разбирая «Положение» 1861 г. для северо-западных губерний, доказывает, что особая невыгодность его для крестьян объясняется тем, что польские помещики — члены редакционных комиссий—представляли в комиссию неверные сведения, для опровержения которых у других членов комиссий не было данных. Эта попытка защитить редакционные комиссии вызывает Маркса на реплику: «*Die falsche Ausflucht* (*siehe p. 337*)» На стр. 337 Марксом отчеркнуты сообщения, что в комиссию своевременно были представлены сведения о крайней невыгодности и тяжести для крестьян домогательств помещиков.

Следит Маркс и за развитием той аргументации Скалдина, которая направлена в сторону критики общины. Но здесь его явно интересуют не общие фразы, на которые так щедр Скалдин, в критику общины влагающий ноты обычной манчестерской критики социалистических «утопий», а приводимые им конкретные факты и указания, касающиеся конкретно существующих порядков русской общины: практика волостного суда, качества волостных писарей и старшин, засилие «мироедов» на сходах, семейный деспотизм, поддерживаемый общиной, и т. д.

Общая точка зрения Скалдина, повидимому, Маркса интересует мало, — во всяком случае, в соответствующих частях подчеркиваний имеется много меньше; здесь они порою носят характер некоторой насмешки; для сокращения, например, раздоров в крестьянских семьях Скалдин рекомендует усиление «религиозно-нравственного воспитания» (стр. 164); Маркс слово «религиозное» сопровождает знаком вопроса [1].

Из работ профессора *Ю. Э. Янсона* Маркс на «Сравнительную статистику России и западно-европейских государств» (Петербург, 1878—1880 гг. 2 тома) обратил очень мало внимания; его отметки на полях этого труда свидетельствуют об его внимании к частным вопросам, ставимым Янсоном; так, обратило на себя его внимание сообщение Янсона об относительной скученности городского населения в России (при общей ничтожности процента жителей городов, на один дом в Варшаве и Петербурге приходилось значительно большее число жителей, чем во всех крупнейших городах Запада), данные о размере казенных земель в России, сведения об огромном проценте представителей горожан в числе лиц, приобретавших земельную собственность, и т. д.

Много больше поработал Маркс над другой из названных выше книг Янсона — над его «Опытом статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (Петербург, 1877 г.). Она носит на себе следы всех тех обычных у Маркса пометок, которые свидетельствуют, что он в книге интересовался фактическими данными. Расчетам Янсона он на слово не верит, — он сам проверяет их, шаг за шагом следя за всеми его данными, проверяя вычисления, производя нужную ему для наглядности группировку цифр; в одном случае (стр. 3) это свое недоверие Маркс открыто высказывает в виде вопроса: «*ob correct?*» Замечаний на полях не имеется, если не считать большой справки, выписанной Марксом на стр. 121—124, относительно законодательных мероприятий в области наделения землею государственных крестьян.

Кроме только что рассмотренных книг к 1881 г. относится дополнительная работа Маркса над книгами Скребицкого и «Письмами без адреса» Чернышевского. Прорабатывая вопрос о нормах освобождения крестьян в 1861 г., Маркс обратился к документам, данным в т. IV издания Скребицкого, и внимательно проштудировал данный там проект финансовой

---

[1] В истории русского марксизма Скалдин, как известно, сыграл некоторую роль, дав материал В. И. Ленину для статьи «От какого наследства мы отказываемся» (Собр. сочин., 1 изд., т. II). Поэтому далеко не безынтересным является сопоставление цитат из Скалдина, приводимых Лениным в этой статье, с соответствующими подчеркиваниями Маркса. Количество этих последних во много раз больше первых, — тем не менее, вывод, получаемый от такого сопоставления, не лишен известной показательности: поскольку приводимые Лениным сообщения Скалдина рисовали *фактическое положение русского крестьянина*, они почти все отмечены и Марксом (если же говорить не только о цитируемых Лениным фразах, а о явлениях, к которым эти фразы относятся, то слово «почти» следует опустить). Наоборот, из *цитируемых Лениным практических советов* Скалдина внимания Маркса удостоились далеко не все: эта сторона книги Скалдина Маркса интересовала меньше, чем Ленина.

комиссии; «Письма» Чернышевского в это время Марксом были пересмотрены тоже под углом зрения изучения истории освобождения крестьян.

Последними книгами, трактующими темы, сопредельные с вопросами поземельных отношений, приблизительную дату чтения которых мы можем установить, являются следующие, прочитанные Марксом в 1881—1882 гг.:

Андрей Исаев, Артели в России. Ярославль, 1881 г., 336 стр.
В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. Петербург, 1881 г., LIII+504 стр.
Князь А. Васильчиков, Сельский быт и сельское хозяйство в России. Петербург, 1881 г., 161 стр.
Минейко. Сельская поземельная община в Архангельской губ. Архангельск, 1882 г.
А. Н. Энгельгардт, Из деревни. 11 писем (1872—1882). Петербург, 1882 г., 493 стр.
В. В., Судьбы капитализма в России. Петербург, 1882 г., 312 стр.

Из этих книг на работе *Исаева* отметки Маркса имеются только на первых 17 страницах, где Исаев, пытаясь определить понятие артели, обосновывает свои общие взгляды относительно ее отличительных признаков. С автором Маркс, по меньшей мере, не во всем согласен; в одном месте (в связи с доводами Исаева относительно общности происхождения общины и артели) Маркс это свое несогласие выявляет поставленным им знаком вопроса. Внимательно отчеркивает Маркс собранные Исаевым из работ разных авторов определения понятия артели, а также фактические указания о роли капитала в артелях.

В книге *Семевского* отчеркивания Маркса имеются в введении и первых двух главах, т. е. Маркса интересует даваемый Семевским разбор использованных им источников, данные о числе крепостных и история борьбы не-дворян за право владеть крепостными. Очень похоже, что дальнейшему чтению книги что-то помешало, — быть может, болезнь. Даваемая Семевским оценка источников Маркса не во всем удовлетворяет; когда Семевский заявляет, что труд Роджерса: «История землевладения и цен в Англии», служит «образцом при разработке подобных фактов», Маркс реагирует на это сокрушенным восклицанием: «*O Jerum!*»

В новой книге *Васильчикова* отчеркивания Маркса имеются только в одной главе — «Об улучшении сельского хозяйства в России».

Факт знакомства Маркса с брошюрою *Минейко* (она составлена из его докладов, прочитанных в заседаниях Архангельского губернского статистического комитета) удается установить только по сделанным Марксом исправлениям дат, — других пометок в ней не имеется.

В книге *А. Н. Энгельгардта* отметки Маркса имеются только в последнем письме (весьма вероятно, что с остальными письмами Маркс был знаком и раньше), но зато их много, и они существенно интересны. Это письмо посвящено вопросу о крестьянских настроениях — в связи с широко ходившими в конце 1870-х гг. толками о «вольной земле» и «черном переделе» — и выяснению, с точки зрения культурного и либерального, но твердого в своих собственнических убеждениях помещика причин возникновения этих настроений, обсуждению средств устранения их. Маркс с этими настроениями, конечно, был знаком, — за революционной прессой он следил, а в этой последней, особенно в связи с антиеврейскими волнениями 1881—1882 гг., о них говорили не мало. Тем любопытнее должны были ему казаться показания представителя совершенно чуждого лагеря, и он действительно тщательно отмечает все сообщаемые Энгельгардтом признаки нарастающих в крестьянстве настроений. В частности любопытно, что Маркс особое внимание обратил на замечание Энгельгардта о роли кулаков: «богачи-кулаки, это — самые крайние либералы в деревне, самые яростные

противники господ, которых мало того что ненавидят, но еще и презирают как людей, по их мнению, ни к чему не способных» (стр. 451). Эту фразу Маркс старательно и дважды подчеркивает: огромное значение этого факта, — оппозиционных настроений нарождающейся в деревне буржуазии, — ему, очевидно, было понятно.

Внимательно следит Маркс за приводимыми Энгельгардтом примерами то хищнического, то просто глупого ведения хозяйства соседними помещиками, которым Энгельгардт пророчил один неизбежный конец — продажу земель через банк мужику. Приводимые им факты, действительно, и ярки, и убедительны. «Чем скорее это совершится, тем лучше» (стр. 465),— делает он свой вывод. Очевидно, соглашаясь во многом с Энгельгардтом в смысле оценки дворянского оскудения, Маркс с выводом далеко не согласен:

«*In fact*, — приписывает он, — *the most useful for the la[ndlord] but not for the peasant. You must t[ake]* [1] *not bug*».

Почему Маркс был против покупок — пояснять вряд ли нужно.

Очень внимательно следит Маркс и за рассказом Энгельгардта о постановке дела в его собственном хозяйстве, об его исследованиях в области применения к сельскому хозяйству фосфористых туков, о планах довольно смелых реформ в области севооборота (Энгельгардт предлагал в многопольном севообороте при обилии земель клевер заменять березою, пуская под нее соответствующие участки на 15—18 лет) и т. д. Впрочем, к этим последним планам Маркс отнесся явно скептически. План замены клевера березою им в двух местах отмечен знаками вопроса.

Книга *В. В.* Марксом прочитана вся, хотя количество его отметок в разных отделах книги далеко не одинаково. Эти отметки свидетельствуют, что Маркс со вниманием следил за развитием аргументации автора. К сожалению, они не позволяют установить не только отношения Маркса к взглядам В. В. по существу, но и выделить, какие именно моменты этих взглядов особенно сильно заинтересовали Маркса. Только две небольших пометки служат доказательством, что далеко не все у В. В. казалось Марксу достойным серьезного отношения. На странице 50, — там, где увлекшийся В. В., чтобы доказать невозможность конкуренции России с Западом, сообщает о якобы наблюдаемом на Западе процессе «соединения капитала, технических знаний и изобретательности в одном лице» «фабриканта-техника», — Маркс отмечает это открытие знаком восклицания.

Несколькими страницами ниже с еще бо́льшим изумлением (*!?!*) отмечает Маркс совершенно исключительную веру В. В. в тогдашнее русское правительство, которое может и должно взять под свою высокую руку все артельное дело в наиболее трудной отрасли — в механической промышленности.

Ироническое замечание Маркса вызывает приводимая В. В. цитата из «Земледельческой газеты» о планах южно-русских помещиков привлечь в Новороссию... не больше, не меньше как китайцев. В этой газете говорилось о необходимости за помощью для ликвидации кризиса, вызванного дороговизною рабочей силы, «обратиться к желтому вопросу, указать китайцам путь в нашу обетованную землю» (стр. 152).

«*Steppen in Russia*, — замечает по этому поводу Маркс, — *das gelobte Land of China!*»

Не лишне будет отметить также, что в предисловии к книге В. В. Марксом тщательно подчеркнуто заявление: «Публицисты буржуазии на западно-европейский манер и социалисты школы Маркса... считают, что

[1]) Одно слово срезано переплетчиком, уцелела лишь первая буква: t, но смысл фразы понятен: нужно занимать, не покупать.

в России должно непременно получить господство капиталистическое производство» (стр. I).

Кроме всех этих книг, относительно которых мы могли хотя бы приблизительно установить время их чтения Марксом, в библиотеке Маркса находятся также следующие, более или менее близко соприкасающиеся с интересующей нас темой и, несомненно, читанные им книги, относительно которых выяснить дату их чтения не удалось даже приблизительно:

1. Сборник статей из «Современника», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» конца 50-х гг. по крестьянскому вопросу. В этом сборнике Марксом, несомненно, прочитана статья Славянского — «Обзор журнальных статей, относящихся к улучшению быта помещичьих крестьян» (из «Отечественных записок»).

2. *Л. Сабанеев*, Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. Москва, 1873 г.

Книга эта носит несколько смешанный, почти дилетантский характер: описание природы, растительных формаций и т. д. в ней чередуется с описанием особенностей экономического быта края. Отметки Маркса показывают, что он интересовался именно этими последними особенностями, главным образом в отношении скотоводческого хозяйства, а также характерными чертами реформы 1861 г. в крае.

3. *А. Постников*, Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875 г., VII+165+5 стр.

Книга эта Марксом прочитана вся, — его отметки встречаются на всем ее протяжении; замечаний нет ни одного.

4. *К. Кавелин*, Общинное владение. (Отдельный оттиск из №№ 3—7 журнала «Неделя» 1876 г.), 63 стр.

Отметки Маркса, свидетельствующие о внимательном чтении брошюры, имеются на всем ее протяжении; замечание только одно, но существенно интересное: на стр. 16 Кавелин высказывает утверждение об отсутствии связи между общинным владением землею и сельскохозяйственной отсталостью. «Для каждого, — пишет он, — кто хоть сколько-нибудь вникал в дело, конечно, ясно, что между сельскохозяйственными понятиями крестьянства и общинным владением нет ничего общего, что их связь совершенно случайная». Отчеркнув это утверждение, Маркс ставит на полях: *!?*, отмечая тем свое несогласие с этим утверждением.

5. *С. К[апусти]н*, Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей. Петербург, 1877 г., 599 стр.

Отметки Маркса имеются на всем протяжении книги; замечание на полях только одно. На стр. 65 Капустин, перечисляя отрицательные стороны развития экстенсивного помещичьего хозяйства на юге России, говорит, что высокая заработная плата в помещичьих экономиях, отвлекая поселенцев от работы над своими полями, ведет к тому, что их собственная земля «от дурного хозяйства начнет дурнеть все более и более». По этому поводу Маркс замечает: «*Dies gilt auch b[ei] d[en] russischen Durchschnittsb[auern] überhaupt*».

6. *М. В. Неручев*, Русское землевладение и земледелие. Москва, 1877 г., 44 стр.

Отметки Маркса имеются на всем протяжении брошюры. Замечаний два. На стр. 38, в целях устранения недостатка с.-х. рабочих в Новороссии, Неручев, — сам помещик из Новороссии, — развивает план добровольной колонизации края и настаивает на правительственной помощи в целях организации выкупа тех земельных участков, которые новороссийские помещики будут отводить для поселения этих колонистов. «*Schlau-*

kopf!» — оценивает этот план Маркс. В виде итога этой колонизации Неручев обещает развитие на юге фермерства, появление значительного слоя мелких собственников, владеющих 10—20 десятинами земли (стр. 44); Маркс оценивает этот прогноз и замечает на полях: *C'est ça!* [1]

7. О платежных средствах населения Тверской губ.» Составил *В. Покровский.* Тверь, 1873 г., 150+11 стр.

Отметки Маркса имеются в некоторых главах, — особенно в главе, посвященной характеристике почв губернии; особо Маркс отчеркивает указания, что кое-где (у корел) заботливый уход за землею неплодородную почву превратил в плодородную (стр. 11), в то время как в других местах даже богатая почва сильно истощается.

8. *Н. Кареев,* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация. Москва, 1879 г.

В книге имеется небольшое число отчеркиваний, повидимому сделанных Марксом.

Выше, в главе VI, обзор материалов, сохранившихся в библиотеке Маркса и касающихся его отношения к русским революционным группировкам, мы довели до Бакунина и Нечаева, т. е. до 1871—1872 гг. В течение всей последующей деятельности Маркс с неослабевающим вниманием следил за литературой русского революционного лагеря; в его переписке сохранились указания, свидетельствующие, что он читал и «Вперед» [2], и «Черный передел» [3] и другие периодические и непериодические издания. Не ставя перед собой задачи исследования вопроса об отношении Маркса к русским революционным группировкам в его полном объеме, в данном очерке мы ограничимся только подведением итогов тем новым указаниям, которые дают для этого вопроса материалы, сохранившиеся в библиотеке Маркса.

Количество революционных изданий, сохранившихся в этой библиотеке, довольно велико. Почти все крупные и некрупные группировки, намечавшиеся в те годы в зарубежной печати, здесь представлены с большей или меньшей полностью: почти полный комплект «Вперед» и отдельных изданий, выпущенных его редакцией; ряд изданий женевских бакунистов — от «Исторического развития Интернационала» [4] и первого обращения группы Ралли, Эльсница и др. до ряда номеров «Работника» и комплекта «Общины»; отдельные номера «Набата» и некоторые из изданных им брошюр («Последняя революция» Гамона); популярные брошюры Кравчинского, Иванчина-Писарева, Тихомирова и др., выпущенные женевской типографией Александрова-Гольденберга; памфлеты Драгоманова, берлинские издания умеренно-славянофильского лагеря, — даже брошюрки П. Ф. Алисова, даже издания украинской «Громады», языком которой Маркс не владел!

Кроме зарубежных изданий здесь имеется еще кое-что из изданий,

---

[1] Последняя часть этого восклицания написана так неясно (карандаш стерт), что наша расшифровка не может считаться бесспорной.

[2] «Briefwechsel», т. IV, стр. 379.

[3] Письма к Зорге, изд. Дауге, стр. 190—191. Отметим здесь же, что немецкий перевод больших выписок из упоминаемой в этом письме статьи Моста мы нашли также в архиве Либкнехта. Перевод этот писан рукой Либкнехта, но есть ряд оснований полагать, что он записан под диктовку Маркса: сам Либкнехт русским языком не владел, а одна из поездок его в Лондон к Марксу относится как раз к периоду выхода в свет злополучного номера «Черного передела».

[4] Некоторых изданий этой группы (в том числе «Исторического развития Интернационала») налицо в библиотеке архива германской с.-д. партии не имеется — они затеряны. В наиболее старом каталоге русских книг библиотеки Parteiarchiv'a, составленном в начале 1900-х годов, они значатся.

выходивших в тайных типографиях, действовавших в пределах России — №№ 2—4 петербургского «Начала» (1878 г.) [1], отдельные страницы из ряда номеров «Народной воли» и «Листка народной воли», некоторые другие издания этой последней организации.

К сожалению, пометок Маркса на большей части этих изданий не имеется. Это отнюдь еще не свидетельствует о том, что Маркс их не читал; вполне возможно, что он просматривал их, но не нашел в них ничего, что остановило бы на себе его внимание; возможно также, что Энгельс, при сортировке им в 1883 г. библиотеки Маркса, в тех случаях, когда там оказывались те же издания, что и в его собственной библиотеке, выделил и передал Лаврову экземпляры из библиотеки именно Маркса [2]; тем не менее, беспорно прочитанными, кроме тех, упоминания о которых имеются в его статьях или письмах, считать следует лишь те, на которых имеютея следы его пометок или из которых сделаны выписки в его тетрадях. Только с этими последними группами мы и будем иметь дело в дальнейшем.

Почти несомненным приходится считать знакомство Маркса с полемическими брошюрами, которыми в 1874 г. обменялись П. Н. Ткачев и П. Л. Лавров. Таких пометок, которые с несомненностью следовало бы счесть принадлежащими Марксу, на них не имеется, но при том интересе, который он проявил к полемике Энгельса с Ткачевым, невозможно допустить, чтобы он сам не прочел этих брошюр. Убедительным же доказательством, свидетельствующим о степени остроты интереса Маркса к этой полемике Энгельса, могут служить его пометки на брошюре Ткачева: «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels» (Zurich 1874). Эта брошюра сплошь испещрена сделанными Марксом подчеркиваниями, причем эти подчеркивания в ряде случаев совпадают с теми местами брошюры, которые позднее были взяты Энгельсом, как главные объекты критики, в его ответных статьях. На обложке же брошюры Марксом сделана довольно большая надпись, являющаяся по существу запиской, адресованной Энгельсу и содержащей совет, в каком тоне следует отвечать Ткачеву: эта надпись гласит:

«*Draufhauen in lusti[ger] Manier. So dumm, dass Bakun[in] mitgearbeitet haben kann. Peter Tc[atschoff] will vor allem den Lesern w[eisen] dass du ihn als dein[en] Gegner daher behandelst und erfindet daher allerlei nicht stattgefundene Streitpunkte*».

Эта надпись Маркса важна не столько благодаря данной в ней, — очень нелестной для Ткачева,—общей оценке «письма» последнего, сколько благодаря тому, что она дает новый материал для определения степени участия Маркса в полемике Энгельса против Ткачева. Если выше, на примере с цитатами из статьи Ефименко, мы имели возможность показать, что по меньшей мере значительная доля *теоретической* части ответа Энгельса составлена под непосредственным влиянием Маркса, то теперь мы можем убедиться, что и общий *тон* ответа Энгельса выбран в полном согласии с прямым советом Маркса. Как известно, на «Открытое письмо» Ткачева Энгельс ответил двумя статьями в «Volksstaat» — в № 37 и 38 за 1875 г. Из этих статей

---

[1] № 4 «Начала» — даже вместе с тем приложением, которого в свое время не мог разыскать В. Я. Богучарский и который поэтому отсутствует в изданном последним сборнике «Революционная журналистика 1870-х годов».

[2] Для ряда случаев, относительно которых известно, что экземпляры с авторскими надписями в свое время были посланы Марксу и Энгельсу, а в настоящее время в библиотеке имеются только посланные Энгельсу, такое предположение приобретает большую степень правдоподобности.

первая,—с того времени ни разу не бывшая перепечатанной [1] и, насколько нам известно, до сих пор не переведенная на русский язык, — выдержана целиком в том третирующем тоне, который советовал выбрать Маркс для того, чтобы публично «высечь» (hauen) «зеленого гимназиста» Ткачева.

«Я будто бы давал ему советы! [Rathschläge], — иронически восклицает в ней Энгельс. — Мне об этом абсолютно ничего не известно. Несколько *пинков* [Schläge], Петр Никитич, пожалуй достались вам по этому поводу, но советы? За соответствующее указание буду весьма благодарен!» И обещает выдать ему премию «в 10 марок бисмарковской государственной монеты», если Ткачев найдет где-нибудь в его, Энгельса, статьях о Ткачеве хоть что-нибудь, похожее на советы последнему.

В 1875 г. Маркс много внимания уделил зарубежной литературе умеренно-славянофильского лагеря; из изданий этой группы в его библиотеке сохранились следующие:

Ю. Самарин и Ф. Дмитриев, Революционный консерватизм. Берлин, 1875 г., 144 стр.

Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир» в двух письмах. Берлин, 1875 г., 87 стр.

А. Кошелев, Наше положение. Берлин, 1875 г., IV+189 стр.

А. Кошелев, Общая Земская дума в России. Дополнение к книжке «Наше положение». Берлин, 1875 г., VIII+106 стр.

А. Кошелев, Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875 г., 118 стр.

Письмо министру народного просвещения гр. Толстому от князя *Васильчикова*. 1875 г.,

Большое количество мест подчеркнуто Марксом в брошюре *М. Драгоманова*: «Турки внутренние и внешние». (Женева, 1876 г.,30 стр.). По этим подчеркиваниям видно, что Маркс с особым удовлетворением следил за тем, как Драгоманов вскрывал лицемерие казенных фраз о помощи братьям-славянам. Он старательно подчеркивал все указания о самодурстве русских офицеров на Балканах (как известно, они пытались перенести туда, в свои отношения с добровольцами-сербами и болгарами, принятую в русских казармах систему кулачных расправ), о разгуле национальных гонений против «братьев-славян», не принадлежащих к великорусскому племени внутри самой России и т. д. [2]

---

[1] Против перепечатки этой статьи, равно как и статьи из № 117 «Volksstaat» за 1874 г. (о Лаврове и Ткачеве, — русский перевод ее дан Д. Б. Рязановым в № 5—6 журнала «Под знаменем марксизма»за 1922 г.) в свое время высказался сам Энгельс; мотивы этого своего отношения он высказал в одном из своих неизданных еще писем к Герману Шлиттеру, когда последний, в то время заведывавший издательской частью цюрихской «Социал-демократической библиотеки», поднял в 1886 г. вопрос о переиздании всех «русских» статей Энгельса из «Volksstaat». Вот это место ответного письма Энгельса (от 26 ноября 1886 г.):

«Социальные условия в России». Если вы брошюрку хотите перепечатать в том же виде т. е., как она была издана в 1875 г. отдельным изданием.—*Б. Н.*, то я против этого ничего не возражаю. Предисловие к ней заставило бы меня снова заняться изучением русского вопроса, на что у меня абсолютно нет времени. Предисловие же без предварительного нового изучения не дало бы ничего нового, и поэтому лучше отказаться от него. Относящиеся к этому статьи в «Volksstaat» тоже следует выкинуть. Первая была направлена против Лаврова, который после этого уже не дал нам больше повода сводить старые счеты, и, так же, как и начало второй статьи (против Ткачева), не содержит, за исключением некоторых более или менее подходящих острот, ничего такого, что могло бы представить интерес для настоящего времени, а тем более иметь пропагандистское значение».

[2] В архиве германской с.-д. партии имеется и еще одна брошюра Драгоманова, сохранившая следы чтения ее Марксом; это — французский доклад Драгоманова, представленный им в 1878 г. парижскому конгрессу писателей: «La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe» (Genève 1878, 42 стр.). Брошюра эта вся с большим вниманием прочитана Марксом: имена, даты и наиболее существенные указания отчеркнуты; замечаний не имеется,— только на стр. 10 Маркс знаком вопроса отметил замечание Драгоманова о белоруссах.

Мы закончили наш обзор отметок Маркса, имеющихся на полях тех русских книг его библиотеки, которые хранятся ныне в партийном архиве германской социал-демократии. Оговоримся еще раз, что это далеко еще не все русские книги, прочитанные в свое время Марксом; будем надеяться, что список их в будущем удастся значительно пополнить путем находок в других библиотеках [1].

Б. Николаевский.

---

[1] Отметим здесь же, что выше в наш обзор мы включили только те русские книги архива германской социал-демократии, на которых имеются пометки, относительно которых можно утверждать (по крайней мере, с большой долей уверенности), что они сделаны Марксом. Кроме них, в той же библиотеке имеется целый ряд книг, таких пометок на себе не сохранивших.

ЭНГЕЛЬС И БЮРЕ

Шарль Андлер в известных комментариях к «Коммунистическому манифесту» высказал мнение, что «Положение рабочего класса в Англии» написано под сильным влиянием книги сисмондиста Бюре «О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции» [1]. Сначала он высказывает свою мысль более осторожно. По его мнению, Энгельс позаимствовал у Бюре метод исследования вопроса, добросовестность монографической разработки, широкое привлечение отчетов парламентских комиссий, но к этому он присоединил еще более широкую аргументацию, взятую из социальной истории и действительности, а кроме того технологическую подготовку, которой не было у Бюре. Таким образом, Энгельс написал книгу, открывшую эру научного социализма [2]. Но в другом месте Андлер высказывается гораздо резче и решительней. По его словам, книга Энгельса представляет лишь переработку и завершение (une refonte et une mise au point) книги Бюре [3]. Все эти утверждения Андлер роняет мимоходом, не приводя в их пользу никаких доказательств.

Утверждения Андлера были подхвачены анархистами Пьером Рамюсом и В. Черкезовым, составившими против Энгельса настоящий обвинительный акт в статье, помещенной в коллективной брошюре «Die Urheberschaft des Kommunistischen Manifestes». Berl., 1906. Та часть этой брошюры, в которой они пытаются доказать зависимость «Коммунистического манифеста» от консидерановского «Манифеста демократии», разобрана Каутским в статье «Das Kommunistische Manifest ein Plagiat» [4]. К сожалению, Каутский не дочитал брошюры до конца и не познакомился со статьей Рамюса «Friedrich Engels als Plagiator» (он почему-то считает ее лишь перепевом статьи Черкезова о «Коммунистическом манифесте»). На самом деле в этой статье, написанной, как и вся брошюра, в озлобленном и вызывающем тоне, Рамюс нападает на «Положение рабочего класса в Англии» и объявляет его недобросовестным плагиатом. Основываясь на изысканиях Черкезова, будто бы доказавшего зависимость Энгельса от Бюре «в стилистическом, теоретическом и даже синтаксическом отношении», Рамюс утверждает, что книга Энгельса написана по Бюре и только по Бюре; она представляет немецкое, довольно свободное переложение книги Бюре. Никакого нового фактического материала она не дает, а если дает, то самый незначительный. Мысли Бюре передаются Энгельсом почти дословно. Даже освещение фактов с точки зрения классовой борьбы и революционного социализма взято Энгельсом у того же Бюре. Между тем Энгельс нигде не ссылается на книгу Бюре и ничем не выдает своего знакомства с ней — очевидно, для того, чтобы скрыть свой плагиат. В доказательство своих положений Рамюс приводит ряд параллельных выдержек из Бюре и Энгельса (выдержки эти подобраны Черкезовым), а также ряд цитат из Бюре,

---

[1] *E. Buret.* De la misère des classes laboreuses en Angleterre et en France. Paris, 1840.
[2] *Ch. Andler*, Le Manifeste communiste, Paris, 1901, II, p. 34—35.
[3] Там же. стр. 79.
[4] «Neue Zeit», XXIV, 2, S. 693—702.

характеризующего теоретические взгляды, будто бы позаимствованные у него Энгельсом.

Достаточно перелистать обе книги, чтобы убедиться в том, что Энгельс широко пользуется материалами, которых нет и не может быть у Бюре (материалами, появившимися после 1840 г. — года выхода в свет книги Бюре); круг вопросов, интересующих Энгельса и Бюре, далеко не один и тот же. Но общий вопрос о зависимости коммуниста Энгельса от сисмондиста Бюре должен быть рассмотрен и разрешен, тем более, что он не был еще разобран с достаточной обстоятельностью и убедительностью. Густав Майер дает очень верную оценку отношения между Энгельсом и Бюре [1], но дает ее в готовом виде, почти без доказательств; к тому же он совсем не касается обвинений, возводимых на Энгельса Рамюсом и Черкезовым.

Надо сказать, что критика текста Энгельса сильно затрудняется его небрежной манерой ссылаться на те источники, из которых он черпает свои материалы. Часто мы совсем не находим ссылок, порой они делаются в очень общей и неясной форме. Упрекать за это Энгельса не приходится: его труд — не ученая диссертация, перегруженность ученого аппарата ей была бы не к лицу. Круг использованных Энгельсом источников шире, чем круг его ссылок. Рамюс делает из этого еще одно оружие для обвинения Энгельса в плагиате.

Значительная часть приведенных Черкезовым и Рамюсом параллелей ни «стилистически», ни «теоретически», ни «синтаксически» не обнаруживает никакой параллельности. Сходство получается не больше того, какое неизбежно, когда два человека говорят об одном и том же предмете. Вот образец параллельных текстов, приводимых Черкезовым-Рамюсом [2].

Бюре (I,406): «После преступности проституция представляет величайший бич рабочего класса». Энгельс (131) [3]: «Рядом с невоздержностью в потреблении спиртных напитков невоздержность в половых сношениях представляет один из главных пороков многих английских рабочих».

У Бюре говорится о преступности и проституции, у Энгельса о пьянстве и сексуальной распущенности; это не одно и то же. Весь метод Черкезова-Рамюса сводится к выхватыванию похожих фраз у Энгельса и Бюре и к сопоставлению их вне контекста. Но действительное сходство получается лишь тогда, когда данное место взято из какого-нибудь общего источника; в таких случаях Рамюс с торжеством заявляет, что Энгельс знаком с этим источником только через Бюре. Но таких случаев очень немного, так как достаточно беглого анализа источников Энгельса и Бюре, чтобы убедиться, что их книги написаны по совсем разным материалам. И Бюре, и Энгельс пользуются официальными источниками и в первую очередь отчетами (Reports) парламентских комиссий. Но среди официальных источников, использованных Энгельсом, нет *ни одного*, который бы упоминался у Бюре.

Главный источник Энгельса — Отчеты фабричной комиссии 1833 г. Эти отчеты изучены им очень подробно, в его книге мы найдем ссылки более чем на 130 мест из этих отчетов. У Бюре они не упомянуты *ни разу*. На втором месте среди официальных источников Энгельса стоят отчеты комиссии о детском труде [4]. Эти отчеты появились уже *после* выхода книги Бюре. Зато Энгельс нигде не ссылается на главный источник Бюре — годовые отчеты комиссии по закону о бедных [5]. С работой комис-

[1] «Fr. Engels», S. 206—209.
[2] Там же, стр. 32.
[3] Страницы в книге Энгельса приводятся по немецкому изданию 1892 г.
[4] «Children's Employment Commission's Reports» 1841 и 1843.
[5] «Reports of the poor law commission», I—VI, 1835—1840.

сии по закону о бедных он знаком по совершенно другим источникам, — по первому сокращенному отчету комиссии [1], не использованному Бюре, и по вышедшему *после* книги Бюре большому трехтомному изданию «Report to the Home Secretary from the Poor Law Commissionners on an Inquiry into Sanitary Condition of the Labouring classes of Great Britain, etc». 1842. Другим источником, широко использованным Бюре, являются отчеты комисси по обследованию положения ручных ткачей; Энгельс знает об этой комиссии, но нигде не обнаруживает знакомства с ее отчетами. Из десятка прочих официозных источников, упомянутых у Энгельса, только три относятся ко времени до 1840 г., и ни один из них не упомянут у Бюре. Равным образом из восьми, упоминаемых (сверх уже названных) у Бюре, ни один не появляется у Энгельса. Из единственного общего источника — отчетов генерального регистратора актов гражданского состояния — Бюре цитирует первый, а Энгельс пятый отчет. Конечно, мы в праве ожидать значительно большего числа совпадений, когда от официальных источников переходим к литературным; круг их был не так широк. Но и здесь очень далеко до полного совпадения. Из 20 книг, на которые ссылается Бюре, 13 нигде не цитируются у Энгельса; из 18 книг, которыми пользовался Энгельс, 11 не упоминаются у Бюре. Таким образом, общим у них являются лишь 7 книг. Среди книг, отмеченных у Бюре и неиспользованных Энгельсом, не мало таких, которые прямо относятся к трактуемым Энгельсом сюжетам (напр. W. Beaver Neale, «Juvenile delinquency in Manchester», 1840; Villermé, «Tableau de l'état physique et moral des ouvriers». P. 1840, во втором томе которой не мало сведений об Англии; M. Ryan, «Prostitution in London» и пр.). С другой стороны, Бюре ничего не говорит о ряде книг, широко использованных Энгельсом (напр. P. Gaskell, «The manufacturing population», 1833; A. Alison, «The principles of population», 1840; Baines, «History of the cotton manufacture», 1835, не говоря уже о книгах, вышедших после 1840 г.). Из общих для обоих авторов литературных источников мы находим Уэда (Wade), «History of the midle and working classes» (эта книга цитируется Энгельсом уже в «Очерках критики политической экономии»), д-ра Алисона, «On the management of the Poor in Scotland», 1840 (цируется в «Положении Англии»), Мальтуса (конечно, известного Энгельсу и раньше), Юра (Ure), «Philosophy of manufactures» (Бюре пользуется этой книгой во французском переводе, Энгельс — в оригинале), Саймонса (Symons) «Arts and Artisans at home and abroad», 1839, Кея (Kay) «The moral and physical conditions of the working classes», 1832. Есть сомнительная книжка: Slaney, «State of the poorer classes in great towns», 1840. Бюре на нее ссылается; возможно, что ею пользовался и Энгельс.

Сличая периодические издания, которыми пользовались Энгельс и Бюре, мы находим только одно совпадение, а именно «Журнал статистического общества» («Jouranl of the Statistical Society of London») за 1839 и 1840 г.

Таким образом, книги Энгельса и Бюре написаны по разным материалам. Совпадения, если принять во внимание, что их разделяют только пять лет и что темы их близки, — очень незначительны. Но все же совпадения есть и, стало быть, есть предлог для небрежных или недобросовестных обвинений.

Перейдем теперь к сличению самого содержания книг. Своего «Введения» Энгельс никак не мог взять у Бюре, так как Бюре, много толкуя о сущности и происхождении бедности, нигде не догадался дать историю

[1] «Extracts from information received by the Poor Law Commissionners», 1833.

происхождения промышленного пролетариата. Источники «Введения» к книге Энгельса совершенно ясны: это книга Гаскелля, очень сильно использованная для начальных страниц «Введения», затем отмеченная Энгельсом книга Портера [1], ряд данных взят у Мак-Коллоха [2] и Бэнса [3]. Ни одной из этих книг Бюре не пользовался. Основные идеи краткого очерка «Промышленный пролетариат» развиты Энгельсом уже раньше в «Очерках критики политической экономии» и опять-таки никаких аналогий у Бюре не имеют. Лишь в главе о больших городах Энгельс входит в сферу вопросов, разработанных Бюре [4], и здесь, наконец, открывается простор для тех «совпадений», за которые так жадно хватаются Рамюс и Черкезов. Вполне естественно, что и Энгельс, и Бюре начинают свой обзор с Лондона, а в Лондоне с «классического места ужасов» — Сент-Джайльса. Аналогия здесь самая поверхностная, и Рамюс напрасно на нее ссылается. Сюжет, этот, впрочем, настолько конкретный и бесспорный, что описания, сделанные совсем разными лицами, неизбежно будут совпадать в ряде пунктов. Энгельс указывает [5], что уже после того, как его очерк был написан, ему попалась статья в «Illuminated Magazine» (окт. 1844), «The Dwellings of the Poor», иногда совпадающая с его описаниями почти дословно. Но и при всем том у Энгельса и Бюре здесь мало сходства. Бюре ограничивается лишь беглым упоминанием о Сент-Джайльсе; Энгельс дает живую и яркую картину уличной жизни этого квартала, повидимому на основании личных наблюдений. Затем он ссылается на ряд кварталов, не упомянутых у Бюре, приводит ряд цифр, рисующих жизнь бедноты, населяющей приходы св. Маргариты и св. Иоанна в Вестминстере (взяты из «Журнала статистического общества» за 1840 г.). Дальнейшее описание бедных кварталов Лондона у Бюре и у Энгельса ведется совсем по-разному. Оба они говорят о Bethnal Green, но по совершенно разным материалам. При этом приведенный у Бюре материал настолько ярок (I, 317—325 и особенно I, 367—374), что кажется странным, как мог Энгельс его не использовать, если он был с ним знаком. Особенно интересны личные впечатления Бюре от посещения Bethnal Green'a. Далее Энгельс переходит к Дублину; об этом городе Бюре говорит лишь вскользь (I, 337, 339). Материал Энгельса взят у Алисона [6]. В описании Эдинбурга совпадает одна цитата из отчета д-ра Ли [7]. Но цитата эта взята не у Бюре. Оба они взяли ее у Алисона [8]; при этом надо отметить, что энгельсовская цитата, хотя она и взята в кавычки, представляет не точный перевод, а близкий пересказ соответствующего места у Алисона. У Бюре ничего нет о Бирмингаме, где у Энгельса источник ясен (статья в «The Artizan»); зато у Энгельса ничего нет о Ньюкэстле. Относительно Глазго Бюре дает только одну довольно длинную цитату из Саймонса [9]. Энгельс приводит ту же цитату, делая при этом ссылку на источник. Рамюс с торжеством спрашивает (с вопросительным и восклицательным знаком), читал ли Энгельс когда-нибудь книгу Саймонса. На этот злорадный вопрос можно спокойно ответить: несомненно, читал. У Энгельса цитата продолжена несколько дальше, чем у Бюре; кроме того у Энгельса есть еще одна ссылка на Саймонса, которой нет у Бюре, и крат-

[1] *G. K. Porter*, The Progress of the Nation etc., три тома, 1836—1843.
[2] «Description and Statistical Account of the British Empire».
[3] *Edw. Baines*, History of the Cotton Manufacture of Great Britain, 1835.
[4] *Buret*, I, p. 315 и след.; *Engels*, Lage, 26 и след.
[5] «Lage», S. 27.
[6] «On the management of the Poor in Scotland», 1840.
[7] «Lage», S. 35; *Buret*, I, p. 382—383.
[8] «On the management of the poor», p. 11—12.
[9] *J. C. Symons*, Arts and Artizans at home and abroad, 1839, p. 116 и след.

кая, но меткая характеристика этого автора, которой он также не мог получить у Бюре [1]. О Ноттингеме [2] Бюре и Энгельс говорят почти дословно одно и то же, причем Энгельс не дает ссылки на источник, что Рамюс не преминул злорадно отметить. Но Бюре ссылается здесь на статью Felkin'a в «Журнале статистического общества» за 1840 г., а Энгельс, несомненно, был знаком с этим журналом помимо Бюре (см. выше). О Ливериуле Бюре и Энгельс [3] приводят почти совершенно одинаковые данные, но у Энгельса они приведены короче и с ошибкой: число обитателей подвалов дано в 45 000 вместо 39 000; цифра 45 000 получена (округленно), как $^1/_5$ населения (230 000); по Бюре, обитатели подвалов составляют $^1/_7$ всего населения и $^1/_5$ рабочего населения Ливерпуля. Источником Бюре была книга Слэни [4]. Тем же источником — вероятно из вторых рук — мог пользоваться и Энгельс: его изложение как будто основано на неполной передаче данных Слэни. Во всяком случае, пользуясь Бюре, он не сделал бы ошибки. О Бристоле у Бюре и у Энгельса [5] опять-таки один и тот же материал, и опять Энгельс допускает ошибку. Но и Бюре дает неточную ссылку. Дело идет об анкете, коснувшейся 5 981 семьи; из них 2 800, т. е. 46%, имели не более одной комнаты. Энгельс пишет, что было опрошено 2 800 семей и у 46% оказалось по одной комнате. Бюре ссылается на «Journal of the Statistical Society», I, 86. Но там говорится об аналогичной, но гораздо менее широкой анкете. О той анкете, данные которой приводят Энгельс и Бюре, говорит статья C. Bowles Fripp'a в «Journal of the Statistical Society», II, 371. Там обследование относится к 5 981 семье. Из них 556 (9,3%) занимали углы, а 2 244 (37,5%) — по одной комнате. Сложение даст 2 800 и 46,8%. Похоже на то, что оба они пользовались этими цифрами из вторых рук, иначе необъяснимо пренебрежение к существенным для целей обоих авторов данным относительно жильцов углов.

На совсем другом материале основано описание Лидса [6]. У Бюре ничего нет о Брадфорде и о других городах западного Иоркшира, а также о хорошо известных Энгельсу городах южного Ланкашира — Больтоне, Стокпорте и др. Больше всего материала дал Энгельсу Манчестер, который, по его словам, он знал не хуже своего родного города и лучше многих из его коренных обитателей. Бюре описывает Манчестер главным образом по труду Кея «Reports of the ministry to the poor», 1833 — 1840». и W. Beaver Neale, «Juvenile delinquency in Manchester», 1870. Книгой Кея пользовался и Энгельс (он дает ей очень высокую оценку); кроме того, он пользовался здесь трудами Сениора, Гаскелля и др. Но главным образом он основывается на личных наблюдениях. Описание Манчестера у Энгельса во много раз подробнее описания Бюре.

Важнейшие отделы книги Энгельса не находят никаких аналогий у Бюре. Но есть ряд параллельных тем — оба они говорят о земледельческом пролетариате, об ирландских фермерах, о болезнях и смертности в среде рабочего класса, о его моральном состоянии, о хлебных законах. Все эти вопросы трактуются ими на совершенно различном материале, и даже самый ревностный искатель плагиатов не нашел бы здесь ничего, похожего на заимствование. Вот совершенно конкретная тема — описание работного дома (workhouse) у Бюре (кн. 1, гл. V) и у Энгельса (последняя

[1] «Lage», S. 38, прим.
[2] *Buret*, I, p. 335; «Lage», S. 37.
[3] *Buret*, I, p. 335—336; «Lage», S. 36—39.
[4] *Rob. Slaney*, State of the poorer classes in great towns, 1840, pp. 17—18.
[5] *Buret*, I, p. 336; «Lage», S. 37.
[6] Buret, I, p. 334—335; «Lage», S. 40—41.

глава). Оба эти описания совершенно различно построены и основаны на разном материале. Бюре лишь вскользь говорит о чартистах и ничего не говорит об оуэнистах.

Едва ли стоит всерьез говорить об идейном влиянии Бюре на Энгельса. Порой у них попадается кое-какое сходство в критике положений классической политической экономии. Но для Бюре принцип собственности священен. Уничтожение собственности уничтожило бы социальный разлад, как смерть уничтожает болезнь [1]. Идеал Бюре — примирить принцип собственности с экономическим благосостоянием и спокойствием народов. Вслед за Сисмонди Бюре думает, что противоположность интересов труда и капитала есть результат искусственной организации человеческого общества, и то, что есть создание людей, может быть изменено путем изменения законов. Реформа должна быть проведена сверху; она должна быть делом мудрых законодателей, наподобие Ликурга и Солона, которым народ должен доверчиво вручить свою судьбу [2]. Бюре хочет установить экономическую солидарность между трудом и капиталом, возродить самостоятельного мелкого производителя в области промышленности и сельского хозяйства. Законодательство должно облегчить мобилизацию земли, и земля естественно перейдет из рук собственников - получателей ренты в руки собственников-землеробов [3]. Труд и экономия крестьян приведут к тому, что все крупные владения разойдутся по рукам тех, кто сам обрабатывает землю. Бюре возлагает большие надежды на реформу налогов, образования и на правильно поставленную благотворительность. Вся его программа имеет беспомощно утопический и реакционный характер и сильно сдобрена христианской религиозностью. Масштаб его оценок коренится в естественном праве, его руководящие точки зрения определяются этическими соображениями. Что мог Энгельс взять из этого идейного запаса?

Густав Майер отмечает огромную разницу в характере и тоне обоих авторов: Бюре, по его собственному признанию, пишет свою книгу без страсти, хотя и с печалью на сердце; книга Энгельса представляет пламенное обличение капиталистического общества [4].

Все это заставляет нас признать указание Андлера на зависимость Энгельса от Бюре ошибочным, а выдвинутое Черкезовым и Рамюсом обвинение в плагиате — совершенно вздорным и недобросовестным. Вопрос приходится ставить совсем иначе; дело идет не о заимствованиях Энгельса у Бюре, а о том, был ли Энгельс вообще знаком с книгой Бюре во время работы над «Положением рабочего класса». Одно можно сказать с полной уверенностью — книга Энгельса не выдает никаких следов такого знакомства. Меринг полагал, что Энгельс все же был в это время знаком с Бюре (см. его статью «Ein methodologisches Problem» [5], где он разбирает комментарий Андлера к «Коммунистическому манифесту»). Меринг отмечает, что Энгельс одновременно с написанием «Положения рабочего класса» хвалит Бюре в редактировавшемся им вместе с Гессом журнале «Gesellschaftsspiegel». Защищая Энгельса от Андлера, Меринг отмечает, что Энгельс говорит о книге Бюре без всякой зависти и характеризует ее как труд в высшей степени добросовестный. Но Меринг совершенно ошибочно допускает, что та статья в «Gesellschaftsspiegel», на которую он ссылается,

[1] Buret, II, p. 337.
[2] Ibid, p. 342.
[3] Ibid, p. 378.
[4] *Gustaw Mayer*, Fr. Engels, I, S. 207.
[5] «Neue Zeit», XX, I, S. 149 и след.

принадлежит Энгельсу [1]. Эта статья («Ueber das Elend der arbeitenden Klassen in England nach E. Buret») [2] не могла быть написана Энгельсом уже потому, что она написана только по Бюре и не выдает у автора никакого знакомства с другим материалом по данному вопросу. Мог ли Энгельс, работая над своей книгой или только что закончив ее, ничем не выдать результатов своих изысканий и писать по чужой книжке? [3] Статья, кроме Бюре, ссылается еще на Саймонса, Алисона (приводится заглавие его труда «On the management (!) of the poor in Scotland») и на «Rapport (!) on the pauperisme (!) of Dundee, by Fullarton and Baird» — книга, цитируемая у Бюре, но не использованная в «Положении рабочего класса». Упомянув о том, что Бюре лично ездил в Англию, чтобы на месте изучить бедствия рабочего класса, автор ни словом не обмолвился о том, что и сам он был в Англии и наблюдал там жизнь рабочих кварталов; припомним, как Энгельс любил подчеркивать свое знакомство с жизнью английских рабочих «nach eigner Anschauung»; ничего не говорится о тех городах, которые были знакомы Энгельсу, но незнакомы Бюре. Там, где изложение фактов у Бюре и у Энгельса расходится, автор следует за Бюре. Так, он дает число обитателей подвалов в Ливерпуле [4] в 39 000, как у Бюре, а не в 45 000, как у Энгельса. Изложение нигде не идет далее 1840 г. Другими словами, статья не выдает никакого знакомства автора с работой Энгельса.

Продолжением этой статьи была статья «Ueber das Elend der arbeitenden Klassen in Frankreich nach E. Buret» [5], также очень мало похожая на работу Энгельса. Повидимому, обе эти статьи принадлежат тому же лицу, которое дает рецензию на «Положение рабочего класса в Англии», хотя в этой рецензии прежняя высокая оценка работы Бюре заменена уже несколько неодобрительной: Бюре будто бы трактует вопрос «в общих чертах и притом на более поверхностный французский манер», — такая характеристика должна подчеркнуть достоинства книги немца Энгельса. Но статья подчеркивает, что до появления «Положения рабочего класса в Англии» книга Бюре была главным авторитетом по данному вопросу; при этом автор делает ясное указание на то, что им написана и статья «Ueber das Elend der arbeitenden Klasssen in England», отмечая, что при изложении вопроса по Бюре приходилось давать историю рабочего класса лишь до 1840 г. Для Энгельса такого препятствия не было бы; да и не мог он писать рецензию на свою собственную книгу. Словом, предположение Меринга об авторстве Энгельса представляется в данном случае совершенно ошибочным. Стиль и тон статьи также не выдают авторства Энгельса [6].

Приходится присоединиться к мнению Густава Майера, что Энгельс не пользовался Бюре и даже не был в то время знаком с Бюре, как и со всей французской литературой по данному вопросу. Единственное исключение представляют статьи Фоше (Léon Faucher) в «Revue des deux mondes», 1843—1844 («White Chapel», «Saint Giles», «Liverpool», «Manchester», «Leeds», «Birmingham»). Потом (в 1845 г.) они вышли отдельной книжкой. Энгельс высоко ставил эти статьи и считал их более ценными, чем все, написанное

---

[1] См. также «Nachlass», II, S. 352.

[2] Я знакомился с этой статьей по перепечатке в «Die gesellschaftlichen Zustände der Zivilisierten Welt», I, 1846, стр. 3—9.

[3] Ср. *Gustaw Mayer*, Fr. Engels, I, S. 417.

[4] Ср. *Buret*, I, p. 335—336 и «Lage», S. 36—37.

[5] «Die Gesellschaftlichen Zustände», S. 35—39.

[6] *Gustaw Mayer*, Fr. Engels, I, S. 417.

по этому вопросу как немцами, так и англичанами. Но, повидимому, статьи Фоше попали в руки Энгельса тогда, когда уже была написана бо̀льшая часть «Положения рабочего класса» и в том числе очерк жизни рабочих в больших городах, для которого очень пригодились бы данные, приведенные у Фоше. Среди авторитетных предшественников Энгельса Бруно Гильдебранд рядом с Гаскеллем и Бюре называет де-Морога[1]. Но в этой ничтожной книжке очень мало говорится об Англии. Незначительны материалы по Англии и в книге Виллерме [2]. Но незнакомство с Бюре, в то время главным авторитетом (на континенте) по вопросу о положении английских рабочих, несомненно, является несколько неожиданным. Впоследствии Энгельс познакомился с книгой Бюре и сам указал, что̀ в ней общего с его впечатлениями [3].

Е. Косминский.

---

[1] *Baron de Morogues*, De la misère des ouvriers et de la marche à suivre pour y remédier. P. 1832.

[2] *L. R. Villermé*, Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, 1840, главным образом II том.

[3] *Gustaw Mayer*, Fr. Engels, S. 209.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ ПО НОВЕЙШИМ РАБОТАМ

Ballot, Charles. L'introduction du machinisme dans l'industrie française, publié d'après les notes et manuscrits de l'auteur par Claude Gével; avant-propos par Henri Hauser; notice biographique par Elie Halévy. Lille, Marquant — Paris, Rieder, 1923. XVII, 575 p.

Sée, Henri. La vie économique de la France sous la monarchie censitaire. 1815—1848. Paris, Alcan, 1927, 191 p.

Louis, Paul. Histoire de la classe ouvrière en France de la révolution à nos jours. La condition materielle des travailleurs. Les salaires et le coût de la vie. Paris 1927, 412 p.

Martin, Germain. Histoire économique et financière (*Hanotoux*, Histoire de la Nation française, t. X) Paris, Pion, 1927, 654 p.

Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. Москва, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Гиз, 1928.

Приступая к критическому рассмотрению перечисленных новых работ, в разной мере соприкасающихся с интереснейшей историко-экономической проблемой — промышленной революции во Франции, — нельзя обойти молчанием более раннюю французскую литературу, в которой буржуазные историки и экономисты пытались дискредитировать учение Маркса о капиталистическом применении машин.

Во Франции, еще задолго до опубликования названной в нашем подзаголовке книги Ballot, появилось несколько работ, авторы которых воображали, что по вопросу о «машинизме» им удалось ниспровергнуть положения Маркса. Из числа исторических работ следует прежде всего отметить известную компиляцию Левассера (о положении рабочего класса и промышленности во Франции); весь отдел XIX века — не что иное, как одна из попыток противопоставить марксизму якобы доказанную историческими фактами идею прогрессирующего улучшения положения рабочего класса. По Левассеру, эпоха Реставрации — более или менее мрачный период введения машинизма. Но уже при Людовике-Филиппе положение улучшается, несмотря на распространение машин, а 1848 год решительно разграничивает тьму и свет: с начала второй половины XIX века непрерывно улучшается bien-être французских рабочих. С точки зрения мифотворчества, такую конструкцию нельзя не признать удачной; но никакого научного значения она не имеет: все те статистические «средние», которыми так охотно оперирует Левассер (средние цены, средние зарплаты, средняя продолжительность рабочего дня) серьезной критики выдержать не могут; непосредственное же изучение архивного и печатного материала эпохи средних десятилетий XIX века до конца разоблачает «секрет» левассеровского оптимизма: огромный и яркий материал был вовсе опущен почтенным ученым.

Что касается чисто теоретических опытов буржуазного истолкования «машинизма», в частности значения машин в ходе промышленного переворота, то, помимо соответствующих глав в достаточно уже устаревшей политической экономии Леруа-Болье, отметим прежде всего книжку бордоского адвоката Жуссэ «О влиянии машин на рабочий класс» (Бордо 1903 г.). С первых же строк становится ясным дилетантское отношение автора к поставленному в этой работе вопросу. Выпады против Маркса

целиком выдают полное незнакомство бордоского теоретика с марксизмом: Маркс помещается у Жуссэ в одной шеренге с Оуэном и Сисмонди: «Plus tard, Sismondi et Owen et K. Marx ne trouveront pas de mots assez énergiques, de plaintes assez profondes pour maudire les machines» [1]. Маркс-лёддит, Маркс, проклинающий машину — зрелище не из банальных! Не постеснявшись инкриминировать Марксу «mauvaise volonté» (Marx pourtant publiait son ouvrage en 1867 et à cette époque il fallait bien un peu de mauvaise volonté pour ne pas voir déjà l'amélioration du sort de l'ouvrier, grâce à l'extension des manufactures dans lesquelles l'outillage allait se perfectionner), Жуссэ в своей роли адвоката-апологета капитализма с великолепным цинизмом и в полном противоречии с истиною утверждает: «Si la machine a augmenté le nombre des femmes et des enfants dans les manufactures, elle a par contre (?!) et heureusement diminué la longueur de leur travail et de celui des adultes!» Как известно, даже в среде самих промышленников часто признавалось, что введение машинизма стимулировало увеличение рабочего дня.

Полемику с марксизмом по вопросу о машинах находим также в «теоретико-экономической» работе Левассера «Salariat et les salaires», вышедшей в свет в 1909 году. По интересующему нас вопросу здесь нет никаких оригинальных мыслей, и Левассер следует лишь за Жуссэ, когда старается доказать, что капиталистическое применение машин не увеличило продолжительности рабочего дня. Он не может, конечно, обойти молчанием работы Маркса. Но, по мнению Левассера, «le raisonnement de K. Marx était spécieux... les faits ne l'ont pas confirmé» [2]. За фактами же читатель отсылается от Левассера-экономиста к Левассеру-историку, т. е. от Понтия к Пилату.

Отметим, далее, «тезу» Gras: «Du machinisme et de ses conséquences économiques et sociales dans l'industrie moderne», изданную в 1911 году. Претенциозность заглавия находится здесь в кричащем противоречии с действительным значением предлагаемого материала. Глубину исторических познаний диссертанта характеризует хронология истории машинизма, принадлежащая, бесспорно, целиком господину Gras. Период 1768 — 1800 гг., оказывается, замечателен тем, что это эпоха, «où se réalise l'invention de la machine à tisser (!) [3]. Что касается *теории*, то больше всего самостоятельности автор проявляет в развитии удивительной мысли о принципиально различном значении машинизма в промышленности и сельском хозяйстве. Г-н Gras с полной серьезностью объявляет, что настоящая машина в сельском хозяйстве, это — земля. Итак, оказывается, что рожь от засева озимых до жатвы, лен и хлопок в период произрастания на полях — находятся под воздействием машины; но рожь, срезаемая жнейкой, хлопок, обрабатываемый gin-машиной (отделяющей волокно от кострицы) — пребывают вне воздействия «машинизма»! Конечно, г. Gras и не слыхивал ни о положении заработной платы, ни о характерном для «машинизма» увеличении несчастных случаев во время работы: к первоисточникам по истории *сельскохозяйственного пролетариата* он не прикасался.

Годом позже в серии «Научная энциклопедия» появилась еще одна работа, близкая по своей теме к интересующей нас здесь проблеме. Это книжка профессора Школы политических наук Даниэля Беллэ [4] с заме-

[1] *Jousset*, L'Influence des machines sur la classe ouvrière, Bordeaux 1903, стр. 39.
[2] *Levasseur*, Salariat et les salaires, Paris 1909, стр. 85.
[3] *Gras*, Du machinisme et de ses conséquences économiques et sociales dans l'industrie moderne, Paris, 1911, стр. 13.
[4] *D. Bellet*. La machine et la main-d'oeuvre humaine, Paris 1912.

чательным заголовком: «La machine et la main-d'oeuvre humaine» (?!). Здесь мы прежде всего попадаем в кунсткамеру всевозможных дефиниций машины, и — что всего замечательнее — даже взаимоисключающие определения, поскольку они далеки от марксизма, цитируются автором с неизменно благосклонным сочувствием. Так, восхищаясь художественною силой [1] определения, высказанного одним английским рабочим: «ces machines sont tout ce qui, en plus des ongles et des dents, sert à l'homme pour travailler», Беллэ в то же время не отказывается признать и понятность дефиниции Дидро, который считал, что «toute machine suppose combinaison, arrangement de parties tendant à un même but». К сожалению, не ясно, задумывался ли профессор Беллэ над загадочностью метаморфозы, превращающей из простого орудия в машину одно и то же долото или мотыгу, смотря по тому, попадают ли они в руки философа Дидро или поэтически настроенного английского рабочего, мнение которого только что цитировалось выше. Во всяком случае, все сомнения господина Беллэ рассеивает сам маститый Поль Леруа-Больё, «настаивающий на том факте, что не всегда удобно определить разделительную границу между орудием и машиной». И если у Gras машиною оказывалась *земля*, то у редактора экономического отдела «Научной энциклопедии» — *животные* фигурируют как «простые машины»: «Et c'est à ce titre que les animaux peuvent être tenus pour de simples machines; et d'ailleurs n'emploit-on pas constamment l'expression de machine animale?»

Как видим, наука обогащается здесь не только редкой «дефиницией», но и замечательным по своей высокой академичности методом: обращаться в трудных случаях к вульгарному словоупотреблению, как критерию определения научных понятий. Главы III и IV ближе касаются проблем, связанных с историей промышленного переворота. На какой высоте стоит здесь анализ автора лучше всего видно из предлагаемого объяснения лёддитских движений: «Ce mouvement de révolte et ces plaintes sont le résultat naturel de *misonéisme* de l'homme» [2]. Остроумный профессор, повидимому, лишь по рассеянности не развивает тут же теории иммунитета к мизонеизму в среде вводивших машины фабрикантов. Понятно, что после таких замечательных открытий сочинения Маркса кажутся Даниэлю Беллэ «мало оригинальными» (!). По мнению ученого редактора «Энциклопедии», «читавший Видаля и Сисмонди, найдет у знаменитого немца все парадоксы, которые были высказаны ими обоими о машинизме и о промышленном и техническом прогрессе» [3].

Отдельно от всех перечисленных работ стоит серьезная книга Манту «La révolution industrielle au XVIII siècle». Конечно, здесь было бы неуместно останавливаться на тех или иных конкретных положениях Манту, касающихся, как известно, экономической истории *Англии*, а не Франции. Но теоретические положения, имеющие более общий характер, следует рассмотреть: влияние Манту на автора главной работы нашего обзора — Charles Ballot, засвидетельствовано вполне определенно.

Манту нередко усваивает марксистскую терминологию [4]. К сожалению, каждый раз, когда этот ученый поднимается до почти марксистского

---

[1] *D. Bellet*, цит. соч, стр. 2 — «définition simpliste et pittoresque en même temps qu'énergique».

[2] Там же, стр. 97. [3] Там же, стр. 135.

[4] Усвоив от Маркса различение мануфактуры и фабрики, Манту не только «для себя» овладевает методом исследования сложной экономической действительности XVIII века, но именно на основе марксистской методологии он удачно расправляется (в своем «Введении») с терминологической путаницей, созданной трудами Des Cilleuls'я и Мартэна. Здесь уместно отметить, что существующий русский перевод книги Манту передает подлинник местами неадэ-

понимания исторического развития промышленного капитализма, эклектизм парализует возможность более глубокого проникновения в смысл изучаемых явлений. Отлично понимая, что невозможно следовать за экономистами-историками типа Des Cilleuls'я и Мартэна, писавшими о крупной промышленности в XIII—XVI веках; неоднократно подчеркивая, что с развитием промышленного капитализма возникает особый *общественный строй*, Манту все же способен возвращаться к схоластическим упражнениям во вкусе Фомы Аквината.

«Где начинается машина и где кончается инструмент?» Но где, вообще, кончается всякое явление *А*, и начинается другое, смежное с ним, *Б?* Например, с какого момента некий средневековый мастер или всякий иной владелец денег или товаров превращается в капиталиста? С того времени, «когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум». Так разрешается этот вопрос у Маркса, который тут же и замечает, что «здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия». Манту, конечно, очень далек от диалектики творца «Капитала».

Чисто автобиографическое значение имеет то «удивление», с которым находит Манту старинные рисунки «множества весьма остроумных и подчас довольно мощных механизмов» (из эпохи, предшествующей промышленному перевороту). Уже в брюссельском письме к Анненкову (от 28/XII 1846 года), в противоположность путанице о машинах у Прудона, Маркс высказал основу будущего, более развитого учения о «машинизме». Машина так же мало является экономической категорией как и бык, который тащит плуг. *Современное применение машин* есть одно из общественных отношений нашего настоящего экономического строя [1]. В XIII же главе первого тома «Капитала» прежде всего оговорено, что «эпохи в истории общества, подобно эпохам в истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими разграничительными линиями». На раннее применение прядильных машин указывается в примечании 88-м 4-го отдела I тома, а еще ниже, в той же XIII главе, об орудиях такого типа, как насосы, раздувальные меха и т. п., Маркс пишет: «Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него эти орудия развиваются в машины». Что же касается «дефиниции» самого понятия *машина*, то хотя Маркс вообще дефинициями и не занимался, но еще до опубликования I тома «Капитала» в письме к Энгельсу (от 28/II 1863 г.) высказал ряд глубочайших суждений по вопросу о *постановке* проблемы «машинизма», — именно о постановке, обязательной для *экономиста*.

Манту, заимствующий у Маркса ряд научных положений, отказывается пойти за ним до конца. Отсюда с неизбежностью вытекает ряд плоских внутренних противоречий и стереотипные в устах эклектика «с одной» и «с другой стороны». «С одной стороны», прав он, Манту, ограничивающий свое исследование хронологическими рамками 1760—

кватно. Так, на первой же странице русского перевода мы читаем: «Производство товаров или, *пространнее* выражаясь, тех необходимых для потребления предметов, которые не доставляются нам прямо природой, есть цель всякой промышленности». В подлиннике же: «La production des marchandises ou, en termes plus explicites»... etc. Далее, на стр. 12 русского текста переводчик заставляет Манту противополагать *постоянному* капиталу — капитал *оборотный*. В подлиннике же речь идет об *основном* (capital fixe), а не о постоянном капитале (capital constant).

[1] *Маркс.* Капитал, т. I, стр. 284, русск. перев., изд. 1925 года.

[2] «Письма Маркса и Энгельса», перевод В. В. Адоратского, Москва 1922.

1800 гг.; «с другой стороны», прав и английский популяризатор Charles Beard, показывающий, «avec raison» — «comment la révolution industrielle s'est prolongée à travers le XIX siècle et jusqu'à notre temps». Таким образом, при всех своих крупных достоинствах, исследование Манту явилось источником для целой «ревизионистской» школы историков промышленного переворота, одни из которых стараются разрушить привычное представление о бурном темпе «периода бури и натиска», другие же пытаются преуменьшить действительное значение страданий рабочего класса в эту эпоху. Характер этого направления лучше всего выдает обозреватель из «The Contemporary Review» за 1927 г., отмечающий вместе с повышением интереса английских историков к периоду промышленного переворота также и тот многознаменательный «факт», что новейшим исследователям эта критическая эпоха представляется в менее мрачных красках, чем их «отцам» [1].

Манту превосходит самого «философа промышленности», когда с серьезностью, совершенно не оправдываемой истинным экономическим значением исследуемого объекта, останавливается на первых, механизированных по итальянскому образцу шелкокрутильных «фабриках». «Il semblerait donc que le voyage de John Lombe marque le début véritable du système de fabrique en Angleterre». И ниже риторически вопрошает: «Comment se fait-il que cet événement si important ait été comme rejeté dans l'ombre et que l'industrie de coton ait, pour ainsi dire, usurpé la place d'honneur due à l'industrie de la soie? Но нет никаких оснований изображать «фабрику» Lombe'a неведомой или позабытой. Упоминание о механизированных шелкокрутильных станках братьев Lombe встречается и в «Philosophie des manufactures» Юра, и в «History of the Cotton Manufacture in Great Britain» Бэнса. Только ни тот, ни другой из этих почти современников промышленной революции не потеряли *экономического* критерия в оценке «провозвестников» этого переворота. Между тем «роковое» значение цитируемой части книги Манту в том и заключалось, что Ballot еще в своих журнальных статьях вполне усвоил теоретические промахи автора «Промышленной революции в XVIII веке». Исследование и переоценка ранней механизации шелкокрутильного производства во *Франции* составили одно из главных оснований синтетической части его книги, а теоретическая путаница по вопросу о «машинизме» целиком вытекает из цитированной части исследования Манту, где и утверждается этот ненужный и, поскольку им обозначается какой-то «средний» (между эпохою «отдельных машин» и промышленной революцией) период, бессодержательный, ненаучный термин [2].

*

Перейдем к более тщательному рассмотрению новейших работ. На первом же месте бесспорно должно быть поставлено посмертное издание незаконченного исследования Ballot — молодого французского историка, безвременно и нелепо погибшего под Верденом 6 декабря 1917 г.

Отметим прежде всего положительные стороны работы Ballot. Как сочинение по истории развития техники — эта книга с полным правом может занять почетное место. Автор исследовал не только различные сферы тек-

[1] «The Contemporary Review», June 1927, New Light on the industrial Revolution (p. 741—746).

[2] Понятно, что у Манту, как у эклектика, нет последовательно точной терминологии. На стр. 179 он, между прочим, еще раз повторяет, что «entre l'outil et la machine il est assez délicat de tracer une limite» — после того как, на стр. 132—133, почти доказал свое понимание экономического значения «искусственной руки». О «машинизме» же достаточно сравнить сказанное на страницах 132, 133, 182—188 и 218, чтобы вполне убедиться в спутанности представлений Манту по этому вопросу.

стильного производства, но также привлек ценный материал из истории распространения первых паровых машин, из истории технических усовершенствований в металлургии, химической промышленности, стеклоделательного и бумажного производства. В основу изучения этих технических нововведений лег обильный архивный материал, главным образом из серии F [12], т. е. документов, поступивших в Национальный архив от Министерства торговли и промышленности. Но помимо архивных материалов Ballot изучил и большую печатную литературу, причем крупнейшим достоинством работы является включение в круг этой литературы также и чисто технологических сочинений. Но «прямое продолжение» отмеченного достоинства до гиперболической переоценки мало значительных и вовсе незначительных (с экономической точки зрения) технических нововведений неоднократно заставляет пожалеть о недостаточной теоретико-*экономической* подготовке автора, претендовавшего, однако, именно на *экономический синтез* результатов своих работ.

Не владея, повидимому, русским языком, Ballot на многих страницах своего труда повторил те данные, которые давно уже были известны русскому читателю из исследований академика Тарле («Рабочий класс во Франции в эпоху великой революции» и «Континентальная блокада»). Бюхерианская точка зрения Тарле делает, конечно, весьма легко уязвимой всю методологическую установку диссертации о «Рабочем классе», и не только для марксиста, но даже для Шульгина [1] неприемлема предложенная проф. Тарле *общая* оценка экономического развития Франции до 1789 года, но в оценке значения «машинизма» Тарле превосходит Ballot как историк-экономист.

Рассмотрим прежде всего *постановку вопроса* у Ballot.

С первых строк поражает неясность мысли. — «Ce livre n'étudie pas une révolution industrielle analogue à celle qui a bouleversé les conditions de la vie économique anglaise à la fin du XVIII siècle, mais les effets d'une transformation progressive dans un milieu antérieur». Что характеризует промышленный переворот как *революцию?* В первую очередь—радикальность экономической и социальной перестройки и быстрота темпа экономического развития, по сравнению с предшествующим и последующим хронологическими отрезками. «Постепенная» же «трансформация», которую изучает Ballot, укладывается им в хронологические рамки, отличающиеся от принятых у Манту всего лишь пятнадцатилетним сроком.

Что касается глубины и распространенности изучаемой механизации производства, то Ballot на следующей же странице вполне решительно высказывает свою уверенность в том, что к 1815 г. «введение машинизма есть совершившийся факт», и что «экономическая трансформация *закончена*» (la transformation économique est achevée).

Еще поразительнее, что «лучшим доказательством» этой законченности является тот факт, что прекращается «активная, часто преобладающая роль правительства в эволюции промышленности». Несколькими строчками ниже, тезис о провиденциальной, инициативной роли французского правительства в истории развития машинизма выдвигается (в противовес «спонтанейности» английского экономического развития) *как результат* исследования, как один из выводов его синтетической части! Подобное теоретизирование скорее представляет собою упражнение в примерах на petitio principii, чем сколько-нибудь научную постановку изучаемой проблемы. Но при всей очевидной сбивчивости и методологической неудовлетворитель-

[1] Известная статья Шульгина в «Русском богатстве», перепечатанная в «Revue d'histoire économique et sociale» за 1922 г., pp. 184—218.

ности в постановке вопроса — выводы Ballot уже приняты в новейших общих французских работах по экономической истории конца XVIII — начала XIX веков. Эти выводы сводятся к следующим главным положениям:

1) Вопреки общераспространенному мнению, механизирование промышленности развивается гораздо раньше 20—40-х годов XIX века: «экономическая трансформация» на основе машинизма «закончена» к 1815 году.

2) Характерными отличительными чертами развития «машинизма» во Франции по сравнению с английским промышленным переворотом являются медленность «трансформации» и «произвольный», подчиненный правительственной инициативе, путь экономического развития, в противоположность естественности, «спонтанейности» того же процесса в Англии.

Одним из наиболее обстоятельно разработанных и вполне законченных отделов книги Ballot является очерк по истории *шелковой промышленности*. И в оценке правомерности *общих выводов* Ballot лучше всего остановиться именно на этой части его исследования, где к тому же специально оговорено, что здесь, а не в какой-либо иной отрасли производства, «впервые машинизм достигает своего полного развития» («l'industrie de la soie est en effet celle où le machinisme atteignit en premier son plein développement»).

Посмотрим же, насколько общие положения Ballot подтверждаются материалом первоисточников по истории шелкопрядильного производства.

Начнем с небольшой технологической справки. Шелковое производство отличается от других видов текстильной промышленности уже тем, что здесь вовсе нет процесса прядения в строгом смысле слова. Не человек и не машина выпрядают шелковую нитку, а шелковичный червь, кокон которого достаточно *размотать*, чтобы получить необработанную пряжу. Операция мотки (по-французски «tirage», но иногда «filature») и составляет первую, иногда целиком экономически обособленную, стадию «шелкопрядения» в широком, условном смысле слова. Для производства *материй* необработанная пряжа слишком непрочна. Поэтому для основы и утка большей части шелковых тканей необходима предварительная крутка пряжи; *крутка* шелка («moulinage») составляет вторую стадию «шелкопрядения». Здесь можно отметить другое существенное отличие «шелкопрядения» по сравнению с бумагопрядильным, шерстяным и льняным производствами: крутка в этих трех крупнейших отраслях текстильной промышленности также существует, но она отнюдь не играла и не играет той исключительно важной роли, какая издавна определилась в шелковом производстве: прочность и красота шелковых материй в значительной мере обусловлены достоинством *крученой* пряжи. Поэтому нет ничего удивительного в раннем (предшествующем еще «мануфактурному периоду») появлении усовершенствованных и до известной степени механизированных шелкокрутильных станков. Болонцу Боргезано, жившему в XIII веке, приписывается изобретение первой шелкокрутильной «мельницы».

Ballot поставил себе задачу проследить развитие механизации в обеих стадиях «шелкопрядения». С большими натяжками и оговорками ему удается набросать весьма неопределенный эскиз распространения итальянского способа крутки и возникновения первой шелковой «водяной мельницы» во Франции ко времени первой половины XVIII века. В дальнейшем, в период 1700—1750 гг., «новая промышленность» продолжает распространяться, хотя и «очень неровно» (fort irrégulièrement).

Заметим, что весь этот «первый период» (т. е. приблизительно до второй половины XVIII века) Ballot характеризует инициативной ролью лионских «фабрикантов»: «Почти все мануфактуры были основаны ими или

же на их капиталы». Таким образом, прямая связь интересов лионской *ткацкой* промышленности с проблемою улучшения способов обработки шелкового *сырья* до *второй* половины XVIII века вполне категорически признается самим Ballot. Роль правительства в эту эпоху сводится лишь к пассивной поддержке, к нескольким милостям и привилегиям (le gouvernement s'est contenté de donner son appui, de marquer son approbation par quelques faveurs et privilèges).

Строго говоря, уже цитируемое признание Ballot до основания разрушает его концепцию о нехарактерности для Франции «спонтанейного» развития «машинизма». Итальянские шелкокрутильные станки явились для Манту примером «местного машинизма». Если условно принять понятие «машины» так, как оно фигурирует у Манту и Ballot, то eo ipso отпадает вышеуказанный тезис. Но терпеливо последуем за Ballot в поисках *«современной фабрики»* за рубежом 1740 года. Отныне само правительство возьмет на себя руководство «движением и крупные денежные жертвы». В доказательство этого положения рассказывается история настоящих маленьких фабрик (в подлиннике собственно usines), первых, какие появились во Франции в текстильной промышленности. Характерной чертой этого второго периода и является, между прочим, prédominance de l'action du gouvernement. На страницах 305—333 последовательно излагаются факты правительственного поощрения шелководства; мероприятия Трюдэна по насаждению мотальных и крутильных «фабрик», работающих на новой технологической основе (изобретения Вокансона); даются статистические таблички производительности новых предприятий и сумм пожалованных правительством гратификаций; страница за страницею испещряются деталями из истории этих предприятий. В заключение кратко упоминается об изобретениях Le Payen'a, Rival'я, Villard'a, Tabarin'a. Таким образом, документы, освещающие те или иные технологические детали, цитируются в исследовании Ballot часто почти in extenso; но он лишь мимоходом упоминает о требованиях уничтожения мелкого шелкопрядения и вовсе не останавливается на экономических предпосылках, всегда запоздалых и всегда полумер, преувеличиваемой им правительственной опеки. Между тем, первоисточники убеждают нас в том, что 40-е годы XVIII века — десятилетие перелома в истории развития богатой и важной шелкоткацкой промышленности, при этом несравненно более организованной, чем рассеянное шелкопрядильное производство. Блестящая экономическая конъюнктура сменяется на резко неблагоприятную. Повышение цен на шелковую пряжу — одна из причин такого крутого поворота. Из импортируемых сортов особенно вздорожала нанкинская крученая пряжа, поступавшая для производства модных в это время легких материй, лент и блондов. Вот табличка цен на эту пряжу в период 1740—1779 гг. (в ливрах и су, по котировкам в Lorient'e) [1].

1740 г. 15,05	1764 г. 45	1773 г. 31
1742 » 14,12	1765 » 45	1774 » 36
1750 » 29	1766 » 31	1776 » 51
1752 » 21	1769 » 34	1777 » 40
1754 » 22	1770 » 37	1779 » 36
1755 » 28	1771 » 33	

Понятно поэтому, что уже с начала 50-х годов XVIII века появляются адресуемые правительству мемуары, в которых нет недостатка в сильных и ярких выражениях по поводу опасностей, грозящих шелкоткацкому производству. Именно к 1750 году относится «Mémoire sur le

[1] Нац. арх. F ^{12} 1432B. Etat des prix de la soie de Nankin aux ventes de Lorient.

commerce de la soie en France», копии которого были разосланы, между прочим, интендантам Прованса, Дофинэ, Лангедока и Монтобана с целью получения от них специального avis по данному вопросу. Автор мемуара резко высказывает свои мысли об опасности «для Королевства» возможного упадка шелкового производства «dans la circonstance du temps présent». «Недостаток шелкового сырья (La rareté de la soye) привел уже к остановке очень большого числа станков в городах, где имеются мануфактуры шелковых материй» [1]. По мнению автора мемуара, опасность разорения грозит и шелковым «фабрикантам» (maîtres manufacturiers) купцам, и рабочим, но пострадают также и «les fermes de sa Majesté».

Мысль о необходимости улучшения способов шелкопрядения высказывалась еще раньше. Можно указать на мемуар 1744 года — «Mémoire sur le tirage des soyes et sur l'éducation des vers à soye»; автор особенно озабочен улучшением способов мотки шелка в Провансе [2]. К тому же десятилетию относится обширная рукопись [3], к сожалению точно не датированная и анонимная (Ballot приписывает *другой* документ, написанный *тем же* почерком, — Монтесюи. В цитируемой рукописи имя Монтесюи упоминается в третьем лице; возможно, конечно, что он был способен на бесстыдную саморекламу). Немного позднее появляются «Réfléxions sur le mémoire de M. B. négociant... touchant le commerce des soyes»— документ, датированный 1758 годом, где также улучшение способов шелкопрядения признается необходимым. Любопытнее же всего в этом документе открытое признание противоречивости интересов шелковода, прядильщика, крутильщика, купца и «фабриканта» — «l'éducateur, le filateur, le moulinier, le marchand, le fabriquant, chacun de ces ordres a des intérêts separés qui ne se rapportent point à l'avantage général [4]. К следующему десятилетию (повидимому к первой половине 60-х годов) относится другой мемуар — «Mémoire sur les moyens de perfectionner la filature des soies et la fabrication des organsins» [5], где автор берет на себя неблагодарную задачу — убедить правительство в том, что, «каковы бы ни были преимущества собирания [этого] драгоценного сырья на территории своих [отечественных] провинций (sur le sol de nos Provinces)», важнее другое, важнее достичь такого уровня технического усовершенствования шелкопрядения, чтобы суметь «выделывать крученую пряжу — столь же тонкую и столь же высокосортную, как пьемонтская (pour en faire des Organsins aussi fins et aussi parfaits que ceux du Piémont)». И несколькими строками ниже автор цитируемого мемуара прямо указывает на острую экономическую необходимость принятия соответствующих мер, обеспечивающих шелкоткацкую промышленность хорошим и вместе с тем доступным по цене органзином: «несмотря на спрос и *беспрерывные* просьбы фабрикантов», вынужденных переплачивать за импортируемую пьемонтскую крученую пряжу, — прядильщиков никто и ничто не понуждает улучшить технические способы производства. Таким образом, правительство ни в какой мере не обгоняло своим запоздалым и поло-

---

[1] Нац. арх. F [12] 1432A, досье «Arch. du Minist. de l'Interieur 1750. Mémoire sur le commerce de la soie en France, communiqué aux intendans de Provence, Dauphiné, Languedoc et de Montauban pour avoir leur avis sur cet objet. Копия подлинного мемуара с припиской Даржансона: A M-r Trudaine 7/V 1750: J'ay l'honneur de vous envoyer, Monsieur, la copie d'un mémoire qui m'a été adressé.

[2] Нац. арх. F [12] 1432A, досье Arch. du Minist. de l'Intérieur. Mémoire sur le tirage des soyes et sur l'éducation des vers à soye, p. 21, in 4°.

[3] Нац. арх. F [12] 2293, рукопись в 60 стр. больш. форм. Mémoire sur l'avantage de l'augmentation et de la perfection des soyes de France.

[4] Нац. арх. F [12] 1453 A.

[5] Нац. арх. [12] 1432 B. Мемуар не датирован, находится в переписке, относящейся к 1764 г.

винчатым «покровительством» подлинных интересов промышленного капитализма. Desiderata последнего в сфере шелкового производства были отчетливо выражены еще раньше [1] — коренная реформа заключалась (по мнению «фабрикантов») в том, чтобы вовсе уничтожить *мелкое* шелкопрядение, по недостатку средств и по невежеству не способное на техническое переоборудование по пьемонтскому образцу, но, разумеется, правительство феодального режима никогда не согласилось бы на разорение землевладельцев-шелководов или их арендаторов. С другой стороны, явно тяжелое положение шелкоткацкой промышленности заставляло думать о компромиссах. В *экономической ничтожности* этих правительственных полууступок убеждает ряд свидетельств из эпохи конца XVIII — начала XIX столетий. Так, например, в переписке, относящейся к 70-м годам XVIII века, мы находим осторожный, но все же явно «агитационный» документ-брошюру под заголовком «Nouveau réglement pour la filature des soies». Автор с наивностью предупреждает, что напечатал «этот мемуар... только для того, чтобы он был более удобочитаем... чтобы избежать труда и расходов по переписке» [2]. Не забудем, что в 70-ые годы давно уже функционировали насажденные правительством шелкопрядильные «фабрики». Между тем современная техническая система шелкопрядения ни в какой мере не удовлетворяет автора брошюры. «Всякая нация, желающая создать процветание для своих фабрик, должна свои главные заботы обратить на *прядение*»... «Таков естественный путь, которому французское правительство *должно было бы следовать* по примеру пьемонтского законодателя». Уже *двадцать лет* тому назад некий наблюдатель, пораженный потерями, «причиняемыми нации» (?!) свободою крутки, представил министру мемуар об этом важном предмете. С тех пор бедствие не только не сократилось, но *возросло*. И автор думает, что «простого изложения этих злоупотреблений достаточно», чтобы убедить в необходимости нового регламента, столь страстно желаемого (si vivement desiré) всеми *фабрикантами материй*, чулок, газа, лент, и всем цехом *крутильщиков*. Надежды этих представителей промышленного капитала возлагаются на министра-патриота: «Puisse le Ministre patriote, qui préside à notre commerce intérieur, présenter au Conseil ce voeu unanime des Lyonnais, devenu le voeu national».

Наконец позволим себе еще одну цитату — из мемуара, составленного всего лишь за несколько лет до Великой революции. Здесь мы находим резкое противоположение экономического благополучия, существовавшего в прошлом—тяжелому состоянию шелковой промышленности «в настоящем» (год 1783?): «Le commerce, toujour protégé par nos Rois comme l'objet le plus important de l'Etat, fleurissait *autrefois* en France... Aujourd'hui l'état affligeant des commerçants saisit au premier coup d'oeil. Le découragement a succédé à l'émulation, la langueur à l'activité, la misère à l'opulence. Quel contraste! Le grand ressort du commerce est arreté». На полях цитируемого *печатного* мемуара приписка о числе банкротств в крупнейших промышленных городах в течение последних восьми лет. Число это — «более пятисот».

Итак, совершенно ясно, что главная масса туземной шелковой пряжи еще и в 80-е годы попрежнему выбрасывалась на рынок мелкими, архаического типа мануфактурами, которые несмотря на настойчивые просьбы «фабрикантов» не только не уничтожались и технически не реорганизовывались по какому бы то ни было специальному распоряжению французского правительства, но даже не были регламентированы по образцу пьемонтских ма-

[1] Нац. арх. F [12] 1432 [A]. Мемуар датирован 1751 годом.

[2] Нац. арх. F [12] 1453 [A]. «Ce mémoire n'a été imprimé que pour en rendre la lecture plus facile et pour éviter la peine et la dépense des manuscrits». Мемуар относится к 1774 году.

нуфактур. Что же касается тех правительственных насаждений, которым Ballot посвящает так много внимания в своей книге, то оценку их экономических результатов можно найти даже в документах эпохи. В 1783 г. в Королевской Академии наук в Париже был прочитан интересный мемуар Табарэна. Не вдаваясь здесь в оценку технического значения собственных изобретений Табарэна, используем этот ценный документ как свидетельство об итогах правительственных экспериментов с изобретениями Вокансона. «Машины Вокансона были применены в Лангедоке и в Дофинэ; воздвигли обширные мануфактуры и, чтобы соединить [в одно целое] все возможные выгоды, открыли в Монпелье склад этих машин для снабжения [ими] покупателей Провинции». [1] Но все эти «фабрики» разорились. Сохранились лишь королевские мануфактуры, да и то «с большими затруднениями» (avec beaucoup de difficulté). К 1783 году склад в Монпелье более не существует: оказалось, что некому продавать вновь изобретенные «машины». Что касается, в частности, провинции Дофинэ, то из двух королевских мануфактур — «l'une, celle des Romans, vient de manquer, l'autre, celle des sieurs Jubié à la Sone, ne se soutient que par les secours qui lui donne la Province»! Во всем же Провансе нет ни одной частной мануфактуры, которая применяла бы машины Вокансона. Отказалась от них и Турэнь, и если верить Табарэну, то во всей Франции нигде уже в эту эпоху не пользовались неудачными техническими нововведениями Вокансона.

Подведем итог. Ballot неправильно противопоставил первую и вторую половину XVIII века, как два таких периода, которые отличаются один от другого тем, что в первом правительство лишь послушно идет за инициатором усовершенствований («фабрикантами» *материй*), а во втором, якобы, действует самопроизвольно. В действительности же, как убеждают документы, во вторую половину XVIII века инициативная роль лионцев нимало не ослабевает; перед правительством беспрерывно ходатайствуют; многие из «фабрикантов» шелковых материй успевают разориться раньше, чем правительство решится на экономически жалкий и ничтожный компромисс — искусственное насаждение нескольких шелкопрядилен по системе Вокансона. Поэтому противопоставление «искусственности», «произвольности» развития «машинизма» во Франции «спонтанейному» развитию его в Англии лишено смысла. Не говоря уже о том, что и в Англии вовсе нет абсолютно «чистой спонтанейности» (правительственная поддержка и там имела известное ограниченное значение), самая постановка сравнения у Ballot не приемлема. «Спонтанейность», притом вытекающая из среды *самих прядильщиков*, появляется и во Франции; но ее следует искать не в рамках мануфактурной стадии шелкопрядения и не в летописях, лишенных экономического значения эфемерных насаждений.

Что же касается положения Ballot о ранней, опережающей все другие отрасли текстильного производства, механизации шелкопрядильного производства, то неверность такого общего утверждения о первой стадии прядения — мотке шелка — прямо подтверждается документами эпохи Реставрации и Июльской монархии.

Но пришлось бы выйти далеко за пределы намеченного критического обзора, чтобы и во втором основном тезисе Ballot вскрыть допускаемую им гиперболизацию, именно гиперболизацию значения ранней механизации в шелкопрядильном производстве.

*

[1] Нац. арх. F 12 2201 olim F. 95. 051. Soie. Seine. Sr Tabarin à Paris. Tours à tirer la soie на досье — «ans 3 et 4»; тетрадь in 4°, p. 22.

Спустя четыре года по опубликовании *исследовательского* и, при всех больших недостатках, все же крупного по своему значению труда Ballot появляются, в течение одного лишь 1927 г., три неравноценные *общие*, сводные работы: «La vie économique des la France sous la monarchie censitaire», принадлежащая перу известного своей плодовитостью реннского профессора Анри Сэ, «Histoire de la classe ouvrière en France de la Révolution à nos jours» Поля Луи и «Histoire économique et financière» Мартэна.

Отношение Анри Сэ к работе Ballot и к выдвинутым в ней проблемам довольно странное. С одной стороны, проф. Сэ (в своей «La vie économique») предлагает рамки 1815—1848 гг., как периода возникновения на французской почве явлений, аналогичных с экономическими и социальными потрясениями в Англии в эпоху промышленного переворота. Под неудачной и случайной *политической* формулой — «Франция эпохи цензитарной монархии» — Анри Сэ верно объединяет историю некоего цельного экономического феномена. Но, с другой стороны, как в своей новой работе, так и в специальном отзыве о посмертной книге Ballot[1] проф. Сэ частично принимает его тезисы. Противопоставление спонтанейности английской промышленной революции искусственности во Франции реннский ученый признает «очень точным». Он полагает, что «об отношениях, существующих между *машинизмом*, капитализмом и промышленной концентрацией в труде Ballot найдут самые ценные указания». Таким образом Сэ не может справиться с задачею критического пересмотра выводов Ballot. Вместо того, чтобы специально исследовать подлинный путь технического развития хотя бы одной из отраслей текстильного производства, Сэ в своей рецензии на книгу Ballot рекомендует лишь не увлекаться первым *впечатлением*, которое может произвести на читателя «Введение машинизма», — как будто бы здесь действительно имеет место случайный субъективный эффект, а не принципиальная постановка вопроса! Сводная работа самого профессора Сэ далеко уступает оригинальным исследованиям этого ученого по экономической истории дореволюционной Франции. Разумеется, при неразработанности экономической и социальной истории первой половины XIX века с пользою может быть прочитана и такая общая работа. Справедливость требует признать, что Анри Сэ далек от предвзятой оптимистической конструкции левассеровской школы. Однако, немарксистская методология и слишком общая точка зрения всей работы (хотя и составившейся, преимущественно, из отдельных журнальных статей автора, но написанных отнюдь не по архивному материалу) порождает ряд иллюзий, лишенных всякого научного значения. Так, например, период 1830—1848 гг. *для крестьян* характерен тенденцией улучшения их быта. О каких крестьянах говорит здесь почтенный ученый? Конечно, «о крестьянах вообще». Дифференциация в их среде его не интересует, свидетельств архивных документов о растущем пауперизме он не читал и не искал. Вопрос о динамике развития отдельных отраслей промышленности не только не освещается, но затемняется методологически недопустимым сравнением Франции 30—40-х годов с современной *этому* периоду экономической Англией. В общем и целом, читателю преподносится картина медленной *эволюции* промышленности; в самом деле, не напрасно же Сэ писал о «драгоценнейших указаниях» в книге Ballot на то отношение, которое существует между машинизмом и капитализмом! «Машинизм» — явление, сформировавшееся уже к концу XVIII века. Но, с другой стороны, «промышленная революция»... еще и к

[1] Рецензия Анри Сэ в «Revue historique», t. 149 (an 1925), pp. 250—255.

1848 году «далеко не закончена» (est loin d'être achevée). Какой же теории машин придерживается сам Анри Сэ, какой смысл вкладывается им в резиновый термин «машинизм»? Трудная проблема правильной постановки исследования о промышленном перевороте разрешается ренинским ученым анекдотически просто: на стр. 60 своей книги он пишет: «Quand on parle de machinisme, il faut distinguer les métiers et les moteurs mécaniques. Ce sont les premiers qu'on a d'abord employés et qu'on faisait venir d'Angleterre, comme au siècle précédent».

Книга Поля Луи — еще более общая работа. При этом, построение ее настолько неравномерное, что в нашем обзоре приходится отмечать эту работу не столько по поводу *предлагаемого* автором материала, сколько по причине вопиющего пренебрежения к интереснейшей главе истории рабочего класса, т. е. *по поводу отсутствия* в книге нового и ценного материала по интересующему нас здесь вопросу. В самом деле, в то время как военному и послевоенному периоду (т. е. периоду 1914—1926 гг.) уделяется в работе Поля Луи 146 страниц, второй половине XIX века и довоенному периоду—187, на всю эпоху с конца XVIII века до 1848 года автор дает лишь 69 страничек. Понятно, что в таких условиях проблема промышленной революции не получает никакого развития. На работу Ballot у Поля Луи нет никаких ссылок, между тем умолчание об этом труде совершенно недопустимо для историка, затрагивающего понятие *машинизма*. На стр. 18 своей книги автор пишет о развитии промышленности в XVIII веке и в одной фразе ухитряется доказать читателю свою небрежность и наивность: «Le machinisme a fait si bien son apparition (Jay, Arkwright, Cartwright), que les cahiers de Caen aux Etats généraux protesteront déjà contre le dommage causé par les métiers mécaniques au travail à main». Немногочисленные, притом далеко не самые яркие, цитаты из известного «Tableau» Виллермэ ориентируют, по мнению Поля Луи, в социальной истории критического периода промышленной революции. Таким образом, здесь не имеется не только архивной проработки поставленных вопросов, но даже и второисточники не затронуты в той мере, как в работах Левассера или Сэ.

Перейдем, наконец, к самой общей экономической истории Франции — новой работе Мартэна, которую можно бы, кажется, премировать за рекордную широту хронологического охвата: почтенный ученый начинает свой компендиум с каменных орудий доисторической эпохи, заканчивает же рассказом о работе дауэсовских экспертов и «влиянии Советов» на французское профессиональное движение.

У нас имеются особые причины, побуждающие отметить этот труд в данном обзоре. Мартэн — один из учителей Ballot. Как уже отмечалось выше, именно труды Мартэна отчасти создали ту путаницу по вопросу о крупной промышленности, о которой писал еще Манту. Не принимая научную методологию марксистского исследования и будучи целиком во власти конкретного материала «своей» эпохи (как известно, Мартэну принадлежат две большие работы по экономической истории XVII и XVIII веков), Мартэна естественно склонялся удерживать «свою» терминологию и хронологию развития крупной промышленности. Таким образом, выступление Мартэна как общего историка интересно уже тем, что свидетельствует о проработке более обширного и, главное, хронологически более позднего исторического материала, простого сопоставления которого с экономикой эпохи, специально изучавшейся им раньше, казалось бы вполне достаточно для того, чтобы понять разницу в общественном строе XIX, XVIII и XVII столетий. В каком же отношении находится прежняя, хо-

рошо известная точка зрения Мартэна к новому материалу — экономике XIX века? — Отметим прежде всего замечательный эвфемизм, озаглавливающий тот отдел книги, который посвящен Франции в эпоху промышленного переворота: Industrialisme! Итак, уж теперь никто не смешает послевоенную Францию с Францией эпохи первой половины XIX века — установлен «различительный» признак *индустриализма!* Впрочем, Мартэн вынужден констатировать, что индустриализм «в этот период XIX века» (с 1815 по 1848 год) отличается очень своеобразными чертами (L'industrialisme, dont nous allons indiquer les manifestations, eut en effet des caractères très particuliers dans cette période du dix-neuvième siècle). Посмотрим, к чему же сводится характеристика экономической Франции в эту эпоху по Мартэну.

«Благодаря более или менее быстрой закупке механического оборудования, все более и более доминирующего над естественною силой и позволяющего человеку сокращать затрату своей энергии, стоимость производства беспрерывно уменьшается (va sans cesse en baissant). Предложение продуктов возрастает. Но (?!) вследствие недостатка в драгоценных металлах (par la suite de la raréfaction des métaux précieux) цены имеют тенденцию понижаться»... Проблема амортизации вынуждала к суровым сокращениям (compressions), которые нелегко было производить на сырье, и, следовательно, они особенно реализовались путем снижения заработной платы. Эту политику предпринимателей облегчали рост населения в деревне и стремление крестьян покинуть поля, над которыми свирепствовал бич низких цен на сельскохозяйственные продукты (où sevissait la mévente des produits agricoles). «Зрелище нищеты промышленных рабочих возбудит негодование исследователей Франции и Англии, а их жалобы современем послужат Карлу Марксу для построения суровой критики капитализма и его пороков».

Надо думать, что подобная характеристика периода промышленного переворота подверглась бы «суровой критике» Карла Маркса. Конечно, в эпоху промышленной революции проблема амортизации стоит для капиталиста острее, чем в последующий период более медленного «морального снашивания» машин. Маркс отмечает эту черту во II томе «Капитала»[1]. Но Маркс вместе с тем достаточно убедительно показал, что выдвижение экономистами и капиталистами вопроса об амортизации в той постановке, какую предлагает здесь Мартэн, служит лишь к замаскированию и отводу вопроса о реальной норме прибыли промышленного капитала.

Что касается постановки вопроса о социальной истории в эпоху «индустриализма» (читай: промышленного переворота), то следует отдать справедливость Мартэну — он принимает верный тезис о положении фабричных рабочих в период 1830—1848 гг., хотя от непосредственной задачи исследовать этот вопрос по документам он и отказывается принципиально. «Конечно, — пишет Мартэн (стр. 343), — продолжительность рабочего дня, размеры заработной платы и цены на хлеб, основной питательный продукт [рабочих], в достаточной степени определяют общие условия жизни. Но эти показательные элементы (éléments d'information) значительно изменяются по районам (de région à région)».

И, тем не менее, ознакомившись с хорошо известными специалистам работами Бюре, Вильнев-Баржемона, Пердигье, Виллермэ, Одиганна и Рейбо и, собственно, даже вопреки неумеренному оптимизму трех последних исследователей положения рабочего класса, Мартэн открыто признает,

[1] *Маркс*, Капитал, т. II, стр. 142 русск. перев. («Kapital», II, S. 140).

что «нищета фабричных рабочих и эксплоатация женского труда возрастают в течение всего периода 1830—1848 гг.».

В заключение остановимся на последней по времени издания работе, также соприкасающейся с проблемой промышленного переворота. Это — новое исследование академика Тарле, с более чем осторожным заголовком: «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства». При обычных достоинствах научных трудов Тарле: живости, даже увлекательности изложения, насыщенности большим фактическим материалом ,новое исследование не всегда стоит на высоте его докторской диссертации и «Континентальной блокады». Автор, объявляющий с первых же строк, что «предлагаемое исследование медленно писалось и медленно печаталось», на многих страницах высказывает ряд непроверенных, а иногда и неверных утверждений. Необходимо отметить, что академик Тарле несколько преувеличивает степень неразработанности исследуемых вопросов и проходит молчанием двухтомный сборник Бурженов, статьи Анри Сэ в «Revue d'histoire économique», а так же и его книгу, статьи Алязара в «Revue d'histoire de Lyon» и другие работы. Возможно, что это обстоятельство объясняется тем, что книга Тарле, как он говорит в предисловии, «медленно писалась и медленно печаталась». Мы сознательно воздерживаемся от критической оценки книги главу за главой, предпочитая развивать свои возражения академику Тарле, по частным проблемам его работы, в другом месте. В данном же очерке остановимся лишь на *постановке* некоторых вопросов в этой книге.

Выше мы уже отмечали значение докторской диссертации Тарле, как работы, давшей, в общем, верную оценку экономического значения технических нововведений в дореволюционной Франции.

С тех пор успели появиться сначала отдельные журнальные статьи Ballot, а затем и посмертная публикация «Введение машинизма во французскую промышленность», где, в противоположность одному из основных тезисов Тарле, Ballot высказывает ту мысль, что «введение машинизма» в революционный и наполеоновский период есть «совершившийся факт», и что «экономическая трансформация закончена».

Понятно, поэтому, что одним из первых вопросов, на которые ждешь ответа в книге, появляющейся пятью годами позднее издания названной работы Ballot, является вопрос о том, как сам автор «Положения рабочего класса во Франции в эпоху революции» ответит на статьи и книгу Ballot.

В предисловии к своей новой работе Тарле своеобразно выполняет долг «научной вежливости» по отношению к Ballot: «Невольно приходилось неоднократно жалеть, — пишет Е. В. Тарле, — что погибший во время войны молодой, очень одаренный и необычайно способный исследователь Шарль Балло (Charles Ballot) мог довести собирание материалов и первоначальную обработку своего труда («L'introduction du machinisme dans l'industrie française», 1923) только до конца Империи, а еще точнее — только *до* [1] начала Великой революции, так как более позднего периода (Революции и Империи) он касается лишь на очень немногих беглых страницах». В дальнейшем, ни в своем кратком «Введении», ни в тексте исследования, Тарле о работе Ballot не упоминает, а третью главу своей книги — главу о «машинах и борьбе рабочих против их введения» начинает так, как будто ни статей Ballot, ни его книги никогда и не существовало: «Техническая революция в области промышленности,

[1] Подчеркнуто Тарле.

начавшаяся в Англии в конце XVIII века, сравнительно очень мало, вплоть до конца Наполеоновской империи, коснулась Франции, как я старался доказать это в своих книгах «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», т. II, и «Континентальная блокада», т. I». Это не описка, не оговорка; во втором параграфе той же главы он пишет: «История введения машинного производства во Франции никогда и никем не только не была написана, но не была даже и затронута.

Умолчание и пренебрежение никогда еще не были аргументами. Ballot привлек много нового и ценного материала. Отделу революции и империи Наполеона уделяется значительная часть книги. Десятки страниц испещрены статистическими таблицами, освещающими наполеоновский период.

В исследовании же по истории технических нововведений в льняной промышленности Ballot выходит даже за пределы 1815 года. Подобное распределение материала не дает никаких оснований для отзыва о книге Ballot как о такой работе, которая, якобы, посвящена лишь дореволюционной Франции и где более поздний период представлен только «на очень немногих беглых страницах».

Исследование Ballot *заставляет* пересмотреть прежнюю аргументацию; синтетическая часть этого исследования *обязывает* к серьезной методологической постановке проблемы промышленного переворота во Франции.

Академик Тарле от подобной постановки уклонился; отказался он и от исследования экономического развития отдельных отраслей производства, заменив все эти проблемы такими вопросами, которые никакой характерной связи с «первыми временами машинного производства» не имеют. Этот недостаток новой работы Тарле особенно рельефно выступает на фоне первых его исследований, в которых — при гораздо худших условиях работы (архивные инвентари были разработаны далеко не так, как в настоящее время) — Тарле сумел дать ценный этюд не только из социальной, но также и из *экономической* истории изучавшейся эпохи.

Мы должны теперь обосновать наши упреки академику Тарле.

Посмотрим, как построена наиболее интересная для нас (в этом обзоре) глава о машинах.

Стремясь «облегчить понимание борьбы французских рабочих против машин», автор начинает с самой общей справки о лёддитских движениях в Англии. Но облегчается ли понимание выступлений французских ремесленников против введения станков с механизированным рабочим инструментом сравнением с теми движениями английских рабочих, которые возникали на почве механизирования *двигательной силы?* Тарле не замечает, что в самой проблеме «лёддитского движения» в Англии есть *ряд* неосвещенных вопросов. Далее автор вплотную подходит к вопросу о степени распространенности машин во Франции. Чтобы доказать, что «до тридцатых годов XIX века машины были все-таки новшеством, исключением, а не правилом», Тарле ссылается на впечатления Сэя, изумлявшегося во время своего путешествия по Англии «громадной распространенностью» машин «во всех (!?) отраслях промышленности»; «светило французской экономической науки» особенно удивлен применением паровых машин при перевозке угля. Еще далее Тарле приводит свидетельство Генерального совета деп. Нижней Сены об усилении «парового машинного производства» на фабриках этого департамента с 1827 года; ниже рассказывает о дороговизне производства машин английского типа во Франции и, наконец, ни на шаг не отступает от сравнения с Англией *на том же* хронологическом

отрезке: «Англия представлялась французам в течение всего этого периода страною недосягаемых технических чудес» (стр. 56); «о конкуренции машинного производства Франции с машинным производством Англии речи быть не может».

Здесь целый ряд методологических промахов. Для оценки экономического значения той механизации, которая уже имелась во Франции в 20-ые и 30-ые годы, следовало сопоставлять Францию и Англию вовсе не синхронически, а на разных хронологических отрезках. О *промышленной революции* в Англии *до* 1800 года написано немало сочинений. Но кто же вздумал бы утверждать о распространенности «машинизма» во всех отраслях английского народного хозяйства или хотя бы во всех отраслях одной лишь обрабатывающей промышленности до начала XIX века. Даже в сфере наиболее механизированного *хлопчатобумажного* производства не существовало еще настоящих ткацких фабрик. Впечатления же «светила французской экономической науки» не имеют никакой научной ценности: слабые теоретики — французские «вульгарные экономисты» — были и весьма слабыми знатоками современной им конкретной экономики.

Что же касается дороговизны производства машин английского типа и малой распространенности *парового* машинного производства во Франции, то констатирование этих вполне точных фактов отнюдь не исчерпывает вопроса о механизации процессов производства. Архивные документы и даже некоторые печатные источники (например, известная «Enquête rélative à diverses prohibitions») вполне убеждают в том, что «первые времена машинного производства» скорее характеризуются типом фабрики с *гидравлическим*, а не паровым двигателем и что именно во Франции, в силу ее естественных условий, гидравлические двигатели имели особенно важное значение.

Следующее явление, к которому Тарле переходит (в главе о машинах, § III), это — *сманивание рабочих*, феномен еще менее значимый в характеристике промышленного переворота.

«... документы познакомили меня с совершенно новым фактом, весьма важным для уяснения реального положения вещей: были страны, которые стояли настолько же ниже Франции в смысле машинной техники, насколько Франция стояла ниже Англии, и эти страны делали упорные попытки обзавестись образцами уже имевшихся во Франции машин, сманить к себе французских квалифицированных рабочих и эти путем получить экономическую самостоятельность», — пишет Тарле.

Между тем, ни факт большей экономической отсталости других континентальных стран, ни факт сманивания квалифицированной рабочей силы совсем не новы.

Что же касается примеров, которыми академик Тарле иллюстрирует историю сманивания рабочих в *первую треть XIX века*, то уже самый подбор этих примеров доказывает их случайную связь с главным экономическим феноменом эпохи, изучаемой академиком Тарле. В самом деле, на стр. 59 он пишет: «И не только текстильные рабочие сманивались за границу. В первые годы Реставрации случаи сманивания рабочих-*стекольщиков* за границу встречаются беспрестанно». А ниже мы узнаем, что сманивались рабочие шелковых мануфактур, металлурги, пуговичники, гребенщики: академик Тарле добросовестно и точно передает обильный фактический материал полицейских бюллетеней. Но какое же отношение имеют все эти факты к срединному положению Франции между промышленною Англией и отсталыми континентальными странами? Ведь речь идет здесь о сманивании мануфактурных и ремесленных рабочих, т. е. о таком явлении, для воз-

никновения которого вовсе не требовались «первые времена машинного производства». Что же касается *социального* значения отмечаемых сманиваний, например, эмиграции, как главного и прямого результата всех этих «embauchages», то сам академик Тарле признает, что... «эмиграция не развилась в таких размерах, чтобы можно было смотреть на нее, как на сколько-нибудь серьезный фактор, влиявший на общее положение рабочего класса во Франции».

В четвертом (и последнем) параграфе главы о машинах Тарле дает очерк «лёддитских» движений во Франции. По сравнению с материалом сборника Бурженов здесь мало нового. Есть тут и некоторые неточности; но беда не в оговорках и повторениях фактов, известных по статьям Шмидта [1] и по сборнику Бурженов [2],—работа Тарле отчасти перепроверила эти факты, широкому же русскому читателю могут быть и неизвестны французские специальные работы. Как и во вводной справке об «английском лёддизме», сообщаемый материал не получает достаточно четкого социально-экономического анализа: социально разные движения объединяются под унифицирующим термином «лёддизм». Кроме того, во всей работе совершенно недостаточно данных об особенно характерном для периода промышленной революции применении женского и детского труда; самый главный вопрос в исследовании о положении рабочего класса — вопрос о реальной заработной плате — не только не разрешен, но, строго говоря, даже и *не поставлен*. Формальную постановку этой проблемы мы как будто бы имеем во второй главе его книги. Так, на стр. 27 академик Тарле пишет: «Вопрос, который я ставлю в этой главе (т. е. о материальном положении французского рабочего класса. — *Ф. П.*), не разрешим одними лишь арифметическими вычислениями. В 1924 г. в Париже средняя заработная плата взрослого рабочего приближается к 25 фр. в день, а цена килограмма хлеба — 1 фр. 45 сант.; в 1824 г. в Париже средняя заработная плата тяготела к 1 фр. 50 сант. в день, а цена одного килограмма хлеба была равна 22—23 сант. в день. Следовательно плата за сто лет увеличилась в 17 раз, а цена хлеба в 7 раз; в 1824 г. килограмм хлеба оплачивался приблизительно $^1/_7$ рабочего дня, а в 1924 г. он оплачивается $^1/_{17}$ рабочего дня. Значит ли это, что участь рабочего улучшилась за истекшие сто лет в $2^1/_2$ раза? Так нельзя ставить вопрос: соотношение между заработною платой и ценою на хлеб есть лишь один из элементов для решения вопроса, но не полное разрешение его». Далее приведены известные данные «анкеты Виллермэ», лишь слегка дополненные немногими ссылками на архивные документы.

Эти соображения академика Тарле не могут, однако услужить основанием для того, чтобы считать устраненной задачу исследования изменений реальной заработной платы. В самом деле, если «соотношение между заработною платой и ценою на хлеб есть лишь один из элементов для разрешения вопроса, но не полное решение его», то почему же отказываться от систематического исследования других элементов, при этом именно пользуясь различными «арифметическими вычислениями». Следовало поставить себе задачу исследования рабочих бюджетов, следовало дать динамику цен. Но и здесь академик Тарле от экономического исследования отказался.

Мы подошли к концу нашего *одностороннего* критического обзора, т. е. такого освещения всех названных здесь работ, в котором не ставилось

[1] *Ch. Schmidt*, Un épisode de l'histoire du machinisme en France («La Révolution française», t. 44, pp. 551—561 и другая статья, в т. 45, стр. 66—70).

[2] *G. et H. Bourgin*, Le Régime de l'industrie en France de 1814 à 1830.

целью дать характеристику всех их достоинств и недостатков. В работе Ballot, как и в исследовании по истории *техники*, есть много ценных достоинств; книга Анри Сэ — полезный компендий *фактического* материала из общей экономической и социальной истории Франции в первую половину XIX века; работа Поля Луи — очень нужный справочник для преподавателя экономической и социальной истории Франции в эпоху империализма; исследование академика Тарле богато чрезвычайно ценным материалом о стачечном движении французских рабочих разных отраслей производства. Но мы должны были пройти мимо всех этих достоинств, рассматривая названные работы только под углом зрения постановки в них проблемы промышленной революции во Франции или же тех отдельных вопросов, которые к этой проблеме примыкают.

Общий вывод, к которому подводит нас такой специальный обзор, это — вывод о недостаточной разработанности проблемы промышленной революции во Франции, с точки зрения марксистского метода исследования.

Ф. Потемкин

НОВЫЙ «АНТИ-МАРКС»

В 1927 г. под громким и вызывающим названием «Anti-Marx» появилась в Германии объемистая книга проф. Карла Муса (Karl Muhs, «Anti-Marx»— B. I. Jena, Fischer, 1927). Книга, занимающая 571 страницу большого формата, посвящена критике I тома «Капитала» Маркса. Мус обещает выпустить еще один том, в котором он даст критический разбор дальнейших томов «Капитала» Маркса.

В сущности «Анти-Маркс» Муса является не первым и, надо думать, не последним. Поэтому мы и говорим о «новом» «Анти-Марксе». Читателя это заглавие нашей заметки может удивить. Ведь, насколько известно, ни один критик марксизма до сих пор не решался выпускать книгу под таким многообещающим и кричащим заглавием. Но в сущности только этим заглавием и исчерпывается оригинальность Муса. В остальном он идет, — вопреки его претенциозным заявлениям, — по пути, давным-давно проторенному многочисленными критиками Маркса.

На рубеже XIX и XX столетий критики Маркса объявили его учение преодоленным и окончательно опровергнутым. Опровержением Маркса занимались виднейшие экономисты вроде Бем-Баверка, Туган-Барановского, Струве и друг.,—люди, с которыми по таланту Мус ни в какой мере сравниться не может. И тем не менее, через 25 лет после появления работ критиков Маркса Мусу пришлось выпустить объемистый труд для окончательного опровержения давным-давно опровергнутого учения Маркса. Этот факт не может не вызвать в читателе законного сомнения в том, удалось ли самому Мусу «окончательно» опровергнуть Маркса и не придется ли через 25 лет, — когда книга Муса будет уже основательно забыта, — писать новую книгу на ту же тему и с таким же успехом. Чтобы предупредить возможность появления в уме читателя подобного рода сомнений, Мус счел нужным объяснить, почему прежние работы критиков Маркса не отвечают той цели, которую он, Мус, преследует. Задачею своей книги, в отличие от прежних работ критиков Маркса, Мус объявляет чисто «имманентную» критику теории Маркса. Не вдаваясь в критику основных положений Маркса (вернее, критикуя их только мимоходом), Мус хочет вскрыть внутренние противоречия марксовой системы, несогласованность между собою отдельных ее частей.

Чтобы дать чисто-имманентную критику экономической теории Маркса, Мус должен по пятам следовать за ходом изложения «Капитала». И Мус, действительно, в своем изложении подвигается,— за исключением второстепенных частностей, — параллельно ходу изложения Маркса в I томе «Капитала». Стоимость, деньги, превращение денег в капитал, абсолютная и относительная прибавочная стоимость, накопление капитала, — все эти вопросы, рассматриваемые Марксом в I томе «Капитала», в том же порядке нашли себе место и в работе Муса. В пределах каждого вопроса Мус излагает взгляды Маркса и дает детальную их критику. При этом, к большому удовольствию нашего строгого критика, обнаруживается, что Маркс на каждом шагу противоречит себе. Не успел Маркс дать какую-нибудь формулировку,

как Мус с торжествующим видом преподносит нам другую формулировку Маркса же, якобы противоречащую первой. Не успел Маркс высказать какое-нибудь положение, как ловкий Мус уже сделал из него выводы, противоречащие, по его словам, другим положениям Маркса.

В своей погоне за противоречиями у Маркса наш автор не соблюдает никакого чувства меры, и это делает его аргументацию подозрительною даже в глазах читателя, мало знакомого с предметом. Действительно, читатель, хотя бы поверхностно знакомый с системою Маркса, знает, что она импонировала даже противникам Маркса своею внутреннею логическою цельностью и стройностью. Читатель не может не вспомнить, что даже злейший противник марксизма Бем-Баверк, резко критиковавший марксову теорию стоимости, признавал, что дальнейшие части марксовой системы вытекают из ее исходных посылок с величайшею последовательностью и логическою стройностью. Бем-Баверк по этому поводу писал: «На этом среднем протяжении системы Маркса логическое развитие и выяснение причинной связи совершается действительно с импонирующею законченностью и внутреннею последовательностью... Эти средние части его системы, при всей ложности ее исходного пункта, навсегда обеспечивают за Марксом, благодаря выходящей из ряда вон внутренней последовательности, славу первоклассного мыслителя» [1].

Если читатель сравнит это суждение Бем-Баверка с теми бесчисленными «противоречиями», которые Мус находит у Маркса чуть ли не на каждой странице, он невольно усомнится в правильности рассуждений Муса. А если это зародившееся сомнение побудит его подвергнуть книгу Муса критическому разбору, он легко убедится, что многочисленные и на деле не существующие «противоречия» открыты Мусом у Маркса при помощи следующих двух нехитрых приемов.

Первый прием заключается в следующем. Предположим, что мы встречаем у Маркса известное суждение. Немедленно же Мус, — на основании ложно понятых цитат или ложно сделанных выводов, — приписывает Марксу суждение, прямо противоположное первому, — и «противоречие» готово.

Если первый прием основан на ошибочном истолковании мысли Маркса, то второй прием имеет своим источником ошибочный метод самого Муса. Предположим, что Маркс рассматривает противоположные стороны единого сложного процесса. Мус немедленно отрывает эти стороны друг от друга и возводит одну сторону процесса в нечто абсолютное, исключающее другую сторону. Это одностороннее исследование процесса он приписывает Марксу, а после этого... с торжеством констатирует «противоречие» у Маркса, который якобы «вынужден» отказаться от своей «односторонней» точки зрения (приписанной ему Мусом) и включить в круг своего исследования другую сторону процесса. Соединение противоположных суждений и разъединение противоположных сторон одного и того же процесса, — таковы те два приема, при помощи которых Мус открыл у Маркса такое обилие противоречий.

Чтобы иллюстрировать первый прием Муса, посмотрим, как Мус критикует понятие экономического закона у Маркса (стр. 22—24). Мус цитирует известные слова Маркса, что экономические законы стихийного товарного хозяйства действуют на подобие закона природы, когда над нашею головою обрушивается дом. Отсюда Мус ничтоже сумняшеся делает вывод, что Маркс приравнивает экономические законы к законам природы. Но законы природы, по мнению Муса, отличаются «абсолютным» характером в том смысле, что действие их не ограничено определенною историческою эпо-

[1] *Бем-Баверк*, Теория Маркса и ее критика. Русский пер. 1897 г., стр. 91—92.

хою и не уничтожается действием противоположных сил. Но именно этого-то абсолютного характера Маркс, как указывает сам Мус, своим экономическим законам не приписывает. Например, закон трудовои стоимости он рассматривает как «тенденцию», которая проявляется лишь при определенных условиях и лишь в той мере, в какой эти условия имеются налицо. Кроме того, он ставит действие этого закона в зависимость от наличия целого ряда условий (напр., свободы конкуренции), которые осуществляются только в капиталистическом обществе. Наконец, в некоторых местах Маркс заявляет, что закон трудовой стоимости в чистом виде действовал в простом товарном хозяйстве докапиталистического периода и не действует в капиталистическом обществе. Таким образом, Маркс сам себе противоречит, рассматривая закон трудовой стоимости: 1) то как абсолютный закон природы, 2) то как условно-действующую тенденцию, 3) то как исторически-обусловленный закон, применимый только к товарно-капиталистическому хозяйству, 4) то, наконец, как закон, не применимый к капиталистическому хозяйству.

Легко убедиться, что приведенные «противоречия» в понимании закона стоимости выдуманы Мусом. Не говоря уже о том, что законам природы нелепо приписывать «абсолютный» характер, будто бы отличающий их от «тенденций», следует указать, что никакого отожествления экономических законов с законами природы у Маркса нет. Если Маркс сравнивал экономические законы с законами природы, то лишь для того, чтобы подчеркнуть их стихийный характер. Закон стоимости рассматривается Марксом именно как тенденция или как исторически-обусловленный закон, применимый только к товарно-капиталистическому хозяйству. Никаких указаний на то, что этот закон будто бы перестал действовать в капиталистическом хозяйстве, мы у Маркса, разумеется, не найдем. Формулировки, помещенные нами под №№ 1 и 4, принадлежат самому Мусу, а не Марксу. Остаются вполне правильные формулировки под №№ 2 и 3, между которыми никакого «противоречия» найти нельзя.

Второй метод нахождения «противоречий» Мус широко применяет в своей критике марксовой теории стоимости.

Начнем с вопроса об отношении стоимости к потребительной стоимости. Чтобы иллюстрировать метод критики, применяемый Мусом в данном пункте, лучше всего будет привести собственные его слова: «Противоречие здесь явное: *или* меновая стоимость независима от потребительной стоимости; в таком случае и полезность, этот критерий потребительной стоимости, также не входит в меновую стоимость, а, следовательно, труд сам по себе есть источник стоимости, независимо от того, полезен ли он или бесполезен; вывод, конечно, нелепый, но необходимо вытекающий из отрыва меновой стоимости от потребительной и лишь отражающий нелепость марксистской концепции стоимости. *Или же* меновая стоимость связана с полезностью как своим условием. Но в таком случае она обусловлена также качеством товара как потребительной стоимости. А это опять-таки означает отрицание основного принципа трудовой стоимости» (стр. 69).

В изложенном рассуждении ярко проявляется метод мышления Муса: *или — или*,что сверх того, то от лукавого. Или труд образует стоимость, хотя бы он был бесполезным и, следовательно, не создавал никакой потребительной стоимости; или же потребительная стоимость является одним из факторов, определяющих стоимость. Этою примитивною постановкою вопроса Мус ограничивается. Он забывает, что уже Рикардо сумел выйти из этого кажущегося элементарного противоречия своим известным положением о том, что «полезность не может быть мерилом меновой стоимости, хотя последняя без нее безусловно немыслима». Он не знает, что это положение было дальше

развито Марксом, который берет исходным пунктом своего исследования стоимость как общественную форму продукта, но при этом никоим образом не игнорирует существование потребительной стоимости. Потребительная стоимость играет у Маркса весьма существенную роль, во-первых, как материально-техническая предпосылка стоимости и, во-вторых, как материальный носитель стоимости. Не понимая значения потребительной стоимости в системе Маркса, Мус находит, конечно, непримиримое противоречие между утверждением Маркса, что товары как стоимости не содержать в себе «ни одного атома потребительной стоимости», и его же положением о том, что потребительная стоимость становится «формою проявления стоимости» (стр. 99). Вместо того, чтобы разобрать по существу, каким образом стоимость и потребительная стоимость, при всей своей противоположности, образуют диалектическое единство в виде товара, Мус ограничился примитивною постановкою вопроса (или—или), которая выдает с головою его упрощенный, антидиалектический метод.

Мнимое игнорирование потребительной стоимости приводит Маркса, по мнению Муса, к ложному пониманию всего процесса обмена. Маркс рассматривает процесс обмена как выражение эквивалентности (равенства) обмениваемых товаров, между тем как на самом деле «не *равенство* оценок, а именно *различие* их есть побудительный стимул обмена» (стр. 59). «Обмен товаров совершается не по принципу эквивалентности; более высокая оценка получаемого в обмен блага по сравнению с отдаваемым является предпосылкою вступления в меновую сделку: руководящим принципом является *различие* оценок» (стр. 66—67).

Этот довод Муса ни в малейшей мере не отличается оригинальностью. Мус только повторяет в данном пункте доводы Бем-Баверка, ошибочность которых была в свое время уже вскрыта Гильфердингом и признана даже многими буржуазными учеными. Нельзя ставить вопрос таким образом, что обмен товаров *либо* выражает эквивалентность обмениваемых товаров, *либо* предполагает различную оценку этих товаров обменивающимися лицами. В обмене имеет место *и* то, *и* другое. Как процесс общественный, обмен выражает эквивалентность товаров. Как процесс, происходящий через посредство мотивов и действий частных товаропроизводителей, обмен предполагает различную оценку ими обмениваемых продуктов. Это различие субъективных оценок было хорошо известно Марксу [1]. Но предметом его исследования является обмен как процесс общественный, и с этой точки зрения товары выступают не как продукты, различным образом оцениваемые отдельными лицами, а как продукты с определенною стоимостью, т. е. всецело замещающие друг друга, обладающие одним и тем же общественным характером равенства, или эквивалентности. Утверждать, что продукты могут *или* обладать общественным характером равенства, *или* быть предметом различных субъективных оценок, — значит и в данном пункте, как в других, обнаружить всю грубость мышления по схеме: *или — или*.

Почему Мус так резко противопоставляет друг другу и считает исключающими друг друга стоимость и потребительную стоимость, равенство стоимостей и различие оценок? Потому, что диалектическое единство сложного процесса, включающего в себя противоположные стороны явления, никоим образом не может быть им понято уже в силу упрощенного метафизического метода, которым он оперирует. Сваливая с больной головы на здоровую, он

[1] Ср. «Капитал», т. I, 1928 г., стр. 101: «Поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собою лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются».

приписывает Марксу одностороннюю концепцию, исключающую возможность всестороннего исследования явления во всей его полноте, — концепцию, к которой Маркс должен был бы прийти, если бы он... оперировал методом Муса. В каком утрированно-одностороннем виде Мус, подобно большинству критиков Маркса, изображает марксову теорию, видно хотя бы из того, что закону трудовой стоимости он приписывает механически-автоматическое действие. Революционный переворот, произведенный Марксом в политической экономии, заключается в том, что он под отношениями вещей вскрыл отношения людей. Не имея ни малейшего представления об этом революционном перевороте, произведенном Марксом, Мус ставит все на голову и обвиняет Маркса как раз в том, что он в своей теории стоимости будто бы ограничивается исследованием движения вещей и забывает о тех людях, которые стоят за вещами. Мус не понимает, что у Маркса категории стоимости и труда носят общественный характер. Поэтому он приписывает Марксу нелепый взгляд на стоимость, как на свойство, присущее самой вещи и в ней заключенное. Точно так же и труд он не может представить себе иначе, как технический фактор производства. В согласии с этим, он приписывает Марксу мысль, что весь процесс образования стоимости происходит механически-автоматическим путем, вне человеческого общества и даже без помощи людей вообще. Всякая затрата труда, как технического фактора производства, создает в самой вещи какое-то свойство, именуемое стоимостью,— в этом карикатурном виде Мус рисует теорию Маркса, чтобы после этого начать против нее легкий и победоносный поход.

Чтобы нас не обвинили в неверном изложении мыслей Муса, приведем несколько цитат. «Если же меновой акт есть результат психических факторов (как утверждает Мус. — *И. Р.)*, то очевидно, что эквивалентность обмениваемых товаров должна рассматриваться не как *отношение этих товарных тел* (Warenkörper), которое дано *вместе с этими товарами и в этих товарах*, а является объективацией психических процессов, вызывающих и регулирующих обмен» (стр. 58, курсив наш). «Марксистская стоимость покоится на том предположении, что *производство и образование стоимости совпадают*, что стоимость кристаллизуется непосредственно как *результат технического производственного процесса*» (стр. 60, курсив наш). «Если стоимость каузально связывают с содержанием труда в продукте (Arbeitsgehalt des Produktes), то этим ее эмансипируют от всяких влияний, которые *не исходят от товарного тела* (Warenkörper)» (стр. 60; курсив наш).

Эти цитаты достаточно ясно показывают, в каком извращенном виде Мус представляет себе теорию Маркса. Утверждать, что стоимость является результатом технического процесса и подвергается влияниям, исходящим «*от* товарного тела», значит обнаружить полное непонимание основ, на которых построена вся марксова теория стоимости. Мус совершенно игнорирует общественную природу процесса образования стоимости у Маркса. Он представляет себе его в виде механически-автоматического процесса, происходящего помимо человеческого общества.

Нечего удивляться, что Мус, изобразивший теорию Маркса в столь карикатурном виде, находит в ней множество противоречий. Действительно, Маркс, изучающий человеческое общество и общественные производственные отношения людей, на каждом шагу «противоречит» карикатуре, нарисованной Мусом на марксизм и ложно выдаваемой им за теорию Маркса. Вторая глава I тома «Капитала» начинается словами: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собою. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам». Кому придет в голову в этих словах Маркса увидеть отступление от его теории стоимости?

Конечно, только тому критику, который всерьез готов был приписать Марксу мысль, что товары сами отправляются на рынок и сами обмениваются между собою. Но Мус, как мы видели, действительно приписывает Марксу подобную мысль. Не удивительно поэтому, что он с торжеством подхватывает цитированные слова Маркса. Оказывается, что «теперь впервые в экономический процесс вступают *хозяйствующие субъекты*», между тем как с точки зрения «основного марксистского принципа стоимость целиком базируется на товаре и заключенном в нем количестве труда» (стр. 101). «Введение хозяйствующего субъекта в процесс обмена, как оно ни кажется само собою разумеющимся, означает, по меньшей мере, *значительную модификацию* основного принципа теории трудовой стоимости» (стр. 102). А дальше на той же странице оказывается, что оно означает даже нечто большее, а именно «отказ от принципа стоимости». Только критик, совершенно не понявший, что анализ товара на первых же страницах «Капитала» означает не исследование товаров как вещей, а исследование производственных отношений товаропроизводителей, овеществленных в товаре как общественном продукте, может усмотреть в указании Маркса на роль товаропроизводителей «отказ» от принципа трудовой стоимости. Только критик, который в 1-й главе I тома «Капитала» видит формулировку закона, автоматически действующего в безвоздушном (точнее, в безобщественном и бесчеловеческом) пространстве, может увидеть в указаниях Маркса во II и III томах «Капитала» на роль конкуренции мнимую апелляцию к «субъективистическому пониманию стоимости» (стр. 90).

Если в критике марксовой теории стоимости Мус не обнаруживает особой оригинальности и комбинирует доводы, в свое время уже выдвинутые различными критиками марксизма (Бем-Баверком, Зомбартом, Оппенгеймером и друг.), то этого нельзя сказать о второй большой части его книги, посвященной критике теории прибавочной стоимости. Здесь он старается проявить бо́льшую оригинальность, которая, к сожалению, не отражается на количестве допущенных им извращений и недоразумений.

Мус берет быка за рога. Он хочет доказать не более и не менее, что развитие капитализма имеет своею тенденцией уменьшение и даже полное *исчезновение прибавочной стоимости, создаваемой прибавочным трудом рабочих*. При этом, желая остаться в рамках имманентной критики, из которых, однако, по существу он здесь довольно часто выходит, — Мус должен доказать, что существование указанной тенденции может быть выведено из марксовой же теории прибавочной стоимости.

Чтобы решить эту задачу, Мус прежде всего прибегает к своему излюбленному способу отрыва друг от друга противоположных сторон того же процесса. В то время как у Маркса абсолютная и относительная прибавочная стоимость неразрывно друг с другом связаны, Мус решительно разрывает всякую связь между ними и пропастью отделяет их друг от друга. После этого он разбирает каждую из них в отдельности. Что касается абсолютной прибавочной стоимости, то Мус легко разделывается с нею. Так как по мере развития капитализма рабочий день в общем и целом сокращался, то, по мнению Муса, об абсолютной прибавочной стоимости, как источнике обогащения класса капиталистов, не может быть и речи. Остается относительная прибавочная стоимость, которая, по учению Маркса, возрастает по мере прогресса техники и удешевления средств существования, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Учение об относительной прибавочной стоимости Мус избирает своею операционною базою для нанесения сокрушительного удара всему учению Маркса о прибавочной стоимости.

Мус выставляет смелый тезис, что «относительная прибавочная стоимость имеет свой источник не в рабочей силе, не в самом рабочем» (стр. 297). Этот тезис Мус обосновывает при помощи следующего рассуждения, которое мы должны привести полностью: «Предположим, что необходимое рабочее время первоначально... составляет шесть часов, а все рабочее время — двенадцать часов, поэтому прибавочное рабочее время тоже равно шести часам, а норма прибавочной стоимости составляет 100%. Предположим, что в результате развития капиталистических производительных сил рабочее время, требующееся для изготовления необходимых средств существования, упало до пяти часов. По Марксу, в этом случае необходимое рабочее время составляло бы... пять часов, прибавочное рабочее время — семь часов, а норма прибавочной стоимости поднялась бы до 140%. Но это *повышение* капиталистической эксплоатации рабочей силы происходило бы при *прежней* затрате труда на изготовление продукта, при прежнем совокупном рабочем времени. В этом факте обнаруживается допущенное *противоречие*; ибо степень эксплоатации труда, — при неизменяющейся стоимости труда, — не может повыситься, если не увеличилась затрата труда либо путем повышения его интенсивности, либо путем удлинения рабочего времени» (стр. 254).

Итак, в предположенном нами случае рабочий работает попрежнему 12 часов. Труд его не изменился ни в продолжительности, ни в интенсивности. Следовательно, заключает Мус, нельзя говорить о повышении степени эксплоатации рабочего. Тем не менее, капиталист получает теперь более высокую относительную прибавочную стоимость. Не очевидно ли, — восклицает с торжествующим видом Мус, — что относительная прибавочная стоимость имеет своим источником не труд рабочего, а технические усовершенствования, вводимые по инициативе капиталистов. Это — «*прибавочная стоимость от капитала*» (стр. 244), «*прибавочная стоимость без прибавочного труда*» (стр. 228). Только в раннюю эпоху капитализма прибавочная стоимость имела своим источником труд рабочего. С дальнейшим развитием капитализма положение дел изменилось. «Образование капитала из абсолютной прибавочной стоимости принадлежит прошлому. Новообразование капитала, происходящее при существующих условиях, покоится уже не на овеществлении неоплаченного чужого труда в смысле марксистской теории эксплоатации, а есть продукт колоссально развившихся *производительных сил постоянного капитала*, которые мощно возрастают в форме кооперации и машинного производства. Но кооперация и машинное производство если не целиком, то в преобладающей части развились без содействия рабочего класса» (стр. 367). Промышленники в первую очередь и ученые во вторую очередь, — вот кто является истинным творцом той относительной прибавочной стоимости, которая получается «без прибавочного труда».

Что касается той прибавочной стоимости, которая создается, по учению Маркса, трудом рабочих, то нет ничего легче, как доказать, что она имеет тенденцию к исчезновению. Действительно, прибавочное рабочее время равно разнице между совокупным рабочим временем и необходимым рабочим временем. Но продолжительность рабочего дня по мере развития капитализма уменьшалась. Необходимое же рабочее время, вопреки мнению Маркса, не сокращалось, а возрастало. Чтобы доказать этот решающий тезис, Мус, который будто бы хочет ограничиться «имманентною» критикою Маркса, не останавливается перед полным искажением учения Маркса. Он вводит совершенно новое и необычное употребление термина «необходимое рабочее время». По его мнению, это—«то рабочее время, которое рабочая сила (т. е. рабочий. — *И. Р.*) должна была бы затратить на производство

своих возросших средств существования, если бы накопление капитала *не* вызвало того возрастания производительной силы, которое явилось источником увеличения средств существования» (стр. 255). Предположим, что в результате прогресса общественной техники количество средств существования, получаемых рабочим, абсолютно возросло в два раза. Вместо того, чтобы исследовать, какая часть рабочего дня тратится на воспроизводство этих средств существования при *теперешнем*, *повышенном* уровне техники, Мус ставит другой вопрос: сколько часов вынужден был бы рабочий затрачивать на воспроизводство этой увеличенной массы своих средств существования, если бы уровень техники остался *прежний*? Очевидно, что при *прежнем* уровне техники рабочий должен был бы затратить на это уже не 6 часов, а, например, 9 часов. Вот это-то время, которое рабочий должен *был бы* затрачивать на воспроизводство своих средств существования при сохранении *прежней* техники, Мус называет «необходимым рабочим временем».

Исходя из столь причудливо конструированного им понятия необходимого рабочего времени, Мус последовательно приходит к выводу, что необходимое рабочее время с ходом развития капитализма не уменьшается, как думал Маркс, а возрастает (при предположении, что возрастает количество продуктов, в натуре получаемых рабочим). Например, в данном случае оно возросло с 6 до 9 часов. Если мы предположим, что, с другой стороны, постепенно произошло сокращение среднего рабочего дня с 12 до 9 часов, то мы придем к выводу, что «*прибавочное рабочее время упало до нуля; прибавочная стоимость исчезла из капиталистического производства*» (стр. 257).

Мус не догадывается, что он уже давным-давно вышел из рамок «имманентной» критики Маркса. Он верит, что положения, к которым он пришел, представляют собою доведенные до логического конца выводы из теории Маркса. Он не замечает, что только ценою полного извращения Маркса можно прийти к выводам, которые представляют собою слегка измененное издание теории «производительности капитала», основанной еще в начале XIX столетия Лодердалем и Сэем.

Мы уже отметили, что марксово понятие необходимого рабочего времени в корне извращено Мусом. С точки зрения Муса следовало бы прийти к выводу, что необходимое рабочее время давно уже перешагнуло за пределы всего рабочего дня. Действительно, средний рабочий день в настоящее время составляет, как мы предположили, около 9 часов. Что же касается рабочего времени, которое рабочий должен был бы затрачивать на производство своих средств существования, если бы, например, технические нововведения последнего столетия *не имели места*, то, возможно, оно превышает 9 часов. Следовательно, *необходимое рабочее время больше всего рабочего дня*. Иначе говоря, не капиталисты эксплоатируют рабочих, а класс рабочих эксплоатирует класс капиталистов. Хотя Мус прямо к этому нелепому выводу не приходит, но, видимо, он его не пугает. Он считает, что и при капитализме развитие производительных сил вызовет «уничтожение прибавочной стоимости, а когда этот пункт будет перейден, оно превратится в обогащение человеческого труда за счет массы прибавочной стоимости, вытекающей из производительной силы капитала» (стр. 257—258). Человеческий «труд» будет обогащаться за счет прибавочной стоимости, производимой «капиталом». Если бы Мус не считал нужным прибегать к фиговым листочкам, он последовательности ради должен был бы сказать, что желанный «пункт» давно уже перейден, что «труд» давно уже обогащается за счет прибавочной стоимости, создаваемой «капиталом».

Основной порок рассуждений Муса о прибавочной стоимости заключается в следующем. Рост производительных сил общества Мус рассматривает не как развитие производительной силы человеческого труда, а как возрастание производительности капитала. Поэтому и возросшую массу прибавочной стоимости Мус рассматривает не как результат действия человеческого труда, снабженного более усовершенствованными техническими средствами производства, а как результат действия этих технических средств производства. Вульгарное учение о производительности капитала, — многократно появлявшееся в науке на протяжении почти столетия от Сэя до Визера и не подвинувшее ни на шаг вперед решение вопроса о происхождении прибыли, — ожило вновь в книге Муса. Чтобы придать этому учению, которое не отличается ни новизною, ни плодотворностью, некоторые новые черты, Мус вводит различие между «индивидуальным» и «общественным» трудом. Мус доказывает, — и в этом пункте он только повторяет мысли, давным-давно развитые Марксом, — что в капиталистическом производстве, основанном на коооперации и применении машин, «индивидуальная рабочая сила уже не является суверенным фактором образования стоимости» (стр. 323). Например, в приведенном выше случае понижение для данного рабочего A необходимого рабочего времени с 6 до 5 часов было вызвано прогрессом общественной техники в отраслях, изготовляющих средства существования для рабочих, а не индивидуальными усилиями самого данного рабочего A. Следовательно, если в данном случае имело место повышение относительной прибавочной стоимости, «не производительная сила индивидуального труда, а производительная сила общественного труда вызвала это повышение» (стр. 241).

Из этого правильного положения Мус делает следующий ложный вывод: если относительная прибавочная стоимость не является результатом индивидуального труда рабочего A, то она должна быть признана не результатом человеческого труда, а результатом производительности капитала. Этот ложный вывод Муса ярко вскрывает то грубейшее непонимание теории Маркса, в котором он повинен подобно большинству критиков марксизма. Мус приписывает Марксу взгляд, что стоимость создается *индивидуальным* трудом рабочего. Читателю, хоть немного знакомому с марксизмом, хорошо известно, что этот взгляд не имеет ничего общего с учением Маркса. Маркс учил, что стоимость образуется не индивидуальным, а общественным трудом. И если даже данный товаропроизводитель работает в своей мастерской один, без помощи других людей, — его труд образует стоимость не в качестве индивидуального труда, а как частица единой совокупной массы общественного труда. Поэтому возрастание массы относительной прибавочной стоимости рассматривается Марксом не как результат индивидуального труда, а как результат процесса развития производительной силы общественного труда, — процесса, в котором отдельный индивид участвует лишь как член общества. Это положение не противоречит марксовой теории стоимости, как думает Мус, а является прямым выводом из нее.

Подводя итоги, мы должны сказать, что книга Муса, несмотря на свой почтенный объем и на свои внешние литературные достоинства, не только не может претендовать на гордую роль антипода «Капитала» Маркса, но не дает даже стимулов для более углубленного обсуждения спорных вопросов. Как и большинство других критических работ о Марксе, работа Муса с самого начала была обречена на полную неудачу, во-первых, вследствие грубого непонимания ее автором учения Маркса и, во-вторых, благодаря неприкрытой апологетической задаче, которую ставил себе автор. Хотя Мус претендует на роль примирителя в великой исторической тяжбе между

рабочим классом и буржуазией, но вся его книга проникнута заранее поставленной себе автором задачею — во что бы то ни стало оправдать капитализм и защитить его против нападок со стороны социалистов. Эти апологетические тенденции Муса нашли себе наиболее яркое выражение в его учении, согласно которому в ходе развития капитализма прибавочная стоимость, извлекаемая из труда рабочих, исчезает и уступает свое место «прибавочной стоимости без прибавочного труда». Узкая апологетическая тенденция не только привела Муса к ложным выводам, но обесценила весь ход его рассуждений.

И. Рубин.

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Artur Breitfeld, Die geschichtsphilosophischen, historischen und politischen Anschauungen von Marx und Engels. Halle, Rechts- und Staatswissenschaftl. Fak. 1921. S. 389.

В противоположность обширной литературе об экономической теории Маркса и Энгельса, их историко-философские, политические и исторические взгляды, по мнению автора, до сих пор не были еще систематически изложены. Причину этого надо искать в разбросанности материала по многочисленным мелким брошюрам, статьям, письмам и т. д. Благодаря этому «создавались легенды, наблюдались вульгаризация и искажение этих взглядов». Настоящая работа ставит себе целью «внесение ясности» в этот вопрос.

В книге два основных отдела: А. Марксистская философия истории, В. Марксистская политика. Каждый отдел в свою очередь распадается на «общую» и «специальную» часть. В «общей философии истории» рассматривается метод Маркса и Энгельса по вопросам: материализм, диалектика, личность и общество, идеология, классовая борьба, а также базис и надстройки: государство, право, мораль, философия, искусство, религия. Затем в «специальной философии истории» рассматриваются «отдельные исторические периоды»: «первобытный коммунизм, цивилизация, новейший коммунизм». В отделе В. на первом плане — «теория политики»: программа рабочей партии, революция, демократия, нация. — «Специальная часть» распределена по странам; для каждой страны собраны относящиеся к ней места из произведений Маркса и Энгельса. В заключении дана «критическая оценка марксизма».

Единственная положительная сторона этой работы состоит в том, что она бесспорно внимательно составлена — по крайней мере, поскольку речь идет о взглядах самих Маркса и Энгельса. Приведен почти весь опубликованный до сих пор материал. Но разработан этот материал так, что работа эта лишена всякой научной ценности. Хотя работа состоит почти исключительно из нагромождения цитат, нельзя узнать почти ни одной из них. Везде отсутствует указание мест и страниц. Автор излагает собранный материал, так сильно изменяя способ выражения Маркса и Энгельса, что часто трудно бывает установить, что̀ принадлежит Марксу и Энгельсу и что̀ прибавлено автором. Больше трех четвертей книги посвящено рассмотрению «политики», главным образом отношения Маркса и Энгельса к истории и политике различных государств. Не давая никакого анализа предмета, автор просто пересказывает то, что̀ Маркс и Энгельс написали по соответствующему вопросу, причем взгляды Маркса и Энгельса часто отступают на задний план перед перечислением внешних событий. Совершенно отсутствует последовательное изложение отношения Маркса и Энгельса к национальному вопросу и к великим войнам их эпохи с точки зрения революционной стратегии и тактики. То же самое можно сказать и о разногласиях

с Лассалем. Интернационал упоминается лишь вскользь. Борьба с Бакуниным совершенно не затронута.

Брейтфельд хочет дать «беспристрастное изложение». Он тем более считает себя в праве это сделать, что по его мнению теоретические и практические труды Маркса и Энгельса целиком «принадлежат истории»: «Наука уже давно пошла по новому пути», весь мир «так изменился, что минувшее столетие кажется замкнутым целым; с тех пор как сильно подвинулось вперед разделение труда, как капитализм и национализм приобрели неожиданную силу», уже нельзя больше заниматься марксистской политикой. Политика Маркса-де похоронена, теперь настал час «объективной оценки».

По Брейтфельду главные недостатки метода Маркса и Энгельса заключаются в следующем: везде отсутствуют точные определения; хотя Маркс и Энгельс «прежде всего были экономистами», они все же не дали точного определения понятия «хозяйства»; они не дали также определения морали. Вплоть до 70-х годов теоретические взгляды Маркса и Энгельса «неясны и могут иметь двоякое значение». «Следуя за течениями своего века», Маркс и Энгельс были материалистами (под материализмом Брейтфельд понимает материализм атомистический). С другой стороны, они всегда или до известной степени смотрели на все сквозь гегелевские очки, или же вели борьбу против Гегеля» (что во всяком случае далеко не то же самое). «Всю свою жизнь они отрицали всякую критику познания». «Исходным пунктом своего построения истории они сделали производство, а не потребление,— как было бы правильнее, потребности, потому что (!) таким образом они могли обойтись без психологии». «Отсутствие всякой психологии» имело-де вообще роковое значение для всей их теории. «Как смутны и неясны были представления Маркса и Энгельса о психологических явлениях, показывает их логика». Оправданием им во всяком случае может служить то обстоятельство, что в их время «еще не существовало никакой научной психологии, ни физиологической, ни социальной, — то же самое можно сказать о научной социологии». Мы постоянно наталкиваемся на те же самые аргументы, которые уже в течение нескольких десятков лет составляют арсенал каждого критика Маркса, знающего себе цену: недостатки-де Маркса — неясность и противоречия в изложении, неточные определения, запутанная гегелевская схоластика, прежде же всего и главным образом отсутствие всякой «психологии». Под «психологией» здесь, как известно, подразумекается тот метод, при котором все реальные отношения и законы общественного развития растворяются в смеси «субъективных оценок», «ощущений», «мнений», «иррациональностей» и «трансцендентальностей», — одним словом, в той смеси более или менее ясных классовых предрассудков, которые таятся в глубине души всякого буржуа. Критика, которой подвергают при помощи этого «психологического» метода марксизм, есть, таким образом, не что иное, как протест буржуазного индивидуального интереса против объективной науки. Те же самые аргументы, которые «психология» приводит против марксизма, можно почти полностью найти уже в писаниях противников Гегеля и Рикардо.

В. Биган.

Gerhardt Hiegemann (Elberfeld), Karl Marx, Auffassung der Gesellschaft. Köln. Wirtschafts- und Sozialwissenschaftl. Fak. 1923. S. 69.

Как указывает автор, импульс к этой работе дал ему марксовский семинарий профессора Л. фон-Визе зимой 1920—1921 г., а также его социологический семинарий. Работа не прибавляет ничего нового к вышеуказанным «импульсам». Даже по сравнению с другими буржуазными изложениями

и критическими разборами марксизма и его основ эта работа является бессодержательной, поверхностной и ученической.

Первая глава рассматривает исторические исходные пункты марксовской социологической концепции. Автор излагает их совершенно неудовлетворительно. Он упоминает Гегеля, Фейербаха, С.-Симона и Лоренца Штейна. Автор вообще ничего не говорит об огромном и в настоящее время общепризнанном влиянии французских историков на понимание Марксом истории, а также о влиянии на него классической экономии и фактов классовой борьбы того времени.

Во *второй главе* автор столь же ученически и неудовлетворительно рассматривает социологическую концепцию Карла Маркса. Он утверждает, например, что государство у Маркса превращается в «идеологию». Здесь автор смешивает специальное понятие идеологии с общим понятием *надстройки*. Идеология составляет надстройку экономики, *но не всякая надстройка есть идеология*. Иначе, как мог бы Маркс говорить о государстве как об *организации* господства, как о *механизме*? Государство и идеология государства — две совершенно различные вещи. Первое является материальным аппаратом, последняя представляет отражение этого аппарата в человеческой голове.

Столь же ученический и неправильный подход автора находит себе выражение в том, что он называет учение Маркса об отношении людей к средствам производства, как определяющему фактору экономии, статикой (по Конту). Под статикой механика разумеет учение о законах равновесия и покоя тел. У Маркса же речь идет о *движущих силах* экономии и истории вообще, а вовсе не о законах социального равновесия или социального «покоя», если употребить такое выражение.

На стр. 20 автор дает следующую формулировку концепции Маркса: способ обмена производительных сил обусловливает способ обмена продуктов. Обмен есть обращение. Маркс нигде не говорит об *обращении* производительных сил, — да это выражение вообще не имеет никакого смысла, — а говорит о их *распределении* между различными классами общества. Обмениваются *продукты*, а не производительные силы. Очевидно, автору неизвестно столь элементарное различие понятий, как различие между обращением и распределением.

На стр. 22 неправильно цитируется марксовское утверждение о бытии и сознании людей. По мнению автора утверждение о том, что общественное сознание определяется общественным бытием, предполагает, что все люди «от природы равны» или что они обладают «одинаковыми умственными способностями». Он даже не пытается это доказать. Этого и нельзя доказать. Индивидуальные способности обусловливают *индивидуальную* форму, в которой проявляется общественное сознание. Образование *общественного* сознания предполагает не *равенство* умственных способностей всех индивидуумов, а лишь их *однородность*, т. е. то, что они имеют одинаковый характер. Родовое понятие не исключает индивидуальной особенности, а, наоборот, содержит ее. Если я хочу определить сознание и формы сознания определенного исторического индивидуума, то я должен принять также во внимание и его индивидуальные способности. Если речь идет об *общественном* сознании, то я должен абстрагироваться от этого, как, например, в кинетической теории газов, я должен абстрагироваться от движений отдельных атомов и устанавливать *статистические* законы. Это также совершенно элементарные вещи.

По мнению автора то обстоятельство, что у Маркса «экономические условия людей в свою очередь опять-таки стоят над людьми и делают их

историю», является «противоречием в себе». Конечно, это — противоречие, но не логическое, а реальное, — диалектическое противоречие общественного развития, материалистически объясненное К. Марксом, что непонято автором.

На стр. 24 автор говорит, что идеологии, общественные формы сознания по Марксу, «должны быть неправильны», отчасти же они имеют «более субъективный характер». Автору надо было вдуматься в отношение Маркса к классической экономии, с одной стороны, в экономические представления средних капиталистических участников производства, — с другой стороны, чтобы убедиться в ошибочности своего взгляда. Утверждение, что общественное бытие отражается в общественном сознании, само по себе еще ничего не говорит о том, идет ли речь о правильном или неправильном отражении. Маркс очень подробно указывал на историческую, классовую обусловленность экономии Адама Смита и Рикардо, но ни в коем случае не делал из этого вывод, что их концепции «должны быть неверны» или имеют «более субъективный характер». Он находил, что особое историческое классовое положение, при котором писали Смит и Рикардо, с одной стороны, создали для них возможность беспристрастного научного исследования, а с другой стороны, заставили их считать законы капиталистического хозяйства вечными естественными законами всякого хозяйства. Автор дает слишком упрощенное решение данного вопроса.

Тремя страницами дальше автор утверждает, что согласно концепции Маркса из всех областей человеческой общественной жизни «единственно реальной и самостоятельной» является «экономическая область». Маркс нигде не утверждал такого вздора.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями кажется автору «таинственной, почти метафизической самостоятельностью». «В частности революционный переворот на высоте противоречия представляется необъяснимым» (S. 29). Ни у Маркса, ни у Гегеля нет отчетливого различения между развитием, совершающимся путем фактических противоположностей и развитием, совершающимся путем логических противоречий (там же).

Для каждого, кто умеет читать, «метафизическая тайна», которая еще не была разгадана Гегелем, раскрыта Марксом в том смысле, что логическое противоречие является лишь идеальным выражением фактической противоречивости диалектического развития природы и общества.

Когда автор вместе с Гаммахером толкует противоречие между производительными силами и производственными отношениями у Маркса «этически», т. е. в том смысле, что «усиленное производство в рамках старых имущественных отношений имеет результатом несправедливое распределение», то это опять-таки нелепость, противоречащая всему, что писал Маркс. Противоречие по Марксу состоит в том, что производственные отношения препятствуют дальнейшему развитию производительных сил. Эта помеха выражается в общественной нужде. Эта нужда прежде всего отзывается на угнетенных классах. Они начинают ее сознавать, она вызывает их сопротивление, это сопротивление взрывает старые производственные отношения. В этом вся тайна, хотя и вовсе не «этическая».

«Динамика» выражена-де у Маркса в двух различных теориях движения, революционной и эволюционной. Это так же глубокомысленно, как утверждение, что превращение воды в пар и нагревание воды до температуры кипения имеют в своей основе две теории теплоты — постепенную и скачкообразную.

«*Критическая оценка*» Маркса в *третьей главе* не нуждается в нашей критике, так как она только повторяет в самой грубой форме ходячие общие места.

Автор приходит к выводу, что марксова теория классовой борьбы, «как теория социального развития, несостоятельна».

После приведенных нами нескольких образчиков «ясного, научного понимания автором живой действительности» у читателя уже в этом отношении не останется никаких сомнений.

Классовые противоречия необходимы, согласно автору, но их следует смягчить и бороться с ними в «приличных формах».

В этих выводах ярко обнаруживается характер социологического метода автора. Быстро развивающаяся в Германии социологическая школа есть лишь модернизированный катедер-социализм, который во имя «науки» убеждает рабочий класс притупить классовую борьбу, вести ее в тех рамках, которые приятны для буржуазии. Если сопоставить отдельные черты, которые с наивной пошлостью выражены в этой работе, то сразу станет ясной классовая причина явления: указание на неравенство умственных способностей отдельных индивидуумов, подчеркивание того, что и умственные способности могут вызвать быстрый переход в господствующий класс и т. д., — во всем этом обнаруживаются характерные черты *интеллигенции*.

Маленькая работа нашего докторанта весьма поучительна именно в силу своего ученического характера.

А. Тальгеймер.

Wilhelm Friedmann. Von Hegel zur ökonomischen Geschichtstheorie. Ein Beitrag zur Entwicklung der Methode von Marx. Frankfurt a. M. Wirtschafts- une sozialwissenschaftl. Fak. V. 160, IV 8.

Наш автор в своем введении дает очень низкую оценку имеющихся до сих пор критики и исследований о Марксе. Ортодоксальный марксизм окостенел в марксовой филологии, апологетике и схоластике (S. 2). Критика же до сих пор не выполняла своей задачи: «Только немногие идут по пути, проложенному Францем Оппенгеймером», по пути «имманентной» научной критики (S. 4). «Он (Оппенгеймер) пытается разбить Маркса его же оружием на его же почве». Очевидно, наш автор хочет итти за ним по тому же пути.

Неокантианская критика Маркса автором отвергается, так как она бьет мимо. «Только *молодой* Маркс был в плену этического идеологизма Канта и Фихте». Более «остроумной и критичной» является, впрочем (тоже неокантианская), обработка Маркса Максом Адлером. Адлеровское мышление не исторично, оно является «чрезвычайно большой растратой духовной силы» (S. 7). Отсюда видно, что автор мало считается со своими предшественниками по критике Маркса, и с подобной оценкой марксисты могут вполне согласиться. Уже с давних пор всегда так водилось, что одна группа критиков Маркса разбивала своих современных конкурентов и предшественников. Это облегчает нам работу.

А пока что рассмотрим новейшую критику Маркса, которая должна быть сильнее всех предыдущих.

Речь идет об «имманентно-историческом исследовании Маркса»: а именно, о развитии марксовой мысли в связи с историей объективного идеализма, иначе говоря — гегелевской философии. В последние годы наблюдается какой-то «ренессанс гегельянства» (S. 8). На этом базируется новейший этап критики исследований о Марксе. Цель нового освещения марксизма с помо-

щью остатка гегельянства заключается в том, чтобы дать «систематический и критический разбор марксовой системы» (стр. 11).

Посмотрим, как это делается.

Еще во введении автор утверждает, что у Маркса наблюдается «методический дуализм историко-диалектического и естественно-научно-причинного метода исследования» (S. 13). Вот это должно быть доказано. Далее автор замечает, что гегельянец Маркс «совсем не останавливался на определении отношения между метафизическим и эмпирическим сознанием» (S. 13). Это, конечно, верно, ибо, как известно, для Маркса не существовало метафизическое сознание, и, следовательно, не могло быть и отношения эмпирического сознания к нему. Критик, который в этом видит недостаток, во всяком случае оставляет почву «имманентной» критики. Он должен был бы *доказать*, что существует метафизическое сознание и что Маркс неправильно отрицал его. Простое уверение или мнение автора по этому поводу еще ничего не говорит и не доказывает. Маркс, примыкая, между прочим, к Фейербаху, ясно объяснил, откуда появляется это *мнимое* «метафизическое сознание».

Все это касается программы; теперь перейдем к выполнению ее. В первом отделе автор рисует «духовно-исторические» условия развития марксизма (SS. 14—19), а именно 1) философское сознание до-мартовского периода, 2) «процесс распада гегельянства». Это описание в общем и целом удачно и сделано не без художественного таланта.

Во втором отделе (SS. 20—35) автор рисует Маркса как реалистического младогегельянца; и это у него выходит, насколько возможно, тоже недурно. Насколько возможно — так как при этом недооценивается роль французских социалистов и историков в развитии Маркса и совершенно игнорируется влияние английской политической экономии, с которой впервые познакомил Маркса Энгельс, и факты классовой борьбы в Англии. В связи с диссертацией Маркса о различии демокритовской и эпикуровской натурфилософии, автор разбирает его отношение к Бруно Бауэру и Моисею Гессу. При этом явно переоценивается влияние последнего.

В третьем отделе дается сравнительное изложение концепции «общества и государства у Гегеля и Маркса» (SS. 35—60).

При изложении гегелевской концепции автор часто искажает ее.

Так, когда он говорит: «молодой Гегель был младогегельянцем», то это историческое qui pro quo. Верно только то, что молодой Гегель был в гораздо большей степени выраженный революционер, чем старый Гегель, но положение классов в Германии в конце XVIII века и в конце 30-х и 40-х гг. XIX века обусловило различие отправных пунктов и целей. Младогегельянцы разложили теологию в пределах метафизики. Метафизика враждебно относилась к теологии. Своей критикой церковной теологии, как одной из сил, поддерживающей существующий порядок, они гораздо больше ему угрожали, чем это мог делать молодой Гегель.

Его время поставило ему совсем другую задачу. Для него вопрос шел не о том, чтобы *противопоставить* теологии новые революционные взгляды, а о том, чтобы ввести их в теологию; вопрос шел не о том, чтобы критиковать и преобразовать христианство, а о том, чтобы его *интерпретировать* в духе буржуазной революции. Младогегельянский период предполагает гораздо более развитое классовое самосознание, гораздо более обостренное классовое противоречие между буржуазией и феодальным классом, чем это было во времена молодого Гегеля.

Автор открывает даже «зачатки» «теории обнищания» у Гегеля, совершенно забывая специфический характер учения Маркса. Гегелевский ана-

лиз гражданского общества представлен автором как выстрел из пистолета. Ему очевидно неизвестно, что этот анализ имеет далеко идущие корни во Франции и прежде всего в Англии.

От «имманентно-исторического» изложения даже Гегеля автор очень далек.

И в отделе о «диалектическом обращении идеалистического учения о государстве и обществе у Маркса» проскальзывают некстати модные «словечки об общности» (Gemeinschaft). — Маркс, как известно, говорил об «обобществлении».

В четвертом отделе сделана попытка дать обзор философии Гегеля и его философии истории. Этот обзор сделан не плохо, хотя и в нем попадаются такие анахронизмы, как «органическое социальное мировоззрение» (Gemeinschaftsanschauung) и т. д.

Пятый отдел посвящается переходу от Гегеля к «экономической философии истории». При этом мы хотели бы указать на то, что Маркс и Энгельс говорили не об *экономической философии истории*, а о материалистическом понимании истории. Они рассматривали и обозначали свою теорию не как «философию» и не как «экономическую», а как «материалистическую», потому что последнее понятие является более широким и точным.

В самом начале этого отдела автор подходит к сущности того, что должна сделать «имманентно-историческая критика» марксизма. И все это в форме не доказательств, а каких-то необоснованных утверждений.

Смысл всего заключается в том, что «...позитивно научные элементы в марксизме оттеснили сущность диалектики... что диалектическая структура «Капитала» это — только внешняя оболочка и что сама диалектика — как говорит Массарик — в своей марксистской форме является «простым фокусом» (S. 107).

Таково, в сущности, было мнение и Эдуарда Бернштейна. Но только Бернштейн считал гегелевскую идеалистическую диалектику еще бо́льшим и более страшным фокусом, чем материалистическую диалектику Маркса.

Что касается нашего автора, то у него это остается простым утверждением; мы не видим попытки противопоставить друг другу марксову и гегелеву диалектику и критически сравнить их. Очевидно, он считает, что *материалистическое обоснование* диалектики и есть ее *грехопадение*. Обсуждая отношение Маркса к Фейербаху, автор открывает, что в фейербаховской «теории отображения», т. е., говоря на простом языке — в материализме, лежит «причина марксовского извращения гегелевской метафизики. Это извращение заключалось в выделении эмпирико-позитивистического ядра из идеалистической идеологии».

Для чего же сделал Маркс прыжок от прекрасного и благородного гегелевского идеализма к совершенно обыкновенному материализму? Автор отвечает вместе с Пленге: «pour épater le bourgeois», чтобы испугать мещанина. Это, конечно, очень остроумно, но эти господа забывают, что немецкий мещанин (академический тоже) XX века совсем не тот, что мещанин сороковых годов XIX века. Немецкий «bourgeois» 1840—1848 гг., поскольку он интересовался теорией, а не был только практическим материалистом, был в массе своей настроен фейербахиански, материалистически и нисколько не был épaté. А вот наш автор, кажется, очень «потрясен» материализмом и так потрясен, что кроме ряда угрожающих замечаний он не в состоянии привести ни одного аргумента.

Как мало автор понял материалистически-диалектический метод, доказывает его утверждение, что Маркс в своем изложении (в «Капитале»)

ведет читателя от «абстрактного понятия к конкретной целостности, *следовательно, будто бы, от единичного к общему*» (S. 140. Подчеркнуто нами).

В последнем отделе излагается научный социализм как «продукт синтеза Гегеля и Сен-Симона» (SS. 143—153). Это значит слишком упрощать вещи. Мы еще хотим тут только отметить правильно понятую параллель между борьбой Гегеля с простым «долженствованием» и борьбой Маркса против утопизма.

Автор заканчивает торжественными словами, что «мы» можем понять Маркса лучше, чем он сам себя понимал, подобно тому «как Кант утверждал это о Платоне» (S. 160).

Эту столь же схоластическую и реакционную, сколь и комическую попытку современной немецкой университетской философии запеленать материалистическую диалектику в ее детские пеленки, в идеалистическую диалектику Гегеля, и в них задушить ее великолепно высмеял — хотя и в другой области — уже Г. Гейне. Мы предлагаем автору и его последователям в критических попытках обратить внимание на следующее место Г. Гейне, где он говорит об А.-В. Шлегеле:

«Эта манера мерить настоящее масштабом прошедшего так глубоко вкоренилась в г. Шлегеле, что он постоянно хлестал по спине новых поэтов лавровыми венками старых и, чтобы в свою очередь унизить Еврипида, не нашел ничего лучшего, как сравнивать его с более старым Софоклом и даже Эсхилом» («Романтическая школа», книга 2-я, глава 1-я).

А. Тальгеймер.

Georg Berger, Die Marxsche Lehre vom Klassenkampf. Halle. Rechts- und Staatswissenschaftl. Fak. 1920, IV, S. 112.

В письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс в классически ясной форме говорит о своем понимании классовой борьбы. Ссылаясь на тот факт, что уже задолго до него как буржуазные историки, так и буржуазные экономисты указывали на историческое развитие борьбы классов и на экономическую анатомию классов, он отказывается от заслуги «открытия существования классов в современном обществе, а также их борьбы между собой». После этого он в трех пунктах резюмирует то специфически новое, что содержится в его учении: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве, 1) что существование классов связано только с *определенной исторической борьбой за развитие производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что самая эта диктатура составляет только переход *к уничтожению всех классов и к бесклассовому обществу*».

Эти комментарии к учению о классовой борьбе не только показывают, что утверждения об «открытии» Марксом классовой борьбы неправильны, но они в то же самое время являются самым метким опровержением всех тех «критиков», которые в теоретических трудах Маркса не видят ничего кроме плагиата.

Без сомнения, большим недостатком работы, имеющей задачей исследование учения Маркса о классовой борьбе, является *незнакомство* автора с этим важным марксистским документом, даже в том случае, если он — как автор настоящей работы — неоднократно утверждает, что желает изложить марксову теорию о классовой борьбе «в том виде, в каком она выражена в документах». Кроме того мы не без удивления узнаем, что «Капитал» Маркса «вообще очень мало дает» для этой цели (S. 88). Это доказывает не только незнакомство с марксовскими источниками, но и непонимание его учения.

По своему содержанию классовая борьба для автора есть «факт, вызывающий историческое развитие», по форме же «это — сознательное приме

нение наступления для выявления принципов развития». В другом месте (S. 4) он называет учение о классовой борьбе «догмой». Для нас остается непонятным, как может раскрытие общественного факта классовой борьбы быть названо «догмой». Ведь у Маркса речь идет именно о *раскрытии*, об указании реального существования классовой борьбы. Но подобно тому как автор ничего не умеет извлечь для своей темы из экономических произведений Маркса, точно так же чужда ему сущность диалектики. Ничего не смысля в диалектическом методе Маркса, он осмеливается писать об учении Маркса о классовой борьбе, почерпнув свое понятие о диалектике — мы говорим это не в шутку — из Brockhaus-Konversationslexicon'a, 14 Auflage (1908) S. 110. И на основании почерпнутых оттуда сведений он в главе 8, носящей громкое заглавие «Роль диктатуры в диалектике» (должна была, вероятно, быть озаглавлена «Роль диалектики в диктатуре») он пишет следующее: «Без знания диалектики — тезис, антитезис, синтезис — Маркс всегда будет непонятен». Мы также придерживаемся того мнения, что без знания диалектики нельзя понять учения Маркса, но напрасно автор сводит диалектику к гегелевской триаде.

Мы совершенно оставляем здесь в стороне позицию автора по отношению к вызывающей горячие споры проблеме социальной революции, а также его неудачную попытку политической «реабилитации» Либкнехта и Люксембург и переходим к вопросу о действительно положительных результатах настоящей работы. Результаты эти имеют двоякий характер, причем первый во всяком случае представляет скорее предпосылку автора, чем вывод из его работы, а второй является больше требованием, чем окончательным выводом из его изложения в целом. Во-первых, автор признает классовую борьбу как факт. «Нельзя отрицать существование классовой борьбы, если даже она не всегда очевидна». Во-вторых, он в своей заключительной главе первым условием для критики Маркса выставляет требование «Назад к Марксу!». Он с презрением говорит о «стае авторов», которые набросились на построения Маркса и из которых каждый «создал своего» Маркса (S. 122).

Г. Рёбер.

Annemarie Ricke. Der Ursprung des Begriffs «Proletariat» und die Begriffsbestimmung bei Karl Marx. Freiburg. Rechts- und Staatswissenschaftl. Fak. 1923. SS. 135.

Работа эта представляет собою историко-догматическое исследование развития понятия «пролетариат», начиная с XVIII столетия до Маркса, причем главное значение придается Марксу и Лоренцу фон-Штейну. Первая глава трактует предисторию этого понятия — обозначения для низших классов народа до введения этого понятия (bas peuple — мелкий люд, partie basse du peuple — низшая часть народа у Буагильбера и Вобана) и первоначальное значение этого понятия в римском праве. Во второй главе дано развитие этого понятия во французской литературе (Бабёф, Буонарроти, Сен-Симон, Перейре, Базар, Сисмонди, Пеккёр, Гранье де-Кассаньяк) и указано, как оно конкретизируется параллельно с развитием крупной промышленности. Третья глава посвящена немецкой литературе. После краткого изложения мыслей ф. Моля, Теодора Мундта, Бензена идет подробный разбор положений Лоренца фон-Штейна в первой части его книги «Социализм и коммунизм в современной Франции» (2 Aufl, 1848, SS. 40—72) и марксовского экономического анализа пролетариата на основании «Капитала», т. I. Для характеристики изменения взглядов Маркса на пролетариат приводятся его статьи в 40-х годах. В заключительной главе дается сравнение между Штейном и Марксом.

Большое преимущество этой работы состоит в материалистической трактовке истории рассматриваемых учений, для чего автор в полной мере использует марксистскую литературу. Изложению каждой новой ступени теории предшествует отдел, в котором излагаются социально-экономические перемены, происшедшие во время этого периода. Здесь резко подчеркнуто, что каждое учение ограничено специфической степенью развития классовых отношений.

Но некоторые пробелы и несоразмерность изложения бросаются, однако, в глаза.

Ни из заглавия книги, ни из введения мы не можем понять, почему в ней нет ничего ни об английских классиках, ни об английских и французских социалистах и коммунистах, ни о немецких коммунистах и «истинных социалистах». Цель работы состоит, собственно, в том, чтобы показать путь развития, начиная от французской литературы, через Штейна к Марксу — для этого тема в заглавии и в введении взята слишком широко. При этом — очевидно, для ознакомления с французским социализмом и коммунизмом — автор указывает на Штейна, который-де главным образом познакомил с этими направлениями Германию, а также и на Маркса. Если автор придавал такое значение Штейну, то он должен был подробнее остановиться на полемике о его значении для раннего немецкого социализма, а не ограничиться одним почти библиографическим указанием (S. 128). Если, далее, автор существенным моментом теории Лоренца фон-Штейна, считает то, что в ней пролетариат рассматривается как класс, который борется за государственную власть, то он должен был бы из всех французских социалистов остановиться, по крайней мере, на Бланки и на Луи Блане. Политическая позиция Штейна также недостаточно ясно охарактеризована; ведь не из одного только квази-гегельянского научного убеждения он ожидал от государства спасения общества, но он и практически содействовал этому спасению, присылая из Парижа прусскому правительству полицейские сообщения. Это во всяком случае составляло замечательное явление в том десятилетии, когда немецкая буржуазная интеллигенция в значительном большинстве была в оппозиции по отношению к абсолютной монархии.

В своем изложении марксовой теории автор не руководится обычными предрассудками, согласно которым Маркс несистематичен и не дает ясных определений. Строго придерживаясь развития мыслей в «Капитале», автор дает верный анализ определения пролетариата как «продукта капиталистического способа производства». Некоторое недоразумение вызывает проявившаяся в заключении этого отдела тенденция автора «до известной степени отожествить» пролетариат с промышленной резервной армией (SS. 113, 114), между тем как из его же собственного изложения вытекает, что только постоянно меняющаяся часть пролетариата составляет промышленную резервную армию. Автор этим хочет сказать, что в существовании промышленной резервной армии наиболее ясно проявляется полная зависимость ее от капитала, весьма существенная для понятия пролетариата.

Вообще развитие политических категорий составляет самую слабую сторону этой работы. Революционно-классовую роль пролетариата автор видит в том, что его задачей является сознательное освобождение самого себя, а вместе с тем и всего общества; это может быть достигнуто посредством объединения его в политическую партию. «Посредством механического развития хозяйственных условий пролетариат сам собою постепенно становится до известной степени господином положения. Медленно, но верно развиваясь, он становится господином орудий производства и по-

беждает также и государство. Когда он станет господствующим классом вместо буржуазии, тогда государство будет уже не представителем одного класса, а всего общества; оно станет бесполезным и отомрет» (SS. 125—127). Точно так же предисловие Маркса и Энгельса к немецкому изданию «Коммунистического манифеста» 1872 г. автор толкует в том духе, как если бы они после опыта Парижской Коммуны отказались от своей теории насильственного переворота.

В. Биган.

Alfred Seidel, Produktivkräfte und Klassenkampf (Ein Beitrag zur Interpretation des historischen Materialismus von Marx und Engels). Heidelberg, Philosoph. Fak. 1922 SS. 78.

Как известно, неокантианская фаза немецкой университетской философии уже довольно давно уступила место новой метафизической и мистической фазе, причем воскресло также и гегельянство. И характерно, что воскресло именно то, что составляло реакционную сторону философии. Новейшая фаза имеет такое же ничтожное научное значение, как неокантианская, если не считать различного исторического и литературно-исторического материала, новых и исправленных изданий подлинников и т. д. Все же она имеет значение как общее выражение современного классового положения немецкой и мировой буржуазии. Неокантианство, в той или иной мере допускавшее небесное потустороннее существование, могло еще удовлетворять буржуазию до тех пор, пока не была поколеблена основа ее мощи и пока буржуазия двигалась по восходящей линии. Когда вследствие мировой войны и связанных с ней революционных потрясений у нее стала колебаться под ногами почва, ей понадобилась сильная опора, твердая, осязательная вера в потусторонние силы. Этим объясняется «возрождение метафизики» и мистики во всех ее формах. Такое течение, вытекающее из глубин исторического классового положения, распространяется по всей сфере духовных интересов и стремится окрасить все в один цвет, не только современную науку, но и прежнюю науку и философию. Возникает настоящая духовная алхимия, но при этом не свинец превращается в золото, а наоборот, золото превращается в свинец или жесть. Жертвой этого процесса стал, например, Спиноза. Этого великого материалиста академический цех превратил в совершенно неузнаваемого мечтателя-мистика.

Но самым поразительным продуктом этой метафизической алхимии надо, однако, считать превращение диалектического материализма Маркса в метафизику, в «метафизику производительных сил».

Тенденции к такому превращению обнаруживались уже давно. Мы можем здесь указать на Гаммахера, Пленге, Трелча. В рецензируемой работе все эти тенденции соединены, усилены и получили известную законченность, так что ей нельзя отказать в некоторой оригинальности. Об истории происхождения этой книги автор говорит в предисловии, что она явилась результатом работы по социологии современных революций, которую он старался обработать с точки зрения исторического материализма. При этом он натолкнулся на «возможное новое истолкование» исторического материализма, которое он пытается здесь оформить. Причины различного толкования исторического материализма, по мнению автора, лежат, «с одной стороны», в недостаточной точности и в неясности понятий» у Маркса и Энгельса, с другой стороны, — в различиях между Марксом и Энгельсом и отдельными периодами в развитии их взглядов, а затем в отсутствии систематического изложения исторического материализма у Маркса и Энгельса. Мы сейчас увидим, насколько верны его первые два утверждения.

Автор утверждает, что он не хочет заниматься марксовской схоластикой. Но ад вымощен добрыми намерениями. Автор применяет схоластический метод: он строит понятия на основании различных замечаний Маркса и Энгельса об их методе. Единственный несхоластический метод мог бы заключаться в том, чтобы рассматривать образование понятий у Маркса и судить о них на основании *применения их к истории, экономии, политике* и т. д. Общие формулировки Маркса и Энгельса о их методе составляют только краткое резюме их практики, а эту последнюю они правильно считали основной и решающей. Схоластический метод автора особенно ярко обнаруживается, когда он говорит о множестве молчаливо подразумеваемых petitiones principii Маркса; как пример он приводит «предпосылку», допускающую закономерность исторического процесса. Закономерность есть «предпосылка» всякой науки. Никакая отдельная наука не должна ее доказывать. Маркс совершенно правильно не занимался такой схоластикой, но он и Энгельс говорили, наоборот, об определенном роде закономерности в истории и в обществе и об определенных проявлениях этой закономерности и подчеркивали этот пункт в своих отдельных работах, а только это имеет научное значение.

Во введении автор, далее, говорит (S. 2), что он в большей степени, чем это до сих пор делалось, выводит исторический материализм из Гегеля. Правда, этому противоречит мнение самих Маркса и Энгельса. Но в этом мнении выражается лишь «неправильное самосознание» Маркса и Энгельса, своего рода идеологическая надстройка (S. 2).

В виде источников для своего толкования исторического материализма автор хочет использовать не *весь* период развития Маркса и Энгельса, и в этом он, конечно, прав. Но его разделение идеологического развития Маркса и Энгельса на периоды совершенно не выдерживает критики. Он различает четыре периода: 1) период «исторического субъективизма» в фейербаховском духе; 2) период «истинного социализма», когда они главным образом находились под влиянием Л. фон-Штейна; 3) период преобладания теории классовой борьбы; 4) последний период, когда экономия выступает на первый план, учение же о классовой борьбе отступает на задний план. Эта схема представляет типичный продукт схоластической мысли. Во-первых, младогегельянский период предшествует фейербаховскому. Во-вторых, несмотря на все профессорские утверждения, Маркс и Энгельс не были «истинными социалистами». В-третьих, если не только сперва доктринерски сопоставить, — как это делает автор, — все то, что говорили Маркс и Энгельс о их методе, а затем разобрать, чаще ли встречается в них понятие классовой борьбы или же понятие экономии, но если вместо этого сопоставить с их взглядами их произведения вообще и их политическую деятельность, то окажется, что «период преобладания теории классовой борьбы» (1847—1857) является чистейшим вздором. Разве в «Гражданской войне во Франции» (1871) или в статье Энгельса о крестьянском вопросе во Франции и Германии (1894) содержится меньше о теории классовой борьбы, чем в «18 Брюмера»? Какой вздор!

В «первой части» рассматривается «философская структура исторического материализма». Уже здесь автор находит метафизику. В чем она состоит? В «онтологизме, в теории отображения и отражения» (Бенно Эрдман), т. е. в материализме. Последний является «метафизикой» как с точки зрения критики разума, так и с эмпириокритической точки зрения. Вещи, по мнению автора, представляются материалисту совершенно такими же, какими они в действительности являются в нашей голове (S. 6). Но уже на следующей странице автор цитирует известное выражение

Маркса об идеальном как о преобразованном в человеческой голове «материальном», не замечая, что этим он опровергает свою формулировку, данную на предыдущей странице. Ведь преобразование заранее предполагает *превращение*. Далее автор выставляет главное свое утверждение, сводящееся к тому, что Маркс «придает» абсолютный характер производительным силам» (S. 10). Этот фактор, т. е. производительные силы, получает «метафизические функции» (S. 12). Они берут на себя роль гегелевских «народных духов» (Volksgeister). В чем заключается метафизический характер производительных сил у Маркса? В том, что они представляют не только фактор, определяющий историческое развитие, но также и придают смысл (Sinngebung) истории (S. 13). Другими словами, смысл и цель истории заключается в повышении производительных сил. Или, докторально выражаясь, развитие производительных сил происходит в силу «метафизической телеологии» (там же). Однако мы напрасно стали бы там искать доказательства того, что у Маркса производительные силы действуют не каузально или что при этом играют роль какие-либо сверхчувственные, сверхъестественные силы. Не состоит ли «объективно-метафизический» характер в том, что, хотя конфликт между производительными силами и производственными отношениями доходит до сознания и разрешается в человеческих головах, он, тем не менее, имеет не только субъективный характер? В таком случае утверждение сводится к тому, что все материальное, не зависимое от сознания, составляющее его предпосылку, и является именно «объективно-метафизическим». В таком случае и все естествознание — также «метафизика». Говорить о метафизике имеет смысл лишь тогда, если делаются попытки утверждать, что «за данным миром существует высший», «потусторонний» мир, который постигается не обыкновенным разумом, но совершенно особенно, а именно метафизическою способностью. Об этом нет речи ни у Маркса, ни у Энгельса. Их метод — не метафизическая конструкция,а опытная наука. Но если по новейшей академической моде принято опытные науки называть «метафизикой», то для всего остального мира это не имеет значения.

Это «метафизическое» толкование исторического материализма, которое автор выдает за единственно «возможное», представляет карикатуру на марксизм, но мы не смеем оспаривать, что оно академически «возможно».

В заключение мы приводим еще несколько грубых промахов нашего автора, однако далеко не все.

То, что Маркс берет за основу «общественный труд», а не труд в его «материально-естественном качестве рабочей силы», также служит для автора аргументом против философски-материалистического толкования исторического материализма (S. 36). — Но является ли «общественный труд» чем-то имматериальным?

Автор видит circulus vitiosus (порочный круг) в том, что естествознание является и производительной силой, и идеологией, и основанием, и надстройкой. Этот «circulus vitiosus» он может наблюдать, например, на всякой химической фабрике, где химия играет роль производительной силы, хотя она в то же время несомненно более тесно связана со всей идеологией— прежде всего с остальными естественными науками, а затем с общей общественной идеологией, философией и т. д. Данное состояние науки играет роль в производстве, его потребности ставят перед ней новые проблемы, новые методы, новые стимулы. Категория, к которой относится это явление, не есть категория «circulus vitiosus», а является категорией *взаимодействия*.

Далее автор говорит, что центральный пункт его критики марксизма состоит не в том, что последний неверен как наука, а в том, что он является наукой, а не *религией* (S. 58). Научный анализ уничтожает необходимые для прочности общества иллюзии; между ними также и иллюзию свободы воли. Таким образом марксизм может разрушить старое буржуазное общество, но он не может построить новое общество. Для этого необходима не наука, а религия, имеющая корни в трансцендентном.

Здесь автор смешивает две различные вещи. В иллюзиях, в трансцендентных представлениях нуждаются все общественные формы, которые или построены на эксплоатации классов, или же, будучи технически неразвитыми, еще беспомощны перед силами природы. К социалистическому обществу не применимо ни то, ни другое. Оно не нуждается в потусторонних представлениях. Наоборот, расширение сферы применения рассудка у масс является как его предпосылкой, так и его результатом.

Мы заканчиваем мудрым замечанием автора, что не только революцию, но и эволюцию, как метод введения новых производственных отношений, можно «объяснить диалектикой» (S. 74). Однако автор, очевидно напуганный мистическим характером диалектического превращения количества в качество при революции, предпочитает объяснение, которое не требует никакого диалектического усилия.

Он говорит:

«Вопрос о том, наступит ли политическая революция или нет, зависит прежде всего от психической структуры господствующего класса. Последняя же в свою очередь обусловливается наличностью достаточного количества военных сил, достаточных для того, чтобы быть в состоянии как можно дольше выдерживать натиск революционных классов» (S. 71).

Это объяснение столь же неверно, как и другие объяснения автора и как его новое общее «объяснение» исторического материализма, но оно очень интересно. Оно показывает, как буржуазные классы умеют извлекать практические уроки из марксистской «метафизики», как бы мало они ни усвоили ее теоретически.

А. Тальгеймер.

Anna Hamann, Die Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in der Marxschen Sozialökonomie. Freiburg i B. Rechts- und Staatswissenschafl. Fak. 1922. XI, SS. 226.

Эта книга представляет собою плод усердного, но совершенно бесполезного труда, так как автор, подобно другим докторантам по вопросам марксизма, не сумел вникнуть в сущность мировоззрения Маркса. На 226 написанных на машинке страницах он показывает, как можно понимать целый ряд частностей у Маркса, совершенно неправильно поняв целое. Жаль даром потраченного труда!

Непонимание обнаруживается уже в начале, при обсуждении терминологии и метода изложения Маркса. Автор рассматривает *этот метод* в своем «введении» к «Терминологии Маркса и его мышлению». При этом мы оставляем в стороне массу второстепенных неправильностей и ошибок и останавливаемся только на вопросе о том, как автор понимает диалектический метод Маркса. Сущностью диалектики он, по Виндельбанду, считает «неопределенную превращаемость содержания представления» (S. 5). В силу этого у Маркса, по его мнению, нет образования понятий и определений, имеющих только одно значение, отдельных ограниченных понятий, раз навсегда установленных и имеющих одно значение (там же). Автор затем оговаривается, что точные понятия, имеющие одно значение, можно

найти в «Капитале», но их нет в философии истории и социологии Маркса (S. 8).

Из «неопределенной превращаемости содержания представлений» вытекают лишь три вещи: *грезы*, *бред* или *сознательная софистика*. Но, во-первых, материал диалектики составляют не *представления*, а *понятия*. Во-вторых, речь идет не о *неопределенной* превращаемости этих понятий, а об их *определенной* превращаемости. Как в действительности не все может превращаться во все, так этого не происходит и в отражающем эти превращения диалектическом мышлении. Превращения в природе, как и в обществе, подчиняются определенным законам; точно так же подчиняются им диалектические понятия. Утверждения автора представляют лишь грубое, вульгарное непонимание диалектики; по его мнению диалектика именно и отличается от обыкновенного логического мышления отсутствием резкости и определенности, *произвольным* превращением и соединением понятий. В действительности дело происходит как раз наоборот. Формальная логика, которая рассматривает вещи в *состоянии покоя*, *не замечает* поэтому закономерности изменения вещей. Формальная логика поэтому беднее и менее определенна, чем диалектика. Сравним математическое учение о конечных и неизменяемых величинах с учением о бесконечных (малых или больших) и изменяемых величинах, дифференциальное и интегральное исчисление, а также учение о множествах с обыкновенной алгеброй. Обе первые отрасли диалектической области математики совершенно не отличаются от обыкновенной алгебры меньшей точностью, определенностью или «одним только значением», наоборот, они помогают открытию в математических предметах целого ряда новых определений или частностей, которые недоступны математическому учению о конечных и неизменяемых величинах. Напомню лишь об анализе непрерывного в учении о множествах и т. д. Об этом мы говорим лишь для примера.

Производственные отношения автор правильно определяет как *общественные* отношения, в которые люди вступают между собой в производстве. Но далее идут уже ошибки и неправильное понимание. Автор смешивает производственные отношения с имущественными отношениями. Но, во-первых, только часть имущественных отношений представляет производственные отношения, поскольку они, собственно, имеют отношение к производству. Во-вторых, поскольку имущественные отношения выражают производственные отношения, они выражают их в преобразованной форме, в форме общественного признания факта, существовавшего до них и вне их. Имущественное отношение есть понятие производное по отношению к производственному отношению. Утверждение автора, что для Маркса общественные отношения уже заранее являются производственными отношениями, не простая только ошибка, а искажение (S. 64). Автор ясно формулирует это свое произвольное утверждение в той форме, что «все или во всяком случае бо́льшая часть общественных отношений», по Марксу, являются «хозяйственными, а следовательно производственными отношениями» (S. 66). Маркс нигде не дает повода для подобного утверждения, он распределяет общественные отношения не по их количеству, а по их виду и определяет их взаимную зависимость друг от друга.

Во II главе автор говорит о «производительных силах и производственных отношениях в экономии Маркса».

Автор уже в самом начале главы следующим образом формулирует «основной закон социальной экономии Маркса»:

«Причиной всех хозяйственных и социальных перемен является изменение способа производства, вытекающее из изменения материальных

производительных сил общества. Люди изменяют свои производительные силы и вместе с ними все свои хозяйственные и общественные отношения». Автор комментирует это таким образом: «Каждое изменение производительных сил вызывает изменение способа производства, а это ведет к изменению производственных отношений» (S. 76).

Мы должны сознаться, что марксова формулировка этого «основного закона» кажется нам во всяком случае более точной и что формулировка автора напоминает нам не диалектику, а «неопределенную превращаемость содержания представления» (см. выше).

Далее. Каждое изменение производственных отношений имеет в основе изменение производительных сил, а *не наоборот*: не каждое изменение производительных сил имеет результатом изменение производственных отношений. Производительные силы изменяются постоянно, это изменение можно рассматривать как *постоянное* изменение. Изменение производственных *отношений* происходит только в крупные исторические периоды, оно непостоянно, происходит *с перерывами*. Что бы мы сказали, если бы кто-нибудь вздумал таким образом формулировать зависимость изменения аггрегатного состояния тела от температуры и давления, что каждое изменение температуры и давления вызывает изменение аггрегатного состояния? Разве удовлетворились бы мы подобным «критическим анализом» рассматриваемого здесь физического закона? Но в академической разработке марксовской «социальной экономии» это, как мы видели, делается совершенно свободно. Что за этой формулировкой скрывается полное смешение понятий, доказывают попытки автора иллюстрировать «основной закон». Послушаем его мудрые утверждения:

«Основа всякого производства дана существующими естественными условиями. Географическое положение, например, на берегу моря, свойство почвы, жаркий или умеренный климат являются причинами определенных способов производства. Приморское положение благоприятствует рыболовству...» (S. 83).

И на следующе странице:

«Рыболовство, горное дело, скотоводство, земледелие и т. д., различные профессии, лежащие в их основе и различные комбинации всех этих видов деятельности, вытекающие из природы страны, определяют способ производства и формы совместной работы людей, живущих в этой стране».

Сперва автор смешивает таким образом *отрасль* производства со *способом* производства. Рыболовство есть *отрасль*, а не *способ* производства. Но эта отрасль производства постепенно прошла все исторические способы производства — от первобытного коммунизма до современного капитализма. Точно так же «горное дело, скотоводство, замледелие» являются не способами, а отраслями производства.

Автор затем высказывает сожаление по поводу того, что Маркс никогда в достаточной мере не исследовал исторического процесса развития производительных сил (S. 27). Нам кажется, что то, что сделано в этой области самим Марксом, затем Энгельсом и позднейшими марксистами, составляет уже порядочный вклад. Очевидно, автор не имеет ни малейшего представления о размерах этой задачи. Она не может быть выполнена одним человеком, если бы даже это был сам Маркс. Это значит исследовать, на основании всех источников, хозяйство, технику и т. д. первобытных людей, древнего мира, феодального периода. Там, где Маркс и Энгельс делали отдельные экскурсии в эту область, они дали новое освещение этим вопросам.

Автор даже правильно поставить вопрос не умеет.

Далее автор говорит: «Превращение одной формы производства в другую всегда совершается посредством революции экономически угнетенного класса» (S. 135).

Это мы также должны назвать «неопределенной превращаемостью марксовского содержания понятий». Посредством революции экономически угнетенных классов совершается превращение не всякой формы производства в другую, а лишь той формы, которая основана на классовых противоречиях. Превращение первобытной коммунистической формы производства в такую форму, которая основана на частной собственности на средства производства, не совершалось, таким образом, ни в действительности, ни в изложении Маркса-Энгельса. При этом инициатива принадлежала тем членам коммунистического общества, которые впоследствии становились господствующим классом.

Summa summarum: Маркс «в сущности все исторические эпохи населил гражданами века капитализма» (S. 168). Это составляет «обусловленность марксистской идеологии временем». То обстоятельство, что Маркс придает значение материальному прогрессу, есть «только субъективная, обусловленная временем оценка», «не претендующая на объективное признание». Тот, кто ставит философию, искусство, религию выше материального и технического прогресса, должен отказаться от марксовской оценки (S. 169). Подобно тому как Гегель придает слишком большое значение духу, так Маркс придает слишком большое значение естественным наукам, технике и экономике (S. 171). «Нация, живущая исключительно хозяйством, есть абстракция» (S. 172). «Homo oeconomicus не есть образ действительного человека» (S. 173). Но Маркс считает материальные побуждения основным мотивом *всех* человеческих поступков (S. 180). Если бы одни только экономические мотивы имели решающее значение, тогда никогда в древности и в средние века не могли бы процветать культура, искусство и поэзия, философия и религия. Если бы все общественные отношения были экономическими отношениями, «тогда не было бы ни демократических религиозных обществ, ни художественных и музыкальных обществ, ни союзов для игры и спорта или для выработки этических идеалов» и т. д., и т. д.

Как мы видим, эта «критика» превращается в самую вульгарную филистерскую болтовню, на которой не стоит останавливаться.

По существу же вкратце можно сказать следующее:

Исторический материализм ставит во взаимную связь две области: материальную структуру общества, или его производственные отношения, и его общественную идеологию. Метафизическое сведение идеологии к экономике совершенно чуждо историческому материализму, что бы не говорили его малокомпетентные критики.

Далее, что значит утверждение, что Маркс населил все исторические эпохи гражданами капиталистического периода? Утверждение это просто сводится к тому, что преобладающая и основная общественная роль экономики есть *особенность* капиталистического способа хозяйства. Но уже Энгельс указал, что в древности не приступали к занятиям философией, а в средние века — к молитвам, не поев и не выпив сперва. Если мы поставим вопрос таким образом, — освобождало ли древнее, феодальное или капиталистическое общество сравнительно больше людей от непосредственного производства, то не подлежит сомнению, что отношение это выше всего при капитализме, соответственно увеличившейся производительности труда, увеличению массы прибавочной стоимости и ее нормы, хотя это противоречит внешней видимости. Нам вполне ясны причины этого явления. Например, история греческой древности показывает нам в полном блеске

Платона и Аристотеля, Эсхила и Софокла — этих светил философии и поэзии древнего общества, и оставляет в тени широкую основу рабского хозяйства, крестьянского и ремесленного хозяйства, на основе которого появились эти яркие светила. Презрение, с которым господствующая античная мораль относилась к промышленному труду, считая его недостойным свободных граждан, не доказывает, что они питались воздухом, что она (мораль) была независима от своей хозяйственной основы. Презрение свободных людей к промышленному труду с своей стороны является только результатом именно этой хозяйственной основы, характерной роли *несвободного, рабского* труда. Тот, кто в средних веках видит только готические церкви и молящихся в них или рыцарские замки и арены для турниров, миннезингеров, точно так же не все видит. Лишь тогда, когда юридически свободный труд при капитализме становится общей основой, господствующий класс перестает относиться к нему с презрением, конечно, если буржуазия укрепилась и вполне освободилась от феодальных взглядов. Смешивать моральное значение, которое придают промышленному труду господствующие классы, с фактической ролью хозяйства в различных формах хозяйства, значит совершить элементарную ошибку. Внесение специфической психологии капиталистов в совершенно другие общественные отношения ближе всего именно тем ученым, которые понимают капитализм не как исторически ограниченное и поэтому преходящее явление. Бо́льшая часть книг по экономической истории древнего востока (Ассиро-Вавилона, Египта и т. д.) искажены подобным внесением современных капиталистических понятий. В тех случаях, когда Маркс и Энгельс занимаются историко-психологической характеристикой не только экономических типов, но и отдельных исторических личностей, они обыкновенно обнаруживают превосходство, — превосходство, вытекающее из их точки зрения, которая ставит их выше пристрастного отношения к отдельному периоду, как, например, к капитализму.

В заключение мы приводим в виде образчика следующий поучительный рассказ автора о трех материалистах:

«Из трех человек, говорит он, — которые хотят возможно обильнее удовлетворить свои материальные потребности и которые для этой цели располагают только ограниченным количеством предметов, наиболее ловкий завладеет всей массой их, более сильный убьет его и захватит себе добычу, а третий, медлительный и слабый, будет смотреть, как тот потребляет их. В результате один пользовался всем, второй убит, а последний умирает с голода. Когда речь идет о классах, а не об отдельных лицах, происходит то же самое» (S. 201).

Правильно ли мы толкуем этот рассказ, если мы из наших трех материалистов, наиболее ловкого, который приходит первым, обозначаем как класс капиталистов, второго, который убивает первого, обозначаем как рабочий класс, а третьего, слабого и медлительного — как мелкую буржуазию или интеллигенцию?

Но автор в своем рассказе упускает из виду, что «масса продуктов» вовсе не ограничена, а может сильно увеличиваться, если второй в состоянии внести в нее планомерную деятельность, в чем мешает ему первый. Третьему, медлительному и слабому, тогда абсолютно нечего бояться, что он умрет с голода.

Он сможет наесться досыта несмотря на страх пред тем, что его идеалистическое «сознание» от этого сильно пострадает.

А. Тальгеймер.

Hermann Ellinghaus. Die Technik bei Karl Marx. Münster i W. Rechts- und Staatswissenschaftll. Fak. 1923. SS. 150.

Настоящая работа — по утверждению автора — вышла из семинария *Пленге* как одно из звеньев целого ряда исследований с точки зрения «организующего социализма». Этот «организующий социализм» по объяснению автора является не социализмом в общепринятом смысле марксизма с его «естественной необходимостью», — по учению материализма, — а представляет социализм в смысле «организации», *сознательного единства сознательных частей* (S. VII).

Критика эта должна быть положительной, т. е. она ставит существующее на надлежащее место там, где оно отсутствует у Маркса, должна заменять неправильное правильным, неверное верным (там же).

Эта программа автора несколько напоминает нам гораздо более старую и почтенную программу глубокомысленного Дон-Кихота Ламанчского, который также задался целью превращать несправедливое в справедливое, мстить за содеянное зло, защищать вдов и сирот.

Уже при своем первом выступлении наш автор делает открытие, глубокомыслие которого опять живо напоминает благородного рыцаря Ламанчского. Он делает открытие, что «техника древнее хозяйства» (S. 5). Но как же возможно употребление первобытных орудий без планомерного сотрудничества первобытных людей? Наш автор рисует следующую идиллическую картину тех времен, когда не было еще хозяйства, но была уже техника: «уже гораздо раньше, чем все действия для удовлетворения потребностей могут быть произведены вместе, в определенном порядке, — отдельные действия производятся в известном порядке. Первобытные народы, например, стоящие на очень низком уровне развития, которые не знают хозяйства, которым неизвестны еще запасы, сбережения, планомерное производство, умеют все же поддерживать огонь, пользуются надлежащим оружием, орудиями и оборудованием и действуют, тщательно соблюдая известные правила» (S. 5).

Несколькими строками далее наш автор открывает, что «хижина», или «сплетенный из ветвей шалаш» как ее исходный пункт, появилась только с возникновением земледелия. На странице 8 автор делает сходное с предыдущими открытие, что в «раннем хозяйстве» было только «случайное производство».

После обнаружения этих образчиков бросающегося в глаза невежества, мы вообще были склонны отказаться от дальнейшего обсуждения этой книги. Но когда мы вспомнили, что немецкий «специалист» должен быть совершенно невежествен в той области, которая всего ближе к его «специальности» или части его специальности, мы решили продолжать, чтобы посмотреть, не может ли этнологическое и культурно-историческое невежество автора быть компенсировано необыкновенными познаниями и проницательностью в области техники и ее истории.

И мы действительно видим, что наш автор утвердился на высоте своей «специальности», как на гордом Россинанте, и третирует бедного Маркса не хуже, чем Дон-Кихот своего оруженосца Санчо Панса. «Механистическая теория техники» невозможна для высокоразвитого капитализма, так как последний представляет «высоко развитую разумную систему, способную объединять силы» (S. 10). Здесь мы должны сознаться, что нам это кажется совершенно непонятным, но в этом мы, может быть, сами виноваты. — Об изобретениях и изобретателях у Маркса имеются лишь совершенно краткие заметки и то лишь в примечаниях (S. 15). Автор очевидно сожалеет об этом и считает это недостатком, совершенно не думая о том, что Маркс написал «Капитал», политическую экономию, а не историю изобретений и изобрета-

телей. Он превозносит влияние Фридриха Энгельса и его сотрудничество в области техники и естественных наук (S. 19). О Марксе же автор говорит: «Спрашивается, мог ли бы Маркс сам при его складе ума заниматься естественными науками»? (S. 24). Это глубокомысленное рассуждение, основывающееся исключительно на известном месте письма, в котором Маркс говорит о себе, что ему гораздо труднее дается все наглядное в технике, чем общая абстрактная сторона, совершенно праздно: ибо о постоянных занятиях Маркса техникой и естественными науками свидетельствуют не только его друзья, но и многочисленные составленные им конспекты.

Во II главе Марксу как школьнику ставится на вид, что он *не* рассматривал ряда технических вопросов. Мы ничего не находим у Маркса, — говорит автор, — о железном производстве (S. 30), военная техника не принята во внимание (там же), не рассмотрена техника добывания железа, также химия и строительное дело.

О строительном ремесле автор, например, говорит:

«Но особенные условия этого ремесла нигде не рассмотрены в «Капитале...» «именно в Лондоне в то время производились уже огромные работы инженерно-строительного искусства, которые могли бы навести на некоторые размышления» (S. 35).

Но Маркс, очевидно, не в этом видел свою задачу. То, что делает автор, представляет настоящую ученическую критику, самомнение которой прямо пропорционально ее теоретическому невежеству. Какое отношение имеют особые, технические «условия отдельных профессий» к изложению политической экономии? Маркс рассматривал *общие* технические основы капиталистической промышленности, и притом, не ради них самих, не изолированно, а лишь поскольку они влияют на *общественные* условия производства. И это Маркс сделал с необходимой для этой цели полнотой и точностью. Он не собирался писать трактата по технологии.

Ему точно так же незачем было давать описание «развития орудия труда, начиная от его первобытной формы», так как его задачей являлся анализ капиталистического способа хозяйства не как вечной категории, а как *особой* хозяйственной формы, ограниченной как в прошлом, так и в будущем.

Но что касается нашего автора, то мы с самого начала в *его* изложении истории орудий наталкиваемся на следующую премудрость:

«Орудиями первобытного охотника и первобытного рыболова, дровосека были такие орудия, которые они находили готовыми в природе соответственно своим целям для деятельности охотника, рыболова, дровосека, например, клиновидные камни, кремни и т. п., кости умерших или убитых животных, рыбьи скелеты и т. п.» (S. 38). Это открытие составляет достойное дополнение того открытия, что постройка домов и хижин началась только с земледелием.

Достаточно привести еще два образчика так называемой экономической критики, которой автор подвергает Маркса, чтобы мы могли распроститься со школой «организующего» социализма или «социализма действия», какою она выявилась в Вестфалии. Маркс, по словам автора, ничего не знает о финансовом капитале. Поэтому нам тем более интересно, что́ знает о нем наш автор. Знание его сводится к следующему:

«Он (Маркс) не видит того, что вне сферы промышленного предприятия и товарного капитала образование капитала возможно посредством сбережений и трудовых доходов и что из этих сбережений затем возникает финансовый капитал и что они могут служить для образования производственных организаций, как-то акционерных обществ и т. д. В конечном счете, в его теории нельзя себе представить, каким образом благодаря дальнейшему раз-

витию капитала возникает финансовый капитал. Она не достаточна для объяснения развития мелкого и среднего капитализма и совершенно не годится для объяснения развития крупного капитализма» (S. 63—64).

Всякий может убедиться из «Капитала», знал ли Маркс что-нибудь об акционерных обществах, «видел» ли он, что сбережения мелких производителей скопляются банковским или финансовым капиталом и т. д. Автору, очевидно, неизвестно о существовании книги, в основе которой лежит «Капитал», специально о «финансовом капитале», именно о книге Гильфердинга под этим заглавием. Поразительным в этой истории является то, что подобный вздор проходит через немецкий университет.

А. Тальгеймер.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

Eduard Lukas. Spekulation und Wirklichkeit im oekonomischen Marxismus (Eine Untersuchung zum Dogma der kapitalistischen Ausbeutung), 1922 SS 100.

Лукас является одним из учеников и последователей известного профессора Пленге, выставившего в свое время в книге «Marx und Hegel» положение, что экономическая теория Маркса представляет собою продукт привнесения умозрительно-абстрактной теории прибавочной стоимости в конкретную картину действительного капитализма. Развитию и обоснованию этого положения посвящена книжка Лукаса. В известной мере основная идея его книги противоположна основной идее новой книги проф. Грациадеи «Preis und Mehrpreis» (разбор которой мы даем отдельно). Если Грациадеи утверждает, что теория прибавочной стоимости совершенно независима от теории трудовой стоимости, то Лукас доказывает, что последняя построена Марксом исключительно в целях обоснования первой.

Лукас признает, что в основе марксовой теории лежит некоторый «реальный исходный пункт», взятый из реальной действительности. Маркс как бы дает моментальный фотографический снимок с капиталистического общества, показывающий, что в последнем существуют бок о бок класс лишенных средств производства и бедствующих рабочих и класс капиталистов, что из общей массы производимых продуктов первому классу достается только одна часть, а другая переходит в руки капиталистов. Этот факт воспринимается Марксом как «эксплоатация» рабочих капиталистами, и он ставит себе целью доказать, что доход капиталистов получается за счет рабочего класса. Моральное осуждение эксплоатации и требование ее уничтожения кажутся Марксу недостаточными и не достигающими цели. Он хочет дать не моральное, а экономическое обоснование теории эксплоатации, доказать, что вся стоимость продукта, включая и прибыль капиталиста, должна быть «экономически вменена» труду рабочих (SS. 12—13). Для этого следует доказать, что труд рабочих создает «экономическую форму существования» продукта, его меновую стоимость (S. 14). Таким образом, теория трудовой стоимости необходима Марксу для «экономического вменения» прибыли, или прибавочной стоимости, труду рабочих.

Но как можно построить теорию трудовой стоимости, которая на первый взгляд противоречит реальным явлениям капиталистического хозяйства? Для этого нужно доказать, 1) что закон трудовой стоимости обладает «всеобщею значимостью», т. е. господствует даже вне пределов капиталистического хозяйства, и 2) что он скрытым образом проявляется и в капиталистическом хозяйстве, подвергаясь только «внешним» и «несущественным модификациям» (S. 29). Маркс и избираег оба эти метода доказательства. Во-первых, он дает «абсолютную формулировку» закона трудовой стоимости, выводя его из абстрактного анализа акта обмена как такового и находя его подтверждение даже в хозяйстве Робинзона и в социалистическом обще-

стве, где товары также расцениваются в зависимости от затраченного на них труда (SS. 30—32). Во-вторых, Маркс дает «относительную формулировку» того же закона, как скрытой и конечной причины явлений капиталистического хозяйства. Два основных явления последнего на первый взгляд как бы противоречат закону трудовой стоимости: 1) из вновь созданной стоимости продукта только одна часть (заработная плата) отдается рабочему, другая же часть, прибыль, фактически не достается рабочему, т. е. экономически не вменяется его труду; 2) цены продуктов пропорциональны не трудовой стоимости, а ценам производства, т. е. издержкам производства плюс средняя прибыль присчитываемая пропорционально величине капитала и времени его приложения (SS. 24). Отсюда для Маркса возникают две теоретические задачи: 1) доказать, что разница между стоимостью продукта и заработною платою вполне объяснима с точки зрения теории трудовой стоимости, и 2) что цены производства представляют собою модификацию трудовой стоимости и могут быть выведены из последней. Первая задача решается Марксом в его теории стоимости рабочей силы и заработной платы, вторая — в теории цен производства. Таким образом Маркс путем диалектического развития своего абстрактного и чуждого действительности исходного пункта, трудовой стоимости, приходит к конечному пункту, к ценам производства, к реальным явлениям капиталистического хозяйства.

Наметивши, таким образом, тот гипотетический метод исследования, которому Маркс должен был бы, по мнению автора, следовать в том случае, если бы руководящею его целью было доказать «экономическое вменение» прибыли труду рабочих, Лукас после этого доказывает, что действительный ход исследования Маркса вполне совпадает с изложенным гипотетическим. Чтобы яснее доказать это, Лукас сперва рисует картину капиталистической «действительности в естественном свете», т. е. как она представляется непредубежденному наблюдателю, а после этого показывает марксову интерпретацию той же действительности при помощи привнесенной в нее «спекулятивной идеи прибавочной стоимости». В действительной жизни мы видим: потребительные стоимости, товары, деньги; средства производства, сберегающие труд и потому являющиеся капиталом; пропорциональность доходов с капитала времени его приложения; заработную плату, нижнею границею которой является физиологический минимум средств существования, а высшею — стоимость всего продукта; накопление капиталов и развитие производительных сил (SS. 38—48). Маркс эту же картину действительности интерпретирует с точки зрения своих умозрений. Потребительная стоимость игнорируется; меновая стоимость заранее и на основе абстрактных соображений о необходимости «мерила» отожествляется с трудом или рабочим временем; прибыль сводится к неоплаченному рабочему времени; накопление капитала — к накоплению прибавочной стоимости; цены производства искусственным путем выводятся из трудовой стоимости (SS. 54—66).

Доказав таким путем априорный, по его мнению, и спекулятивно-умозрительный характер построений Маркса, автор дополняет свое изложение краткою критикою марксовой теории стоимости, как в ее «абсолютной», так и «относительной» формулировке. Первая формулировка заключается в том, что Маркс, по совершенно неправильному мнению Лукаса, пытается обосновать закон трудовой стоимости для всякого хозяйства (не только товарного) необходимостью мерила для сравнения товаров. Лукас утверждает, что никакого предварительного мерила для обмена не требуется, что обмен совершается на основе «взаимодействия субъективных оценок» (S. 83). Что касается «относительной» формулировки, то здесь аргументация Лу-

каса не достаточно ясна. Он признает, что Марксу удалось вывести из закона трудовой стоимости целый ряд следствий, соответствующих явлениям капиталистической действительности и объясняющих даже те явления, которые на первый взгляд противоречат основному закону (прибыль и цены производства). Но, — утверждает Лукас, — этим доказана только возможность, но не необходимость марксовых построений. Маркс искусно вплел свои умозрительные конструкции в живую ткань капиталистической действительности и согласовал с нею, но тем не менее построения эти остались не «доказанными» (SS. 35, 51, 58, 68). Разобрав эти «заблуждения» марксовой теории, Лукас в заключение отмечает и содержащиеся в ней «истины»: рельефное описание соотношения между капиталистами и рабочими в процессе производства и распределения; описание процесса накопления капитала; отрицание наивного натурализма и т. п. (SS. 87—90).

Центр аргументации Лукаса заключается в том, что марксова теория представляет собою не более, как умозрительную «интерпретацию» действительности с точки зрения теории прибавочной стоимости. Конечно, учение Маркса, как и всякая абстрактная теория, ставящая себе целью не простое описание, а причинное объяснение явлений, представляет собою «интерпретацию», логическое обобщение действительности. В этом ее сильная, а не слабая сторона. Весь вопрос в том, соответствует ли данная логическая «интерпретация» реальным явлениям и дает ли она правильное их объяснение. На этот вопрос можно ответить утвердительно, если данная теория удовлетворяет следующим трем условиям: 1) если доказаны ее основные предпосылки, 2) если из них правильно сделаны дальнейшие выводы и 3) если последние согласуются с реальными явлениями и помогают объяснить их. Даже отсутствие первого условия еще не лишает данной теории значения рабочей гипотезы, подчас очень плодотворной и подтверждающейся дальнейшими успехами науки; с такими гипотезами мы часто встречаемся даже в точных науках, например, в физике.

Доказал ли Лукас, что марксова теория не удовлетворяет хотя бы одному из этих условий? Некоторую попытку такого доказательства он дает в применении к пункту 1-му в своей критике «абсолютной» формулировки теории стоимости. Но как раз эта часть работы Лукаса, другие части которой обнаруживают подчас ясное понимание связи идей — преимущественно формально-логической — в системе Маркса, основана на прямом недоразумении. Никакой «абсолютной» формулировки закона стоимости для всех обществ и времен у Маркса нет. Вопреки мнению Лукаса, Маркс в главе о товарном фетишизме не только не утверждает существования стоимости у Робинзона или в социалистическом обществе, а, наоборот, доказывает, что там распределение труда происходит вне и без формы стоимости продуктов труда. Доказательством основных предпосылок теории трудовой стоимости Марксу служит не анализ обмена, как такового, независимо от социальной формы хозяйства, а именно анализ производственных отношений товарного общества. Этим анализом теория Маркса удовлетворяет требованию пункта 1-го. Далее, Лукас сам признает, что выводы из марксовой теории, в частности, учение о ценах производства, соответствуют реальным явлениям капитализма, т. е. удовлетворяют пункту 3. Остается, наконец, вопрос о пункте 2, т. е. о правильности выведения дальнейших построений марксовой теории из ее основных предпосылок. Лукас признает возможность, но не необходимость этих построений. Однако, если основная предпосылка теории доказана, если из нее правильно сделаны выводы, и последние согласуются с реальною действительностью, такая научная теория вполне в праве претендовать на характер необходимости, конечно

не абсолютной, а относительной, т. е. присущей ей при данном состоянии науки.

Остается, наконец, утверждение Лукаса, что вся экономическая система Маркса построена исключительно с целью доказать теорию прибавочной стоимости, или «экономическое вменение» стоимости всего продукта труду рабочих. Прежде всего необходимо решительно отвергнуть истолкование теории прибавочной стоимости в смысле теорий вменения, столь излюбленных многими буржуазными экономистами. Постановка вопроса о вменении, недостаточно строго отделяющая объяснение явления от его оправдания или осуждения, чужда марксовой теории прибавочной стоимости, имеющей своею задачею чисто-теоретическое объяснение явлений. А если так, то нет ничего удивительного в том, что вся экономическая система Маркса построена так, как если бы она служила для доказательства теории прибавочной стоимости. Это объясняется внутреннею стройностью и единством системы, включающей в себя теории стоимости, прибавочной стоимости и цен производства, как внутренне связанные между собою. Эта тесная связанность всех частей системы дает возможность утверждать, что вся она построена, скажем, для доказательства теории трудовой стоимости и объяснения явлений, на первый взгляд ей противоречащих (так иногда ставит вопрос сам Маркс). Марксова экономическая система не является априорною, ибо исходный пункт ее заключается в анализе товарного хозяйства, а конечные выводы — как признает и сам Лукас — служат объяснению явлений капиталистического хозяйства.

И. Рубин.

Antonio Graziadei, Preis und Mehrpreis in der kapitalistischen Wirtschaft (Kritik der Marxschen Werttheorie). 1923. SS. 193.

Книжка профессора университета в Парме Антонио Грациадеи, видного деятеля итальянского рабочего движения, развивает идеи, защитником которых автор выступал в своих трудах еще четверть века тому назад. Автор, сторонник «критического» марксизма, разделяет политические и историко-социологические взгляды Маркса, но считает необходимым подвергнуть критическому пересмотру и внести крупные изменения в марксову экономическую теорию: он исправляет теорию концентрации капитала в применении к сельскому хозяйству и решительно отвергает теорию стоимости Маркса, как неправильную. Критике последней, как видно из подзаголовка, и посвящена настоящая книга. Необходимо, однако, заметить, что эта критическая часть занимает только около 20 страниц в начале и столько же в конце книги, в остальной же части автор излагает свою собственную теорию цен.

Сам автор разделил свою книгу на 12 глав, но мы для удобства обзора разделим ее по содержанию на следующие шесть частей: 1) теория стоимости и теория прибавочной стоимости; 2) стоимость; 3) историческая непрерывность явлений ценообразования; 4) реальный процесс ценообразования; 5) закономерность и равновесие в образовании цен и 6) прибавочный труд и прибавочная стоимость.

В первой части Грациадеи доказывает, что напрасно марксисты считают теорию трудовой стоимости необходимою основою теории прибавочной стоимости. На самом деле последняя совершенно независима от первой. Можно признать первую ошибочною, и все же остается бесспорным факт получения капиталистом нетрудового дохода в виде определенного прибавочного продукта, превращаемого им в деньги, т. е. в прибавочную стоимость (SS. 18—19). «Фундаментальный факт существования прибавочного труда»

и прибавочного продукта, свойственный всем обществам с классовым неравенством, остается бесспорным, независимо от «внешних форм меновой стоимости», принимаемых им в капиталистическом обществе (SS. 20—21).

Во второй части автор обосновывает необходимость отказа от теории трудовой стоимости тем, что она ошибочно усматривает в стоимости нечто как бы присущее самим вещам, в то время как на самом деле эта последняя есть «продукт суждений и действий людей» (SS. 22—23). Стоимость получается в результате психического акта сравнения полезности предмета с трудностью или издержками его добывания. Стоимость в простейшей своей форме есть акт индивидуально-психический, существующий и «вне действительного общества» (SS. 25—26). В обществе с развитым обменом этот акт сравнения делается более сложным: потребитель сравнивает полезность товара с его денежною ценою, а производитель — продажную цену с издержками производства (SS. 45—46).

Рассмотрев во второй части субъективную сторону стоимости, автор в следующих трех частях занимается объективною ее стороною, т. е. процессом образования цен, различая цены длительные (или нормальные) и кратковременные. Автор упрекает все существующие теории стоимости в игнорировании факта исторической непрерывности социальных явлений вообще и ценообразования в частности. Экономисты рассуждают так, как будто люди каждый день заново устанавливают на рынке цены, и потому ищут «первичных элементов» (труд, полезность и т. д.), определяющих цены (S. 54). На деле же реальный процесс ценообразования всегда исходит из наличного состояния цен и определяется последним. Нечего бояться обвинений в «порочном круге»; объяснение цен ценами вполне допустимо и подтверждается реальною действительностью. Так, при определении цены данного товара потребитель руководится прежде всего: 1) в применении к предметам потребления — прежними, обычными ценами на них, а также наличными ценами на предметы, могущие заменить данный товар; (SS. 60—72); 2) в применении к средствам производства — наличными ценами на продукты, изготовляемые при помощи этих средств, и вообще размерами дохода, получаемого при их помощи (SS. 72—73; в качестве примеров автор приводит: цены скаковых лошадей, определяемые величиною получаемых ими призов, колоссальные гонорары знаменитых певцов и актеров, даже цены дрессированных животных). Точно так же и производитель при установлении цен исходит из наличных цен на средства производства, в том числе и на рабочую силу.

Итак, реальный процесс ценообразования, в согласии с общим принципом исторической непрерывности социальных явлений, имеет своею основою и исходным пунктом наличное состояние цен. Однако в последнем наступают изменения, отличающиеся «не случайным, но закономерным характером» (S. 116) и подлежащие изучению. Закономерность этих колебаний цен объясняется именно тем, что они «происходят от индивидуальных суждений и действий, подчиненных определенным нормам» (SS. 117—118).

Приступая в пятой части к изучению этой закономерности и равновесия в образовании цен, Грациадеи исходит из известного положения математической школы о функциональной зависимости между определенною ценою, с одной стороны, и размерами спроса и предложения — с другой, причем безразлично, принять ли за исходный пункт цену или спрос и предложение (S. 121). Анализируя известные кривые спроса и предложения, автор приходит к выводу, что равновесие между ними при полном господстве конкуренции устанавливается при цене, равной издержкам производства плюс средняя прибыль (SS. 133—135). После этого автор подробно

рассматривает равновесие между спросом и предложением при устранении неограниченной конкуренции, а именно при полной или частичной монополии. В этих случаях цена устанавливается выше издержек производства плюс средняя прибыль.

В итоге автор приходит к выводу, что образование цен представляет собою сложный процесс, определяемый «суммою суждений о полезности и цене и совокупностью рыночных условий, являющихся причиною равновесия между спросом и предложением» (SS. 172—173). Цена и стоимость не могут быть сведены к труду. По той же причине и прибавочная стоимость не является только следствием прибавочного труда (S. 169). Прибавочный труд, при помощи средств производства, создает прибавочный продукт (SS. 169—170), но цена и стоимость этого прибавочного продукта, определяемая превышением продажной цены всего продукта над издержками его производства, зависит от всей совокупности рыночных условий, а не только от труда. Так, например, при введении монополии и повышении цен прибавочный труд рабочих не увеличивается, но прибыль капиталистов, их прибавочная стоимость, возрастает: они получают ее теперь не только за счет труда рабочих, но и за счет потребителей. Последний факт игнорируется марксовою теорией (S. 188), как и вообще ценообразование в условиях ограниченной конкуренции.

Книжка Грациадеи сама по себе служит очень ярким опровержением его основного тезиса о независимости теории прибавочной стоимости от теории трудовой стоимости. На деле автор приходит к отрицанию не только марксовой теории стоимости, но и теории прибавочной стоимости. От последней он сохраняет «теорию эксплоатации» в самом грубом виде, основанную на трудовой теории богатства, согласно которой труд создает продукт, но не его меновую стоимость. Задача же марксовой теории не в том, чтобы доказать факт эксплоатации, присущий всем обществам с неравенством классов, но в описании и объяснении именно той социальной формы капитала, наемного труда и прибавочной стоимости, которую этот факт принимает в капиталистическом обществе. Эти социальные формы эксплоатации представляют для Маркса подлинный предмет его исследования, а не «внешние, поверхностные формы», которые Грациадеи с легкостью отбрасывает.

Заменив прибавочную стоимость прибавочным продуктом, Грациадеи, естественно, не сумел построить мост от эксплоатации, понимаемой в «натуральном» смысле и лишенной ее «стоимостной» формы, к объяснению прибыли как денежного дохода. Точно так же, взяв за исходный пункт труд, создающий продукт, а не стоимость, автор не мог перейти отсюда к образованию цен и вынужден был построить теорию цен, амальгамированную из самых различных современных теорий. Во второй части книги автор исходит из идеи субъективной полезности, чтобы в третьей и четвертой частях подчинить весь процесс индивидуальной оценки наличному состоянию цен, т. е. объективному общественному факту, который именно и нуждается в объяснении. Эта «историческая непрерывность», которой автор придает такое большое значение, годится для опровержения теории субъективной полезности, но не объясняет самого главного: закономерных изменений в наличных ценах. Автор сам признает это и потому дополняет свое учение об исторической непрерывности учением об изменениях и равновесии цен. В этой части он принимает за основу положения математической школы, но при этом незаметно — и по нашему мнению вполне правильно — сводит равновесие при системе конкуренции к цене, равной издержкам производства плюс средняя прибыль. Вместо функциональной взаимозависимости цены, с одной стороны, и размеров спроса и предложения — с другой, по-

лучается зависимость размера последних от «нормальной цены», т. е. теория издержек производства. Можно, следовательно, сказать, что различные теории, привлекаемые автором для построения теории цены, не подкрепляют и дополняют, но последовательно отрицают друг друга. Учение о субъективной полезности (Грациадеи подчеркивает, что стоимость создается не одним лишь констатированием полезности, а сравнением полезности с издержками, но на этом же строит свое учение крайний сторонник субъективной теории Лифман), изложенное им во второй части, опровергается учением об «исторической непрерывности»; последнее в свою очередь опровергается констатированием закономерных изменений в ценах, которые автор подчиняет закону равновесия, формулированному математическою школою, и, наконец, последний закон преобразовывается таким образом, что превращается в теорию издержек производства. Последняя же, помимо того, что она не может выйти из порочного круга, даже не пытается объяснить существенный элемент цены — среднюю прибыль. Последнюю Грациадеи принимает за данную, нигде не намекая на возможность определения ее уровня.

В общем надо признать, что книжка Грациадеи, носмотря на большие претензии автора, не представляет ни малейшей научной ценности.

И. Рубин.

Waton H. The Marxist Introduction and aid to the study of «Capital». New-York 1925.
Parkinson H. From capitalism to freedom. London 1925.
Emmett W. The Marxian economic handbook and glossary. London 1925.

Как известно, английская марксистская литература очень бедна не только самостоятельными научными исследованиями, но даже популярными изложениями марксовой теории. В последние годы интерес к марксизму усилился в странах, говорящих на английском языке. Этим отчасти можно объяснить почти одновременное появление в 1925 году трех перечисленных книг, авторы которых считают себя марксистами и ставят себе целью дать популярное изложение экономической теории Маркса. К сожалению, эта цель, поставленная себе авторами, не может считаться выполненною. Поскольку авторы не ограничиваются буквальным воспроизведением текста Маркса, они дают неправильное изложение марксовой системы, отчасти потому, что ложно ее понимают, отчасти потому, что в некоторых пунктах они хотят соединить теорию Маркса с чуждыми ей социологическими и психологическими учениями (Спенсера и других).

Первый из перечисленных авторов, Уотон, развил в Нью-Йорке энергичную деятельность в качестве руководителя основанного им «Института воспитания рабочих» (The Workers Educational Institute) и редактора журнала «Marxist». Общую характеристику деятельности и идей Уотона читатель найдет в журнале «Архив Института К. Маркса и Ф. Энгельса» (№ 3, статья И. Луппола).

Здесь мы ограничимся только работою Уотона, посвященною изложению «Капитала» Маркса. Эта работа под названием «Introduction and aid to the study of Capital» (Введение и пособие к изучению «Капитала») помещена в двух первых номерах журнала «The Marxist». В первом номере (pp. 1—104) дается изложение 1-й главы первого тома «Капитала», т. е. марксовой теории стоимости; во втором номере (pp. 117—163) изложение 2-й и 3-й глав «Капитала», т. е. глав об обмене и деньгах. Автор приводит цитаты из Маркса и разъясняет мысль Маркса, отчасти при помощи сопоставления ее с другими цитатами из Маркса же, отчасти при помощи собственных рассуждений. Нельзя сказать, чтобы это изложение было равномерное. Например, ссылка

Маркса на английского писателя Jacob' а по вопросу о стоимости золота подробно комментируется; а на-ряду с этим автор обходит молчанием все формы стоимости, кроме простой, на том основании, что именно понимание последней представляет особые трудности.

Поскольку автор отступает от буквальной передачи мысли Маркса, его собственные рассуждения сводятся к логическим и психологическим аналогиям и объяснениям, нередко вводящим в заблуждение. Например, на вопрос, почему эквивалентная форма стоимости не заключает в себе количественной определенности, автор, со ссылкою на Спенсера, отвечает: «Эта особенность уравнения (двух товаров) вытекает из самой природы человеческой мысли, которая по существу своему имеет относительный характер» (р. 63). Спенсер доказал, что мы «можем думать об одной вещи лишь в терминах другой вещи» (р. 63); последняя же остается для нас неизвестною. Поэтому и стоимость холста мы можем выразить лишь «относительно», т. е. в другой вещи (например в сюртуке), стоимость которой при этом не находит своего выражения.

Не надо долго доказывать, что ссылка на «относительность» человеческого познания недостаточна для объяснения «относительной» формы стоимости. Само собою понятно, что стоимость холста должна быть выражена «относительно», т. е. в другом объекте. Но почему же она выражается в другой потребительной стоимости (например, в сюртуке), а не непосредственно в определенном числе часов общественного труда (например, в 10-часовом труде)? Ведь и в последнем случае стоимость продукта была бы выражена «относительно», а именно в отношении к общественному рабочему времени. Почему же эта «истинная относительность» (как выражается Маркс в примечании № 36 в первой главе «Капитала») не находит своего выражения в товарном хозяйстве? Ответ на этот вопрос может дать только анализ особенностей товарного хозяйства, а отнюдь не ссылка на «относительность» человеческого познания.

Еще ярче проявляется та же тенденция к превращению исторических законов в надъисторические в центральном пункте теории стоимости, в вопросе об обосновании закона трудовой стоимости. Уотон видит в этом законе не более как частный случай всеобщего «закона эквивалентности», которому подчинена вся природа и в частности весь органический мир. «С этой точки зрения закон стоимости, закон эквивалентности в обмене товаров находится в гармонии с универсальным законом эквивалентности в природе... Закон стоимости есть закон эквивалентности, закон природы, а не закон общества» (р. 82).

Та же склонность ссылаться на всеобщие законы природы для объяснения закона стоимости замечается у второго из перечисленных авторов, Паркинсона. Книга его напечатана в Лондоне, но под предисловием автора помечен город Сидней (Австралия). Книга Паркинсона носит характер более самостоятельного изложения, по сравнению с работою Уотона. В отличие от Уотона, автор не следует порядку изложения, принятому в «Капитале», а начинает свою книгу с очерка эволюции промышленности. После этого он дает краткое изложение марксовой теории стоимости и прибавочной стоимости, а последнюю часть книги посвящает рассуждениям на темы о «философии капитализма», этическом обосновании социализма, психологических его предпосылках и т. п. Автор объявляет себя последователем Маркса (р. 12), оговариваясь, впрочем, что он хотел бы придать своей работе характер более или менее самостоятельного исследования. Эта самостоятельность, однако, проявляется преимущественно в соединении системы Маркса с некоторыми идеями, совершенно чуждыми ей. Так, на стр. 16

автор, прежде чем приступить к изложению законов эволюции промышленности, преподносит известные законы дифференциации и интеграции, развитые Спенсером. Та же тенденция сведения экономических законов к механическим, биологическим или психологическим законам проявляется с наибольшею яркостью, — как и у Уотона, — в обосновании теории стоимости. Автор сочувственно цитирует слова известного американского экономиста Веблена, который говорит, что для Маркса закон трудовой стоимости — самоочевидная истина, недоступная доказательству (стр. 61), вывод из взгляда на жизненный процесс, как на затрату материальной энергии, труда. Поэтому стоимость рассматривается автором как надъисторическая категория, в то время как меновая стоимость является категорией исторической.

Третий автор, Эмметт (книга его издана в Лондоне, но под предисловием помечен город Сидней), ближе других держится к тексту Маркса. В сущности вся его книга в 350 страниц представляет собою не что иное, как изложение I тома «Капитала» Маркса, с расположением отделов в том же порядке, в каком они расположены у Маркса. В большинстве случаев автор буквально воспроизводит текст Маркса, опуская отдельные его выражения и поясняя трудные места. Таким образом, книга представляет собою нечто вроде вольного перевода I тома «Капитала». Необходимость издания своей книги автор отчасти мотивирует именно тем, что английский перевод «Капитала» неточно передает мысль Маркса и не может служить надежным пособием для его изучения. Нельзя, однако, сказать, чтобы в наиболее трудных и запутанных пунктах изложение Эмметта давало правильное представление о мысли Маркса. Так, например, в I главе «Капитала», в разделе о товарном фетишизме, второй абзац начинается словами: «Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он *содержанием определений стоимости*». Эмметт перевел последнюю фразу словами: «Также не порождается он одним из обоих факторов стоимости товара» (р. 79). Как видно из дальнейшего изложения Эмметта, он имеет здесь в виду «качественный фактор» и «количественный фактор» стоимости, — термины, отсутствующие у Маркса и вряд ли делающие изложение более понятным для читателя.

В конце книги Эмметт дает несколько небольших приложений (pp. 333—345). Одно из них (напечатанное Эмметтом раньше в журнале «People», выходящем в Сиднее) посвящено разбору терминов «стоимость» и «меновая стоимость» у Маркса. В этом маленьком очерке на 8 страницах Эмметт делает не мало ошибок. Он правильно возражает против отожествления обоих этих терминов; он правильно указывает, что в «Критике политической экономии» эти термины имеют иной смысл, чем в «Капитале». Но он ошибочно утверждает, что «в «Капитале» смысл и значение обоих этих терминов — «стоимость» и «меновая стоимость» — как раз противоположны смыслу их в «Критике». То, что в «Критике» Маркс называл меновою стоимостью, он в «Капитале» называет стоимостью; а то, что он называл стоимостью, он впоследствии будто бы называл меновой стоимостью (pp. 335—336). Насколько верна первая половина этой фразы, настолько ложна последняя. Неверно, что в «Капитале» Маркс называет меновой стоимостью то, что в «Критике» носит название стоимости. Эмметт на стр. 337—340 приводит множество цитат, в которых термин «меновая стоимость», употреблявшийся в «Критике», заменен впоследствии в «Капитале» термином «стоимость». Но он не приводит и не может, конечно, привести ни одного примера замены термина «стоимость» термином «меновая стоимость».

Поскольку книга Эмметта воспроизводит почти буквально текст Маркса, она, надо надеяться, принесет некоторую пользу в деле ознакомления англо-американских читателей с «Капиталом» Маркса. Поскольку же автор пытается объяснять Маркса, он не может служить надежным спутником для изучения экономической теории Маркса. Значительно хуже обстоит дело с работами Уотона и Паркинсона, которые дают читателю совершенно ложное представление о марксовой теории стоимости.

И. Рубин.

Odenbreit, Die vergleichende Wirtschaftstheorie bei Karl. Marx 1919. SS. 96.

Настоящая книжка представляет собою первый выпуск серии, издаваемой проф. Пленге под заглавием «Staatswissenschaftliche Beiträge». Являясь сторонником идей христианского социализма, Пленге уделяет значительное внимание Марксу, ставя себе целью выяснить как «отрицательные», «так и «положительные» стороны его теорий. К числу последних Пленге относит усиленное подчеркивание Марксом «исторического» характера капиталистической формы хозяйства, который с особенною яркостью выявляется путем сравнения этой формы хозяйства с другими, предшествовавшими ей. Пленге относит Маркса, на-ряду с Аристотелем, Адамом Смитом, Листом и Бруно Гильдебрандом, к числу основоположников сравнительно-исторического изучения хозяйства. Работа Оденбрейта, одного из учеников проф. Пленге, ставит себе задачей проследить основные идеи Маркса, относящиеся к сравнительному изучению хозяйства.

В краткой первой части автор рядом цитат из Маркса доказывает «историзм» учения Маркса, который усиленно подчеркивает исторически преходящий и социальный характер объекта политической экономии.

Переходя к изложению основной темы, автор, по примеру Пленге, делит основные проблемы сравнительно-исторической теории хозяйства на «линнееву проблему» (по имени Линнея) и «дарвинову проблему». Первая касается *классификации* различных исторических форм хозяйства, вторая— *законов их развития*. На вопрос о том, что Маркс кладет в основу классификации разных форм хозяйства, автор отвечает, что такую основу деления Маркс усматривает в общественных производственных, в частности имущественных отношениях (SS. 16—17). В этой классификации форм хозяйства с точки зрения «отношения собственников средств производства к непосредственным производителям» автор усматривает величайшую заслугу Маркса в области сравнительной теории хозяйства (S. 91). Технике же хозяйства, как и формам классовой борьбы, Маркс, по мнению автора, отводит (с точки зрения классификации или «линнеевой проблемы») только роль вспомогательного, эвристического принципа (SS. 18—19), что не мешает им занимать одно из центральных мест в «дарвиновой проблеме», т. е. в учении Маркса о развитии хозяйства.

Переходя к вопросу о том, какие же именно исторические формы хозяйства Маркс отмечает, автор полагает, что Маркс чаще всего различал, пользуясь общеисторическою классификациею Гегеля, следующие типы хозяйств: азиатский, античный, феодальный и капиталистический (SS. 21—24). Из них первые три формы затрагивались Марксом только мимоходом, для сравнения, почему мы и не находим у него ни подробного их анализа, ни истории их появления. Подробно Маркс останавливается на капиталистической форме, анализируя характер и историческое развитие трех ее ступеней: кооперации, мануфактуры и фабрики.

Вторая основная проблема, «дарвинова», совпадает с теорией исторического материализма. В последней автор различает две части: учение о

зависимости изменений организации труда от развития средств производства и учение о классовой борьбе, как активном двигателе общественного развития. Первое учение иллюстрируется Марксом на целом ряде исторических фактов, с наибольшею подробностью опять-таки на примере разных фаз капитализма: кооперации, мануфактуры и фабрики. Здесь Маркс тщательно прослеживает влияние технического разделения труда, в частности введения машин, на социальные формы организации труда. Что же касается учения о классовой борьбе-то здесь, по мнению Оденбрейта, Маркс не пошел дальше общих соображений: он не дал анализа разных исторических форм классовой борьбы и не показал роли ее в возникновении и развитии разных форм хозяйства (S. 90). Общий вывод автора гласит, что Маркс «признал основою экономической науки метод сравнительной теории хозяйства, но не имел времени для исчерпывающих исследований в этой области. За ним остается прочная заслуга в этой области: соединение истории с теорией» (S. 91).

Книга Оденбрейта представляет собою не самостоятельное критическое исследование, а подбор цитат и мест из Маркса в систематическом порядке, по ряду интересующих автора вопросов, относящихся к области сравнительно-исторического изучения хозяйства. Характеризуя позицию Маркса в данном вопросе рядом цитат из его сочинений, автор ограничивается обычно указанием, в какой мере данный вопрос получил у Маркса освещение, иногда присоединяя еще без подробной мотивировки несколько критических замечаний. Там, где автору приходится мимоходом касаться вопросов теоретического характера, он иногда впадает в ошибки. Для примера укажем понимание «способа производства», как чисто-технической категории (S. 9), отрицание исторического характера за марксовою теорией стоимости и прибавочной стоимости (SS. 41, 44, 90), упрощенное понимание зависимости между техническим и социальным разделением труда (S. 58) и т. п. Но значение книги Оденбрейта не в его мимоходом сделанных теоретических замечаниях, а в систематическом подборе соображений Маркса по вопросам сравнительного изучения хозяйства. В этом отношении книга может принести пользу, представляя наибольший интерес в части, касающейся «линнеевой проблемы». Слабее обработана вторая часть, относящаяся к «дарвиновой проблеме». Кроме основных вопросов, автор мимоходом дает подбор цитат из Маркса по ряду частных вопросов, близких к теме, например, о соотношении между господствующими в данную эпоху и отживающими типами производственных отношений (S. 13), о соотношении между городом и деревнею (S. 42), о применении исторического материализма к эволюции военного дела (S. 77) и др. Не давая по существу ничего существенно нового, книга Оденбрейта, благодаря систематическому расположению материала, может оказаться полезным пособием при изучении Маркса.

И. Рубин.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Wilhelm Koppen, Jacob Venedey. Ein Beitrag zur Geschichte des demokratischen Gedankens in Deutschland, Frankfurt a. M. Philosoph Fak. 1922 (1924) SS. 235.

Эта монография, первая о Венедее, содержит по существу мало нового в сравнении с предыдущими исследованиями. Автор не изучал ни архивных документов, ни других неиспользованных до сих пор источников. Не считая многих деталей, биографическая часть не дает больше статьи Виппермана в Allgemeine Deutsche Biographie (Bd. 39, S. 600 ff). Более подробно разобрана революционная деятельность отца, Михеля Венедея, во время французской оккупации Рейнской провинции, и его влияние на сына. Очень подробно и односторонне описаны также отношения Венедея к Бёрне и Гейне. В остальном работа представляет очень содержательный обзор 44 больших и меньших статей Венедея, появившихся в печати. Из нее можно составить себе яркую картину истории развития этого человека, стоявшего у колыбели и у могилы немецкого мелкобуржуазного либерализма. Особенно полно описана деятельность Венедея в революционный период в качестве члена Франкфуртского национального собрания и Комитета пятидесяти («Fünfzigerausschuss»).

Зато очень односторонне описан самый важный для нас период — революционная деятельность молодого Венедея в 30-х годах, его участие в тайных обществах молодых эмигрантов. По мнению Коппена причиной этой «демократической фразеологии», или «пошлого памфлетистского стиля», являются эти «тайные кружки», эта «подпольная работа». Для автора настоящий герой «демократической мысли» начинается только с «Джона Гемпдена», с учения о легальном сопротивлении. О предшествующем времени Коппен говорит лишь как об ошибках молодости.

Тем не менее, благодаря соединению разбросанного в различных статьях и некрологах материала о Венедее, получается довольно цельная и интересная картина этого периода, несмотря на ее односторонность.

Политическая деятельность Венедея начинается со времени рабочих беспорядков в Аахене и Кельне, явившихся эпилогом июльской революции в августовские дни 1830 г. В Аахене они были направлены главным образом против многих фабрикантов, которые стали ненавистны благодаря введению новых сберегающих труд машин и понижению заработной платы, и носили поэтому социальный характер. В Кельне было также несколько нападений, которые быстро были рассеяны немедленно образовавшейся гражданской милицией, в которой принял участие также и Венедей (SS. 23—24). В 1831 г. Венедей выпустил «Дело о происходившем 30 августа мятеже», разбиравшееся ассизным судом в Кельне, вызвавшее неодобрение прусских властей, так как Венедей, настроенный хотя и против рабочих, не пощадил также и правительства. Он был вызван в суд для вторичного военного освидетельствования, хотя он уже прежде был признан негодным

к военной службе. Этим способом правительство, очевидно, имело намерение заставить его замолчать. Венедей бежал из Кельна и через Гейдельберг отправился в Маннгейм, чтобы принять участие в редактировании руководимого Францом Штромейером «Wächter am Rhein»,. Напечатанные в этой газете статьи его составляют основу появившейся в 1839 г. книги его «Пруссия и пруссачество» (S. 25). Благодаря своим встречам с радикалами, главным образом с Виртом и Зибенпфейффером он все больше стал склоняться к политическому радикализму, достигшему апогея своего развития на гамбахском празднестве. Он и Раушенплатт были назначены Комитетом действия эмиссарами и через Франкфурт отправились в Бибрих, Марбург, Кассель и Гёттинген для агитации за идеалы гамбахского празднества, устройство тайных кружков и пр. (S. 28). По своем возвращении в Маннгейм он стал редактором «Wächter am Rhein», но уже через несколько дней был арестован. Побег его из тюрьмы известен. Он отправился в Страсбург, где встретил многих немецких и польских эмигрантов, которые заботились главным образом о распространении революционных летучих листков в Германии. Высланный оттуда весной 1833 г., он отправился в Нанси, где стал председателем политического союза. Вскоре после этого он переехал в Париж. Здесь немецкие ремесленники уже в 1832 г. объединились, образовав «Немецкий демократический союз», который не имел еще подпольного характера и ограничивался в своей деятельности лишь распространением среди своих членов революционной литературы. Особенно выделялись литографы Мушани и Гольдшмидт. Вербовка людей для поездки в Германию началась лишь осенью 1833 г., следовательно уже после прибытия вождей из Германии, до этого же времени в интересах союза работал один только Бёрне. Было выпущено три послания, которые эмиссары должны были распространить в Германии. Союз был силен. Отправлявшиеся в то время в Париж немецкие ремесленные подмастерья по большей части принадлежали к союзу и число его членов доходило до 500—600. Первоначально в союз входили также поляки и французы, но вскоре он стал придерживаться национального принципа. Руководство тремя отделениями союза находилось в руках распорядительного комитета, который после выборов 1 ноября состоял из 8 лиц, в том числе Венедея и д-р Т. Шустера. Отделения имелись в Страсбурге, Мюльгаузене, Лионе, Нанси и Понтарлье. С Германией поддерживалась оживленная корреспонденция, особенно с Майнцом и Франкфуртом-н/М. Немецкие правительства считали этот союз довольно важным, и они стали следить за ним через своих парижских представителей. Так, прусский профессор Клапрот, сделавшись эмиссаром, пытался получить подробные сведения о деятельности союза, а резидент вольных городов фон-Румпф, по требованию сената раздобыл себе протоколы, из которых, впрочем, можно было очень немногое узнать. В союзе не было прочной организации и прежде всего денежных средств. Когда после мятежа 1834 г. французское правительство приняло в Париже строгие меры против союзов, то распался и «немецкий демократический союз», некоторые члены которого принимали даже участие в уличных боях.

Было организовано тайное общество, которое должно было заменить «немецкий демократический союз». При этом Венедей играл главную роль, он был франкмасоном и другом Буонарроти. К тому же он уже в студенческих корпорациях и при ограничении печати в Германии пошел по пути тайных обществ. Нужно признать, что статуты основанного тогда «союза отверженных» в значительной мере приводят к нему. Союз распространился также и в Германии, особенно в Маннгейме. Он ставил себе целью «освобождение и возрождение Германии, осуществление принципов, лежащих в ос-

нове декларации прав человека и гражданина... установление и сохранение социального и политического равенства, свободы, гражданской добродетели и народного единства, сперва в странах с немецким языком и немецкими обычаями, а затем и у всех других народов земного шара». При этом, конечно, старались внушить симпатии к союзу и рабочих выставлением насущных требований о сокращении рабочего времени, повышении жизненного уровня, ссылаясь на идеи сен-симонизма и фурьеризма.

Вскоре стала чувствоваться необходимость в печатном органе и в то же самое время в регулярном снабжении представителей отделений материалами для их пропаганды. Так возник «Отверженный» («Der Geächtete»), который начал выходить под редакцией Венедея в конце июля 1834 г. вместо предполагавшегося им «Филантропа». Утверждение, что Гейне оказал решающее влияние на этот ежемесячный журнал, не особенно убедительно. Но Бёрне, связанный с Венедеем узами дружбы, принимал деятельное участие в журнале, точно так же в нем работали Шпацир и студенты Ригер и Тракель, позднее же д-р Шустер. Передовые статьи составлял сам Венедей. Своей газете он дал лозунг: «Избави нас от лукавого, аминь!», и объяснил это в введении тем, что под «лукавым» надо понимать все зло, которое причиняют власть имущие страждущему человечеству. Он обращается к бедным и несчастным. Успех журнала далеко не соответствовал возлагавшимся на него надеждам. Добровольные пожертвования почти не поступали; цена в 1 или $1^1/_2$ франка за номер также мешала его распространению. В Страсбурге расходилось всего 5 экземпляров, в Цюрихе 2 экземпляра, и Зибенпфейффер, которого Венедей просил о содействии, также мог очень мало сделать для распространения журнала. Так, например, фон-Румпф также пишет в феврале 1835 г., что никто больше не читает «G». («Geächtete»). Венедей сам жил, сильно нуждаясь, в жалкой мансарде на Rue Richelieu в Монмартре. «Союз отверженных» уже вскоре после своего основания стал разлагаться. Когда увеличен был членский взнос, третья часть, 240 членов, выступила из него. Венедей, впрочем, только в первый год его существования пользовался влиянием на журнал. Его статьи, затрагивавшие также и социальный вопрос, были писаны под влиянием Бёрне и Ламмене. Разрыв с Т. Шустером подробно изложен в «Истории германской социал-демократии» Меринга (ср. также. H. Schmidt, Ein Beitrag zur Geschichte des «Bundes der Geächteten», Neue Zeit, XVI, I., S. 150 ff). По возвращении Венедея в октябре 1835 г. из Гавра, куда он был выслан (благодаря своим связям с Тьером Гейне тогда добился того, что Венедей не был окончательно выслан), он занимал уже подчиненное положение в «Отверженном». Шустер писал передовые статьи, которые эльзасец Раух подписывал как редактор. Венедей поддерживал лишь прежнюю связь с Бёрне: на Rue Richelieu каждое воскресенье собирались члены «центра», и затем о результатах совещаний Венедей отдавал тогда отчет Бёрне, который заведывал суммами для печатания «Отверженного» (S. 45). «Хотя Бёрне и сам питал некоторое отвращение к тайным обществам, тем не менее только его авторитет, главным образом, оберегал союз от окончательного упадка». Союз раскололся только после смерти Бёрне, на могиле которого Венедей произнес политическую речь, вызвавшую вторичную его высылку. Он совершил тогда поездку через Нормандию и в конце 1838 г. опять вернулся в Париж и выполнил тогда свое давнишнее намерение, которое было у него еще тогда, когда он состоял редактором «Wächter am Rhein»: повести борьбу против Пруссии, которой он приписывал всю вину за состояние Германии. Таким образом в 1839 г. появилась его книга «Пруссия и пруссачество», которая произвела большую сенсацию во всей

Германии и оказала огромное влияние на молодые умы, между прочим на Энгельса (Engels, Schriften der Frühzeit, Berlin 1920, S. 83). Это было последним революционным актом Венедея. Вскоре после этого он отошел от революционных организаций своих соотечественников, увлеченный событиями на путь патриотизма. Он вступил в борьбу с основанным весной 1840 г. «Союзом немцев», который стремился к насильственному ниспровержению существующих в Германии правительств, и с этой целью считал необходимым тайное народное вооружение и военное образование (SS. 67—68). С особенной ненавистью он стал относиться к коммунизму, который получал все более широкое распространение в кружках эмигрантов. В 1840—1842 гг. в Венедее совершался переход от революционного мелкобуржуазного радикализма — дальше которого он никогда не шел, сколько бы ни возмущала Коппена эта характеристика, данная Рингом — к «Джону Гемпдену», т. е. к учению о легальном сопротивлении. Когда в 1842 г. в деле майнцского суда исправительной полиции, возбужденном против «отверженных», было названо также и его имя, он 24 ноября 1842 г. написал известное письмо в редакцию «Рейнской газеты» (напечатанное в № 332 от 28 ноября, целиком перепечатанное в Hansen, Rhein. Briefe und Akten, Bd. I, SS. 386—387), в котором он отрицает всякое отношение к этому союзу в данное время. С мая 1842 г. он входил в клуб литераторов, собиравшийся в Café de la Banque. В сентябре этого года клуб решил созвать собрание писателей, в числе которых были Венедей, Обермюллер и Рохау, связанный с Венедеем узами тесной дружбы; решено было основать общество «с умеренными принципами», которое прежде всего должно было объединить литераторов и образованных ремесленников. Но это объединение имело принудительный характер и лишь позднее оно развилось в «Немецкий отечественный союз», «вызвавший к жизни» парижский «Vorwärts» (S. 69).

Прежде чем закончить наш разбор, мы хотели бы указать еще на одну сторону деятельности Венедея из периода, предшествовавшего «Джону Гемпдену», а именно на его сотрудничество в «Летописях» (Jahrbücher) Руге, о котором Коппену, очевидно, ничего не известно. В архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве имеется в подлинниках 8 писем Венедея к Арнольду Руге за 1842 г., которые свидетельствуют о тогдашних политических взглядах их автора. В конце 1841 г. Венедей послал Руге свою статью о Макиавелли (появилась в «Немецких летописях» № 27—32 от 2—8 февраля 1842 г. за подписью J. V.), а 1 января, не дождавшись ответа на первую посылку, послал ему небольшую статью. В письме от 1 февраля он просит подписать его статьи именем Генриха Марка и обещает прислать в ближайшее время кое-что о научной жизни и деятельности в Страсбурге, а когда затем в феврале у Руге началась жестокая борьба с цензурой, Венедей 24 марта советовал ему «вести легальную борьбу с несправедливостью. Легальная оппозиция есть единственное, что подобает немцу; это самое лучшее, самое смелое, самое действительное средство, это то средство, которое безошибочно ведет к цели, а не терпит поражения, как мятеж, не бьет мимо цели, как революция». 14 апреля он посылает Руге свою статью о Луи Блане (появилась в № 140—142 от 14—16 июня и в № 201—205 от 25—29 августа за подписью Генрих Марк) и обещает извлечения из своей книги о «Гемпдене», которую он предложил для издания О. Виганду. «Напишите мне поскорее и подробнее и примите во внимание, что я с положением Германии знаком только из газет. Вы и мои друзья виноваты в том, что я французским и английским газетам очень редко что-нибудь уделяю». Руге, вероятно, отвечал на эти письма в раздраженном тоне, указывая, что статьи Венедея

слишком тенденциозно подобраны, что в Германии вообще нет законов, а следовательно, не может быть и легальной оппозиции; в ответ на это Венедей писал, что есть «тысяча легальных путей, которые мы можем избрать, если мы только сделаем попытку пойти по этим путям легально»... «Если бы я мог, не скомпрометировав себя, вернуться в Германию, я бы предложил Вам себя временно на смену. Оставьте дело на месяц, два, передайте его другу, отдохните немного, чтобы немного привести в порядок расстроенные цензурой нервы» [1].

Интерес могло бы представлять также отношение Венедея к парижскому «Vorwärts'у» и к «Deutsch-Französische Jahrbücher». Коппену известно только, что он летом 1844 г. вернулся в Париж, но уже в декабре предпринял путешествие на юг Франции. Эти даты не вполне точны. Письмо Гервега к Венедею от 6 марта 1844 (оригинал хранится в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса) доказывает, что Венедей уже в начале марта находился в Париже и как старый корпорант был введен Гервегом в кружок «Deutsch-Französische Jahrbücher». В кратком письме говорится: «Дорогой Венедей! Я жду тебя и Рохау завтра вечером и пригласил также Руге и Маркса. Jahrbücher (Летописи) ты можешь взять у меня, если ты еще не видал их. Твой Гервег». — При его враждебном отношении к коммунизму он должен был отрицательно относиться к «Jahrbücher». Подробности Коппену не известны. Но Коппен и не мог бы объективно судить об этом отношении, потому что под марксизмом он подразумевает те «бесцветные теории» Маркса, в основе которых лежала духовная и физическая нищета пролетариата в Англии (S. 76). Зато он подробно говорит об учреждениях, которым Венедей в своих путевых очерках приписывает «германское происхождение». Ввиду этого нечего удивляться, что автор обходит молчанием всякую критику колеблющегося поведения героя Франкфуртского парламента со стороны «Новой рейнской газеты», как «ненавистную».

Ф. Шиллер.

Wilhelm Becker, Die Presse des deutschen «wahren» Sozialismus in der Bewegung der 40-er Jahre. Bonn, Philosoph. Fak., 1920, SS. 185 и 36.

В этой работе, написанной по инициативе профессора д-ра И. Ганзена в Кельне, автор делает попытку определить социалистическое направление, господствовавшее в Рейнской провинции в домартовскую эпоху и в «бурном» году. Прежние работы Койгена, Гаммахера, Меринга и других хотя и внесли ценный вклад по этому вопросу, но они не могли в достаточной мере использовать очень важный источник — публицистику; для этого предварительно следовало изучить и разработать огромный материал, что требовало массу кропотливого труда. Настоящая работа в этом смысле заполняет существовавший до сих пор пробел. Но ошибочно было бы рассматривать все ежедневные газеты, журналы, летописи и т. д. «истинного» социализма как «прессу» — как это делает автор. Такой орган, как «Трирская газета» с ее системой шифров, с ее огромным числом постоянно сменяющихся корреспондентов, с ее вмешательством в актуальную повседневную политику, должна была, естественно, иметь совершенно другой характер, чем, например, пюттмановский «Рейнский ежегодник» или «Deutsches Bürgerbuch» с ясно выраженной и последовательной тенденцией

[1] В №№ 231—232 «Deutsche Jahrbücher» за 28—29 сент. 1842 г. Венедей напечатал еще статью «Eine Geschichte Deutschlands fürs Volk, bearbeitet von Heinrich Mark in Paris». Из «Hampden» в «Jahrbücher» (Летописях) ничего не было перепечатано. Виганд точно так же отказался от издания книги; она появилась лишь в 1843 г. в Констанце.

и теоретическим научным содержанием. Эти два различных вида «прессы» «истинного» социализма должны быть рассмотрены каждый в отдельности. И в практическом осуществлении своей темы автор был принужден пойти по этому пути.

Беккер ставит себе задачу дать картину «немецкого» социализма 40-х годов и исправить взгляд Меринга, согласно которому «французский социализм» Маркса, перелитый отчасти Марксом в «немецкие мехи», более раннего происхождения. Разработанный в 1843 г. Моисеем Гессом и Карлом Грюном чисто философский социализм в Германии, который Марксом и Энгельсом саркастически был назван «истинным социализмом» соответственно грюновскому «истинному образованию», нашел свое отражение во многих газетах и журналах, особенно на западе Германии. Главным органом этого направления Беккер считает «Трирскую газету». Но и «Sprecher oder Rheinisch-Westphälischer Anzeiger», «Weserdampfboot» (Westphälisches Dampfboot), «Gesellschaftsspiegel», «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlicher Reform», «Deutsches Bürgerbuch» и «Allgemeines Volksblatt» были выразителями основ «истинного социализма» в Рейнской провинции и в Вестфалии. Беккер имеет в виду мелкобуржуазное пролетарское движение: понятие «истинный социализм» часто совпадает с «истинным образованием», — или представляет собою название нового экономического учения о спасении и общественной религии при мирном обновлении общественного строя. «Цель исторического исследования должна заключаться в выяснении той социалистической системы, идеологами которой являются вышеупомянутые органы печати, в определении той позиции, которую занимал «истинный» социализм по отношению к политическим, хозяйственным и культурным злободневным вопросам. Оно должно показать, насколько он отличается от марксовского... и является ли последний столь же утопическим, как и его предшественники». («Vorwort», S. 3.). Настоящая диссертация представляет только первую часть и рассматривает только «Трирскую газету», не написанная же еще вторая часть должна охватить всю названную выше прессу. Источники ограничиваются главным образом газетами, брошюрами и летучими листками из архивов городов Трира, Кельна и берлинской библиотеки, а также документами из тайных государственных архивов Кобленца и Берлина.

Труд Беккера распадается на две части: 1. История газеты, редакция, сотрудники, подписчики и конкурирующие предприятия; 2. позиция в важнейших политических и хозяйственных вопросах дня. Первая часть ограничивается главным образом установлением сотрудников, по часто меняющимся корреспондентским знакам, и историей газеты; при этом даются многие ценные биографические сведения и характеристики отдельных сотрудников. До 1842 г. газета не имела определенных политических тенденций и была совершенно бесцветна как местная газета. Владельцы ее, братья Гецеродт, преследовали только денежные интересы. Лишь в 1842—1843 гг. наступила решительная перемена, причиной которой является смягчение цензурных условий при Фридрихе-Вильгельме IV, перемены в редакции и запрещение «Рейнской газеты». «Наибольшее значение для «Трирской газеты» имел, повидимому, пример «Рейнской газеты», хотя она после это отрицала, и ее запрещение... Когда в 1843 г. гордая мученица «Рейнская газета» пала под ударами цензуры, часть сотрудников, «дикие элементы», которые не могли найти почвы для своих радикальных идей ни в одной рейнской газете, перешли в «Трирскую газету» (S. 18).

Число подписчиков благодаря этому поднялось с 700 на 1 января 1841 г. до 1250 в 1844 г. Среди более или менее точно установленных сотрудников «Трирской газеты» мы находим, в качестве трирского корреспондента, радикального влиятельного врача д-ра Шлейхера, купца Цетто и д-ра Венцелиуса,— трех бывших акционеров Рейнского газетного общества, которые, повидимому, были дружны с молодым Марксом (по их предложению он подписал петицию королю о снятии запрещения с «Рейнской газеты»); государственного прокурора Шорнбаума, адвоката Целя, Людвига Симона, Гау (Haw), Юниора, Вальденера и других; в качестве иностранных сотрудников — землевладельца Фридриха Германа и виноторговца Рихтера (оба из Мюльгейма на Мозеле), затем Петра Кобленца из Бернкастеля, того самого, который доставил материал для мозельских статей Маркса в «Рейнской газете»; он теперь продолжал свою деятельность защитника бедных мозельских крестьян в «Трирской газете». Берлинским корреспондентом после лояльного Леопольда фон-Цедлица с 27 ноября 1842 до начала 1844 г. был писатель Генрих Бетцих (Бета). Его радикальные корреспонденции, напечатанные в духе берлинских «свободных», обнаруживают прекрасное знакомство с делами главных городов. 12 марта 1844 г. его сменил д-р Эдуард Мейен. Благодаря его сотрудничеству газета тогда заняла резкую позицию против Маркса в пользу Грюна и Прудона. Грюн в 1843 г. стал постоянным сотрудником газеты и именно он придал ей определенную окраску. Его отношение к Марксу и Энгельсу известно. Он, без сомнения, был хорошим публицистом и самым умным сотрудником газеты. Так как его манера писания характерна для всего кружка «Трирской газеты» и всего «истинного» социализма, то мнение Беккера о стиле Маркса и Грюна не лишено интереса. «Что касается его [Грюна] стиля, — говорит он, — то легкий стиль, который он усвоил себе в Маннгеймской газете, отличается тщательной отделкой, изяществом, живостью и вольностью, имеет ироническую окраску и пересыпан пикантными анекдотами. При суждении о его газетном стиле нельзя не упрекнуть его в игривой публицистике. Грюн был музыкантом, виртуозом в языке... Если Маркс был ваятелем, который уверенно действует резцом, то Грюн был поверхностным, игривым, задорным гением, которому решительно недоставало рельефности, придающей определенную форму расплавленному металлу. Ему была чужда та систематичность, которой отличалась железная конструкция его противников. Его изложение отличалось образностью, мягкостью и теплотой по отношению ко всем свободным учреждениям; его диалектика отличалась остротой и ловкостью» (S. 35).

Из остальных сотрудников следует упомянуть Карла Блинда «из Неккара» (Гейдельберг), Гекзамера, «правоверного» еврея Бенфи из Галле, д-ра медицины Пинова из Бреславля, Юлия Фрёбеля из Цюриха, Георга Ширгеса, редактора «Телеграфа» в Гамбурге, друга и покровителя Вейтлинга, д-ра медицины Вельтена и литератора Веккерея из Аахена, Эрнста Дронке (вероятно) и др.

Что касается руководства редакцией, то переход ее в 1841 г. в руки прежнего управляющего типографией Гецеродта, Фридриха Вальтра, имело огромное значение. Беккер характеризует Вальтра как редактора, способности которого, как опытного типографа, ограничивались технической частью, составлением корреспонденций и т. д.; таким образом, в «Трирской газете» не редактор давал направление сотрудникам, как Дюмон в «Кельнской» или Маркс в «Рейнской», а, наоборот, направление газеты определялось направлением ее сотрудников. После того как газета, бла-

годаря сотрудничеству «диких элементов» и в особенности Грюна, решительно выступила в защиту социализма, Вальтр стал больше редактором для внешних сношений, «юридическим козлом отпущения», в самой же редакции работал квалифицированный помощник редактора, — как, например, с мая 1845 г. до весны 1846 г., Вейдемейер, который, однако, вскоре был устранен из-за его «коммунистического радикально-социалистического направления». Незадолго до февральской революции Вальтр откупил газету и поручил редактирование ее К. Грюну по возвращении последнего в Германию в 1848 г.

Таковы весьма ценные историко-биографические указания Беккера. Этим, конечно, не исчерпывается вопрос. Разработка до сих пор мало использованной литературы того времени и партийных архивов, которыми Беккер не располагал, может заполнить некоторые пробелы. Напомню, например, роль «Трирской газеты» в деле Вейтлинга и ее отношение к ремесленному коммунизму, а также сотрудничество в газете Вейтлинга и «отца истинного социализма» Моисея Гесса, о котором Беккеру, повидимому, ничего не известно. Имеющееся в наследстве Гесса (центр. архив германск. с.-д. партии в Берлине, фотоснимки в архиве Института Маркса и Энгельса) письмо Вейтлинга к Гессу из Трира от 2 сентября 1845 г. показывает, что первый в конце лета 1845 г. инкогнито оставил свое изгнание в Лондоне и занял место помощника редактора в редакции. В соответствующем месте письма читаем:

«Я сижу здесь в конторе редакции и пишу. В [альтр] с воскресенья в отъезде, и я здесь один, т. е. под присмотром господина Гецеродта, который в особенности следит за тем, чтобы не было нападок на религию. В[альтр] будет по крайней мере две недели в отсутствии. Если можешь, позаботься о каком-нибудь материале; хотя цензура очень строга, но все же она очень глупа... К великой досаде моей эта история отнимает у меня столько времени, что у меня не остается времени для писания, между тем у меня имеется много пунктов, по поводу которых мне хотелось бы написать, а по приезде В[альтра] это будет невозможно. Искренне благодарен тебе за твои примечания к немецко-католической статье, но она целиком перечеркнута; вчера такая же участь постигла другую мою статью о здешнем бюро рекомендации труда. Если В [альтр] не пошлет ее в высший апелляционный цензурный суд, то я в другом месте по косточкам разберу это учреждение. «Твоя статья из Дюисбурга перечеркнута, статьи из Лемго В[альтр] не взял. По поводу последней у меня была с ним очень резкая переписка (я послал обе статьи в «Dampfboot»). Я еще не знаю точно, когда мне удастся отсюда уехать, но во всяком случае не раньше 20-го».

Из этого письма видно также, что Вейтлинг с некоторым презрением относился к роли в редакции Вальтра (так как под «В» Вейтлинг, конечно, подразумевал Вальтра, а не Вейдемейера) и Гецеродта.

Во второй, более обширной части диссертации рассматривается позиция «Трирской газеты» в важнейших политических и экономических вопросах дня. Отношение к Таможенному союзу не было единым: иногда преобладал принцип свободы торговли, иногда принцип протекционизма. Сотрудники-северяне (Бета, Мейен и др.) были сторонниками первого, южане же (Грюн) были сторонниками второго (SS. 60—70). Русско-польский вопрос встречает там враждебное отношение; поляков причисляют к нациям, приходящим в упадок; этот взгляд газета сохранила также и после восстания 1846 (?) года (S. 89). Затем рассматривается также позиция газеты в вопросе об отношении Рейнской провинциии к Пруссии (SS. 91—94), о коммунальной конституции (S. 406), о свободе печати

(S. 111), о городских комитетах (SS. 115—116), о реформе обложения (S. 118), об объединенном ландтаге (SS. 133—138), о пропаганде в пользу силезских ткачей и социальной реформы (S. 109), о союзе трудящихся классов (S. 117) и т. д. Интерес представляет также и антимилитаристская пропаганда газеты. Она выступила «с ни с чем не считающейся защитой всех тех офицеров, которые были уволены за их свободные взгляды, не подобающие солдатам». (S. 98).

Нам, конечно, важнее всего ее понимание истории и государства, так как она являлась представительницей грюновского направления «истинного» социализма. Высшим приницпом для нее являлась «солидарность всех людей», свободная личность, автономия индивидуума. Ее рассуждения и требования исходят из этого высшего основного принципа.

«Трирская газета» — противница учения о королевской власти божьей милостью, она строит свое государство на основе естественного права, но в этом индивидуализме естественного права есть много антииндивидуалистических элементов, есть понятие «общечеловеческого» и другие обязательные второстепенные явления. Тусклые краски расплывчатого индивидуализма и коллективизма сливаются вместе.

По вопросу об образовании государства и его цели эти черты выступают еще яснее. «Трирская газета» различает три теории: религиозную, историческую и разумную. В христианской теории образования государства газета не видит возможности решения вопроса о компетенции государственной власти. Точно так же мало доказательна и историческая теория, ибо из существования того, что̀ появилось, вовсе еще не следует, что оно необходимо. Государственная власть, возникшая из первобытной анархии как право сильного, образовавшаяся, следовательно, только исторически, в действительности не нуждается в оправдании своего существования. Государственную власть как необходимость она видит исключительно в разуме, так как разум требует реализованной вне индивидуума силы как «представительства разума» или как «воплощенного самосознания государства». Конституционной основой этой государственной власти является договор, да и вообще только теория договора дает возможность установить нечто не случайное или произвольное, как выходит с точки зрения теории происхождения государственной власти из права сильного или из сеньериальной собственности. Вместе с тем это решение является в то же самое время также и выражением свободного самоопределения, которое будто бы не передавалось явно или неявно (стр. 360). Эти конструкции и понятия доказывают, что «Трирская газета» стоит на точке зрения договора Руссо и отвергает как учение Радовица о сословном государстве (S. 361), так и учение Шталя о христианском государстве и учение Галлера о национальном государстве (S. 362). Но посредством этого теоретического отрицания псевдофилософии неошеллингианства она стала также практически противницей прусского государства, которое «Preussische Staatszeitung» еще в 1843 г. называла государством с «христианскими учреждениями» (SS. 123—125).

В практической повседневной политике она резко выступала против конституционализма, либерализма и представительного строя. В течение долгого времени она скорее была за реакцию и считала, что абсолютная монархия больше содействует социализму, чем денежное хозяйство либерализма. Лишь к концу 1847 г. начало проникать сознание, что без перехода к конституционному государству вообще невозможен никакой прогресс. Но всякая последовательная политическая программа была ей чужда. Она громила буржуазию, бюрократизм и милитаризм, но этим

дело ограничивалось (S. 141). Она считала себя органом «общественной совести» и отстаивала принцип «гуманного человека»; газета даже не считала необходимой политическую революцию, если будут удовлетворены два требования: свобода печати и свобода ассоциаций, которые она считала волшебным мостом, ведущим в ее чудесную социалистическую страну с «прозаическим регулированием заработной платы и стоимостей» (S. 141—142). Когда произошла февральская революция, которая вывела ее из ее фантастических мечтаний, но «не застала ее врасплох», она совершенно лишилась какой бы то ни было практической программы действия и усматривала даже опасность в революции, но вскоре опомнилась и выступила с луи-блановскими требованиями для пролетариата. Все поведение газеты во время революции и контр-революции в Германии опять-таки далеко не было единым и последовательным. По характеру своего идеологического направления она оставалась верной утопическому «истинному» социализму и постоянно колебалась между фантазией и действительностью, то возлагая розовые надежды на новые учреждения, то спустя короткое время впадая в самый отчаянный пессимизм; она не в состоянии была в любой момент дать правильную оценку политической ситуации. В общем «Трирская газета» отстаивала интересы республиканской партии в Трире (Людвиг Симон) и стояла на точке зрения демократической республики; но под ней она подразумевала «республиканскую монархию» Мабли, затем «федеративную республику» и наконец «демократические соединенные штаты Германии». Но когда газета испытала целый ряд разочарований и когда она не могла осуществить своих идей о праве на труд и на хлеб, об эмансипации пролетариата, организации труда и т. д., наконец, когда потерпела крушение ее последняя надежда, — Франкфуртское национальное собрание, от которого она ожидала создания такого идеала государства, как государство Платона для Греции (S. 155), — у нее в виде последнего якоря спасения при кораблекрушении не оставалось ничего кроме защиты новой революции, вспыхнувшей в Бадене, Дрездене и Пфальце (S. 177), хотя она прежде выступала против Гервега с его инсургентской романтикой и его «бандами французских немцев» (S. 159). А когда погасли последние искры революционного восстания, газета нашла в «собственности объяснение всей залитой кровью, фанатически холодной реакции, начиная с июньских дней 1848 г.» (S. 182). Ее взгляды на демократию подверглись многим переменам; теперь она под нею разумела уже не какую-либо государственную форму, потому что выборы кладут конец господству народа, его делами заведуют представители. Демократия теперь есть господство разумного человеческого духа, имеющее целью всеобщее образование, облагорожение свободного духа и действительных граждан государства, которым нужны лишь работа и хлеб, чтобы подняться из низших сфер в высшие. Она делает последний шаг через парламентаризм и демократию в политический хаос, чтобы довести до конца свой политический идеализм... Демократия побила себя своей собственной идеологией и в отчаянии делает вывод: «никто не должен властвовать — утикратия». После долгих идеологических размышлений грюновское направление немецкого «истинного» социализма пришло, наконец, к анархии. Газете больше не о чем было говорить; в 1851 г. она была запрещена.

Эта вторая часть диссертации в сравнении с историко-биографической имеет гораздо меньшую ценность, так как именно тот материал, которым она выгодно отличается от всех других органов рейнского «истинного» социализма — отражение различных направлений в «истинном» социа-

лизме, — не оценен Беккером. Он даже не сделал попытки распределить этот материал а, очевидно, a priori исходил из предположения, что в рейнских органах печати представлено только направление Гесса-Грюна. Если бы автор не ограничивался своими прямыми источниками, а обратил бы немного больше внимания на периферию, то он наверное при своем определении теоретического направления газеты пришел бы к заключению, что «Трирская газета» велась не только в прудоновско-грюновском направлении, но часто шла по пути бруно-бауэровской «Критической критики», штирнеровского «Единственного» и др.

Что касается отношения Маркса к «Трирской газете», то уже как редактор «Рейнской газеты» он выступал против ее половинчатости. Речь шла об умершем весной 1843 г. силезском авторе «Евангелия для мирян» Фридрихе фон-Залетте, которого «Трирская газета» думала почтить, называя его представителем *истинного* христианства. Маркс выступил с резкой полемикой против этой неправильной апологии («Rh. Z.», № 71 за 12 марта 1843; Marx-Engels Gesamtausgabe I, 1; 391 ff). И когда позднее «Rheinische Beobachter» назвал целый ряд имен сотрудников «Трирской газеты», в том числе и Маркса, последний заявил, что «никогда ни одной строчки не написал для этой газеты, буржуазно-филантропические, а не безусловно коммунистические, тенденции которой ему совершенно чужды» («Triersche Zeitung» № 26, январь 1846 г.). Маркс точно так же напечатал в «Deutsch-Brüsseler Zeitung» 8 апреля 1847 г. заявление, направленное против «Трирской газеты» («Berliner Korrespondenz» от 20 марта) по поводу Анти-Прудона Грюна. И пролетариат, за права и освобождение которого газета претендовала выступать, также мало ею интересовался. Круг ее читателей состоял почти исключительно из людей среднего уровня образования небольших провинциальных городов и части образованной публики, которые были очарованы заманчивыми картинами государства будущего.

Диссертация Беккера выполнила одну из задач, которые поставил себе ее автор: она опирается на тщательно и добросовестно собранный материал, ценный для исследователя социальных движений 40-х годов. Диссертация не разрешает, однако, двух остальных задач, намеченных автором: доказательства преимущества «немецкого» социализма перед французским, а также анализа того, чем отличается «истинный» социализм от социализма Маркса. Первому пункту нельзя придавать серьезного значения, он только в связи с его «национальным» направлением красной нитью проходит через всю работу автора. В общем работа заслуживает внимания, и было бы желательно, чтобы она вскоре появилась в печати вместе с ненаписанной еще частью об остальной прессе «истинного» социализма в Рейнской провинции.

Ф. Шиллер.

Harald Feddersen, Das Feuilleton der sozialdemokratischen Tagespresse Deutschlands von den Anfängen bis zum Jahre 1914 (Mit einem Überblick über das sozialistische Feuilleton von August 1914 — Mai 1922). Leipzig, Philosoph. Fak., XLIII, S. 154.

Эта диссертация представляет собою первую попытку научного исследования вопроса о социалистическом газетном фельетоне. Она ограничивается ежедневной печатью германской социал-демократической партии. Журналы и профессиональные газеты не рассматриваются. Работа распадается на: 1. Введение; 2. происхождение социал-демократического фельетона; 3. развитие; 4. организацию и технику; 5. приложение (указатели и библиографический список) и заключительные выводы. Мы не распо-

лагали важнейшими отделами 3. и 4., вследствие чего мы должны были, во-первых, отказаться от критического обсуждения теоретических взглядов автора, чтобы не впасть в ошибки на основании одних только имеющихся у нас частей, и, во-вторых, в обсуждении по существу ограничиться предшественницей социал-демократического фельетона, социалистической прессой 40-х годов.

Из всех частей современной ежедневной печати, — говорит в Введении автор, — фельетон наименее исследован. Объяснение этого явления он видит в том, что именно фельетон трудно поддается объективному изучению и в отличие от всех других частей газеты меняется по содержанию, форме и идее. Кроме того, если беллетристика появляется не в форме книги, ученый считает ее чем-то второклассным. Вообще и по сей день обыкновенно принято считать фельетон простым придатком, необходимым злом, отделом, противоречащим самой сущности ежедневной газеты. Эти препятствия, продолжает автор, являются главной причиной, почему до сих пор в буржуазной науке есть только три работы, подробно изучающие фельетон: статьи Эрнста Экштейна, Тони Келлен и Фридриха Менье. Затем автор подвергает резкой и справедливой критике эти работы, имеющие очень ничтожное значение для решения этой проблемы. После этого идет краткий обзор дальнейшего исследования фельетонов — по большей части это статьи о современном характере газеты. В эту общую историю буржуазного фельетона, который в немецкой прессе появился по французскому образцу впервые в 1838 г., в «Kölnische Zeitung», Феддерсен включает также историю социалистического газетного фельетона, начиная с 40-х годов. С точки зрения *газетной техники*, автор следующим образом определяет фельетон: «Фельетон, это — та часть ежедневной газеты, в которой содержатся актуальные и неактуальные сведения из всех сфер художественной духовной жизни; он обыкновенно помещается под чертой газеты или же в отдельных приложениях и свободных отделах и вне этой черты». В *общей* форме это понятие можно вратце определить следующим образом: «Фельетон ежедневной газеты есть общий обзор актуальных и неактуальных вопросов, которые затрагивают все стороны духовной художественной жизни и при выборе которых обыкновенно руководствуются формальными или культурными соображениями; им придается особенная, соответствующая цели, социалистическая форма». По форме это определение понятия фельетона вполне приемлемо, по *содержанию* же оно нуждается в существенных дополнениях.

Затем Феддерсен рассматривает происхождение социал-демократического фельетона в прессе домартовского «истинного социализма», в рабочей прессе 1848—1849 гг. и в первую очередь в «Рейнской» и «Новой рейнской газете». В общем, по поводу этого отдела можно сказать на основании данных в приложении весьма ценных указаний и библиографического указателя, — что если автор чувствует себя уверенным в истории социал-демократической прессы после 1864 г., то в исследовании прессы 40-х годов суждения его часто очень поверхностны. Только изучение фельетона «Gesellschaftsspiegel» и «Westphälische Dampfboot» можно считать удовлетворительным. Что же касается изучения обоих главных органов печати 40-х годов, «Рейнской» и «Новой рейнской газеты», то, если принять во внимание огромное значение этих органов печати, во главе которых стоял Маркс, исследование это слишком поверхностно и написано с недостаточным знанием дела. Специально же по отношению к «Рейнской газете» у автора встречаются некоторые ошибки; так, например, Георг Веерт не только не был редактором и автором приписанных ему Феддерсоном фельетонов, но он вообще не был сотрудником газеты; то же самое отно-

сится и к Генриху Лаубе, единственная статья которого представляет перепечатку. Перечисленные фельетоны как раз не являются самыми характерными, а между тем на основании их можно было бы сделать вывод, что фельетоны в «Рейнской газете» носили *младогерманский характер*. Но это весьма расплывчатое определение может относиться разве только к ряду прозаических статей об искусстве и театре берлинских сотрудников из кружка «свободных» (особенно Эдгара Бауэра и Эдуарда Мейена), которые Маркс в письме к Руге от 30 ноября 1842 г. называет «бессодержательными статейками», написанными «плохим слогом, с некоторым оттенком атеизма и коммунизма, которого эти господа никогда не изучали»,— Маркс, который в этих «пачками» присылаемых статьях вычеркивал столько же, сколько цензор. Во всяком случае, фельетон «Рейнской газеты» в общем носил, в особенности в его поэтической части, политически-сатирический характер, который существенно отличался от тогдашнего эстетического салонного стиля Гуцковых, Мундтов, Лаубе, Кюне и т. д. Многочисленные стихотворения Г. Гервега, Роб. Пруца, Вольфганга Мюллера из Кенигсвинтера, Герм. Пюттмана, Деега из Гейдельберга, Ад. Шультса, Теодора Опица, Фр. Дингельштедта, Людвига Виля и др., впервые напечатанные в «Рейнской газете», доказывают, что газета была центром тогдашней политической лирики; на ее столбцах велась также знаменитая полемика о поэзии между Гервегом и Фрейлигратом, поэзии, «которая видит дальше, чем партийный человек». Но и бóльшая часть прозаических статей, помещенных под чертой, в едко сатирической форме бичует состояние домартовской Германии, например «Непочтительные» в № 189 (1842); «Deutsche Schellenkappen und Kappenschellen» («Немецкий шутовской колпак») в № 341 (1842); «Немецкий Михель» Фр. Кеппена в №№ 1, 3, 5 (1843); «Гамбургский Михель» в № 22 (1843); «Михель в Мекленбурге» в № 41 (1843); «Паспорт Михеля» в №№ 84—85 (1843). На-ряду со статьями Маркса, между прочим, именно стихотворения и политические сатирические статьи в фельетонах по большей части вызывали особенный гнев министров цензуры в Берлине, постоянно влекли за собой выговоры берлинским цензорам и способствовали запрещению газеты. В своей литературно-художественной части фельетон обсуждал все важнейшие литературные новинки по беллетристике, новинки театра и концертов (Э. Мейен и Э. Бауэр). Для Кельна в фельетоне имелась специальная театральная хроника. В фельетонах печатались также статьи и по народоведению, воспитанию и т. п., например статья Энгельса: «Рейнские празднества» (№ 134, 1842 г.), «Дневник посетителя» (№№ 130, 144) и др. многочисленные статьи Макса Штирнера, Адольфа и Карла Штаров, Ц. Ф. Колгауера, К. Науверка, Б. Ауэрбаха, Юл. Мозена, Адольфа Бокка из Геттингена, Морица Флейшера, Фр. Кеппена, Лоренца Штейна, Александра Вахенгаузена, А. Вельмана и др. Общий характер фельетонов «Рейнской газеты», как и весь характер ее вообще, не может быть еще назван социалистическим, но она во всяком случае стала «влиятельным центром социальной критики и политической агитации», — как это все же признает Феддерсен в заключении.

Далее автор очень кратко рассматривает «Deutsch-Französische Jahrbücher», фельетоны которых велись «младогерманскими демократическими элементами и обращались к интеллигентным кругам бюргерства» (S. 42), а затем переходит к прессе «истинного социализма».

По нашему мнению, при переходе от фельетона радикальной политической прессы к фельетону социалистической прессы, хотя бы пока только к «истинно-социалистической», нельзя обойти молчанием *парижский «Vorwärts»*. От фельетонов прежних радикальных газет его фельетон отличался

тем, что он решительно перенес центр тяжести на *социальный* и политический вопрос. До его радикального периода в «Vorwärts'е» не было специального фельетона под чертой. В № 55 появилось известное стихотворение Г. Гейне «Бедные ткачи», за которым тотчас же последовали стихотворения «Новый Александр» (№ 56), «Доктрина» (№ 58), «Просветление» (№ 59) и др. В 85 номере начала печататься «Германия, зимняя сказка». Как известно, эти лучшие политические стихотворения Гейне написаны под влиянием его знакомства с Марксом. С июля до октября 1844 г. Георг Вебер, близкий друг Маркса, также напечатал целый ряд политико-сатирических стихотворений, хотя и не особенно ценных с художественной стороны. Кроме того в фельетонах были помещены социально-политические стихотворения М. Шгальганда, «Ремесленника», Германа Мейрера, Вильг. Марра, рейнского поэта Ад. Шультса, «Тюремные стихотворения» Вейтлинга (S. 195), «политико-социальные стихотворения» Гейнца и Кунца (Людвига Всегера и Августа Беккера, №№ 103, 104). Из прозаических статей, помещенных в фельетонах, следует упомянуть: извлечения из «Code de la Nature» Морелли (№№ 72, 73), «Лессинг как социалист» (№№ 103, 104) и др.

После этих фельетонов, проникнутых уже социалистическими мотивами, рассматривающих социальные проблемы как центральный пункт, мы можем перейти к журналам «истинного социализма», среди которых Феддерсен хотя и вкратце, но по существу рассматривает, как самые типичные, «Gesellschaftsspiegel» и «Westphälische Dampfboot». Чтобы дать исчерпывающую характеристику фельетона или беллетристического отдела печати домарговского социализма, автор должен был бы рассмотреть не только эти два журнала, но и «Rheinische Jahrbücher», «Deutsches Bürgerbuch», «Prometheus», «Sprecher oder Rheinisch-Westphälischer Anzeiger» и в первую очередь главный орган рейнского «истинного социализма — «*Трирскую газету*». Г. Веерт, Герм. Пюттман, Г.-Р. Нейгауз, Т. Элькерс, Ад. Шультс и другие в настоящее время уже давно забытые имена преобладали в фельетонах ранней социалистической прессы. Официальная немецкая история литературы презрительно называла это творчество «идеологической реторикой», если изредка и упоминала о нем. Это творчество до сих пор не нашло еще действительной оценки. Поэтому не безынтересно узнать, к какому результату пришел Феддерсен в своем исследовании этого творчества в «Gesellschaftsspiegel». «Сознательная и энергичная защита беллетристики, имеющей корни в современности, реалистически описывающей социальную борьбу,— говорит Феддерсен, — составляет резкий контраст с мелкобуржуазным прикрашиванием и сантиментальностью в литературе. Далекий от классического понимания искусства, «Gesellschaftsspiegel», подчиняет искусство социальным или политическим задачам, он бессознательно предвосхищает позднейшие требования натурализма», (S. 46).

О фельетоне «Новой рейнской газеты», который по мнению автора также имеет демократический младогерманский (!) характер, автор говорит: «Однако знаменательно, что «Новая рейнская газета», своей позицией в борьбе отражающая направление, *тенденции* социалистической прессы, именно через фельетон внесла агитацию и дискуссионный материал в рабочую среду. Ее фельетон живее фельетона «Рейнской газеты»; он имеет критически-полемический характер, совершенно лишен литературной формы; подобно фельетону «Рейнской газеты» он тенденциозен, но не всегда имеет художественную форму. Некоторые ее («Новой рейнской газеты») статьи являются ошибками самого низкого сорта и представляют скорее низкопробные памфлеты, чем фельетоны руководящего органа. Но с исторической точки зрения они, может быть, были необходимы, и поэтому понятно,

что эта форма нравилась публике». — Далее Феддерсен утверждает, что «Новая рейнская газета» не могла содействовать развитию фельетона для рабочих, потому что господствовавшие в ней демократические младогерманские идеи могли создать только фельетон в младогерманском духе, не подходящий для рабочего. Когда постепенно она стала ориентироваться на рабочих, форма эта просто была отброшена (S. 54). Не говоря уже о том, что выражение «младогерманский», так часто употребляемое автором, чрезвычайно расплывчато и здесь совершенно неуместно, надо по отношению к «Новой рейнской газете» в особенности принять во внимание, что в период такого политического оживления, как 1848—1849 гг., фельетон должен был отказаться не только от своего научно-популярного, просветительно-педагогического характера, но и от сантиментально-социальных элементов «истинного социализма», и концентрировать все свое внимание на актуальных политических событиях. — Редактором фельетонов в «Новой рейнской газете» был Георг Веерт, которого Энгельс называет «первым и самым значительным поэтом пролетариата». Он открыл с № 1 «Новой рейнской газеты» целую серию политико-сатирических «Юмористических очерков из немецкой торговой жизни» и в самом начале уже напечатал ряд остроумных политических стихотворений («Комические императоры» в № 2, «Нытики и смутьяны» в № 33, «Сегодня утром я поехал в Дюссельдорф» в № 44 и др.). С № 66 начинается его роман «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского», в котором описываются приключения графа Лихновского, названного так Гейне в «Атта Троль». Фельетон часто не помещался, потому что газета бывала переполнена актуально-политическим материалом. Фельетоны почти все составлялись Веертом. Только Фердинанд Вольф написал несколько мелочей («Мещанское» в № 23, «Кельнское» в № 62 и «Кое-что из прессы Леви Шмуля» в № 159). Осенью в редакцию вступил также Фрейлиграт и напечатал целый ряд лучших своих политических стихотворений («Вена» в № 135, «Роберт Блюм» в № 146, «24 июня — 24 ноября» в № 160, «Венгрия» в № 184, «Пробуждение» в № 251, «Прощальное слово» в № 159). Маркс и Энгельс всю жизнь гордились поэтическими произведениями «Новой рейнской газеты». Они особенно высоко ценили Георга Веерта, умершего уже в 1856 г. Так, в статье о нем в 1883 г. Энгельс писал: «Веерт взял на себя фельетон «Новой рейнской газеты», и я сомневаюсь, чтобы в какой-либо другой газете когда-либо были более живые и едкие фельетоны... В самом деле его социалистические и политические стихотворения по оригинальности, остроумию и в особенности по горячему чувству значительно превосходят стихотворения Фрейлиграта. Он часто пользовался гейневскими формами, но лишь с тем, чтобы наполнить их совершенно оригинальным, самостоятельным содержанием («Züricher Sozialdemokrat» № 24 от 7 июня 1883 г.).

При более глубоком изучении материала фельетонов ранней эпохи социализма мы видим, что влияние младогерманских кругов и их «аристократически-полемический отпечаток» гораздо слабее. Но в рамках обширного основательного труда Феддерсена и этот отдел о происхождении социалистического фельетона представляет довольно ценный вклад, если не считаться с его поверхностностью и исправить некоторые ошибки. Мы упоминали уже выше, что, к сожалению, у нас, собственно, нет отделов об истории социал-демократического фельетона — вместо этого мы печатаем в виде тезисов выводы Феддерсена — несмотря на некоторый их формализм, они в отдельных пунктах, по крайней мере, имеют большой интерес:

«Настоящий социал-демократический фельетон оформился в 1864—1875 гг. в «Sozialdemokrat'е», в «Volksstaat'е» и в «Новом социал-демократе».

Со *вступлением в силу закона о социалистах* (1878 г.) социал-демократический фельетон стал, с одной стороны, делом политической агитации и одностороннего поучения, с другой стороны — центром филистерской сантиментальности и представителем мелкобуржуазного течения в искусстве.

Во время действия законов о социалистах (1878—1890 гг.) фельетон ежедневной социалистической прессы сократился до самых ничтожных размеров. Партия пыталась создавать новые газеты, но лишь цюрихский «Социал-демократ» приобрел некоторое значение. Основание «Berliner Volksblatt'a» в 1884 г. послужило началом нового развития партийной прессы и вместе с тем и началом социал-демократического фельетона.

С начала 90-х годов период социал-демократического фельетона, находящегося под мелкобуржуазным филистерским влиянием, медленно уступает место развивающемуся в рабочей прессе натурализму. Социал-демократический фельетон приобретает литературно-полемический отпечаток.

С 1898 г. социал-демократический фельетон все более приобретает свой особенный характер: 1) склонность к политическим вопросам; 2) разработку популярно-педагогических вопросов и ценностей; 3) подчеркивание духовной актуальности.

Театральная критика играет активную роль в социал-демократическом фельетоне. Ее активное участие в жизни театра проявляется в критике организации театрального дела, посещений театра, приглашений новых артистов, составлении программы спектаклей, внесении предложений для рабочих спектаклей и народных театров.

Научно-популярные статьи занимают довольно видное место. Они заимствованы главным образом из естествознания, техники и социальных наук.

Статьи по литературе, театру, искусству и музыке, написанные специалистами, помещаются в социалистическом фельетоне большею частью в особых приложениях в такой форме, которая находится под влиянием популярно-педагогических задач.

Ежедневная социалистическая пресса по популярно-педагогическим соображениям обыкновенно сознательно отклоняет *роман* и *новеллы*, печатающиеся большею частью в общих журналах, а также в большей части видных буржуазных газет (H. Courths-Mahler, Anny Wothe, Thusnelda Schuster, Fr. Lehne u. a.). Она обыкновенно печатает или хорошие старые романы классиков или других хороших, известных авторов; или произведения скандинавских и восточно-европейских поэтов и писателей, поскольку они имеют художественное и этическое значение.

Организация и техника социал-демократического фельетона определяется его партийным характером. Часто используются корреспонденции. Социал-демократический фельетон богат приложениями. Партийные писатели придают ему свой отпечаток. Можно указать на влияние хозяйственности на социал-демократический фельетон.

Новейшее развитие социалистического фельетона обнаруживает тенденцию к ослаблению политического элемента и к сохранению духовного нейтралитета. Коммунистический фельетон является выражением партийной политики».

Ф. Шиллер.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I

Прошу поместить некоторые фактические мои замечания к изданию писем Бакунина к Альберу Ришару («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III).

К стр. 348, примеч. 1: Письма были использованы также Джемсом Гильомом в его L'Internationale, I (1905) и II (1907) именно по моей копии для напечатанных уже мест и сличения их с подлинником; см. L'Internationale, I, pp. 284—285, II, pp. 79—81. Письма от 10, 16, 23 августа и 4 сентября 1870 г. появились целиком с моими комментариями в Obras de Miguel Bakunin. (Буэнос-Айрес) I (1924), XIII—XXIX (помечено 16 июля 1923). Там есть также объяснение непонятных мест в письмах от 16 и 23 августа, которое коренным образом отличается от толкования русского издателя. Однако я считаю нужным особенно отметить некоторые фактические ошибки. Так, на стр. 353, примеч. 5: «Тридон (?)».

Так как в рукописи сказано:

...«le commissionnaire de Paris. Or les amis (здесь выпало слово disent, écrivent или croient) qu'il n'était»... [1], «Or» (Но) было, таким образом, принято за «Tr» (Тр).

Стр. 356, примеч. 2: «Трусова?»

С Трусовым Бакунин порвал сношения уже задолго до 14 апреля 1869 г., как видно из его письма от 26 января (à tous ces messieurs) (всем этим господам). В рукописи, по-моему,стоит не Т, а Ф; это может означать только Фанелли, который по своем возвращении из Испании остановился в Женеве: это был именно подходящий человек для короткого путешествия по конфиденциальному делу.

Стр. 374, примеч. 2: «tares» (в тексте тары) или «turcs».

В рукописи сказано turcs (турки), и место это относится, может быть, к деньгам, которые следует получить от болгарских революционеров в Константинополе или в Румынии, так как все место, говорящее о деле с «вином», относится к известным планам или возможностям, как я старался объяснить это в Obras, prologo, а не соответствует значению, которое придал ему русский издатель. Статья Ришара за 1896 г. показывает, что ему был понятен этот способ выражения (turcs).

Стр. 349, примеч. 2: «Эдгар» — Джемс Гильом.

Письмо помечено 4 декабря 1868 г. Так как Гильом впервые познакомился с Бакуниным только 2 и 3 января 1869 г. (см. L'Internationale. I, 108), то это объяснение не имеет и тени правдоподобия.

Стр. 350, примеч. 3, и 351, примеч. 1: «Жан» — скорее Мрочковский, чем Загорский; «Жак», может быть, — Мрочковский или Жуковский; «Гам-

---

[1] ...«парижский комиссионер. Но друзья (здесь выпало слово «говорят», «пишут» или «думают»), что он не был»...

бург», это — И.-Ф. Беккер, а Жак, стр. 351, строка 7, примеч. [1], и осто слово «jusque».

Ввиду указанных уже возможных ошибок в русском тексте и в его толковании я просил бы редакцию проверить это место в оригинале письма. В 1901 г. я прочел его следующим образом: «Hamburg de son côté travaille bien, il organise avec beaucoup d'activité et partout. — Jacques a répandu nos échantillons et nos programmes en Allemagne». («Гамбург с своей стороны работает хорошо. Он ведет организационную работу с большой активностью и повсюду. — Жак распространил наши образцы и наши программы в Германии»...)

Из тогдашних писем Бакунина к Гамбуцци, которые вскоре будут опубликованы, видно, что Бакунин настойчиво побуждал Гамбуцци к энергичной деятельности для организации в Италии интернационального Альянса, и его записка к Ришару как раз и выражает удовлетворение по поводу деятельности Гамбуцци. — И.-Ф. Беккер, — которого то *место* письма, где *впервые* сказано *Жак*, называет «être précieux» (драгоценным человеком), от которого Бакунин ожидает, что он «tôt ou tard» (рано или поздно) «pour nous» («для нас») станет «très cher ami» («очень дорогим другом»), — в то время, таким образом, (и никогда), не был еще близким другом, и это именно относится к Беккеру, которого Бакунин вполне основательно не посвящал в тайные дела, но который принимал активное участие в официальном интернациональном Альянсе и в секции Альянса. Напечатал же он перевод *программы* и *устава* Альянса («1. Альянс признает атеизм» и т. д.) в виде отдельной брошюры: «*Международная Ассоциация рабочих. Международный Альянс социал-демократии*» (Genf, Buchdruckerei Witwe Oettinger et C-ie, 3. p. 88), — очевидно, оттиск из «Vorbote» (Предвестник), которого у меня теперь нет под руками. Бакунин пишет *об этом:* «Jacques a répandu nos échantillons et nos programmes en Allemagne». Если бы я вместо «Jacques» по ошибке прочел «jusque» (стр. 351, примеч. 1), то какой, спрашивается, грамматический смысл имел бы по-французски текст: Jusque a répandu nos échantillons»? Поэтому прошу проверить это место.

С почтением *М. Неттлау.*

II

Ответ на замечания Макса Неттлау

Некоторые замечания М. Неттлау представляются приемлемыми. Так, весьма возможно, что в письме от 14 апреля 1869 г. (стр. 356) нужно читать не T, а Ф, т. е. что здесь имелся в виду Фанелли. Мне самому чтение «Трусов» показалось сомнительным, и я сопроводил это имя вопросительным знаком. Точно так же возможно, что в письме от 23 августа 1870 г. (стр. 374) нужно читать не tares, а turcs и что речь идет здесь о деньгах, которые Бакунин по рассказу Ришара ожидал от болгарских четников. Возможно также, что под Эдгаром на стр. 349 разумеется не Гильом, однако Неттлау не указывает, кто же скрыт под этим псевдонимом. Но с другими замечаниями Неттлау никак нельзя согласиться.

Он утверждает, что в письме от 11 декабря 1868 г. (стр. 353) стоят не буквы «Тр.», каковые мы расшифровали как Тридон, впрочем оговорив свое толкование вопросительным знаком, а буквы «Or» (по-русски

[1] В письме Неттлау указана 5-я строка, в «Архиве» это слово находится на 7-й строке примечания стр. 351.—*Прим. ред.*

«но»). При этом Неттлау совершает над оригиналом три насилия: 1) после слов «парижский комиссионер» он ставит точку и разрывает фразу на две части; 2) вставляет несуществующее в оригинале словечко «or» и 3) без всякого основания и без всякой надобности предполагает, что у Бакунина здесь выпало какое-то слово. Проследив, как в письмах Бакунина к Ришару пишется прописное Т и другие прописные буквы, мы убедились и категорически утверждаем, что здесь стоит именно Тр. (Tr.). Подразумевается ли под этими буквами именно Тридон, мы не можем утверждать с абсолютной достоверностью, но это весьма возможно и отвечает смыслу письма. Вдобавок отмечаем, что мы наше толкование означенных инициалов как «Тридон» также сопроводили вопросительным знаком.

Теперь относительно замечаний Неттлау на мое толкование приведенных у Бакунина псевдонимов Жан, Жак и Гамбург (стр. 350 и 351). Неттлау пытается опровергнуть мое толкование псевдонима Гамбург, под которым я подразумеваю И.-Ф. Беккера. Мнение Неттлау, что под Гамбургом скрывается Гамбуцци, а Беккер скрыт под псевдонимом Жак, основано на неверном чтении оригинала. Во-первых, Неттлау, как он сделал это в указанном выше случае, с Тридоном разрывает произвольно фразу и после слова partout ставит точку, да еще закрепляет ее прибавкой тире, а затем слова оригинала «jusqu'à répandre» заменяет неимеющимися в письме Бакунина словами «Jacques a répandu». Внимательная проверка оригинала убедила нас в том, что там сказано именно так, как мы и перевели, а именно «jusqu'à répandre», а не, как предполагает в своем ироническом вопросе Неттлау, «jusque a répandu». Конечно, подобное словосочетание не имело бы никакого смысла, но все дело в том, что такая странная фраза имеется не в письме Бакунина, а в замечаниях Неттлау.

Ю. С.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

МАРКС и ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

под редакцией **Д. Рязанова**

в 27 томах.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Том I. **К. Маркс.** Исследования, статьи, письма 1837—1844 гг. Исправленное и дополненное издание. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. М.—Л. 1928. Стр. XXXII + 663 + 9 вкладных листов портретов, рисунков и факсимиле.

Том II. **Ф. Энгельс.** Статьи и письма 1838—1845 гг. Исправленное и дополненное издание. Под ред. и с предисл. Д. Рязанова. М.—Л. 1929 г. Стр. L + 590 + 9 иллюстраций.

Том III. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Исследования, статьи 1844—1845 гг. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. М.—Л. 1929 г. Стр. XXXIII + +708 + 5 вкладных листов рисунков и факсимиле.

Том V. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Исследования, статьи 1845—1848 гг. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. М.—Л. 1929 г. Стр. XXXIX + +600 + 7 вкладных листов портретов, рисунков и факсимиле.

Том XXI. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Переписка 1844—1853 гг. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. М.—Л. 1929 г. Стр. XXV + 566 + + 4 иллюстрации.

Том XXII. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Переписка 1854—1860 гг.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Томы IV, VI, VII, VIII, IX, XXIII и XXIV.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Томы X, XI, XII, XIII.

Цена двадцати семи томов на хорошей бумаге и в коленкоровом переплете—по подписке 80 рублей.

В розничную продажу издание не поступает.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата: Москва, центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19 и Ленинград, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, а также конторами, книжными магазинами и уполномоченными, снабженными соответствующими удостоверениями во всех губернских и уездных городах СССР.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ:

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. С введением и примечаниями Д. Рязанова. Изд. пятое, дополненное. М.—Л. 1928 г. 16⁰. Стр. 352 + 6 вкладных листов портретов и факсимиле. Ц. 1 р., в папке—1 р. 25 к., в коленкоровом переплете—1 р. 60 к.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. С введением и пояснениями Д. Рязанова. Серия «Дешевая библиотека Госиздата». № 21—22. М.—Л. 1929. 32⁰. Стр. 125. Ц. 20 к., в переплете—30 к.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Вновь просмотренный перевод, дополненный неопубликованными материалами, с примечаниями и указателями. Под редакцией, с предисловием и введением Д. Рязанова. Ц. 3 р., в папке—3 р. 40 к., в коленкоровом переплете—3 р. 60 к.

Ф. Энгельс. Диалектика природы. С предисловием и вступ. ст. Д. Рязанова. С примеч., указателями и библиографией. Изд. 2-е, испр. и дополненное.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

под редакцией **А. Деборина** и **Д. Рязанова**

Томас Гоббс. Избранные сочинения. Перевод А. Гутермана. С предисловием А. Деборина. С портретом Гоббса на отд. листе. М.—Л. 1926. Стр. XXVIII + 276. Ц. 3 р.

Поль Гольбах. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. Перевод Н. Юшкевича. Со вступительной статьей А. Деборина. М. 1924. Стр. XXXV + 578. Ц. 4 р., в пер. 4 р. 40 к.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Том I. Под редакцией и с предисловием А. Деборина. С портретом Дидро на отдельном листе. М.—Л. 1926. Стр. LVI + 360. Ц. 3 р. 50 к.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Том II. Под редакцией А. Деборина. С портретом Дидро на отдельном листе. М.—Л. 1926. Стр. 343. Ц 3 р.

Ламеттри. Избранные сочинения. Перевод с франц. С предисловием А. Деборина. С портретом Ламеттри на отдельном листе. М.—Л. 1925. Стр. LI+ +372. Ц. 4 р.

Джон Толанд. Избранные сочинения. Перевод с английского и латинского. С. предисловием А. Деборина. С портретом Толанда на отдельном листе. М.—Л. 1927. Стр. LXVI + 192. Ц. 2 р. 50 к.

Людвиг Фейербах. Сочинения. Том I. Со вступительной статьей А. Деборина и с примечаниями Л. Аксельрод-Ортодокс. М.—П. 1923. Стр. LIV + 336. Ц. 90 к.

Людвиг Фейербах. Сочинения. Том II. С предисловием А. Деборина. М.—Л. 1926. Стр. XVI + 445. Ц. 3 р.

Людвиг Фейербах. Сочинения. Том III. С предисловием А. Деборина. М. 1924. Стр. VII + 400. Ц. 2 р. 75 к., в папке—3 р.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

СПИНОЗА. Сочинения.
ПРИСТЛИ. Избранные сочинения.
ЛУКРЕЦИЙ. О природе вещей.
ГАССЕНДИ. Избранные произведения.
РОБИНЕ. О природе.
ДИЦГЕН. Сочинения.
ГЕРЦЕН. Философские работы.
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Философские работы.
ЛАВРОВ. Избранные философские статьи.

ГЕГЕЛЬ

СОЧИНЕНИЯ — под редакцией А. М. Деборина и Д. Б. Рязанова в 15 томах:

ТОМ I. Энциклопедия философских наук. Часть I. Логика. Перевод Б. Столпнера Под редакцией А. Деборина и Н. Карева. Вступительная статья А. Деборина. М.—Л. 1929. Стр. CIII + 367. С портретом Гегеля на отдельном листе. Ц. 2 р. 75 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ТОМ II. Энциклопедия философских наук. Часть II. Философия природы.
ТОМ III. Энциклопедия философских наук. Часть III. Философия духа.
ТОМ IV. Феноменология духа. ТОМЫ V—VI. Наука логики. ТОМ VII. Философия права.
ТОМ VIII. Лекции по философии истории. ТОМЫ IX—XI. Лекции по истории философии.
ТОМЫ XII—XIV. Лекции по эстетике. ТОМ XV. Философская пропедевтика. Опыты. Библиография сочинений Гегеля и литературы о нем.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

Круг задач «Архива» определяется задачами самого Института Маркса и Энгельса. Это изучение генезиса, развития и распространения идей научного социализма, иными словами — истории марксизма, его теории и практики. В исполнение этих задач «Архив» печатает исследования и документы по истории международного рабочего движения, генетике и истории марксизма, диалектического материализма, публикует рукописи Маркса и Энгельса, также материалы к их биографии, обзоры современной литературы о Марксе и Энгельсе и о марксизме.

КНИГА I. М. 1924. Стр. 497. Ц. 4 р.

Содержание: От редакции.— **Отдел 1. Статьи и исследования**: А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта.— Э. Цобель. К истории Союза Коммунистов. Кельнская Община Союза домартовской революции.— Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала.— **Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.** К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловия редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к «Немецкой идеологии». Фейербах. (Идеалистическая и материалистическая точки зрения.)— Д. Рязанов. Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции».—**Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса.** В. Засулич и К. Маркс.—Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну.—**Отдел IV. Критика и рецензии.** А. Удальцов. К теории классов у Маркса и Энгельса.— А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства.— Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме.— Ник. Карев. Маркс и Гегель.— И. Луппол и Гр. Баммель. Кант или Маркс.— Г. Тымянский. Исторический материализм.— И. Рубин. Политическая экономия.— Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М.—Л. 1925. Стр. XXXII+504. Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова.— **Приложение**. Вариант введения к «Анти-Дюрингу». Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен.— **Приложение**: Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914—1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М.—Л. 1927. Стр. 521. Ц. 5 р.

Содержание: **Отдел I. Статьи и исследования.** А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте.— Е. Тарле. Лионское рабочее восстание.— **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** Д. Рязанов. От «Рейнской газеты» до «Святого семейства» (вступительная статья).— К. Маркс. Критика философии права Гегеля.— К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства».—Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга).—**Отдел III. Материалы и сообщения.** К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне.—Р. Постгейт. Документы Первого Интернационала.—Е. Косминский. Книга протоколов генерального совета Первого Интернационала (1866—1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта.—Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского «Vorwärts». Письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова.— **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке.— А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии.—Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота.—Г. Лукач. Новая биография М. Гесса.—В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма.—**Рецензии.** Г. Баммель. Демокрит и Платон.— А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе.— И. Рубин. Из новой литературы о марксовой теории денег.—С. Лурье. Социализм в древности.—Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса.—Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской коммуне.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

20р.

М 15

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — Статьи и исследования.— Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами.— Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс к Франкелю и Варлену.—Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала». — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708).—Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. «Бакунин: Государственность и анархия». — Письма и документы. И. Лафарг. Письма к Николаю Кону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге.— Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Клоотса в кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм.— Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Письма об Индии.—И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса.—Письма и документы. Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре «легального марксизма».— М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. К шестидесятилетию первого тома «Капитала». Ф. Энгельс. Четыре рецензии на «Капитал» Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — Статьи и исследования. М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса.—Материалы и сообщения. Из архивных материалов о Марксе.— Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове.—Неизданное стихотворение И. С. Тургенева.— Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам.—А. Воден. На заре «легального марксизма». — Критика и рецензии.—Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению.—Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ. Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову.— К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов.— Два слова читателям-рабочим.— Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии.— М. М. Ковалевский о книге Бельтова.— Материалы и сообщения. Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому.— Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе.— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.— Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком.— Статьи и исследования. Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского.— Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте.— Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским.— Материалы и сообщения. Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервергу.— П. Аксельрод. Группа «Освобождения труда» (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»).— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Выставка Маркса и Энгельса.— Читальный зал 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского.— И. Рубин. Чернышевский как коммунист.—Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк.— Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский.— Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу.— Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах.— Материалы и сообщения. И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»).— Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям.— Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу.— Письмо Жорж-Занд к М. А. Бакунину.— Критика, обзоры и рецензии. Д. Рязанов. Ответ на «открытое письмо» В. Половского.— Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в «Вестнике Комакадемии» за 1922 — 1927 гг.— Рецензии.—Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекция рукописей из архива Ф. Домелы Ньювенгуйса (сообщ. Ф. Шиллера).— «Парижская коммуна 1871 г.», выставка (сообщ. М. Голосовкер).

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ. (Печат.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—4 книги в год — 4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

1929